

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ **vol. V** _ nr. 1

CHIȘINĂU 2010

ISSN 1857-016X

**ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Colegiul de redacție

Redactor șef: dr.hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău)

Redactor responsabil: dr.hab. **Oleg Levițki** (Chișinău)

Secretar de redacție: dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Membrii colegiului de redacție: dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Chișinău), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. **Petre Roman** (București), dr. hab. **Serghei Sanjarov** (Lugansk), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Serghei Skoryj** (Kiev), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), **Larisa Ciobanu** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al "Revistei Arheologice", Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the «Archaeological Magazine», the Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of RM, bul. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами
All the papers to be published are reviewed by experts

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

VASILE DIACONU (*Tg. Neamț*), CONSIDERAȚII PRIVIND TOPOARELE DE LUPTĂ DIN PIATRĂ SPECIFICE EPOCII BRONZULUI DIN MOLDOVA 5

ЕВГЕНИЙ УШУРЕЛУ (*Кишинэу*), ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ДВУУШКОВЫХ ТОПОРОВ-КЕЛЬТОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ 22

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

SERGIU CONSTANTIN ENEA (*Tg. Neamț*), DESPRE ARHEOLOGIA FUNERARĂ NEOLITICĂ ȘI ENEOLITICĂ. PRIVIRE COMPARATIVĂ ÎNTRE ARHEOLOGIA ROMÂNEASCĂ ȘI CEA STRĂINĂ 68

СВЕТЛАНА РЯБЦЕВА (*Кишинэу*), ОБ ОДНОМ ТИПЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ XII-XVI ВВ 80

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

ОЛЬГА ЛАРИНА, ВЯЧЕСЛАВ БИКБАЕВ, КОНСТАНТИН КОНДОРАКИ (*Кишинэу/Сынджерей*), НОВЫЕ АРТЕФАКТЫ КУЛЬТУРЫ ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ СЫНДЖЕРЕЙ 91

АЛЕКСАНДР МОГИЛОВ (*Киев*), К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА 98

SERGIU MUSTEAȚĂ, GHENADIE SÎRBU (*Chișinău*), VESTIGII ALE CULTURII ȘOLDĂNEȘTI-BASARABI DESCOPERITE ÎN AȘEZAREA MAȘCĂUȚI-LIVADA BOIERULUI, RAIONUL CRIULENI, REPUBLICA MOLDOVA 130

OLEG LEVIȚKI, GHENADIE SÎRBU, ANDREI BABII (*Chișinău*), LIPCANI „LA RABII” – UN NOU SIT ARHEOLOGIC CU NIVEL DE LOCUIRE HALLSTATTIAN TÂRZIU ÎN ZONA PODIȘULUI MOLDOVEI DE NORD 142

СЕРГЕЙ КУРЧАТОВ (*Кишинэу*), САРМАТСКИЙ ГОРИЗОНТ МОГИЛЬНИКА ШОЛДЭНЕСТЬ 151

LARISA CIOBANU (*Chișinău*), DOUĂ AMFORE ROMANE INEDITE DIN COLECȚIILE MUZEULUI NAȚIONAL DE ARHEOLOGIE ȘI ISTORIE A MOLDOVEI 162

НИКОЛАЙ ТЕЛЬНОВ (*Кишинэу*), ЛИТЕЙНАЯ ФОРМОЧКА ИЗ ГОРОДИЩА ПОТЫРКА 167

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

РОМАН КРОЙТОР (*Кишинэу*), КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О БИЗОНАХ (*BISON, BOVIDAE, MAMMALIA*) ИЗ ПЛЕЙСТОЦЕНА МОЛДОВЫ 172

**RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CĂRȚI –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Vance T. Holliday, *Soils in Archaeological Research*, Oxford University Press, New York, 2004, 464 p., ISBN 0-19-514965-3 (**RADU PÎRNĂU, Iași**) 189
- Николай Оленковский. *Эпиграветт Восточной Европы. Культурно-исторический аспект*. Херсон, 2008, 430 стр. (**ИЛЬЯ БОРЗИАК, Кишинэу**)..... 191
- Vlad Vornic, Nicolai Telnov, Valeriu Bubulici, Larisa Ciobanu, *Pruteni. Un centru de olărie dacic din epoca romană*, Chișinău, 2007, 247 p., ISBN 978-9975-9519-99 (**OCTAVIAN MUNTEANU, Chișinău**)..... 200
- N.M. Kravčenko, O.V. Petrauskas, R.G. Šiškin, A.V. Petrauskas, *Pamjatniki archeologii pozdnerimskogo vremeni Pravoberežnoj Kievščiny* [*Monumente arheologice de epocă romană târzie din regiunea Kiev de pe malul drept al Niprului*], Kiev, 2007, 456 p., ISBN 978-966-373-223-7 (**VLAD VORNIC, Chișinău**)..... 203
- A.B. Ostrovskij (coord.), *Russkij pravoslavnyj krest v sobranii Rossijskogo etnograficeskogo muzeja* [*Crucea ortodoxă rusă în colecțiile Muzeului Rus de Etnografie*], Sankt-Petersburg: „Art Palas”, 2007, 348 p. (CCLXI pl. col. și CLXXXV pl. alb-negru), ISBN 5-89468-038-7 (**LUDMILA BACUMENCO-PÎRNĂU, Chișinău**)..... 207

IN HONOREM

- К 60-ЛЕТИЕМУ ЮБИЛЕЮ С.А. СКОРОГО (**С.С. БЕССОНОВА, Киев**) 209

IN MEMORIAM

- СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ГОРОДЕНКО (**РОМАН РАБИНОВИЧ, Кишинэу**)..... 212
- ACTIVITATEA ARHEOLOGULUI G.D. SMIRNOV ÎN RSSM (**ADRIAN PELIVAN, Chișinău**) 214
- LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION**..... 217
- INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE**..... 220
- ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА** 222
- INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE** 224
- LISTA Instituțiilor de profil de peste hotare cu care Centrul de Arheologie al IPC AȘM întreține relații de colaborare științifică și efectuează schimb de publicații** 226

CONSIDERAȚII PRIVIND TOPOARELE DE LUPTĂ DIN PIATRĂ SPECIFICE EPOCII BRONZULUI DIN REGIUNILE EST-CARPATICE ALE ROMÂNIEI

Vasile DIACONU, Tg. Neamț

Autorul prezintă câteva considerații privitoare la topoarele de luptă din piatră caracteristice epocii bronzului din zona est-carpatică a României. Din punct de vedere formal, topoarele de luptă din piatră au corpul alungit și profilul drept sau arcuit. Muchia este cilindrică, terminată cu o suprafață dreaptă sau emisferică, iar tășul este arcuit. Unele piese sunt decorate cu linii verticale sau orizontale, care imită detalii ale topoarelor metalice. Aceste topoare sunt confecționate din roci dure, de origine vulcanică, aduse din Munții Carpați sau din Dobrogea. Se presupune că existau ateliere specializate în confecționarea topoarelor de luptă din piatră. Din punct de vedere tipologic, au fost identificate cinci tipuri de topoare de luptă din piatră (tip A-E), dar viitoarele cercetări vor putea completa această tipologie. Topoarele de luptă din piatră descoperite în Moldova își găsesc analogii apropiate în toate culturile epocii bronzului de la vest și sud de Carpați, dar și de la est de Prut. Funcționalitatea acestor artefacte era complexă: arme, simboluri sociale și obiecte de cult. Unele dintre topoarele de luptă au fost descoperite în tumuli, morminte plane sau în gropi de cult. Câteva topoare de luptă din piatră imită topoarele-sceptre din bronz, descoperite în spațiul balcano-carpato-pontic.

K вопросу о боевых каменных топорах из Восточно-Карпатского региона Румынии. Автор приводит несколько мнений в отношении боевых каменных топоров, характерных для эпохи бронзы. По форме каменные боевые топоры имеют удлиненное тело, прямые или дугообразные очертания. Обухи топоров имеют цилиндрическую форму, завершающуюся ровной или выпуклой поверхностью, лезвия дугообразные. Некоторые экземпляры орнаментированы вертикальными или горизонтальными линиями, которые имитируют детали металлических топоров. Эти топоры произведены из твердых пород вулканического происхождения, привезенных из Карпатских гор или Добруджи. Предполагается, что существовали специальные мастерские для производства каменных боевых топоров. Типологически, было выделено пять видов каменных боевых топоров (тип А-Е), не исключено что будущие исследования дополнят эту типологию. Каменные боевые топоры, обнаруженные в Молдове, находят аналогии во всех культурах эпохи бронзы к западу и югу от Карпат, а также к востоку от Прута. Функциональность этих артефактов комплексное: оружие, общественные символы и предметы культа. Некоторые боевые каменные топоры были найдены в курганах, в грунтовых погребениях или в культовых ямах. Боевые каменные топоры имитируют бронзовые топоры-жезлы, обнаруженные в балканско-карпатско-понтийском пространстве.

Considerations regarding the stone battle-axes characteristic of the Bronze Age in Moldova. Formally, the stone battle axes have an elongated stem and a straight or bent side elevation. The edge is cylindrical, ending with a plain or semispheric surface, and the blade is bent. Some pieces were decorated with vertical or horizontal lines that imitate features of the metallic axes. These axes are made of hard rocks of volcanic origin, brought from the Carpathian Mountains or Dobrudja. It is assumed that there were workshops specialized in making these stone battle axes. Typologically, there were five types (type A-E) of stone battle axes identified, but the future researches will be able to fill in this typology. The stone battle axes discovered in Moldavia have close analogies in every culture of the Bronze Age in the west and the south of the Carpathians, but also on the east of Prut. The functionality of these artefacts is complex: weapons, social symbols and cult objects. Some of the battle axes were discovered in cairns, plain graves, or cult pits. Several stone battle axes imitate the bronze axes-sceptres discovered in the balcanic-carpathian-Black Sea area.

Key words: Bronze Age, Moldova, stone battle-axe, typology, functionality

În inventarul litic al epocii bronzului din Moldova, o categorie aparte de artefacte este reprezentată de așa-numitele „topoare de luptă”. Denumirea este oarecum improprie, deoarece nu se cunosc toate elementele care

să permită încadrarea acestor artefacte în categoria armelor. Nu trebuie să excludem faptul că unele dintre aceste piese puteau fi utilizate, contextual, cu scop productiv, ca simboluri sociale, sau ca obiecte cu caracter

ritual. Totuși, pentru a deosebi aceste artefacte de alte tipuri de topoare, vom păstra denumirea, încetățenită în literatura de specialitate, aceea de „topoare de luptă”¹.

În stadiul actual al cercetărilor, evoluția topoarelor de luptă comportă numeroase discuții datorită numărului redus al acestora, dar și a publicării sumare, uneori necorespunzătoare. Din acest motiv, considerăm necesară o analiză cât mai amănunțită a acestor artefacte, cu scopul de a evidenția aria lor de răspândire, evoluția tipologică și aspectele funcționale.

O sinteză a opiniilor

Pentru a crea o imagine de ansamblu asupra stadiului cercetărilor care privesc topoarele de luptă din piatră, vom aminti câteva dintre opiniile edificatoare pentru studiul acestei categorii de artefacte litice.

Într-un articol în care discută despre funcția de armă și cea culturală a topoarelor de luptă, Maria Gimbutas face o analiză pertinentă a acestor artefacte litice, pornind de la definirea și de la stabilirea originii lor pentru spațiul european, până la interpretarea funcțională (Gimbutas 1953, 51-54). În ceea ce privește spațiul românesc, autoarea menționează faptul că topoarele de luptă din piatră au apărut în cadrul culturii Glina (Ibidem, 51).

Deosebit de utile sunt și studiile cercetătorului Milan Zapotocký, care ne oferă o privire de ansamblu asupra evoluției topoarelor de luptă din piatră, caracteristice spațiului european, menționând și unele artefacte descoperite pe teritoriul României. Studiile acestui cercetător sunt cu atât mai valoroase, cu cât realizează și o prezentare tipologică a topoarelor de luptă, în funcție de criterii bine definite. Analiza contextului descoperirilor, ariile de răspândire și evoluția cultural-cronologică sunt câteva dintre cele mai importante puncte de reper în cercetarea acestei categorii de artefacte (Zapotocký 1966; 1989; 1992).

O analiză pertinentă a topoarelor de luptă din piatră, caracteristice epocii bronzului din spațiul vest- și nord-pontic, a fost realizată de cercetătoarea Elke Kaiser, în lucrarea sa despre tezaurul de la Borodino (Kaiser 1997). Într-un capitol al lucrării, cercetătoarea amintită, realizează o tipologie a topoarelor de luptă din piatră specifice epocii bronzului, utilizând și piese descoperite la est de Carpați (Ibidem, 110 și fig. 27).

Privitor la originea topoarelor de luptă din țara noastră, este demnă de menționat opinia lui Al. Vulpe, care le plasează cronologic între sfârșitul culturii Gu-

melnița și începutul culturii Glina (Vulpe 1959, 270-271). Realizând o paralelă între topoarele de metal și cele de piatră, Al. Vulpe a elaborat o împărțire a acestora în două mari categorii: topoarele cu muchia cilindrică și profilul longitudinal drept, care fac parte din *categoria A*, și topoarele cu muchia cilindrică, dar cu profilul longitudinal curbat în jos, incluse în *categoria B* (Ibidem).

Efectuând o analiză a uneltelor de piatră șlefuită din neolitic și epoca bronzului, Eugen Comșa considera că topoarele de luptă au apărut în perioada de tranziție de la eneolitic la epoca bronzului (Comșa 1972, 260), însă noile interpretări indică originea acestor artefacte în eneolitic, când unele topoare perforate ar fi îndeplinit și funcții combative (Boghian 1996, 309; Cotoi, Grasu 2000, 74). Apariția topoarelor de luptă în eneolitic este destul de probabilă, mai ales că pentru spațiul Europei Centrale se cunosc numeroase descoperiri de acest fel (Brandt 1967, Taf. 7; 8; 9).

Interesantă este și ideea susținută de M. Șimon și M. Munteanu, care consideră că apariția topoarelor de luptă cu muchia cilindrică și profilul curbat se poate plasa cronologic, în partea de sud a spațiului carpatodanubiano-pontic, *post*-Glina (Șimon, Munteanu 1990, 106), dar descoperirile arheologice din aria acestei culturi infirmă afirmația celor doi specialiști (Schuster 1997, fig. 32,2; 34,2,3).

În ultimii ani, literatura arheologică s-a îmbogățit cu noi contribuții la studiul topoarelor de luptă din piatră, prilej cu care au fost publicate descoperiri mai vechi sau piese inedite, care permit stabilirea unor arii de răspândire, a unor principii tipologice coerente și a diferitelor aspecte funcționale (Ursu 1995-1996, 541-543; Bobi, Apostu 1997, 33-50; Istina 2000, 285-298; Niculică 2001, 67-80; Niculică ș.a 2004, 267-315).

Pentru elaborarea unor observații pertinente, topoarele de luptă din piatră trebuie analizate după anumite criterii, dintre care amintim: criteriul tehnologic, criteriul tipologic, criteriul funcțional, criteriul geografic, criteriul cultural-cronologic și criteriul statistic.

Caracteristici morfologice

Topoarele de luptă din piatră sunt artefacte care se remarcă prin modul foarte îngrijit de prelucrare, o bună șlefuire, și care au, în general, formă alungită și axul longitudinal drept sau curbat. La unele artefacte se observă o îngroșare a zonei orificiului pentru fixarea cozii², umerii piesei fiind de multe ori proeminenți,

Abrevieri folosite pentru unitățile administrative: BT - județul Botoșani, SV - județul Suceava, IS - județul Iași, NT - județul Neamț, BC - județul Bacău, VS - județul Vaslui, GL - județul Galați, VN - județul Vrancea.

¹ În limba engleză *battle-axes*, în limba franceză *haches* de combat, în limba germană *Streitäxte*

² Unii cercetători folosesc expresia „gaură de înmănușare”, tradusă eronat din expresia franceză „trou d'enmenchement”. Sensul acesteia este de fapt „gaură pentru fixat coada” (Dumitrescu 1963, 225-226).

pentru a spori rezistența la lovituri a obiectului, ceea ce le conferă uneori un aspect naviform. În majoritatea cazurilor, perforația pentru fixarea cozii este cilindrică sau tronconică, amplasată mai aproape de muchie³, pentru a imprima armii o forță mai mare. La un număr redus de exemplare perforația este amplasată central, pe axul vertical. Muchia este cilindrică sau prismatică și se termină printr-un buton emisferic, printr-o suprafață plană sau plan-convexă. La unele dintre artefactele studiate se observă fenomenul de îndoire a muchiei (*Nackenbiegung*), detaliu regăsit și la unele exemplare de bronz (Vulpe 1953, fig. 5). Partea activă este bine evidențiată, tăișul fiind îngust și drept sau lățit și de cele mai multe ori curbat. La unele exemplare se observă în zona tăișului urme de uzură.

Un element specific topoarelor de luptă îl reprezintă decorațiunile întâlnite pe unele dintre aceste piese. Din acest punct de vedere pot fi surprinse atât decoruri în relief, cât și ornamente incizate.

Dintre decorurile în relief, cele mai frecvente sunt liniile (nervuri) longitudinale, dispuse pe fața ventrală și/sau dorsală, imitând cusătura de turnare a unor piese asemănătoare din cupru sau bronz. Topoare care au astfel de decoruri au fost descoperite la Topolița-NT (Diaconu 2008, 135, fig. 6,3), Răcăciuni-BC (Tudor 1973, fig. 3,2) (fig. 1,1), Călugăreni-SV (Ignat 1981, 137), Bălănești-NT (Ursu 1995-1996, 541-543) (fig. 2,3), Hănești-SV (Niculică ș.a. 2004, 276, fig. 2,4), Siret-SV (Ibidem, 281, fig. 2,6) (fig. 2,2), Adâncata-SV (Ibidem, 270, fig. 1,4) (fig. 1,3), Cajvana-SV (Ibidem, 274, fig. 5,4), Bârsești-VN (Bobi, Apostu 1997, pl. 7,6) și Adjud-VN (Ibidem, pl. 7,11).

O categorie restrânsă de artefacte prezintă decor orizontal în relief, aproximativ în partea lor mediană, de o parte și de alta a orificiului pentru fixarea cozii. În acest sens amintim piesele descoperite la Movilița-VN (Ibidem, pl. 7,7), Suceava-SV (Niculică ș.a. 2004, 282, fig. 2,2), Botoșana-SV (Ibidem, 273, fig. 5,3). Un topor descoperit la Adjud-VN are o nervură orizontală dispusă circular, deasupra orificiului pentru fixarea cozii (Bobi, Apostu 1997, pl. 7,11). Am mai putea aminti și toporul de la Lozna-BT, care are pe umeri un decor în relief, sub forma literei „M” (Teodor, Șadurschi 1979, 126, fig. 3,2).

Destul de rar este întâlnit și decorul incizat, așa cum se poate observa pe topoarele descoperite la Bălteni-VS (Maxim-Alaiba, Marin 1994, fig. 11,1) (fig. 2,4) și Giurgești-SV (Niculică ș.a. 2004, 276, fig. 4,5) (fig. 2,1). În ceea ce privește decorul toporului de la Bălteni, care constă în mai multe linii orizontale incizate de o parte și de alta a perforației pentru fixarea cozii, acesta

se aseamănă, aproape până la identitate, cu topoarele de tip Fatianovo, descoperite în Rusia Centrală (Gimbutas 1953, fig. 1,a; Zapotocký 1966, Abb. 8,7).

Toate aceste elemente decorative întâlnite pe topoarele de piatră demonstrează procedeul imitării pieselor metalice. Asemănări între topoarele de piatră și cele de bronz nu există doar la nivel decorativ, ci mai ales din punct de vedere formal. Amintim aici forma semisferică sau aproape conică a muchiei unora dintre topoarele de piatră care ar fi putut imita topoarele de bronz cu disc (Vulpe 1970, 73, Taf. 23,323; László 2006a, Abb. 1). Pe aceeași linie se înscriu și unele topoare de piatră care prezintă în jurul orificiului pentru fixarea cozii un mic manșon, detaliu formal ce amintește de tubul de prindere a cozii întâlnit la unele exemplare metalice (László 2006a, Abb. 1).

Dacă ne referim la procedeul imitării topoarelor din piatră după cele de bronz (mai ales în ce privește forma, dar și unele elemente de decor), se poate afirma că asemenea imitații doreau să sublinieze valoarea de piesă de prestigiu, care se transfera astfel, prin redarea unor elemente care indicau, drept prototip, o piesă de bronz, a cărei valoare era cunoscută de contemporani.

Acest fapt ne determină să credem că „artizanii” topoarelor de luptă din piatră cunoșteau foarte bine caracteristicile topoarelor de bronz, posibil datorită circulației pe aceleași rute comerciale a ambelor tipuri de topoare.

Elemente de tehnologie

Din punct de vedere tehnologic, menționăm faptul că toate piesele considerate a fi topoare de luptă sunt foarte îngrijit lucrate, ceea ce demonstrează că dețineau un loc aparte în cadrul inventarului litic al epocii bronzului.

Prima etapă în procesul tehnologic era procurarea materiilor prime. Din datele pe care le deținem, constatăm faptul că majoritatea topoarelor de luptă sunt confecționate din roci magmatice, datorită proprietăților acestora, care permit obținerea unor artefacte rezistente. Un loc important îl dețin topoarele confecționate din andezit, urmate de cele lucrate din diorit, dar se cunosc și exemplare realizate din granodiorit și bazalt. Din nefericire, în unele cazuri nu au fost precizate materiile prime care au stat la baza confecționării topoarelor de luptă, iar pentru cele cunoscute nu există analize petrografice amănunțite care să permită identificarea tuturor surselor de aprovizionare cu materii prime.

Principalele arii de aprovizionare cu materii prime de calitate pentru confecționarea topoarelor de luptă din piatră au fost Carpații Orientali, Carpații Meridi-

³ În diferite lucrări de specialitate este utilizată expresia „ceafa toporului”, greșit tradusă din cuvântul german „der Nacken”, care se folosește pentru a desemna muchia toporului. Deci, termenul corect este „muchie”, care înseamnă „partea opusă tăișului” (Ibidem).

onali, Munții Apuseni, dar și zona Dobrogei (Cotoi, Grasu 2000, 33-52; Lăzurcă 1984, 281-289).

Căile de aprovizionare cu aceste materii prime, se pare, erau trecătorile Carpaților Orientali, dar și marile cursuri de apă, care traversau formațiunile geologice în structura cărora se găseau rocile necesare confecționării topoarelor de luptă.

Procurarea materiilor prime necesare confecționării unor artefacte rezistente și eficiente presupunea existența unor rute de schimb bine puse la punct, care înlesneau contactul între diferite comunități și odată cu aceasta se făcea și transferul de tehnologii⁴. Dificultățile de procurare a unor materii prime de calitate se reflectă și în numărul mic de artefacte lucrate din astfel de roci, dar și în încercarea de reutilizare a acestora după deteriorare.

Următoarea etapă în procesul tehnologic era cioplirea rocii, pentru a se obține eboșa, care se șlefua provizoriu și se perfora, iar apoi se realiza finisarea completă a piesei. În cazul rocilor cu duritate scăzută se executa mai întâi perforarea și apoi se definea forma și finisarea piesei. Acest detaliu se explică, dacă luăm în considerare faptul că perforarea implică o acțiune intensă asupra rocii, iar aceasta se putea sparge în timpul acestui procedeu.

Lipsa unor cercetări experimentale riguroase ne împiedică să ne pronunțăm în ceea ce privește durata de timp necesară confecționării unui topor de piatră, ținând cont de duritatea rocii și de îndemânarea celui care-l realiza. Totuși, suntem adepții ipotezei conform căreia unele tipuri de topoare erau confecționate în ateliere specializate de unde erau apoi răspândite în regiunile învecinate pe calea schimburilor intertribale. Doar în acest fel se pot explica asemănările frapante dintre unele topoare, descoperite în așezări diferite, situate la distanțe destul de mari unele de altele.

Referitor la acest aspect, Eugen Comșa afirma că în epoca bronzului au existat două grupe mari de unelte lucrate din piatră: o grupă care cuprindea artefacte cu variabilitate tipologică mai mare și care erau produse în fiecare așezare, iar o altă grupă care conținea unelte cu variabilitate tipologică redusă, confecționate în ateliere/centre specializate (Comșa 1972, 249-250). Existența unui astfel de atelier este presupusă în nord-estul Transilvaniei, în cadrul căruia se prelucrau roci vulcanice și se confecționau în special topoare de luptă,

care erau apoi răspândite pe calea schimbului în zonele învecinate (Dănilă, Marinescu 1974, 24).

Este posibil ca în asemenea „ateliere” artefactele să fi fost realizate până la un anumit stadiu, urmând să fie perforate și/sau finisate în așezările în care ajungeau pe calea schimbului.

Considerații tipologice

Deși nu se poate vorbi despre o standardizare a acestei categorii de piese litice, cum este cazul artefactelor similare din metal, existența unor trăsături morfologice comune ne permite schițarea unei tipologii a topoarelor de luptă din piatră⁵:

Tipul A - Topor cu corpul alungit, zvelt, profilul drept sau ușor arcuit, având umerii ușor reliefați, muchia înaltă, cilindrică sau ușor evazată, terminată printr-o suprafață plană sau convexă; tăișul este puțin arcuit, iar perforația pentru fixarea cozii se află mai aproape de muchie. Topoare de acest tip, sunt atestate la Răcăciuni-BC (Tudor 1973, fig. 3,2) (fig. 1,1), Valea Seacă-BC (Florescu, Căpitanu 1969, fig. 22,1), Vizantea-VN (Bobi, Apostu 1997, pl. 7,9) (fig. 1,4), Adâncata-SV (Niculică ș.a. 2004, 270, fig. 1,4) (fig. 1,3), Cajvana-SV (Ibidem, 274, fig. 2,6) (fig. 1,6), Cotârgaci-BT (Moscalu 1989, fig. 8,4) (fig. 1,5).

Tipul B - Topor cu corpul alungit, profilul arcuit, având umerii în general ușor reliefați și muchia înaltă, cilindrică, terminată cu o suprafață plană sau ușor convexă; tăișul este puternic arcuit, iar perforația pentru fixarea cozii este amplasată în jumătatea superioară a piesei. Piese care pot fi încadrate în acest tip au fost descoperite la Giurgești-SV (Niculică ș.a. 2004, 276, fig. 4,5) (fig. 2,1), Soloneț-SV (Andronic 1997, pl. IV,6) (fig. 2,6), Siret-SV (Niculică ș.a. 2004, 281, fig. 2,6) (fig. 2,2), Piatra Neamț-NT (Matasă 1959, 731, fig. 9,1) (fig. 2,5), Bălănești-NT (Ursu 1995-1996, 541-543) (fig. 2,3).

Tipul C - Topor cu corpul alungit sau scund, profilul arcuit, umerii ușor reliefați și muchia scundă, terminată printr-un buton conic sau semisferic; tăișul este arcuit, de cele mai multe ori, lățit, iar perforația este situată central sau în partea superioară a artefactului. Piese care aparțin acestui tip sunt atestate la Roznov-NT (Dumitroaia 1997, 433 și fig. 3,1) (fig. 3,1), Căndești-NT (Ibidem, fig. 3,2)(fig. 3,2), Liteni-SV (Niculică ș.a. 2004, 277, fig. 1,1) (fig. 3,3), Anghelești-VN

⁴ În preistorie, schimbul de materii prime sau de artefacte litice este foarte bine evidențiat pe întreg teritoriul Europei; în multe cazuri au putut fi reconstituite, pe baza analizelor geologice, principalele rute de schimb, care făceau legătura între zone aflate la distanțe destul de mari (Clark 1965, 1-14).

⁵ Tipologia propusă de noi este una provizorie, deoarece noile descoperiri arheologice sau publicarea altor artefacte de acest fel pot aduce completări demersului nostru științific. În plus, am încercat realizarea unei tipologii numai după criteriile formale, deși pot fi realizate clasificări și după alte criterii, care vizează materiile prime, locul descoperirii (mormânt, locuință, groapă, turbărie etc.), mediul cultural.

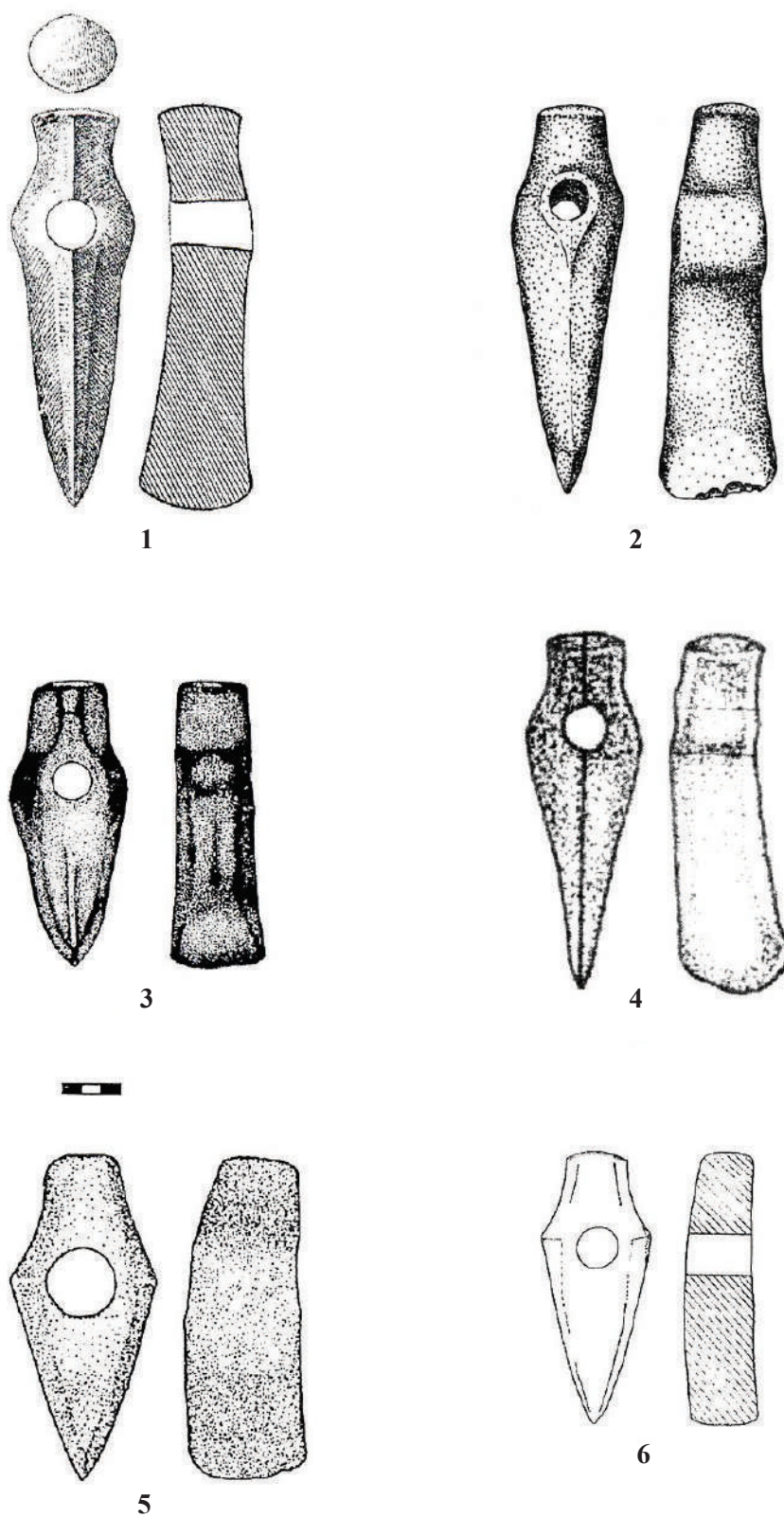

Fig. 1. Topoare de tip A: 1 - Răcăciuni; 2 - Tăvădărăști; 3 - Adâncata; 4 - Vizantea; 5 - Cotârgaci; 6 - Cajvana (1, după Tudor 1973; 2, după Florescu 1991; 3, 6, după Niculică et alii 2004; 4, după Bobi, Apostu 1997; 5, după Moscalu 1989).

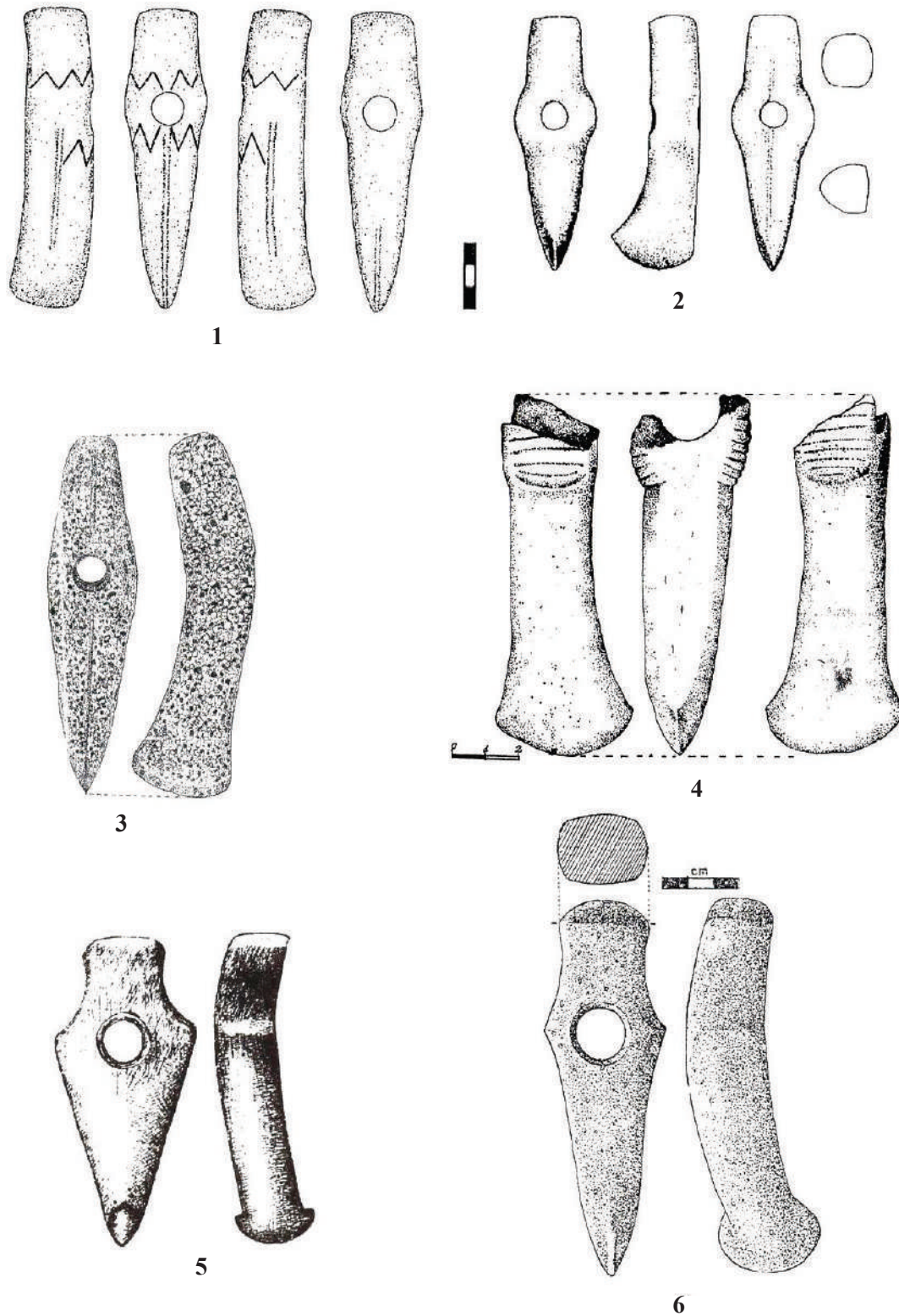

Fig. 2. Topoare de tip B: 1 - Giurgești; 2 - Siret; 3 - Bălănești; 4 - Bârsești; 5 - Piatra Neamț; 6 - Soloneț (1, 2, după Niculică ș.a. 2004; 3, după Ursu 1995-1996; 4, după Maxim-Alaiba, Marin 1994; 5, după Matasă 1959; 6, după Andronic 1997).

(Bobi, Apostu 1997, pl. 6,9), Poiana-GL (Dunăreanu-Vulpe 1937, 161, fig. 10,1) (fig. 3,6).

Tipul D - Topor cu corpul masiv, alungit, având profilul curbat în jos, iar umerii ușor reliefați. Prezintă fenomenul de îndoire a muchiei, care se termină printr-o suprafață plană. Tăișul este ușor arcuit, iar perforația pentru fixarea cozii este situată în partea superioară, în proximitatea muchiei. Topoare aparținând acestui tip se cunosc prin descoperirile de la Suceava-SV (Niculică ș.a. 2004, 283, fig.7,2), Țigănași-IS (Chirica, Tanasachi 1985, fig. 37,8) (fig. 4,1), Piatra Neamț-NT (Matasă 1959, fig. 731, fig. 9,3) (fig. 4,2), Coroteni-VN (Bobi 1987, fig. 10,5), Pufești-GL (Florescu ș.a. 1971, fig. 5,4) (fig. 4,3).

Tipul E - Topor cu corpul naviform, având umerii slab reliefați sau rotunjiți, muchia scurtă și îngustă, plană și circulară în secțiune transversală. Tăișul este drept sau foarte ușor arcuit. Astfel de artefacte au fost descoperite la Adâncata-SV, în tumulii T1 și T9 (Niculică ș.a. 2004, 270-271, fig. 3,6.7) (fig. 5,1), la Cajvana-SV (Ibidem, 274, fig. 3,8) (fig. 5,3), Popeni-VS (Rotaru 2006, fig. 2,1) (fig. 5,4) și Hănești-BT (Burtănescu 2002, pl. XXXIX,2).

Referitor la aria de răspândire a topoarelor de luptă din piatră, menționăm faptul că se întâlnesc pe tot teritoriul Moldovei, dar cunosc o distribuție inegală, datorată probabil și stadiului inegal al cercetărilor arheologice. Răspândirea inegală a obiectelor menționate poate fi corelată și cu raportul distanței dintre sursele de materie primă și locul descoperirii artefactelor. Această situație ar putea fi argumentată prin numărul destul de mare al topoarelor de luptă descoperite în siturile din zona subcarpatică a Moldovei, străbătută de numeroase cursuri de apă ce izvorăsc din Carpații Orientali și care traversează formațiunile vulcanogene, înlesnind astfel aprovizionarea cu materii prime de calitate superioară.

Considerații cronologice și culturale. Analogii

Încadrarea cronologică și culturală a topoarelor de luptă din piatră descoperite în spațiul dintre Carpați și Prut o vom realiza pe baza corelării cu celelalte materiale arheologice descoperite în punctele unde au fost semnalate asemenea tipuri de artefacte, iar în cazul descoperirilor fortuite, pe baza analogiilor.

Pentru bronzul timpuriu, descoperirile care conțin topoare de luptă din piatră sunt destul de diversificate în ceea ce privește încadrarea culturală. Această diversificare este generată în special de locul de descoperire, iar în acest sens facem precizarea că cele mai multe topoare de luptă din piatră provin din inventarul unor morminte plane sau din complexe tumulare. Morminte plane, specifice bronzului timpuriu și care au în inventar topoare de luptă de piatră, au fost descoperite la Răcă-

ciuni-BC (Tudor 1973, fig. 3,2; Burtănescu 2002, 203-204), Cătămărăști Deal-BT (Ibidem, pl. LIV), Gârceni-VS (Florescu, Florescu 1959, 221-227) și Zamca-SV (Niculică ș.a. 2004, fig. 7,2). Unele dintre aceste descoperiri își găsesc analogii în mediile culturale învecinate și ne referim aici la culturile Jamnaja (Dergacev 1994, fig. 2,7,8 și fig. 3,6; Тоцев 2003, табл. II,16.17), Katakombnaja (Dergacev 1994, fig. 6,3-5; Manzura, Sava 1994, fig. 13,6), Edineț (Dergacev 1994, fig. 7,7), Mnogovalikovaja (Sava 1991, fig. 8; Sava 1994, 142; Березанская и др. 1986, 20, рис. 6,17.22; 9,9; 13,6.7), dar și în mediul culturii Glina (Schuster 1997, fig. 34,2) sau al culturii Schneckenberg (Prox 1941; Székely 1997, 49, pl. XLIV,1; pl. XLVIII,9), în care se cunosc chiar și miniaturi în lut ale unor astfel de topoare (Schuster 1997, fig. 54,4; fig. 54,5,6; 54,2). În ceea ce privește rolul acestor miniaturi, poate fi luată în considerare și opinia Marilenei Florescu, care menționează existența în cadrul culturii Monteoru a unor topoare miniaturale din lut ars (amulete), copii fidele ale artefactelor litice. Având în vedere caracterul special al topoarelor de luptă, se pare că „monteoreni” acordau o deosebită importanță prelucrării sau obținerii acestor artefacte. Aceeași cercetătoare, nu exclude posibilitatea ca în momentul când se începea transformarea rocii în unealtă propriu-zisă să fi avut loc și unele ritualuri oficiate anume pentru a transmite celor ce le lucrau cât și celor cărora le erau destinate, puterea și eficacitatea uneltei respective. În același timp, transpunerea în lut ars a celui mai valoros prototip avea menirea să aducă purtătorului amuletei invincibilitate în luptă și puteri sporite atunci când îl folosea în alte scopuri (Florescu 1979, 112).

Topoare de luptă din piatră, descoperite în cadrul unor tumuli, sunt cunoscute pe teritoriul Moldovei la Siret-SV (Niculică ș.a. 2004, fig. 2,6), Adâncata-SV (Ibidem, 270, fig. 3,6.7), Cotârgaci-BT (Moscalu 1989, fig. 8,4), Hănești-BT (Burtănescu, 2002, 463, pl. XXXIX,2), Valea Lupului-IS (Ibidem, pl. XXXVIII,3) și își găsesc analogii în mediul culturii Jamnaja, în necropola de la Sărăteni (Levițki ș.a. 1996, 47-48, fig. 41,43), sau în cadrul culturii Komarov (Березанская 1985, рис. 10).

Pentru bronzul mijlociu și în special pentru cultura Costișa, sunt cunoscute topoare de luptă din piatră, provenite din așezări sau din descoperiri izolate. Pentru unele dintre topoarele de luptă descoperite în mediul culturii Costișa găsim analogii în Dobrogea (Vasiliu 1986, 9, pl. I,1; Hașotti 1985, 7, fig. 1), în Muntenia (Densușianu 1986, fig. 26, fig. 27) sau în sudul României (Irimia, Munteanu 1990, 299-303 și fig. 1). Tipologic, majoritatea topoarelor de luptă descoperite în aria culturii Costișa prezintă influențe nord-pontice (Zapotocký 1966, fig. 13), care se observă foarte bine

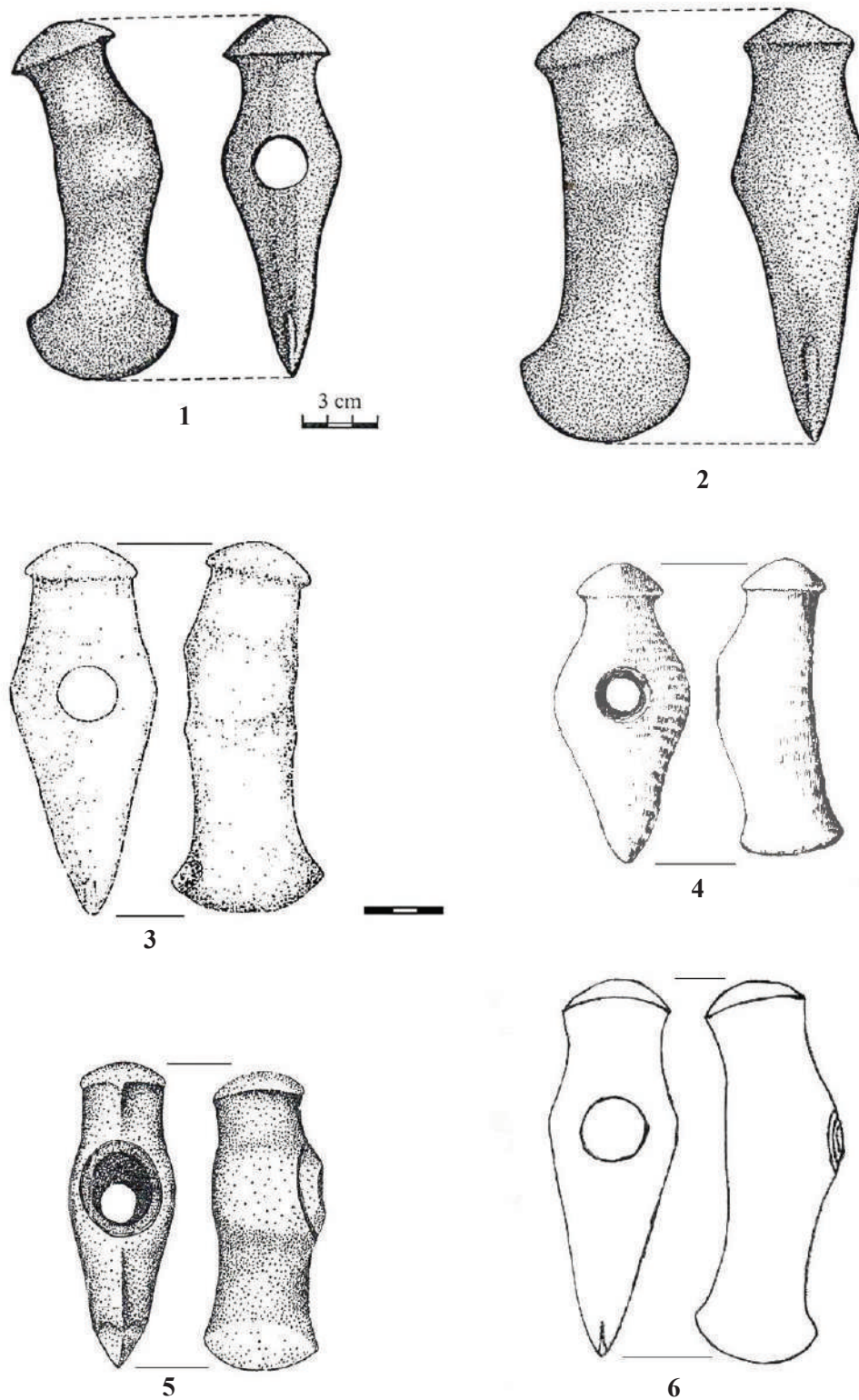

Fig. 3. Topoare de tip C: 1 - Roznov; 2 - Bărcănești; 3 - Liteni ; 4 - Piatra-Neamț; 5 - Tăvădărăști; 6 - Poiana (1, 2, după Dumitroaia 1997; 3, după Niculică et alii 2004; 4, după Matasă 1959; 5, după Florescu 1991; 6, după Dunăreanu-Vulpe 1937).

și în tezaurul de la Borodino (Kaiser 1997). Prin forma muchiei și a tăișului unele dintre topoarele din bronz mijlociu își găsesc analogii în descoperirile de tip Saratov (Ibidem, Taf. 26,10.11).

În ceea ce privește cultura Monteoru, topoare de luptă din piatră au fost descoperite atât în așezări, cât și în morminte. Dacă piesele identificate în inventarul diferitelor așezări sunt destul de numeroase, cele descoperite în morminte sunt relativ puține. Amintim în acest sens mormintele de înhumare de la Valea Seacă-BC (Florescu, Căpitanu 1969, fig. 22,1), Poiana-GL (Dunăreanu-Vulpe 1937, fig. 10, fig. 11) și Coroteni-VN (Bobi 1987, fig. 10,5).

Unele analogii pentru topoarele de luptă descoperite în cadrul culturii Monteoru le regăsim în spațiul ocupat de cultura Costișa (Cavruc, Dumitroaia 2001, pl. 63), în arealul culturii Tei (Leahu 2003, pl. XIV; XV,1), dar și în spațiul vest-pontic (Zapotocký 1966; Kaiser 1997, Taf. 27,8).

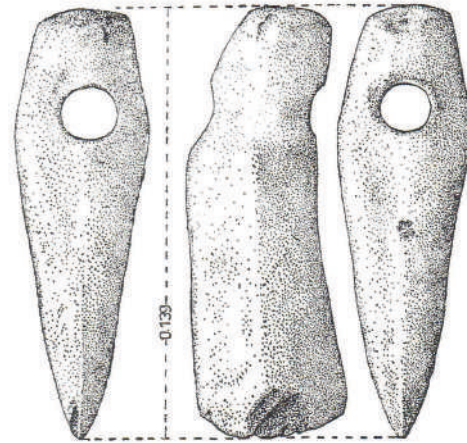
Pentru etapa finală a epocii bronzului, și avem în vedere cultura Noua, constatăm că topoarele de luptă din piatră dețin o pondere numerică scăzută, comparativ cu etapele cronologice anterioare, situație care poate fi pusă și pe seama dezvoltării activităților metalurgice. În stadiul actual al cercetării, se cunoaște doar o singură descoperire a unui topor de luptă în mormântul culturii Noua de la Avrămeni-BT (Crășmaru 1977, 123, nota 37). O situație similară este cunoscută și în Transilvania, în necropola culturii Noua de la Teaca-Bistrița Năsăud (Marinescu 1986, 46, fig. 2,3), dar în acest ultim caz nu poate fi vorba despre un topor de luptă.

Cele mai apropiate analogii pentru topoarele de luptă din piatră întâlnite în cadrul culturii Noua de pe teritoriul Moldovei le regăsim mai ales în arealul culturii Coslogeni (Irimia, Munteanu 1990, fig. 1; 2; Morintz 1978, 126, fig. 73,10; Florescu 1991, fig. 159,2), dar ele își continuă existența și la începutul Hallstattului, mai ales la est de Prut (Kașuba 2003, 201, fig. 10,45.49).

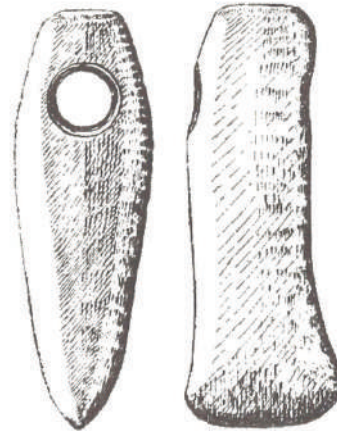
Funcționalitate

În ceea ce privește rolul topoarelor de luptă din piatră, există numeroase opinii care afirmă că aceste artefacte aveau o funcționalitate complexă. Literatura arheologică le atribuie topoarelor de luptă din piatră funcții diferite, precum acelea de arme, simboluri sociale și obiecte de cult. Aceste funcții trebuie privite contextual, în funcție de anumite aspecte: locul descoperirii, materia primă din care a fost confecționată piesa, modul de ornamentare, urmele de uzură etc.

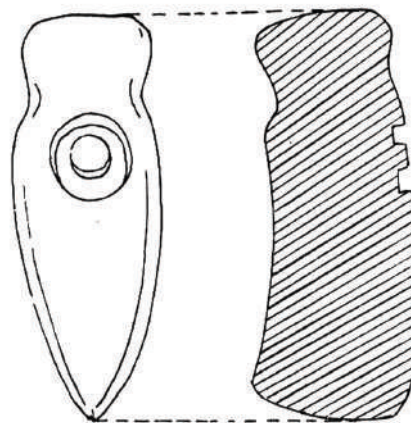
Unii cercetători consideră că topoarele de luptă din piatră, așa cum arată și denumirea lor, erau simple arme, funcție presupusă pe baza asemănărilor cu topoarele similare de bronz. În acest caz au fost luate în considerare doar detaliile morfologice ale acestor

1

2

3

Fig. 4. Topoare de tip D: 1 - Țigănași; 2 - Piatra-Neamț; 3 - Pufești (1, după Chirica, Tanasachi 1987; 2, după Matusă 1959; 3, după Florescu ș.a. 1971).

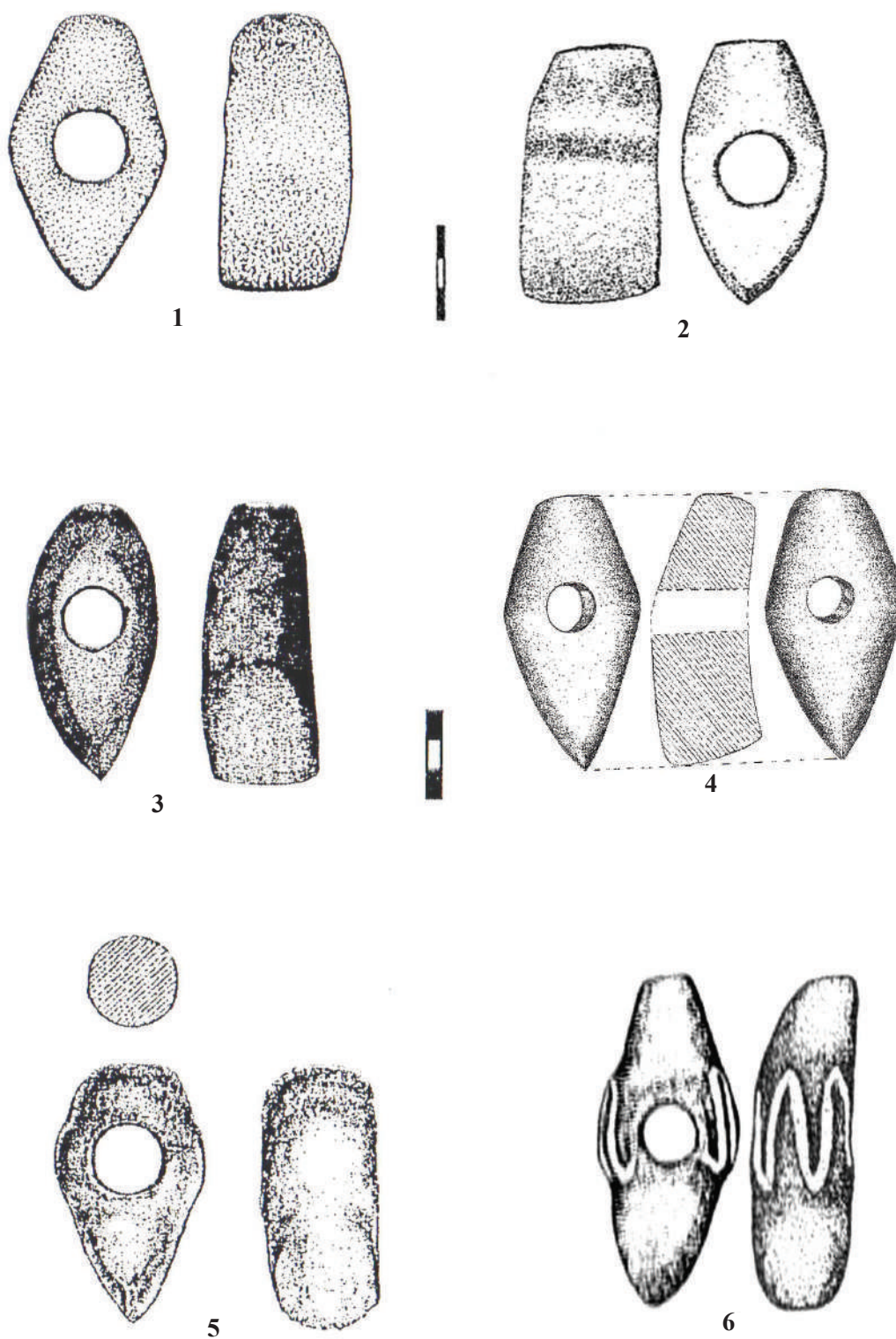

Fig. 5. Topoare de tip E: 1 - Adâncata; 2 - Hănești; 3 - Cajvana; 4 - Popeni; 5 - Soloneț; 6 - Lozna (1, 3, 5, după Niculică et alii 2004; 2, după Burtănescu 2002; 4, după Rotaru 2005; 6, după Teodor, Șadurschi 1979).

Fig. 6. Topoare-sceptre de piatră (1-3), bronz (4-6) și reprezentări antropomorfe (7-10): 1 - Uluburun; 2 - Ljuljin; 3 - Mediaș; 4 - Pobit Kamák; 5 - Lozova; 6 - Drajna de Jos; 7 - Basarabia; 8 - Ucraina; 9 - Hamangia; 10 - Baia de Criș (1, 4, 5, 6, după László 2006; 2, după Lichardus et alii 2002; 3, după Stoicovici, Blăjan 1979; 7, după Dergacev 1994a; 8, după Häusler 1981; 9, 10, după Dumitrescu 1974).

piese (corpul alungit, profilul arcuit, muchia cilindrică, terminată cu un pseudo-disc, tăișul puternic curbat). Rolul combativ al topoarelor de piatră ar putea fi indicat, pe de o parte, de forma îngrijită a acestora și de duritatea rocii din care au fost lucrate, iar pe de altă parte, urmele de uzură prezente pe muchie sau pe tăiș ar pleda tot pentru funcția de armă. Asocierea unor topoare de luptă de piatră cu unele arme de piatră și metal ne trimite cu gândul tot la rolul de armă al acestora. Este edificator să amintim că în unele morminte, alături de topoare au fost găsite și vârfuri de săgeată din silex, cum este cazul descoperirilor de la Adâncata-SV (Niculică ș.a. 2004, 270-271) sau Poiana-GL (Dunăreanu-Vulpe 1937, 161, fig. 9).

În strânsă legătură cu funcția de armă a unor topoare de piatră, mai menționăm și o altă funcție a acestora, anume aceea de însemne sociale. În acest caz, se poate vorbi de un dualism funcțional: toporul ca armă îi confera un anumit prestigiu purtătorului, în condițiile în care epoca bronzului a cunoscut numeroase conflicte intertribale. Din acest motiv s-a emis ideea că topoarele de luptă din piatră erau simboluri ale omului de arme, ale luptătorului, ale liderului grupului de războinici sau ale conducătorului comunității în timp de pace (Boroneanț, Boroneanț 1992, 91-106).

Funcția de simboluri sociale, pe care au putut-o îndeplini topoarele de luptă din piatră, ne este sugerată mai ales de modul de execuție deosebit de îngrijit al pieselor, decorul acestora, dar și materiile prime de calitate superioară din care au fost lucrate, aduse de multe ori de la distanțe mari. Putem presupune că unele dintre materiile prime superioare, destinate confecționării artefactelor litice, erau sub controlul direct al liderului comunității și din acest motiv el are cele mai bune unelte sau arme, întâlnite de multe ori în inventarul funerar al unor morminte.

Date interesante ne furnizează topoarele de luptă care fac parte din inventarul unor morminte plane sau tumulare, cum sunt cele de la Adâncata-SV (Niculică ș.a. 2004, fig. 3,6,7), Siret-SV (Ibidem, fig. 2,6), Cajvana-SV (Ibidem, fig. 3,8), Suceava-SV (Mareș 1996, 323-327, fig. I-II), Cotârgaci-BT (Moscalu 1989, fig. 8,4), Hănești-BT (Burtănescu 2002, pl. XXXIX,2), Răcăciuni-BC (Tudor 1974, fig. 3,2), Valea Seacă-BC (Florescu, Căpitanu 1969, fig. 22,1), Poiana-GL (Du-

năreanu-Vulpe 1937, 161, fig. 10,1) și Coroteni-VN (Bobi 1987, fig. 10,5).

Prezența acestor topoare în inventarul funerar ne determină să considerăm că aveau o funcționalitate complexă: arme-simboluri sociale-obiecte de cult. Utilizate inițial ca arme, topoarele de luptă din piatră deveneau simboluri sociale pentru purtător și căpătau un caracter votiv prin depunerea lor în morminte sau tumuli, pentru a servi defunctului și după moarte⁶. Este edificatoare situația din mormântul 17 de la Poiana-GL, în care a fost descoperit un topor de luptă care păstra în orificiul pentru fixarea cozii un fragment dintr-un manșon de os, frumos decorat, iar la capătul opus se afla un cui de bronz (Dunăreanu-Vulpe 1937, 161, fig. 10,1-3). Deci, din punct de vedere tipologic, avem de a face cu un topor de luptă, iar în ceea ce privește funcționalitatea, putem vorbi despre un adevărat sceptru, ca simbol social.

Pentru a întări ipoteza că unele topoare de piatră erau și simboluri sociale (Vulpe 2001, 355) facem apel și la unele descoperiri din afara spațiului românesc, care au un context arheologic bine definit, ce oferă informații interesante privind destinația acestor artefacte (Lochko, Postuvalov 1994, 208-211). Amintim, în primul rând, tezaurul de la Borodino (Basarabia), în cadrul căruia au fost descoperite mai multe topoare de luptă din piatră semiprețioasă alături de câteva sceptre sferice și arme din argint, considerate simboluri sociale. În acest caz este indiscutabilă utilitatea acestor topoare ca obiecte cu valoare simbolică (Dergacev 1994a, fig. 16; Kaiser 1997). Un alt exemplu îl reprezintă descoperirea de la Uluburun (Turcia), a unei epave din epoca bronzului, care conținea un material arheologic divers, din diferite regiuni ale spațiului sud-est european. Printre materialele descoperite acolo se afla și un topor-sceptru (fig. 6,1), lucrat din piatră (László 2006; 2006a, Abb. 5,1), care își găsește analogii în Bulgaria, la Ljulín (Lichardus 2002, Abb.16,3) (fig. 6,2), în România, la Mediaș (Stoicovici, Blăjan 1979, 44) (fig. 6,3) și care imită aproape perfect unele topoare-sceptre de bronz descoperite la Pobit Kamák (Buchholz 1999, Abb 6,b) (fig. 6,4), Drajna de Jos (Vulpe 1997; pentru legăturile culturale și cronologice vezi László 2006; 2006a) (fig. 6,6) sau Lozova (Савва 1987, рис. 3,2) (fig. 6,5). Din acest motiv se poate presupune că unele topoare de pia-

⁶ În cadrul riturilor de trecere, moartea ocupă un loc distinct. „Riturile sunt cu atât mai complexe cu cât este vorba nu doar de un «fenomen natural» (viața sau sufletul care părăsesc trupul), ci de o schimbare de regim deopotrivă ontologic și social: răposatul trebuie să treacă prin anumite încercări de care depinde propria lui soartă dincolo de mormânt, dar trebuie în același timp să fie recunoscut și acceptat de comunitatea morților” (Eliade 1995, 160). Omul primitiv a încercat să învingă moartea, transformând-o în rit de trecere. Altfel spus, la populațiile primitive, moartea însemna părăsirea a ceva ce nu era esențial, de obicei viața profană. În acest fel, moartea ajunge să fie socotită suprema inițiere și începutul unei noi existențe spirituale (Ibidem, 171). Moartea este ultimul rit de trecere, având scopul de a conferi defunctului noi proprietăți, care îi vor permite sau nu viitoare contacte cu cei aflați încă în viață (Bonte, Izard 1999, 442).

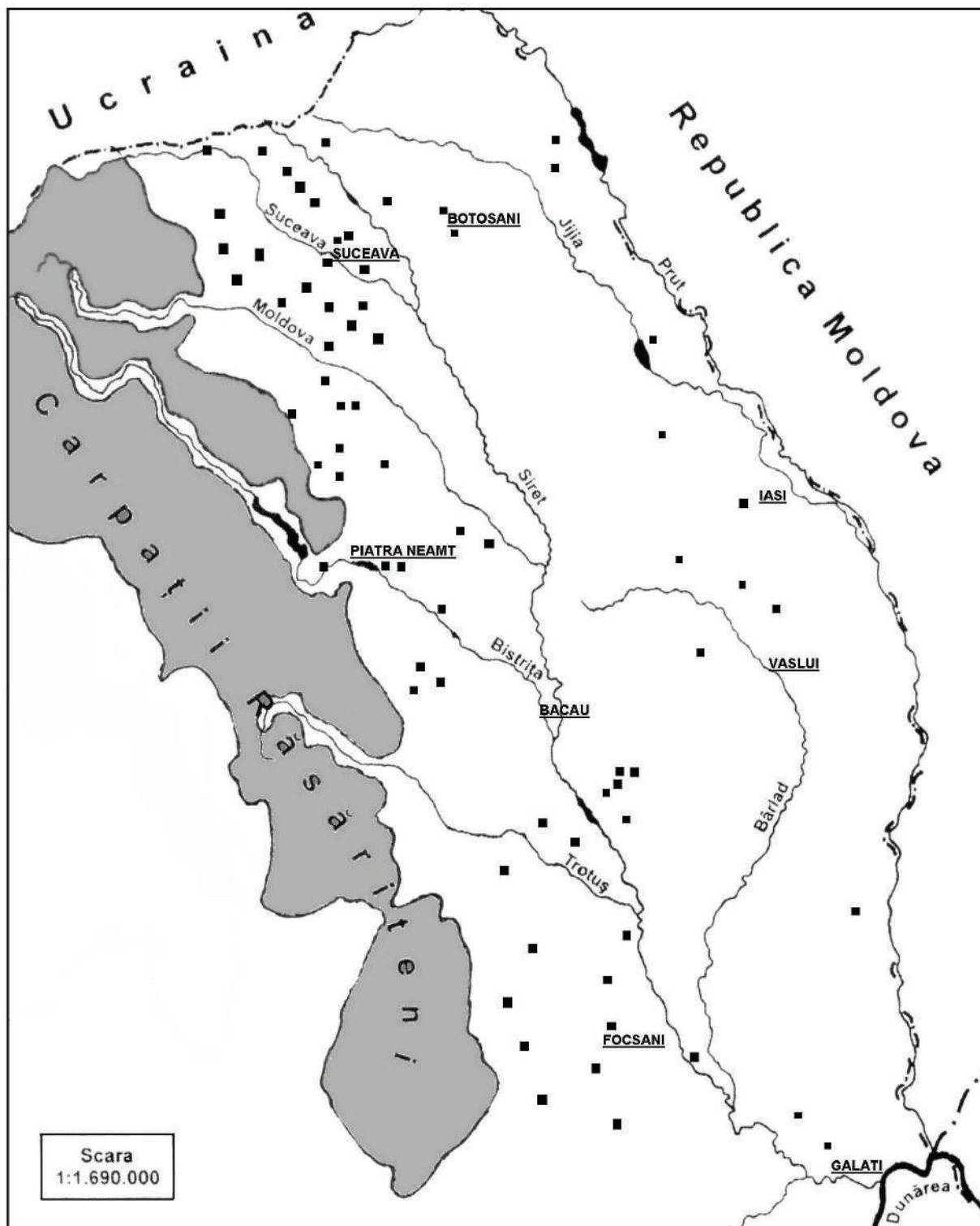

Fig. 7. Răspândirea topoarelor de luptă din piatră.

tră, care imită piese similare de bronz, sunt adevărate însemne sociale și nu doar simple unelte/arme.

Literatura arheologică europeană asociază topoarele de luptă, inclusiv pe cele de piatră, cu masculinitatea,

aducând ca dovezi unele reprezentări gravate în piatră, descoperite în spațiul scandinav (Gimbutas 1953, 53, fig. 5). Tot legat de acest aspect, mai amintim și existența unor reprezentări antropomorfe (statui-men-

hir), descoperite la Hamangia (Canarache 1953, 711; Dumitrescu 1974, 263, fig. 290,1) (fig. 6,9), Baia de Criș (Alexandrescu 1963, 145-150; Dumitrescu 1974, fig. 290,2.3) (fig. 6,11), în Republica Moldova (Dergacev 1994a, fig. 10)(fig. 6,7), dar și în Ucraina (Häusler 1981, Abb.12,2) (fig. 6,8), care înfățișează reprezentări masculine ce poartă la brâu, pe piept sau pe spate unul sau mai multe topoare, probabil de piatră sau bronz.

Nici rolul cultural al topoarelor de luptă din piatră nu trebuie omis, iar unii cercetători insistă asupra acestui aspect, considerând că aceste artefacte erau utilizate inițial, în timpul ceremoniilor, la sacrificarea jertfelor (Șimon, Munteanu 1990, 106). În legătură cu rolul cultural al acestor obiecte de piatră este necesar să aducem în discuție descoperirea în mai multe așezări ale epocii bronzului, a unor topoare miniaturale de lut, utilizate ca amulete sau în cadrul unor ceremonii legate de producerea topoarelor de piatră (Florescu 1979, 112).

Pentru epoca bronzului din Moldova dintre Carpați și Prut, practica depunerilor de artefacte litice (excepând mormintele și tumuliile amintite anterior), este slab atestată, probabil datorită cercetărilor insuficiente sau interpretării deficitare a unor descoperiri ce conțineau topoare de piatră. Totuși, trei astfel de situații pot fi considerate cu certitudine depuneri rituale în gropi de cult. Bronzului timpuriu îi poate fi atribuit toporul descoperit într-o groapă (de cult ?) din comuna Cleja-BC (Căpitanu 1982, 142, pl. 7,b), în apropierea căreia au fost identificate și fragmente ceramice specifice etapei cronologice amintite (Burtănescu 2002, 100, pl. I.9). Amintim, de asemenea, și depunerea unui topor de piatră în groapa de cult descoperită în așezarea monteoreană de la Vârteșcoiu-VN (Bobi 1994, fig. 12,1), alături de care au mai fost descoperite alte unelte de piatră (râșniță, frecător, săpăligă) și bronz. La Vișoara-NT, Constantin Matasă a descoperit într-o groapă lipită la interior, un topor de luptă din piatră, ce ar putea fi încadrat în bronzul mijlociu (Matasă 1959, 731, fig. 9,1). În mod cert și în acest caz avem de a face cu o depunere rituală.

Cu totul deosebită este depunerea unui topor de luptă din piatră în turbăria de la Lozna-BT (Teodor, Șadurschi 1979, 126, fig. 3,2; Burtănescu 2002, pl. XXXVIII,4), practică singulară, din acest punct de vedere, pentru epoca bronzului din Moldova.

Cu multă atenție trebuie privite descoperirile izolate care conțin topoare de luptă din piatră și considerăm că unele dintre acestea ar putea fi interpretate ca depuneri cu caracter votiv. Este greu să acceptăm faptul că unele exemplare deosebit de îngrijit lucrate, din roci de calitate superioară, au fost pierdute sau abandonate întâmplător; mult mai plauzibilă este ipoteza depunerii lor în scopuri magico-religioase.

Un ultim aspect referitor la funcționalitatea topoarelor de luptă din piatră ne este oferit de datele etno-

grafice. Potrivit acestora, artefactele în discuție puteau fi utilizate în cadrul unor ceremonii, pentru protejarea familiei, a animalelor, pentru alungarea furtunilor, pentru protejarea morților, pentru protecția recoltelor (Gimbutas 1953, 53).

Concluzii

Pe baza datelor prezentate se poate observa că topoarele de luptă din piatră constituie o categorie distinctă de artefacte în ansamblul inventarului litic al epocii bronzului din spațiul cuprins între Carpați și Prut. Detaliile morfologice și caracteristicile tehnologice individualizează aceste artefacte în raport cu alte categorii de piese litice.

Din punct de vedere tipologic, au putut fi identificate 5 tipuri de topoare de luptă care își găsesc analogii în mediile culturale sincrone de la vest și sud de Carpați, dar mai ales în spațiul de la est de Prut.

Privitor la aria de răspândire a topoarelor de luptă din piatră, putem afirma că se întâlnesc pe tot teritoriul Moldovei, dar dinamica lor variază de la o zonă la alta, în funcție de stadiul cercetărilor și de resursele de materii prime din care erau confecționate. O concentrare mai importantă se poate observa în zona subcarpatică, situație ce trebuie pusă în legătură cu apropierea de sursele vulcanogene din Carpații Orientali. Datorită publicării insuficiente a acestor artefacte, nu am putut stabili cu certitudine aria de răspândire a fiecărui tip, urmând ca aceasta să fie o sarcină de viitor, pe măsura identificării unor noi astfel de piese.

În ceea ce privește funcționalitatea topoarelor de luptă din piatră, aceasta a fost una complexă și trebuie analizată în funcție de contextul descoperirilor. Pe lângă funcția de armă, unele dintre aceste artefacte pot fi considerate simboluri sociale, dar și obiecte cu rol cultural. Chiar dacă un număr însemnat de topoare de luptă provin din descoperiri izolate, prezența unor asemenea piese în inventarul unor morminte, al gropilor de cult sau al turbăriilor subliniază complexitatea funcțională a lor.

Realizarea unor cercetări traseologice, petrografice și etnografice ar fi deosebit de utilă și ar contribui din plin la elaborarea unor concluzii pertinente în ceea ce privește tipologia, cronologia și funcționalitatea topoarelor de luptă din piatră. Nu în ultimul rând, ar putea fi mai bine cunoscute raporturile interumane din cadrul comunităților epocii bronzului, dar și contactele acestora cu comunitățile vecine.

Conștienți de faptul că unele dintre observațiile noastre vor fi confirmate sau infirmate de viitoarele cercetări, considerăm că am adus câteva precizări de ordin tehnologic, funcțional și cultural-cronologic, care să permită schițarea unei imagini cât mai complete a ceea ce reprezintă un segment din inventarul litic al epocii bronzului.

Bibliografie:

- Alexandrescu 1963: A.D. Alexandrescu, În legătură cu statuile-menhir de la Baia de Criș. SCIV(A) t. 14, nr. 1, 145-150.
- Andronic 1997: M. Andronic, Evoluția habitatului uman în bazinul hidrografic Soloneț, din paleolitic până la sfârșitul secolului al XVIII-lea. Suceava XXII-XXIII, (1995-1996), 1997, 13-186.
- Brandt 1967: K. H. Brandt, Studien über steinerne Äxte und Beile der jüngeren Steinzeit und der Stein-Kupferzeit Nord-West-deutschlands (Bremen 1967).
- Bobi 1987: V. Bobi, Cercetări arheologice din necropola epocii bronzului, cultura Monteoru IC4, de la Coroteni, Vrancea. Vrancea V-VII, 1987, 17-39.
- Bobi 1994: V. Bobi, Etapele timpurii și târzii ale culturii Monteoru din zona de curbură a Carpaților în lumina noilor descoperiri arheologice. Mousaios IV/I, 1994, 37-65.
- Bobi, Apostu 1997: V. Bobi, A.E. Apostu, Contribuții la întocmirea catalogului topoarelor-ciocan cu gaură de înmănușare, descoperite în zona de curbură a Carpaților. Vrancea XI, 1997, 33-50.
- Boghian 1996: D. Boghian, Unele considerații asupra utilajului litic al comunităților Precucuteni-Cucuteni-Tripolie. In: (Eds. Gh. Dumitroaia, D. Monah) Cucuteni aujourd'hui. BMA II (Piatra-Neamț 1996), 277-342.
- Boroneanț, Boroneanț 1992: C. Boroneanț, V. Boroneanț, Considerații asupra topoarelor „septre” din piatră, epoca bronzului, pe baza descoperirilor de la Butimanu. CAB IV, 1992, 91-106.
- Bonte, Izard 1999: P. Bonte, M. Izard (coord.), Dictionar de etnologie și antropologie (Iași 1999).
- Buchholz 1999: H. G. Buchholz, Ein aussergewöhnliches Steinzepter in östlichen Mittelmeer. PZ 74/1, 1999, 68-78.
- Burtănescu 2002: Fl. Burtănescu, Epoca timpurie a bronzului între Carpați și Prut, cu unele contribuții la problemele perioadei premergătoare epocii bronzului în Moldova. BTHR XXXVII (București 2002).
- Canarache 1953: V. Canarache, Considerații asupra unei statui inedite din timpul orânduirii comunei primitive în Dobrogea. SCIV(A) (A) 4/3-4, 1953, 709-722.
- Cavruc, Dumitroaia 2001: V. Cavruc, Gh. Dumitroaia (coord.), Cultura Costișa în contextul epocii bronzului din România (Piatra Neamț 2001).
- Căpitanu 1982: V. Căpitanu, Cercetări arheologice de suprafață pe teritoriul județului Bacău (II). Carpica XIV, 1982, 139-158.
- Chirica, Tanasachi 1985: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al județului Iași. II (București 1985).
- Clark 1965: G. Clark, Traffic in Stone Axe and Adze Blades. The Economic History Review N.S. 18, 1965, 1-14.
- Comșa 1972: E. Comșa, Date despre uneltele de piatră șlefuită din epoca neolitică și din epoca bronzului de pe teritoriul României. SCIV(A) t. 23, nr. 2, 1972, 245-261.
- Cotoi, Grasu 2000: O. Cotoi, C. Grasu, Unelte de piatră șlefuită din eneoliticul Subcarpaților Moldovei (Iași 2000).
- Crășmaru 1977: A. Crășmaru, Drăgușeni. Contribuții la o monografie arheologică (Bacău 1977).
- Dănilă, Marinescu 1974: Șt. Dănilă, G. Marinescu, Unelte, arme și obiecte de piatră șlefuită descoperite pe teritoriul județului Bistrița-Năsăud. File de istorie III, 1974, 12-24.
- Densușianu 1986: N. Densușianu, Dacia preistorică (București 1986).
- Dergacev 1994: V. Dergacev, Culturi din epoca bronzului în Moldova (Chișinău 1994).
- Dergacev 1994a: V. Dergacev, Epoca bronzului. Perioada timpurie. TD XV, 1-2, 1994, 121-140.
- Diaconu 2008: V. Diaconu, Artefacte de piatră șlefuită din eneolitic și epoca bronzului descoperite în Depresiunea Neamț. Carpica XXXVII, 2008, 130-145.
- Dumitrescu 1963: Vl. Dumitrescu, Câteva cuvinte despre unii termeni arheologici. SCIV(A) t. 14, nr. 1, 1963, 225-226.
- Dumitrescu 1974: Vl. Dumitrescu, Arta preistorică în România. I (București 1974).
- Dumitroaia 1992: Gh. Dumitroaia, Materiale și cercetări arheologice din nord-estul județului Neamț. MemAntiq XVIII, 1992, 63-145.
- Dumitroaia 1997: Gh. Dumitroaia, Cercetările arheologice din județul Neamț (1996). MemAntiq XXI, 1997, 427-436.
- Dunăreanu-Vulpe 1937: E. Dunăreanu-Vulpe, La nécropole de l'âge du bronze de Poiana. Dacia V-VI, (1935-1936), 1937, 131-167.
- Eliade 1995: M. Eliade, Sacrul și profanul (București 1995).
- Florescu 1991: A.C. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Așezări și necropole. CCDJ IX, BTHR I (Călărași 1991).
- Florescu, Florescu 1959: A.C. Florescu, M. Florescu, Sondajul de la Gârceni. MCA VI, 1959, 221-227.
- Florescu 1979: M. Florescu, Contribuții la cunoașterea concepțiilor despre lume și viață a comunităților tribale monteorene. Carpica XI, 1979, 57-134.
- Florescu, Căpitanu 1969: M. Florescu, V. Căpitanu, Cercetări arheologice de suprafață în județul Bacău. AM VI, 1969, 213-275.
- Florescu ș.a. 1971: M. Florescu, M. Nicu, Gh. Rădulescu, Câteva date referitoare la fazele târzii ale culturii Monteoru în lumina cercetărilor de la Pufești. MemAntiq III, 1971, 157-182.
- Gimbutas 1953: M. Gimbutas, Battle Axe or Cult Axe?. Man 53, 1953, 51-54.
- Hașotti 1985: P. Hașotti, Topoare de piatră din epoca bronzului aflate în colecțiile Muzeului de Istorie Națională și Arheologie, Constanța. Istros IV, 1985, 7-11.
- Häusler 1981: A. Häusler, Zu den Beziehunghen zwischen dem Nordpontischen Gebiet Südost-und Mitteleuropa im Neolithikum und in der frühen Bronzezeit und ihre Bedeutung für das Indoeuropäische Problem. PrzArch 29, 1981, 101-149.
- Ignat 1981: M. Ignat, Epoca bronzului și a Hllstattului timpuriu în județul Suceava. TD II, 1981, p. 133-146.

- Irimia, Munteanu 1990: M. Irimia, M. Munteanu, Un topor din epoca bronzului descoperit la Nicolae Bălcescu (jud. Călărași). *Pontica XXI-XXII*, (1988-1989), 1990, 299-303.
- Istina 2000: L. Istina, Aperçu des outils en pierre polie (neo-énéolithique et l'âge du bronze) de la collection du musée „Iulian Antonescu” de Bacău. *SAA VII*, 2000, 285-298.
- Kaiser 1997: E. Kaiser, Der Hort von Borodino: kritische Anmerkungen zu einem berühmten bronzezeitlichen Schatzfund aus dem nordwestlichen Schwarzmeergebiet (Bonn 1997).
- Kașuba 2003: M. Kașuba, Periferia de est a complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată și imprimată (secolele X-VI-II î.e.n. în interfluviul Nistru-Siret). In: *Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic* (Chișinău 2003), 183-210.
- László 2006: A. László, Drajna de Jos-Lozova-Pobit-Kamăk-Uluburun. Sur le relation à longue distance dans l'âge tardif du bronze. *SAA XII*, 2006, 43-56.
- László 2006a: Über die Beziehungen, die kulturelle und chronologische Lage der Bronzefunde vom typ Ópályi-Uriu-Drajna de Jos-Lozova-Pobit Kamăk. In: *Bronzezeitliche Depotfunde - problem der Interpretation* (Užgorod 2006), 124-143.
- Lăzurcă 1984: E. Lăzurcă, Noi date obținute în urma analizelor de laborator asupra uneltelor și armelor litice din colecția Muzeului din Tulcea. *Peuce IX*, 1984, 281-289.
- Leahu 2003: V. Leahu, *Cultura Tei*. BTHR XXXVIII (București 2003).
- Levițki ș.a. 1996: O. Levițki, I. Manzura, T. Demcenko, Necropola tumulară de la Sărăteni. (București 1996).
- Lichardus ș.a. 2002: J. Lichardus, R. Echt, I.K. Iliev, J. C. Christov, Die Spätbronzezeit an der unteren Tundza und die ostägäischen Verbindungen in Südostbulgarien. *Eurasia Antiqua 8*, 2002, 135-184.
- Lochko, Postuvalov 1994: V. I. Lochko, S.Z. Postuvalov, The warfare of the northern pontic steppe-forest-steppe pastoral societies: 2750-2000 BC (Catacomb culture). In: *Nomadism and pastoralism in the circle of baltic-pontic early agrarian cultures: 5000-1650*. BPS 2, 1994, 196-215.
- Mareș 1996: I. Mareș, Un mormânt preistoric descoperit la Suceava-„Dealul Zamca”. *Codrul Cosminului 2* (12), 1996, 323-327.
- Marinescu 1986: G. Marinescu, Necropola de la sfârșitul epocii bronzului (cultura Noua) de la Archiud, comuna Teaca, județul Bistrița Năsăud. *TD VII*, 1-2, 1986, 46-58.
- Matasă 1959: C. Matasă, Descoperiri arheologice în raionul Piatra-Neamț. *MCA IV*, 1959, 723-733.
- Maxim-Alaiba, Marin 1994: R. Maxim-Alaiba, I. Marin, Cercetări arheologice de suprafață în comuna Bălteni, județul Vaslui. *AMM IX-XI*, (1987-1989), 1994, 223-246.
- Manzura, Sava 1994: I. Manzura, E. Sava, Interacțiuni „est-vest” reflectate în culturile eneolitice și ale epocii bronzului din zona de nord-vest a Mării Negre (schiță cultural-istorică). *MemAntiq XIX*, 1994, 143-192.
- Morintz 1978: S. Morintz, Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii. I (București 1978).
- Moscalu 1989: E. Moscalu, Săpăturile de salvare de la Cotărgaci (com. Roma, jud. Botoșani). *Hierasus VII-VIII*, 1989, 117-131.
- Niculică 2001: B. Niculică, Topoare de piatră aparținând epocii bronzului descoperite pe teritoriul județului Suceava. *Codrul Cosminului 6-7* (16-17), 2000-2001, 67-80.
- Niculică ș.a. 2004: B. Niculică, V. Budui, I. Mareș, Considerații privind unele topoare de piatră, din epoca bronzului, descoperite în Podișul Sucevei. *Suceava XXIX-XXX*, 2004, 267-315.
- Prox 1941: A. Prox, *Die Schneckenbergkultur* (Brașov 1941).
- Rotaru 2006: M. Rotaru, Topoare-ciocan cu gaură de înmănușare descoperite recent în Depresiunea colinară Horincea-Elan-Prut. *Elanul 55*, 2006, 1-3.
- Sava 1991: E. Sava, Relații între cultura „Mnogovalikovaia” dintre Nistru și Prut și cultura Monteoru. *TD XII*, 1-2, 1991, 15-37.
- Sava 1994: E. Sava, Epoca bronzului-perioada mijlocie și târzie (sec. XVII-XII î.e.n.). *TD XV*, 1-2, 1994, 141-158.
- Schuster, Munteanu 1995: C. Schuster, M. Munteanu, Considerații privind unele topoare din epoca bronzului găsite la sud de Carpați. *MemAntiq XX*, 1995, 79-84.
- Schuster 1997: C. Schuster, Perioada timpurie a epocii bronzului în bazinele Argeșului și Ialomiței superioare. BTHR XX (București 1997).
- Stoicovici, Blăjan 1979: E. Stoicovici, M. Blăjan, Unelte și arme de piatră descoperite în împrejurimile Mediașului (jud. Sibiu). *Apulum XVII*, 1979, 31-64.
- Székely 1997: Z. Székely, Perioada timpurie și începutul celei mijlocii a epocii bronzului în sud-estul Transilvaniei. BTHR XXI (București 1997).
- Șimon, Munteanu 1990: M. Șimon, M. Munteanu, Despre trei topoare de piatră din epoca bronzului. *SympThrac 9*, 1990, 105-106.
- Teodor, Șadurschi 1979: S. Teodor, P. Șadurschi, Descoperirile arheologice de la Lozna, comuna Dersca, județul Botoșani. *Hierasus I*, 1979, 121-140.
- Tudor 1973: E. Tudor, Un mormânt de la începutul epocii bronzului de la Răcăciuni. *SCIV(A) t. 24*, nr. 2, 1973, 283-288.
- Ursu 1995-1996: E. C. Ursu, Un topor de piatră din epoca bronzului descoperit la Bălănești (com. Icușești, jud. Neamț). *Suceava XXII-XXIII*, 1995-1996, 541-543.
- Vasilii 1986: I. Vasilii, Topoare de piatră din epoca bronzului aflate în colecțiile Muzeului de Arheologie din Tulcea. *Peuce XII*, 1986, 9-26.
- Vulpe 1956: R. Vulpe, Săpăturile de la Poienești. *MCA I*, 1956, 213-306.
- Vulpe 1959: Al. Vulpe, Depozitul de la Tufa și topoarele cu ceafa cilindrică. *SCIV(A) t. 10*, nr. 2, 1959, 265-275.
- Vulpe 1970: Al. Vulpe, *Die Äxte und Beile in Rumänien*. I, PBF IX/2, (München 1970).

- Vulpe 1997: Al. Vulpe, Tezaurul de la Perșinari. O nouă prezentare. CCDJ XV, 1997, 265-301.
- Vulpe 2001: Al. Vulpe, Structuri sociale și credințe religioase în epoca bronzului și în prima epocă a fierului. In: (coord. M. Petrescu-Dîmbovița, Al. Vulpe) Istoria Românilor I (București 2001).
- Zapotocký 1966: M. Zapotocký, Streitäxte und Streitaxtekulturen. PamArch 57, 1966, 172-209.
- Zapotocký 1989: M. Zapotocký, Streitäxte der TRB-Kultur: ihre Typologie, Chronologie und Funktion. Praehistorica XV, 1989.
- Zapotocký 1992: M. Zapotocký, Streitäxte der mitteleuropäischen Äneolithikum (Weinheim 1992).
- Березанская 1985: С.С. Березанская, Комаровская культура. АУ СССР, 1985, 428- 437.
- Березанская и др. 1986: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, П.П. Чердничко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986).
- Савва 1987: Е. Савва, К вопросу о пестях-скипетрах эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья. IANM ССР 1, 1987, 62-71.
- Тощев 2003: Г. Тощев, Ранний период эпохи бронзы Крыма. In: Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 89-112.

drd. Vasile Diaconu, Complexul Muzeal Județean Neamț – Muzeul de Istorie și Etnografie Tg. Neamț, str. Ștefan cel Mare, nr. 37, Tg. Neamț, jud. Neamț, România, tel/fax: 0233/790594; e-mail: diavas_n82@yahoo.com

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ДВУУШКОВЫХ ТОПОРОВ-КЕЛЬТОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ¹

Евгений УШУРЕЛУ, Кишинэу

Apariția și evoluția topoarelor-celt cu două urechiușe din perioada târzie a epocii bronzului din Europa de Est. Studiul abordează problema apariției și evoluției spațial-temporale a topoarelor-celt cu două urechiușe din perioada târzie a epocii bronzului din Europa de Est. În vederea elucidării subiectelor în cauză sunt efectuate analizele tipologică și spațial-cronologică a celturilor cu două urechiușe, posterioare celor de tip Sejma-Turbino, din spațiul cuprins între munții Ural, Caukazu de Nord, regiunea est-carpatică și Dunărea de Jos. În conformitate cu datele existente în stadiul actual de cercetare, cele mai timpurii celturi cu două urechiușe sunt cele din mediul cultural Sejma-Turbino, poziția cronologică a căruia se plasează în prezent între sfârșitul mileniului III- primul sfert al mileniului II a.Chr. În baza tradițiilor Sejma-Turbino, în bazinul mijlociu al r. Volga apar celturi cu două urechiușe și celturi cu o urechiușă de tip Derbeden, iar în nordul Mării Negre celturi cu două urechiușe de tip Lobjkovka-Golovurov. Apariția acestor două grupe de celturi se află în legătură cu transformările culturale din aceste regiuni, generate de centrul cultural-genetic volgo-uralic. Odată cu formarea complexului cultural Sabatinovka-Noua-Coslogeni, celturile cu două urechiușe de tip Lobjkovka-Golovurov din nordul Mării Negre se răspândesc la est de Carpați și la Dunărea de Jos, reprezentând în aceste regiuni cele mai timpurii celturi. Datele de ordin cronologic existente indică pentru această grupă de celturi o datare în BzB2-BzC1 (după Reinecke), MDII-MDIII (după Hänsel) sau în intervalul de timp cuprins între sfârșitul sec. XVI-XV a.Chr. Rezultatele cercetării efectuate vin să confirme ipoteza expusă de V.S. Bočkarov, conform căreia, apariția celturilor în Europa nu constituie un proces convergent, ci o răspândire în etape, de la est spre vest.

В статье рассматриваются вопросы генезиса и пространственно-временной эволюции двушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы. Для решения поставленных задач, было проведено исследование типологического, пространственного и временного развития двушковых кельтов, последующих сейминско-турбинским, распространённых между Уралом, Северным Кавказом, Карпатами и Балканами. Согласно нынешним хронологическим данным, самыми ранними являются двушковые кельты, бытовавшие в среде сейминско-турбинских памятников. На основании сейминско-турбинских традиций и в результате радикальных культурных преобразований, обусловленных волго-уральским очагом культурогенеза, в Среднем Поволжье и в Северном Причерноморье, появляются две родственные группы кельтов: первичная, представлена двушковыми кельтами и одношковыми типа Дербедень, вторичная, только двушковыми кельтами лобойковско-головуровского типа. С образованием культурного блока Сабатиновка-Нова-Кослоджень, двушковые кельты лобойковско-головуровского типа Северного Причерноморья распространяются до Карпат и Балкан. В соответствии с нынешними хронологическими данными, датировка данной группы кельтов укладывается в BzB2-BzC1 (по Reinecke), MDII-MDIII (по Hänsel), или в интервале времени между концом XVI-XV вв. до н.э. Результаты исследования подтверждают положения предложенной В.С. Бочкаревым концепции, согласно которой происхождение кельтов в Европе не является результатом конвергентных процессов, а следствием последовательного расширения их ареала с востока на запад.

Genesis and evolution of double-looped socketed axes of Eastern Europe from Late Bronze Age. The article deals with the genesis and spatial-temporal evolution of double-looped socketed axes from Late Bronze Age of Eastern Europe. The study included typology, spatial and temporal development of double-looped socketed axes, which chronologically follow the Sejma-Turbino type of axes, and spread in the area between Urals, North Caucasus, Carpathians, and Balkans. According to the modern chronological data, the earliest double-looped socketed axes have been yielded by Seima-Turbino monuments. Two closely related groups of socketed axes from Middle Volga Area and North Black Sea Area derived from Seima-Turbino traditions under cultural influence of Volga-Urals culturogenesis centre: the primary group represented by double-looped socketed axes and one-looped socketed axes of Derbeden type; and the secondary group represented only by double-looped socketed axes of Lobjkovka-Golovurov type. Double-looped socketed axes of Lobjkovka-Golovurov type disperse to Carpathians and Balkans with formation of Sabatinovka-Noua-Coslogeni cultural unity. Modern chronological data suggest that the socketed axes group under study are dated by BzB2-BzC1 (according to Reinecke), MDII-MDIII (according to Hänsel), or within the time period of end of XVI-th century – XV-th century B.C. The present study supports

¹ Исследование проведено в рамках молдо-российского гранта № 09.820.07.01 UF.

Bochkariov's conception assuming that the origin of socketed axes in Europe is not a result of convergent processes, but rather a consequence of successive spread of the socketed axes from the East to West.

Key words: *Eastern Europe, Late Bronze Age, double-looped socketed axes, typology, relative chronology, cultural context.*

Введение

Существенные удревнения абсолютной хронологии ряда евразийских культур, основанных на результатах радиоуглеродных анализов последнего десятилетия, привели к пересмотру традиционных представлений о генезисе топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы.

Датирование сейминско-турбинских памятников в пределах конца III- первой четверти II тыс. до н.э. (Трифонов 1996; Епимахов, Хэнкс, Ренфрю 2005; Когуакова, Еримакхов 2007, Tab. o.3.), выявило хронологический разрыв в 3-4 столетия, между появлением кельтов в этих памятниках и появлением кельтов в других регионах Евразии (Бочкарев 2002, 115).

На основании хронологических, отчасти типологических данных и локализации последующих за сейминско-турбинскими топорами групп кельтов Восточной Европы, В.С. Бочкарев оспаривает конвергентную версию происхождения кельтов в Европе, выдвигая идею последовательного расширения их ареала с востока на запад.

Согласно предложенной схеме, в первой половине II тыс. до н.э., кельты занимали северо-восточную территорию Европы, в XV-XIV вв. до н.э., почти всю южную половину Восточной Европы, вплоть до Карпат и Балкан. В XIII в. до н.э., началось массовое производство этих орудий в карпато-балканском регионе, а в XII в. до н.э., в Среднем Подунавье и в восточных районах Центральной Европы. В Западной Европе кельты получают широкое распространение только с X в. до н.э.

Распространение двушковых кельтов Северного Причерноморья в западном направлении, до Карпат и Балкан, связано с образованием культурного блока Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень (Бочкарев 2002, 117-118).

Эти данные, а также другие, нынешнего этапа исследований, вновь делают актуальными вопросы связанные с типологической и хронологической эволюцией, культурным контекстом двушковых кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы.

Что касается самых ранних двушковых кельтов, то согласно нынешнему датированию сейминско-турбинских памятников, таковыми являются двушковые кельты бытовавшие в данной культурной среде рядом с безушковыми и одношковыми топорами.

А вот вопросы времени и культурной среды появления двушковых кельтов, последующих сейминско-турбинским, в волго-уральском регионе и в

Северном Причерноморье, типологические и хронологические соотношения между группами кельтов этих регионов, а также последних с группами двушковых кельтов карпато-балканского региона и Северного Кавказа, недостаточно разработаны.

Решению этих задач способствовало бы изучение известных, или вернее, доступных двушковых кельтов, распространенных между Уралом, Северным Кавказом, Карпатами и Балканами, т.е., исследование типологического, пространственного и временного развития данной совокупности бронзовых изделий.

К сожалению, существующие типологические схемы двушковых кельтов не способствуют достижению намеченных целей. Поскольку, последние или включают только региональные выборки двушковых кельтов, к примеру волго-уральского (Тихонов 1960; Черных 1970), карпато-балканского регионов (Черных 1978; Dergačev 2002), или определения типологических разрядов слишком расплывчатые, как в случае работы по металлообработке Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы (Черных 1976).

В этой ситуации необходима разработка новой типологической схемы двушковых кельтов, в которой были бы включены по возможности все подобные орудия указанных регионов, и ее соотношение с нынешними данными по хронологии и культурам эпохи поздней бронзы.

I. Типология двушковых кельтов

Исходные данные которые легли в основу предлагаемой типологической классификации двушковых кельтов, распространенных между Уралом, Северным Кавказом, Карпатами и Балканами, происходят исключительно из публикаций.

Определяющими при членении данной совокупности послужили признаки исследуемых предметов.

При определении дефиниций типов соблюдения следующее условие. Совокупность артефактов, составляющих один тип, должна быть замкнута: в тип должны входить только те артефакты, которые привлекаются при выработке его определения, новые артефакты в него не включаются (Колпаков 1991, 40).

Таким образом, типобразующими признаками данной совокупности являются наличие или отсутствие специфических морфологических элементов широких плоскостей (фасок) кельтов и боковых

граней: трапециевидное и арковидное оформления фасок, сочетание арковидного оформления фасок и листовидного боковых граней, косые грани в доль боковых или листовидное оформление боковых граней, которые определяют основную форму сечения туловища.

В свою очередь, разделение типов на варианты производится вследствие наличия или отсутствия дополнительных морфологических признаков, которые могли иметь функциональное назначение или подпадают в большей степени под определение орнаментальных элементов, а также вариаций в оформлении некоторых основных морфологических показателей: расположения ушек по отношению к краю втулки и в соответствии с внешней формой втулки.

Таким образом, выделенные типы и варианты представляют собой исключительно классификационные подразделения и ни в коем случае не являются так называемыми типологическими рядами.

Типы в данном случае, выполняют лишь классификационные функции, тогда как варианты, являются теми таксономическими единицами, посредством которых будут выявляться пространственные и временные рамки группировок сходных предметов и их соотношение с археологическими культурами.

Определение пространственных и временных рамок выделенных вариантов, их культурно-археологического контекста, будут производиться посредством картографирования, соотношения с группами комплексов литейных форм и кладов бронзовых изделий, с археологическими культурами.

Цифровые обозначения таксономических единиц включают следующее. Римская цифра II является общим индексом двушковых кельтов. Арабские цифры дифференцируют типы и варианты, с использованием в обоих случаях сплошных нумераций.

Собранная выборка, состоящая из 136 находок и 28 негативов двушковых кельтов, подразделена на 5 типов, каждый включающий варианты².

Тип II.1. Двушковые кельты, овальные в сечении. Ободок по краю втулки соединяется с ушками.

Вариант II.1.1. Без дополнительных элементов (Рис. 1,1-9).

Вариант II.1.2. С отверстием в верхней части фаски (Рис. 1,10.11).

Вариант II.1.3. С орнаментом в виде треугольников в верхней части фаски (Рис. 1,12).

Вариант II.1.4. С горизонтальной нервюрой под ободком втулки (Рис. 2,1).

Вариант II.1.5. Горизонтальная нервюра под ободком, соединяется с нижним краем ушек (Рис. 2,2).

Вариант II.1.6. С горизонтальной нервюрой в верхней части фаски. Короткие вертикальные нервюры под ней, оканчиваются кружочками. Вдоль боковых граней имеет две углубленные косые линии (Рис. 2,3).

Вариант II.1.7. С горизонтальной «лесенкой» под ободком втулки (Рис. 2,4-6).

Вариант II.1.8. С орнаментированным пояском, расположенным между нижним краем ободка втулки и нижними краями ушек (Рис. 2,7-9).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ. Основным регионом локализации кельтов вариантов II.1.1., II.1.2., II.1.4., II.1.5., II.1.7., II.1.8., за исключением двух находок варианта II.1.1., из бассейна Дона, одной варианта II.1.2., из Свердловского музея и одной варианта II.1.7., из Нижнего Поднепровья, является Среднее Поднепровье.

Местонахождения кельтов вариантов II.1.3. и II.1.6., находятся в Среднем Поволжье и соответственно в прудо-днестровском междуречье (Карта 1).

ДАТИРОВКА. Комплексные находки вариантов II.1.1. (Рис. 1,5-7; Карта 1,5.6), II.1.4., II.1.5. (Рис. 2,1-2; Карта 1,10.11) и II.1.8. (Рис. 2,7.9; Карта 1,16.18), локализованные в Среднем Поднепровье, принадлежат к головуровской группе литейных форм (Voškarev Leskov 1980, 69-71) и к группе кладов бронзовых изделий раннесабатиновского времени (Leskov 1981, 96). В соответствии с морфологическими и орнаментальными показателями двушкового кельта, отнесенного к варианту II.1.7. (Рис. 2,5; Карта 1,14), как и по составу, к последней группе комплексов принадлежит и клад из Нижней Хортицы (Kaiser, Popandopulo 2004, 22. Abb.11).

² Отдано предпочтение достаточно дробному членению типов исходя из следующих соображений. Во первых, с целью разработки относительно строгой типологической схемы (в меру возможностей предоставляемых качеством иллюстраций и информацией публикаций), которая бы учитывала по возможности все релевантные вариации внутри типов. Во вторых, избранная модель предупреждает изначальное искажение результатов установления хронологических, пространственных и культурных рамок исследуемых орудий, особенно в случае данного исследования, предусматривающее изучение выборки охватывающее достаточно широкую территорию. Конечно, дробное членение типов затрудняет в первую очередь определение хронологии вариантов, представленных находками не связанными с определенным культурно-археологическим контекстом. Но, в таких случаях, более или менее точное установление времени бытования этих вариантов, предпочтительнее делать на основании типологической сопряженности с надежно датированными группами вариантов, после определения хронологических и культурных рамок последних, а не в результате изначального включения в типы и варианты с расплывчатыми определениями.

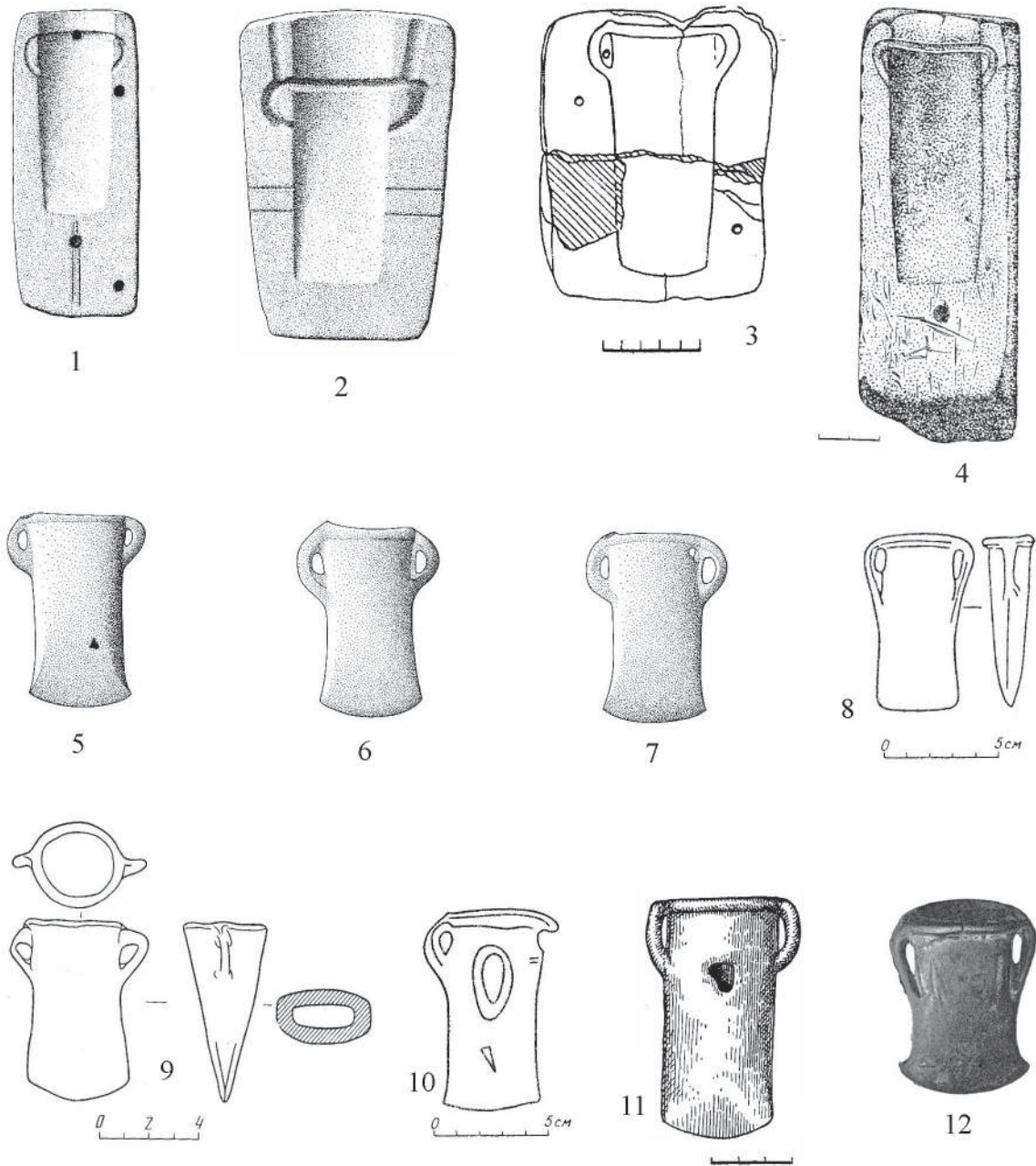

Рис. 1. Тип II.1.

Вариант II.1.1. 1- «Днепропетровская обл.» (Vočkarev, Leskov 1980, 13. Taf. 3,38a); 2- Капуловка (Vočkarev, Leskov 1980, 27. Taf. 12,101); 3- Кременчуг (Дергачев, Бочкарев 2002, Таб. 106,С1); 4- Неизвестного местонахождения, Волгоградский обл. краевед. музей (Мамонтов 1971, 221. Рис. 1,3); 5- Кабаково (Leskov 1981, 7. Taf. 1,С11); 6,7- Лобойковка (Leskov 1981, 8. Taf. 2,1.2); 8- Бывш. Киевская и Подольская губернии (Тереножкин 1961, 126. Рис. 85,7); 9- Репьевка (Пряхин, Синюк, Матвеев 1981, 283. Рис. 3,1).

Вариант II.1.2. 10- Витачево (Тереножкин 1961, 126. Рис. 85,5); 11- Неизвестного местонахождения, Свердловский музей (Сальников 1965, 160. Рис. 1,2).

Вариант II.1.3. 12- Черемшан (Tallgren 1916, 34. Pl. XII,5).

1-2. 5-7. 12 – масштаб первоисточника изменен.

Рис. 2. Тип П.1.

Вариант П.1.4. 1- Деревянное (Vočkarev, Leskov 1980, 9. Taf. 1,14).

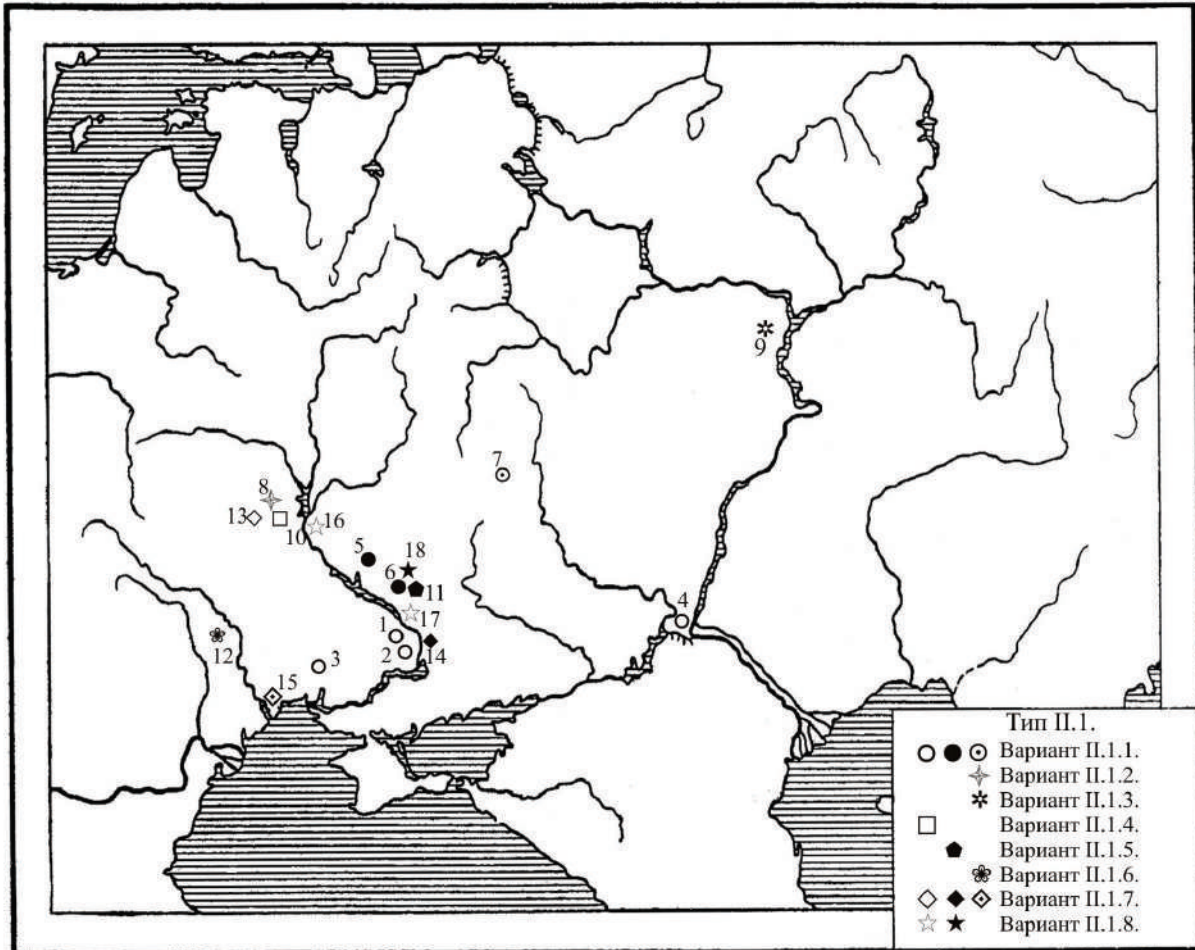
Вариант П.1.5. 2- Лобойковка (Leskov 1981, 8. Taf. 2,3).

Вариант П.1.6. 3- Киперчень II (Dergačev 2002, 40. Taf. 40,C).

Вариант П.1.7. 4- Мазепинцы (Vočkarev, Leskov 1980, 10. Taf. 2,20); 5- Нижняя Хортица (Kaiser, Popandopulo 2004, 22. Abb. 11,4); 6- Мигаи (Dergačev 2002, 202. Taf. 68, A412).

Вариант П.1.8. 7- Головуrow (Березанская 1982, 38. Рис. 6,1); 8- Волошское IV (Vočkarev; Leskov 1980, 30. Taf. 13,122); 9- Лобойковка (Leskov 1981, 8-9. Taf. 2,5).

1-6. 8-9. – масштаб первоисточника изменен.

Карта 1. (Условные обозначения: неокрашенный знак = литейная форма; окрашенный = клад бронз. изделий; полуокрашенный = единичная находка бронз. изделия).

Тип II.1.

Вариант II.1.1. 1-«Днепропетровская обл.», Украина; 2-Капуловка, Никопольский р-н, Днепропетровская обл., Украина; 3- Кременчуг, Вознесенский р-н, Николаевская обл., Украина; 4- Волгоградский обл. краевед. Музей, г. Волгоград, РФ; 5- Кабаково, р-н Кобеляки, Полтавская обл., Украина; 6- Лобойковка, Днепропетровский р-н, Днепропетровская обл., Украина; 7- Репьевка, Воронежская обл., РФ; Не картографированно: бывш. Киевская и Подольская губернии (Тереножкин 1961, 126. Рис. 85,7).

Вариант II.1.2. 8- Витачево, Обуховский р-н, Киевская обл., Украина. Не картографированно: Свердловский музей (Сальников 1965, 160. Рис. 1,2).

Вариант II.1.3. 9- Черемшан, Кайбицкий р-н (б. Подберезинский), респ. Татарстан, РФ.

Вариант II.1.4. 10- Деревянное, Обуховский р-н, Киевская обл., Украина.

Вариант II.1.5. 11- Лобойковка, Днепропетровский р-н, Днепропетровская обл., Украина.

Вариант II.1.6. 12- Киперчень, р-н Орхей, Респ. Молдова.

Вариант II.1.7. 13- Мазепинцы, Великополовецкий р-н, Киевская обл., Украина; 14- Нижняя Хортица, Запорожская обл., Украина; 15- Мигаи, Овидиопольский р-н, Одесская обл., Украина.

Вариант II.1.8. 16- Голоуров, Бориспольский р-н, Киевская обл., Украина; 17- Волошское IV, Днепропетровский р-н, Днепропетровская обл., Украина; 18- Лобойковка, Днепропетровский р-н, Днепропетровская обл., Украина.

Исходя из этого, с последними обозначенными группами комплексов можно синхронизировать и остальные случайные находки литейных форм и бронзовых изделий из Среднего Поднепровья, отнесенных к выше перечисленным вариантам (Рис. 1,1-4.8; 2,4.6.8; Карта 1,1-4.13.15.17)³. Этому же хронологическому этапу, скорее всего принадлежат и находки из Среднего и Нижнего Подонья (Рис. 1,4.9; Карта 1,4.7), прудо-днестровского междуречья (Рис. 2,3; Карта 1,12), кельты вариантов П.1.2. (Рис. 1,10.11; Карта 1,8) и П.1.3. (Рис. 1,12; Карта 1,9).

Тип П.2. Двуушковые кельты, с трапециевидным оформлением фасок, шестигранные или овальношестигранные в сечении.

Вариант П.2.1. Без дополнительных элементов (Рис. 3,1-6).

Вариант П.2.2. С дополнительной трапециевидной нервюрой на фасках (Рис. 3,7).

Вариант П.2.3. С укороченным трапециевидным оформлением фасок (Рис. 3,8).

Вариант П.2.4. С укороченными гранями вдоль боковых (Рис. 3,9).

Вариант П.2.5. С продольной нервюрой на фасках (Рис. 3,10).

Вариант П.2.6. С изогнутым верхним краем втулки (Рис. 3,11-13).

Вариант П.2.7. С расположенными боковыми ушками ниже ободка края втулки (Рис. 4,1).

Вариант П.2.8. С расположенными боковыми ушками ниже ободка края втулки и орнаментом в виде косых коротких линий (Рис. 4,2).

Вариант П.2.9. С расположенными боковыми ушками ниже утолщенного ободка края втулки (Рис. 4,3).

Вариант П.2.10. С легко приподнятым над ушками краем втулки. Верхние края ушек соединяются с горизонтальной нервюрой (Рис. 4,4).

Вариант П.2.11. С приподнятой над ушками втулкой, опоясанной двумя горизонтальными нервюрами. Нижняя, соединяется с верхними краями боковых ушек. Вдоль боковых граней предусмотрены укороченные косые грани (Рис. 4,5).

Вариант П.2.12. С окаймленным краем втулки ободком и ниже расположенной горизонтальной нервюрой, которая соединяется с верхними краями боковых ушек. Фаски предусмотрены с продольной нервюрой (Рис. 4,6).

Вариант П.2.13. С окаймленным краем втулки ободком и горизонтальной нервюрой, соединяющаяся с ушками (Рис. 4,7).

Вариант П.2.14. С окаймленным краем втулки ободком и изогнутой нервюрой, которая соединя-

ется с верхними краями боковых ушек (Рис. 4,8).

Вариант П.2.15. С окаймленным краем втулки ободком и горизонтальной нервюрой на уровне верхних краев ушек (Рис. 4,9).

Вариант П.2.16. С окаймленным краем втулки ободком и двумя горизонтальными нервюрами. Верхняя, соединяется с ушками (Рис. 4,10-11).

Вариант П.2.17. С боковыми ушками, расположенными ниже края втулки, окаймленного ободком и горизонтальной нервюрой (Рис. 4,12).

Вариант П.2.18. С приподнятым над ушками краем втулки, опоясанным двумя горизонтальными нервюрами (Рис. 4,13-15).

Вариант П.2.19. С приподнятой над ушками втулкой, окаймленной ободком и двумя горизонтальными нервюрами. Нижняя, соединяется с ушками (Рис. 4,16).

Вариант П.2.20. С приподнятой над ушками втулкой, опоясанной ободком и тремя горизонтальными нервюрами (Рис. 4,17).

Вариант П.2.21. С орнаментированным поясом между нижним краем ободка втулки и нижними краями ушек (Рис. 5,1-8).

Вариант П.2.22. С орнаментированной верхней частью трапециевидного оформления фаски (Рис. 5,9-11).

Вариант П.2.23. С Х-образным орнаментом, расположенным ниже горизонтальной нервюры (Рис. 5,12-13).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ. Эпицентр находок вариантов П.2.1.-П.2.3. и П.2.11., приходится на левобережье Нижнего Поднепровья. Исключение составляют единичные местонахождения кельтов варианта П.2.1., в бассейне Нижней Камы, на правобережье Среднего Поднепровья, в прудо-днестровском междуречье, в Крыму (Карта 2;3).

Кельты вариантов П.2.5. и П.2.12., локализованы в бассейне Северского Донца (Карта 2; 3), варианта П.2.13., в Среднем Подонье (Карта 3), варианта П.2.4., на левобережье Среднего Поднепровья (Карта 2), а вариантов П.2.6., П.2.8., П.2.15.-П.2.20., на Северном Кавказе (Карта 2; 3).

Из Закавказья, происходит кельт отнесенный к варианту П.2.7., с правобережья Нижнего Поднепровья, кельт варианта П.2.10., и с Южного Урала, кельт варианта П.2.9. (Карта 3).

Находки кельтов вариантов П.2.21., П.2.22. и П.2.23., за исключением одной, с правобережья Среднего Поднепровья и другой, из Среднего Поволжья, распространены в степной части Доно-Днепровского региона (Карта 4).

³ Литейные формы из Капуловки и Кременчуга (Рис. 1,2.3; Карта 1,2.3) происходят с поселений сабастиновской культуры (Voškarev, Leskov 1980, 27; Дергачев, Бочкарев 2002, 106-107. Таб. 106,С).

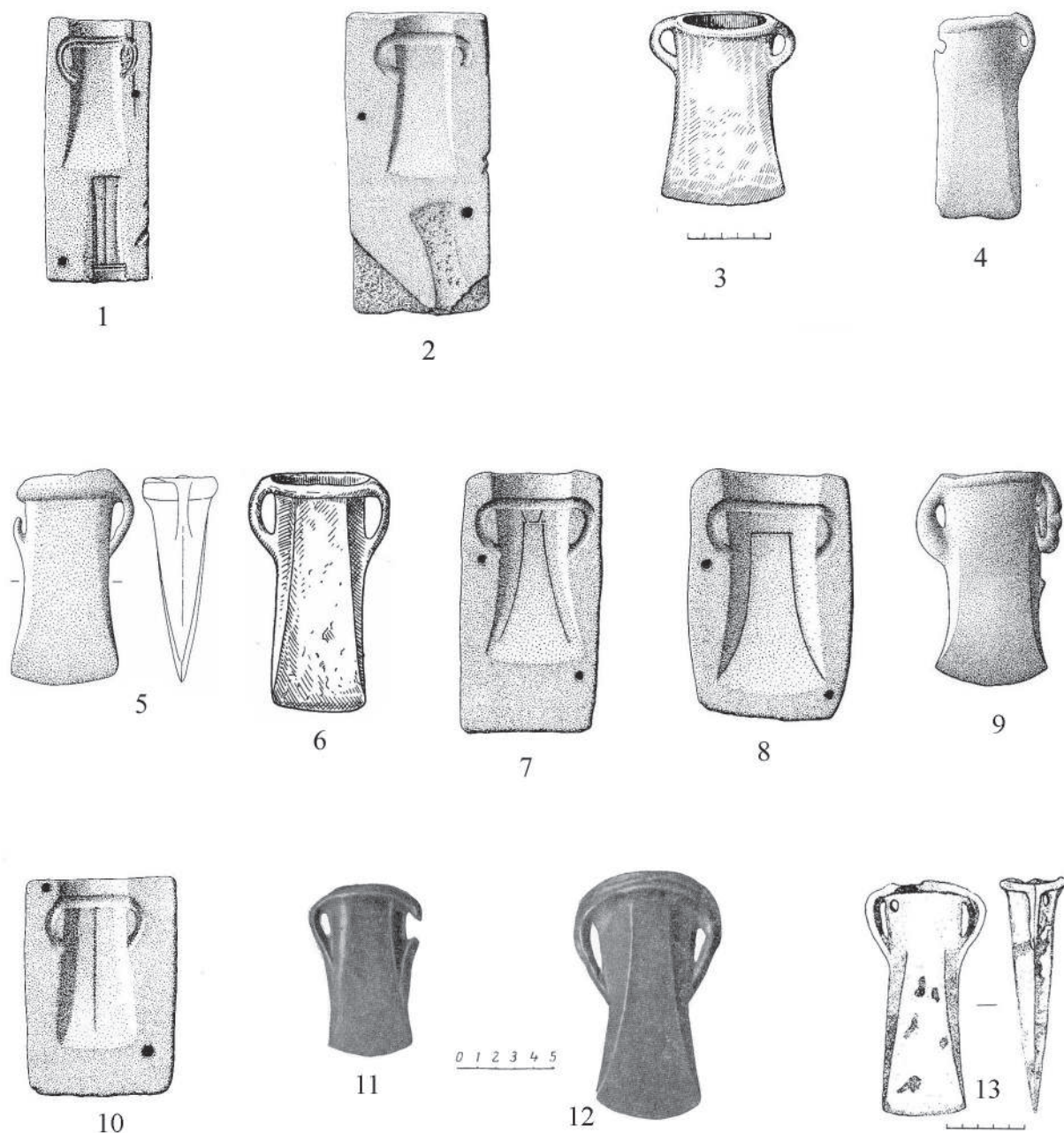

Рис. 3. Тип II.2.

Вариант II.2.1. 1- Солоха (Воцкарев, Leskov 1980, 20. Taf. 8,72a); 2- Завадовка (Воцкарев, Leskov 1980, 23. Taf. 10,83b); 3- Ялта (Крупнов 1958, Рис.1,4); 4- Мелниковка (Leskov 1981, 17. Taf. 4,F1); 5- Телица (Dergačev 2002, 48. Taf. 51,E); 6- Ананьинская дюна (Збруева 1952, Рис. XXXVI,17).

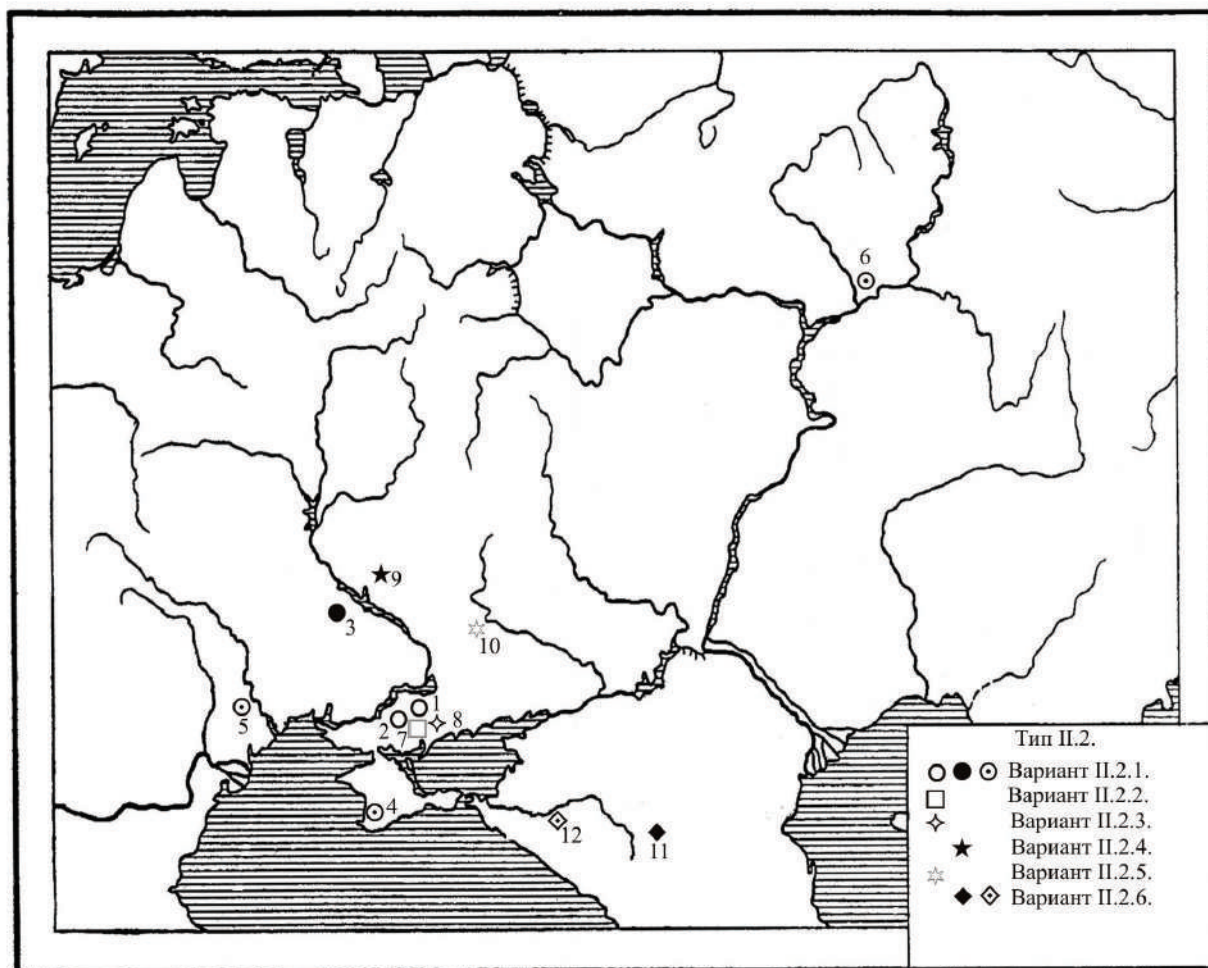
Вариант II.2.2. 7- Завадовка (Воцкарев, Leskov 1980, 22. Taf. 10,82).

Вариант II.2.3. 8- Завадовка (Воцкарев, Leskov 1980, 22. Taf. 10,81).

Вариант II.2.4. 9- Кабаково (Leskov 1981, 7. Taf. 1,C10).

Вариант II.2.5. 10- Бондариха (Воцкарев, Leskov 1980, 29. Taf. 13,115b).

Вариант II.2.6. 11-12- Бекешевская (Крупнов 1960, Таб. VII,1-2); 13- Тауйхабль (Чишхо) (Тов 2004, 302-303. Рис. 5).

Карта 2. (Условные обозначения: неокрашенный знак = литейная форма; окрашенный = клад бронз. изделий; полуокрашенный = единичная находка бронз. изделия).

Тип II.2.

Вариант II.2.1. 1- Солоха, Каменка-Днепровский р-н, Запорожская обл., Украина; 2- Завадовка, р-н Большая Лепетиха, Херсонская обл., Украина; 3- Мелниковка, Черкасская обл., Украина; 4- Ялта, Украина; 5- Телица, р-н Анений Ной, Респ. Молдова; 6- Ананьинская дюна, Елабужский р-н, респ. Татарстан, РФ.

Вариант II.2.2. 7- Завадовка, Больше-Лепетихский р-н, Херсонская обл., Украина.

Вариант II.2.3. 8- Завадовка, Больше-Лепетихский р-н, Херсонская обл., Украина.

Вариант II.2.4. 9- Кабаково, р-н Кобеляки, Полтавская обл., Украина.

Вариант II.2.5. 10- Бондариха, р-н Изюм, Харьковская обл., Украина.

Вариант II.2.6. 11- Бекешевская, Ставропольский край, РФ; 12- Тауйхабль (Чишхо), Теучежский р-н, респ. Адыгея, РФ.

ДАТИРОВКА. Комплексные находки вариантов II.2.1.-II.2.3. (Рис. 3,1-2; 7-8; Карта 2,1-2.7-8), принадлежат к завадовской группе литейных форм позднебелозерского времени (Voškarev Leskov 1980, 71-72) и к переходному времени от позднеабатиновского к раннебелозерскому этапу (Рис. 3,4; Карта 2,3) (Leskov 1981, 18). Вероятно, ко времени бытования завадовской группы литейных форм, относятся случайные находки варианта II.2.1. (Рис. 3,3,5; Карта 2,4-5).

Створки литейных форм вариантов II.2.5. и II.2.12. (Рис. 3,10; 4,6; Карты 2,10; 3,6), были найдены при раскопках на эпонимном памятнике бондарихинской культуры (Voškarev Leskov 1980, 29).

К Бекешевской группе памятников Прикубанья (Пелих 2003,17), принадлежат кельты из комплексов варианта II.2.6. (Рис. 3,11-12; Карта 2,11).

Кельт варианта II.2.7., из клада Тхмори (Рис. 4,1; Карта 3,1), и типологически близкие кельты из бассейна реки Уруп - вариант II.2.16. (Рис. 4,10;

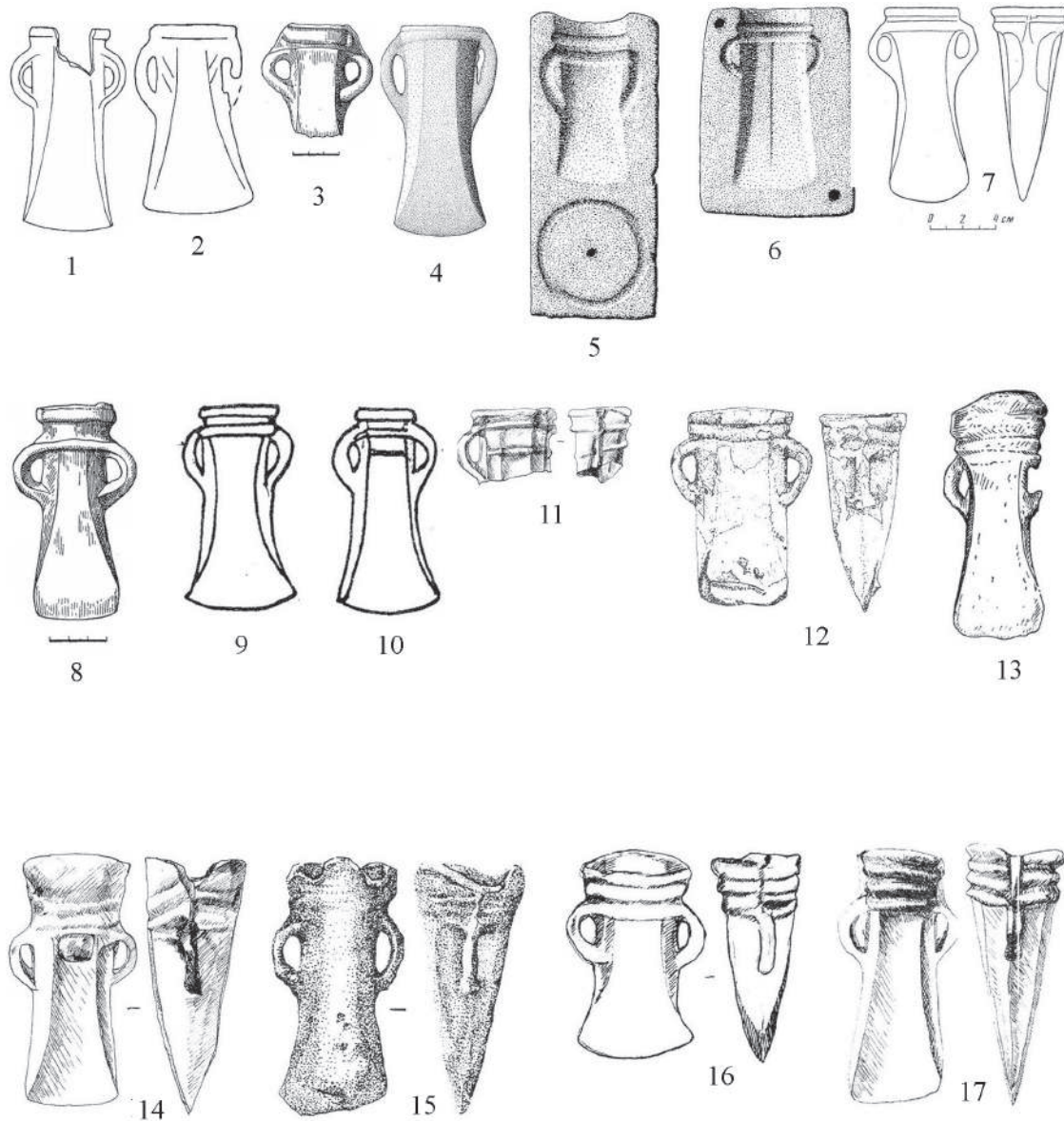

Рис. 4. Тип II.2.

Вариант II.2.7. 1- Тхмори (Leskov 1981, Taf. 7,44).

Вариант II.2.8. 2- Теберда (Leskov 1981, Taf. 7,39).

Вариант II.2.9. 3- Нижняя Павловка (Сальников 1965, 160. Рис. 1,4).

Вариант II.2.10. 4- Дремайловка (Leskov 1981, 16. Taf. 4,E2).

Вариант II.2.11. 5- Кардашинка II (Воџкарев, Leskov 1980, 24. Taf. 11,90a).

Вариант II.2.12. 6- Бондариха (Воџкарев, Leskov 1980, 29. Taf. 13,115a).

Вариант II.2.13. 7- Старая Калитва (Пряхин, Синюк, Матвеев 1981, 283-284. Рис. 3,2).

Вариант II.2.14. 8- Неизвестн. местонахождения, Оренбургский музей (Сальников 1965,160.Рис. 1,3).

Вариант II.2.15. 9- Чегемский мост (Козенкова 1996, Таб. 5,17).

Вариант II.2.16. 10-бассейн р.Уруп (Козенкова 1996,Таб.5,16);11-Адамий (Тов 2004,302.Рис. 4).

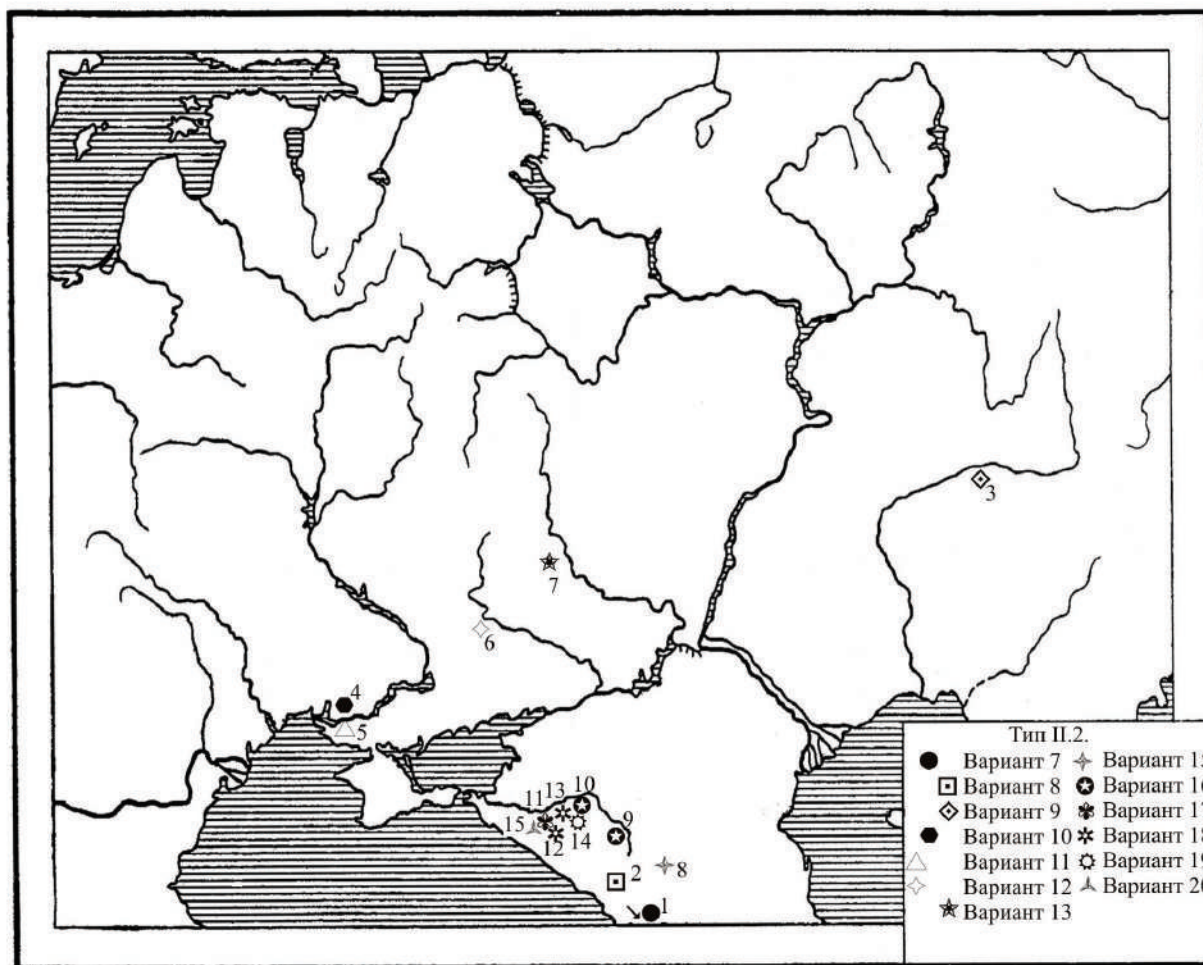
Вариант II.2.17. 12- Нечерезий (Тов 2004, 303. Рис. 7).

Вариант II.2.18. 13- Тауйхабль (Иессен 1951, Рис. 12); 14- Нечерезий (Тов 2004, 302. Рис. 3); 15- Тауйхабль (Пхагугапе) (Тов 2004, 301-302. Рис. 1).

Вариант II.2.19. 16- Тауйхабль (Чишхо) (Тов 2004, 303. Рис. 6).

Вариант II.2.20. 17- Нечерезий (Тов 2004, 302. Рис. 2).

1-2. 4-6. 9-17 – масштаб первоисточника изменен.

Карта 3. (Условные обозначения: неокрашенный знак = литейная форма; окрашенный = клад бронз. изделий; полуокрашенный = единичная находка бронз. изделия).

Тип II.2.

Вариант II.2.7. 1- Тхмори, Грузия.

Вариант II.2.8. 2- Теберда, Карачаево-Черкесская респ., РФ.

Вариант II.2.9. 3- Нижняя Павловка, Оренбургская обл., РФ.

Вариант II.2.10. 4- Дремайловка, р-н Голая Пристань, Херсонская обл., Украина.

Вариант II.2.11. 5- Кардашинка II, р-н Цюрупинск, Херсонская обл., Украина.

Вариант II.2.12. 6- Бондариха, р-н Изюм, Харьковская обл., Украина.

Вариант II.2.13. 7- Старая Калитва, Россошанский р-н, Воронежская обл., РФ.

Вариант II.2.14. Не картографированно: Оренбургский музей, (Сальников 1965, 160. Рис. 1,3).

Вариант II.2.15. 8- Чегемский мост, респ. Кабардино-Балкария, РФ.

Вариант II.2.16. 9- бассейн реки Уруп, РФ; 10- Адамий, Красногвардейский р-н, респ. Адыгея, РФ.

Вариант II.2.17. 11 – Нечерезий, Теучежский р-н, респ. Адыгея, РФ.

Вариант II.2.18. 12- Нечерезий, Теучежский р-н, респ. Адыгея, РФ; 13- Тауйхабль (Пхагугале), Теучежский р-н, респ. Адыгея, РФ.

Вариант II.2.19. 14- Тауйхабль (Чишхо), Теучежский р-н, респ. Адыгея, РФ.

Вариант II.2.20. 15- Нечерезий, Теучежский р-н, респ. Адыгея, РФ.

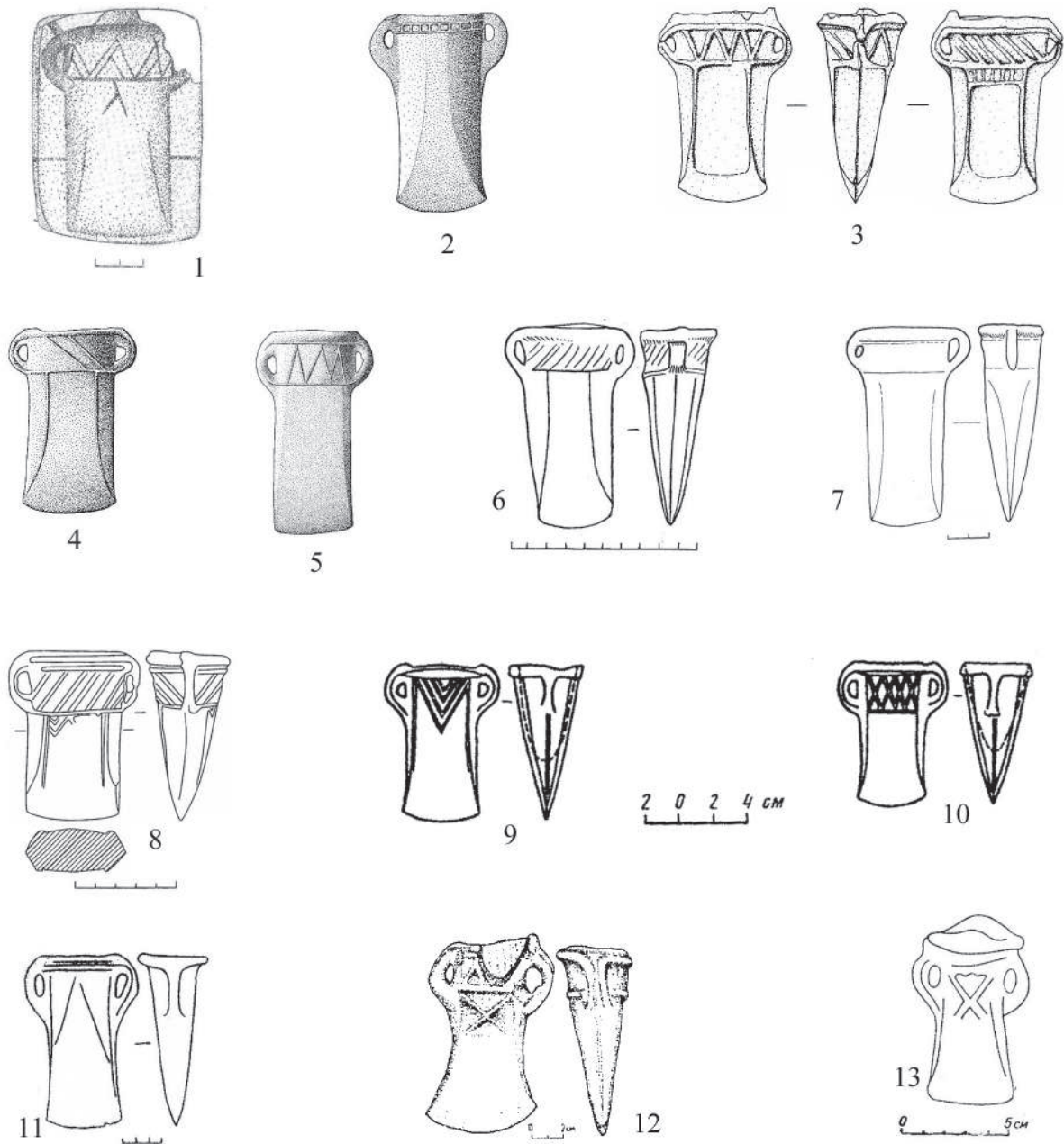

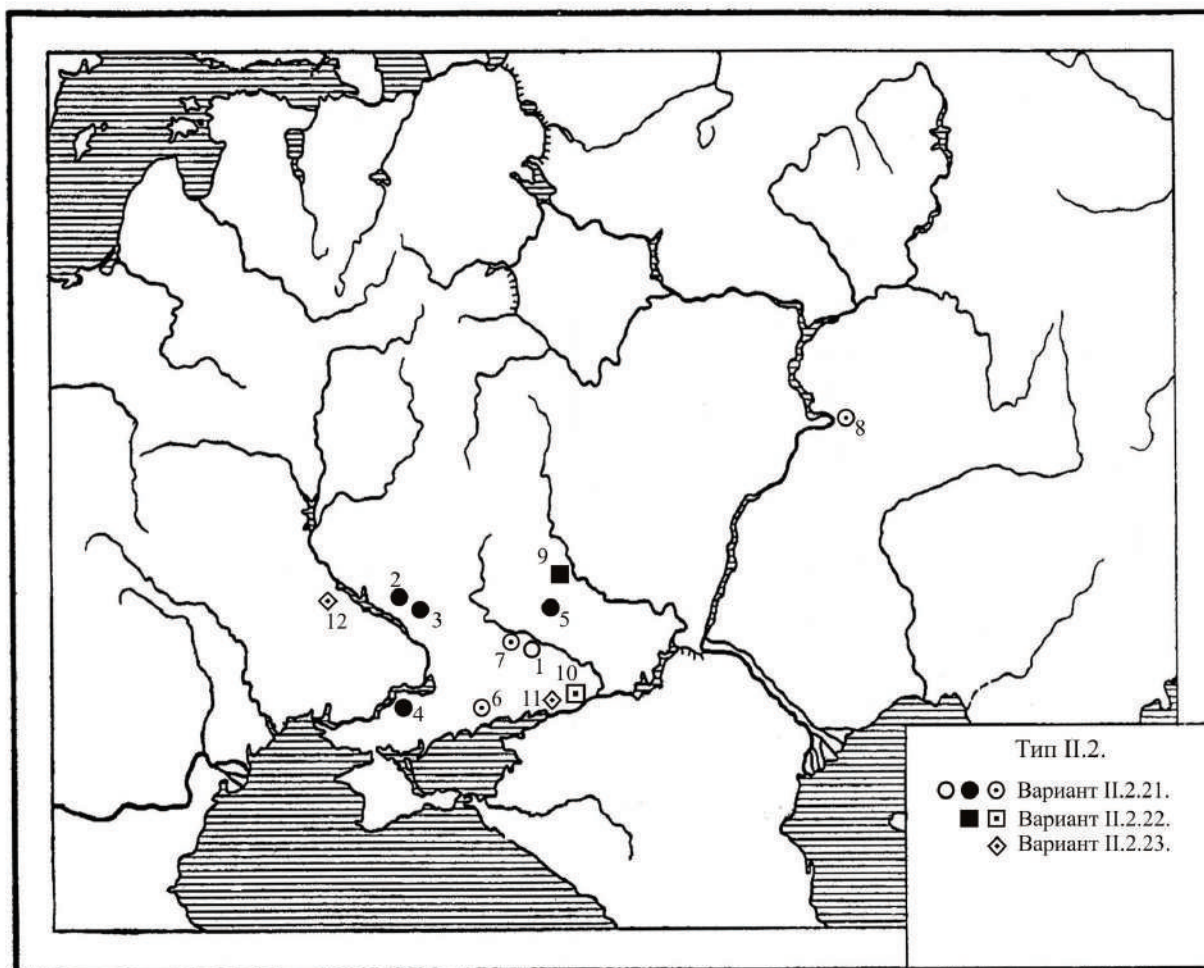
Рис. 5. Тип II.2.

Вариант II.2.21. 1- Пилипчатино (Татаринов 1979, 258. Рис. 2,1); 2- Кабаково (Leskov 1981, 7 Taf. 1,C9); 3- Благовещенка (Kaiser, Porandorulo 2004, 19-20. Abb. 9,2); 4- Лобойковка (Leskov 1981, 8. Taf. 2,4); 5- Трехизбенное (Leskov 1981, 12-13. Taf. 4,A1); 6- Бывш. Мариупольский уезд (Черных 1976, 83. Таб. VII,14); 7- Адамовка (Татаринов 1979, 259-260. Рис. 4,1); 8- Борма (История Самарского Поволжья ...2000, Рис. 16,1).

Вариант II.2.22. 9-10- Терешково (Пряхин, Синюк, Матвеев 1981, 281. Рис. 1,1-2); 11- Аксай (Каталог... 1979, 30. Таб.16,6).

Вариант II.2.23. 12- Ростовский музей (Ильюков 2009, 51); 13- Балаклея (Тереножкин 1961, 121. Рис. 83,10).

2-5 – масштаб первоисточника изменен.

Карта 4. (Условные обозначения: неокрашенный знак = литейная форма; окрашенный = клад бронз. изделий; полукрашенный = единичная находка бронз. изделия).

Тип II.2.

Вариант II.2.21. 1- Пилипчатино, Украина; 2- Кабаково, р-н Кобеляки, Полтавская обл., Украина; 3- Лобойковка, Днепропетровский р-н, Днепропетровская обл., Украина; 4- Благовещенка, Каменка-Днепровский р-н, Запорожская обл., Украина; 5- Трехизбенное, Старобельский р-н, Луганская обл. (бывш. Ворошиловградская), Украина; 6- бывш. Мариупольский уезд, Украина; 7- Адамовка, Славянский р-н, Донецкая обл., Украина; 8- Борма, Самарская обл., РФ.

Вариант II.2.22. 9- Терешково, Богучарский р-н, Воронежская обл., РФ; 10- Аксай, Ростовская обл., РФ.

Вариант II.2.23. 11- «Ростовский музей», Ростовская обл., РФ; 12- Балаклея, р-н Смела, Черкасская обл., Украина.

Карта 3,9), и из Тауйхабля - вариант II.2.18. (Рис. 4,13; Карта 3,13), объединенные А.М. Лесковым в тип Тхмори, были датированы белозерским временем (Leskov 1981,69-70).

Раннебелозерским временем датирована литейная форма из Кардашинка II (Voškarev Leskov 1980, 24), негатив кельта которой отнесен к варианту II.2.11. (Рис. 4,5; Карта 3,5).

Обобщенно, сабастиновским временем, был датирован и клад из Дремайловки (Leskov 1981,17), в составе которого входит кельт отнесенный к варианту II.2.10. (Рис. 4,4; Карта 3,4).

Еще сложнее датировать варианты II.2.9. (Рис. 4,3; Карта 3,3), II.2.13. (Рис. 4,7; Карта 3,7) и II.2.15.-

II.2.20. (Рис. 4,9-17; Карта 3,8-15), представленные только случайными находками.

Кельты из закрытых комплексов варианта II.2.4. (Рис. 3,9; Карта 2,9) и II.2.21. (Рис. 5,2-5; Карта 4,2-5), принадлежат к группе кладов бронзовых изделий раннесабатиновского времени (Leskov 1981, 96). Этим же временем, можно датировать и остальные случайные находки литейных форм и бронзовых изделий, из степной части Доно-Днепровского региона, отнесенных к варианту II.2.21. (Рис. 5,1.6-7; Карта 4,1.6-7) и возможно кельт из Среднего Поволжья (Рис. 5,8; Карта 4,8).

В соответствии с морфологическими показателями и орнаментальными элементами кельтов (Рис.

5,9.10; Карта 4,9), и в целом по составу изделий, Терешковский клад⁴ наиболее близок двум основнымкладам группы комплексов бронзовых изделий раннесабатиновского времени, Кабаковскому и Лобойковскому (Leskov 1981, 96. Taf. 1C; 2.3A; Бочкарев, Лесков 1978, 25). Вероятно, этому же хронологическому этапу, принадлежит и случайная находка кельта отнесенного к варианту П.2.22. (Рис. 5,11; Карта 4,10).

Неопределенной остается датировка варианта П.2.23. (Рис. 5,12-13; Карта 4,11-12), представленного только случайными находками.

Тип П.3. Двушковые кельты, с арковидным оформлением фасок, шестигранные в сечение. Ободок по краю втулки соединяется с верхними краями ушек.

Вариант П.3.1. Без дополнительных элементов (Рис. 6,1-3).

Вариант П.3.2. С горизонтальной нервюрой под ободком края втулки (Рис. 6,4).

Вариант П.3.3. С дополнительными нервюрами над и внутри арковидного оформления фаски (Рис. 6,5).

Вариант П.3.4. С зигзагообразными нервюрами под ободком края втулки (Рис. 6,6-7).

Вариант П.3.5. С орнаментом в виде овала, расположенного между ободком края втулки и арковидным оформлением фаски (Рис. 6,8).

Вариант П.3.6. С углообразной нервюрой и косыми рельефными линиями между ободком края втулки и арковидным оформлением фаски (Рис. 6,9).

Вариант П.3.7. С отверстием в верхней части арковидного оформления фаски (Рис. 6,10-16; 7,1-3).

Вариант П.3.8. С расположенными боковыми ушками ниже ободка края втулки (Рис. 7,4).

Вариант П.3.9. С вертикальными нервюрами между ободком края втулки и арковидным оформлением фаски, и с отверстием в верхней части арковидного оформления (Рис. 7,5).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ. Кельты вариантов П.3.1., П.3.4., и за исключением одной случайной находки из бассейна реки Кубань, и варианта П.3.7., локализованы на правом берегу Среднего и Нижнего Поднепровья.

На левобережье Среднего Поднепровья, расположены местонахождения вариантов П.3.2., П.3.3., а вариантов П.3.5., П.3.6., П.3.8. и П.3.9., в бассейне рек Ея и Кубани (Карта 5).

ДАТИРОВКА. Комплексные находки вариантов

П.3.1. и П.3.7. (Рис 6,1.10.12; Карта 5,1.8.10), относятся к сабатиновской культуре (Гершкович 2005-2009, 588) и к переходному времени от сабатиновского к белозерскому этапу (Vočkarev, Leskov 1980, 24-25; Leskov 1981, 17-18).

К переходному времени от сабатиновского к белозерскому этапу, принадлежат находки из комплексов и варианта П.3.4. (Рис. 6,6.7; Карта 5,5) (Vočkarev, Leskov 1980, 21), а к белозерскому времени, предположительно к раннему периоду, варианта П.3.9. (Рис. 7,5; Карта 5,17) (Аптекарев, Козенкова 1986, 133), варианта П.3.5. (Рис. 6,8; Карта 5,6) (Leskov 1981, 100).

Варианты кельтов П.3.2., П.3.3. (Рис. 6,4.5; Карта 5,4), с левобережья Среднего Поднепровья, П.3.6. и П.3.8. (Рис. 6,9; 7,4; Карта 5,7.16), с Северного Кавказа, представлены только случайными находками.

Тип П.4. Двушковые кельты, с арковидным оформлением фасок и листовидным боковых граней, шестигранные или овально-шестигранные в сечение. Ободок по краю втулки соединяется с верхними краями ушек.

Вариант П.4.1. Без дополнительных элементов (Рис. 7,6-9).

Вариант П.4.2. С отверстием в верхней части арковидного оформления фаски (Рис. 7,10).

Вариант П.4.3. С горизонтальной нервюрой ниже ободка края втулки (Рис. 7,11).

Вариант П.4.4. С орнаментом в виде «лесенки» ниже ободка края втулки (Рис. 7,12-14).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ. Кельты всех вариантов данного типа, за исключением двух находок варианта П.4.4., из северо-восточной и северо-западной Болгарии, локализованы в бассейне Среднего Днестра (Карта 5).

ДАТИРОВКА. Все кельты вариантов данного типа, за исключением одной находки варианта П.4.4. (Рис. 7,13; Карта 5,24), являются случайными находками (Рис. 7,6-12.14; Карта 5,18-23.25).

Клад из Попгруево (Коджаолар), в котором входит кельт варианта П.4.4. (Рис. 7,13; Карта 5,24), не был отнесен Е.Н. Черных ни к одной из выделенных им групп кладов Болгарии (Черных 1978, 203).

Тип П.5. Двушковые кельты, с косыми гранями в доль боковых или с листовидным оформлением боковых граней, шестигранные или овально-шестигранные в сечение.

Вариант П.5.1. Без дополнительных элементов (Рис. 8,1-11).⁵

⁴ Авторы опубликовавшие Терешковский клад (Пряхин, Синюк, Матвеев 1981, 282), как и Е.Н. Черных, отнесли данный клад к «завадово-лобойковскому» очагу металлообработки (Черных 1976, 193).

⁵ Кельт происходящий из Девлекеево (Рис. 8,6), у А.М. Таллгрена (Tallgren 1916, 34), описан как имеющий стертый орнамент, идентичный орнаменту кельта из Ивановское (Рис. 10,9). Но у А.Х. Халикова, о возможном орнаменте кельта из Девлекеево ничего не указано в тексте, а также без такового представлен и рисунок (Халиков 1980, 44, Рис. 43,1), поэтому и был отнесен к данному варианту.

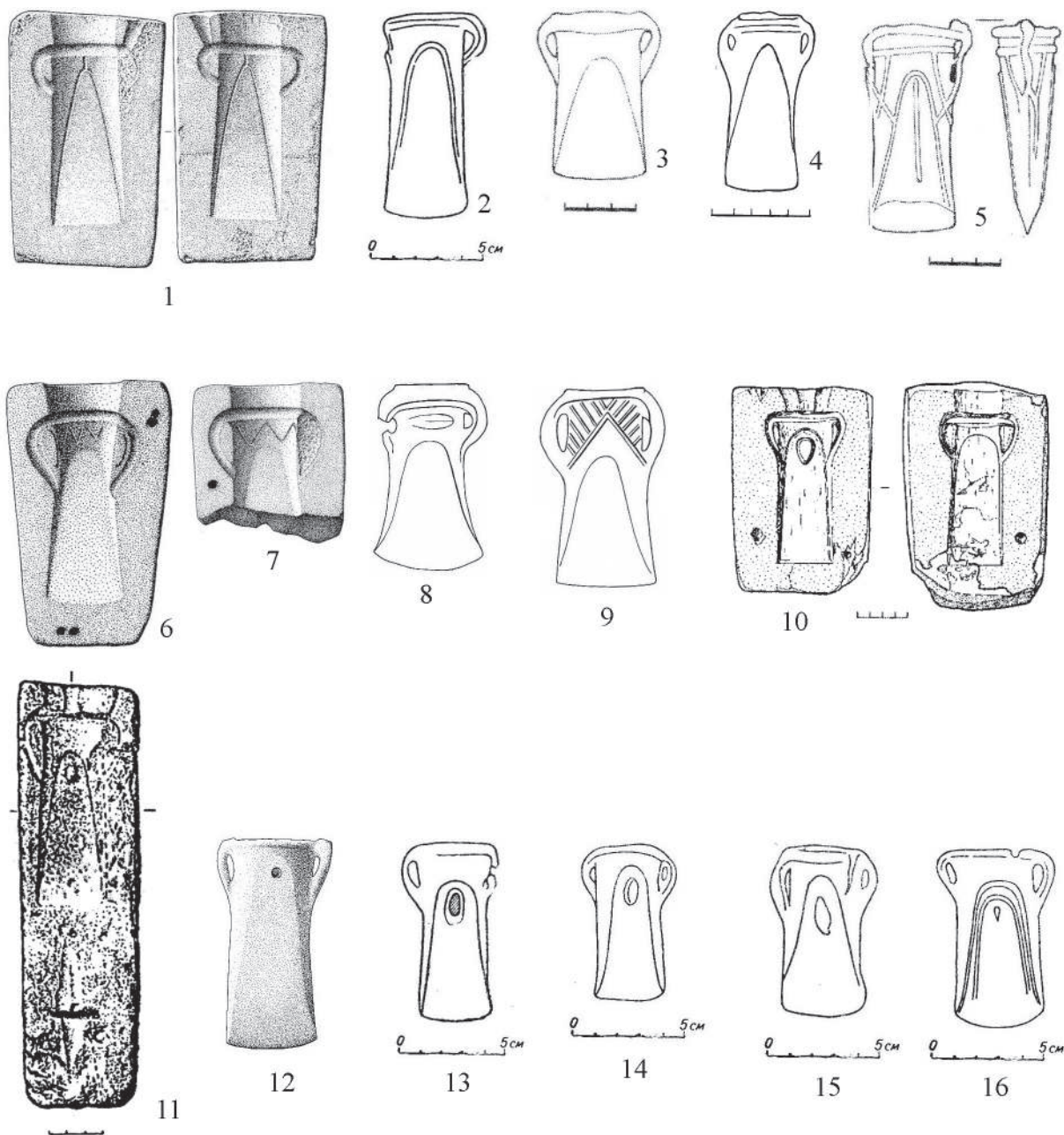

Рис. 6. Тип II.3.

Вариант II.3.1. 1- Тилигульская бухта (Voškarev, Leskov 1980, 24-25. Taf. 11,91a); 2- Медвин (Тереножкин 1961, 125. Рис. 84,15); 3- Сунки (Куштан 2003, 29. Рис. 2,2).

Вариант II.3.2. 4- Полтавщина (Черных 1976, 85. Таб. VIII,6).

Вариант II.3.3. 5- Лубни (Куштан 2003, 30. Рис. 2,3).

Вариант II.3.4 . 6-7- Ново-Александровка (Voškarev, Leskov 1980, 21. Taf. 9,75.76a).

Вариант II.3.5. 8- бассейн реки Ея (Leskov 1981 Taf. 7,37).

Вариант II.3.6. 9- Ставрополь (Leskov 1981, Taf. 7,38).

Вариант II.3.7. 10- Днепрово-Каменка (Гершкович 2005-2009, 582-583. Рис. 6,3); 11- Дудчаны (Gerškovič 1999, 10. Taf. 49,3); 12- Мелниковка (Leskov 1981, 17. Taf. 4,F2); 13- Головятино (Тереножкин 1961, 125. Рис. 84,12); 14.15- Витачево (Тереножкин 1961, 125. Рис. 85,1.2); 16- Букрин (Тереножкин 1961, 126. Рис. 85,8).

1.6-9.12 – масштаб первоисточника изменен.

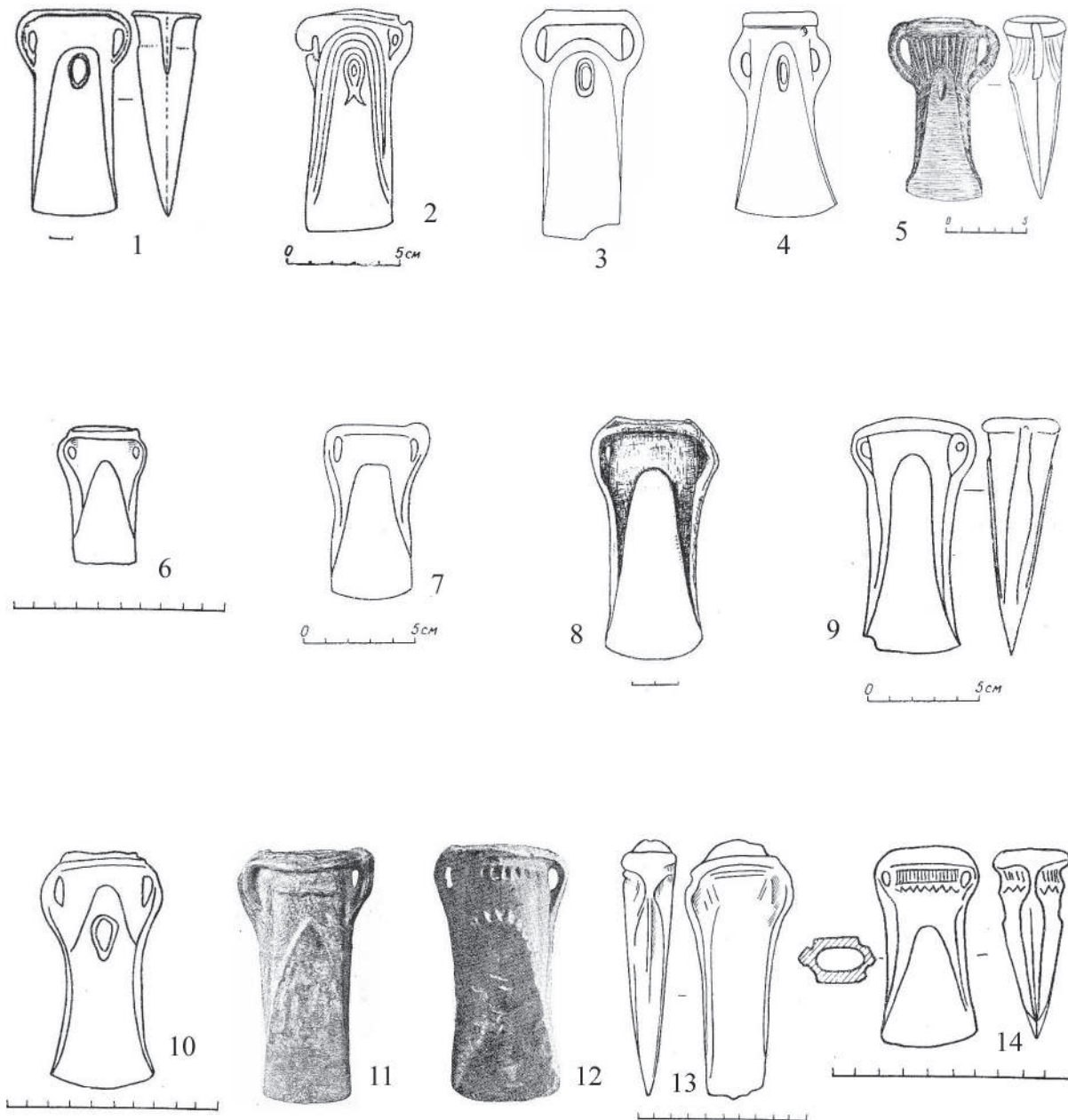

Рис. 7. Тип II.3.

Вариант II.3.7. 1- Чигирин (Полтавец 2003, 80. Рис. 3,3); 2- бывш. Киевская и Подольская губернии (Тереножкин 1961, 126. Рис. 85,3); 3- Краснодар (музей) (Leskov 1981, Taf. 7,36).

Вариант II.3.8. 4- Келермесская (Leskov 1981, Taf. 7,35).

Вариант II.3.9. 5- Упорная (Аптекарев, Козенкова 1986, 123. Рис. 2,1).

Тип II.4.

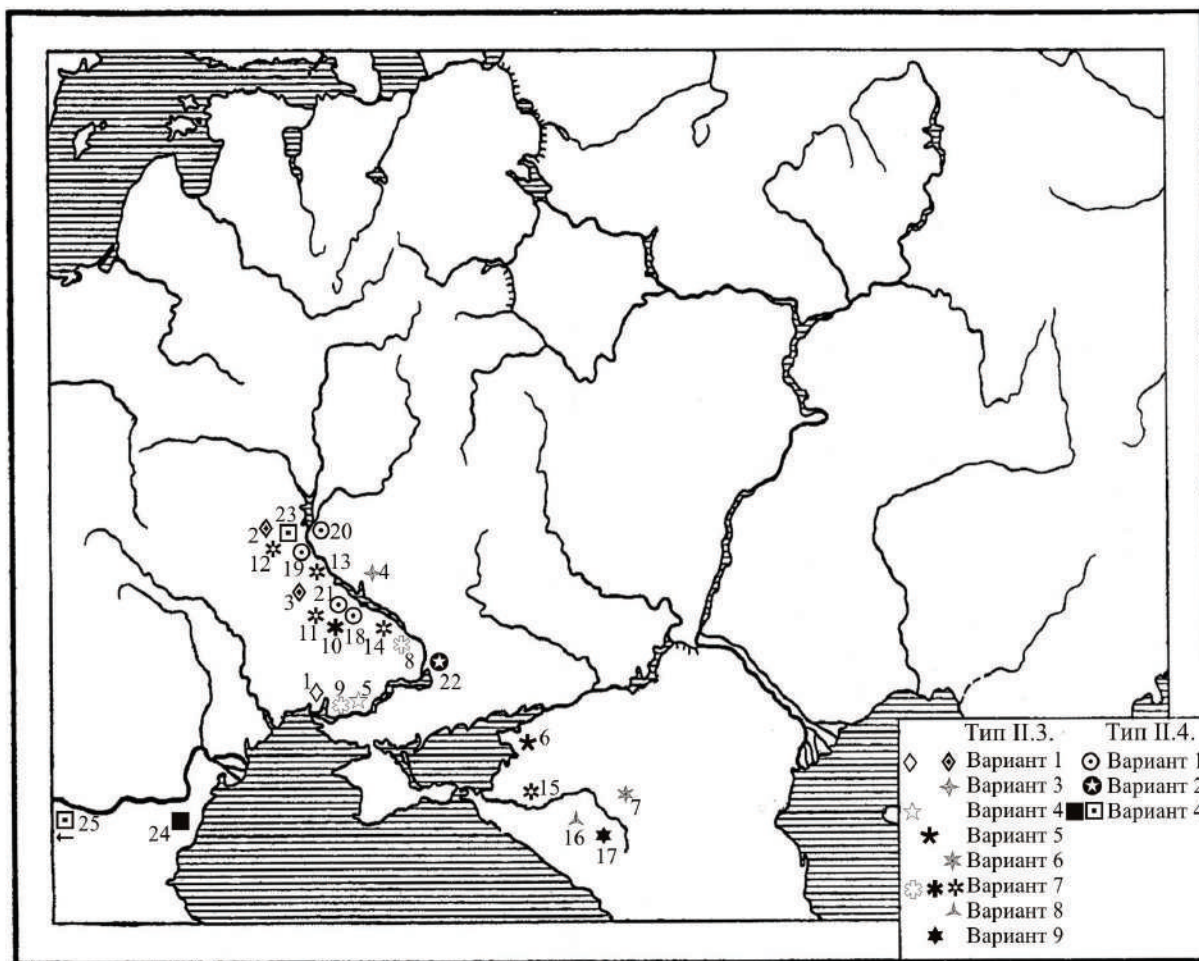
Вариант II.4.1. 6- Леплява (Черных 1976, 85. Таб. VIII,8); 7- Хмельна (Тереножкин 1961, 121. Рис. 83,9); 8- Требухив (Якубенко, Панченко 1999, 57. Рис. 6); 9- Головятино (Тереножкин 1961, 125. Рис. 85,4).

Вариант II.4.2. 10- Запорожский р-н (Черных 1976, 84. Таб. VIII,5).

Вариант II.4.3. 11- бывш. Киевская и Подольская губернии, Украина (Б. и В. Ханенко 1899, 15. Таб. X,13).

Вариант II.4.4. 12- Раскопанцы (Talgren 1926, 182. Fig. 105,13); 13- Попгруево (Коджаолар) (Черных 1976, 87. Таб. IX,7); 14- Малорад (Черных 1976, 85. Таб. IX,5).

3-4.11-12. – масштаб первоисточника изменен.

Карта 5. (Условные обозначения: неокрашенный знак = литейная форма; окрашенный = клад бронз. изделий; полуокрашенный = единичная находка бронз. изделия).

Тип II.3.

Вариант II.3.1. 1- Тилигульская бухта, р-н Тилигул-Березанка, Николаевская обл., Украина; 2- Медвин, Богуславский р-н, Киевская обл., Украина; 3- Сунки, р-н Смела, Черкасская обл., Украина.

Вариант II.3.2. Не картографированно: «Полтавщина» (Черных 1976, 85. Таб. IX,6).

Вариант II.3.3. 4- Лубни, Полтавская обл., Украина.

Вариант II.3.4. 5- Ново-Александровка, Нововоронцовский р-н, Херсонская обл., Украина.

Вариант II.3.5. 6- бассейн реки Ея, Краснодарский край, РФ.

Вариант II.3.6. 7- Ставрополь, РФ.

Вариант II.3.7. 8- Днепрово-Каменка, Верхнеднепровский р-н, Днепропетровская обл., Украина; 9- Дудчаны, Нововоронцовский р-н, Херсонская обл., Украина; 10- Мелниковка, р-н Ротмистровка, Черкасская обл., Украина. 11- Головятино, р-н Смела, Черкасская обл., Украина; 12- Витачево, Обуховский р-н, Киевская обл., Украина; 13- Букрин, Ржищевский р-н, Киевская обл., Украина; 14- Чигирин, Черкасская обл., Украина; 15- «Краснодар», РФ. Не картографированно: б. Киевская и Подольская губернии (Тереножкин 1961,126.Рис. 85,3).

Вариант II.3.8. 16- Келермесская, респ. Адыгея, РФ.

Вариант II.3.9. 17- Упорная, Лабинский р-н, Краснодарский край, РФ.

Тип II.4.

Вариант II.4.1. 18- Леплява, Черкасская обл., Украина; 19- Хмельна, Каневский р-н, Украина; 20- Требухив, Броварский р-н, Киевская обл., Украина; 21- Головятино, р-н Смела, Черкасская обл., Украина.

Вариант II.4.2. 22- Запорожский р-н, Запорожская обл., Украина.

Вариант II.4.3. Не картографированно: бывш. Киевская и Подольская губернии, Украина (Б. и В. Ханенко 1899, 15. Таб. X,13).

Вариант II.4.4. 23- Раскопанцы, Богуславский р-н, Киевская обл., Украина; 24- Попгруево (Коджаолар), Болгария; 25- Малорад, Болгария.

Вариант П.5.2. С горизонтальной нервюрой ниже ободка края втулки (Рис. 8,12-13).

Вариант П.5.3. С легко приподнятым над ушками краем втулки, окаймленным ободком и горизонтальной нервюрой (Рис. 8,14).

Вариант П.5.4. С горизонтальной «лесенкой» ниже ободка втулки (Рис. 9,1-10).

Вариант П.5.5. С двумя орнаментированными полосками между нижним краем ободка втулки и нижними краями ушек (Рис. 9,11).

Вариант П.5.6. С зигзагообразной линией и горизонтальной нервюрой в верхней части фаски (Рис. 10,1).

Вариант П.5.7. С орнаментальными мотивами в виде треугольников в верхней части фаски (Рис. 10,2-3).

Вариант П.5.8. С орнаментальными мотивами в виде треугольников под горизонтальной нервюрой в верхней части фаски (Рис. 10,4-9).

Вариант П.5.9. С приподнятым над ушками краем втулки и с орнаментальными мотивами в виде треугольников под горизонтальной нервюрой в верхней части фаски (Рис. 10,10-13).

Вариант П.5.10. С углообразными наложенными нервюрами в верхней части фаски (Рис. 10,14-15).

Вариант П.5.11. С короткими вертикальными нервюрами в верхней части фаски, которые оканчиваются кружочками (Рис. 10,16-18).

Вариант П.5.12. С приподнятым над ушками краем втулки, горизонтальной нервюрой, которая соединяется с верхними краями ушек, и трапециевидным оформлением фасок (Рис. 10,19-20).

Вариант П.5.13. С приподнятым над ушками краем втулки и горизонтальной нервюрой, которая соединяется с верхними краями ушек (Рис. 11,1-9).

Вариант П.5.14. С приподнятым над ушками краем втулки и горизонтальной нервюрой, которая соединяется с верхними краями ушек, удлиненным туловищем и косыми гранями вдоль боковых (Рис. 11,10).

Вариант П.5.15. С окаймленным краем втулки ободком и горизонтальной нервюрой, удлиненным туловищем и косыми гранями вдоль боковых (Рис. 11,11).

Вариант П.5.16. С горизонтальной нервюрой, окаймляющей приподнятую над ушками втулку или расположенной над другой горизонтальной нервюрой, последняя соединяется с ушками (Рис. 11,12-13; 12,1-9).

Вариант П.5.17. С приподнятой над ушками

втулкой, опоясанной двумя горизонтальными нервюрами, нижняя соединяется с ушками и под ней зигзагообразный рельефный орнамент (Рис. 12,10).

Вариант П.5.18. С приподнятой над ушками втулкой, опоясанной тремя горизонтальными валиками. На уровне нижнего валика, начинаются боковые ушки, а под ним вложенные в виде рельефных нервюр свисающие углы (Рис. 12,11-12).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ. Эпицентр местонахождений кельтов вариантов П.5.1., П.5.2. и П.5.7., расположен в Среднем Поволжье. Кроме этого, две находки варианта П.5.1., происходят также из Среднего Поднепровья, и по одной, из степной части Крыма, и с юго-запада Трансильвании.

В Среднем Поднепровье, в лесостепной части Карпато-Поднестровья, а также на территории Болгарии, локализованы кельты вариантов П.5.3. и П.5.4.

На левобережье Нижнего Днепра, в Северном Приазовье, и в Среднем Поволжье, распространены кельты варианта П.5.8.

Кельты вариантов П.5.6. и П.5.9., локализованы на правобережье Среднего Поднепровья, а вариант П.5.5. в Среднем Подонье.

Из лесостепной части Карпато-Поднестровья, происходят, по одной находке вариантов П.5.11. и П.5.12., а из бассейна Среднего Поднепровья, не картографированные находки этих вариантов.

Не картографированы также кельты без точного местонахождения с территории Украины, отнесенных к варианту П.5.10. (Карта 6).

Примечательными являются локализация местонахождений литейных форм вариантов П.5.13., П.5.16., П.5.17., в бассейне Нижнего Днепра, в то время как бронзовые изделия этих вариантов, распространены на правобережье Среднего Поднепровья, в Северо-Восточном Приазовье и в бассейне Нижнего Поднестровья. В последнем регионе, с эпицентром в степной части прудо-днестровского междуречья.

Кельты вариантов П.5.14., П.5.15., характерны для Северного Кавказа, а варианта П.5.18., для Среднего Поволжья (Карта 7).

ДАТИРОВКА. Кельты вариантов П.5.1., П.5.2., П.5.5., П.5.6., П.5.10., П.5.12., за исключением орудия варианта П.5.1., из условного клада из Петрошань (Рис. 8,11; Карта 6,9), являются случайными находками (Рис. 8,1-10.12-13; 9,11; 10,1.14-15.19-20; Карта 6,1-8.10-11.22-23.31).

Рис. 8. Тип II.5.

Вариант II.5.1. 1- бывш. Киевская губерния (Черных 1976, 86. Таб. VIII,9); 2- степной Крым (Черных 1976, 86. Таб. VIII,10); 3- Головятино (Тереножкин 1961, 121. Рис. 83,5); 4- Алменево (Tallgren 1916, 34. Pl. XII,3); 5- Болгары (Tallgren 1916, 34. Pl. XII,2); 6- Девлекеево (Tallgren 1916, 34. Pl. XII,4); 7- Грохань (Збруева 1947, 55. Рис. 19,6); 8- VII Лебединская стоянка (Черных 1970, 142. Рис. 48,15); 9- Саратовская обл. (Кривцова-Гракова 1955, Рис. 13,10); 10- «Петер-Тай» (Ахмеров 1951, 124. Рис. 37,1); 11- Петрошань III (Petrescu-Dîmbovița 1977, 157. Pl. 374,4).

Вариант II.5.2. 12- между Стригай и Старая Жуковка (Максимов 1962, Рис. 2,2); 13- Маклашеевка (Халиков 1980, 44. Рис. 43,8).

Вариант II.5.3. 14- Рэдень (Dergačev 2002, 202. Taf. 68, A411).

4-7-9-10.14 – масштаб первоисточника изменен.

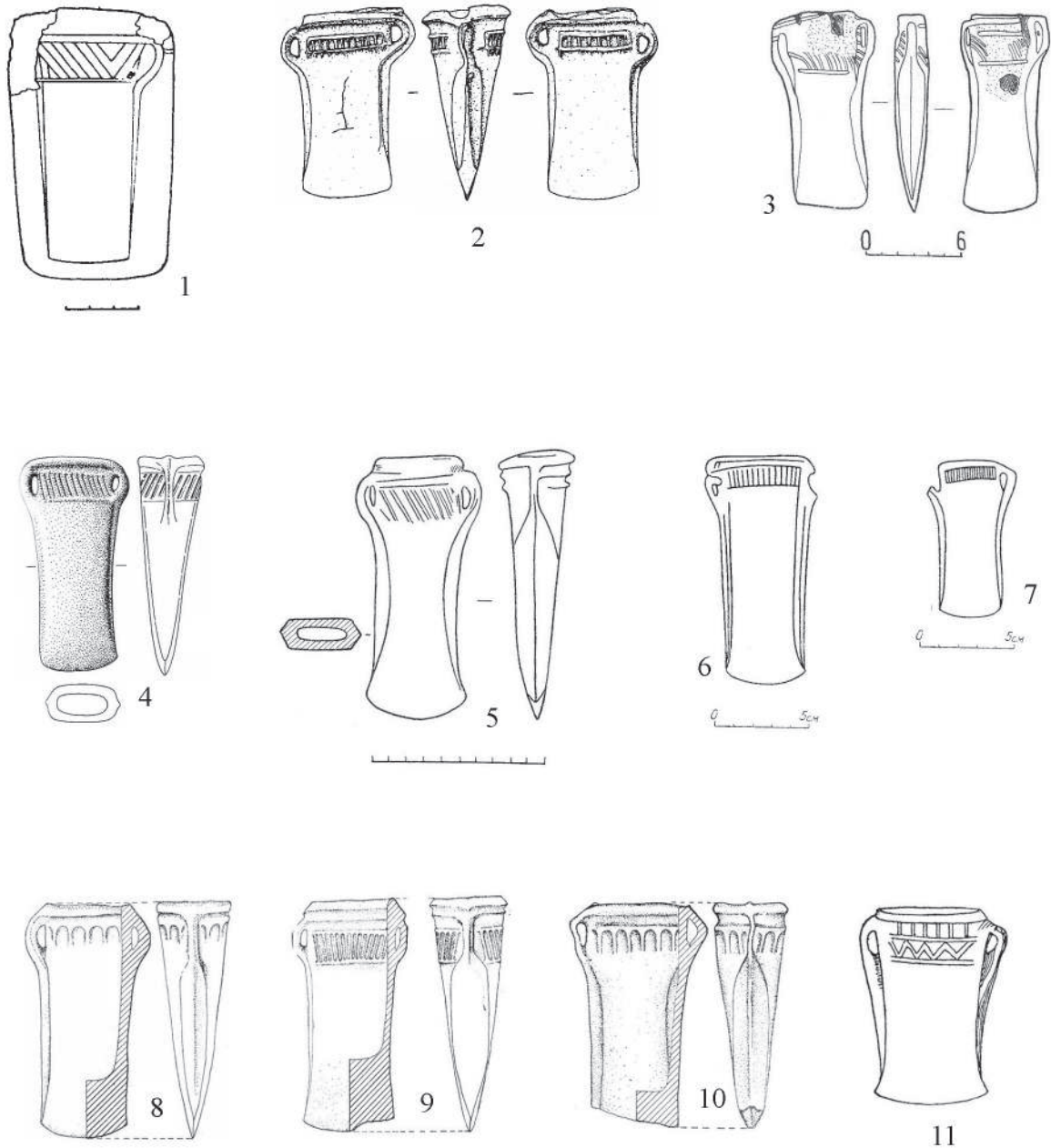

Рис. 9. Тип II.5.

Вариант II.5.4. 1- Голоуоров (Шарафутдинова 1973, 62-63. Рис. 2,5); 2- Нижняя Хортица (Kaiser, Popandorulo 2004, 22. Abb. 11,3); 3- Бачкурине (Молодцов 1993, 73. Рис.16,1); 4- Христинич (Dergačev 2002, 36. Taf. 31,B1); 5- Галиче (Черных 1976, 88. Таб. IX,6); 6- южная часть бывш. Киевской губернии (Тереножкин 1961, 121. Рис. 83,1); 7- Каменка (Тереножкин 1961, 121. Рис. 83,2); 8- Ибэнешть; 9- Сокружень; 10- Ворона (Şadurschi, Cernelleanu, Rusu 1986, 26-27. Fig. 1-3).

Вариант II.5.5. 11- бывш. Воронежская губерния (Гремяче) (Tallgren 1926, 180. Fig. 106,8; Пряхин, Синюк, Матвеев, 1981, 283. Примечание 1).

2.4.8-11 – масштаб первоисточника изменен.

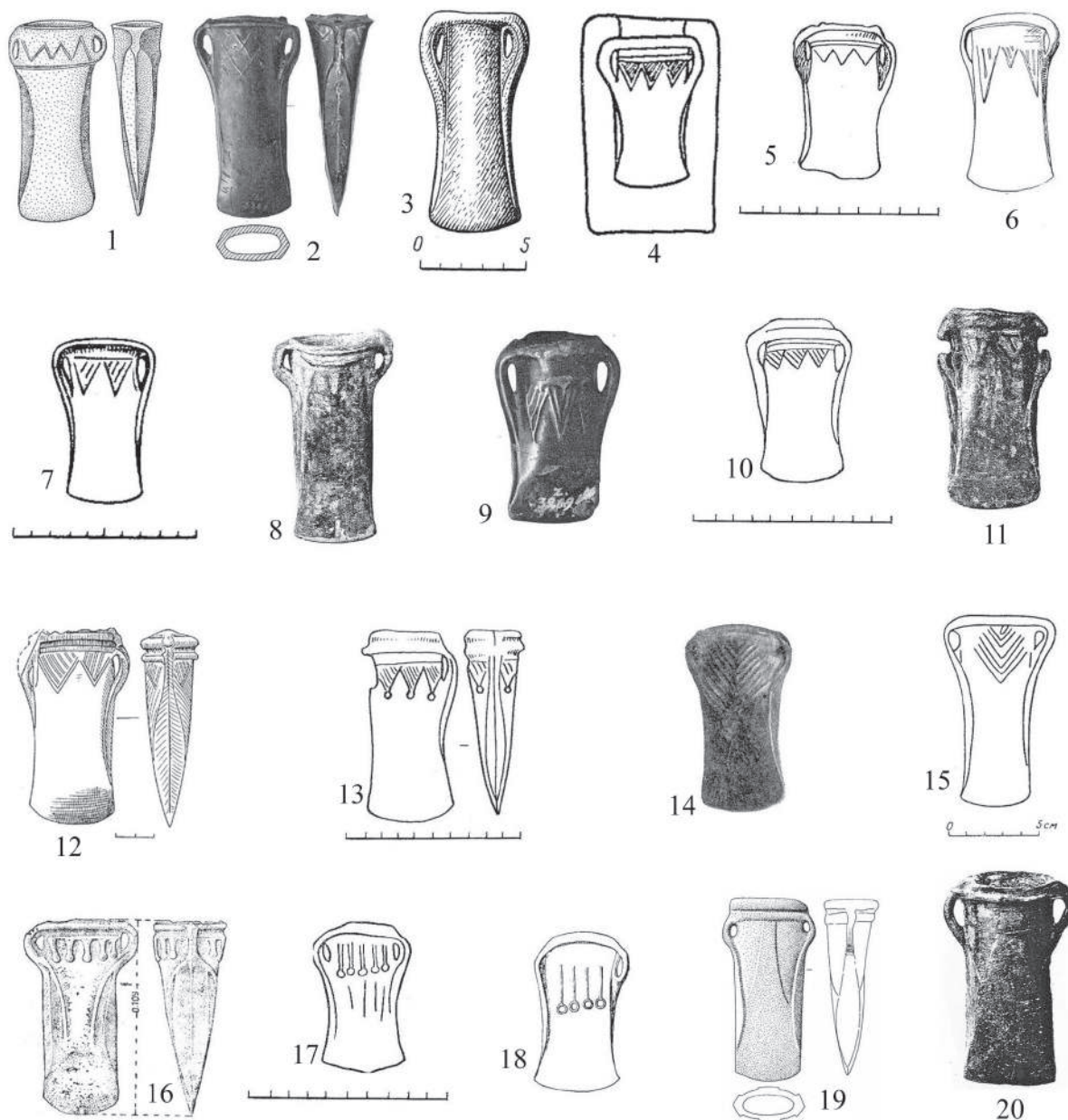

Рис. 10. Тип II.5.

Вариант II.5.6. 1- Биевцы (Березанская 1982, 136. Рис. 45,2).

Вариант II.5.7. 2- б.Казанская губ. (Tallgren 1916,34. Pl. XII,1); 3-«Bakalda»(Халиков 1980,44.Рис. 43,9).

Вариант II.5.8. 4- Андрово (Шарафутдинова 1986, 103. Рис. 31,27); 5- Малые Маячки (Черных 1976, 87. Таб. VIII,13); 6- Неизвестного местонахождения (Tallgren 1926, Fig. 106,10); 7- Жуковка (Черных 1970, 128. Рис. 48,17); 8- бывш. Киевская и Подольская губернии (Б. и В. Ханенко 1899, 15. Таб. X,12); 9- Ивановское (Tallgren 1916, 34. Pl. XII,6).

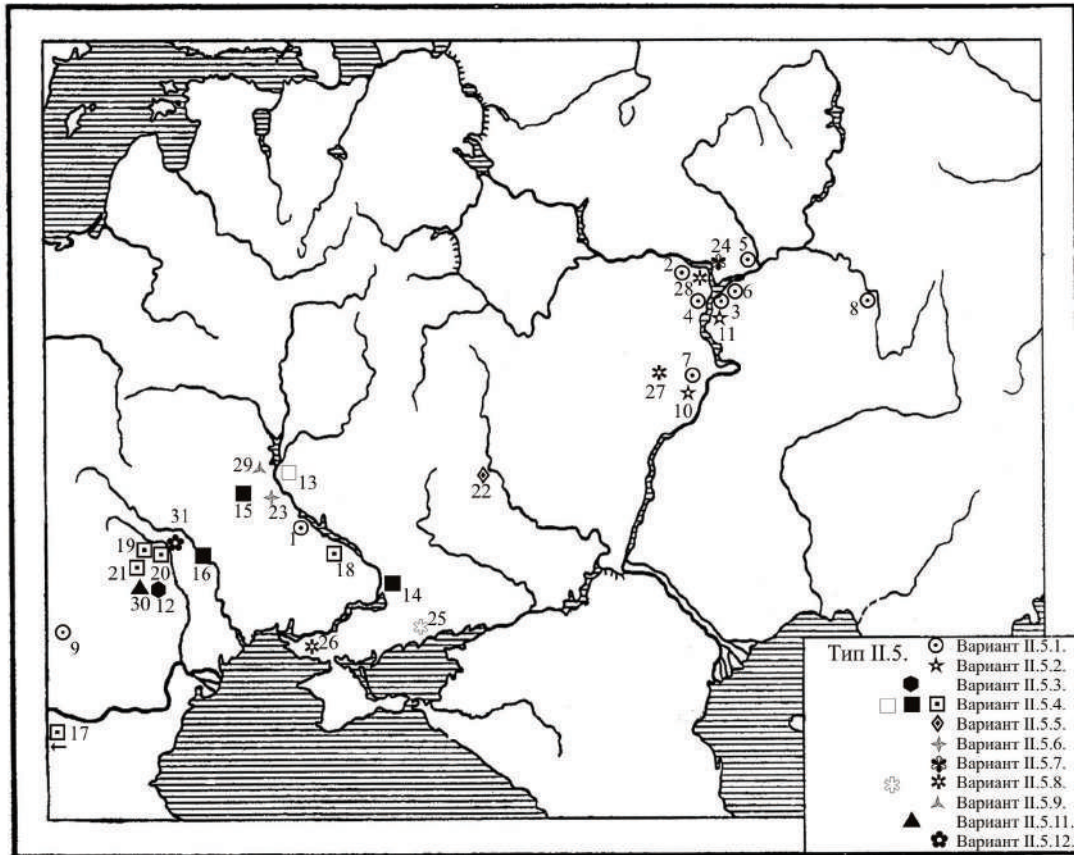
Вариант II.5.9. 10- бывш. Киевская губерния (Черных 1976, 87. Таб. VIII,14); 11- бывш. Киевская и Подольская губернии (Б. и В. Ханенко 1899, 15. Таб. X,19); 12- Вита-Литовская (Лесков 1967, 152. Рис. 5,1); 13- Кривой Кут (Черных 1976, 88. Таб. VIII,15).

Вариант II.5.10. 14- Неизвестного местонахождения (Tallgren 1926, 182. Fig. 105,12); 15- бывш. Киевская и Подольская губернии (Тереножкин 1961, 121. Рис. 83,3).

Вариант II.5.11. 16- Делень (Chirica, Tanasachi 1984, 122. Fig. 9,8); 17- Нижнее Поднепровье (Черных 1976, 87. Таб. VIII,11); 18- бывш. Екатеринославский музей (Tallgren 1926, 185. Fig. 106,9).

Вариант II.5.12. 19- Брэтушений Ной (Dergachev 2002, 39-40. Taf. 40,B); 20- бывш. Киевская и Подольская губернии, Украина (Б. и В. Ханенко 1899, 15. Таб. X,15).

1-2.4.6.8-9.11.14.18-20 – масштаб первоисточника изменен.

Карта 6. (Условные обозначения: неокрашенный знак = литейная форма; окрашенный = клад бронз. изделий; полуокрашенный = единичная находка бронз. изделия).

Тип II.5.

Вариант II.5.1. 1- Головятино, р-н Смела, Черкасская обл., Украина; 2- Алменево, Козловский р-н, Чувашская респ., РФ; 3- Болгары, Спасский р-н (б. Куйбышевский), респ. Татарстан, РФ; 4- Девликеево (Девлекеево), Апастовский р-н, респ. Татарстан, РФ; 5- Грохань, Мамадышский р-н, респ. Татарстан, РФ; 6- Лебедино (VII Лебединская стоянка), Алексеевский р-н, респ. Татарстан, РФ; 7- «Саратовская обл.», РФ; 8- «Петер-Тау», Илищевский р-н, респ. Башкортостан РФ; 9- Петрошань III, жудец Хунедоара, Румыния; Не картографированно: бывш. Киевская губерния (Черных 1976, 86. Таб. VIII,9); степной Крым, Украина (Черных 1976, 86. Таб. VIII,10).

Вариант II.5.2. 10- между Стригай и Старая Жуковка, Саратовская обл., РФ; 11- Маклашеевка, Спасский р-н (б. Куйбышевский), респ. Татарстан, РФ.

Вариант II.5.3. 12- Рэдень, жудец Яссы, Румыния.

Вариант II.5.4. 13- Головуrow, Бориспольский р-н, Киевская обл., Украина; 14- Нижняя Хортица, г. Запорожье, Украина; 15- Бачкурине, Черкасская обл., Украина; 16- Христич, р-н Сорока, респ. Молдова; 17- Галиче, Болгария; 18- Каменка, Черкасская обл., Украина; 19- Ибэнешть, 20- Сокружень, 21- Ворона, жудец Ботошань, Румыния (Не картографированно: южная часть бывш. Киевской губернии (Тереножкин 1961, 121. Рис. 83,1).

Вариант II.5.5. 22- Гремяче, Воронежская обл., РФ.

Вариант II.5.6. 23- Биевцы, Черкасская обл., Украина.

Вариант II.5.7. 24- «Бакалда», Приволжский р-н г. Казани, респ. Татарстан, РФ; Не картографированно: бывш. Казанская губерния (Tallgren 1916, 34. Pl. XII,1).

Вариант II.5.8. 25- Андрово, Запорожская обл., Украина; 26- Малье Маячки, Херсонская обл., Украина; 27- Жуковка, РФ; 28- Ивановское, Верхнеуслонский р-н, респ. Татарстан, РФ; (Не картографированно: Неизвестного местонахождения (Tallgren 1926, fig. 106,10); бывш. Киевская и Подольская губернии (Б. и В. Ханенко 1899, Таб. X,12).

Вариант II.5.9. 29- Вита-Литовская, Киевская обл., Украина; Не картографированно: бывш. Киевская и Подольская губернии (Б. и В. Ханенко 1899, Таб. X,19); бывш. Киевская губерния (Черных 1976, 87. Таб. VIII,14); Кривой Кут, Украина (Черных 1976, 88. Таб. VIII,15).

Вариант II.5.10. Не картографированно: Неизвестного местонахождения (Tallgren 1926, 182. Fig. 105,12); бывш. Киевская и Подольская губернии (Тереножкин 1961, 121. Рис. 83,3).

Вариант II.5.11. 30- Делень, жудец Яссы, Румыния; Не картографированно: Нижнее Поднепровье (Черных 1976, 87. Таб. VIII,11); бывш. Екатеринославский музей (Tallgren 1926, 185. Fig. 106,9).

Вариант II.5.12. 31- Брэтушений Ной, р-н Единец, Респ. Молдова; Не картографированно: бывш. Киевская и Подольская губернии (Б. и В. Ханенко 1899, Таб. X,15).

Рис. 11. Тип II.5.

Вариант II.5.13. 1- Кардашинка III (Воцкарев, Leskov 1980, 25-26. Taf. 11,94); 2- Фырлэдень (Dergačev 2002, 202. Taf. 68, A413); 3- Соколень (Dergačev 2002, 46. Taf. 47,B1); 4- Головятино (Тереножкин 1961, 121. Рис. 83,6); 5- Грищенцы (Тереножкин 1961, 121. Рис. 83,7); 6- бывш. Киевская и Подольская губернии (Тереножкин 1961, 121. Рис. 83,11); 7- бывш. Каневский уезд (Тереножкин 1961, 121. Рис. 84,1); 8- Кривой Кут (Черных 1976, 88. Таб. VIII,16); 9- Староселье (Телегин 1982, 224. Рис. 1,1).

Вариант II.5.14. 10- Упорная (Аптекарев, Козенкова 1986, 124-125. Рис. 2,3).

Вариант II.5.15. 11- Упорная (Аптекарев, Козенкова 1986, 123-124. Рис. 2,2).

Вариант II.5.16. 12- Вознесенка (Воцкарев, Leskov 1980, 19. Taf. 8,66a); 13- Ново-Александровка (Воцкарев, Leskov 1980, 21. Taf. 9,74b).

1-3.12-13. – масштаб первоисточника изменен.

Рис. 12. Тип II.5.

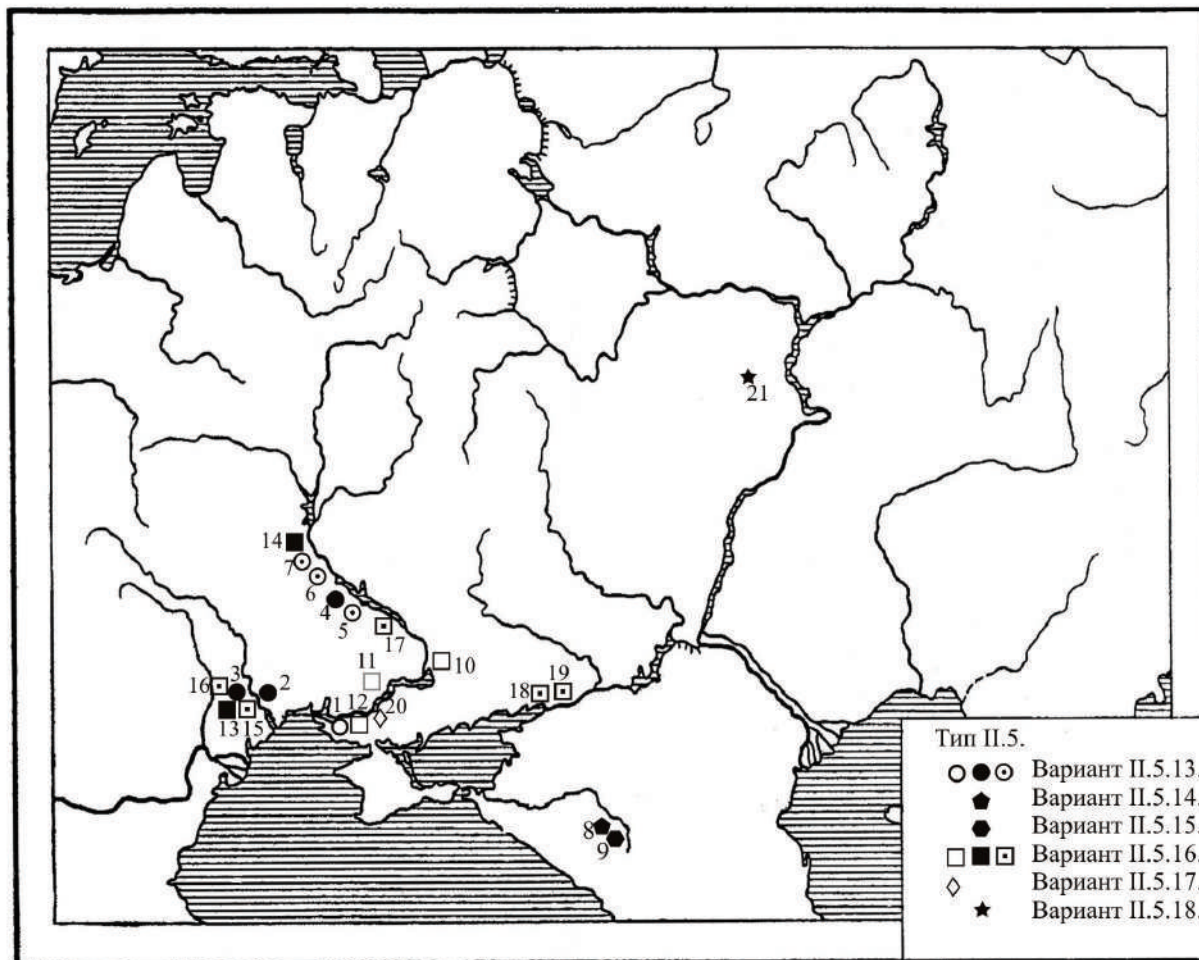
Вариант II.5.16. 1- Кардашинка I (Vočkarev, Leskov 1980, 23. Taf. 10,86b); 2- Соколень (Dergačev 2002, 46. Taf. 47,B2); 3- Медведовка (Leskov 1981, 19-20. Taf. 4,G1); 4- Местонахождение неизвестно (Тереножкин 1961, 121. Рис. 84,2); 5- Григорьевка (Dergačev 2002, 47. Taf. 50,D); 6- Суручень (Dergačev 2002, 48. Taf. 51,C); 7- Чаплище (Тереножкин 1961, 121. Рис. 83,4); 8- Сафьяного (Шарафутдинова 1971, 45. Рис. 16,1); 9 – Хапры (Беспалый 1998, 32. Рис. 5,10).

Вариант II.5.17.

10- Кардашинка I (Vočkarev, Leskov 1980, 23. Taf. 10,86a).

Вариант II.5.18. 11.12. Сабанчеево (Мерперт 1965, 151. Рис. 1,2,3).

1-3-5-6-10.- масштаб первоисточника изменен.

Карта 7. (Условные обозначения: неокрашенный знак = литейная форма; окрашенный = клад бронз. изделий; полукрашенный = единичная находка бронз. изделия).

Тип II.5.

Вариант II.5.13. 1- Кардашинка III, р-н Цюрупинск, Херсонская обл., Украина; 2- Фырлэдень, р-н Слобозия, Респ. Молдова; 3- Соколень, р-н Анений Ной, Респ. Молдова; 4- Староселье, р-н Городище, Черкасская обл., Украина; 5- Головятино, р-н Смела, Черкасская обл., Украина; 6- Грищенцы, р-н Канев, Черкасская обл., Украина; 7- бывш. Каневский уезд; Не картографировано: бывш. Киевская и Подольская губернии, Украина (Тереножкин 1961, 121. Рис. 83,11); Кривой Кут, Днепропетровская обл., Украина (Черных 1976, 88. Таб. VIII,16).

Вариант II.5.14. 8- Упорная, Лабинский р-н, Краснодарский край, РФ.

Вариант II.5.15. 9- Упорная, Лабинский р-н, Краснодарский край, РФ.

Вариант II.5.16. 10- Вознесенка, Запорожская обл., Украина; 11- Ново-Александровка, Нововоронцовский р-н, Херсонская обл., Украина; 12- Кардашинка I, р-н Цюрупинск, Херсонская обл., Украина; 13- Соколень, р-н Анений Ной, Респ. Молдова; 14- Медведовка, Ржищевский р-н, Киевская обл., Украина; 15- Григорьевка, р-н Кэушень, Респ. Молдова; 16- Суручень, р-н Яловень, Респ. Молдова; 17- Чаплище, бывш. Чигиринский уезд, Украина; 18- Сафьяного, Ростовская обл., РФ; 19- Хапры, Ростовская обл., РФ; Не картографировано: Неизвестного местонахождения, Украина (Тереножкин 1961, 121. Рис. 84,2).

Вариант II.5.17. 20- Кардашинка I, р-н Цюрупинск, Херсонская обл., Украина.

Вариант II.5.18. 21- Сабанчеево, Атяшевский р-н, Мордовской респ. РФ.

К головуровской группе литейных форм (Vočkarev Leskov 1980, 69-71) принадлежит комплексная находка варианта П.5.4. (Рис. 9,1; Карта 6,13).

По морфологическим и орнаментальным показателям двушкового кельта, отнесенного к варианту П.5.4. (Рис. 9,2; Карта 6,14), как и по составу, к группе кладов бронзовых изделий раннесабатиновского времени [Leskov 1981, 96], принадлежит и клад из Нижней Хортицы (Kaiser, Popandopolu 2004, 22. Abb.11).

К этой же группе кладов, принадлежит и клад из Бачкурина (Молодцов 1993, Рис.16,1-2), в составе которого входит кельт отнесенный к варианту П.5.4. (Рис. 9,3; Карта 6,15), а также клад с правобережья Среднего Прута из Рэдень (Dergačev 2002, 202-204. Taf. 68, A411. A415; 69, A416; 73, A463-A465; Бочкарев, Лесков 1978, 24), в котором входит кельт варианта П.5.3. (Рис. 8,14; Карта 6,12).

С группой кладов, отнесенной к раннесабатиновскому времени (Leskov 1981, 96), является синхронным и клад из Христич (Бочкарев, Лесков 1978, 24), в котором представлен кельт варианта П.5.4. (Рис. 9,4; Карта 6,16), а также клад из Делень (Бочкарев, Лесков 1978, 24), в составе которого входит кельт варианта П.5.11. (Рис. 10,16; Карта 6,30).

Обозначенные как происходящие с поселений приказанской культуры Среднего Поволжья (Халиков 1980, 44. Рис.43,9) и белогрудовской (Лесков 1967, 152. Рис.5,1), являются кельты вариантов П.5.7. (Рис. 10,3; Карта 6,24) и соответственно П.5.9. (Рис. 10,12; Карта 6,29).

Литейная форма для отливки кельтов варианта П.5.8. (Рис. 10,4; Карта 6,25), происходит из Андорово. Об условиях нахождения данной коллекции литейных форм отсутствует какая-либо достоверная информация (Писларий, Будылкина 1982, 61). По набору же отливаемых изделий, данная коллекция сопоставима с комплексами литейных форм Волошское I и Красный Маяк, позднесабатиновского времени (Vočkarev, Leskov 1980, 71), поэтому, возможно это коллекция является закрытым комплексом.

К сабаатиновскому этапу, эту коллекцию отнесли и опубликовавшие ее авторы (Писларий, Будылкина 1982, 66), а также другие (Шарафутдинова 1986, 103. Рис. 31,27).

Комплексные находки вариантов П.5.13. (Рис. 11,2-3.9; Карта 7,2-4), П.5.16. (Рис. 11,12-13; 12,1-3; Карта 7,10-14) и П.5.17. (Рис. 12,10; Карта 7,20), относятся к переходному времени от сабаатиновского к белозерскому этапу и к белозерскому времени (Dergačev 2002, 45-46.118-119; Vočkarev, Leskov 1980, 19.20-21.23; Leskov 1981, 19-20).

Клад из станицы Упорной, к которому относятся кельты вариантов П.5.14. и П.5.15. (Рис. 11,10.11;

Карта 7,8.9), был синхронизирован с белозерским этапом, предположительно с ранней его стадией, а зарытье самого клада помещено в пределах конца XII- начало XI в.до н.э. (Аптекарев, Козенкова 1986, 133).

Клад из Сабанчеево, в составе которого входят два кельта варианта П.5.18. (Рис. 12,11-12; Карта 7,21), датирован IX в.до н.э. (Мерперт 1965, 154).

I.1. Дербеденовский тип одношковых кельтов.

Дербеденовский тип кельтов был выделен Б.Г. Тихоновым (Тихонов 1960, 44-45). Данный тип можно подразделить на следующие варианты.

Тип I.1. Одношковые кельты, с выраженной ребчатостью граней трапециевидного оформления фасок и орнаментированным пояском под ободком, овально-шестигранные или шестигранные в сечении. Ободок по краю втулки соединяется с верхним краем бокового ушка.

Вариант I.1.1. С орнаментированным пояском между ободком края втулки и горизонтальной нервюрой на уровне нижнего края ушки (Рис. 13,1-6).

Вариант I.1.2. С орнаментированным пояском между горизонтальной нервюрой, расположенной под ободком края втулки и горизонтальной нервюрой на уровне нижнего края ушки (Рис. 13,7-8).

Вариант I.1.3. С орнаментированным пояском между трех горизонтальных нервюр, расположенных под ободком края втулки и горизонтальной нервюрой на уровне нижнего края ушки (Рис. 13,9).

Вариант I.1.4. Со вложенными свисающими углами под ободком края втулки (Рис. 13,10).

Вариант I.1.5. С орнаментированным пояском из горизонтальных нервюр (Рис. 13,11-14).

Вариант I.1.6. С не орнаментированным пояском (Рис. 13,15).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ. Кельты всех вариантов данного типа, за исключением двух находок варианта I.1.5., из Нижнего Поволжья и левобережья Нижнего Днепра, локализованы в Среднем Поволжье (Карта 8).

ДАТИРОВКА. Варианты I.1.2., I.1.3., I.1.4., I.1.6. (Рис. 13,7-10; 15; Карта 8,2-4.8), представлены лишь случайными находками. Два кельта варианта I.1.1. (Рис. 13,1-2; Карта 8,1), входят в составе дербеденовского клада из бассейна Камы, а кельт варианта I.1.5. (Рис. 13,11; Карта 8,5), в составе благовещенского клада (Leskov 1981, 14-15), происходящего с левобережья Нижнего Днепра. Последний клад, принадлежит к группе кладов бронзовых изделий раннесабатиновского времени (Leskov 1981, 96).

Дербеденовский клад и одноименный тип кель-

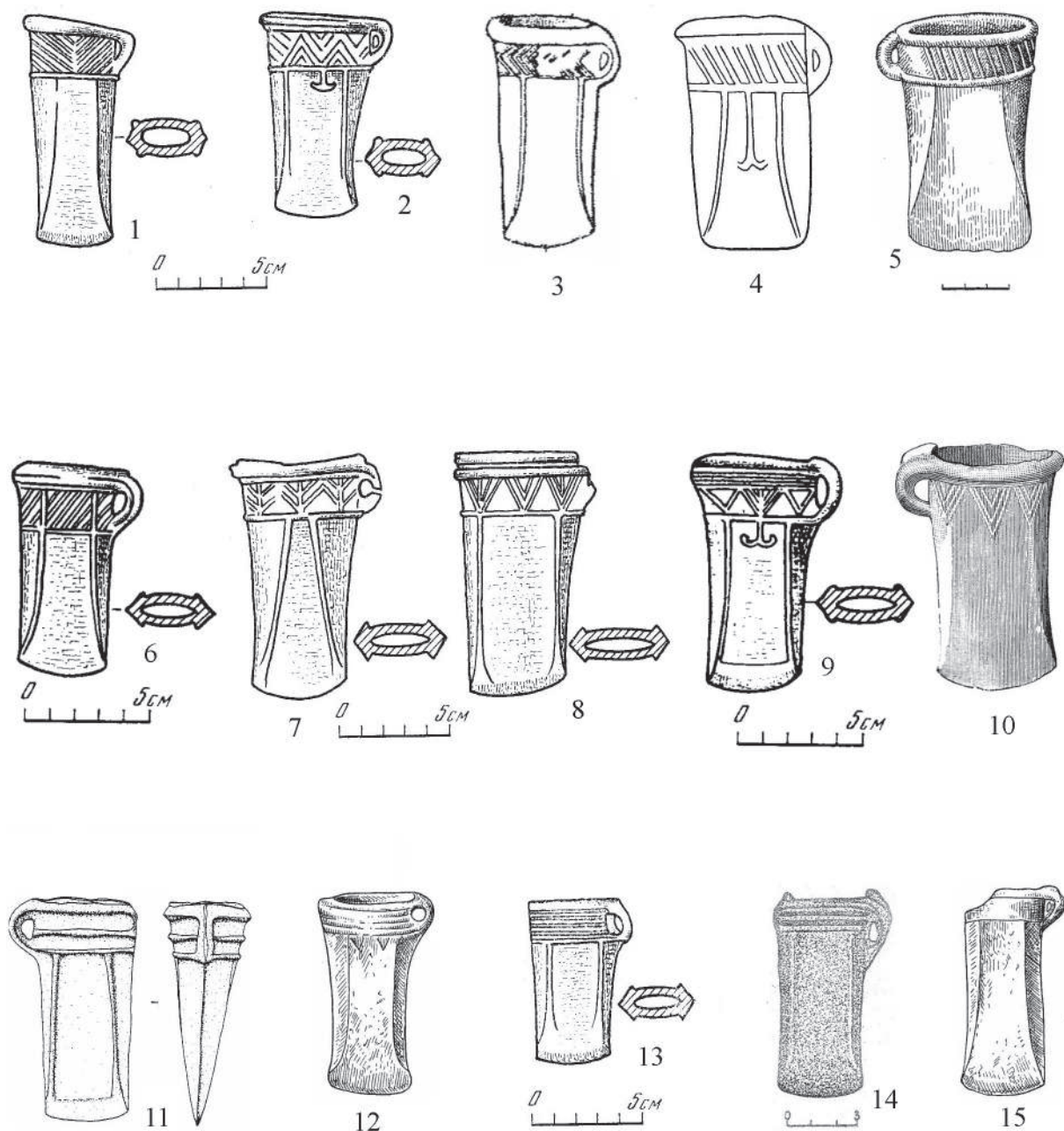

Рис. 13. Тип I.1.

Вариант I.1.1. 1.2- Дербедень (Халиков 1980, 45. Рис. 44, 1-2); 3- Городище (Тихонов 1960, 45. Рис. XXV, 16); 4- Кировская обл. (Збруева 1952, Таб. XXIII,9); 5- бывш. Оренбургская губерния (Сальников 1965, 160. Рис. 1,1); 6- бывш. Казанская губерния (Халиков 1980, Рис. 44,4).

Вариант I.1.2. 7- Большое Фролово (Халиков 1980, 105. Рис. 44,8); 8- Тугаево (Халиков 1980, 45. Рис. 44,7).

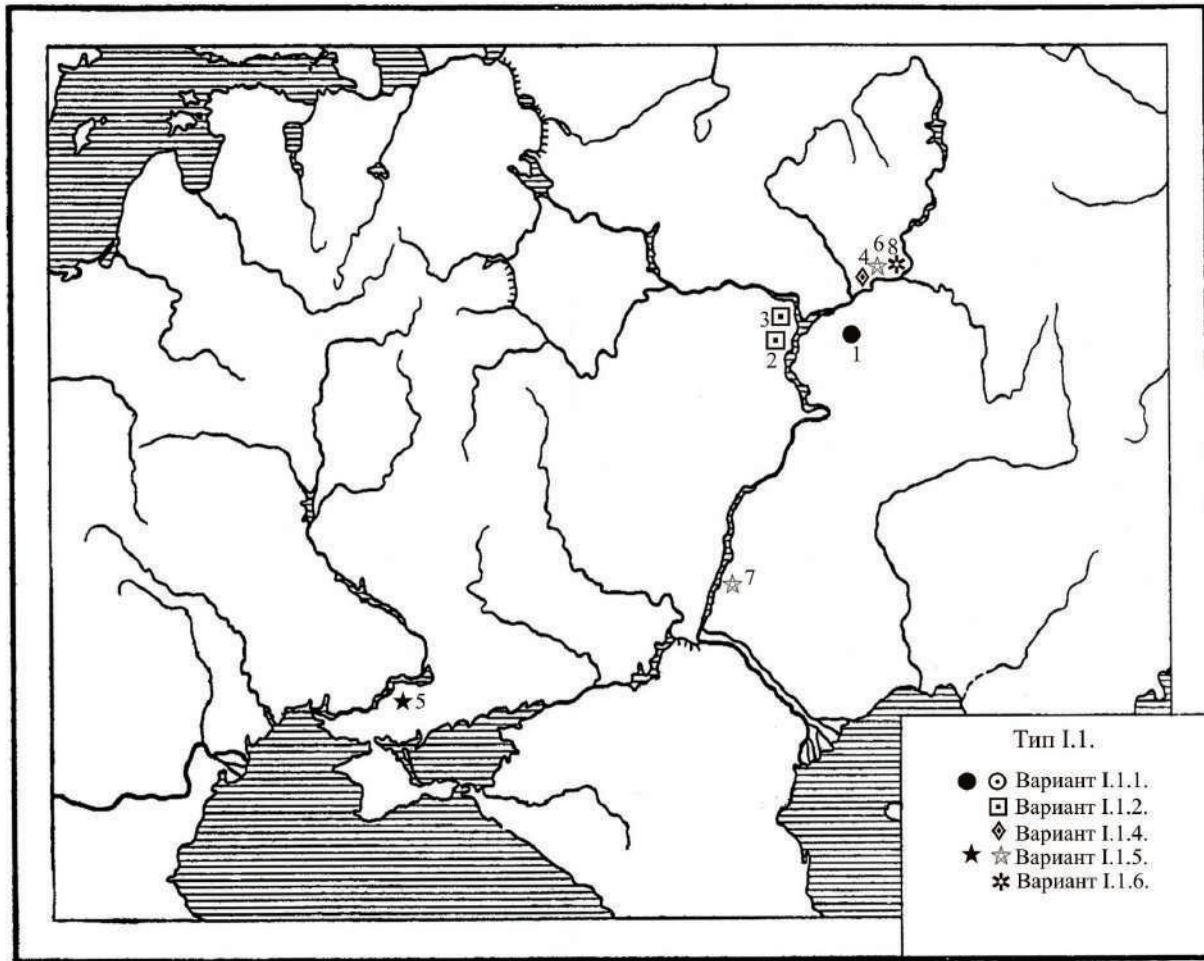
Вариант I.1.3. 9- бывш. Казанская губерния (Халиков 1980, Рис. 44,3).

Вариант I.1.4. 10- Елабуга (Aspelin 1877, Fig. 144).

Вариант I.1.5. 11- Благовещенка (Kaiser, Porandopulo 2004, 19. Abb. 9,3); 12- Ананьинская дюна (Збруева 1952, Таб. XXXVI,18); 13- бывш. Казанская губерния (Халиков 1980, Рис. 44,9). 14- Николаевск (Гуренко 1990, Рис. 1,5).

Вариант I.1.6. 15- Ананьинская дюна (Збруева 1952, Таб. XXXVI,19).

3-4.10-12.15 – масштаб первоисточника изменен.

Карта 8. (Условные обозначения: неокрашенный знак = литейная форма; окрашенный = клад бронз. изделий; полукрашенный = единичная находка бронз. изделия).

Тип I.1.

Вариант I.1.1. 1- Дербедень, Альметьевский р-н, респ. Татарстан, РФ; Не картографированно: Городище, б. Шереметевский р-н, респ. Татарстан, РФ (Тихонов 1960, 45. Рис. XXV, 16); Кировская обл., РФ (Збруева 1952, 110. Таб. XXIII,9); бывш. Оренбургская губерния, РФ (Сальников 1965, 160. Рис. 1,1); бывш. Казанская губерния (Халиков 1980, Рис. 44,4).

Вариант I.1.2. 2- Большое Фролово, Буинский р-н, респ. Татарстан, РФ; 3- Тутаево, Апастовский р-н, респ. Татарстан, РФ.

Вариант I.1.3. Не картографированно: бывш. Казанская губерния (Халиков 1980, Рис. 44,3).

Вариант I.1.4. 4- Елабуга, респ. Татарстан, РФ.

Вариант I.1.5. 5- Благовещенка, Каменка-Днепровский р-н, Запорожская обл., Украина; 6- Ананьинская дюна, Елабужский р-н, респ. Татарстан, РФ; 7- Николаевск, р-н Николаевск, Волгоградская обл., РФ; Не картографированно: бывш. Казанская губерния (Халиков 1980, Рис. 44,9).

Вариант I.1.6. 8- Ананьинская дюна, Елабужский р-н, респ. Татарстан, РФ.

тов датирован по разному, XI-VIII вв. до н.э. (Тихонов 1960, 45), последней четвертью II тысячелетия до н.э. (Халиков 1980, 45) или XIII в. до н.э. (Кузьминых 1981, 65).

II. Типологическое и хронологическое соотношение двушковых кельтов Восточной Европы, Северного Кавказа и карпато-балканского региона эпохи поздней бронзы.

Между комплексами литейных форм икладами бронзовых изделий, а также некоторыми находками из культурно-определенных памятников Северного Причерноморья, Волго-Уралья, Северного Кавказа и карпато-балканского региона, были проведены синхронизирующие параллели (Бочкарев, Лесков 1978, 24-26).

Так, с комплексами Северного Причерноморья

(Головуров, М. Копани, Кабаково, Лобойковка и др.) раннесабатиновского времени, были синхронизированы: в Среднем Подонье - Терешковский клад; в Казанском Поволжье - Дербеденовский клад; в Восточнокарпатском регионе - клады Христинич и Рэдень.

Позднесабатиновского времени (Красный Маяк, Волошинское-1, Добрянка): на Среднем и Нижнем Дону - отдельные находки двушковых кельтов (Гремячее); в Казанском Поволжье - VII Лебединская стоянка и ряд единичных находок.

Белозерского времени: на Северном Кавказе - Бекешевский и Ейский клад; в Поволжье - Сабанчевский клад.

В силу разных информационных возможностей источников Северного Причерноморья, Волго-Уралья, Северного Кавказа и карпато-балканского региона, проделанные типологическая классификация двушковых кельтов, соотношение выделенных вариантов с группами комплексов литейных форм и кладов бронзовых изделий, выяснение археологического контекста отдельных находок, а также ссылка на существующие синхронизирующие параллели, являются необходимыми и существенными составляющими, но недостаточными для данного исследования.

В этой ситуации, целесообразным представляется определение в первую очередь относительной хронологии вариантов двушковых кельтов Северного Причерноморья и их соотношение с археологическими культурами этого региона.

Поскольку, с одной стороны, двушковые кельты данного региона являются самой многочисленной группой исследуемой совокупности, с другой, данная группа представлена и разнообразными источниками, комплексами литейных форм, кладами бронзовых изделий и находками из культурно-определенных памятников, открывающие больше возможностей в определении относительной хронологии вариантов двушковых кельтов.

Кроме этого, группа двушковых кельтов Северного Причерноморья демонстрирует тесные типологические и хронологические связи, как с группами двушковых кельтов Волго-Уралья, Северного Кавказа, так и с двушковыми кельтами карпато-балканского региона, что является существенной предпосылкой, как для типологического и хронологического соотношения между группами двушковых кельтов этих регионов, так и для достижения конечной цели исследования, установление типологического, пространственного и временного развития данной совокупности бронзовых изделий.

II.1. Хронология и культурная принадлеж-

ность двушковых кельтов Северного Причерноморья.

В соответствии с представленностью в комплексах и культурно-определенных памятниках, варианты двушковых кельтов Северного Причерноморья можно подразделить на следующие группы.

I группа, включает те варианты, комплексные находки которых, принадлежат или к уже обозначенным группам комплексов литейных форм и кладов бронзовых изделий раннесабатиновского времени (Vočkarev, Leskov 1980, 69-71; Leskov 1981, 96; Бочкарев, Лесков 1978, 24-26), или входят в клад, типологический набор предметов которых идентичен типологическому набору комплексов этих групп. Таковыми являются следующие варианты:

II.1.1. (Рис. 1,1-9; Карта 1,1-7), II.1.4. и II.1.5. (Рис. 2,1-2; Карта 1,10.11), II.1.7. (Рис. 2,4-6; Карта 1,13-15), II.1.8. (Рис. 2,7-9; Карта 1,16-18);

II.2.4. (Рис. 3,9; Карта 2,9), II.2.21. (Рис. 5,1-7; Карта 4,1-7), II.2.22. (Рис. 5,9-11; Карта 4,9-10);

II.5.4. (Рис. 9,1-3;6-7; Карта 6,13-15.18); II.5.11. (Рис. 10,16-18; Карта 6,30).

Во II группу входят те варианты, комплексные находки которых датированы сабатиновским временем. Эти варианты следующие:

II.2.10. (Рис. 4,4; Карта 3,4), II.5.8. (Рис. 10,4-6.8; Карта 6,25-26).

Комплексные находки вариантов III группы, отнесены, либо непосредственно к сабатиновской культуре, либо к переходному периоду от сабатиновского к белозерскому времени. Данные варианты следующие:

II.3.1. и II.3.7. (Рис. 6,1-3.10-16; 7,1-2; Карта 5,1-3.8-14), II.3.4. (Рис. 6,6.7; Карта 5,5).

К переходному периоду от сабатиновского к белозерскому времени или непосредственно к белозерскому времени, отнесены комплексные находки вариантов IV группы. Варианты следующие:

II.2.11. (Рис. 4,5; Карта 3,5), II.5.13. (Рис. 11,1-9; Карта 7,1-7), II.5.16. (Рис. 11,12-13; 12,1-9; Карта 7,10-19) и II.5.17. (Рис. 12,10; Карта 7,20).

И в V группу входят варианты, комплексные находки которых отнесены к завадовской группе комплексов литейных форм позднебелозерского времени (Vočkarev Leskov 1980, 71). Эти варианты следующие:

II.2.1.-II.2.3. (Рис. 3,1-5; 7-8; Карта 2,1-5; 7-8).

Как вытекает из проделанного хронологического анализа вариантов двушковых кельтов Северного Причерноморья, за исключением находок происходящих из культурно-определенных памятников, основой и главным инструментом установления относительной хронологии вариантов данного ре-

гиона, являются хронологические схемы комплексов литейных форм и кладов бронзовых изделий, предложенные В.С. Бочкаревым и А.М. Лесковым (Bočkarjev Leskov 1980; Leskov 1981).

Что касается другой, тоже широко известной схемы Е.Н. Черных (Черных 1976), ее использование было изначально отвергнуто, из-за существенных и принципиальных недостатков последней, касающихся, как самих выделенных очагов, так и их хронологии (Бочкарев 2006, 57-58).

В то же время, и некоторые положения схем В.С. Бочкарева и А.М. Лескова стали объектами дискуссий, например хронология завадовской мастерской (Гершкович, Клочко 1987, 101-114).

Но, если пересмотр абсолютных дат этой мастерской, как и в целом обеих схем В.С. Бочкарева и А.М. Лескова, оправдан и подтверждается и нынешними археологическими реалиями, то предложенная Я.П. Гершковичем и В.И. Клочко дата - в пределах XIII-XII вв. до н.э. (Гершкович, Клочко 1987, 112), основана исключительно на опосредствованные западные аналогии и никак не могут поставить под сомнение принадлежность завадовской мастерской к белозерскому времени. На том основании, что черешковые кинжалы с параллельными лезвиями, представленные на негативах последней, встречаются как на поселениях и в погребальных памятниках белозерской культуры, так и в памятниках соседних синхронных ей культур (Лесков 1965, 64-66; 1967, 145; Bočkarjev Leskov 1980, 71-72).

Неоднозначно трактуемыми также являются хронологическое положение и культурная принадлежность комплексов литейных форм и кладов бронзовых изделий, отнесенных к раннесабатиновскому времени (Bočkarjev, Leskov 1980, 69-71; Leskov 1981, 96).

В одной из своих работ, мастерские из Малых Копаней и Деревянное, а также Кабаковский клад бронзовых изделий, А.М. Лесков отнес к раннесрубному или предсабатиновскому этапу (Лесков 1967, 161-165).

В последующих работах, как самостоятельных так и совместных, посвященных хронологическо-

му упорядочиванию комплексов литейных форм и кладов бронзовых изделий Северного Причерноморья, В.С. Бочкарев и А.М. Лесков придерживались неизменной последовательности групп комплексов, в рамках сабатиновского и белозерского этапов или культур эпохи поздней бронзы. Изменялись или уточнялись лишь хронология и названия групп (Бочкарев 1975; Bočkarjev, Leskov 1980; Leskov 1981; Бочкарев 1994; 2006).

Вторая группа работ в этом направлении представлена упомянутой схемой Е.Н. Черных (Черных 1976) и исследованиями авторов, которые непосредственно или с несущественными изменениями переняли основные положения этой схемы (Новикова 1976; Черняков 1985; Клочко 1994; 1997; Ключко 1995; Gerškovič 1999; Гершкович 2001-2002).

В этом случае, ограничимся лишь перечислением основных недостатков схемы Е.Н. Черных (1976), выявленных В.С. Бочкаревым - искусственное объединение в один очаг разновременных групп комплексов - лобойковской (кабаковской по А.М. Лескову) и завадовской, принадлежащих в действительности к двум самостоятельным очагам: лобойковско-головуровскому и завадовскому. Первый, из них функционировал в начальную пору эпохи поздней бронзы (XV-XIV вв. до н.э.), а второй, в самом ее конце. А также, ошибочным включением в ингуло-красномяцком очаге множества импортных кладов с территории Восточнокарапатского региона⁶, которые образуют самостоятельную локально-хронологическую группу и представляют отдельный рижский очаг, и неоправданным омоложением возраста кардашинского очага (Бочкарев 2006, 57-58).

И в третью группу можно объединить исследования связывающие лобойковско-головуровские древности со срубной культурой (Березанская 1982; Чередниченко 1986; Отрошенко, Рассмакин 1997 и др.).

Несмотря на различные интерпретации касающихся хронологии и культурной принадлежности комплексов литейных форм и кладов бронзовых изделий Северного Причерноморья, в особеннос-

⁶ Данное заключение подтверждается, например, разрывом между местной металлообработкой икладами бронзовых изделий т.н. ингуло-красномяцком очага, на территории Николаевщины (Сикорский, Елисеев, Ключинцев 1997, 67-69). Изделия, представленные на местных литейных формах, за редким исключением, отсутствуют вкладах бронзовых изделий, найденных на этой же территории. И наоборот, большинство представленных вкладах изделий не встречаются на поселениях и отсутствуют на местных литейных формах. Кроме этого, примечательным является тот факт, что, с одной стороны, литейные формы и отдельные бронзовые изделия происходят с поселений, согласно этим авторам, сабатиновского типа, существовавших в период бытования т.н. ингуло-красномяцком очага. С другой стороны, в типологическом отношении, они принадлежат, по определениям самих авторов, т.н. завадово-лобойковскому очагу. Что, по справедливым замечаниям тех же авторов, указывает на территориальное совпадение двух различных очагов металлообработки и соответственно, на необходимость пересмотра их границ и хронологических рамок бытования.

ти относящихся к начальному этапу эпохи поздней бронзы, менее представленных в культурно-определенных памятниках, нужно подчеркнуть что предложенные В.С. Бочкаревым и А.М. Лесковым схемы (Vočkarev Leskov 1980; Leskov 1981), в качестве схем по относительному хронологическому упорядочиванию групп комплексов, являются достаточно обоснованными и могут служить надежными средствами в этом качестве.⁷

Таким образом, выделенные группы вариантов, по их представленности в закрытых комплексах литейных форм и кладях бронзовых изделий (Vočkarev Leskov 1980; Leskov 1981) и в культурно-определенных памятниках, в относительном хронологическом отношении, представляют собой последовательно сменяющих друг друга группы двушковых кельтов эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья.

Что касается остальных вариантов двушковых кельтов Северного Причерноморья, представленных в основном случайными находками, то их можно, на основании типологических параллелей, соотнести с соответствующей из выше перечисленных групп вариантов. Но, более или менее удовлетворительное определение их хронологических рамок принадлежит будущим открытиям.

Итак, в соответствии с типологическими показателями, а также происхождением из культурно-определенного памятника, к V группе вариантов, или синхронными заводской группе комплексов литейных форм (Vočkarev Leskov 1980, 71), являются литейные матрицы происходящие из эпонимного поселения бондарихинской культуры (Ильин-

ская 1961), отнесенных к вариантам П.2.5. и П.2.12. (Рис. 3,10; 4,6; Карты 2,10; 3,6).

К IV группе вариантов, т.е. к переходному периоду от сабастиновского к белозерскому времени и непосредственно к белозерскому времени, скорее всего принадлежат кельты с приподнятой над ушками втулкой и орнаментированных заштрихованными углами, варианта П.5.9. (Рис. 10,10-13; Карта 6,29), одна из находок которого происходит из погребения (Черных 1976, 88. Таб. VIII,15), другая с поселения белогрудовской культуры Вите-Литовская около Киева (Лесков 1967, 152. Рис.5,1).

Типологически, к III группе вариантов, комплексы находки которых отнесены, либо непосредственно к сабастиновской культуре, либо к переходному периоду от сабастиновского к белозерскому времени, относятся кельты с арковидным оформлением широких плоскостей и дополнительными элементами, вариантов П.3.2. и П.3.3. (Рис. 6,4,5; Карта 5,4).

Ближе всего в типологическом отношении к вариантам I группы, комплексы которых отнесены к раннесабастиновскому времени, стоят находки кельтов с лавролистным оформлением боковых граней и без дополнительных элементов, варианта П.5.1. (Рис. 8,1-3; Карта 6,1), кельты с углообразными наслоенными нервюрами в верхней части фаски, варианта П.5.10. (Рис. 10,14-15), и кельт с отверстием в верхней части фаски, варианта П.1.2. (Рис. 1,10; Карта 1,8), происходящие из Северного Причерноморья.

Затруднительной является определение хронологических рамок кельтов, совмещающие арковид-

⁷ Я.П. Гершкович ставит под сомнение обоснованность хронологических и культурных упорядочений схем В.С. Бочкарева и А.М. Лескова [Gerškovič 1999, 60-61]. Но, если например, замечания по поводу того, что в большинстве случаев, отсутствуют удовлетворительные данные об археологическом контексте открытия комплексов, коллекций, кладов или единичных находок литейных форм, являются состоятельными, и соответственно их хронологическое положение и культурная принадлежность не может считаться окончательно выясненным, то, в тоже время, не нужно их абсолютизировать. Потому что, литейные формы представляют собой, только одну из категорий источников, связанных с металлообработкой эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья. И поэтому, если даже с культурной принадлежностью посложней, то по крайней мере их относительная хронология может быть подтверждена или опровергнута другими категориями источников, как прямыми, кладами металлических изделий, предметами из закрытых комплексов (погребений) или находками с поселений, так и косвенными, результатами анализа других категорий источников, как Северного Причерноморья, так и смежных территорий. Кроме этого, неубедительным является и другой аргумент Я.П. Гершковича, что последовательность групп схем В.С. Бочкарева и А.М. Лескова не подтверждается результатами анализов металла, проведенных Е.Н. Черных (1976). Но, во первых, такой подход является слишком упрощенным, к тому же методологически неправильным. Потому что, результаты анализа археологических источников и результаты анализов химического состава металла, являются двумя автономными видами источников. К тому же последние являются результатами анализа только составной части, а первые целого, нескольких категорий археологических источников. Поэтому, первые не могут быть опровержены только результатами второго вида источников. Соответственно, в данном случае, обоснованность или необоснованность результатов анализа археологических источников, можно определить только более адекватным исследованием тех же источников или посредством новых археологических открытий. Таким образом, результаты анализов химического состава металла, могут иметь, в данном случае, исключительно вспомогательную роль, и не более того (в виду и того, что металлообработка в Северном Причерноморье базировалось преимущественно на привозном сырье).

ное оформление широких плоскостей с лавролистным боковых граней, вариантов П.4.1.-П.4.3. (Рис. 7,6-11; Карта 5,18-22), представленных исключительно случайными находками. Не исключено появление этих кельтов начиная с I группы вариантов, так как один из кельтов варианта П.4.4. (Рис. 7,12; Карта 5,23) из Среднего Поднепровья, орнаментирован сейминской «лесенкой», которая встречается у орудий из комплексов только данной группы. Но, характерны скорее всего эти кельты для III группы вариантов.

Похожая ситуация возможна и в случае с кельтами варианта П.5.12 (Рис. 10,19-20; Карта 6,31), совмещающие трапециевидное оформление широких плоскостей с лавролистным боковых граней.

В соответствии с типологическими показателями, кельты варианта П.2.23. (Рис. 5,12-13; Карта 4,11-12), тяготеют к вариантам I группы, отнесенных к раннесабатиновскому времени.

Итак, после определения относительной хронологической последовательности вариантов двуушковых кельтов Северного Причерноморья, можно перейти к типологическому и хронологическому соотношению с группами двуушковых кельтов Волго-Уралья, Северного Кавказа и карпато-балканского региона.

II.2. Типологическое и хронологическое соотношение двуушковых кельтов Северного Причерноморья и Волго-Уралья.

Для волго-уральского региона мы располагаем лишь одним единственным кладом бронзовых изделий, содержащий двуушковые кельты. Это сабанчеевский клад, в котором входят два кельта, с приподнятой над ушками втулкой, опоясанной тремя горизонтальными валиками, и под ними вложенные в виде рельефных нервюр свисающие углы, отнесенных к варианту П.5.18. (Рис. 12,11-12; Карта 7,21). Клад был датирован IX в. до н.э. (Мерперт 1965, 154).

Данный клад был синхронизирован с белозерским временем Северного Причерноморья (Бочкарев, Лесков 1978, 26).

В типологическом отношении, двуушковые кельты этого клада, соотносятся с вариантами П.5.16. (Рис. 11,12-13; 12,1-9; Карта 7,10-19) и П.5.17. (Рис. 12,10; Карта 7,20), характерных для переходного периода от сабатиновского к белозерскому времени или непосредственно к белозерскому времени.

Их появление в Поволжье скорее всего связано с влияниями северопричерноморских производственных центров белозерского времени (Черных 1976, 189). В то же время, своеобразные черты сабанчеевских кельтов, в том числе орнамент, хорошо

известный в этом регионе на более ранних сейминских, так и на более поздних ананьинских кельтах, указывают на их местное производство (Мерперт 1965, 152).

Остальные же двуушковые кельты этого региона, за исключением одной находки варианта П.5.7. (Рис. 10,3; Карта 6,24), которое числится как происходящее с поселения атабаевского этапа приказанской культуры Среднего Поволжья (Халиков 1980, 44. Рис.43,9), и одной варианта П.5.1. (Рис. 8,8; Карта 6,6), со стоянки той же культуры (Черных 1976, 86), являются случайными находками: варианты П.1.3. (Рис. 1,12; Карта 1,9), П.2.1. (Рис. 3,6; Карта 2,6), П.2.9 (Рис. 4,3; Карта 3,3), П.2.21. (Рис. 5,8; Карта 4,8), П.5.1. (Рис. 8,4-7.9-10; Карта 6,2-5.7-8), П.5.2. (Рис. 8,12-13; Карта 6,10-11), П.5.7. (Рис. 10,2), П.5.8. (Рис. 10,7,9; Карта 6,27.28).

Появление «киммерийских» или двуушковых кельтов «киммерийского» типа в Приказанском Поволжье, Б.Г. Тихонов, относит к концу существования ранних сейминских кельтов, датировав их XI-VIII вв. до н.э. (Тихонов 1960, 50-51).

В то же время, Б.Г. Тихонов подчеркивает специфичность морфологических и орнаментальных характеристик двуушковых кельтов этого региона, такие как округлый корпус, массивный валик по краю втулки, у некоторых выступающие по краям широких граней вертикальные ребра, орнамент из ромбов и треугольников, образованный вложенными углами и указывает на их местное производство, ссылаясь и на анализы двух кельтов, выявившие в составе примесей к меди алюминий, что характерно для этого района.

А.Х. Халиков, считает эти кельты определяющим типом атабаевского этапа приказанской культуры, основывая свои заключения на находке двуушкого кельта на стоянке Бакалдинская III (Рис. 10,3; Карта 6,24) и на аналогичности сильно стертого орнамента этого кельта, в виде рядов горизонтального зигзага, а также орнамента другого кельта, из бывшей Казанской губернии (Рис. 10,2), в виде горизонтального зигзага и косой решетки, с орнаментом приказанской керамики (Халиков 1980, 44).

А.Х. Халиков также указывает на оригинальность этих кельтов и на неправомерность сопоставления кельтов этого региона с позднесрубными или «киммерийскими», в большем числе известных в Поднепровье.

На основании этих наблюдений, А.Х. Халиков считает основной тип двуушковых кельтов этого региона приказанским и полагает их местное развитие на основе двуушковых кельтов сейминского типа. В качестве промежуточного типа указаны кельты из Черемшана и Ивановское (Рис. 1,12;

10,9; Карта 1,9; 6,28), так как на их верхней поверхности сохранился характерный для сейминских кельтов орнамент из опущенных вниз острием треугольников.

А.Х. Халиков, ограничивает время бытования приказанского типа двушковых кельтов, четвертой четвертью II тысячелетия до н.э.

Другой тип кельтов, сопряженный в типологическом отношении с двушковыми кельтами Среднего Поволжья (Халиков 1980, 45), является дербеденовский тип одношковых кельтов Приказанского Поволжья (Рис. 13,1-15; Карта 8,1-8).

Данный тип кельтов, по находке двух таких кельтов в кладе из Дербедень, назван Б.Г. Тихоновым дербеденовским (Тихонов 1960, 40-45).

Клад из Дербедень соотнесен с раннесабатиновским временем (Бочкарев, Лесков 1978, 25), что подтверждается взаимовстречаемостью типов в комплексах и типологическими параллелями одноименного типа одношковых кельтов с группой двушковых кельтов Северного Причерноморья этого времени.

Так, в благовещенском кладе Нижнего Поднепровья входит кельт дербеденовского типа, отнесенного к варианту I.1.5. (Рис. 13,11; Карта 8,5). Этот кельт ассоциируется в этом кладе с двушковым кельтом варианта II.2.21. (Рис. 5,3; Карта 4,4), втульчатый долотом и серпом типа С-16, по классификации Е.Н. Черных (1976, 94-95) или варианта Кобаково, типа Дербедень, по номенклатуре В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева (Дергачев, Бочкарев 2002, 93).

Серпы этого же типа входят и в составе дербеденовского клада (Кузьминых 1981, рис. 7; Дергачев, Бочкарев 2002, 89. Таб. 104, В 8-12).

Изделия другой функциональной категории, типологически близкие ножи-«бритвы» входят также, как в составе дербеденовского клада (Кузьминых 1981, рис. 8,6; Дергачев, Бочкарев 2002, 89. Таб. 104, В 2), в терешковском кладе Среднего Подонья (Пряхин, Синюк, Матвеев 1981, 281. Рис. 1,3), так и в лобойковском кладе Северного Причерноморья (Leskov 1981, 11. Taf. 3,48).

На типологическую сопряженность одношковых кельтов дербеденовского типа с некоторыми конечными типологическими разрядами двушковых кельтов Северного Причерноморья, а также последних с двушковыми кельтами Волго-Уралья, указывал Е.Н. Черных (Черных 1976, 84.192-193).

Но, Е.Н. Черных рассматривает появление одношковых кельтов дербеденовского типа и некоторых двушковых кельтов Волго-Уралья, как результат северопричерноморских влияний.

Такого же мнения придерживается и С.В. Кузь-

миных, связывающий появление одношковых кельтов дербеденовского типа с местной переработкой позднедербеденовскими мастерами Волго-Камья северопричерноморских двушковых кельтов К-52 и К-54, по классификации Е.Н. Черных (Кузьминых 1981, 63-64).

Противоположные взгляды у В.С. Бочкарева, считающий лобойковскую группу двушковых кельтов Северного Причерноморья локальной разновидностью дербеденовских кельтов (Бочкарев 2002, 117), принадлежащие к единой металлообрабатывающей зоне (Бочкарев 1994, 72-73).

Дербеденовский тип кельтов (Рис. 13,1-15; Карта 8,1-8), характеризуется симметричным профилем, округлым лезвием, часто сработанным к стороне с ушком. Широкие грани плоские и отделены от боковых вертикальными ребрами, по краю втулки идет массивный валик, ушко отходящее от последнего составляет как бы одно целое с валиком. Под валиком идет орнаментированная полоса. Орнамент очень разнообразен и состоит из поясков, вертикально и горизонтально расположенных углов, наклонных линий. Ниже орнаментированной полосы, посередине широких граней, часто спускается расходящаяся на конце усиком выпуклая линия (Тихонов 1960, 44-45).

Хотя эти кельты отличаются по форме от сейминских, сходство в орнаменте, наличие украшений из вложенных углов, заштрихованных треугольников и вертикальных ребер, отделяющие широкие грани от боковых, Б.Г. Тихонов объясняет генетической связью тех и других, и считает дербеденовский тип продуктом развития более ранних сейминских кельтов.

А.Х. Халиков считает эти кельты одношковым вариантом двушковых кельтов атабаевского этапа приказанской культуры (Халиков 1980, 45), ссылаясь на полное совпадение мотивов их орнамента с орнаментальными мотивами на приказанской керамике, а также на совпадение валика по краю втулки с валиком по краю горла сосудов.

Сходство в орнаменте также сближает дербеденовский тип кельтов Среднего Поволжья (Рис. 13,1-15; Карта 8,1-8) с вариантами двушковых кельтов раннесабатиновского времени (Рис. 2,4-9; 5,1-7.9-10; 9,1-3.6-7; Карта 1, 13-18; 4,1-7.9; 6,13-15.18).

Некоторые двушковые кельты Северного Причерноморья имеют даже такие специфические элементы орнамента, как вертикальные ребра, отделяющие широкие грани от боковых (Рис. 5,1.3-4; Карта 4,1,3-4), или отходящие от нижнего валика орнаментированной полоски, посередине широкой грани кельта, рельефная линия расходящаяся на конце усиком (Рис. 5,1; Карта 4,1), как и у кельтов

дербеденовского типа (Рис. 13,2.4.9; Карта 8,1).

Другой морфологический показатель последних, более узкое лезвие по отношению к верхней части тулова, также свойственен вариантам двушковых кельтов раннесабатиновского времени (Рис. 1,1-4; 2,4-9; 5,1-7.9-10; 7,13; 8,1-2.14; 9,1-3.6-7; 10,16; Карта 1,1-4.13-18; 4,1-7.9; 5,24; 6,12-15.18.30), в то время как последующие группы кельтов Северного Причерноморья характеризуются обратным соотношением, т.е. более широкими лезвийными частями чем втулчатая.

Множество типологических параллелей, как морфологических так и орнамента, объединяет также и двушковые кельты Среднего Поволжья с двушковыми кельтами Северного Причерноморья.

Например, двушковые кельты с листовидным оформлением боковых граней, отнесенных к варианту П.5.1. (Рис. 8,1-10; Карта 6,1-8), а также варианта П.5.8. (Рис. 10,4-9; Карта 6,25-28), с орнаментальными мотивами в виде треугольников под горизонтальной нервюрой в верхней части фаски, распространены как в Среднем Поволжье так и в Северном Причерноморье.

Что касается хронологических рамок кельтов варианта П.5.8., для находок из Северного Причерноморья, коллекция литейных форм из Андрово, в которой входит матрица для отливки кельта данного варианта (Рис. 10,4; Карта 6, 25), указывает на позднесабатиновское время. В то же время, кельты этого же варианта из Среднего Поволжья (Рис. 10,7.9; Карта 6, 27-28), могут принадлежать к более раннему времени (Халиков 1980, 44).

Похожая ситуация наблюдается и в случае с кельтами варианта П.5.1. (Рис. 8,1-10; Карта 6,1-8), которые за исключением одной находки со стоянки приказанской культуры (Рис. 8,8; Карта 6,6), представлены исключительно случайными находками.

Но в обоих регионах, морфологически похожие двушковые кельты с ободком по краю втулки и с листовидным оформлением боковых граней, за исключением выше перечисленных находок из Северного Причерноморья, варианта П.5.8. (Рис. 10,4-6.8; Карта 6,25-26), характерны преобладающе для раннесабатиновского времени.

В Северном Причерноморье таковыми являются кельты с орнаментом в виде «лесенки» ниже ободка втулки, варианта П.5.4. (Рис. 9,1-10; Карта 6,13-21), с зигзагообразной линией и горизонтальной нервюрой в верхней части фаски, варианта П.5.6. (Рис. 10,1; Карта 6,23), с короткими вертикальными нервюрами в верхней части фаски, варианта П.5.11.

(Рис. 10,16-18; Карта 6,30), с приподнятым краем втулки, горизонтальной нервюрой соединяющаяся с ушками и трапециевидным оформлением фасок, варианта П.5.12. (Рис. 10,19-20; Карта 6,31), с углообразными наслоенными нервюрами в верхней части фаски, варианта П.5.10. (Рис. 10,14-15), принадлежащие в большинстве случаев к раннесабатиновскому времени.

А в Среднем Поволжье, кельты с орнаментом из треугольников в верхней части фаски, варианта П.1.3. (Рис. 1,12; Карта 1,9), кельты с горизонтальной нервюрой ниже ободка края втулки, варианта П.5.2. (Рис. 8,12-13; Карта 6,10-11), с орнаментальными мотивами в виде треугольников в верхней части фаски, варианта П.5.7. (Рис. 10,2-3; Карта 6,24), с орнаментированной полоской между нижним краем ободка втулки и нижними краями ушек и с выступающими по краям широких граней вертикальными ребрами, варианта П.2.21. (Рис. 5,8; Карта 4,8), в соответствии с типологическими показателями, больше тяготеют к раннесабатиновскому времени. Но, не исключено и их частичное распространение и в позднесабатиновское время.

Неопределенной остается хронологическое положение кельта с трапециевидным оформлением фасок с Ананьинской дюны, который условно был отнесен к варианту П.2.1. (Рис. 3,6; Карта 2,6).

Кельты этого варианта, с трапециевидным оформлением фасок, имеют шестигранное сечение (Рис. 3,1-5; Карта 2,1-5). В то время как кельт с Ананьинской дюны, судя по рисунку, имеет выраженную реберчатость граней трапециевидного оформления фасок, и соответственно овально-шестигранное сечение, как у другого двушкового кельта из Среднего Поволжья (Рис 5,8; Карта 4,8) или у одношковых кельтов дербеденовского типа (Рис. 13,1-15; Карта 8, 1-8)⁸.

Приведенные выше данные, выявившие специфические морфологические и орнаментальные показатели большинства двушковых кельтов Среднего Поволжья, а также некоторые результаты анализа металла последних [Тихонов 1960, 50-51], исключают появление этих кельтов в результате северопричерноморских заимствований и подтверждают мнение об их местном развитии на основе двушковых кельтов сейминского типа [Тихонов 1960, 50-51; Халиков 1980, 44].

Кроме этого, несмотря на ограниченные возможности для более точного определения хронологического положения большинства двушковых кельтов Среднего Поволжья, представленных слу-

⁸ Этот случай, как и многие другие, лишней раз указывают на строгую необходимость качественной подачи публикуемых материалов, с соответствующим полным текстовым и иллюстративным сопровождением.

чайными находками, типологические параллели последних с одноушковыми кельтами дербеденовского типа, демонстрируют синхронность этих двух групп кельтов (Халиков 1968, 35; 1980, 45).

II.3. Типологическое и хронологическое соотношение двушковых кельтов Северного Причерноморья и карпато-балканского региона.

Двушковые кельты карпато-балканского региона эпохи поздней бронзы, демонстрируют тесные типологические и хронологические связи с двушковыми кельтами Северного Причерноморья.

К переходному периоду от сабаиновского к белозерскому времени и непосредственно к белозерскому времени (Dergachev 2002, 46-48.202), или к IV группе вариантов двушковых кельтов Северного Причерноморья, принадлежит серия находок, как в составе кладов, так и случайные, из прудо-днестровского междуречья.

Эти кельты были отнесены к вариантам П.5.13. (Рис. 11,2-3; Карта 7,2-3) и П.5.16. (Рис. 12,2.5-6; Карта 7,13.15-16).

А к V группе вариантов, или синхронной заводской группе комплексов литейных форм позднебелозерского времени, относится случайная находка кельта варианта П.2.1. (Рис. 3,5; Карта 2,5) из прудо-днестровского междуречья.

В соответствии с типологическими показателями, с I группой вариантов двушковых кельтов Северного Причерноморья раннесабатиновского времени, соотносятся следующие двушковые кельты из Восточнокарпатского региона и с территории Болгарии: варианты П.4.4. (Рис. 7,13-14; Карта 5,24-25), П.5.3. (Рис. 8,14; Карта 6,12), П.5.4. (Рис. 9,4-5;8-10; Карта 6,16-17.19-21), П.5.11. (Рис. 10,16; Карта 6,30).

Этой же группе принадлежат скорее всего еще две случайные находки двушковых кельтов из северной части Республики Молдова, одной варианта П.1.6. (Рис. 2,3; Карта 1,12) и другой варианта П.5.12. (Рис. 10,19; Карта 6,31). На это указывают типологические показатели этих двух кельтов, как например орнамент (Рис. 2,3; Карта 1,12), который только с этой группой вариантов можно сопоставить (например, с вариантом П.5.11., Рис. 10,16-18; Карта 6,30).

То же самое и во втором случае (Рис. 10,19; Карта 6,31), с кельтом имеющий похожее оформление широких плоскостей как и у одношковых кельтов так называемого «старшего трансильванского типа», и который возможно представляет связующее звено между этими двумя типами, поскольку появление последнего типа также связано с Восточнокарпатским регионом (Дергачев 1997, 25-27).

Кроме этого, оба эти кельта имеют более узкую

лезвийную часть по отношению к верхней части тулова, свойственное только для вариантов двушковых кельтов раннесабатиновского времени.

Возможно, раннесабатиновскому времени принадлежит и кельт варианта П.5.1. (Рис. 8,11; Карта 6,9), входящего в составе условного клада из южной части Трансильвании.

Что касается двушковых кельтов с территории Болгарии (Рис. 7,13-14; 9,5; Карта 5,24-25; 6, 17), Е.Н. Черных отнес их к конечным типологическим разрядам К-66, К-68, К-70, и считает их местным подражением серии типов кардашинского очага. Но, предложенным аналогиям, противоречат типологические показатели этих кельтов, а также и результаты анализов металла, замеченные самим Е.Н. Черных. Два кельта отлиты из металла XI группы (или же Пб по номенклатуре металла Северного Причерноморья), а третий из металлургической «чистой» меди, сравнительно редкой для территории Болгарии XII группы.

Примечательным является отливка обоих кельтов составляющий клад из Попгруево (Коджаоляр), без вставки в полость формирующего втулку сердечника (Черных 1978, 203. Таб. 31, 22; 40,9).

II.4. Типологическое и хронологическое соотношение двушковых кельтов Северного Причерноморья и Северного Кавказа.

Два клада с Северного Кавказа, Бекешевский и Ейский, содержащих двушковые кельты, были синхронизированы с белозерским временем Северного Причерноморья (Бочкарев, Лесков 1978, 26).

Позднее, двушковые кельты с трапезиевидным оформлением широких плоскостей из Бекешевского клада (Рис. 3,11-12; Карта 2,11) и кельт из Теберды (Рис. 4,2; Карта 3,2), А.М. Лесков, датировал позднебелозерским временем.

А двушковые кельты с арковидным оформлением фасок с Северного Кавказа известные к тому времени, соотнес с переходным временем от сабаиновского к белозерскому этапу. В двух случаях (Рис. 7,3-4; Карта 5,15-16), была предположена возможность прямого импорта, а в двух (Рис. 6,8-9; Карта 5,6-7), их местное производство, но в результате заимствований из Северного Причерноморья.

Обобщенно, белозерским временем, были датированы двушковый кельт из клада Тхмори (Рис. 4,1; Карта 3,1), случайные находки кельтов из бассейна реки Уруп (Рис. 4,10; Карта 3,9) и из Тауйхабля (Рис. 4,13; Карта 3,13), объединенные А.М. Лесковым в тип Тхмори (Leskov 1981,68-70).

Предположительно ранним периодом белозерс-

кого времени, был датирован и другой клад этого региона, из Упорной (Аптекарев, Козенкова 1986, 133), включающий двушковый кельт с арковидным оформлением фасок, отнесенный к варианту П.3.9. (Рис. 7,5; Карта 5,17) и два других, с косыми гранями в доль боковых, вариантов П.5.14. и П.5.15. (Рис. 11,10.11; Карта 7,8.9).

В соответствии с типологическими показателями, двушковые кельты Северного Кавказа, соотносятся со следующими группами вариантов Северного Причерноморья.

Двушковые кельты с арковидным оформлением фасок вариантов П.3.5.- П.3.9. (Рис. 6,8-9; 7,3-5; Карта 5,6-7; 15-17) восходят к III группе вариантов, принадлежащие к сабастиновской культуре либо к переходному периоду от сабастиновского к белозерскому времени.

К переходному периоду от сабастиновского к белозерскому времени и непосредственно к белозерскому времени, или к IV группе, относятся двушковые кельты с косыми гранями вдоль боковых, вариантов П.5.14. и П.5.15. (Рис. 11,10.11; Карта 7,8.9).

Двушковые кельты с трапециевидным оформлением широких плоскостей, изогнутым верхним краем втулки, варианта П.2.6. (Рис. 3,11-13; Карта 2,11-12), и с расположенными боковыми ушками ниже ободка края втулки, варианта П.2.7.- П.2.8. (Рис. 4,1-2; Карта 3,1-2) или с приподнятым краем втулки, опоясанным горизонтальными нервюрами, вариантов П.2.15.- П.2.20. (Рис. 4,9-17; Карта 3,8-15), соотносятся по своим типологическим характеристикам с кельтами V группы вариантов, отнесенных к заводской группе комплексов литейных форм позднебелозерского времени.

С некоторыми вариантами последней группы двушковых кельтов Северного Кавказа (Рис. 4,9-11; Карта 3,8-10), близок в типологическом отношении и кельт варианта П.2.9. (Рис. 4,3; Карта 3,3), с расположенными боковыми ушками ниже утолщенного ободка края втулки, с Южного Урала и кельт с окаймленным краем втулки ободком и изогнутой нервюрой соединяющаяся с ушками, варианта П.2.14. (Рис. 4,8), из Оренбургского музея.

Е.Н. Черных предполагает, что эти кельты, как с Южного Урала так и с Северного Кавказа, являются местными подражаниями северопричерноморским, и соответственно не могут считаться импортными (Черных 1976, 83).

То же самое можно сказать и про все остальные варианты двушковых кельтов Северного Кавказа.

Если, такие морфологические элементы последних, как, арковидное и трапециевидное оформление широких плоскостей, косые грани в доль боковых, приподнятая над ушками втулка, опоясанная гори-

зонтальными нервюрами, были заимствованы или привнесены из Северного Причерноморья, то их оригинальное выполнение, а также другие специфические показатели, указывают на несомненное их местное производство, начиная с переходного периода от сабастиновского к белозерскому времени и собственно в белозерское время.

Кроме этого, предложенная модель типологической эволюции двушковых кельтов Северного Причерноморья белозерского времени, выражающаяся в постепенном становлении кельтов с трапециевидным оформлением широких плоскостей (Воцкарев, Leskov 1980, 74), подтверждается и кельтами Северного Кавказа, но большими и разнообразными находками, чем в Северном Причерноморье.

III. Типологическая и пространственно-временная эволюция двушковых кельтов Восточной Европы.

В соответствии с нынешним датированием сейминско-турбинских памятников, в пределах конца III- первой четверти II тыс.до н.э. (Трифонов 1996; Епимахов, Хэнкс, Ренфрю 2005; Когучакова, Еримакхов 2007, Tab. 0.3), самыми ранними двушковыми кельтами Восточной Европы, являются двушковые кельты, бытовавшие в данной культурной среде рядом с безушковыми и одношковыми топорами.

Данные двушковые кельты, встречаются по всему ареалу распространения сейминско-турбинских памятников, от Алтая до устья Оки (Черных, Кузьминых 1989, 58-61. Рис. 19-21).

Сейминско-турбинские двушковые кельты имеют овальную втулку, широкие грани отделены от боковых выступающими ребрами, лезвие шире края втулки.

Орнамент кельтов покрывает от одной до трех зон поверхности. Первая, обязательная, начинается всегда на уровне ушек. Она состоит из пояса заштрихованного вертикальными линиями (т.н. сейминская «лесенка») и в отдельных случаях, наклонными в разные стороны (Черных, Кузьминых 1989, 58. Рис. 20,1). Расположенная ниже средняя зона, имеет обычно орнамент из заштрихованных треугольников или углов, и третья, нижняя, по одному ромбу или цепочку из них.

У некоторых экземпляров этих кельтов, вместо ушек, получились простые выступы (Тихонов 1960, 42-43).

Ушки у сейминско-турбинских кельтов имеют округлую форму, и в соответствии с последними исследованиями, их появление было вызвано стремлением усилить орнаментальное убранство

изделий, приданием ему дополнительного значения, посредством крепления к ним подвесок (Бочкарев 2004, 398-401).

Сейминско-турбинские кельты сменяются другими разновидностями топоров-кельтов. Этот процесс связан со сменой или значительной трансформацией культур в степных и лесостепных регионах Восточной Европы, Южной Сибири и Казахстана, около середины II тыс. до н.э. (Бочкарев 2002, 116).

В Западной Сибири и на юго-западе Восточной Сибири появляются две новые группы кельтов, самусьско-кижировская и минусинская (Черных, Кузьминых 1989, 146-157. Рис. 75-80; Бочкарев 2002, 117).

А в Восточной Европе, дербеденовская группа одноушковых кельтов и лобойковская группа двушковых кельтов (Бочкарев 2002, 117; 2004, 399). Первая, занимает районы Приуралья и Среднего Поволжья, вторая - Левобережной Украины и Среднего Поднепровья (Бочкарев 2004, 399).

Кельты дербеденовской группы представлены исключительно в кладах и случайными находками, а лобойковской и негативами литейных форм, а также единичными находками на поселениях.

Хронологическая синхронность между этими двумя группами основывается на взаимовстречаемости типов в комплексах и типологических параллелях.

Направленность влияний между этими группами интерпретируется по разному. Версии выдвинутой Е.Н. Черных (Черных 1976) и разделенной и другими авторами, в соответствии с которой одноушковые кельты дербеденовской группы появились в результате влияний «завадово-лобойковской» группы двушковых кельтов, противоречат как типологические данные кельтов этих групп, так и пространственно-временное и типологическое развитие других функциональных категорий Восточной Европы, с которыми эти кельты сочетаются в комплексах, а также и культурно-исторические процессы в этих регионах.

Во первых, типологические характеристики одноушковых кельтов дербеденовской группы, такие как реберчатость граней и поясковый орнамент, указывают на их генетическую связь с более ранними сейминско-турбинскими кельтами (Тихонов 1960, 45).

В то же время, реберчатость граней и поясковый орнамент, свойственен и двушковым кельтам лобойковской группы, что и объединяет эти две группы.

Но, если в первом случае, у одноушковых кельтов дербеденовской группы, эти показатели явля-

ются обязательными, у двушковых кельтов лобойковской группы, они идут на убыль.

Эту тенденцию можно подкрепить более детальным сопоставлением этих двух показателей кельтов дербеденовской и лобойковской групп.

Реберчатость граней и поясковый орнамент, являются диагностическими характеристиками одноушковых кельтов дербеденовской группы. Поясковый орнамент кельтов дербеденовской группы представлен как традиционным вариантом (сейминско-турбинским) - линейным пояском (Рис. 13,11.13-14) (турбинский тип, Бочкарев 1986, 89; 2004, 398), так и новыми - косой лесенкой (Рис. 13,4-6), вложенными углами (Рис. 13,1-3.7-8), сочетанием линейного пояса с пояском из зигзагообразных линий (Рис. 13,9) и др. (Рис. 13,10.12.15).

В то же время, реберчатость граней у двушковых кельтов лобойковской группы встречается у единичных экземпляров (Рис. 5,1.3-4). Несколько большего распространения, получило листовидное оформление боковых граней (Рис. 9,1.3-5-10; 10,1.16-18; Карта 6,13-15.18-21.23.30). Поясковый орнамент, представлен также как традиционным вариантом (сейминско-турбинским) - сейминской «лесенкой» (Рис. 2,4; 5,2; 9,2.6-7) (сейминский тип, Бочкарев 1986, 89; 2004, 398), так и новыми - косой лесенкой (Рис. 2,6; 5,6; 9,1.3-5.9), вложенными углами (Рис. 2,9), из зигзагообразных линий (Рис. 5,1.3.5) и др. (Рис. 2,5.7-8; 5,4.7; 9,8.10; 10,16-18).

Кроме этого, некоторые кельты лобойковской группы (Рис. 5,3; Карта 4,4), характеризуются как и сейминско-турбинские кельты (Бочкарев 1986, 87), асимметрией орнамента на широких плоскостях, когда одна из фасок украшена богаче чем другая.

В целом, как было установлено В.С. Бочкаревым, по числу вариантов, орнаментальный поясок у дербеденовских и лобойковских кельтов превосходит сейминско-турбинский, что указывает на упадок пояского орнамента. Его разнообразие достигалось за счет отступления от старых сейминско-турбинских канонов. Кроме того, у многих лобойковских кельтов, ушки и поясок уже не соответствуют друг другу, как по местоположению, так и по размерам. Наблюдается также и замещение пояса другими орнаментальными мотивами. Иногда он вообще исчезает или перемещается в другие части композиции (Бочкарев 2004, 399).

Таким образом, типологические данные, а также территориальное расположение, указывают на то, что дербеденовская группа одноушковых кельтов представляет первичное звено, по отношению

к лобойковской группе двушковых кельтов, в развитие сейминско-турбинских традиций.

Идентичные направления развития, в типологическом и в территориальном отношении, показывают и другие функциональные категории изделий, такие как, серпы ибракаевского, дербеденовского, перелюбского типов, (Дергачев, Бочкарев 2002, 85-86. 98-99.107), ножи с листовидным клинком (Черных 1976, 118-119.192-193; Кузьминых 1981, 66; Leskov 1981, 42-45) и др., которые сочетаются в комплексах с дербеденовскими и лобойковскими кельтами.

Не противоречат этим констатациям и культурно-исторические процессы, происходившие в это время.

Согласно В.С. Бочкареву, появление дербеденовской и лобойковских групп кельтов, связано с крупными изменениями культурно-исторической ситуации на значительной части Северной Евразии. Основным генератором этих изменений, был волгоуральский очаг культурогенеза. В результате этих процессов, на его территории сформировалась целая свита новых культур (черкакульская, федоровская, приказанская, сусканская и др.). Кроме этого, часть населения или небольшие группы этих культур, мигрировали в юго-восточном, восточном и юго-западном направлениях. Свидетельствами инфильтрации населения в юго-западном направлении, являются многочисленные находки андроновской (черкакульско-федоровской) керамики в Подонье, на Левобережной Украине и в Поднепровье, топоры-кельты и кельты-тесла (Бочкарев 2002, 116).

Что касается культурной принадлежности дербеденовских одношковых кельтов, на основании версии об их вторичности по отношению к «завадово-лобойковским» двушковым кельтам, они были отнесены к позднесрубной культуре Волго-Камья (Кузьминых 1981, 64).

Было предположено также их принадлежность к приказанской (Халиков 1968, 35; 1980, 45) или межовской (Бочкарев 1994, 73) культурам, а также к сусканской (История Самарского Поволжья ...2000, 248-249).

Затруднительной является и определение точных хронологических рамок этих кельтов. В силу их представленности только вкладах и случайными находками, одним из возможных путей, является их опосредствованное датирование на основании нынешних хронологических данных, синхронных лобойковских двушковых кельтов Северного Причерноморья.

Идентичная ситуация наблюдается и в случае с большинством двушковых кельтов Среднего Поволжья, представленных, за исключением двух находок числящихся как происходящие с поселе-

ний приказанской культуры, только случайными находками.

В то же время, специфические морфологические и орнаментальные показатели большинства двушковых кельтов Среднего Поволжья, а также некоторые результаты анализа металла последних (Тихонов 1960, 50-51), исключают появление этих кельтов в результате северопричерноморских заимствований и подтверждают мнение об их местном развитии, на основе двушковых кельтов сейминско-турбинского типа (Тихонов 1960, 50-51; Халиков 1980, 44).

Нужно подчеркнуть также, что унаследованная от сейминско-турбинских кельтов традиция отделения широких граней от боковых выступающими ребрами, у одношковых кельтов дербеденовского типа и у двушковых кельтов Среднего Поволжья, получило разное выражение. У первых, в виде вертикальных ребер (нервюр), у вторых, в виде листовидного оформления боковых граней (Рис. 8,4-10.12-13; 10,2-3.7.9; Карта 6,2-8.10-11.24.27-28).

Согласно типологическим параллелям, с одной стороны, с одношковыми кельтами дербеденовского типа, с другой, с двушковыми кельтами Северного Причерноморья, в основном раннесабатиновского времени, опосредствованное датирование большинства двушковых кельтов Среднего Поволжья, также возможна на основании нынешней датировки лобойковских двушковых кельтов.

Хронология и культурная принадлежность групп комплексов литейных форм и кладов бронзовых изделий, отнесенных к раннесабатиновскому времени (Bočkarëv, Leskov 1980, 69-71; Leskov 1981, 96), или лобойковско-головуровского металлообрабатывающего очага (Бочкарев 2006, 58), также имеет неоднозначную трактовку.

На несостоятельность схемы Е.Н. Черных (1976) было указано выше, но и необоснованность позиций авторов «развивающих» ее и отстаивающих синхронность лобойковско-головуровской группы комплексов или очага металлообработки с краснояцким очагом (Клочко 1997; Клоцко 1995, 151-152; Гершкович 2001-2002, 605-606), опровергается типологическими данными не только топоров-кельтов, но и других функциональных категорий, так и культурно-исторической ситуацией в начале эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье.

Во первых, определенная группа типов изделий, входящих в кладях или представленных негативами литейных форм лобойковско-головуровского очага, такие как, восточноевропейские крюкастые серпы (Leskov 1981, Taf. 1, C1-6; 2,6-10; 4,C3), C-14 и C-16 (Черных 1976, 92-95) или тип Ибракаево и вари-

анты Дербедень-Кобаково, Кобаково (Дергачев, Бочкарев 2002, 85-86.93-99), наконечники копий с ушками, соотносятся с изделиями срубной культуры Северского Донца и Подонья (Пряхин 1997, рис. 1, 4.5; 2.4.5; Березанская 1990, рис. 15,3; Саврасов 1986), датированных третьей четвертью II тыс. до н.э. (Пряхин 1997, 49-56).

И восточноевропейское происхождение этих изделий, подтверждается не только их типологической эволюцией (Дергачев, Бочкарев 2002, 85-86.98-99; Бочкарев 2004, 391-394.406), но и находками в закрытых комплексах. Наглядным примером в этом отношении является находка в Среднем Подонье, в погребение позднего покровского типа (Рогудев 1994, 115-116. Рис. 1,6), восточноевропейского крюкастого серпа, С-14 по классификации Е.Н.Черных (1976) или типа Ибракаево (Дергачев, Бочкарев 2002, 78). Кроме того, данная находка указывает на очень раннюю нижнюю хронологическую границу бытования данного типа серпов в этом регионе.

Другая функциональная категория изделий, характерная для комплексов лобойковско-головуровского очага, листовидные ножи-кинжалы с перекрестием на черенке и с ребром вдоль листовидного клинка, а также и с перекрестием-упором сформированным путем проковки боковых граней черенка в месте его перехода в клинок (Leskov 1981, Taf. 2, 28-29; 3,C2; 4,C2), характерны также для II хронологического этапа могильников срубной культуры Северского Донца и II горизонта погребений, той же культуры, Восточного Надазовья (Литвиненко 1999, 15-16. Рис. 13; 2000, Рис. 4).

С другой стороны, раннюю хронологическую позицию лобойковско-головуровской группы комплексов или очага металлообработки, по отношению к последующим группам комплексов Северного Причерноморья, подтверждают и типологическое развитие некоторых категорий изделий карпато-балканского региона.

Распространение кельтов в западном направлении, в XV-XIV вв. до н.э., В.С. Бочкарев связывает с образованием культурного блока Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень и с расширением таким образом, ареала лобойковских двуушковых кельтов Северного Причерноморья, до Карпат и Балкан (Бочкарев 2002, 117-118).

Но, кроме кельтов, в этих регионах распространяются и другие функциональные категории изделий.

В кладе Делень, из восточнокарпатского региона, кроме кельта принадлежащего к группе вариантов двуушковых кельтов раннесабатиновского времени (Рис. 10,16; Карта 6,30), входит и восточноевропейский крюкастый серп, С-14 по классификации Е.Н. Черных (1976) или вариант Гар-

бузовка, тип Перелюб (Дергачев, Бочкарев 2002, 106. Таб. 107,В2).

В этом же регионе был найден и другой клад, Пойенешть I, состоящий из двух других восточноевропейских крюкастых серпов, вариантов волгодонский и среднеднепровский, типа Ибракаево (Дергачев, Бочкарев 2002, 72.75. Табл. 20,275; 21,296).

Другой восточноевропейский крюкастый серп, также варианта Гарбузовка, тип Перелюб (Дергачев, Бочкарев 2002, 106. Таб. 107,А3), входит и в составе клада Одэиле Подарь, из Мунтении, Румыния.

В типологическом отношении, выше указанные восточноевропейские крюкастые серпы, являются прототипом карпато-дунайских крюкастых серпов, мнение высказанное в свое время еще А.М. Таллгреном (Tallgren 1926, 192), и подтвержденное последними исследованиями (Дергачев, Бочкарев 2002, 236-237).

В таком случае, в относительном хронологическом отношении, восточнокарпатские клады из Делень, Рэдень (Рис. 8,14; Карте 6,12), Пойенешть I, и Одэиле Подарь из Румынии, Попгруево (Коджаолар) (Рис. 7,13; Карта 5,24), из Болгарии, содержащие лобойковско-головуровские типы изделий, а также группа случайных находок двуушковых кельтов из карпато-балканского региона (Рис. 2,3; 7,14; 9,5.8-10; 10,19; Карта 1,12; 5,25; 6,17.19-21.31), принадлежащих в типологическом отношении к группе вариантов двуушковых кельтов раннесабатиновского времени, являются более ранними и имеют хронологический приоритет, по сравнению с последующими сериями или группами кладов карпато-балканского региона: Лозова-Мындрешты из прудо-днестровского междуречья (Дергачев 1975, 76-77), Рышешть-Бэлень, Уриу-Домэнешть, Дражна де Жос-Ойнак, Николае Бэлческу-Гура Доброджей (Petrescu-Dîmbovița 1977, 73-78. 119-120), из восточной, западной и южной частей Румынии и дичевской группы кладов или очага металлообработки из северо-восточной Болгарии (Черных 1978, 250.252), которым свойственны карпато-дунайские крюкастые серпы.

Косвенным подтверждением выше сказанному, является и сочетание в кладе Щетково на Южном Буге, обломка восточноевропейского крюкастого серпа варианта Гарбузовка, типа Перелюб, с нижнедунайскими серпами типа Сафаалан. Последние, предшествуют по времени нижнедунайским серпам типа Дичево (Дергачев, Бочкарев 2002, 107. Таб. 114, 1-11), которые соотносятся вкладах уже с карпато-дунайскими крюкастыми серпами.

Аналогичное типологическое развитие можно указать и в случае одноушковых кельтов с арко-

видными фасками из Карпато-Поднестровья, возможная изначальная форма которых представлена одношковым кельтом с арковидными фасками и орнаментом из зигзагообразных нервюр под ободком втулки, из клада Христич (Дергачев 1975, рис. 2,2; Dergačev 2002, Taf. 31,B3), а также идентичной случайной находкой из восточной Румынии (Iconomu 2003, 274-275. Fig. 3,1). Данное предположение основывается на аналогичности орнамента этих кельтов и более узкого лезвия по отношению к втульчатой части, с соответствующими показателями двушковых кельтов раннесабатиновского времени Северного Причерноморья, а также на соотношении кельта из клада Христич с двушковым кельтом варианта П.5.4. (Рис. 9,4; Карта 6,16)⁹.

Косвенным доказательством более раннего появления кельтов в Северном Причерноморье, в Карпато-Поднестровье и на территории Болгарии (Бочкарев 2002), служит и выявленная тенденция хронологического приоритета одношковых кельтов с арковидными и трапециевидными фасками, из кладов восточного и южного прикарпатских регионов, по отношению к тем же кельтам, из кладов внутри карпатского бассейна (Boroffka, Ridiche 2005, 155-156), подтверждающее высказанную ранее версию о восточнокарпатском происхождении одношковых кельтов с арковидными фасками (Дергачев 1997, 24-25; Dergačev 2002, 137-141).

Но, нужно подчеркнуть, что одношковые кельты с арковидными и трапециевидными фасками соотносятся в кладах с карпато-дунайскими крюкастыми серпами.

Типологическое развитие и хронологическая динамика распространения кельтов и серпов, других категорий, в Северном Причерноморье, в восточном и южном прикарпатских регионах, а также намеченная относительная хронология кладов, соотносятся

с культурными процессами в этих регионах.

Определяющую роль в формировании культурного комплекса Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень, материальная культура которого, погребальный обряд и др., восходят к понто-каспийским древностям, отводится восточноевропейским культурным элементам, определившие формирование культур Сабатиновка, Ноуа (Sava 1998; 1999; 2002; 2003; 2004; 2005; Савва 2002; 2003) и Кослоджень (Morintz, Angheliescu 1970, 373-413; Morintz 1978, 121-152)¹⁰.

Данные культурные процессы и объясняют распространение в начале поздней бронзы из Северного Причерноморья в Карпато-Поднестровье, в Нижнем Подунавье и на территорию Болгарии, двушковых кельтов, восточноевропейских крюкастых серпов, листовидных ножей-кинжалов, ножей-«бритв» (Boroffka 1997, 564-566.570), пестов-скипетров (Савва 1987; Boroffka, Sava 1998, 66) и др. восточноевропейских функциональных категорий.

Самым наглядным примером в этом отношении является культура Ноуа. Эпицентр формирования этой культуры находится в северных частях Бессарабии и Восточной Румынии, где расположены большинство поселений и погребальных памятников, в том числе, самые большие могильники культуры Ноуа (Sava 2002, 226). И именно из этого региона происходит самая многочисленная и компактная группа восточноевропейских типов изделий (Dergačev 2002, Taf. 31,B1; 40,C; 68, A411, Şadurschi 1989, fig. 6,6; 7,6; 8,6), представленная как кладами (Рис. 8,14; 10,16; Карта 6,12.30), так и случайными находками (Рис. 2,3; 9,7-9; 10,19; Карта 1,12; 6,19-21.31).

Также, в связи с развитием культурного комплекса Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень, вобравший в себе как восточноевропейские так и карпато-

⁹ Примечательными в этом отношении являются и орнаментальные элементы негатива кельта-молотка, литейной формы из Алмэж (жудец Долж, юго-запад Румынии). Авторы опубликовавшие ее, указали на аналогии горизонтальной «лесенки», зигзагообразным нервюрам и рельефной нервюре, расходящаяся на конце усиком, данного негатива кельта-молотка, с орнаментальными мотивами кельтов Восточной Европы и Сибири (Boroffka, Ridiche 2005, 156-159. Abb. 10). Кроме этого, в качестве аналогий для рельефной нервюры, расходящаяся на конце усиком, были приведены и идентичные или похожие орнаментальные элементы нижнедунайских безушковых кельтов с арковидным оформлением фасок (Petrescu-Dîmbovița 1978, Taf. 73,B 1-7; 74,D10; 76,B1).

У последних кельтов, встречается также и сейминская «лесенка» (Petrescu-Dîmbovița 1978, Taf. 76,B7). Таким образом, на преемственность орнаментальных мотивов дербеденовской и лобойковско-головуровских групп кельтов раннесабатиновского времени, указывают не только последующие им кельты Восточнокарпатского региона, но и Нижнего Подунавья.

¹⁰ Противоположного мнения придерживается Я.П. Гершкович (Gerškovič 1998; 1999), связывающий происхождение культурного комплекса Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень с карпато-дунайскими культурами.

¹¹ В качестве примера можно привести одношковые кельты с арковидными фасками из Карпато-Поднестровья, кельты с арковидными фасками, но без ушек, из Нижнего Подунавья, кельты с арковидными фасками и двумя ушками из Северного Причерноморья (Рис. 6,1-7,10-16; 7,1-2; 6-10), восточно-карпатские серпы с двумя отверстиями на ручке, воспринятых и в мастерских Северного Причерноморья (Bočkarov, Leskov 1980, Taf. 8,61-62.68-70; Гершкович 2005-2009, Рис. 3,1-2) и др.

балканские традиции, объясняется дальнейшее типологическое развитие восточноевропейских типов изделий (кельтов, серпов, листовидных ножей-кинжалов), типологическая сопряженность типов¹¹, взаимовстречаемость общих и специфических типов изделий и в последующих группах кладов этих регионов¹²: красноаяцкой группе литейных форм (Bočkarov, Leskov 1980, 71) и группе кладов с нижнедунайскими и карпатскими изделиями Северного Причерноморья, Лозова-Мындрешты из прудо-днестровского междуречья (Дергачев 1975, 76-77), Рышешть-Бэлень, Уриу-Домэнешть, Дражна де Жос-Ойнак, Николае Бэлческу-Гура Доброджей (Petrescu-Dîmbovița 1977, 73-78. 119-120), из восточной, западной и южной частей Румынии и в дичевской группе кладов или очаге металлообработки, из северо-восточной Болгарии (Черных 1978, 250.252).

Раннее хронологическое положение лобойковско-головуровской группы комплексов или очага металлообработки Северного Причерноморья и типологически идентичных им кладов и случайных находок Карпато-Поднестровья, клада Одэиле Подарь из Нижнего Подунавья и двушковых кельтов из Болгарии, подтверждается не только нынешними датировками аналогий из Восточной Европы, но и опосредствованно пересмотром хронологии групп кладов с территории Болгарии.

Соотношение в кладах Овча Могила (Болгария) микенской рапиры (тип 1a по Kilian-Dirlmeier) с кельтами группы Лесура-Вырбица (по схеме V.Hänsel 1976), позволило удревнить начало этой группы до VzC2 (по Reinecke) или SH IIIA (позднеэладский IIIA), предусматривающее соответственно датировку предшествующей группы кладов Гура-Рышешть уже где-то в VzB (Krauß 2005, 199-210).

И эти новые данные, являются дополнительным подтверждением предложенного Е.Н. Черных, удревнения начала эпохи поздней бронзы и соответственно появления кельтов, в Нижнем Подунавье

(Черных 1978) и Северном Причерноморье (Черных 1981).

Другими показателями обоснованности этих удревнений, являются восточносредиземноморская аналогия топорам-скипетрам из клада литейных форм из Побит Камык (Черных 1978, Табл. 69,1.2), кладов Лозова (Дергачев 1972, рис. 2,11; Dergačev 2002, Taf. 35,19), Дражна де Жос (Petrescu-Dîmbovița 1977, 78. Pl.91,3) и фрагмент микенской рапиры в последнем, указывающие на время этих кладов начиная с VzC2 (Hänsel 1982,15; Hansen 2005,93-94).

Таким образом, на основании перечисленных данных и согласно относительному хронологическому положению, лобойковско-головуровская группа комплексов или очаг металлообработки Северного Причерноморья и типологически идентичных им кладов и случайные находки Карпато-Поднестровья, клад Одэиле Подарь из Нижнего Подунавья и двушковые кельты из Болгарии, должны датироваться еще раньше, чем ныне предложенные даты для последующих им групп кладов.

В соответствии с нынешними датировками культурного комплекса Сабатиновка-Ноуа-Кослоджен (Sava 2002; Gerškovič 1999), выше обозначенные два этапа в развитии групп бронзовых изделий Северного Причерноморья, Карпато-Поднестровья, Нижнего Подунавья и северо-восточной Болгарии, укладываются между концами XVI-XIII вв. до н.э.

Таким образом, максимальное территориальное распространение двушковых кельтов в западном направлении, наблюдается в раннесабатиновское время, когда лобойковско-головуровские кельты Северного Причерноморья достигают Восточнокарпатского региона (Рис. 2,3; 8,14; 9,4.8-10; 10,16.19; Карта 1,12; 6,12.16.19-21.30.31) и территории Болгарии (Рис 7,13-14; 9,5; Карта 5,24-25; 6,17).

В последних регионах, двушковые кельты не получают дальнейшего развития.

В то же время, в Северном Причерноморье, в позднесабатиновское время, в переходный период

¹² Здесь также напрашивается существенное возражение против версии об синхронности лобойковско-головуровской группы комплексов или очага металлообработки с красноаяцким очагом (Клюčko 1995, 151-152; Гершкович 2001-2002, 605-606). Синхронность определенных групп комплексов обычно подтверждается взаимовлияниями, материализованными в типологических параллелях, взаимовстречаемостью типов в закрытых комплексах и др. показателями.

Но, на нынешний день существует только один клад, из Христич, в котором сочетается лобойковско-головуровский тип изделий (двушковый кельт варианта П.5.4., рис. 9,4; Карта 6,16) с восточнокарпатскими-трансильванскими, т.е. ноуавским набором типов (Dergačev 2002, Taf. 31,В). Но и в этом случае, в кладах представлен один экземпляр архаичного варианта одношковых кельтов с арковидным оформлением фасок, орнаментированный под ободком зигзагообразной нервюрой и имеющий более узкую лезвийную часть, по отношению к втулчатой, как и у раннесабатиновских двушковых кельтов. В силу всего выше сказанного, этот клад указывает не на синхронность, а на преемственность лобойковско-головуровских традиций в ноуавских типах изделий (Дергачев 1997,46).

А об синхронности, можно говорить в случае последующих лобойковско-головуровскому очагу групп комплексов, красноаяцкого (Бочкарев 2006,58), ришештского (Дергачев 1975; 1997,46-47; Бочкарев 1994,71-72), и дичевского (Черных 1978, 250.252-253) очагов, что подтверждается типологическими параллелями, взаимовстречаемостью типов в закрытых комплексах, и даже соответствием химических характеристик металла (Черных 1978, 253).

от сабастиновского к белозерскому времени и в белозерское время, наблюдается непрерывная эволюция двушковых кельтов.

Согласно нынешнему датированию белозерской культуры (Отрошенко 1986, 149; Ванчугов 1990, 110-122), с которой более всего связаны позднейшие разновидности двушковых кельтов Северного Причерноморья, возможная верхняя граница существования этой категории кельтов в данном регионе, является X в. до н.э.

На Северном Кавказе, двушковые кельты получают распространение начиная с позднесабатиновского или переходного периода от сабастиновского к белозерскому времени и в белозерское время.

Некоторые типологические характеристики этих кельтов, такие как арковидное и трапециевидное оформление широких плоскостей, косые грани вдоль боковых, приподнятая над ушками втулка, опоясанная горизонтальными нервюрами, указывают на северопричерноморские влияния, но, их оригинальное выполнение, а также другие специфические показатели, указывают на их местное производство.

Время бытования этих кельтов, в соответствии с традиционными датировками, укладывается между XIII и серединой IX вв. до н.э. (Пелих 2003, 17) или XIII и X вв. до н.э. (Козенкова 1996, Таб.5).

Итак, как было указано выше, и для группы Лесура-Вырбица и для группы Гура-Рышешть (по схеме В. Hänsel 1976) или Вырбицкой и Дичевской групп или очагов металлообработки (по Е.Н. Черных 1978), существующие данные указывают на их хронологическое положение начиная с BzC2 (по Reinecke) или SH IIIA (позднеэладский IIIA) (Krauß 2005, 199-210; Hänsel 1982, 15; Hansen 2005, 93-94). Но, в относительном хронологическом отношении, первые группы позднее чем вторые (Hänsel 1976, 30-41; Черных 1978, 252-254).

Таким образом, датировка групп Гура-Рышешть (по В. Hänsel 1976) или групп кладов Рышешть-Бэлень, Дражна де Жос-Ойнак, Николае Бэлческу-Гура Доброджей (Petrescu-Dîmbovița 1977, 73-78. 119-120), из восточной и южной частей Румынии, Лозова-Мындрешты из прудо-днестровского междуречья (Дергачев 1975, 76-77), и дичевской группы кладов или очага металлообработки из северо-восточной Болгарии (Черных 1978, 250-253), укладывается в BzC2-BzD (по Reinecke), MDIII-SDI (по Hänsel) или в XIV-XIII вв. до н.э. Не исключая и возможности для начала этих групп с BzB2-BzC1

(по Reinecke) или в XV в. до н.э. (Черных 1978, 253.257-259).

В таком случае, хронологическая позиция более ранней лобойковско-головуровской группы Северного Причерноморья и типологически идентичных ей кладов и случайных находок Карпато-Поднестровья,клада Одэиле Подарь из Нижнего Подунавья и двухшковых кельтов из Болгарии, должна датироваться в BzB2-BzC1 (по Reinecke), MDII-MDIII (по Hänsel), или в промежутке времени между концом XVI-XV вв. до н.э.

Соответственно, время бытования кельтов синхронной, но в тоже время первичной по отношению к лобойковско-головуровской группе Северного Причерноморья, группы одношковых кельтов дербеденовского типа и большинства двушковых кельтов Среднего Поволжья, относится к XVI-XV вв. до н.э.

Намеченные хронологические построения, исходят из нынешних датировок культур Восточной Европы, типологических и хронологических связей групп бронзовых изделий Восточной Европы и Северного Причерноморья, типологического развития типов бронзовых изделий Северного Причерноморья, Карпато-Поднестровья, Нижнего Подунавья и Болгарии, а также относительной хронологии групп кладов данных регионов и нынешнего датирования культурного комплекса Сабатиновка-Ноуа-Кослодженъ.

Таким образом, появление ранних кельтов, у восточной и юго-восточной окраины карпатского бассейна, имеет восточноевропейское происхождение, и связано с передвижением степных северопричерноморских культурных элементов, определившие формирование культурного комплекса Сабатиновка-Ноуа-Кослодженъ.

Образование и развитие культуры Ноуа в Карпато-Поднестровье с последующим распространением и в Трансильвании, а также и культуры Кослодженъ в Нижнем Подунавье, определили в этих регионах количественный рост производства и других разновидностей кельтов, одношковых и безушковых (Дергачев 1997).

В Трансильвании и на восточной окраине Центральной Европы, производство кельтов начинается с BzC2-BzD (по Reinecke), SDI (по Hänsel) или в XIV в. до н.э.

Итак, выше представленные данные, а также отсутствие местных прототипов в предшествующее время появлению кельтов в Трансильвании (Rusu 1966, 27) и в Центральной Европе (Wanzek

1989, 136-148; Hansen 1994, 177-185), указывают на то, что происхождение кельтов в Европе не представляет собой конвергентный процесс, а последовательное расширение их ареала с востока на запад (Бочкарев 2002).

Библиография

- Аптекарев, Козенкова 1986: А.З. Аптекарев, В.И. Козенкова, Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной (Краснодарский край). СА 3, 1986, 121-138.
- Ахмеров 1951: Р.Б. Ахмеров, Новые археологические находки в Башкирии. КСИА СССР XXXIX, 1951, 120-125.
- Березанская 1990: С.С. Березанская, Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце (Киев 1990).
- Березанская 1982: С.С. Березанская, Северная Украина в эпоху бронзы (Киев 1982).
- Беспалый 1998: Г.Е. Беспалый, Исследование хановского городища в 1997 г. Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995-1997, 15, 1998, 24-32.
- Бочкарев 1975: В.С. Бочкарев, Металлические изделия эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. (Ленинград 1975).
- Бочкарев, Лесков 1978: В.С. Бочкарев, А.М. Лесков, О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом. В сб. Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды. т. 221 (Куйбышев 1978), 23-26.
- Бочкарев 1986: В.С. Бочкарев, К вопросу о хронологическом соотношении сейминского и турбинского могильников. В сб. Проблемы археологии Поднепровья (Днепропетровск 1986), 78-111.
- Бочкарев 1994: В.С. Бочкарев, Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы). В сб. Культурные трансляции и исторический процесс. (Санкт-Петербург 1994), 66-75.
- Бочкарев 2002: В.С. Бочкарев, Металлические топоры-кельты Европы эпохи поздней бронзы. В сб. Степи Евразии в древности и средневековье. (Санкт-Петербург 2002), 115-118.
- Бочкарев 2004: В.С. Бочкарев, О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири. В сб. Археолог: детектив и мыслитель. (Санкт-Петербург 2004), 385-408.
- Бочкарев 2006: В.С. Бочкарев, Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы. В сб. Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения (Санкт-Петербург 2006), 53-65.
- Ванчугов 1990: В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1990).
- Гершкович, Клочко 1987: Я.П. Гершкович, В.И. Клочко, Связи племен Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы (по материалам Завадовской литейной мастерской). В сб. Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. (Киев 1987), 101-114.
- Гершкович 2001-2002: Я.П. Гершкович, Парадоксы в историографии сабатиновской культуры. Stratum plus 2, 2001-2002, 598-607.
- Гершкович 2005-2009: Я.П. Гершкович, Днепровокаменский комплекс литейных форм эпохи поздней бронзы из Среднего Поднепровья. Stratum plus 2, 2005-2009, 578-590.
- Гуренко 1990: Л.В. Гуренко, Случайные находки эпохи бронзы левобережья Волги. Древности Волго-Донских степей I, 1990, 74-75.
- Дергачев 1972: В.А. Дергачев, Клад эпохи бронзы из Молдавии. АИМ 1968-1969, (Кишинев 1972), 65-87.
- Дергачев 1975: В.А. Дергачев, Бронзовые предметы XIII-VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1975).
- Дергачев 1997: В.А. Дергачев, Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона (Кишиневу 1997).
- Дергачев, Бочкарев 2002: В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинев 2002).
- Епимахов, Хэнкс, Ренфрю 2005: А.В. Епимахов, Б. Хэнкс, К. Ренфрю, Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья. РА 4, 2005, 92-102.
- Збруева 1947: А.В. Збруева, Городище Грохань. КСИИМК XVI, 1947, 52-64.
- Збруева 1952: А.В. Збруева, Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. МИА СССР 30 (Москва 1952).
- Иессен 1951: А.А. Иессен, Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА СССР 23 (Москва, Ленинград 1951), 75-124.
- Ильинская 1961: В.А. Ильинская, Бондарихинская культура бронзового века. СА 1, 1961, 26-45.
- Ильюков 2009: Л.С. Ильюков, Бронзовый кельт из Ростовского областного музея краеведения. Старожитності степового Причорномор'я і Криму, XV, 2009, 49-51.
- История Самарского Поволжья ...2000: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век (Самара 2000).
- Каталог... 1979: Каталог археологических коллекций. Музей истории Донского Казачества (Новочеркасск 1979).
- Клочко 1994: В.И. Клочко, Металлургическое производство в энеолите - бронзовом веке. В сб. Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. (Киев 1994), 96-132.
- Клочко 1997: В.И. Клочко, Лобойківська металургія. В сб. Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей

- Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. Тезисы докладов I-го всесоюзного полевого семинара (Киев-Николаев-Южноукраинск 1997), 11-12.
- Козенкова 1996: В.И. Козенкова, Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры) (Москва 1996).
- Колпаков 1991: Е.М. Колпаков, Теория археологической классификации (Санкт-Петербург 1991).
- Кривцова-Гракова 1955: О.А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА СССР 46, (Москва 1955).
- Крупнов 1958: Е.И. Крупнов, Кимерийцы на Северном Кавказе. МИА СССР, 68 (Москва, Ленинград 1958), 176-195.
- Крупнов 1960: Е.И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа (Москва 1960).
- Кузьминых 1981: С.В. Кузьминых, Металлообработка срубных племен Закамья. В сб. Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. (Казань 1981), 41-70.
- Куштан 2003: Д.П. Куштан, Нові знахідки бронзових виробів із Середнього Подніпров'я. Археологічні відкриття в Україні 2001-2002 рр. (Київ 2003), 29-31.
- Лесков 1965: А.М. Лесков, Новая мастерская литейщика эпохи поздней бронзы на Херсонщине. КСИА СССР 103, 1965, 63-66.
- Лесков 1967: А.М. Лесков, О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. В сб. Памятники эпохи бронзы Юга европейской части СССР. (Киев 1967), 143-178.
- Литвиненко 1999: Р.А. Литвиненко, Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья. В сб. Древности Северо-Восточного Приазовья. (Донецк 1999), 4-23.
- Литвиненко 2000: Р.А. Литвиненко, Периодизация срубных древностей Доно-Донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца). В сб. Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи (Воронеж 2000), 81-90.
- Мамонтов 1971: В.И. Мамонтов, Литейная форма срубной культуры из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. СА 2, 1971, 221-223.
- Максимов 1962: Е.К. Максимов, Материалы из Хвалынского музея. СА 3, 1962, 282-288.
- Мерперт 1965: Н.Я. Мерперт, Сабанчевский клад. МИА СССР 130, 1965, 149-155.
- Молодцов 1993: Б.А. Молодцов, Клад бронзовых изделий восточно-тшинецкой культуры. Археологічні дослідження в Україні 1991 року (Луцьк 1993), 72-73.
- Новикова 1976: Л.А. Новикова, Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы. СА 3, 1976, 25-57.
- Отрощенко 1986: В.В. Отрощенко, Белозерская культура. В сб. Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986), 117-152.
- Отрощенко, Рассамакін 1997: В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассамакін, З приводу культурної належності комплексів лобойківсько-дербеденівської зони металообробки. В сб. Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. Тезисы докладов I всесоюзного полевого семинара (Киев-Николаев-Южноукраинск 1997), 23-25.
- Пелих 2003: А.Л. Пелих, Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. (Санкт-Петербург 2003).
- Писларий, Будылкина 1982: И.А. Писларий, Г.Н. Будылкина, Клад литейщика эпохи бронзы из с. Андрово. В сб. Материалы по хронологии археологических памятников Украины. (Киев 1982), 61-67.
- Полтавец 2003: В.І. Полтавец, Археологічна колекція передскіфського та скіфського часів у фондах заповідника «Чигирин». Археологія 4, 2003, 77-85.
- Пряхин, Синюк, Матвеев 1981: А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк, Ю.П. Матвеев, Терешковский клад эпохи поздней бронзы в Среднем Подонье. СА 3, 1981, 281-285.
- Пряхин 1997: А.Д. Пряхин, До виділення мосолівського горизонту доби пізньої бронзи Євразійського степу та лісостепу. Археологія 3, 1997, 49-56.
- Рогудеев 1997: Клад бронзовых серпов у станицы Казанской. Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994. Вып. 14, 1997, 113-122.
- Савва 1987: Е.Н. Савва, К вопросу о пестах-скипетрах эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья. Известия Академии наук Молдавской ССР. Серия общественных наук 1, 1987, 62-71.
- Савва 2002: Е.Н. Савва, Генезис, периодизация и абсолютная хронология культуры Ноуа. В сб. Степи Евразии в древности и средневековье. (Санкт-Петербург 2002), 221-223.
- Савва 2003: Е.Н. Савва, Культурно-хронологическое соотношение комплекса культур Ноуа-Сабатиновка с культурами Карпато-Подунавья. Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном историческом музее. Тезисы конференции. Часть I. (Москва 2003), 147-149.
- Саврасов 1986: А. Саврасов, Глиняные литейные формы с поселений Донской лесостепной срубной культуры. В сб. Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи. (Воронеж 1986), 95-104.
- Сальников 1965: К.В. Сальников, Кельты Зауралья и Южного Урала. МИА СССР 130, (Москва 1965), 160-164.
- Сикорский, Елисеев, Ключинцев 1997: А.А. Сикорский, В.Ф. Елисеев, В.Н. Ключинцев, Новые материалы по металлообработке эпохи поздней бронзы междуречья Тилигула и Ингульца. В сб. Сабатиновская и срубная культуры:

- проблемы взаимосвязей Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. Тезисы докладов I всесоюзного полевого семинара (Киев-Николаев-Южноукраинск 1997), 64-69.
- Татаринов 1979: С.И. Татаринов, Металлообработка в эпоху поздней бронзы на Среднем Донце. СА 4, 1979, 258-265.
- Телегин 1982: Д.Я. Телегин, Старосельский клад поздней бронзы из Черкасской области. СА 1, 1982, 222-224.
- Тихонов 1960: Б.Г. Тихонов, Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА СССР 90 (Москва 1960), 5-115.
- Тереножкин 1961: А.И. Тереножкин, Предскифский период на днепровском Правобережье (Киев 1961).
- Тов 2004: А.А. Тов, Бронзовые кельты с южного берега Краснодарского водохранилища. Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 3 (Армавир 2004), 301-308.
- Трифонов 1996: В.А. Трифонов, К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии. Радиоуглерод и Археология 1, (Санкт-Петербург 1996), 60-64.
- Халиков 1968: А.Х. Халиков, Приказанская культура. СА 2, 1968, 23-40.
- Халиков 1980: А.Х. Халиков, Приказанская культура. САИ, вып. В1-24, (Москва 1980).
- Б. и В. Ханенко 1899: Б.И. и В.И. Ханенко, Древности Приднестровья. Каменный и бронзовый века (Киев 1899).
- Чередниченко 1986: Н.Н. Чередниченко, Срубная культура. В сб. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. (Киев 1986), 44-82.
- Черных 1970: Е.Н. Черных, Древнейшая металлургия Урала и Поволжья (Москва 1970).
- Черных 1976: Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).
- Черных 1978: Е.Н. Черных, Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии (София 1978).
- Черных 1981: Е.Н. Черных, Клад из Констанцы и вопросы Балкано-Кавказских связей в эпоху поздней бронзы. СА 1, 1981, 19-25.
- Черных, Кузьминых 1989: Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Древняя металлургия Северной Евразии (Москва 1989).
- Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).
- Шарафутдинова 1971: Э.С. Шарафутдинова, Металлические изделия кобьяковской группы поселений эпохи поздней бронзы. КСИА СССР 127, 1971, 45-49.
- Шарафутдинова 1973: I.M. Шарафутдинова, Бронзолivarна майстерня з с. Головурів на Київщині. Археологія 12, 1973, 61-70.
- Шарафутдинова 1986: И.Н. Шарафутдинова, Сабатиновская культура. В сб. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. (Киев 1986), 83-116.
- Якубенко, Панченко 1999: О.О. Якубенко, Ю.В. Панченко, Випадкові знахідки доби енеоліту-раннього залізного віку. Археологічні відкриття в Україні 1998-1999 рр. (Київ 1999), 56-58.
- Aspelin 1877: J.R. Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien I. Ages de la pierre et du bronze (Helsingfors 1877).
- Bočkarov, Leskov 1980: V.S. Bočkarov, A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. PBF XX, 1, (München 1980).
- Boroffka 1997: N. Boroffka, Rasiermesser der Bronze- und Hallstattzeit aus Rumänien. In: (Hrsg. C. Becker, M.-L. Dunkelmann, C. Metzner-Nebelsick, H. Peter-Röcher, M. Roeder und B. Teržan) Χρόνος, Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. Festschrift für Bernhard Hänsel, (Espelkamp 1997), 563-676.
- Boroffka, Sava 1998: N. Boroffka, E. Sava, Zu den steinernen „Zeptern/Stössel-Zeptern“, „Miniatursäulen“ und „Phalli“ der Bronzezeit Eurasiens. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan 30, 1998, 17-113.
- Boroffka, Ridiche 2005: N. Boroffka, F. Ridiche, Der Gußformenfund von Plenița, Kreis Dolj, Rumänien. Bronzefunde aus Rumänien II. (Herausg. von T. Soroceanu), (Bistrița, Cluj-Napoca 2005), 133-208.
- Chirica, Tanasachi 1984: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al județului Iași, Vol. I (Iași 1984).
- Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF XX, 9, (Stuttgart 2002).
- Gerškovič 1998: J.P. Gerškovič, Westliche Impulse bei der Formierung des Kulturkomplexes „Noua-Sabatinovka-Coslogeni“ In: B. Hänsel, J. Machnik (Hrsg.), Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. PAS. Band 12, (München-Rahden/Westf. 1998), 317-324.
- Gerškovič 1999: J.P. Gerškovič, Studien zur Spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres. Archäologie in Eurasien, Band 7, Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien- Abteilung (Rahden/Westf. 1999).
- Hansen 1994: S. Hansen, Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhônetal und Karpatenbecken. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie Band 21, Teil 1 (Bonn 1994).
- Hansen 2005: S. Hansen, Neue Forschungen zur Metallurgie der Bronzezeit in Südosteuropa. In: Ü. Yalçın (Hrsg.), Anatolian Metal III (Bochum 2005), 89-103.
- Hänsel 1976: B. Hänsel, Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Beitr. zur ur-u. frühgesch. Arch. d. Mittelmeer-Kulturraumes 16/17 (Bonn 1976).
- Hänsel 1982: B. Hänsel, Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v.Chr. In: B. Hänsel (Hrsg.), Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v.Chr. PAS 1 (Berlin 1982), 1-38.
- Iconomu 2003: C. Iconomu, Noi date arheologice despre județul Vaslui rezultate dintr-o donație. AM XXIII-XXIV, 2003, 273-288.
- Kaiser, Popandopulo 2004: E. Kaiser, Z. Popandopulo, Drei bronzezeitliche Hortfunde aus dem unteren Dneprraum. Praehistorische Zeitschrift 79, 2004, 5-35.

- Kločko 1995: V. Kločko, Zur bronzezeitlichen Bewaffnung in der Ukraine. Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Band 1, 1995, 81-163.
- Koryakova, Epimakhov 2007: L. Koryakova, A.V. Epimakhov, The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages (Cambridge 2007).
- Krauß 2005: R. Krauß, Der Depotfund von Ovča Mogila, Kreis Svištov (Bulgarien): Zur Datierung der Bronzehorte von der unteren Donau über mykenische Schwerter. In: B. Horejs, R. Jung, E. Kaiser, B. Teržan (Hrsg.), Interpretationsraum Bronzezeit (Bonn 2005), 199-210.
- Leskov 1981: A.M. Leskov, Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I. PBF XX, 5, (München 1981).
- Morintz, Anghelescu 1970: S. Morintz, N. Anghelescu, O nouă cultură a epocii bronzului în România. Cultura de tip Coslogeni. SCIV 21, 3, 1970, 373-415.
- Morintz 1978: S. Morintz, Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii Vol.1 (București 1978).
- Petrescu-Dîmbovița 1977: M. Petrescu-Dîmbovița, Depozitele de bronzuri din România (București 1977).
- Petrescu-Dîmbovița 1978: M. Petrescu-Dîmbovița, Die Sichel in Rumänien, PBF XVIII, 1 (München 1978).
- Rusu 1966: M. Rusu, Depozitul de bronzuri de la Balșa. Sargetia IV, 1966, 17-40.
- Sava 1998: E. Sava, Die Rolle der „östlichen“ und „westlichen“ Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka (nach den Materialien des Prut-Dnestr Zwischenstromgebiets). In: B. Hänsel, J. Machnik (Hrsg.), Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. PAS. Band 12, (München-Rahden/Westf. 1998), 267-312.
- Sava 1999: E. Sava, Istorical cercetărilor și contribuții noi la periodizarea și cronologia absolută a culturii Noua. In: Studia in Honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 54-84.
- Sava 2002: E. Sava, Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. (Hrsg. B. Hänsel). PAS. Band 19 (Kiel 2002).
- Sava 2003: E. Sava, Interferențe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spațiul carpato-nistean (complexul cultural Noua-Sabatinovka). Autoreferat al tezei de doctor habilitat în științe istorice (Chișinău 2003).
- Sava 2004: E. Sava, Unele aspecte economice din perioada târzie a epocii bronzului (Complexul cultural Noua-Sabatinovka). In: Studia in Honorem Gheorghe Postică, (Chișinău 2004), 68-75.
- Sava 2005: E. Sava, Die spätbronzezeitlichen Aschehügel („Zol`niki“) – ein Erklärungsmodell und einige historisch-wirtschaftliche Aspekte. Praehistorische Zeitschrift, 80, 2005, 65-109.
- Șadurschi, Cerneleanu, Rusu 1986: P. Șadurschi, I. Cerneleanu, C. Rusu, Celturi de bronz de factura răsăriteană descoperite pe teritoriul județului Botoșani. Hierasus VI, 1986, 25-32.
- Șadurschi 1989: P. Șadurschi, Piese metalice din epoca bronzului descoperite pe teritoriul județului Botoșani. Hierasus VII-VIII, 1989, 157-182.
- Tallgren 1916: A.M. Tallgren, Collection Zaoussaïlov au musée historique de Finlande a Helsingfors. I, Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze (Helsingfors 1916).
- Tallgren 1926: A.M. Tallgren, La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, II, (Helsinki 1926).
- Wanzek 1989: B. Wanzek, Die Gußmodel für Tüllenbeile in Südöstlichen Europa (Bonn 1989).

Ушурелу Евгений Иванович, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академии Наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: eugen_usurelu@mail.ru

DESPRE ARHEOLOGIA FUNERARĂ NEOLITICĂ ȘI ENEOLITICĂ.
PRIVIRE COMPARATIVĂ ÎNTRE ARHEOLOGIA ROMÂNESCĂ ȘI CEA STRĂINĂ

Sergiu Constantin ENEA, Tg. Frumos

În articolul de față este analizată, pe scurt, arheologia funerară neo-eneolitică din spațiul românesc raportată la arheologia funerară străină. Autorul prezintă un scurt istoric al principalelor descoperiri funerare neolitice și eneolitice din spațiul românesc, după care face câteva considerații despre aceste descoperiri și modul în care ele au fost cercetate, publicate și interpretate. Spre comparație, sunt prezentate și principalele etape din arheologia funerară străină, mai ales cea de limbă engleză. Se observă că, dacă în arheologia românească abia în ultimii ani s-a încercat conturarea unui domeniu funerar, dar cu puține legături cu domeniul nostru de interes, în arheologia străină acest domeniu are o mare vechime, beneficiind de numeroase contribuții teoretice dar și aplicate. Dacă, începând cu anii '70 ai secolului trecut arheologia funerară se detașa în cadrul New archaeology ca un domeniu distinct, în schimb, pentru arheologia românească contribuțiile teoretice sunt încă modeste.

К вопросу о нео-энеолитической погребальной археологии. Сравнительный обзор румынской и зарубежной археологии. Статья посвящена краткому анализу румынской нео-энеолитической погребальной археологии в сравнении с зарубежной. Представлен краткий обзор основных неолитических и энеолитических погребальных комплексов в Румынии. Далее анализируются эти комплексы, а также методы их исследования, публикации и интерпретации. Для сравнения, представлены и основные этапы зарубежной погребальной археологии, в основном, англоязычной. Отмечено, что если для румынской археологии только в последние годы сделаны попытки оконтуривания погребальной тематики, но с очень слабыми увязками с областью наших интересов, то в зарубежной археологии это направление имеет значительную историю, с многочисленными теоретическими и практическими разработками. Если начиная с 70 гг. XX в. погребальная археология успешно развивалась в рамках New archaeology как самостоятельное направление, то, напротив, в румынской археологии теоретические разработки пока еще немногочисленны.

Sur l'archéologie funéraire néolithique et énéolithique. Un regard comparatif entre l'archéologie roumaine et celle étrangère. Dans cet article on analyse brièvement l'archéologie funéraire de l'espace roumain, rapportée à l'archéologie funéraire étrangère. L'auteur fait un court historique des principales découvertes funéraires néolithiques et énéolithiques de l'espace roumain, puis il fait quelques considérations liées à ces découvertes et à la manière dans laquelle elles ont été examinées, publiées et interprétées. Pour la comparaison, on a présenté aussi les principales étapes de l'archéologie funéraire étrangère, surtout de celle en anglais. On observe le fait que, si dans l'archéologie roumaine à peine dans les dernières années a-t-on essayé la coagulation d'un domaine funéraire, mais avec peu de liaisons pour notre domaine d'intérêt, dans l'archéologie étrangère ce domaine a une grande ancienneté, en bénéficiant des nombreuses contributions théoriques et aussi appliquées. Si, dès les années '70 du dernier siècle l'archéologie funéraire se détachait dans le cadre du New archaeology comme un domaine distinct, au contraire, pour l'archéologie roumaine les contributions théoriques sont encore modestes.

Mots clés: *brièvement, archéologie funéraire, découvertes, théoriques.*

Descoperirile neolitice și eneolitice cu caracter funerar au mare vechime în spațiul românesc, iar avântul luat de arheologia preistorică după cel de-al doilea război mondial a făcut aceste descoperiri să sporească și mai mult. Până în prezent au fost publicate numeroase grupuri de morminte și necropole, iar altele, cercetate mai demult sau mai aproape de zilele noastre, așteaptă încă să fie publicate¹.

Scopul acestui studiu este de a acoperi un gol din literatura arheologică românească și anume de a analiza, sumar din cauza limitelor impuse de o astfel de prezentare, domeniul arheologiei funerare, slab conturat în arheologia românească, dar bine reprezentat în cea străină, mai ales cea de limbă engleză.

Pentru că tema este deosebit de generoasă, intenția noastră se rezumă la a prezenta aici principalele mo-

¹ Despre unele necropole nu avem decât aprecieri generale făcute de descoperitor, lipsind publicarea detaliată a tuturor mormintelor, chiar dacă necropola a fost cercetată cu mulți ani în urmă. Asemenea situații întâlnim pentru necropolele de la Cernavodă, Sultana, Căscioarele-D'Aia Parte, Chirnogi-Șuvița Iorgulescu, Chirnogi-Terasa Rudarilor, Iclod ș.a.

mente și direcții din evoluția acestui domeniu distinct, care are o importanță deosebită prin faptul că propune soluții și modele pentru reconstrucția socială a sistemelor sociale din Preistorie.

Repere în cercetarea necropolelor din actualul spațiu românesc

Descoperirile funerare neo-eneolitice din spațiul românesc s-au produs, în general, ca urmare a unor lucrări edilitare și mai rar a căutărilor intenționate (Comșa 1990; 1998, 265-276)²; primele semnalări de acest gen s-au făcut în secolul al XIX-lea și era vorba mai ales de morminte izolate. Necropolele preistorice au atras atenția arheologilor datorită numeroaselor și importante probleme care se pun în timpul cercetării lor sistematice.

Dintre marile cimitire din aria românesc cea mai veche semnalare este aceea a necropolei de la **Iclod** (grupul cultural Iclod). Márton Roska, pe atunci tânăr preparator, a săpat aici, pentru prima dată, în luna martie a anului 1903, descoperind un mormânt care avea drept inventar un topor de aramă și ceramică; informația apare într-o scrisoare trimisă către Pósta Béla, din martie 1903 (Lazarovici 1991, 5; Chirilă, Lazarovici 1992, 237). Puține informații și câteva desene au fost publicate în *Repertoriul arheologic al Transilvaniei* (Roska 1942, 193-195, fig. 234-235), însă până în 1972, când se vor începe lucrările sistematice, necropola a fost dată uitării (Lazarovici 1991, 5)³.

Necropolă plană de înhumăție **Decea Mureșului** (grupul cultural Decea Mureșului) a fost cercetată încă din 1915 de István Kovács și reprezintă un fenomen străin și singular în eneoliticul dezvoltat al Transilvaniei. Inițial, s-a considerat, de către D. Berciu, că aparține purtătorilor fazei târzii a culturii Bodrogkeresztúr, încercând să extindă denumirea de cultura Decea Mureșului la toate descoperirile de tip Bodrogkeresztúr din România. Dar analiza materialelor descoperite în morminte, întreprinsă mai întâi de N. Vlăsa și apoi de Ann Dodd-Oprișescu, arată clare analogii cu piese din necropola de la Mariupol, în stepele nord-pontice (Kovács 1928-1932, 89-101; Dodd-Oprișescu 1978, 87-97; Roman, Crișan 1996, 32; Ursulescu 1998, 138).

După cel de-al doilea război mondial, dezvoltarea arheologiei preistorice din România va duce și la identificarea și cercetarea unor noi necropole.

Amintim aici descoperirea necropolei de la **Cernavodă** (cultura Hamangia) în 1953, iar săpăturile cu caracter de salvare încep în primăvara lui 1954 (Morintz

s.a. 1955, 151; Berciu, Morintz 1957, 83-92; 1959, 99-114; Berciu ș.a. 1959, 95-105; 1961, 49-55)⁴. Necropola de la Cernavodă nu beneficiază în prezent de o publicare monografică, puține date despre această necropolă fiind cuprinse în rapoartele de săpătură publicate. Însă, chiar și așa, ne putem da seama de inventarul deosebit și de importanța acestei necropole. Poate că cercetarea mai atentă a acestei necropole ar fi avut asupra arheologiei impactul pe care l-au avut necropolele de la Durankulak și Varna.

La scurt timp, în 1955, debutează și cercetările de la **Brăilița** (cultura Cernavodă I), care, de altfel, sunt și primele din județul Brăila. Săpăturile s-au desfășurat în 22 de campanii, până în 1975, iar în 1987 s-a realizat ultima intervenție. Din fericire, chiar cu imperfecțiunile de cercetare și publicare, necropola de la Brăilița este una din puținele mari necropole care beneficiază de publicarea monografică (Harțușche, Anastasiu 1968; Harțușche 2002).

Cea mai vastă necropolă a purtătorilor culturii Gumelnița descoperită și cercetată sistematic, până acum, la nord de Dunăre, este cea de pe malul nordic al grindului, numit de localnici **Vărăști-Grădiștea Ulmilor**, din apropierea satului Vărăști, jud. Călărași. Primele cercetări de pe grind au fost efectuate de către Radu Vulpe și Vladimir Dumitrescu, încă din anul 1923, cu prilejul unei periegeze efectuate de-a lungul malului de nord al Dunării, în zona Mostiștea-Călărași. Mai târziu, în 1955, cu prilejul unor cercetări de suprafață, efectuate de către Niță Angelescu, au fost descoperite oseminte omenești, din mai multe schelete distruse de apele de inundație ale Dunării. Cu același prilej au fost observate în mal, apoi dezvelite și cercetate alte două schelete umane. Cercetările au continuat până în 1965, iar rezultatele celor opt campanii au fost publicate monografic (Comșa 1962, 205-212; 1995, 55-189).

O altă necropolă cercetată în întregime și publicată monografic este cea de la **Cernica** (cultura Boian) (Comșa, Cantacuzino 2001). Săpăturile de pe malul lacului Cernica au început în 1960, sub conducerea lui Gheorghe Cantacuzino, și urmăreau dezvelirea unui așezământ mănăstiresc medieval (Popescu 1961, 143; Comșa, Cantacuzino 2001, 7). Credem că, la fel ca și pentru necropola de la Cernavodă, dacă necropola de la Cernica s-ar fi cercetat mai atent, impactul asupra arheologiei ar fi fost cu totul altul.

Aproximativ în aceeași perioadă a fost descoperită și cercetată necropola de la **Radovanu** (cultura Boian). Săpăturile din așezare au început în 1960, dar prima mențiune cu privire la o descoperire cu caracter funerar

² Un exemplu în acest sens este Radovanu, prima necropolă căutată intenționat.

³ Săpăturile se desfășoară și în prezent, responsabil de șantier fiind Zoia Maxim.

⁴ Săpăturile au fost efectuate între 1954 și 1961 de către un colectiv aflat sub conducerea lui D. Berciu.

datează din 1961 (un os fragmentar considerat a fi de la un antebraț uman). Primele morminte au fost descoperite în 1962, în total fiind descoperite 23 de morminte (Comșa 1990, 104-108; 1998, 265-276).

Cercetarea necropolei de la **Sultana-Valea Orbului** (cultura Boian) a debutat în 1974 și a fost realizată de către un colectiv coordonat de către Done Șerbănescu și Mihai Sâmpetru; până în prezent s-au descoperit cel puțin 250 de morminte, iar cercetarea încă nu s-a încheiat, date despre necropolă fiind publicate în rapoartele de săpături și în puține articole (Șerbănescu 2002, 69-86; Șerbănescu, Soficariu 2004, 321-322; 2005, 364-365; 2006, 343-347; 2007, 351-352; Șerbănescu ș.a. 2008, www.cimec.ro/Arheologie/cronicaCA2008/cd/index.htm, raportul nr. 168).

La **Urziceni-Vamă** (jud. Satu Mare, cultura Bodrogkeresztúr/Gornești), a fost descoperit în 2003 un alt cimitir. Săpătura a fost efectuată cu ocazia lucrărilor de construire a Vămii, fiind decopertată o suprafață de aproximativ 600 m.p. Până în prezent, în două campanii (2003 și 2005) au fost săpate 40 de morminte, publicate numai parțial, în rapoarte preliminare, cu puține informații privind poziția de depunere a defunctului, dar cu o atenție sporită acordată inventarelor mormintelor. Astfel, în 2003 au fost descoperite 20 de morminte, culturii Bodrogkeresztúr aparținându-i 16 morminte (numerotate de la 4 la 19) (Virag 2004, 41-70)⁵, iar în campania 2005 numărul mormintelor a crescut cu încă 20 (Virag, Marta, Hago 2006, 383-386)⁶. Pentru această necropolă aproape că lipsesc determinările antropologice, accentul cercetărilor fiind pus pe inventarul funerar.

Despre arheologia funerară din arheologia românească

În general, arheologii români au intuit încă de la început importanța studierii necropolelor și posibilitatea multiplelor interpretări generate de aceste analize, chiar dacă nici unul din cimitirele descoperite în spațiul românesc nu se compară cu alte descoperiri contemporane din areale vecine (Varna, Durankulak, Giur-

giulești, arealul Tiszapolgár). Un important impuls al arheologiei funerare s-a produs la sud de Dunăre odată cu descoperirea și cercetarea necropolelor de la Durankulak și, mai ales, Varna, unde, prin inventarul excepțional al mormintelor, s-au modificat radical concepțiile arheologilor despre practicile funerare și despre organizarea socială din eneolitic.

Analizele necropolelor descoperite în spațiul românesc s-au făcut în lipsa unui cadru teoretic⁷, chiar dacă în literatura străină se contura încă din deceniul al șaptelea al secolului trecut o arheologie funerară, domeniu distinct din cadrul *New archaeology*. Trebuie să precizăm, fără a da nume și fără a diminua din merite, că în România au existat și arheologi care în această perioadă au fost în străinătate, dar nu au înțeles și nu au adus în România noile idei și nici literatura; poate că dincolo de merite au și responsabilitatea neîmplinirilor lor. Accentul s-a pus numai pe anumite aspecte, cum ar fi analiza antropologică, descrierea inventarului (dar și aceasta incompletă), depunerea acestuia în raport cu scheletul și foarte puțin pe interpretarea situațiilor rezultate din săpături.

Cercetarea necropolelor s-a făcut mai ales prin munca arheologului, lipsind deseori de pe șantier o echipă de specialiști din domenii interdisciplinare, care ar fi putut îmbunătăți observațiile limitate pe care arheologul le putea face.

În ultimul timp au apărut și studii care abordează problemele practicilor funerare din alte perspective decât cele făcute până în prezent (Kogălniceanu 2005, 265-302; 2007, 189-212), însă, credem noi, noile abordări nu sunt însoțite, decât rareori, și de noi practici-metode-proceduri arheologice.

Cantitatea, și uneori calitatea, de studii și articole de arheologie funerară a crescut direct proporțional cu descoperirea și cercetarea necropolelor. În ultimii ani s-a înființat *Asociația de Studii pentru Arheologie Funerară din România* care organizează simpozioane⁸ și editează volume, însă cu puține legături cu domeniul nostru de interes – neoliticul și eneoliticul⁹.

⁵ Cercetările din 2003 au fost conduse de un colectiv alcătuit din Robert Gindele, Liviu Marta, Ciprian Astaloș (MJ Satu Mare), Kadas Zoltan (MO Carei).

⁶ Colectivul care a continuat în 2005 săpăturile a fost alcătuit din: Cristian Virag – responsabil, Liviu Marta (MJ Satu Mare), Hago Attila (MO Carei).

⁷ Trebuie să amintim aici însă pe István Kovács, care deși nu a beneficiat de un cadru teoretic, a efectuat o cercetare deosebită.

⁸ Asociația de Studii pentru Arheologie Funerară a fost înființată în 1994 și a organizat o serie de colocvii internaționale. Prezentăm aici actele colocviilor de arheologie funerară: Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-est de l'Europe, Actes du IIe Colloque International d'Archéologie Funéraire organisé à Tulcea, Brăila, Călărași et Slobozia, 18-24 septembre 1995, Tulcea 2000, 232 p.; Pratiques funéraires dans l'Europe des XIIIe - IVe s. av. J. -C. Actes du IIIe Colloque International d'Archéologie Funéraire organisé à Tulcea, 15-20 septembre 1997, Tulcea, 2000, 249 p.; Pratiques funéraires et manifestations de l'identité culturelle (Âge du Bronze et Âge du Fer), 22-28 mai 2000, Tulcea 2000; Funerary Practices in Central and Eastern Europe (10th c. BC - 3rd c. AD), Actes du IVe Colloque International d'Archéologie Funéraire, Tulcea, 2006, 276 p.

⁹ Amintim aici un alt volum, *The Society of the Living – the Community of the Dead (from Neolithic to the Christian Era)*, proceedings of the 7th International Colloquium of Funerary Archaeology (eds. S.A. Luca, V. Sîrbu), ATS, V, 1, Sibiu 2006.

Elemente de arheologie funerară din arheologia străină

În literatura străină primele studii de arheologie funerară au fost realizate la începutul secolului XX. Chiar dacă unele sunt simple descrieri despre practicile funerare ale anumitor populații și intră așadar mai ales în domeniul antropologiei culturale, ele depășesc totuși aspectele descriptive și merg și dincolo de acestea, propunându-se și interpretări sau chiar reconstituiri sociale pe baza practicilor funerare (Kroeber 1922, 259-328 [referirile la practici funerare între p. 294-296]; 1927, 308-315 [această lucrare a avut o influență deosebită timp de aproximativ o generație privind dezbaterile interpretărilor practicilor funerare, iar principala sa teorie, conform căreia practicile funerare sunt reflectare a modei, luxului, etichetei, a fost preluată de către marea majoritate a arheologilor și antropologilor până în deceniul 7 al secolului trecut, odată cu apariția lucrărilor lui Ucko, Saxe sau Binford]; Bushnell 1927; Bendann 1930; 1969; Gluckmann 1937; Goody 1962).

Semnalul asupra posibilităților oferite de studii practicilor funerare a fost dat de către V. Gordon Childe spre mijlocul secolului trecut, care, într-un studiu, pune problema dispunerii corpului, plasarea mormintelor în cimitir, bunurile-inventarele mormintelor, mormintele regale (Childe 1945, 13-19).

Un impuls consistent a fost dat cercetării, în direcția interpretărilor și reconstituirii sociale, de către reprezentanții *New archaeology* (deși au fost publicate la începutul secolului XX, se cuvin aici a fi amintite două studii majore care au influențat direcțiile de cercetare din arheologia funerară, dar asta târziu, la mult timp după apariție și numai după ce au fost traduse și publicate în limba engleză: Hertz 1907, 1960; van Gennep 1909; 1960; 2004), în special de cei care au studiat practicile funerare, amintind aici, pentru început, pe Peter J. Ucko (Ucko 1969, 262-280), care susținea în lucrările sale relevanța materialului etnografic asupra practicilor funerare în interpretarea resturilor arheologice. Pentru aceeași perioadă, **anii '60**, și mergând pe aceeași direcție, semnalăm și alte studii etnografice care au exploatat mai ales practicile funerare: C.D. Forde despre practicile funerare Yakö (Forde 1962, 89-123), J. Goody cu studii despre populația LoDagaa din Africa de Vest (Goody 1962, 18-19; 1962), M. Bloch cu cercetări detaliate ale practicilor funerare la populația Merina (Bloch 1971) etc.; J. Goody și M. Bloch, în lucrările lor, se opresc și asupra teoriilor lui R. Hertz privind înmormântarea secundară.

Un moment important pentru arheologia funerară a avut loc în **1970**, atunci când Arthur A. Saxe și-a susținut teza de doctorat (Saxe 1970), care este, probabil, cea mai citată lucrare nepublicată din acest domeniu și cu un efect profund asupra abordărilor privind studiile funerare. În teză, Saxe a încercat să dezvolte un mo-

del inter-cultural privind practicile funerare și legătura acestora cu sistemele sociale și culturale ale societății. El a sugerat că modelul trebuie să ofere un mijloc pentru „monitorizarea complexității sociale” și cu implicații privind organizarea socială (Saxe 1970, 2). A. Saxe a formulat opt ipoteze pe care le-a testat pe datele etnografice de la trei societăți: papuașii Kapauku, Ashanti și Bontoc Igorot. Multe din ipoteze au legătură cu constatarea că, în anumite situații, *persoana socială a decedatului sau complexitatea organizării socio-politice a societății este reprezentată sau manifestată simbolic în practicile funerare ale comunității*, teorie ce a fost preluată în anii următori de către toți arheologii. Combinarea dintre studiul etnografic și ipotezele lui Saxe au încurajat pe arheologi să caute în continuare un sens social în comportamentul mortuar-funerar. În plus, ipoteza opt a lui A. Saxe, care a legat prezența dispunerii formale la teritorialitate, a stimulat pe câțiva etnografi și arheologi la cercetări (Saxe, Gall 1977, 74-82).

În 1971, *Societatea Arheologilor Americani* editează volumul *Approaches to the Social Dimensions of Mortuary Practices* (ed. J. A. Brown), iar în introduce-re J. Brown aducea la cunoștință precedentul lucrării lui A. Saxe. Din acest volum, extrem de importante pentru scopul lucrării de față ni se par capitolele semnate de J. Brown (Brown 1971, 92-112.) și L. Binford (Binford 1971, 6-29).

Capitolul lui J. Brown examinează practicile funerare din site-ul Spiro, iar în analiza tratamentelor de înhumare ale site-ului, autorul preia mult din abordarea lui Saxe; una din concluziile sale importante este aceea că prezența elementelor-artefactelor rare sau unice într-un mormânt din necropolă justifică atribuirea unui statut sau rang înalt individului înhumat (Brown 1971, 92-112).

Folosind dovezi etnografice, L. Binford a identificat câteva regularități de comportament între subzistența strategiei unei societăți (ca o măsură viitoare privind complexitatea socială) și elaborarea ritualului funerar al societății. L. Binford a concluzionat că, așa cum societățile s-au modificat din vânător-adunător-culegător sau modificând strategiile agricol-culturale în stiluri de viață agricol-culturale stabile, practicile de înhumare au crescut în complexitate. Presupunerea interpretativă privind această generalizare a fost că *numărul de roluri sociale pe care le deține un individ, pe parcursul vieții, a crescut, la fel fiind și numărul de reprezentări simbolice ale acestor roluri*. În plus, *s-a așteptat ca aceste simboluri să fie reflectate adecvat și ne-ambiguu în privința tratamentelor mortuare și a obiectelor depuse în mormânt*. O idee ce a fost preluată masiv de către arheologi a fost aceea că *statutul a fost adesea simbolizat prin semne distinctive-insigne specifice statutului și de cantitățile de bunuri care au contribuit la inventarul funerar* (Binford 1971, 23).

Concluziile lui J. Brown și L. Binford sunt adesea juxtapuse prin presupunerea că există o relație directă între statutul social al decedatului și conținutul relativ de tratamente, bunuri înhumate sau privind energia consumată pentru îngroparea individului. De aceea, odată cu creșterea complexității societății, crește și complexitatea înhumării. Ideea că practicile funerare sunt reflectare a organizării sociale și a rolurilor sociale pe care le deține individul în societate este preluată și în prezent, iar această perspectivă procesuală, adesea referitoare la dezbaterile Saxe-Binford, încă reprezintă interpretarea dominantă pentru practicile funerare pentru mulți arheologi americani, dar și europeni.

Sfârșitul anilor '70 și începutul deceniului următor se caracterizează prin continuarea apariției studiilor etnografice despre practicile funerare, deosebită prin conținut și importanță fiind lucrarea lui R. Huntington și P. Metcalf, monografie în a doua ediție în 1991 (Metcalf, Huntington 1979; 1991); în volum, autorii studiază practicile funerare din Madagascar și Borneo, dar autorii analizează critic și teoriile clasice privind practicile funerare pentru aceste zone aparținând lui A. Van Gennep și R. Hertz, precum și teoriile sociologice ale lui E. Durkheim.

Semnalăm apariția în această perioadă și a lucrărilor lui P. Ariès, care, însă, nu au avut un impact ridicat asupra domeniului (Ariès 1974; 1975; 1977; 1983), probabil, la fel ca și în cazul importantelor lucrări semnate de A. van Gennep și R. Hertz, datorită limbii în care au fost publicate¹⁰. Așa cum spuneam, chiar dacă lucrările lui P. Ariès nu au avut succes în stimularea conversațiilor privind practicile funerare între antropologi și, de ce nu, arheologi, ele și-au demonstrat utilitatea inter-culturală prin perspectivele comparative.

Amintim alte lucrări care au marcat arheologia funerară americană de la începutul anilor '80.

În 1980, L. Goldstein a publicat un studiu despre cele două cimitire din valea râului Illinois, cercetarea concentrându-se pe *dimensiunea spațială a practicilor funerare*, incluzând și o reexaminare critică a ipotezei opt a lui A. Saxe (Goldstein 1980). Pe baza evaluării datelor etnografice, L. Goldstein a considerat că relația între cimitirele aflate la marginea așezărilor este mult mai nuanțată decât a apreciat A. Saxe. Ea a reformulat ipoteza opt, concluzionând că *not all corporate groups that control critical resources through lineal descent will maintain formal, exclusive disposal area exists*

and i fit is areas for their dead...But if a formal, bounded disposal area exists and i fit is used exclusively for the dead, (then) the society is very likely to have corporate groups organized by lineal descent (Goldstein 1980, 8). Relația dintre cimitire și resurse a fost extinsă ulterior și la alte populații (Charles, Buikstra 1983, 117-145).

Un volum important pentru arheologia funerară este și cel editat în 1981¹¹. Acest volum, care a inclus autori din Europa și S.U.A., a avut ca idee centrală evoluția și prezentarea critică a ideilor din arheologia funerară din anii '70. Influența teoriilor Saxe-Binford este vizibilă în capitolul semnat de R. Chapman și K. Randsborg (Chapman, Randsborg 1981, 1-24), J. Brown a contribuit cu un capitol important în care reformulează necesitatea reconsiderării riturilor care conduc la practicile funerare reflectate în urmele arheologice, în ideea că rămășițele descoperite sunt doar o mică parte dintr-un lung ritual, dar și problema descoperirii rangurilor în înmormântări (Brown 1981, 25-37). O abordare nouă apare și în capitolul semnat de L. Goldstein despre organizarea spațială a necropolelor (Goldstein 1981, 53-69), în timp ce J. Buikstra (Buikstra 1981, 123-132; Buikstra, Gordon 1981, 449-465) contribuie cu un capitol despre beneficiile potențiale ale comparării datelor biologice ale resturilor scheletelor cu resturile materiale ale înhumărilor; un studiu regional este semnat de unul din editori (Randsborg 1981, 105-121).

În anii '80 teoriile fundamentale Saxe-Binford au fost completate dar și criticate (Braun 1981, 398-416), treptat trecându-se spre *post-procesualism*¹². D. Braun a nuanțat abordările cantitative folosite de cercetătorii procesuali, mai ales pe cele ale lui Joseph A. Tainter (Tainter 1975, 1-15; 1977, 327-351; 1978, 105-141). Argumentația lui D. Braun (McHugh 1999, 8-11) se bazează pe demonstrarea că astfel de măsurări au deformat modelul interpretativ, în parte, pentru că așezarea-ordonarea cantitativă a tratamentelor funerare a fost subiectivă sau nu a prezentat nici o explicație pentru faptul că un tratament este diferit de altul (Braun 1981, 407). De exemplu, D. Braun a evidențiat numeroase cazuri în care obiectele descoperite în morminte au fost consemnate greșit în ceea ce privește regiunea de producție, local-importat (Braun 1981, 402-402).

În Europa critica la abordarea procesuală Saxe-Binford are numeroase argumente teoretice, fiind susținută de Ian Hodder (Hodder 1982; 1986; 1991; 2003¹³), R.

¹⁰ Una din lucrările importante a lui P. Ariès a fost tradusă și în limba română: *Omul în fața morții*, Ed. Meridiane, București, 1996, vol. I *Vreemea gisanților*, vol. II *Moartea sălbatică*.

¹¹ *The Archaeology of Death* (eds. Robert Chapman, Ian Kinnes, Klavs Randsborg), Cambridge University Press, Cambridge 1981.

¹² Folosind termenul de *post-procesualism* ne referim la multiplele abordări teoretice care dezvoltă teoriile procesualismului.

¹³ Lucrare tradusă și în japoneză, spaniolă, italiană, poloneză, lituaniană, greacă, macedoneană, chineză.

McGuire (McGuire 1988, 435-480), M. Shanks și C. Tilley (Shanks, Tilley 1982, 129-154), Mike Parker Pearson (Parker Pearson 1982, 99-113; 1993, 203-229; 1999). Toate aceste noi abordări (*post-procesuale*) sunt unite într-o „acuzare” a gândirii procesuale și a aserțiunii că ritualurile funerare sunt, de obicei, folosite de cei în viață pentru a negocia, a ilustra, a marca, a transforma puterea sau relațiile sociale. Teoriile *post-procesuale* argumentează în plus că perspectiva procesuală explică o importantă variație care există în perceperea și practica riturilor funerare dintr-o anumită societate. Astfel, noile teorii argumentează că riturile și ritualurile funerare dintr-o necropolă sunt modalitatea în care statutul și alte distincții sociale pot fi negociate, însușite sau reînsușite și de aceea servesc drept agenți de schimb cultural. De asemenea, post-procesualiștii afirmă că procesualiștii s-au concentrat pe identificarea structurii sociale verticale, în timp ce criticii lor afirmă și argumentează că generalizările culturale nu sunt adecvate contextelor arheologice, însă, din păcate, criticile post-procesualiștilor au fost rareori însoțite de studii ce caz arheologice.

În ultimii ani (O’Shea 1984; Cannon 1989, 437-458; 2002, 191-199; 2005, 41-65), constatăm că s-au dezvoltat două teme-direcții privind practicile funerare. Prima reprezintă continuarea încercării de utilizare, susținere, răspuns la critici la abordarea Saxe-Binford. În parte, aceste studii au oarecare succes în evidențierea solidității anumitor generalități, precum ipotezele lui A. Saxe. Aceste reformulări și reînvieri de la sfârșitul secolului al XX-lea ale programului lui Saxe-Binford sunt relevante în volumul editat de Lane Anderson Beck din 1995 (Beck 1995). Obiectivul acestui volum a fost extinderea variabilității dintr-un sit în practicile funerare.

A doua direcție a decurs din tradiția critică a post-procesualiștilor. În parte, aceste lucrări au continuat să critice folosirea generalizărilor interculturale în analizele mortuare (Parker Pearson 1993). Aceste studii au început să ofere și studii de caz arheologice relevante și convingătoare. Multe din aceste studii au îmbrățișat ideea că decedații și moartea lor sunt oportunități pentru manipularea activă a structurilor sociale, politice, etnice și materiale. O consecință a acestei direcții este un interes nou pentru cunoașterea rolului oamenilor Preistoriei și al morților în structurarea vieților celor vii (Parker Pearson 1999; Parker Pearson, Ramilisonina 1998, 308-326).

Oricum, abordarea problemelor practicilor funerare rămâne o încercare grea, chiar dacă este de natură teoretică sau aplicată.

Amintim și diverse volume în care se analizează practici funerare (eds. H. Silverman, D. Small 2002; ed. H. Williams 2003), cu un impact deosebit fiind cele

patru volume publicate de Societatea Americană de Arheologie (ed. J. Brown 1971; eds. R. Chapman, I. Kinnes, K. Randsborg 1981; ed. L. A. Beck 1995; eds. G. Rakita, J. Buikstra, L. Beck, S. Williams 2005), care aproximativ o dată la zece ani organizează simpozioane de arheologie funerară și publică lucrările prezentate.

Domenii ale arheologiei funerare străine

Așa cum reiese din cercetările întreprinse de M. Parker Pearson, studiile de arheologie funerară se pot împărți în mai multe domenii:

- *considerații teoretice*, reunind principalele interpretări ale înmormântărilor umane, mai ales cele de după anii '60 (amintim aici de L. Binford, J. Brown, J. Tainter, A. Saxe, J. O’Shea; W. Goodenough 1965, 1-24);
- *explicații, justificări în studiile funerare* (studiile lui R. Chapman, A. Saxe, L. Goldstein), care cuprind studii teoretice aplicate pe exemple;
- *perspective bioarheologice*; au fost incluse studiile de paleodemografie, paleopatologie, dietă, nutriție etc. (de ex.: van Gerven, George 1981, 353-360; Boquet-Appel, Massett 1982, 321-333; Jerome, Marks, Tieszen 1991, 7-21; Larson 2002, 119-166; Wright, Cassidy 2003, 43-70);
- *studii de caz arheologice*, mai ales pentru America de Nord, America de Sud și Europa (Randsborg 1981, 105-121).
- *studii arheologice și etnografice privind tratementul morților* (Ariès 1974; Metcalf 1981, 564-578; McGuire 1988, 435-480);
- *perspective etnice în arheologia funerară* (Buikstra, Gordon 1981, 449-465; McGowan, LaRoche 1996, 109-121; Walker 2000, 3-39).

Fundamentele teoretice dezvoltate de Saxe și alți reprezentanți ai *New archaeology* au fost completate și dezvoltate, dar și criticate de către *post-procesualiști* (Barrett 1990, 179-189; Morris 1991, 147-169; Parker Pearson 1993, 203-229; Brown 1995, 3-26; Chapman 1995, 29-51; Lull 2000, 576-580; Harke 2002, 340-341).

Relațiile dintre vii și morți mai pot fi împărțite în trei tipuri de analize (Parker Pearson 1993, 206):

a. *analiza relațiilor spațiale și topografice între locurile celor vii și celor morți* (Goldstein 1976; 1980; Saxe 1970); dacă într-o societate există un loc marginal, folosit exclusiv pentru decedați, atunci societatea este dispusă să creeze în necropolă grupuri organizate de indivizi înrudiți.

b. *analiza intra-organizațională între domiciliul celor vii și necropole* (Bloch 1971; Rawnsley, Reynolds 1977, 215-221); există trei tipuri de comparații ce se pot face:

- contrastul dintre contexte ca parte de bază a casei (gospodăriei) și a mormântului; dacă unele măsuri ale

capacității de producție sau stocare și a statutului social relativ pot fi atribuite unor gospodării, atunci aceste variații pot fi comparate cu variabilitatea în contextul funerar;

- o așezare poate fi organizată după principii ca: gen (de ex. casele bărbaților, locurile femeilor), statut (așezarea centrală a casei șefului), înrudirea (distingerea unor grupuri spațiale de case aparținând rudelor) sau principii cosmogonice. Compararea se poate face cu organizarea spațială a cimitirelor cu aceleași date. Așezarea decedatului într-un anumit loc este conformă cu o hartă a ordinii sociale și indică valorile ei în microcosmos (Rawnsley, Reynolds 1977, 215-221); acei morți a căror viață și moarte simbolizează valorile sociale centrale pot fi așezați în opoziție cu morții devianți ale căror fapte au periclitat ordinea socială.

- compararea între așezări și cimitire poate indica lipsa consistenței care arată existența prin care lumea morților este reprezentată și are influență asupra relațiilor sociale ale celor în viață, precum și a modelării societății din trecut ca un ideal pentru prezent (Bloch 1971).

c. *analiza distribuirii artefactelor și depozitelor între așezări, depozite funerare și alte contexte* (Braun 1971; Appadurai 1986, 3-63; Renfrew 1986, 141-168). Studiile despre depozite descoperite în contexte diferite pot oferi o evaluare mult mai corectă a valorii artefactului decât argumentul calculării valorilor tipurilor de morminte după raritatea acestora în contextele funerare sau calcularea valorii din efortul investit. Aceste analize ale încrucișării contextuale evaluează mult mai adecvat valoarea simbolică a tipurilor de artefacte și expune procesele de selectare a bunurilor aflate în morminte (Parker Pearson 1993, 207).

Repere de sociologie funerară în *New archaeology*

Teoriile reprezentanților *New archaeology*¹⁴ au ca punct comun crezul că analiza practicilor funerare reprezintă un mijloc important pentru cunoașterea sistemelor sociale din preistorie. Astfel, Binford consideră că (Binford 1971 apud Parker Pearson 1999, 73)¹⁵ prin

analiza atentă a practicilor funerare se poate observa tipul organizării unei anumite societăți, dacă este, în principal, egalitară sau stratificată sau dacă acea comunitate putea fi organizată din diverse grupuri distincte. De asemenea, Binford susține analiza variabilității în cadrul practicilor mortuare ale unei singure culturi, în scopul reconstituirii sociale; conceptul variabilității mortuare, introdus de el și susținut și de alți arheologi, a avut drept scop distrugerea caracterizării normative a riturilor funerare ca produse ale șabloanelor mentale sau ale normelor sociale de comportament (Saxe 1970; Binford 1971; Parker Pearson 1993, 205)¹⁶. Pentru aceasta, Binford propune evaluarea în practica funerară a două componente ale situației sociale:

- în ce măsură putem numi *persoană socială* pe cel decedat; aceasta este compusă din identitățile sociale păstrate în timpul vieții și recunoscute în momentul morții; dimensiunile principale ale persoanelor sociale sau ale rolurilor care să poată fi recunoscute sunt: vârsta, sexul, afilierea socială, poziția socială, iar în cazurile sigure condiția și locația morții (Parker Pearson 1999, 73);

- compoziția și mărimea unității sociale, a statutului recunoscut, corespunzătoare celui decedat; prin aceasta putem întâlni legături directe între rangul și poziția socială a mortului și numărul de persoane care îi erau îndatorate (Parker Pearson 1999, 73)¹⁷.

În volumul *Archaeology of Death* poziția lui Binford este completată, rezumând succint poziția teoretică dezvoltată în literatura de specialitate de la începutul anilor 1980. Autorii lucrării au analizat varietatea în practicile funerare a unor societăți deosebite, în încercarea de a identifica rangurile sociale. Atenția lor se concentrează pe:

- organizarea artefactelor depozitate odată cu mortul;
- prelucrarea acelor artefacte care simbolizează statutul social;
- efortul cheltuit cu tratamentul celui decedat va fi propus ca o soluție variabilă (cea mai importantă cheltuială va fi corelată cu rangul cel mai înalt) (O'Shea 1981, 47).

¹⁴ Nu ne-am propus aici să prezentăm întreaga evoluție a teoriilor legate de practicile funerare, așa cum sunt ele susținute de reprezentanții *New archaeology*; însă vom expune pe scurt câteva dintre principiile majore care s-au impus în literatura de specialitate.

¹⁵ Binford consideră că ar trebui să existe un grad sporit de isomorfism între complexitatea structurii sociale și a sistemului socio-cultural și complexitatea ceremonialului mortuar ce însumează tratamentul aplicat indivizilor cu un statut social diferit, dar și o corespondență foarte strânsă între natura caracteristicilor ce servesc ca bază pentru un tratament funerar deosebit și criteriile folosite pentru a putea stabili unele diferențe între societăți dispuse într-o ierarhie de la simplu la complex.

¹⁶ Analiza variabilității din depozitele funerare a fost o trăsătură centrală a studiilor *New Archaeology*.

¹⁷ Această poziție o întâlnim și la Saxe: *fiecare individ a fost o personalitate coerentă care nu numai că s-a implicat în relații cu alte personalități sociale, dar a făcut asta în funcție de reguli și spații sociale dictate de un sistem social mai mare* (apud M. Parker Pearson 1999, 73).

Chris Peebles și Susan Kus consideră că arheologul ar putea deduce principiile din spatele diferențierii sociale de la rangul și frecvența diferitelor tratamente mortuare, din moment ce se presupune că fiecare individ ar fi înmormântat în funcție de poziția lui socială din timpul vieții (Peebles, Kus 1977, 421-448, *apud* M. Parker Pearson 1999, 74).

Concluzionând, pentru analiza practicilor funerare a fost creat un model teoretic prin care s-a încercat o separare a caracteristicilor inventarului funerar a *persoanei sociale* în două categorii:

- **subordonate** – elemente ce țin de caracteristicile fizice ale individului, cum ar fi vârsta și sexul;
- **supraordonate** – elemente care reprezintă grija celorlalți, anume bunurile materiale depuse ca ofrandă și energia investită în realizarea monumentului funerar.

Elementele ce pot fi incluse în categoria supraordonate sunt adevărații indicatori ai inegalității sociale, ce poate fi sesizată într-un context funerar (Parker Pearson 1999, 74).

Orice comunitate pe teritoriul căreia au fost identificate înmormântări în care pot fi sesizate atât caracteristicile fizice ale individului, cât și cele ce sunt expresia grijii celorlalți membri ai comunității, poate fi considerată o societate ierarhizată. Elementele deosebite în ceea ce privește tratamentul defunctului, cum ar fi poziția scheletului, absența (mormânt cenotaf) sau chiar decapitarea acestuia, pot fi urmarea circumstanțelor în care a avut loc decesul, dar și o expresie a statutului celui decedat (O'Shea 1981, 47). Dar practicile funerare nu reprezintă doar o reafirmare a statutului individului și a structurii sociale din care făcea parte, ele fiind și un moment important din viața comunității. Monumentele funerare sunt un indiciu deosebit de important atât pentru statutul social al celui decedat, cât și pentru cei care l-au construit. Se cuvine să amintim aici și obiecțiile lui Parker Pearson referitoare la această chestiune, importante pentru studiul rangurilor, statutelor și ierarhiilor sociale, obiecții adoptate și de alți cercetători. Astfel, în urma unei analize a practicilor funerare moderne din Cambridge, examinând date pentru 270 din cei 300 de oameni înmormântați în oraș în 1977, a încercat să vadă legătura dintre ritualul funerar (mai ales asupra formei și cheltuielilor funerariilor, cheltuielile de păstrare a memoriei decedatului, impozanța monumentului funerar) al decedaților și statutul acestora din timpul vieții. Rezultatele obținute sunt extrem de surprinzătoare: monumentele funerare cele mai impunătoare, cheltuielile cele mai mari se fac în lumea romilor și cea a artiștilor (cu statute modeste în timpul vieții), în timp ce, acei care în timpul vieții dețineau statute înalte (diplomați, profesori, medici etc.) beneficiau de tratamente funerare modeste. Bazându-se pe datele din

studiul său (care au inclus informații istorice locale din activitatea mortuară de la Cambridge și din Regatul Unit), Parker Pearson a oferit o serie de reguli, pentru a ajuta studiarea arheologică a înmormântărilor:

- Practicile funerare pot conține și releva (dar nu reflecta) efectul statutului, puterii și ideologiei;
- Practicile funerare sunt reprezentări ale realității percepute a relațiilor sociale și sunt deschise spre conflict, negociere și expunere falsă;
- Funerariile sunt momentele în care structura puterii poate fi radical reasezată;
- Adesea monumentele funerare cele mai ostentative însoțesc momente de criză, în timpul cărora este o necesitate de a legitima și afirma credințele și *status quo*-ul (Parker Pearson 1982, 99-113; Bailey 2005, 329- 339).

În teoria lui Parker Pearson există însă o problemă discutabilă: *nu ține cont de timpurile istorice*. În epoca modernă fiecare e liber să-și cheltuie banii cum dorește, numai că în Preistorie **prestigiul** era un atribut al celui recunoscut drept lider/conducător și al celor care ocupau statute înalte în ierarhia socială. În anumite locuri, prestigiul întemeiază o ierarhie, în altele o întărește pe cea deja existentă. Spre deosebire de alte principii de stratificare, prestigiul este singurul care nu stabilește o structură ierarhică stabilă, un exemplu ordonat de statute dobândite. De aceea, la comunitățile preistorice, **prestigiul** era, poate, cel mai important „bun” ce putea fi deținut de către un individ și, tocmai de aceea, practicile funerare din Preistorie trebuiau să reconfirme/ateste prestigiul și statutul deținut de către un individ (Enea 2009).

În societățile segmentare, dar și în cele cu foarte puține elemente de diferențiere în ceea ce privește statutul, deosebit de importantă, pentru a sesiza diferențierea socială, devine analiza bunurilor din morminte (în lipsa altor date, informațiile, diferențele și interpretarea acestora, furnizate de inventarele din cadrul grupurilor de morminte sau necropolele constituie, poate, cele mai sigure modalități de a identifica eventuale statute, ranguri și ierarhii sociale) (Hodder 1982, 152). Oricum, interpretările urmelor funerare legate de statut, gen și poziție socială sunt dependente de abilitatea arheologilor de a interpreta relația pe care cei în viață și-au creat-o față de decedat. Practicile funerare sunt produsul unor decizii „politice” (sau legături de decizii) în care trupul este manipulat pentru motivele știute de supraviețuitori. Tratamentul-comportamentul lor în ceea ce privește decedatul este condiționat de percepția lor despre moarte și de relațiile lor cu decedatul pe când acesta trăia.

Practicile mortuare prezintă o serie de variabile, toate aflate în conexiune, cum ar fi (Goldstein 1981, 59):

1. Modul în care era amplasat mormântul:

- a. forma acestuia;
- b. orientarea mormântului și a scheletului;
- c. amplasarea mormântului și distanța față de comunitate;
- d. mediul natural în care a fost amplasat;
- e. forma de relief în care se situează;

2. Interiorul mormântului și inventarul funerar:

- a. aranjarea oaselor și a inventarului funerar;
- b. forma mormântului;
- c. cantitatea de bunuri;

3. Modul în care a fost tratat scheletul:

- a. poziția scheletului;
- b. dispunerea lui în mormânt;
- c. numărul de indivizi dintr-un mormânt;
- d. eventuala mutilare a scheletului;

4. Caracteristici biologice:

- a. vârstă;

b. sex;

c. starea de sănătate și circumstanțele morții;

d. nutriția;

e. eventualele informații genetice.

Deosebit de importante, în analiza statutului social (dar și a organizării sociale și a semnelor ierarhiilor sociale), pe baza inventarului funerar, sunt artefactele conținute de acesta (Tainter 1978, 133). Valoarea pe care o au aceste obiecte este determinată atât de cantitatea de energie care a fost consumată pentru a fi realizate, cât și de frecvența cu care acestea apar, materialele din care au fost confecționate, importanța lor utilitară sau de diferitele asociații în care au fost descoperite¹⁸. Considerăm că este greșit să se sugereze că artefactele depuse în mormânt sunt „scoase din circulație”; obiectele „înhumate” capătă un sens cultural din asocierea cu „noul om” (cel decedat) și mai târziu cu strămoșii, iar acesta este un exemplu de înlănțuire a relațiilor umane care este opus noțiunii moderne de „individual” sau se află în legătură cu el (Chapman 2000, 170).

Bibliografie

- Appadurai 1986: A. Appadurai, Introduction: commodities and the politics of value. In: (ed. A. Appadurai) *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective* (Cambridge 1986), 3-63.
- Ariès 1974: P. Ariès, *Western Attitudes Toward Death* (Baltimore 1974).
- Ariès 1975: P. Ariès, *Essais sur l'histoire de la mort en Occident: du Moyen Âge à nos jours* (Seuil 1975).
- Ariès 1983: P. Ariès, *L'Homme devant la mort* (Seuil 1977).
- Ariès 1983: P. Ariès, *Images de l'homme devant la mort* (Seuil 1983).
- Ariès 1996: P. Ariès, *Omul în fața morții* (București 1996).
- Barrett 1990: J.C. Barrett, The monumentality of death: The character of Early Bronze Age mortuary mounds in southern Britain. *World Archaeology*, 22, 1990, 179-189.
- Bailey 2005: D.W. Bailey, On the Absence of Burial Ritual in Cucuteni-Tripolie Communities. In: (eds. V. Spinei, C.M. Lazarovici, Dan Monah) *Scripta praehistorica. Miscellanea in honorem nonagenarii magistri Mircea Petrescu-Dîmbovița oblată* (Iași 2005), 329-339.
- Bendann 1930: E. Bendann, *Death Customs: An Analytical Study Of Burial Rites* (1930, republicată în 1969 la Londra).
- Berciu, Morintz 1957: D. Berciu, S. Morintz, Șantierul arheologic Cernavodă (reg. Constanța, r. Medgidia). *Materiale*, III, 1957, 83-92.
- Berciu, Morintz 1959: D. Berciu, S. Morintz, Săpăturile de la Cernavodă (reg. Constanța, r. Medgidia). *Materiale*, V, 1959, 99-114.
- Berciu, Morintz, Roman 1959: D. Berciu, S. Morintz, P. Roman, Săpăturile de la Cernavodă (reg. Constanța, r. Medgidia). *Materiale*, VI, 1959, 95-105.
- Berciu, Morintz, Ionescu, Roman 1961: D. Berciu, S. Morintz, M. Ionescu, P. Roman, Șantierul arheologic Cernavodă. *Materiale*, VII, 1961, 49-55.
- Binford 1971: L. Binford, Mortuary practices: Their study and their potential. In: (ed. J.A. Brown) *Approaches to the Social Dimensions of Mortuary Practices* (Washington D. C. 1971), 6-29.
- Bloch 1971: M. Bloch, *Placing the dead: tombs, ancestral villages and kinship organization in Madagascar* (Londra-New York 1971).
- Boquet-Appel, Masset 1982: J.P. Boquet-Appel, C. Masset, Farewell to Paleodemography. *Journal of Human Evolution*, 11, 1982, 321-333.
- Braun 1971: D. Braun, Middle Wooland-(Early) Late Wooland Social Change in the Prehistoric Central Midwestern U.S. (teză de doctorat University of Michigan, Michigan 1971).
- Braun 1981: D. Braun, A Critique of Some Recent North American Mortuary Studies. *American Antiquity*, 48, 1981, 2, 398-416.
- Brown 1971: J.A. Brown, The dimension of Status in the Burials at Spiro. In: (ed. J.A. Brown) *Approaches to the Social Di-*

¹⁸ Legătura stabilită între consumul de energie și rangul decedat a fost verificată de J. A. Tainter pe cale etnografică; din 103 cazuri analizate nu a întâlnit nici un exemplu care să contrazică această idee.

- mensions of Mortuary Practices (Washington D. C 1971), 92-112.
- Brown 1981: J. Brown, The search for rank in prehistoric burials. In: (eds. R. Chapman, I. Kinnes, K. Randsborg) *The Archaeology of Death* (Cambridge 1981), 25-37.
- Brown 1995: J. Brown, On Mortuary Analysis; with Special Reference to the Saxe-Binford Research Program. In: (ed. L. Beck) *Regional Approaches to Mortuary Analysis* (New York 1995), 3-26.
- Buikstra 1981: J.E. Buikstra, Mortuary Practices, Palaeodemography, and Palaeopathology: A Case Study from the Koster Site (Illinois). În: (eds. R. Chapman, I. Kinnes, K. Randsborg) *The Archaeology of Death* (Cambridge 1981), 123-132.
- Buikstra, Gordon 1981: J.E. Buikstra, C.C. Gordon, The study and re-study of human skeletal series: The importance of long-term curation. În: (eds. A.E. Cantwell, J.B. Griffin, N.A. Rothschild) *The Research Potential of Anthropological Collections* (New York 1981), 449-465.
- Bushnell 1927: D.I. Bushnell, Burials of the Algonquian, Siouan and Caddoan tribes west of the Mississippi. *Bureau of American Ethnology Bulletin*, 83, 1927.
- Cannon 1989: A. Cannon, The Historical Dimension in Mortuary Expressions of Status and Sentiment. *Current Anthropology*, 30, 1989, 437-458.
- Cannon 2002: A. Cannon, Spatial Narratives of Death, Memory and Transcendence. In: (eds. H. Silverman, D. B. Small) *The Space and Place of Death* (Virginia 2002).
- Cannon 2005: A. Cannon, Gender, Agency, and Mortuary Fashion. In: (eds. G. Rakita, J.E. Buikstra, L. A. Beck, Sloan R. Williams) *Interacting with the Dead: Perspectives on Mortuary Archaeology for the New Millennium* (Florida 2005), 41-65.
- Chapman 2000: J. Chapman, Fragmentation in Archaeology. Peoples, places and broken objects in the prehistory of south-eastern Europe (London-New-York 2000).
- Chapman 1995: R. Chapman, Ten years after-Megaliths, mortuary practices, and the territorial model. In: (ed. L. Beck) *Regional Approaches to Mortuary Analysis* (New York 1995), 29-51;
- Chapman, Randsborg 1981: R. Chapman, K. Randsborg, Approaches to the archaeology of death. In: (eds. R. Chapman, I. Kinnes, K. Randsborg) *The Archaeology of Death* (Cambridge 1981), 1-24.
- Charles, Buikstra 1983: D.K. Charles, J. Buikstra, Archaic mortuary sites in the central Mississippi drainage: distribution, structure and implications. In: (eds. J. Phillips, J. Brown) *Archaic Hunters and Gatherers in the Midwest* (New York 1983), 117-145.
- Childe 1945: V. G. Childe, Directional Changes in Funerary Practices during 50,000 Years. *Man*, 45, 1945, 13-19.
- Chirilă, Lazarovici 1992: E. Chirilă, Gh. Lazarovici, Iclod. In: (Ed. I. H. Crișan, M. Bărbulescu, E. Chirilă, V. Vasiliev, I. Winkler) *Repertoriul arheologic al județului Cluj* (Cluj-Napoca 1992), 237-238.
- Comșa 1962: E. Comșa, Săpături arheologice la Boian-Vărăști, *Materiale*, VIII, 1962, 205-212.
- Comșa 1990: E. Comșa, Complexul neolitic de la Radovanu. *CCDJ*, VIII, 1990.
- Comșa 1995: E. Comșa, Necropola gumelnițeană de la Vărăști. *AB*, IV, 1995, 1, 55-189.
- Comșa 1998: E. Comșa, Mormintele neolitice de la Radovanu. *SCIV(A)*, 1998, t. 49, nr. 3-4, 265-276.
- Comșa, Cantacuzino 2001: E. Comșa, Gh. Cantacuzino, Necropola neolitică de la Cernica. (București 2001).
- Dodd-Oprîțescu 1978: A. Dodd-Oprîțescu, Les éléments steppiques dans l'énéolithique de Transylvanie. *Dacia N.S.*, XXII, 1978, 87-97.
- Enea 2009: S.C. Enea, Necropolele neolitice și eneolitice din România – mărturii ale simbolismului puterii și ale organizării sociale. In: (ed. G. Bodi) *In medias res praeistorie. Miscellanea in honorem annos LXV peragentis Professoris Dan Monah oblata* (Iași 2009), sub tipar.
- Forde 1962: C.D. Forde, Death and Succession: An Analysis of Yakö Mortuary Ritual. În: (ed. Max Gluckman) *Essays on the Ritual of Social Relations* (Manchester 1962), 89-123.
- Gennep 1909: A. van Gennep, *Les Rites de Passage* (The Rites of Passage). 1909 [republicată la Routledge and Kegan Paul, Londra, 1960 apoi la Routledge, Londra-New York, 2004; tradusă și în limba română și publicată în 1996].
- Gerven, George 1981: D.P. van Gerven, A.J. George, Farewell to Paleodemography? Rumors of Its Death Have Been Greatly Exaggerated. *Journal of Human Evolution*, 121, 1981, 353-360.
- Gluckmann 1937: M. Gluckmann, Mortuary customs and the belief in survival after death among the South-Eastern Bantu (1937).
- Goldstein 1976: L. Goldstein, Spatial Structure and Social Organization, teză de doctorat susținută în 1976 la North-western University, Illinois, nepublicată.
- Goldstein 1980: L. Goldstein, Mississippian Mortuary Practices: A Case Study of Two Cemeteries in the Lower Illinois Valley (Evanston 1980).
- Goldstein 1981: L. Goldstein, One-dimensional archaeology and multi-dimensional people: Spatial organization and mortuary analysis. In: (eds. R. Chapman, I. Kinnes, K. Randsborg) *The Archaeology of Death* (Cambridge 1981), 53-69.
- Goodenough 1965: W. Goodenough, Rethinking status and Role: Toward a general model of the cultural organization of social relationships. In: (ed. Michael Blanton) *The Relevance of Models for Social Anthropology* (New York 1965), 1-24.
- Goody 1962: J.R. Goody, LoDagaa Rituals of Death. *New Society*, 7, 1962, 18-19.
- Goody 1962: J.R. Goody, Death, Property of the Ancestors: A Study of the Mortuary Customs of the LoDagaa of West Africa (Stanford 1962).
- Harke 2002: H. Harke, Interdisciplinarity and the archaeological study of death. *Mortality*, 7, 2002, 3, 340-341.
- Harțuțhe 2002: N. Harțuțhe, Complexul arheologic Brăilița (București 2002).

- Harțușe, Anastasiu 1968: N. Harțușe, Fl. Anastasiu, Brăițița (Brăila 1968).
- Hertz 1907: R. Hertz, Contribution à une Étude sur la Représentation Collective de la Morte. *Année Sociologique*, 1907 [tradusă sub numele *Death and the Right Hand* (eds. Rodney and Claudia Needham), The Free Press Glencoe, Illinois, 1960].
- Hodder 1982: I. Hodder, The identification and interpretation of ranking in prehistory: a contextual perspective. În: (eds. Colin Renfrew, Stephen Shennan) *Ranking, Resource and Exchange. Aspect of the Archaeology of European Society* (Cambridge 1982), 150-154.
- Hodder 1982: I. Hodder, *Symbols in Action. Ethnoarchaeological studies of material culture* (Cambridge 1982).
- Hodder 1982: I. Hodder, *The Present Past. An introduction to anthropology for archaeologists* (Londra 1982).
- Hodder 1986: I. Hodder, *Reading the Past. Current approaches to interpretation in archaeology* (Cambridge 1986).
- Jerome, Marks, Tieszen 1991: R. Jerome, M. Marks, L. Tieszen, Bioarchaeology and Subsistence in the Central and Lower Portions of the Mississippi Valley. În: (eds. M.L. Powell, P.S. Bridges, A.M. Wagner Mires) *What Mean These Bones? Studies in Southeastern Bioarchaeology* (Alabama 1991), 7-21.
- Kogălniceanu 2005: R. Kogălniceanu, Utilizarea testului χ^2 în arheologie. *Studiu de caz – necropola neolitică de la Cernica. ArhMold*, XXVIII, 2005, 265-302.
- Kogălniceanu 2007: R. Kogălniceanu, În mormântări de copii în contexte intramurale și extramurale din neoliticul și chalcoliticul României: problema „interiorului” și „exteriorului”. In (ed. N. Ursulescu) *Dimensiunea europeană a civilizației eneolitice est-carpătice* (Iași 2007), 189-212.
- Kovács 1932: I. Kovács, Cimitirul eneolitic de la Decea Mureșului. *Anuarul Institutului de Studii Clasice*, I, 1928-1932, 89-101.
- Kroeber 1922: A.L. Kroeber, *Elements of Culture in Native California*. *American Archaeology and Ethnology*, 13, 1922, 8, 259-328.
- Kroeber 1927: A.L. Kroeber, *Disposal of the Dead*. *American Anthropologist*, 29, 1927, 3, 308-315.
- Larson 2002: C.S. Larson, *Bioarchaeology: The Lives and Lifestyles of Past People*. *Journal of Archaeological Research*, 10, 2002, 2, 119-166.
- Lazarovici 1991: Gh. Lazarovici, *Grupul și stațiunea Iclod* (Cluj-Napoca 1991).
- Lull 2002: V. Lull, *Death and Society: a Marxist approach*. *Antiquity* 74, 2000, 576-580.
- McGowan, LaRoche 1996: G. McGowan, C.J. LaRoche, *The Ethical Dilemma Facing Conservation: Care and Treatment of Human Skeletal Remains and Mortuary Objects*. *Journal of the American Institute for Conservation*, 35, 1996, 2, 109-121.
- McGuire 1988: R.H. McGuire, *Dialogues With the Dead: Ideology and the Cemetery*. In: (eds. M.P. Leone, P.B. Potter) *The Recovery of Meaning: Historical Archaeology in the Eastern United States* (Washington D.C 1988), 435-480.
- McHugh 1999: F. McHugh, *Theoretical and Quantitative Approaches to the Study of Mortuary Practice*. Oxford, BAR Int. Ser. 785, 1999.
- Metcalf, Huntington 1979: P. Metcalf, R. Huntington, *Celebrations of Death. The Anthropology of Mortuary Ritual* (Cambridge 1979).
- Metcalf 1981: P. Metcalf, *Meaning and materialism: The ritual economy of death*. *Man*, 16, 1981, 564-578.
- Morintz, Berciu, Diaconu 1955: S. Morintz, D. Berciu, P. Diaconu, Șantierul arheologic Cernavodă. *SCIV*, 1955, t. 6, nr. 1-2, 151-163.
- Morris 1991: Ian Morris, *The archaeology of ancestors: The Saxe/Goldstein hypothesis revisited*. *Cambridge Archaeological Journal*, 1, 1991, 2, 147-169.
- O'Shea 1981: J. O'Shea, *Social configuration and the archaeological study of mortuary variability: a case study*. În: (eds. R. Chapman, I. Kinnes, K. Randsborg) *The Archaeology of Death* (Cambridge 1981), 39-52.
- O'Shea 1984: J.M. O'Shea, *Mortuary Variability. An Archaeological Investigation* (Orlando 1984).
- Parker Pearson 1982: M. Parker Pearson, *Mortuary practices, Society and Ideology: An Ethnoarchaeological Study*. In: (ed. I. Hodder) *Symbolic and Structural Archaeology* (Cambridge 1982), 99-113.
- Parker Pearson 1993: M. Parker Pearson, *The Powerful Dead: Archaeological Relationships between the Living and the Dead*. *Cambridge Archaeological Journal*, 3, 1993, 203-229.
- Parker Pearson 1998: M. Parker Pearson, *Stonehenge for the ancestors: the stones pass on the message*. *Antiquity*, 72, 1998, 308-326.
- Parker Pearson 1999: M. Parker Pearson, *The Archaeology of Death and Burial* (Sutton 1999).
- Peebles, Kus 1977: C. Peebles, S. Kus, *Some archaeological correlates of ranked societies*. *American Antiquity*, 42, 1977, 421-448.
- Phillip 2000: W. Phillip, *Bioarchaeological Ethics: A Historical Perspective on the Value of Human Remains*. In: (eds. M. Anne Katzenberg, Shelley R. Saunders) *Biological Anthropology of the Human Skeleton* (New York 2000), 3-39.
- Popescu 1961: D. Popescu, *Săpăturile arheologice din R.P.R. în anul 1960*. *SCIV*, 1961, t. 12, nr. 1, 143.
- Randsborg 1981: K. Randsborg, *Burial, succession and early state formation in Denmark*. In: (eds. R. Chapman, I. Kinnes, K. Randsborg) *The Archaeology of Death* (Cambridge 1981), 105-121.
- Rawnsley, Reynolds 1977: S. Rawnsley, J. Reynolds, *Undercliffe Cemetery*. *History Workshop Journal*, 1, 1977, 215-221.
- Renfrew 1986: C. Renfrew, *Varna and the emergence of wealth in prehistoric Europe*. În: (ed. A. Appadurai) *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective* (Cambridge 1986), 141-168.
- Roman, Crișan 1996: P. Roman, I. H. Crișan, *Decea Mureșului* (jud. Alba). În: *EAIVR*, II, 1996, 32.
- Roska 1942: M. Roska, *Erdély régészeti repertórium, I, Öskor*, (Thesaurus Antiquitatum Transsilvanicarum, I, Praehistorica) (Kolozsvár-Cluj 1942).

- Saxe 1970: A.A. Saxe, Social dimension of mortuary practices (Michigan 1970).
- Saxe, Gall 1977: A.A. Saxe, P.L. Gall, Ecological determinants of mortuary practices: the Temuan of Malaysia. In: (ed. W. Wood) Cultural- Ecological Perspectives on Southeast Asia, 41, 1977, 74-82.
- Shanks, Tilley 1982: M. Shanks, Ch. Tilley, Ideology, Symbolic Power, and Ritual Communication: A Reinterpretation of Neolithic Mortuary Practices. În: (ed. I. Hodder) Symbolic and Structural Archaeology (Cambridge 1982), 129-154.
- Șerbănescu 2002: D. Șerbănescu, Observații preliminare asupra necropolei neolitice de la Sultana, jud. Călărași. CCDJ, XIX, 2002, 69-86.
- Șerbănescu, Soficariu 2004: D. Șerbănescu, A. Soficariu, Sultana, com. Mănăstirea, jud. Călărași, Punct: Valea Orbului, Cronica. Campania 2003. 2004, 321-322.
- Șerbănescu, Soficariu 2005: D. Șerbănescu, A. Soficariu, Sultana, com. Mănăstirea, jud. Călărași, Punct: Valea Orbului, Cronica. Campania 2004, 2005, 364-365.
- Șerbănescu, Soficariu 2006: D. Șerbănescu, A. Soficariu, Sultana, com. Mănăstirea, jud. Călărași, Punct: Valea Orbului, Cronica. Campania 2005, 2006, 343-347.
- Șerbănescu, Soficariu 2007: D. Șerbănescu, A. Soficariu, Sultana, com. Mănăstirea, jud. Călărași, Punct: Valea Orbului, Cronica. Campania 2006, 2007, 351-352.
- Șerbănescu, Nica, Comșa, Mecu 2008: D. Șerbănescu, T. Nica, Al. Comșa, L. Mecu, Sultana, com. Mănăstirea, jud. Călărași, Punct: Valea Orbului. Campania 2007, www.cimec.ro/Arheologie/cronicaCA2008/cd/index.htm, raportul nr. 168.
- Tainter 1975: J.A. Tainter, Social Inference and Mortuary Practices: an Experiment in Numerical Classification. World Archaeology, 7, 1975, 1-15.
- Tainter 1977: J.A. Tainter, Modeling Change in Prehistoric Social Systems. In: (ed. Lewis Binford) For Theory Building in Archaeology, (New York 1977), 327-351.
- Tainter 1978: J.A. Tainter, Mortuary Practice and the Study of Prehistoric Social Systems. În: (ed. M. Schiffer) Advances in Archaeological Method and Theory (New York 1978), 105-141.
- Ucko 1969: P. J. Ucko, Ethnography and archaeological interpretation of funerary remains. World Archaeology, 1, 1969, 2, 262-280.
- Ursulescu 1998: N. Ursulescu, Începuturile istoriei pe teritoriul României. (Iași 1998).
- Virag 2004: C. Virag, Cercetări arheologice la Urziceni – Vamă. AMP, 26, 2004, 41-70.
- Virag, Marta, Hago 2006: C. Virag, L. Marta, A. Hago, Urziceni, com. Urziceni, jud. Satu Mare; Punct: Vamă, Cronica. Campania 2005. 2006, 383-386.
- Wright, Cassady 2003: L.E. Wright, Y.J. Cassady, Recent Progress in Bioarchaeology: Approaches to the Osteological Paradox. Journal of Archaeological Research, 11, 2003, 1, 43-70.
- *** 1971: (ed. J.A. Brown) Approaches to the Social Dimensions of Mortuary Practices. Society for American Archaeology, Memoir 25, 1971.
- *** 1981: (eds. R. Chapman, I. Kinnes, K. Randsborg) The Archaeology of Death (Cambridge 1981).
- *** 1995: (ed. L.A. Beck) Regional Approaches to Mortuary Analysis (New York 1995).
- *** 2002: (eds. H. Silverman, D.B. Small) The Space and Place of Death (Arlington 2002).
- *** 2003: (ed. H. Williams) Archaeologies of Remembrance: Death and Memory in Past Societies (New York 2003).
- *** 2005: (eds. G.F.M. Rakita, J.E. Buikstra, L.A. Beck, S.R. Williams) Interacting with the Dead: Perspectives on Mortuary Archaeology for the New Millennium (Gainesville 2005).

Sergiu Constantin Enea, dr., Școala Garabet Ibrăileanu – Târgu Frumos, jud. Iași, eneasergiu2002@yahoo.com

ОБ ОДНОМ ТИПЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ XII-XVI ВВ.

Светлана РЯБЦЕВА, Кишинэу

Despre un tip de podoabe medievale din sec. XII-XVI. Sub influența modei bizantine, în costumul populației Europei Centrale, de Est și de Sud-Est își fac apariția pandantive caracteristice portului festiv de podoabe pentru cap, constituite din conuri goale în interior și numeroase lănișoare. Majoritatea descoperirilor, provenite de pe teritoriul Europei de Est, datează din secolele XII-XIII. În spațiul Carpato-Dunărean asemenea articole au fost găsite în monumentele arheologice atribuite secolelor XIII-XIV. În aceste regiuni s-a conturat un tip specific de podoabe pentru cap, constituit din diademe cu pandantive. Judecând după sursele scrise și plastice, asemenea articole de giuvaergie se întâlnesc și într-o perioadă mai târzie, inclusiv până în secolul XVI.

Под влиянием византийской моды в уборе населения Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европы появились своеобразные подвески к парадным головным уборам, составленные из полого конуса и многочисленных цепочек. Основная масса находок, происходящих с территории Восточной Европы, датируется XII – XIII вв. В Карпато-Балканском регионе подобные изделия представлены, как правило, в археологических памятниках XIII – XIV вв. В данных регионах сложились своеобразные типы головных уборов, состоящих из диадем с подвесками. Судя по письменным данным и изобразительным материалам сходные изделия представлены и в костюмах более позднего времени, вплоть до XVI в.

About one type of medieval jewellery decorations XII-XVI s. Under the influence of Byzantine style original pendants for the full head dresses consisted of hollow cone and numerous chains have appeared in the dress of the population of Southeastern, Eastern and Central Europe. The main number of such finds are dated to the XII – XIII centuries from the East Europe. As a rule such items are among the archeological monuments of XIII – XIV centuries in the Carpathian-Balkan region. The original types of head dresses which were consisted of diadems with pendants were formed in these regions. According to the writing sources and graphic materials the similar items are also presented in the dresses of the later period before XVI century.

Key words: *Byzantine, influence, pendants, medieval jewellery, diadem*

Среди предметов, характерных для средневекового ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы, выделяется группа своеобразных подвесных украшений к головному убору (рис. 1-5). Подобные находки происходят с территории России, Белоруссии, Украины, Румынии, Сербии, Венгрии (Жилина 1994, 182-187; Рябцева 2005, 2007-209; Загорульский 1983, 89; Якубовский 1975, 98; Прищеп, Нікольченко 1996, 206; Kovács 1974, 23; Milosević 1990, 28-29; Lukács 1998, 153; Оța 2007, 131; Gábar 2005, 107). Данные изделия определяются рядом общих конструктивных и декоративных черт. Они состоят из нескольких основных частей – кольца или петли для крепления к головному убору, каплевидной или

колоколовидной основы украшения и многочисленных цепочек. Основа украшения, к которой крепятся цепочки, всегда полая, как правило, собрана из конусовидного верха и выпуклого «донца». В декоре этой части изделия мог применяться жемчуг, цветные вставки, зернь, скань, гравировка и чернь. Цепочки, как правило, перемежаются с тиснеными шаровидными или каплевидными пронизками, лунницами, розетками, кружками

В уборе эти подвесные украшения располагались по сторонам лица на уровне скул и являлись, по всей видимости, подражаниями подвескам-препендулиям, характерным для костюма византийских императоров и императриц. В одеянии византийских императриц диадемы с препендулиями

появились с IV века. Одним из наиболее ранних является изображение Аурелии, супруги императора Феодосия I (379-395), переданное в инкрустированной драгоценными камнями и обрамленной жемчугом диадеме с препендулиями (Атанасов 1999, 183). На известной мозаике VI века из церкви Сан Витале в Равенне представлена императрица Феодора в высокой диадеме, декорированной жемчугами и драгоценными камнями. По сторонам лица императрицы располагаются длинные подвески-препендулии, заканчивавшиеся на уровне груди кистью из трех драгоценных камней (Колпакова 2005, 162). Видимо, в более позднее время эти подвески стали делать более короткими (только до плеч). Подобные подвески показаны, например, на изображении императрицы Зои в мозаиках Константинопольской Софии, или святой Елены на Эстергомской ставроптеке (Deer 1966, taf. XXXV, 87).

С принятием христианства ориентация на византийский парадный убор, свойственная правителям государств Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы, привела к появлению в их парадных головных уборах схожих подвесных украшений. Распространению византийской моды не в последнюю степень способствовали и династические браки. Так византийской принцессой была Мария Ирина – жена царя Петра I Болгарского. Изображение на моливдовулах этих правителей сопровождалось надписью «Петр и Мария, василевсы на българите». При этом в одеянии царицы повторяется церемониальный византийский убор в виде диадемы с расположенными по сторонам лица нитями препендулей с трилистником на конце. (Атанасов 1999, 185). В изобразительном материале, как византийском, так и балканском этот тип подвесок к головному убору встречается весьма часто. Вещественных же свидетельств его ношения не много. У диадем, выполненных византийскими мастерами (в первом случае), а также по византийским образцам (во втором и третьем), происходящих из Преслава, Киева и Сахновки, подвески не сохранились (Тотев 1986, 83-108; Тотев 1993, 103, обр. 1; Корзухина 1954, 131; Макарова 1975, 109). В настоящее время снабжена подвесками лишь «корона Гез» (Deer 1966, taf. I – XII).

Известно несколько каплевидных украшений византийской работы, декорированных эмалью, возможно, служивших верхними частями подвесок типа препендулей (рис. 1,3,4). Эти изделия относятся к XI в. и хранятся в собраниях Думбартон Оак в Вашингтоне и Музея Исторических драгоценностей в Киеве, в музейных каталогах числятся как пуговицы (Ross 2005, 103; Золота скарбница.. 1999, 63). Подобное использование данных мини-

атюрных предметов (их длина около 2 см) вполне вероятно, однако отверстия, расположенные в месте наибольшего их расширения, могли служить для крепления цепочек. Кроме того, вещь, хранящаяся в Вашингтоне, сохранила и крючок, который не удобен для застегивания одеяния, но подошел бы для крепления подвески к головному убору. В декоративном плане эти украшения очень близки, их поверхность разбита на четыре сектора, два из которых заполнены растительным эмалевым орнаментом, а два других – геометрическим. Подобное деление на сектора весьма характерно для декора подвесок рассматриваемого типа.

Гипотетически предположить, что каплевидные украшения из Вашингтона и Киева могли быть деталями височных украшений, крепившихся к парадным головным уборам, заставляет, и аналогичность их формы очертанию верхней части изделий, достоверно являющихся височными подвесками. В литературе, посвященной культуре и ювелирному делу Древней Руси, за подобными подвесками закрепился термин «рясна», зафиксированный в древнерусских письменных источниках уже начиная с XII–XIII вв. (Седова 1981, 7). Этот термин был в ходу и в эпоху Московской Руси. В этот период ряснами называли подвески к головному убору, составленные из жемчужин и драгоценных камней. Подобные подвески служили, в том числе и атрибутом костюма русских цариц. Вот описание рясен царицы Евдокии Лукьяновны: «рясны жемчужные, а в них промеж жемчугу и камня 16 пронизок золотых, репейчатых, прорезных с финифти разными, по сторонам у пронизок в гнездах искорки яхонтовые да изумрудные, а у рясен колодочки золотые с финифти разными, около колодочек веревочки нанизаны жемчугом. У колодочек в гнездах 4 алмаза да 4 яхонта червчатых» (Савоитов 1896, 7). Это описание весьма схоже с описанием драгоценных препендулий в уборе императриц. В обиходе русских цариц было по несколько пар подобных украшений. Известно, что у царицы Евдокии в 1626-1627 гг. было четыре пары подобных рясен, одну из которых она подарила дочери — царевне Ирине, а две пары поднесла в церкви к иконам Богородицы (Забелин 1992, 188, 189).

Из археологических памятников Древней Руси, датирующихся второй четвертью XII — первой половиной XIII вв., происходит достаточно большое количество рясен, состоящих из закрытого каплевидного или колоколовидного верха и подвесок-цепочек (рис. 2-4). Вероятно, наиболее близка к византийским прототипам уникальная золотая рясна, происходящая из Чернигова (рис. 2,3). У этого украшения каплевидное завершение декорировано

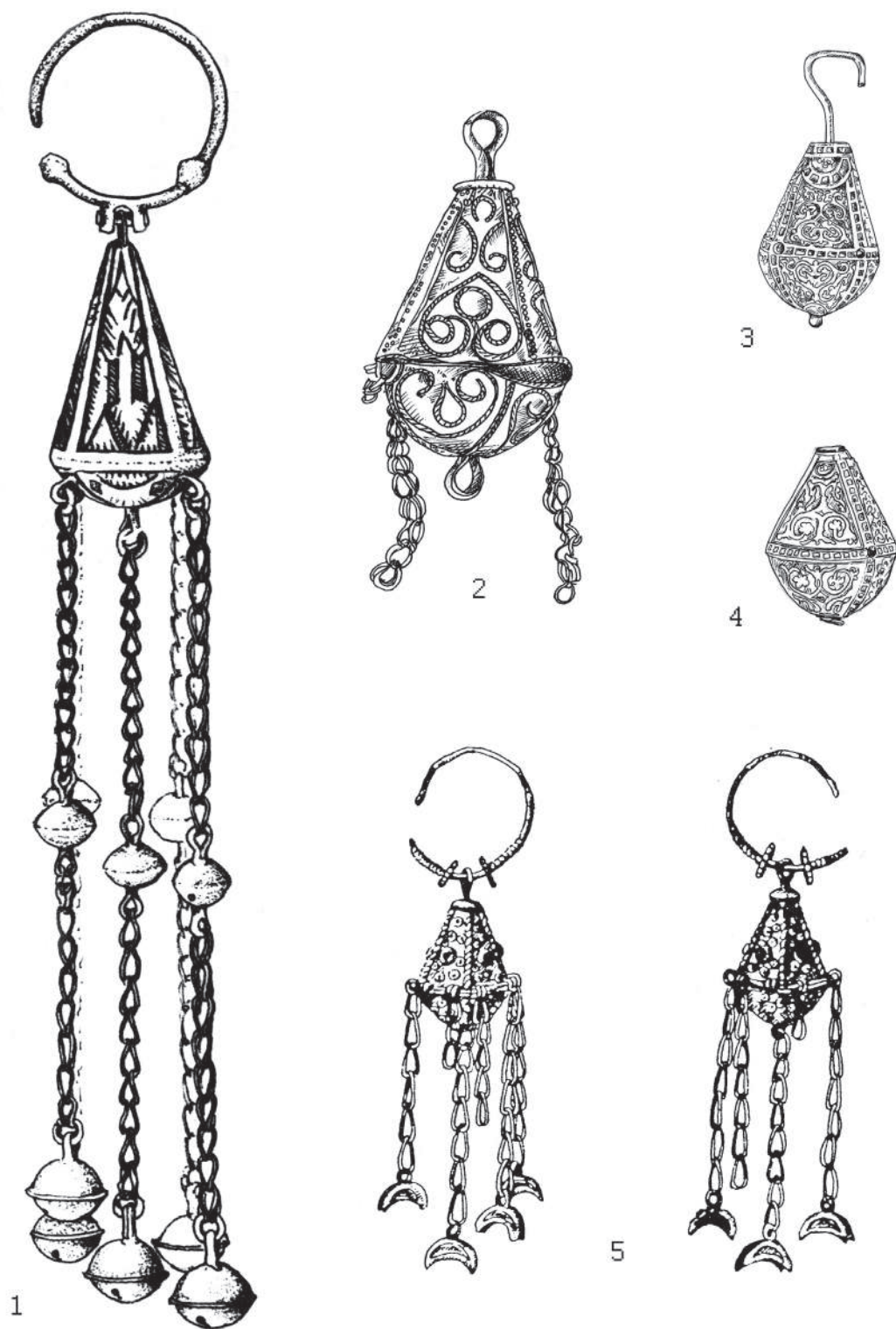

Рис. 1. Украшения XI-XIV вв. Масштабы разные (при составлении иллюстраций были использованы работы: Gábor 2005; Ross 2005; Золота скарбница... 1999; Јовановић 1987; Якубовський 1975; Корзухина 1954; Прищеп, Нікольниченко 1996; Lukács 1998, 1999; Наследие варягов... 1996; Nicolescu 1970). 1 – клад Келебиа-Недьеш (Венгрия), 2 – клад Добричка (Сербия), 3 – коллекция Думбартон Оак (Вашингтон, США), 4 – коллекция Музея исторических драгоценностей (Киев, Украина), 5 – мог. Луковин-Мушат (Болгария).

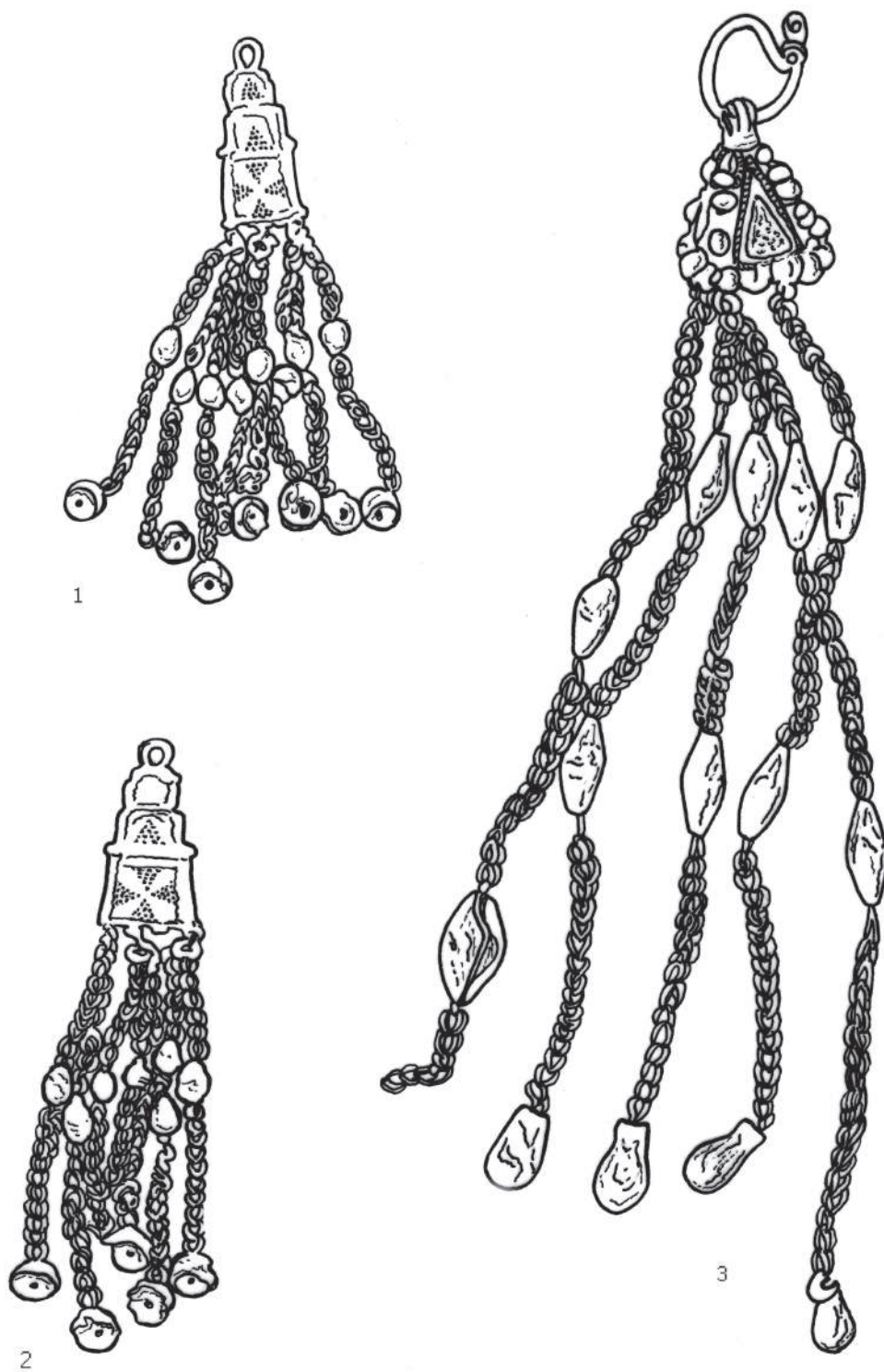

Рис. 2. Украшения XII-XIII вв. Масштабы разные. 1, 2 – Клад Городище (Украина), 3 – случайная находка Чернигов (Украина).

пастовыми вставками и нитями жемчуга. Подвески составлены из цепочек, чередующихся с каплевидными тиснеными бусинами (Золота скарбница.. 1999, 61).

Более характерны для территории Древней Руси крупные подвески-рясна, декорированные зерненым узором. Как правило, они выполнены из серебра, но известны и золотые экземпляры. Наибольшее количество подобных рясен с колоколовидным завершением было найдено в Старой Рязани (рис. 4,1). Из этого пункта известно одиннадцать находок (Жилина 1994, 183).

Весьма важны пять фрагментов рясен, найденные в Новгороде, так как они происходят из слоев с достаточно хорошей хронологической привязкой, основанной на дендродатах. Самый ранний обрывок был обнаружен в Михайловском раскопе в слое 1125-1180 гг. и состоит из фрагмента цепочки с круглой промежуточной и завершающей лунницевидной бляшкой. Второй, найденный в слое конца XII в. (1177-1197 гг.), состоит из фрагмента двойной цепочки и каплевидной ажурной бляшки, украшенной сканью. Третий, найденный в слое 1210-1230 гг., составлен из двойной цепочки, круглой ажурной промежуточной бляшки с четырьмя отверстиями и лунницы. Четвертая находка — замкнутая лунница, украшенная сканью, найдена в слое 1238-1268 гг. В слое второй половины XII в. было обнаружено ажурное звено с растительным орнаментом, возможно, также являющееся фрагментом подобного украшения (Седова 1981, 17). Найден фрагмент рясны и при раскопках другого северного древнерусского города — Пскова (Волочкова 1991, 100-106, рис.4).

Достаточно много находок рясен (4 экземпляра) происходит из Киевской земли (Жилина 1994, 183). Недавно была обнаружена пара рясен при раскопках летописного Дрогобужа в Галицкой земле (рис. 4,2). Эта находка происходит из клада, найденного при раскопках жилища, датируемого XIII в. Отличительной чертой этих рясен является включение розетковидных бляшек в декор подвесок-цепочек (Прищепа, Никольченко 1996, 206, рис. 72).

Еще одна находка рясен с миниатюрным пирамидальным завершением происходит из Височанского клада, найденного на берегу Днепра на территории Белоруссии (Загорульский 1983, 89, рис. 21).

Встречаются подобные украшения в Москве и ее округе. Две серебряные рясны были найдены в Большом Кремлевском кладе 1988 года (Наследие варягов 1996, 110). В городе Ярополче из раскопок комплекса средневековой усадьбы происходит находка рясны и женского очелья, составленного из 15 серебряных позолоченных пластинок, на-

шивавшихся на ленту. Десять пластинок плоские с отверстиями по углам для крепления, четыре — выпуклые, украшенные волутообразным сканым орнаментом и крупной зернью (Седова 1972, 70, Жилина 1994, 182-187). Можно предположить, что рясны и серебряные венчики входили в состав единого убора. Вероятно, еще один вариант парадного головного убора с подобными ряснами демонстрирует находка из Московского клада, где они представлены совместно с венцом, собранным из выпуклых дужек, декорированных ажурными бусинами (рис. 6,1).

Возможно, подвесками к головному убору - ряснами являются и миниатюрные золотые изделия из Старорязанского клада второй половины XII – первой половины XIII вв. (Кондаков 1896, табл. XVII; Корзухина 1954, 143; Бочаров 1984, 177-179). За этими подвесками в литературе укрепилось название «сионцы», они действительно отдаленно напоминают «храмики» с купольными завершениями и четырьмя арочками по бокам. Арочки киотообразной формы, в них вмонтированы эмалевые изображения. В настоящее время читаются только погрудные изображения евангелиста Иоанна и молодого святого. Эмалевые вставочки оторочены нитями жемчуга. Сами «храмики» украшены ажурным прорезным орнаментом, обрамленным проволочными полукружиями. В верхней части изделий расположены штыри, загнутые в петлю, предназначенную для подвешивания. Под ярусом с изображениями припаяны петельки, в одной из них сохранился обрывок цепочки. Таким образом, мы имеем дело, скорее всего, с подвесными украшениями к головному убору. Подобным образом реконструирует способ их ношения и Н.В. Жилина (Жилина 2002, 161). Однако, во вторичном использовании они могли быть приложены к какой-то чтимой иконе. Такой вариант их использования предлагал Г.Н. Бочаров (Бочаров 1984, 179).

К ряснам может быть отнесена и подвеска, происходящая из коллекции Ханенко (Ханенко 1902, табл. XIX, рис. 988), представляющая собой дротосовую с загнутым в петлю верхним концом, на которую нанизана ажурная бусина, следом за ней расположена прямоугольная подвеска, украшенная сложенной в виде фестонов проволокой. По углам подвески и в центре граней припаяны петли для подвешивания цепочек, составленных из бусин — глухих тисненых и ажурных проволочных, декорированных зернью, а также листовидных пластинок.

Немного напоминают эту подвеску две серебряные рясны несколько необычной формы, найденные в 1968 г. в составе клада, открытого экспеди-

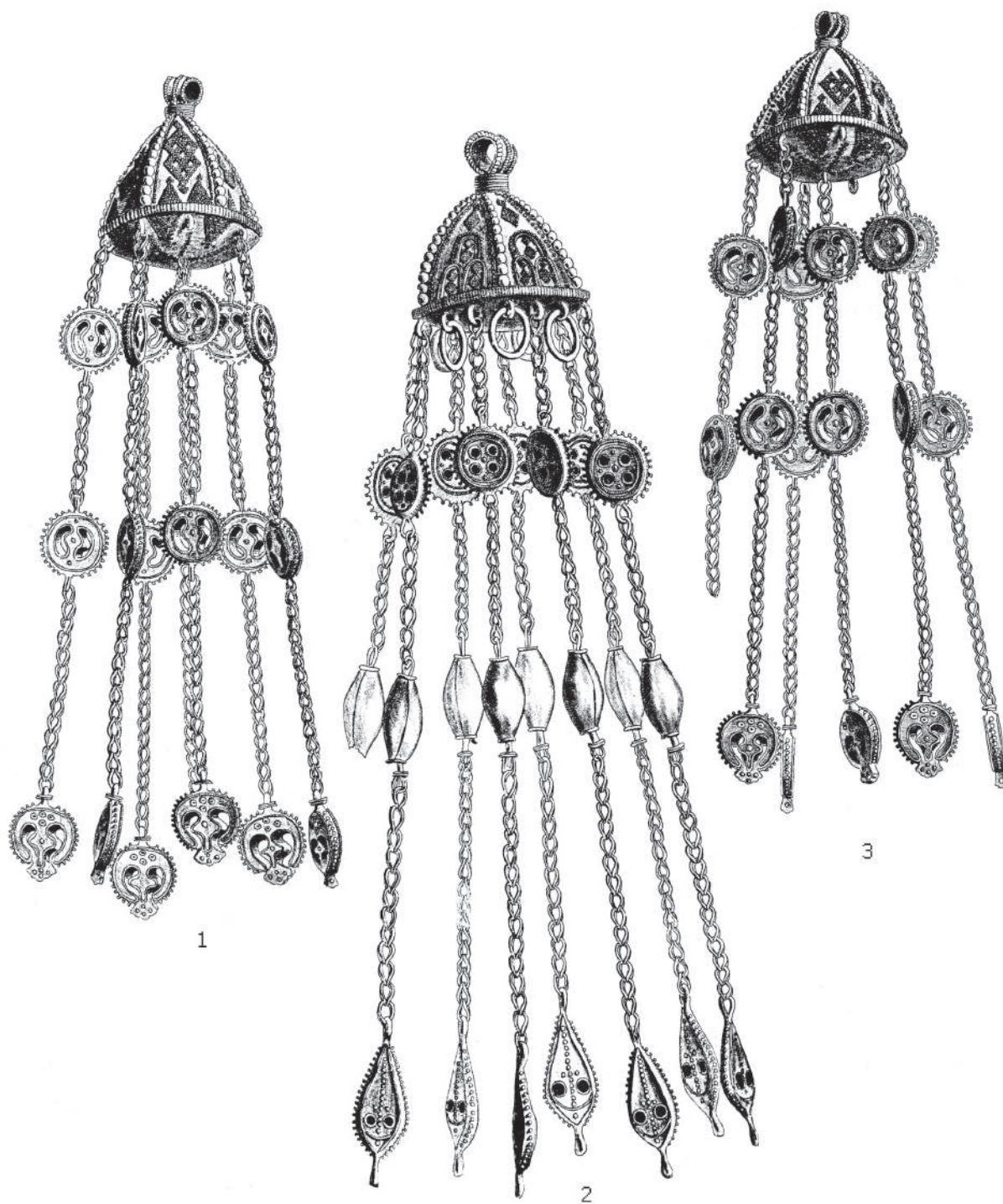

Рис. 3. Украшения XII-XIII вв. 1-3 – клад Мартыновка (Украина).

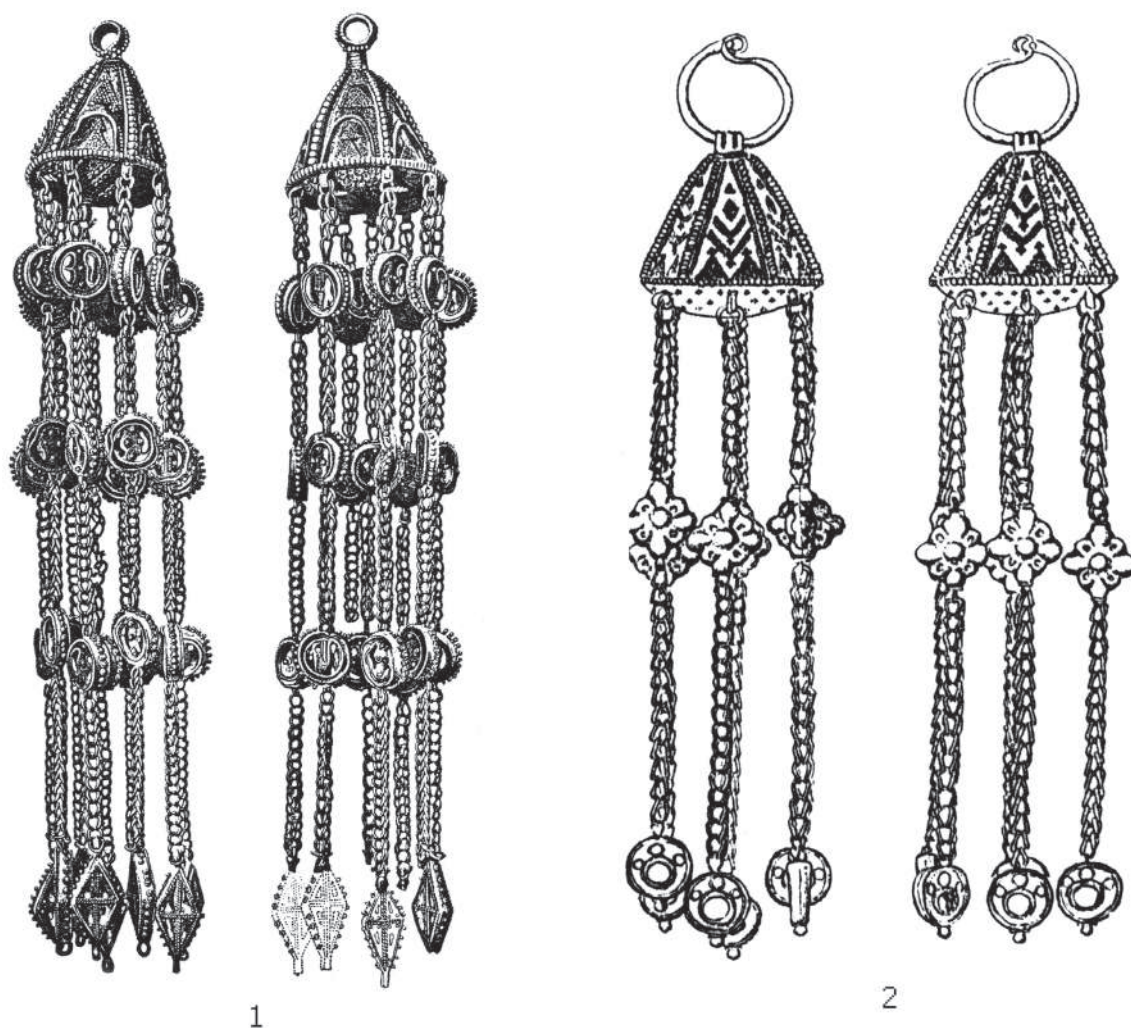

Рис. 4. Украшения XII-XIII вв. Масштабы разные. 1 – Клад Старая Рязань (Россия), 2 – Поселение Дрогобуж (Украина).

цией под руководством В.И. Якубовского на территории древнерусского городища у с. Городище Хмельницкой области Украины (Якубовский 1975, 98, рис. 12). Рясны эти состоят из небольшой петельки для подвешивания, припаянной к подвеске, составленной из верхней полусферической части и нижней трапециевидной (рис. 2,1.2). Подвеска украшена зерневыми треугольниками и крестиками, обрамленными сканными арочками. В нижней части подвески припаяны проволочные ушки для крепления цепочек. В центре цепочек расположены серебряные шарики, а на концах — кружочки с отверстием в центре.

Если основное количество рясен рассмотренного типа на территории Древней Руси составляют достаточно компактную типологическую группу, то подвеска из собрания Ханенко, несколько отличающаяся от них по форме, по всей видимости, датируется более поздним временем. Это украшение

находит наиболее близкие аналогии в изобразительных памятниках Карпато-Балканского региона, относящихся уже к XVI в. (Nicolescu 1970, pl. 15).

Из древностей Карпато-Балканского региона нам также известен целый ряд подвесных украшений к головным уборам, имитирующих детали одеяния византийской знати. Подобные украшения с каплевидным верхом, декорированным сканью, были найдены в 1923 г., в составе клада Добричка (Сербия) (рис. 1, 2). Клад также содержал состоящую из 13 пластинок диадемы, декорированную в нижней части цепочками с трапециевидными подвесочками, серебряное височное кольцо с S-видным завершением и 384 западноевропейских денариев (Friesach) (Kovács 1974, 23; Milosević 1990, 28-29).

Возможно, фрагментами подвесного украшения являются и цепочки из клада 1892 г., происходящего из Стрежа-Кэрцишоара (жудец Сибиу, Румыния) (Lukács 1998, 145). Было найдено всего четыре

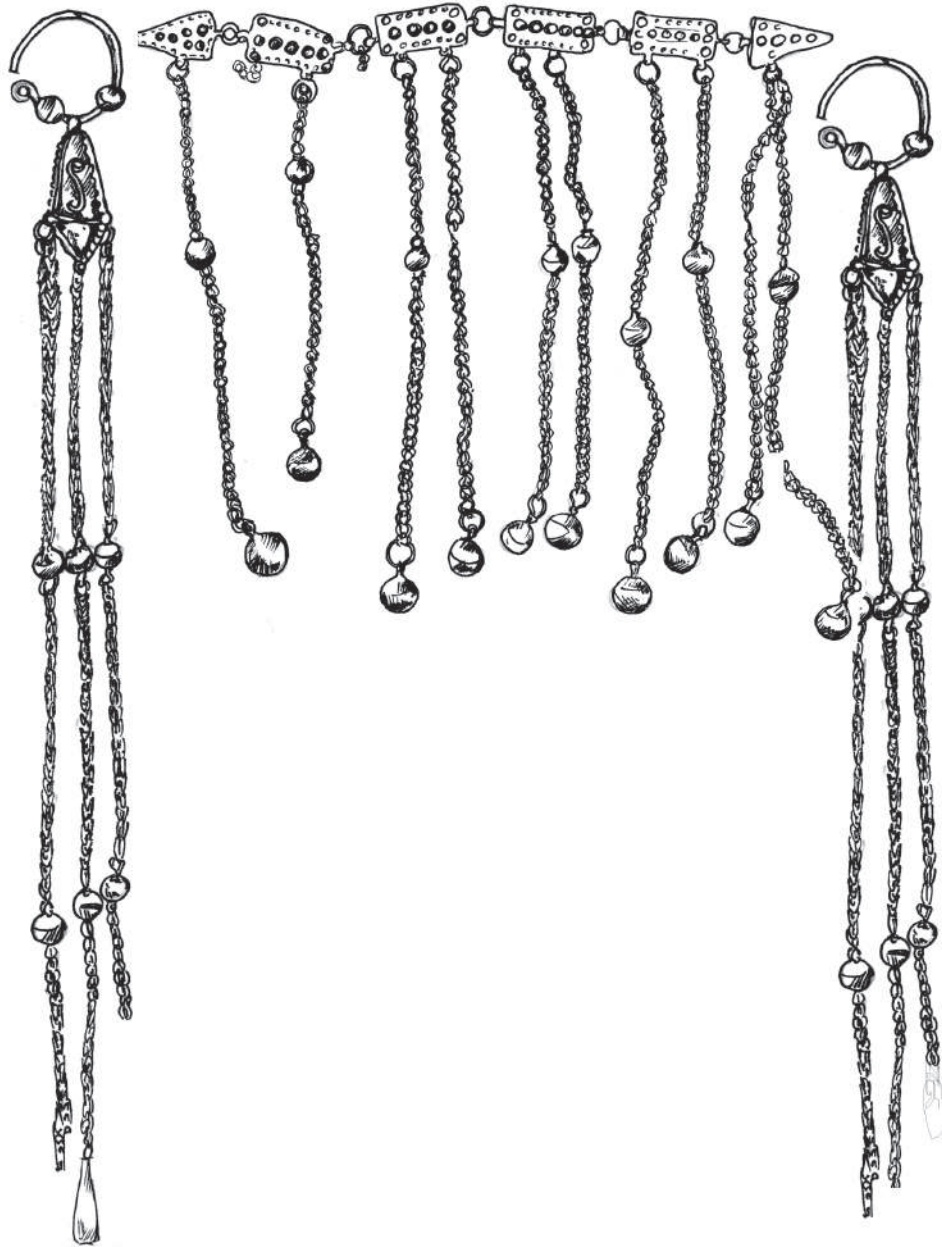

Рис. 5. Украшения XIII – XIV вв. Клад Банатский Деспотовац (Сербия).

обрывка цепочек. Три из них (более короткие) заканчивались круглыми тиснеными бусинами, декорированными сканным узором и шариком крупной зерни. На одном краю более длинной цепочки сохранилась крупная петля, предназначенная, по всей видимости, для крепления подвески к головному убору. От самого головного убора (диадемы) сохранилась одна трапециевидная концевая пластинка, декорированная по краю мелкой зернью, а в центре двумя крупными литыми шариками. Первоначально клад был отнесен к XII в. (на основании дати-

ровки одной идентифицированной из числа шести найденных в нем монет). Данная золотая монета относится ко времени правления императора Иоанна II Комнина (1118 - 1143) (Horedt 1958, 124-127). Однако, все известные клады, найденные на территории Трансильвании и содержащие, также как и клад Кэрцишоара, серебряные обрезки, датируются в промежутке между началом XIII – серединой XIV вв. Таким образом, и выпадение данного клада также может быть отнесено к этому периоду. В целом, по мнению Лукаса, на территориях к северу

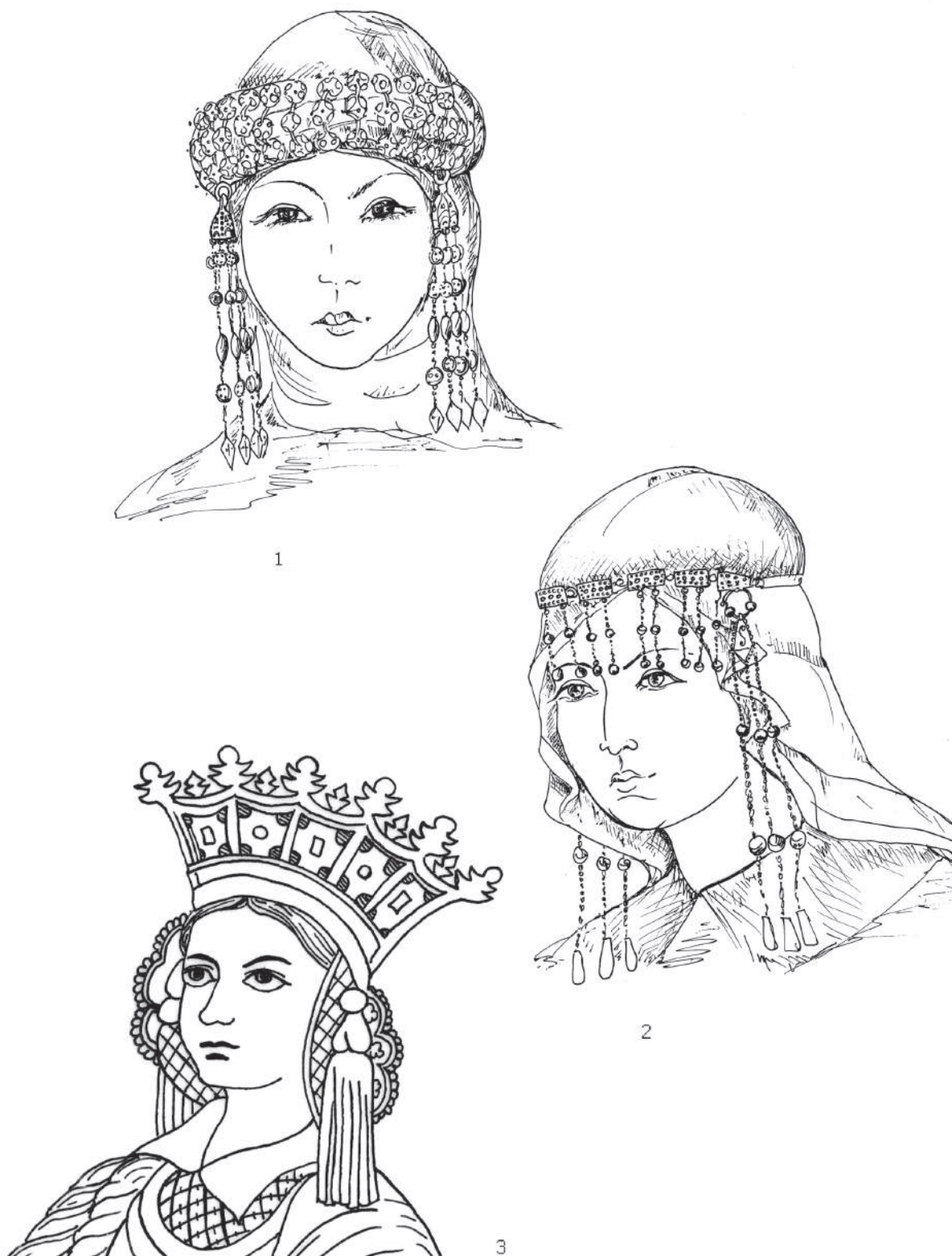

Рис. 6. Варианты реконструкции женских головных уборов. 1 – убор XII – XIII вв., на основе Московского клада. 2 – убор XIII – XIV вв. на основе клада Банатский Деспотовац. 3 – убор XVI в. на основе изображения доамны Руксандры в Куртя де Аржешь.

от Дуная находки подвесок-цепочек к диадемам относятся ко времени не ранее XIII в. (Lukács 1998, 149, 150).

Комплекты из подвесок с каплевидным верхом и диадем, собранных из отдельных пластинок, происходят из Брашова (Румыния) и м. Банатский Деспотовац (Сербия) (Lukács 1998, 151, fig. 5; Lukács 1999, 127, fig. 13, p. 154, fig. 153, 155; Oța 2007, 131). Здесь были обнаружены подвески с каплевидным завершением, декорированным сканными завитками и проволочным жемчужником, расположенным по граням подвесок. Подвески нанизаны на дровые дужки, декорированные круглыми бусинами. Цепочки чередуются с тисненными шариками и оканчиваются подтреугольными подвесочками. В целостном виде головной убор из этих комплексов состоял из диадемы, выполненной из прямоугольных пластинок, декорированных крупными шариками и зернью, а также подвесок с каплевидным верхом и многочисленными цепочками (рис. 5). Для застегивания диадемы служили подтреугольные пластинки, располагавшиеся примерно на висках. От пластинок диадемы на лоб спускалась бахрома из цепочек, декорированных шариками, а по бокам лица располагались более крупные подвесные украшения с каплевидным верхом и длинными цепочками. Таким образом, если подвески по сторонам лица в этом уборе близки к византийским прототипам и древнерусским аналогам, то тип диадемы с бахромой из цепочек специфичен именно для Карпато-Балканского региона (рис. 6,2).

С территории Венгрии также известно несколько находок подобных подвесок к головным украшениям. Один фрагмент такого украшения был найден в Ньирмартонфальва совместно с 105 западноевропейскими денариями (Friesach) первой половины XIII в., фрагментом дрового браслета со схематизированным зооморфным окончанием, а также четырем литыми перстнями с врезным растительным или геометризированным орнаментом. Подвеска из этого клада имеет каплевидную форму, декорирована гравированным черненым геометрическим орнаментом в виде «елочки» и соединена с кольцом для крепления к убору при помощи достаточно массивного звена цепочки. В нижней части украшения сохранилось пять фрагментов цепочек, на конце одной из них расположен тисненый ша-

рик (Lukács 1998, 153). Сходное украшение с каплевидной подвеской, декорированной растительно-геометрическим узором, происходит из клада XIV в., найденного в Келебиа-Недьеш (Gábor 2005, 107, tabl. I). Эта подвеска лучшей сохранности, у нее сохранились все детали (рис. 1,1).

В Болгарии в могильнике Луковит было найдено две подвески каплевидной формы, украшенные цепочками с маленькими лунницами на концах, весьма напоминающие по форме рясны рассматриваемого типа, но более миниатюрные (Јовановић 1987, 112-132) (рис. 1,5).

Таким образом, мы можем констатировать, что под непосредственным влиянием византийской моды в уборе населения Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европы появились подвески к парадным головным уборам, весьма напоминающие византийские подвески – препендулии. В каждом из перечисленных регионов сложился своеобразный тип декора подобных подвесок с применением различных декоративных техник. Из совокупности древнерусских изделий выделяется золотая рясна из Чернигова, украшенная жемчугом и цветными вставками. Чаще же для декорировки подобных изделий применялась зернь. В Карпато - Балканском регионе использовалась зернь в сочетании со сканью, на украшении из Венгрии узор нанесен при помощи гравировки и черни. На территории Древней Руси подобные рясна носили, по всей видимости, совместно с венцами, составленными из выгнутых дужек или тисненых пластинок (рис. 6,1). Судя по находкам из Брашова и м. Банатский Деспотовац, в XIII-XIV вв. в Карпато-Балканском регионе сложился специфический комплект головных украшений. В него входили диадема, декорированная в налобной части подвесками-цепочками и рясна с каплевидным верхом, украшенные аналогичными, но более длинными цепочками (рис. 6,2). Носили сходные украшения и в более поздний период (по всей видимости, до XVI в.), о чем свидетельствует, например, знаменитое изображение доамны Руксандры во фресках епископальной церкви в церкви в Куртя де Арджеш (рис.6,3). В костюме дочери господара Негоае Бассараб представлена корона с подобными подвесками, переданная в сочетании с расшитым головным убором и короной (Nicolescu 1970, pl. 15).

Библиография

- Атанасов 1999: Г. Атанасов, Инсигните на средновековните български владетели (Плевен 1999).
- Бочаров 1984: Г.Н. Бочаров, Художественный металл Древней Руси (Москва 1984).
- Волочкова 1991: О.К. Волочкова. Женские украшения псковичей. В сб.: Археологи рассказывают о Древнем Пскове (Псков 1991), 100-106.
- Жилина 1994: Н.В. Жилина, Рясна (с коническим верхом). В сб.: Новгород и Новгородская земля. Материалы научной конференции. Вып. 8 (Новгород 1994), 182-187.
- Жилина 2002: Н.В. Жилина, Русский ювелирный убор. Родина №11/12 (Москва 2002), 161-165.
- Забелин 1992: И.Е. Забелин, Домашний быт русских цариц (Новосибирск 1992).
- Загорюльский 1983: Э. М. Загорюльский, Исследования Вишинского замка. В сб.: Древнерусское государство и славяне (Минск 1983), 86-90.
- Золота скарбница ... 1999: Золота скарбница України (Київ 1999).
- Колпакова 2005: Г.С. Колпакова, Искусство Византии. Ранний и средний периоды (СПб. 2005).
- Кондаков 1896: Н.П. Кондаков. Русские клады (СПб. 1896).
- Корзухина 1954: Г.Ф. Корзухина, Русские клады (Москва – Ленинград 1954).
- Макарова 1975: Т.И. Макарова, Перегородчатые эмали Древней Руси (Москва 1975).
- Наследие варягов ... 1996: Наследие варягов. Диалог культур (Москва 1996).
- Прищепа, Нікольниченко 1996: Б.А. Прищепа, Ю.М. Нікольниченко, Літописний Дрогобуж в період Київської Русі (Рівне 1996).
- Рябцева 2005: С.С. Рябцева, Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. (СПб. 2005).
- Савоитов 1896: П. Савоитов, Описание старинных русских утварей, оружия, ратных доспехов и конского прибора (СПб. 1896).
- Седова 1981: М.В. Седова, Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) (Москва 1981).
- Седова 1997: М.В. Седова, Суздаль и его округа в X–XV вв. (Москва 1997).
- Тотев 1986: Т. Тотев, Преславското златно съкровище. В сб.: Известия на Народния музей, 22 (37). (Варна 1986), 83-108.
- Тотев 1993: Т. Тотев, Бележки за проникването на техниката на клетъчния емейл в Преслав. В сб.: Преслав 5 (София 1993), 102-116.
- Ханенко 1902: Б.И. Ханенко, В.И. Ханенко, Древности Приднепровья. т.5 (Киев 1902).
- Якубовський 1975: В. І. Якубовський. Давньоруський скарб з с. Городище Хмельницької області. Археологія 16. (Киев 1975), 87-104.
- Deer 1966: J. Deer, Die Heling Krone Ungarns (Wien 1966).
- Gábar 2005: H. Gábar, Sirok Kinesek rejtélyek (Kiskunhalas 2005).
- Horedt 1958: K. Horedt, Contribuții la istoria Transilvaniei sec. IV-XIII. (București 1958).
- Јовановић 1987: В. Јовановић. Розматрања о средновековној некрополи Луковит – Мушат код Ловеча у Бугарској. Старинар (Београд 1987), 38, 112-132.
- Kovács 1974: K. Kovács, Romanische Goldschmiedekunst in Ungarn (Budapest 1974).
- Lukács 1998: A. Lukács, Tezaurul de la Sterza-Cârțișoara (jud. Sibiu). SCIVA, t. 49, nr. 2, 145-156.
- Lukács 1999: A. Lukács. Țara Făgărașului în evul Mediu. Secolele XIII-XVI (București 1999).
- Milosević 1970: D. Milosević, Mittrlalterliche Kunst Serbiens (Berlin 1970).
- Milosević 1990: D. Milosević, Jewelry from the 12th to the 15th century from the Collection of National Museum (Belgrad 1990).
- Nicolescu 1970: C. Nicolescu. Istoria costumului de curte în Țările Române (București 1970).
- Oța 2007: S. Oța, Plăcuțe de diademă de pe teritoriul României (secolele XII-XV) SCIVA, t. 58, nr. 1-2. 117-156.
- Ross 2005: M. Ross, Jewellery, enamels, and art of the migration period (Washington 2005).

Светлана Рябцева, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы. бул. Штефан чел Маре 1, МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова.

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

НОВЫЕ АРТЕФАКТЫ КУЛЬТУРЫ ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ СЫНДЖЕРЕЙ

Ольга ЛАРИНА, Вячеслав БИКБАЕВ, Константин КОНДОРАКИ
Кишинэу/Сынджерей

Noi artefacte aparținând culturii band-lineare de la Singerei. Articolul de față prezintă materiale noi din epoca neoliticului și culturii ceramicii bandlineare. Acestea au fost descoperite în orașul Singerei, Rep. Moldova. Este vorba de o daltă clasică de tip Schuhleisteikeil și de un fragment de statueta antropomorfă. Până în prezent în spațiul pruto-nistrean se cunoaște numai o singură statueta reprezentând o figură umană atribuită culturii ceramicii bandlineare.

Статья посвящена публикации новых уникальных материалов эпохи неолита культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК). Они были случайно найдены в городе Сынджерей Респ. Молдова. Представлены классическим по форме колодковидным долотом типа Schuhleistenkeil и фрагментом антропоморфной статуэтки. Это, пока, единственное достоверное изображение лица человека КЛЛК в Прото-Днестровском междуречье.

Neue Artefakte der Linearbandkeramischen Kultur aus Singerei. Im vorliegenden Bericht stellt die Autorin einzigartiges Material aus dem Neolithikum und aus der Linearbandkeramischen Kultur vor. Die Artefakte wurden im Stadt Singerei in der Republik Moldau entdeckt und bestehen aus einem Meißel des Typus Schuhleistenkeil und einem Fragment einer anthropomorphischen Statuette. Derzeit gibt es nur einen einzigen Fund einer Statuette mit abgebildetem Menschengesicht, die aus der Linearbandkeramischen Kultur stammt und im Gebiet zwischen Prut und Nister entdeckt wurde.

Schlagwörter: Neolithik, Linearbandkeramischen Kultur, Singerei, Artefakte, Statuette, Meißel

Можно думать, что первый собирательный образ человека был увековечен в глине. И это является одной общей догмой множества различных культов – от родовых до мировых религий (о сотворении человека из глины).

Создатель действовал как лепщик, моделируя человека заодно со зверями! В Китае первых людей слепила из глины женщина-змея. В Египте, этим же прославился бог Хнум, бог демиург. Ученые считают, что образ бога Хнума, как творца, повлиял на библейские представления о демиурге, творящим вселенную и человека.

«clay»(англ.) – глина, а также плоть и тело!

Преамбула

Весной 2008 года В.М. Бикбаев передал в Центр археологии Института культурного наследия АН РМ Лариной О.В. для изучения несколько археологических предметов из города Сынджерей, Сынджерейского района Республики Молдова. Их обнаружил Константин Григорьевич Кондораки во дворе собственного дома при перекопке земли. Будучи по образованию историком, членом районного Совета Сын-

джерей, а главным образом, Гражданином своего Отечества, осознавая ценность найденного, он любезно предоставил их для научного исследования.

Надеемся, что они будут переданы им в фонды Национального музея археологии и истории Республики Молдова. Где должны занять достойное место среди раритетов, как национальное достояние.

Речь идёт о двух артефактах культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК) эпохи неолита. Они представлены фрагментом антропоморфной головки от статуэтки (?) и теслообразным каменным орудием типа Schuhleistenkeil (рис. 1,1.2). Найденные вместе, оба предмета взаимоусиливают правоту своей культурной идентификации.

Антропоморфная статуэтка

Особую ценность из двух предметов представляет антропоморфная статуэтка. Для Молдовы это пока единственное *достоверное* изображение *лица человека* в КЛЛК. В ареале крайней восточной периферии культуры есть ещё только один предмет антропоморфного вида. Он происходит с поселения Тырпешть (Țîrpești) в Румынии (Marinescu-Bîl-

си: 1971, 10 Fig. 2, 1). Его интерпретируют как торс статуэтки (рис. 2,4; 3).

Статуэтка, найденная в Сынджерей, представляет собой фрагмент верхней части тела человека в пропорции скульптурного «бюста». Нижняя часть фигурки обломана. Шея, грудь и часть спины поверхностно разрушены. Относительно хорошо сохранилась голова и небольшой фрагмент спины, образующий правое плечо (рис. 1,1).

Технико-технологические особенности статуэтки указывают на принцип работы с глиной в традициях столовой посуды КЛЛК. Внешний цвет поверхности серо-черный, в изломах красновато-коричневый. При моделировании была использована тонко-отмученная глина с включением мельчайших, редких вкраплений белого цвета, возможно естественных (известняк, ракушка?). Обжиг неполный, но достаточно качественный.

Описание предмета. Головка статуэтки в плане округлая. Личико уплощённое и даже немного вогнуто, особенно его правая сторона. Маленькие глазки широко расставлены. Они оформлены наколом. Лёгким прикосновением инструмента анатомически верно прорисованы губы. Интересно «сконструирован» нос. Первоначально, ото лба и почти до губ, была процарапана канавка. Из глины, выбранной таким способом, был оформлен мини-агюрный «шарик» носа. Его разместили на уровне глаз. Остатки канавки сверху и ниже носа в иконографии лица можно интерпретировать как межбровную и носогубную складки.

С левой стороны росчерком и точкой графически передано ухо, а над левым глазом чётко процарапана бровь.

Элементы ямочной орнаментации. Отметим, что в углублении левой брови тонким наколом (1,0 мм) нанесены три ямочки-точки. Чуть более крупная каплевидная ямочка (1,5 мм) разместилась над правым глазом.

Головной убор или особенности причёски. Надо лбом прослежены остатки сбитого «карниза-выступа». С правой стороны граница «выступа» и лба отчёркнута прочерченной линией. Однозначная трактовка «выступа» невозможна. Выступ может быть остатками головного убора, шапочки либо повязки, которая не охватывала всю голову, а оставляла открытой затылочную часть. Но также этот выступ мог быть и остатками причёски в виде валика надо лбом. Достоверно же волосы обозначены от затылка до шеи. Здесь мягкие пряди коротких волос переданы слабым рельефом.

Интерпретация изображения возможна только на интуитивно-эмоциональном уровне. Автор увидел в фигурке головку ребёнка. Такое же впечатле-

ние сложилось и у разновозрастных сотрудников Института (было опрошено 15). Пятилетняя девочка конкретизировала изображение до: «мальчик». Лишь в одном случае молодой человек предположил, что это «женщина».

Сложность смысловой реконструкции безусловно связана с частичной сохранностью предмета. Но в нашем случае, сам факт появления данного артефакта чрезвычайно важен. Он подтверждает включение крайней восточной периферии культуры КЛЛК в единое не только материальное, но и ментальное сообщество древнейших земледельцев Европы.

Указывая на первостепенность коммуникативной природы культуры, Ю.М. Лотман неоднократно подчёркивал, что культура есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются.

Сравнительная база наших исследований опирается на работу Свена Хансена «Изображения людей каменного века» (Hansen 2007). В этом обобщающем издании приведено и отражено в иллюстрациях более 150 артефактов, связанных с изображением человека в КЛЛК. Это предметы антропоморфной пластики, но также и изображений людей, частей тела человека в виде аппликаций, рисунков на стенках сосудов и их ручках.

В сравнении с масштабом территории, освоенной и «разведанной» носителями традиций КЛЛК, число предметов антропоморфного вида не так уж и велико. Если учесть, что в ареале зафиксировано более 5 тыс. поселений, а количество изученных жилищ превышает 2 тысячи. Ойкумена культуры простиралась примерно от реки Сена на западе до украинской Волыни на востоке (с отдельными выходами вплоть до Днепра). И от южных границ лесостепной зоны Молдовы на юге до польских берегов Балтики на севере с выходом вплоть до междуречья Западной Двины и Ловати (Дубокрай У) (рис. 3). Для восточной периферии культуры, в которую входят территории Украины, Румынии и Молдовы находки антропоморфного вида единичны.

И это, судя по всему, не случайно, потому что и в ареалах Центральной и Западной Европы пространственно пластика распространена также нерегулярно (рис. 4).

Например, в Центральной Европе она концентрируется в трёх больших районах, где много находок. Это территории Западной Венгрии, Словакии, Нижней Австрии и Моравии. Для западной части Европы преобладает в Средней Германии, в районах Майнфранкен и Веттерау. И здесь, особая сложность в изучении темы, как и в нашем случае,

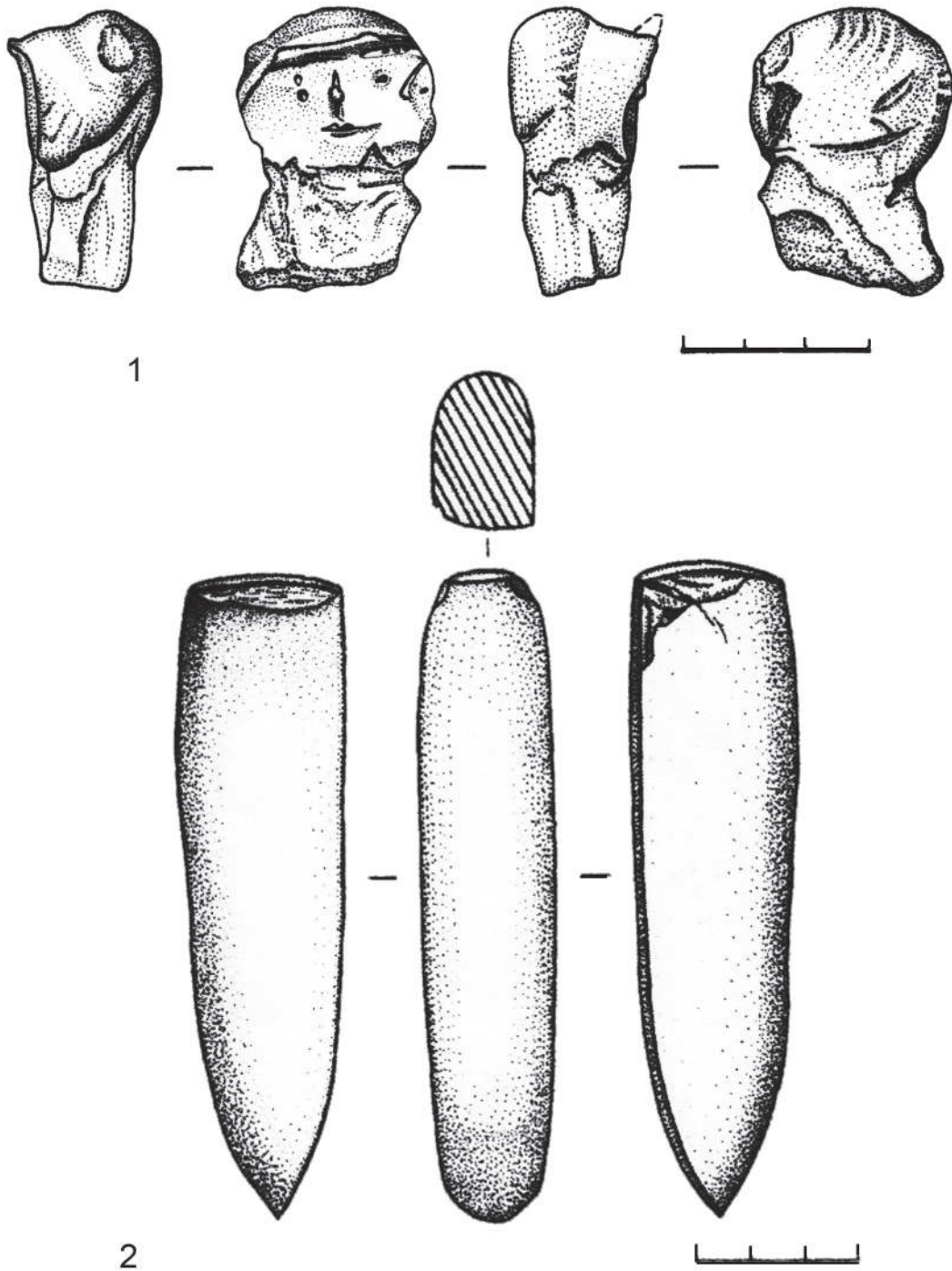

Рис. 1. Случайные находки из города Сынджерей (Sîngerei) Республики Молдова: 1 – антропоморфная пластика; 2 – сланцевое тесло типа *Schuhleistenkeil*.

заключается в том, что большая часть этих предметов фрагментирована, и они почти не несут научной информации. Как признаётся исследователь Свен Хансен: «общего впечатления от изображения человека в КЛЛК до сих пор не получено. Типологическая колонка не выстроена».

Интерпретации. И для фигурки из Сынджерей прямых аналогий нет. Пол не знаем, о возрасте лишь догадываемся. То есть параметр, «содержательные элементы» или «Что изображено», максимально обобщён – человек. Однако попытаемся выбрать информацию из самого объекта.

Рис. 2. Предметы антропоморфного типа из районов Центральной Европы: 1 – Музла –Ченков (Muzla-Cenkov); 2 – Мейндлинг (Meindling); 3 – Гридель (Gridel); 4 – Тырпешть (Tîrpești); 5 – Стреличе (Strelice); 6 – Блатне (Blatne); 7 – Драсбург (Drasburg). (1-5, 7 без масштаба) (по: Hansen 2007, Teil II, Taf. 500: 3; 503: 6, 7; 505: 3; 506: 11; 508: 3; 514: 2-3).

Главная особенность головки видимо заключается в том, что она принадлежит к тому кругу пластики, который мог иметь исходную модель и возможно соответствует портретному изображению. То есть головка статуэтки имеет все атрибуты индивидуального человеческого лика - глаза, нос и рот. Таких «полноценных лиц» в каталоге-своде С.

Хансена всего 29(!). А из трёх основных позиций в оформлении лица (глаза, нос, рот) наиболее важными в иконографии для первобытного человека оказались нос и глаза. Они прорисованы примерно поровну. Правда, нос оказался чуть более важной «деталью» лица (40,6%), чем глаза (39,4%). Тогда как рот на лицах статуэток обозначался гораздо

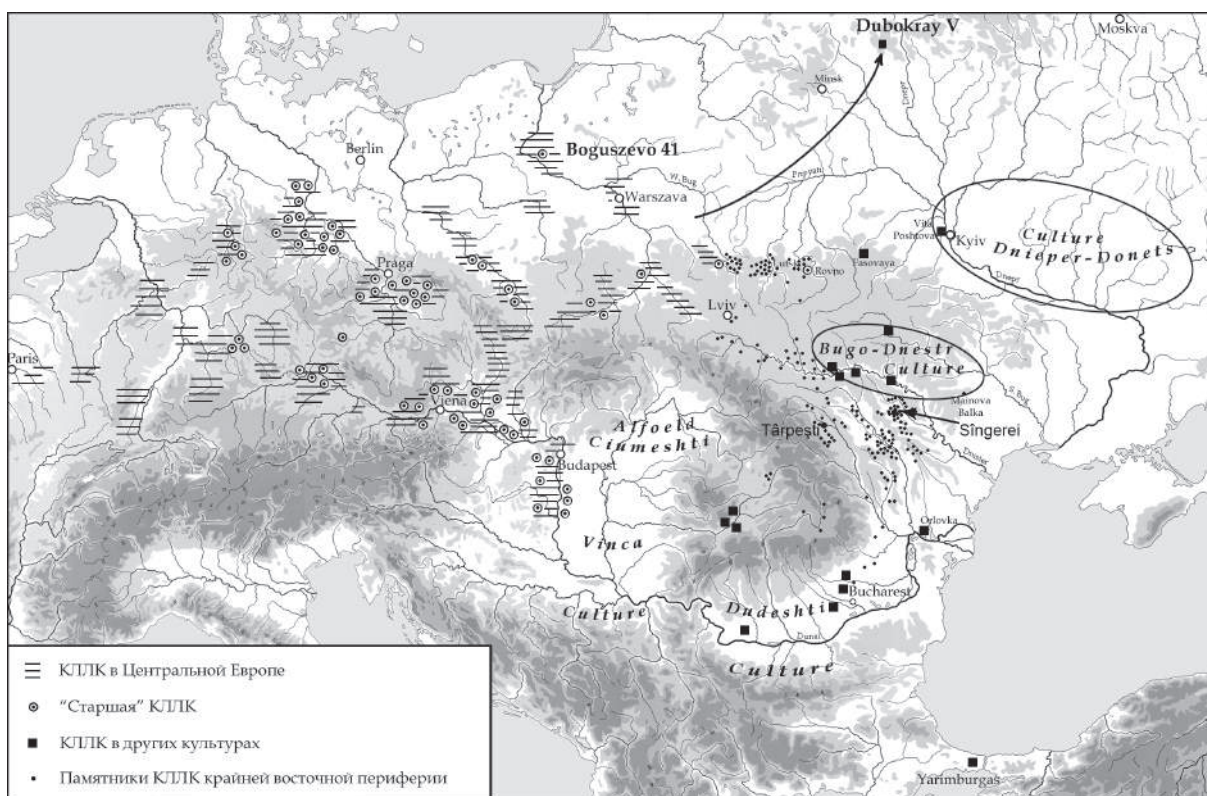

Рис. 3. Культура линейно-ленточной керамики и её соседи. Местонахождения пластики в ареале восточной периферии культуры, на поселении Тырпешть (Tîrpești) в Румынии и в городе Сынджерей (Sîngerei) Республики Молдова.

реже, лишь на 20% лиц. Судя по этнографическим материалам, нарисовать рот означало одушевить фигурку, что в первобытных магиях открывало возможность «недоброжелателям» вредить прототипу.

Из наблюдений особенно интересно то, что «полноценные лица» чаще украшали сосуды. В виде аппликаций и рисунков на их стенках и ручках (рис. 2,3,6-7). А пластика, в виде достоверных фигурок, чаще «грешила» изъянами. Когда «забывали» изобразить какую-либо «деталь» человеческого лица. Возможно, оберегая этим «живую душу» от сглаза.

Аналоги. Особенностью нашей фигурки из Сынджерей является «украшение» её лицевой части ямочками «нотами». В реальной жизни их можно было бы трактовать (?) как своего рода «пирсинг» из трёх маленьких бусин в левой брови и одной покрупнее над правым глазом. Либо это могла быть татуировка.

Наиболее близкой к сынджерейской находке по исполнению является женская головка из Музла-Ченков (Muzla-Cenkov) (рис. 2,1). По рисунку ушей, по причёске «валиком надо лбом» и прочерченной по лбу линии, на которую были нанесены ямочки. Но в этом случае узор напоминает «нитку с

бусинами». Есть и другой вариант возможной трактовки подобного узора – татуировка (?). Именно так выглядит линейно-ямочный узор, нанесённый на щеки мужского лица из Майндлинга (Meindling) (рис. 2,2). Как возможно близкие аналогии головке из Сынджерей, можно привести и антропоморфное изображение на ручке сосуда из Тесетиче Куёвице (Tsetetice Kujovice).

Относительно близок нашей головке лик статуэттки из Стреличе (Strelice). На нём одном, как и на сынджерейской статуэтке, обозначены носогубные и межбровные складки, только в виде двух линий (рис. 2,5).

Культурно-хронологический круг приведённых аналогий соотносится с Центрально-Европейским ареалом КЛЛК и соответствует преимущественно позднему этапу культуры типа Желиз. Однако, антропоморфная пластика чрезвычайно сложный и многоплановый объект. Поэтому в иконографии, в воплощении образа человека из Сынджерей, можно предположить и отдалённое влияние элементов, связанных с культурами круга Винча-Тордош. В облике статуэттки они могут быть представлены «плоским» лицом и миниатюрным «носом», размещённым на уровне глаз.

Рис. 4. Распространение пластики культуры линейно-ленточной керамики в Европе: ● - материалы КЛЛК, ▲ - материалы культуры Альфельд (по: Hansen 2007, Teil 1, Seite 303).

Schuhleistenkeil

Schuhleistenkeil (с немецкого: клин в форме башмачной колодки) был найден вместе со статуэткой (рис. 1,2). Он изготовлен из кремнистого сланца тёмно-серого цвета с продольными чёрно-смоляными нитеобразными включениями в структуру минерала. По пропорциям и оформлению самого «тела», орудие относится к тёслам-долотам высокой формы. Его тыльная и боковые грани уплощены, а лицевая поверхность выпуклая. Она плавно переходит в закругляющееся лезвие. Орудие прекрасной сохранности, только боковые грани обуха частично разрушены. Скол на левой боковой стороне обуха нанесён в древности. Он зернистый и покрыт люстражем. Второй, на противоположной стороне обуха, грубый и рваный, относительно современный.

По размерам орудие среднее, длиной 12 см. (Тогда как в Пруто-Поднестровье имеются экземпляры длиной и более 20 см). Ширина составляет у обуха примерно 2,0 см. С уровня $\frac{1}{4}$ длины постепенно увеличивается до 2,4 см, затем также постепенно утоньшается к лезвию. На уровне начала оформления лезвия ширина 2,2 см.

Толщина (высота) орудия более значительна, чем ширина. У обуха толщина составляет 2,7 см. Далее, на уровне $\frac{1}{4}$ длины расширяется до 3,0 см. Затем постепенно и равномерно суживается до 2,9 см, 2,7 см, 2,4 см. На уровне начала оформления лезвия толщина равна ширине: 2,2 см.

Тип орудия. Кромка лезвия в позиции «вид сбоку» располагается по центру вертикальной секущей. Лезвие заточено с тыльной стороны под углом в 54° , а с лицевой стороны под углом в 60° . Поэтому в профиле рабочий край лишь слегка ассиметричен, приближаясь к *клиновидному*. Тогда как по индексу соотношения ширины к толщине орудие является долотом высокой формы (index 0,74–0,85).

Долота высокой формы в пределах Пруто-Днестровского междуречья являются самым многочисленным типом орудий, составляя более половины среди всех теслообразных орудий региона. Они выделены в тип «I A». В этом типе, по оформлению поперечных сечений долот, определено четыре варианта орудий: «а» - с параллельными боковыми гранями и выпуклой лицевой частью; вариант «b» - с округлыми боковыми и лицевой частью; вариант «с» - с подтреугольным поперечным сечением; вариант «d» - с подквадратным поперечным сечением.

Наше орудие относится к самому многочисленному в пределах Пруто-Днестровского междуречья варианту сечения - «а». Он составляет более 56% от всех орудий типа «I A» (Ларина 1987; Ларина 1999, рис. 40).

Рукоять. Верхняя часть орудия сохранила следы использования инструмента в рукояти. На лицевой стороне эти следы представлены тончайшими вертикальными и короткими косыми бороздками «прочерками», нарушившими полированную структуру камня у обуха на высоту 2,5 см. По тыльной сто-

роне орудия, следы крепления в рукояти отмечены горизонтальной пролощенной полосой чёрного цвета, шириной 0,4-0,5 см. Она разместилась на уровне 2,0-2,5 см от верхнего края обуха. Что может свидетельствовать о применении органического скрепляющего материала типа смолы(?).

Следы использования прослежены по кромке рабочего лезвия. Они указывают на принцип работы инструментом «от себя» как теслом. Кинематика движений под правую руку, справа налево. По учёту макроследов, наиболее сработан участок левой половины края лезвия. На лицевой стороне лезвия отмечены горизонтальные, параллельные, короткие выщерблины по лезвию, которые разместились друг над другом на высоту до 5 мм. На тыльной стороне орудия этому участку соответствует краевая сточенность лезвия на h до 2 мм. Она продолжается заполировкой тыльной части лезвия на h 10 мм. Редуцированная заполировка в виде пятен отмечается и по всей тыльной поверхности. Особенно чётко прослеживаются следы залощенности смежных граней тыльной и боковых поверхностей на ширину 3-5 мм.

Макроследы на поверхности орудия указывают на его применение в скобляще-режущих операциях в качестве тесла по относительно «мягкому» материалу.

Охра. Чрезвычайный интерес представляют вкрапления красной охры на поверхности орудия. Это два пятнышка размером 1-2 мм, ввевшихся в структуру камня. Они сохранились в нижней части орудия, на лицевой и боковой поверхностях инструмента. Возможно, таких вкраплений было и больше, но их уничтожила очистка. Поскольку орудие было передано нам тщательно отмытым. Но сам факт взаимосвязи долота с охрой чрезвычайно важен. Пока что он позволяет *только* предположить некий ритуальный аспект депонирования

предмета, в результате которого и могло произойти его соприкосновение с охрой.

Аналогии. Орудия типа Schuhleistenkeil с такими же клиновидными, почти симметричными лезвиями, были найдены в Пруто-Днестровском междуречье на поселении Гура-Каменчей VI (Ларина 1999, рис. 42,9.11). Положение этого поселения в культурно-хронологической колонке ареала связано с позднейшим типом памятников КЛЛК с элементами этапа Желиз.

Заключение

1. Учитывая малочисленность находок и отсутствие широкого контекста при их обнаружении, предварительно относим оба предмета ко времени позднего *Желизовецкого* этапа существования культуры в Пруто-Днестровском междуречье.

2. Уникальность антропоморфной головки и появление окраски охрой тесла позволяют предположить некий культовый смысл в особенностях их депонирования.

3. В Центральной Европе особый расцвет «художественного творчества» по изготовлению антропоморфных изделий приходится на поздние этапы культуры. Концентрации таких находок приурочены к определенным областям. Очень часто контекст указывает на некий культовый аспект их депонирования.

4. Можно предположить, что и на территории Молдовы могли существовать районы, где, в силу неизвестных нам причин, образовывались области, как бы мы сейчас сказали, «с повышенной энергетикой». И где могли происходить практики первобытной магии.

5. При этом, для неолита, почти неизвестны случаи, чтобы антропоморфную пластику клали в могилы.

Библиография

Ларина 1999: О.В. Ларина, Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона. *Stratum plus* 2, 1999, 10-140.

Hansen 2007: S. Hansen, Bilder vom Menschen der Steinzeit. Untersuchungen zur antropomorphen Plastic der Jungsteinzeit und Kupferzeit in Sudosteuropa. I-II Band. *Arheologie in Eurasien*. Band 20. Verlag Philipp von Zabern (Mainz 2007).

Marinescu-Bilcu 1971: S. Marinescu-Bilcu, Aspects tardifs de la civilization a ceramique rubanee et sa contribution a la genese de la civilization Precucuteni I. *Prahistorische Zeitschrift* 46, 1971, 4-36.

Ольга Ларина, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы. бул. Штефан чел Маре 1, МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова.

Вячеслав Бикбаев, научный сотрудник, Национальный музей археологии и истории Молдовы, Кишинэу, Республика Молдова.

Константин Кондораки, член районного Совета г. Сынджерей, Республика Молдова.

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Александр МОГИЛОВ, Киев

Cu privire la harta arheologică a Bucovinei de Nord în prima epocă a fierului. Bucovina de Nord se afla, în prima epocă a fierului, la hotarul a două zone culturale. Acest fapt a influențat caracterul culturii materiale, intens studiate în perioada postbelică. Cu părere de rău, nu toate materialele rezultate din aceste investigații au fost publicate. Autorul consacră articolul de față introducerii lor în circuit științific, interpretării cultural-istorice și cronologice.

Северная Буковина в раннем железном веке располагалась на рубеже двух культурных зон. Это наложило своеобразный оттенок на характер ее материальной культуры, особенно интенсивно изучающейся в послевоенное время. К сожалению, не все материалы исследований на сегодня известны широкому кругу специалистов. Их введению в научный оборот, культурно-исторической интерпретации, хронологической характеристике посвящается эта статья.

To the archeological map of Northern Bukovina Early Iron Age. Northern Bukovina in the Early Iron Age settled down on a boundary of two cultural zones. It has imposed original features on character of its material culture, which was especially intensively investigated after World War II. Unfortunately, some materials are not known to the broad audience of experts till now. This paper deals with introduction of such materials to a scientific sphere, their cultural-historical interpretation and chronological characteristic.

Key words: *Early Iron Age, Northern Bukovina, cultural zone, settlement, chronology.*

Историческая Северная Буковина (современная Черновицкая область Украины), располагаясь в Восточном Прикарпатье, на протяжении многих веков была контактной зоной древних культур. Сказанное в полной мере касается и периода раннего железа, когда указанный регион находился на стыке средневропейской гальштатоидной и северопрichernоморской культурных зон. Такое порубежное положение наложило своеобразный оттенок на облик древностей, развивавшихся в тесной взаимосвязи друг с другом.

В силу сложившихся обстоятельств, Правобережье верхней части Среднего Приднестровья долгое время оставалось изучено значительно хуже, чем соседнее культурно близкое Западное Подолье, для которого еще в самом начале XX в. были опубликованы своды древностей (Сецинский 1901; Гульдман 1901). Тем не менее, еще в дореволюционный период В. Гребеняк, основываясь на единичных находках наконечников стрел и зеркала в Буковине, по факту преобладания восточных скифских влия-

ний, сблизил эту территорию с Западноподольско-Прикарпатским регионом распространения скифоидных памятников (Гребеняк 1913, 16), что позже было полностью подтверждено исследованиями.

Слабо изменилась ситуация и в межвоенный период, когда рассматриваемая территория входила в состав Румынии. В 1936 г. во Львове выходит классический труд Т. Сулимирского (Sulimirski 1936), рассмотревшего известные на то время скифоидные памятники Запада Украинской Лесостепи и Прикарпатья (в том числе и Правобережья Днестра). На Северной Буковине в это время исследования, носившие эпизодический характер, касались в основном памятников эпох камня–энеолита (Ambrojevici 1933; Пассек 1961, 11.12). В значительной мере был прав Б.А. Тимошук, отмечая, что в послевоенный период исследованиями на этой территории пришлось закрывать «белое пятно» (Тимошук 1975, 4).

В 1940 г. Северная Буковина входит в состав СССР. Приход советской власти был далеко не од-

нозначным явлением. «Объединение украинского народа в одном государстве» сопровождалось коллективизацией, установлением тотального контроля над всеми сторонами жизни населения, репрессиями, страшным голодом 1946–1947 гг. Однако, в области исследования памятников археологии изменения были в основном позитивными: на законодательном уровне пресекалась возможность несанкционированного разрушения объектов, да и помещики, «злоупотреблявшие» раньше этим, были ликвидированы как класс. Более прогрессивная методика исследований, их государственное финансирование, привлечение в регион экспедиций с разных научных центров страны, позволили со временем поставить археологию края на качественно новый уровень.

Со второй половины 40-х гг. к исследованиям приступает известный черновицкий археолог Б.А. Тимошук, длительное время возглавлявший экспедицию Черновицкого краеведческого музея. Материалы его работ до сих пор продолжают составлять основу археологической карты Черновицкой области (Винокур и др. 1984, 109–171). Были проведены разведки на большом количестве поселений раннего железного века, раскопаны погребения скифского времени в Новоселке, Ивановцах, Викне, Белоусовке, Оселивке (Тимошук 1950, 5.6; 1952, 410.411; 1956, 207.208; 1963, 1–3; 1968, 23.24; 1969, 32.34-36; 1970, 21; 1974, 72.87.88.91 и др.). К сожалению, специалист, главной сферой интересов которого были славянские и древнерусские древности, не все памятники эпохи раннего железа успел издать на должном научном уровне. Часто неполные данные о них содержатся только в научно-популярных изданиях, не всегда присутствует иллюстративный материал.

Масштабные разведки в Хотинском, Кельменецком, Сокирянском районах были проведены в 1948–1951 гг. Трипольской экспедицией под руководством Т.С. Пассек, в составе которой работал скифский отряд А.И. Мелюковой. Помимо большого числа открытых поселений, установлено что на месте трипольского поселения Поливанов Яр позднее существовало скифское городище; проведены раскопки раннескифских кургана в Ленковцах и поселения в с. Селище, а также доскифского селища в урочище *Гамарня* в Ленковцах (Пассек 1948, 50-54; 1949, 2.3.5-9.12-15; 1950, 4.25; 1951, 19.28.29.38; 1961, 17, рис. 20; Мелюкова 1950; 1953, 60–73). Итоги исследований среднеднестровских древностей I тысячелетия до н.э. подведены в обширной работе А.И. Мелюковой (Мелюкова 1958).

Скифские находки выявлены в нескольких местах Днестровского Правобережья П.И. Борис-

ковским, работавшим в 1946–1948 гг. в составе Среднеднестровской экспедиции (Борисковский 1950, 128). Материалы раннего железного века из масштабных разведок упомянутой экспедиции в 1968-1969 гг. (Збеневич 1970) опубликованы А.Ф. Гуцалом (Гуцал 1979).

Многолетние исследования памятников интересующего нас времени проводились в 1954–1988 гг. Западноукраинской экспедицией Государственного Эрмитажа под неизменным руководством Г.И. Смирновой. Были осуществлены раскопки многослойного поселения Магала, содержавшего слои целого ряда культур: комаровской, ноуа, ранней и развитой фаз гава-голиградского круга древностей. Исследована значительная площадь на предскифском селище и могильнике Днестровка-Лука и раннескифском поселении Долиняны. Проведены исследования архаических скифских могил в Круглике, Долинянах и Перебыковцах. По итогам полевых работ, Г.И. Смирнова опубликовала целую группу статей, во многом благодаря которым, на сегодняшний день стала понятной специфика развития культур поздней бронзы – раннего железа на Среднем Днестре (Смирнова 1969; 1969а; 1976; 1977; 1977а; 1979; 1981–1984; 1989 и др.).

Хозяйственный комплекс скифского времени был открыт в 1972 г. Г.Ф. Никитиной при исследовании могильника черняховской культуры близ Оселивки (Никитина 1979).

В ходе значительных работ 1974–1980 гг. на предскифских комплексах у с. Непоротово, осуществленных экспедицией Л.И. Крушельницкой, вскрыта площадь около 7000 кв. м (Крушельницкая 1998). По объемам проведенных работ, наряду с Рудковецким городищем (Гуцал 2000), этот памятник является наиболее полно исследованным среди предскифских поселенческих древностей в среднем течении Днестра.

Поселения эпохи раннего железа у сс. Вороновица и Макаровка на Кельменеччине обследовались в 1977–1978 гг. экспедицией под руководством Ю.Н. Малеева (Малеев и др. 1979, 363).

Зольники на предскифском селище в с. Комаров раскапывались в 1978–1979 гг. Днестровской экспедицией Института археологии НАНУ возглавляемой Г.Т. Ковпаненко (Ковпаненко 1998). Кроме этого, ряд памятников раннего железного века был открыт различными экспедициями, занимавшимися исследованием комплексов других исторических периодов.

С конца 80-х гг. XX в. в систематических раскопках памятников доскифского и скифского периодов Северной Буковины наступил перерыв. При этом, введение в научный оборот ранее добытых или по-

явившихся материалов, дальнейшее осмысление культурно-исторических процессов в регионе продолжается (Смирнова 1993; 2001; 2006; Смирнова, Войнаровский 1994; Войнаровский, Смирнова 1993; Малеев 1992 и др.).

Несмотря на довольно значительное число работ, целый ряд комплексов и отдельных вещей эпохи раннего железа с территории Черновицкой области продолжают оставаться неизвестными широкому кругу ученых: не все материалы из прошлых экспедиций исследователи успели в полной мере издать при жизни, некоторые памятники бегло описаны в работах, посвященных иным культурно-хронологическим периодам, другие находки, хранящиеся в музеях, до сих пор не опубликованы. Освещению этих категорий древностей и посвящена настоящая статья.

В **предскифское время** территория Северной Буковины была занята племенами-носителями **голиградской** и **чернолесской** культур, тяготеющих соответственно к ее центрально-западным и восточным районам, и имеющих заметные отличия в материальной культуре и погребальном обряде.

Значительное число поселений **голиградской** культуры было открыто Б.А. Тимошук. В фондах Черновицкого краеведческого музея¹ хранится керамика из его сборов в с. Новая Жучка (урочище *Шанок*, находки 1948 г.), черновицком пригороде Стинка Роша, сс. Карапчив Глыбокского р-на (разведки 1955 г.), Коровия Черновицкого р-на (сборы 1953 г.), Дубовки (исследования 1948 г.) и Староселья (работы 1952 г.) Кицманского р-на, Репуженцев (урочища *Коло церкви* и *Клин*, экспедиция 1949 г.²) Заставновского р-на (рис. 1; 2, 1–7).

Керамика – с примесью дресвы в тесте. Встречаются фрагменты сероватых или черных корчаг с отогнутым венчиком и разнообразными выступами и каннелюрами. Обычным является разный цвет внутренней и внешней поверхностей сосудов. Внешнее оформление отдельных непрофилированных фрагментов в виде «расчесов» говорит в пользу их раннеголиградского времени (Смирнова 1976, рис. 2). Горшки – с прямыми или немного отогнутыми венчиками, зафиксировано украшение корпуса наlepным валиком с защипами. Экземпляр тюльпановидного профиля с проколами под венчиком вместе с фрагментом черпака (рис. 1, 6.27) перекликаются с чернолесскими материалами. Миски имеют преимущественно плавнорасширяющийся кверху округлый корпус, иногда – с утолщенными загнутыми

всередину венчиками. Из Репуженцев, кроме этого, известен кремневый вкладыш серпа (рис. 2, 37).

Как остатки городища скифского времени были интерпретированы Б.А. Тимошук валы у с. Дорошевцы Заставновского района (Тимошук 1949, 7). А.И. Мелюкова, установив, что они насыпаны в более позднее время, отнесла указанное поселение к кругу голиградских древностей (Мелюкова 1958, 22). Это могут подтверждать и имеющиеся в нашем распоряжении образцы керамики, представленные фрагментами корчаг, иногда украшенных выступами или каннелюрами (рис. 2, 8–19). В то же время, венчик горшка с наlepным валиком с защипами (рис. 2, 20) указывает на наличие здесь и скифского слоя, к которому могут относиться и обломки некоторых чернolощенных корчаг.

Интересным памятником является городище в урочище *Замчище* у затопленного сейчас Днестровским водохранилищем с. Дарабаны Хотинского р-на (рис. 3, 2). Расположенное на мысе плато, образуемом впадающим в Днестр ручьем, защищено валами со рвами в своей средней и внешней части (Кучера 1990, 5). Поверхность повреждена военными траншеями, склоны – карьерами. Длина около 300 м. Размеры мысовой площадки, отделенной срединным валом, 170x65–100 м; части между внешним и внутренним валом 110x50 м. Длина внешнего вала – 25 м, ширина – 10 м, высота со середины – 0,65 м; ширина рва – 7 м, глубина 0,7 м. Перепад высоты от верха вала до дна рва составляет 2,6 м. Внутренний вал, длиной 40 м, по информации М.П. Кучеры, расположен с южной стороны от рва, то есть фактически им отгораживается защищенная неприступными крутыми склонами мысовая часть, что довольно необычно и не совсем понятно. Высота этой насыпи 0,65 м, ширина – 6 м, ширина и глубина рва соответственно 5 м и 0,5–0,6 м. Время сооружения указанных укреплений на сегодняшний день остается неопределенным. Судя по всему, мыс был заселен на протяжении многих эпох. На нем встречаются материалы трипольского, бронзового, раннежелезного, рубежа эр, славянского, древнерусского времен. М.П. Кучера отверг идею их древнерусской принадлежности, отметив, что валы этого времени обычно дугоподобно выступают во внешнюю сторону. Вместе с тем, приняв во внимание наличие укреплений на ряде трипольских поселений Поднестровья, он и валы в Дарабанах отнес к этому времени (Кучера 1990, 7), что, разумеется, может быть принято только как одна из

¹ Искренне благодарен сотрудницам музея Е.П. Загуловской, Н.Н. Холодницкой, В.И. Танащук, М.И. Зайшлюк за содействие в работе с материалами.

² Б.А. Тимошук отнес поселение к скифскому времени (Тимошук 1949, 7; 1956, 205).

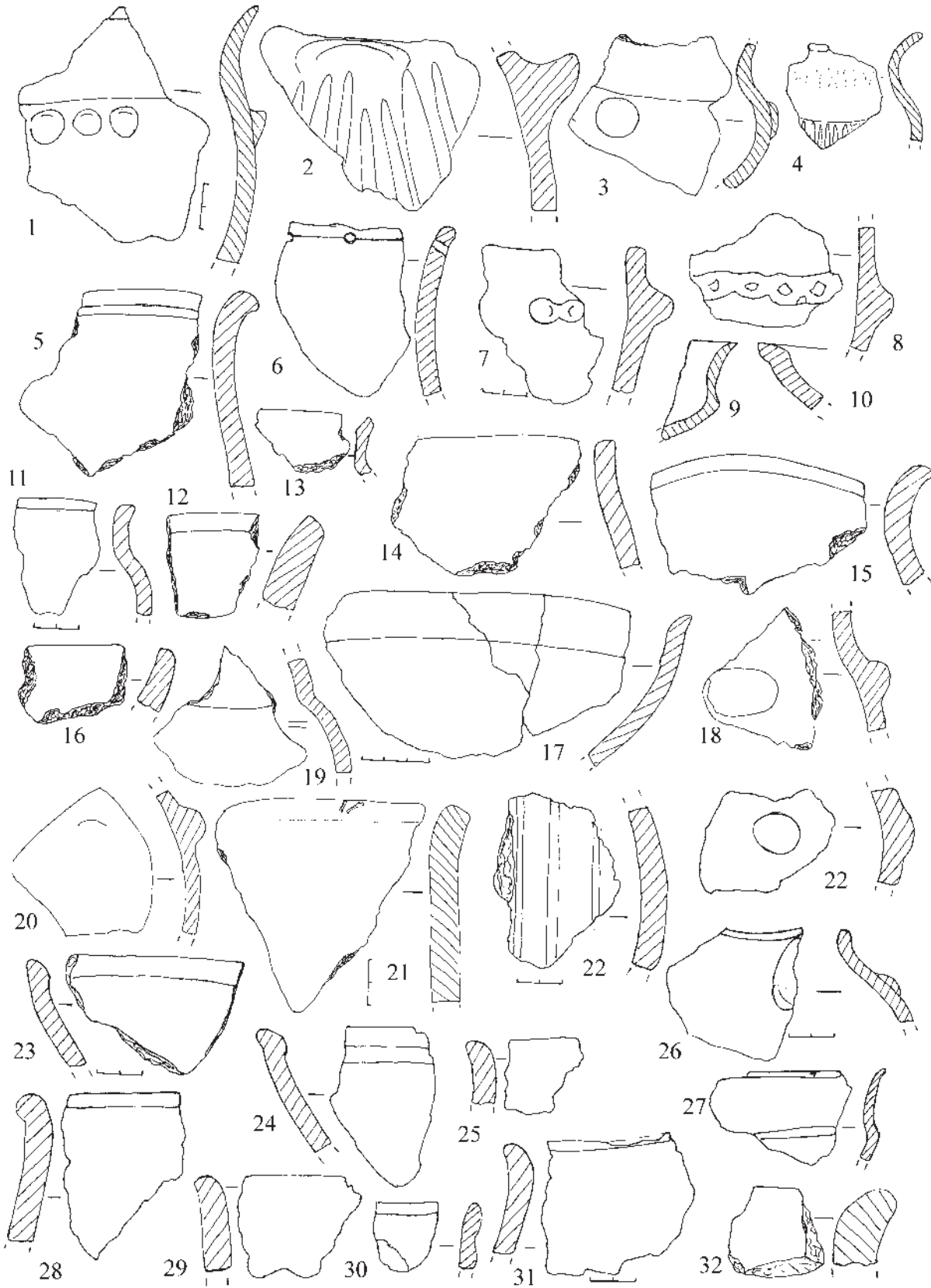

Рис. 1. Керамика с голиградских поселений. 1–10 – Новая Жучка, 11–14 – Стинка Роша; 15–16 – Карапчив; 17 – Коро-
вия; 18–21 – Дубовка; 22–32 – Староселье.

Рис. 2. Изделия с поселений раннего железного века. 1–36 – керамика; 37 – кремь. 1–7, 37 – Репужинцы; 8–20 – Дорошевцы (15–20 – по Тимошук 1949); 21–36 – Дарабаны.

версий. Некоторые данные по хронологической атрибуции указанных сооружений, казалось мог бы дать более поздний «траянов» вал, перекрывающий внешний ров городища, однако и его время точно не установлено. При исследовании в его заполнении найдены фрагменты керамики трипольской

эпохи и 12 – 13 вв. (Кучера 1990, 7,8; 1990а, 2), что оставляет довольно широкий отрезок времени для постройки укреплений городища до древнерусского периода включительно.

В литературе поселение на указанном мысу относится как к скифским (Мелюкова 1958, 32.33),

так и к голиградским памятникам (Винокур и др. 1984, 162). Небольшой подъемный материал отсюда (рис. 2,21-36) – чернолощенные корчаги (иногда каннелированные), горшки с прямым, реже – слегка отогнутым или вогнутым краем, миски с круглым корпусом, как будто бы говорит о голиградской принадлежности. При этом, некоторые находки близки и к чернолесским, что и не удивительно, учитывая порубежное положение памятника. Безусловно, точно атрибутировать селище и установить время сооружения укреплений помогут только стационарные исследования.

Помимо этого, ряд *голиградских* укреплений открыты при исследовании нескольких славянских и древнерусских памятников. Так в с. Волока Глыбокского р-на городище располагалось на мысу с крутыми склонами, образованном двумя ручьями (рис. 3,1). Сильно распаханное, прожженные докрасна валы обрамляли подовальную площадь размерами 350 на 210 м. В ее юго-восточной части в древнерусское время были возведены дополнительные укрепления (Русанова, Тимошук 1981, 2.3; Тимошук 1974, 21.22; 1982, 163). Похожим образом на голиградском укреплении возле с. Ревно Кицманского р-на в древнерусское время тоже возведена оборонительная линия (рис. 3,3). Городище располагалось на территории небольшого мыса в урочище *Царина*, с трех сторон окруженного ярами а с четвертого – валом высотой 1,5 м и рвом шириной 6 м, ограждая площадь 850 на 450 м. Древнерусские же укрепления (Ревно II) занимают восточную часть мыса размерами 450 на 450 м (Тимошук 1972, 18; 1982, 127.128, рис. 69). Еще одно городище на Кицманщине известно на мысу в урочище *Замка* возле с. Коростоватая (рис. 3,4). Здесь к древнерусским укреплениям с юга примыкало два вала раннего железного века, один из которых послужил платформой для новых средневековых укреплений (Тимошук 1982, 172.173, рис. 97; 1990, 30.31, рис. 116).

По общему облику, существенно отличались от голиградских *чернолесско-жаботинские памятники*, расположенные в восточной части Буковины и в соседней Подолии. Один из них был исследован в 1950 г. Скифским отрядом Трипольской экспедиции под руководством А.И. Мелюковой (Мелюкова 1950, 1-15, рис. 1-50; 1958, 12) в урочище *Гамарня* возле Ленковцев Кельменецкого р-на. Селище, открытое в 1948 г., располагалось на большом, образованном оврагами и крутым спуском к Днестру, мысу. Раскопана площадь около 300 кв. м. Культурный слой мощностью 60–70 см начинался уже с поверхности. На глубине 0,3 м (местами с 0,4–0,5 м) обрисовалось вытянутое глиняное пят-

но с неровными краями (рис. 4,1), толщиной до 2 см – в восточной части и до 10–14 см – в западной (видимо, следы от наземной постройки). На поверхности этой вымостки встречались отдельные камни и черепки «скифской» посуды, не образующие, впрочем, скоплений. На ее фоне резко отличались золистые пятна от впускных ям (№ № 1 и 2) липицкой культуры, в заполнении которых, помимо керамики первых вв. н.э. и костей, встречались и «скифские» черепки из разрушенного слоя. В отдельных местах указанная глиняная прослойка носила следы действия огня. Наиболее сильно обожжен был западный выступ. Здесь, на тонком слое глины, находились два слоя прожженной глиняной вымостки, толщиной 3–4 см каждый. На внешней стороне каждого из последовательно сделанных слоев – следы от пальцев, образовавшиеся от заглаживания рукой еще мокрой поверхности. Рядом выявлены сильно обожженная глиняная обмазка со следами прутьев в середине и отдельные камни. А.И. Мелюкова вполне резонно предположила наличие здесь печи с глиняным подом и сводом на основе из переплетенных прутьев. Помимо обломков сосудов, тут найдены два пряслица.

Под глиняной прослойкой, в серовато-коричневом черноземе культурный слой продолжался. Среди находок из него, кроме керамики отметим три кремневых серпа, четыре костяных отбойника, две костяные проколки и наконечник стрелы. На глубине 0,65 м, видимо на уровне древней поверхности, обнаружены остатки еще одного («нижнего») наземного комплекса (рис. 4,2) в виде очагов и трех обугленных плах, «обрезанных» при рытье липицкой ямы 2 (пятна указанных объектов первых вв. н.э. четко фиксировались и на этом уровне). Ширина этих колод – 30 см, толщина – 7-9 см, длина – 125-190 см; на северо-востоке их концы упирались в пятно обожженной глины (возможно, разрушенный очаг). Два других очажных пятна находились на расстоянии около 5,3 м друг от друга. Одно из них (№ 1), расположенное недалеко от плах, имело диаметр 1 м и толщину 10 см. Второе (№ 2) – такой же толщины и подовальной формы длиной 2,2 м и шириной 1,25 м. Земля под указанными объектами была сильно прожжена. Видимо, и здесь мы имеем дело с наземным жилищем, размеры которого установить трудно.

При расчистке липицких ям, на их дне были обнаружены пятна от разрушенных предскифских ям «А», «Б» и 3, вероятно составляющих, по мнению А.И. Мелюковой, один комплекс с наземным жилищем «нижнего» строительного комплекса. Эти ямы были исследованы после углубления дна раскопа до 0,85–0,90 м, до уровня материкового суглинка.

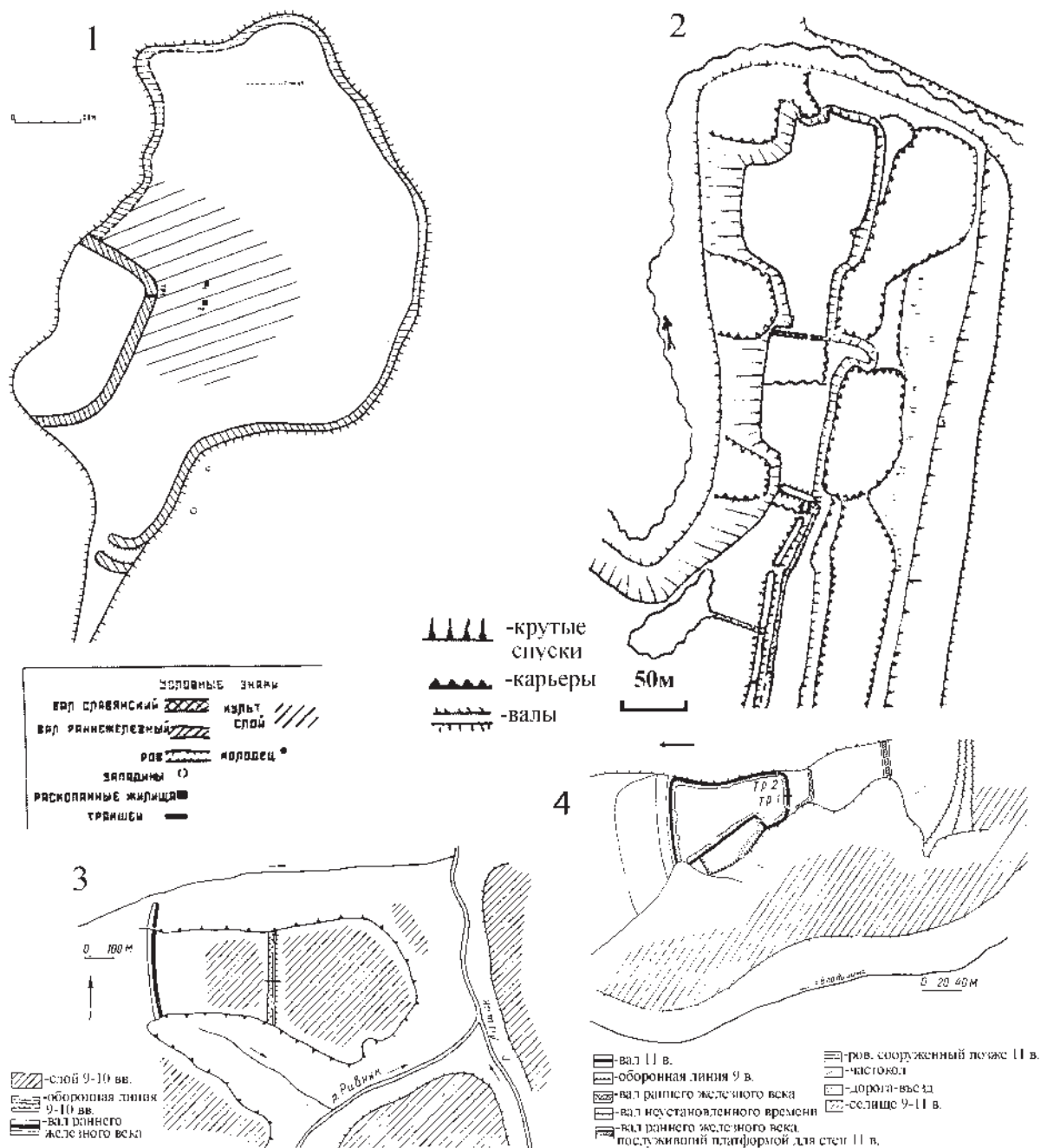

Рис. 3. Городища. 1 – Волока (по Русанова, Тимощук 1981); 2 – Дарабаны, «Замчище» (по Кучера 1990); 3 – Ревно II (по Тимощук 1982); 4 – Коростоватая (по Тимощук 1982).

При этом, слой от уровня «нижнего» горизонта до материка (20 см) содержал лишь единичные находки, преимущественно в своей верхней части.

Яма № 3 (рис. 4,3), асимметрично-восьмеркообразной формы в плане, имела длину (по линии СЗ–ЮВ) 3,75 м, при ширине 1,25–2,25 м и глубине

1,55 м от поверхности (следовательно – 0,90 м от нижнего строительного уровня). В дне ее северной части было округлое углубление с плоским дном и сужающимися ко дну стенками диаметром 1,3 м и глубиной 2,3 м от уровня поверхности (0,75 м от дна ямы). В южной части залегал плотный слой

угля и золы от очага толщиной 10 см. Заполнение состояло из керамики и костей животных, количество которых уменьшалось книзу.

Яма «А» овальная в плане, с выступом с юго-восточной стороны. Длина по оси ЮЗ-СВ – 2,5 м, ширина до 1,8 м, глубина 1,5 м от поверхности (0,85 м от нижнего строительного уровня), дно – плоское. Недалеко от ее соединения с ямой «Б» – ямки от двух опорных столбов.

Яма «Б» имела в плане форму восьмерки длиной 2,5 м и шириной 0,75–1,25 м. Дно покатое к юго-востоку, глубиной 1,65 м (1 м от нижнего строительного горизонта). На западной части – выкладка из плоских камней без следов воздействия огня. В заполнении этих объектов, кроме керамики, встречен и обломок каменного молотка с просверленным отверстием. А.И. Мелюкова предположила хозяйственное назначение ям «А» и «Б» и интерпретировала яму № 3 как «очажную с предпочажным отделением». Однако, немалые размеры последней, наличие здесь очага вполне допускают и квалификацию ее как углубленного в землю жилища. Наличие столбов говорит и о наличии перекрытия над ямами «А» и «Б» (или только над одной из них). Если необожженные камни отсюда все-таки имеют какое-то отношение к очагу, то жилища могли быть и эти объекты. В противном случае, они, вероятно, имели хозяйственное или «летнее» (сезонное) назначение.

Таким образом, на рассмотренном поселении удалось открыть *остатки двух строительных горизонтов*. К *верхнему* относятся следы наземной постройки с очагом и глинянным полом на глубине 30 см. *Второй* представлен остатками наземного жилища (жилищ) с очагами на глубине 65 см и, вероятно, углубленными в землю сооружениями «А», «Б» и 3. К сожалению, автор раскопок не осуществила анализ материалов по слоям. Вместо этого она подчеркнула его схожесть и описала вместе. Не останавливаясь подробно на характеристике найденных вещей (это уже успешно сделано А.И. Мелюковой в контексте материальной культуры предскифского периода Среднего Поднепровья (Мелюкова 1958, 12–21, рис. 2)), отметим наличие среди керамики тюльпановидных горшков с проколами под венчиками и иногда валиками с защипами по туловищу, или же горшков с налипшим валиком и проколами под венчиком, появляющихся в среднем течении Днестра еще в предскифское время. Корчаги украшены выступами-упорами и каннелюрами. Кубковидные сосуды имеют пояс врезного орнамента по корпусу. Черпаки – округлые или с отогнутыми венчиками. Миски – с загнутым внутрь краем (иногда – с «наколами» под ним, или украшением

верха косыми налепами, каннелюрами, штампом). Встречаются катушкоподобные изделия и биконические пряслица. Бронзовые изделия представлены фрагментом проволочного кольца и спиралевидной пронизкой, каменные – вкладышами серпов и каменным топором. Из кости изготовлены проколки и наконечник стрелы (рис. 5).

Жилище раннего железного века (рис. 6,1) было обнаружено в 1955 г. Днестровской экспедицией Института общественных наук АН УССР под руководством Е.К. Черныш в урочище *Передустье* возле с. Перебыковцы Хотинского р-на (Черныш, Савич 1955, 4–6, рис. 2,2–4; 3). Культурный слой залегал на глубине 1 м. Жилище округлой в плане формы со средним диаметром 2,6 м было углублено от современной поверхности на 1,68 м (от верха культурного слоя – на 0,58 м). С северо-восточной стороны к нему вел ход длиной 1 м и шириной 0,60 м. Его дно оформлено ступенями высотой по 25 см. С северной, южной и западной сторон возле стены был оформлен уступ шириной 35 и высотой 30 см. В северо-западной части на нем обнаружено скопление раковин моллюсков. У южной стенки жилища расчищены остатки печи. Ее фундамент овальной формы, размерами 0,6х0,8 м, был выложен из плоских камней. Судя по отпечаткам дерева на глинянной обмазке, свод был сделан на каркасе из прутьев. На дне печи обнаружен слой золы толщиной 5–8 см. У входа в жилище лежала челюсть собаки. Находки керамики концентрировались, преимущественно, в придонной части. Исходя из этого, авторы раскопок датировали жилище скифским временем. Однако, принимая во внимание наличие фрагментов тюльпановидных сосудов с проколами под венчиком, а также обломок с нерасчлененным валиком на тулове (рис. 6,2–4), комплекс, вероятнее, следует отнести к чернолесско-жаботинскому времени. Подтверждает это и находка кремневого вкладыша серпа из раскопа IV (рис. 6,5). Такие предметы являются обычными для чернолесских комплексов: Григоровское городище (Смирнова 1983, рис. 6,4.6.10), Днестровка–Лука (Смирнова 1984, рис. 9,5.8), Непоротово (Крушельницька 1998, рис. 104,1–8) и др., в то время как в скифских памятниках Поднепровья достоверно пока не известны (Смирнова 2000а, 560). Если предложенная датировка жилища верна, то оно будет являться одним из наиболее западных чернолесских комплексов. Интересно, что Г.И. Смирнова, рассмотревшая недавно круглые постройки Западноподольской группы, пришла к выводу об отсутствии у них местных прототипов в предскифское время (Смирнова 2000, 89).

Два чернолесских погребения, впущенных в слой трипольского поселения в урочище *Вышнэва*

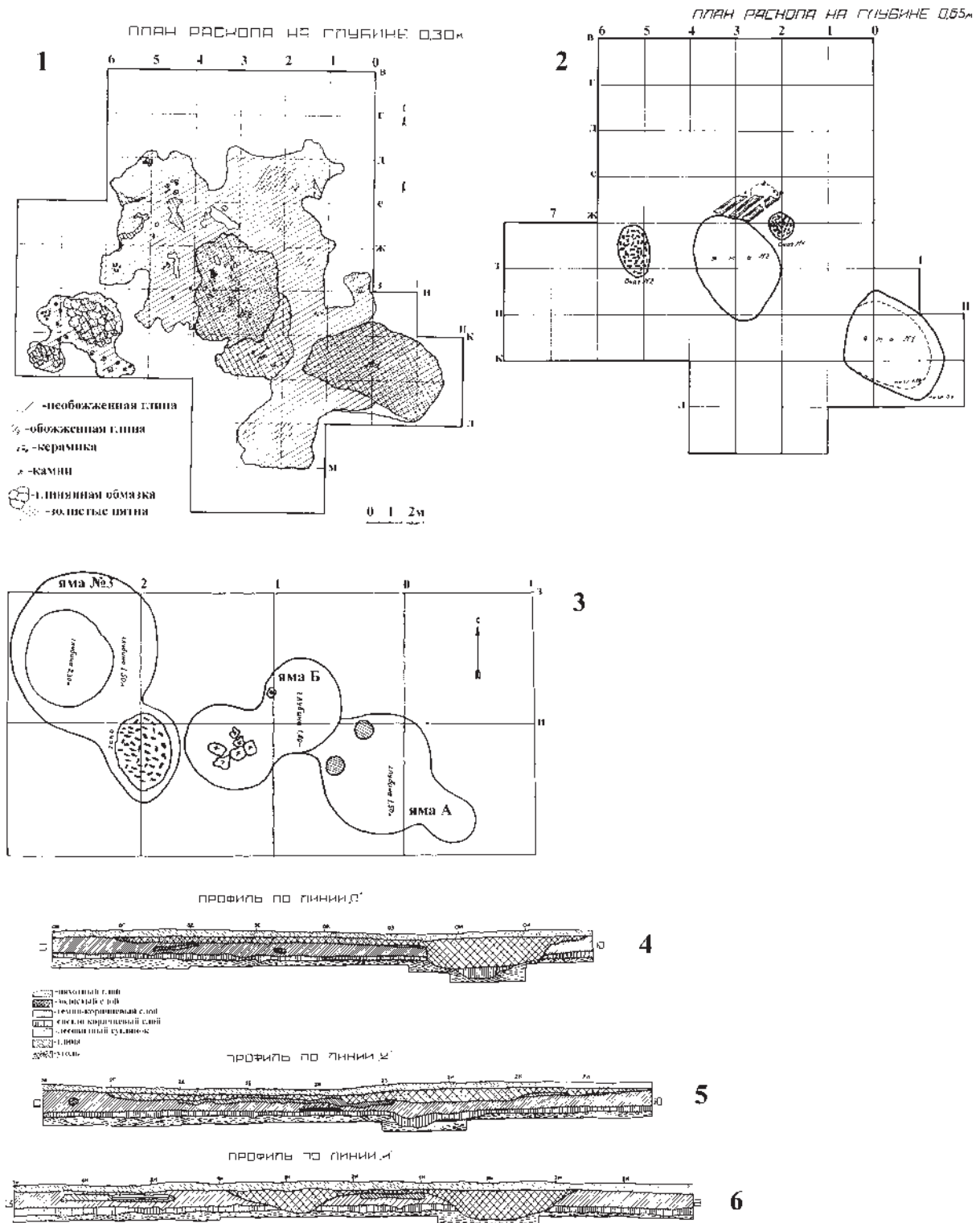

Рис. 4. Планы раскопа на предкифском поселении Ленковцы (по Мелюкова 1950).

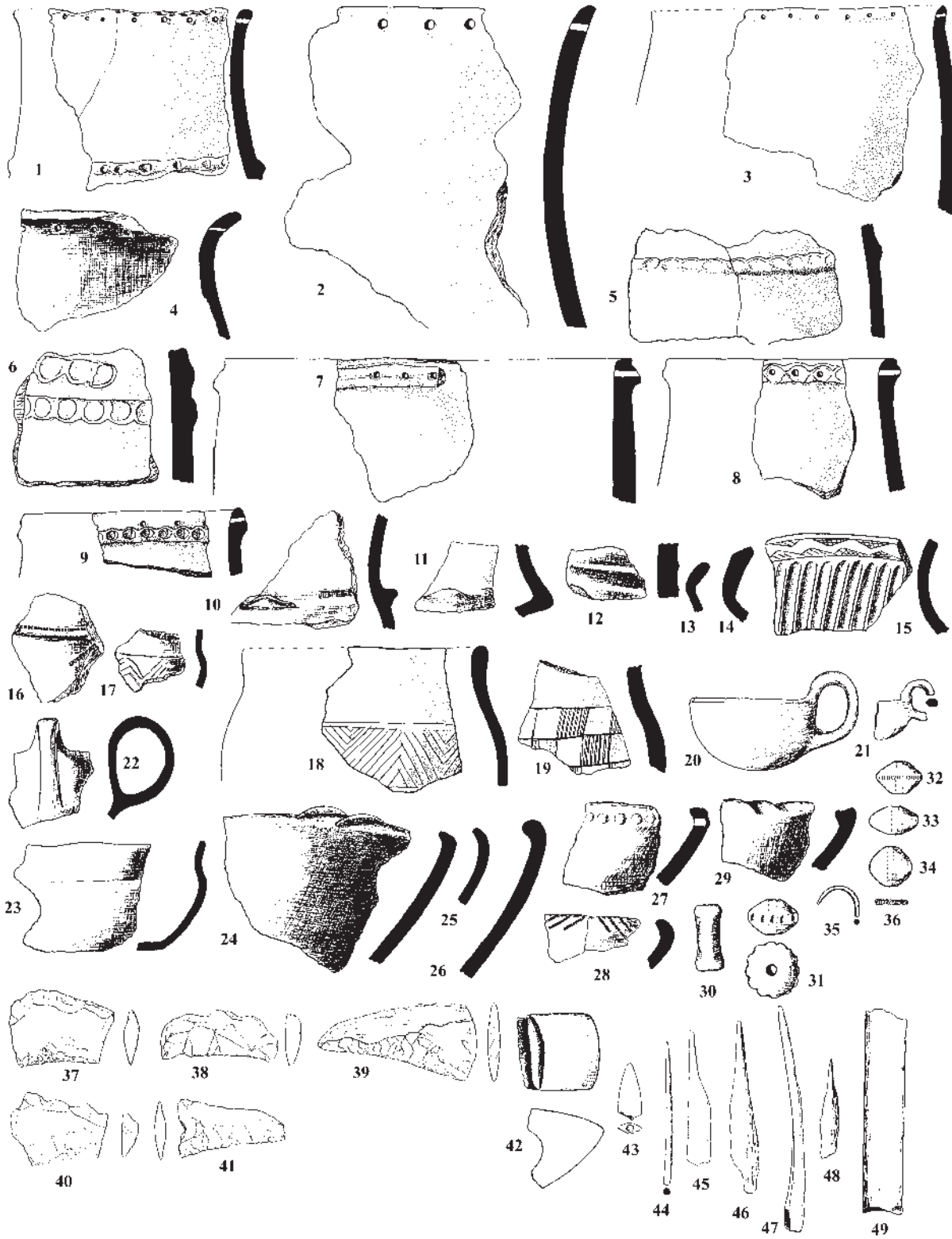

Рис. 5. Материалы с предскифского поселения Ленковцы (по Мелюкова 1950). 1-34 – керамика, 35, 36 – бронза, 37-42 – камень, 44-49 – кость.

возле с. Ломачинцы Сокирянского района, были обнаружены в 1979 г. Позднетрипольским отрядом Днестровской экспедиции под руководством Т.Г. Мовши³ (Мовша 1979, 11, рис. 7; 8,1; 9; 10).

Из-за однородности грунта контуры могил не прослежены. Скелет из погребения № 1 (рис. 6,6), обнаруженный на глубине 10–15 см, принадлежал ребенку. Он был положен в скорченном положении на боку головой на северо-запад, с руками возле лица. Вокруг него были камни от разрушенного захлада, у головы – канелированный черпак (рис. 6,7)⁴.

Скорченно, на левом боку, с руками перед лицом лежал костяк взрослого человека (видимо, женщины) и в погребении № 2. Ориентированный головой на северо-запад, он находился среди каменной конструкции из трех – четырех рядов мелких и средних камней. Череп перекрыт крупным камнем, инвентарь отсутствовал (рис. 6,8,9). Учитывая наличие на поверхности указанной местности большого числа вывернутых при вспашке камней, Т.Г. Мовша предположила наличие здесь целого грунтового могильника с каменными захладами.

Скорченный обряд погребения является господствующим в **чернолесской культуре** Поднепровья. Немногие трупосожжения в урнах, встреченные в курганах 6 и 8 возле Луки-Врублевцевой (Шовкопляс, Максимов 1952, 102.103; Шовкопляс 1956, 37), 1 в Днестровке-Луке (Смирнова 1984, 55) схожи с голиградскими. При этом, скорченные костяки хоронились как в курганах (насыпи 1–8 в Луке-Врублевцевой (Шовкопляс 1952, 6–8; Шовкопляс, Максимов 1952, 90–101; Шовкопляс 1956, 34.35), 1 в Днестровке-Луке (Смирнова 1984, 55), так и в грунтовых могилах, (часто с каменными захладами): Бернашевский могильник, погребения 22, 26, 33, 38, 40 и др. (Гуцал А.Ф. 1993, 53; 1998, 34; Гуцал В.А. 2006, рис. 5,6). Известны скорченные или на боку захоронения в ямах на поселениях: Непоротово (Крушельницкая 1998, рис. 18,1), Большая Слободка (Гуцал, Мегей 2005, 67–70, рис. 1,2). Встречаются и вытянутые погребенные (Гуцал 1996, 22; 1998, 34).

Чернолесское поселение, тянущееся по склону правого берега безымянного ручья, открыто в 1947 г. Б.А. Тимощуком в урочище *Гамарня* возле с. Коновки на Кельменеччине (Тимошук 1947, 15.16.19). Керамика отсюда, хранящаяся в ЧКМ (рис. 6,10–20), представлена обломками тюльпано-

видных горшков с проколами под венчиком, корчаг (иногда с выступами), мисками с загнутым внутрь краем (некоторые – с косыми налепами). Здесь же находятся и кремневые вкладыши серпов из разведки 1963 г. (рис. 6,21.22), происходящие из Днестровки (урочище *Шенум*) и Непоротово (урочище *Дубова*). Видимо, к предскифскому времени следует относить костяные ложило и проколку из ЧКМ (рис. 6,23.25), приписанные соответственно из сс. Оселивка и Бурдюг Кельменецкого р-на (разведки 1964–1965 гг.). Интересен предмет с восемью выступами (по четыре – в два ряда), выполненный на трубчатой кости, из разведки 1963 г. в Комарове (рис. 6,24).

В VII–VI вв. до н.э. ситуация в регионе резко меняется. Продвижение кочевых скифских племен в Северное Причерноморье привело к массовому перениманию местными племенами целого ряда элементов их материальной культуры, являющихся передовыми для своего времени (в первую очередь, предметов вооружения, снаряжения коня, искусства звериного стиля), и формированию в Лесостепи Восточной Европы скифоидной культуры. В западной ее части выделяется **Западноподольская группа памятников**, охватывающая своей южной частью и Северную Буковину.

В отличие от памятников предскифского времени (городища в Рудковцах и Григоровке), **городища скифского времени** на Среднем Днестре остались почти неизученными. Хотя факт их наличия здесь, безусловно, сомнению не подлежит. Территория многих из них была обжита и в более поздние периоды. Так, валы мысового древнерусского *Недобоевского городища* (рис. 8,1) сооружены на месте укреплений раннескифского времени (Тимошук 1982, 114,115). Такие валы скифского времени (рис. 8,2) зафиксированы на городище IX в. около с. Белая Кицманского района (Тимошук 1976, 147; 1982, 155.156, рис. 68). Скифский слой, из которого происходит фрагмент горшка с защитным валиком, выявлен и на *Молодиевском городище* (рис. 7) с укреплениями XII–XIII и XVII вв. Здесь, при исследовании вала № 2, выявлены остатки укреплений раннего железного века в виде насыпи мелких камней и обожженной глины шириной 1,8 и толщиной 0,1 м и рва глубиной 2 и шириной 3,5 м (Тимошук 1976, 11, рис. 1; 2; 29; 1982, 100–103.108, рис. 55). Подобная керамика происходит и с древнерусского городища в урочище Хом у Василева, первоначаль-

³ Позже, Б.А. Тимошук зафиксировал здесь и следы поселения раннего железного века (Тимошук 1981, 4).

⁴ В монографии Л.И. Крушельницкой к этому погребению приписывается еще и кубок, не упомянутый в тексте отчета (Крушельницкая 1998, 137, рис. 86,1–3).

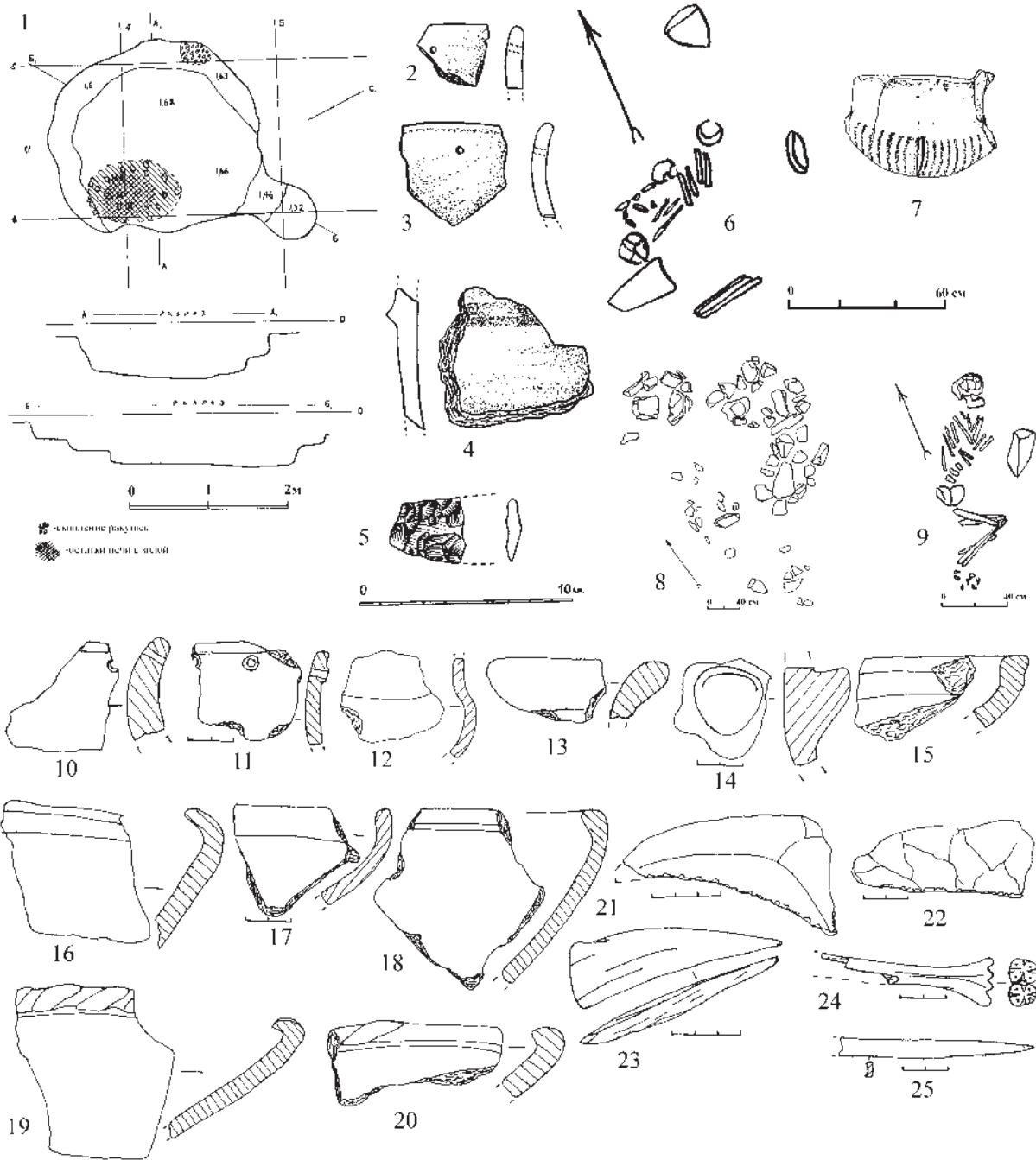

Рис. 6. Материалы предскифского времени. 1–5 –Перебыковцы (по Черныш, Савич 1955); 6–9 –Ломачинцы (6–9 – по Мовша 1979); 10–20 –Коновка; 21 – Днестровка; 22 – Непоротово; 23 – Оселивка; 24 – Комарово; 25 – Бурдюг. 2–4, 7, 10–20 – керамика; 5, 21, 22 – кремь; 23–25 – кость.

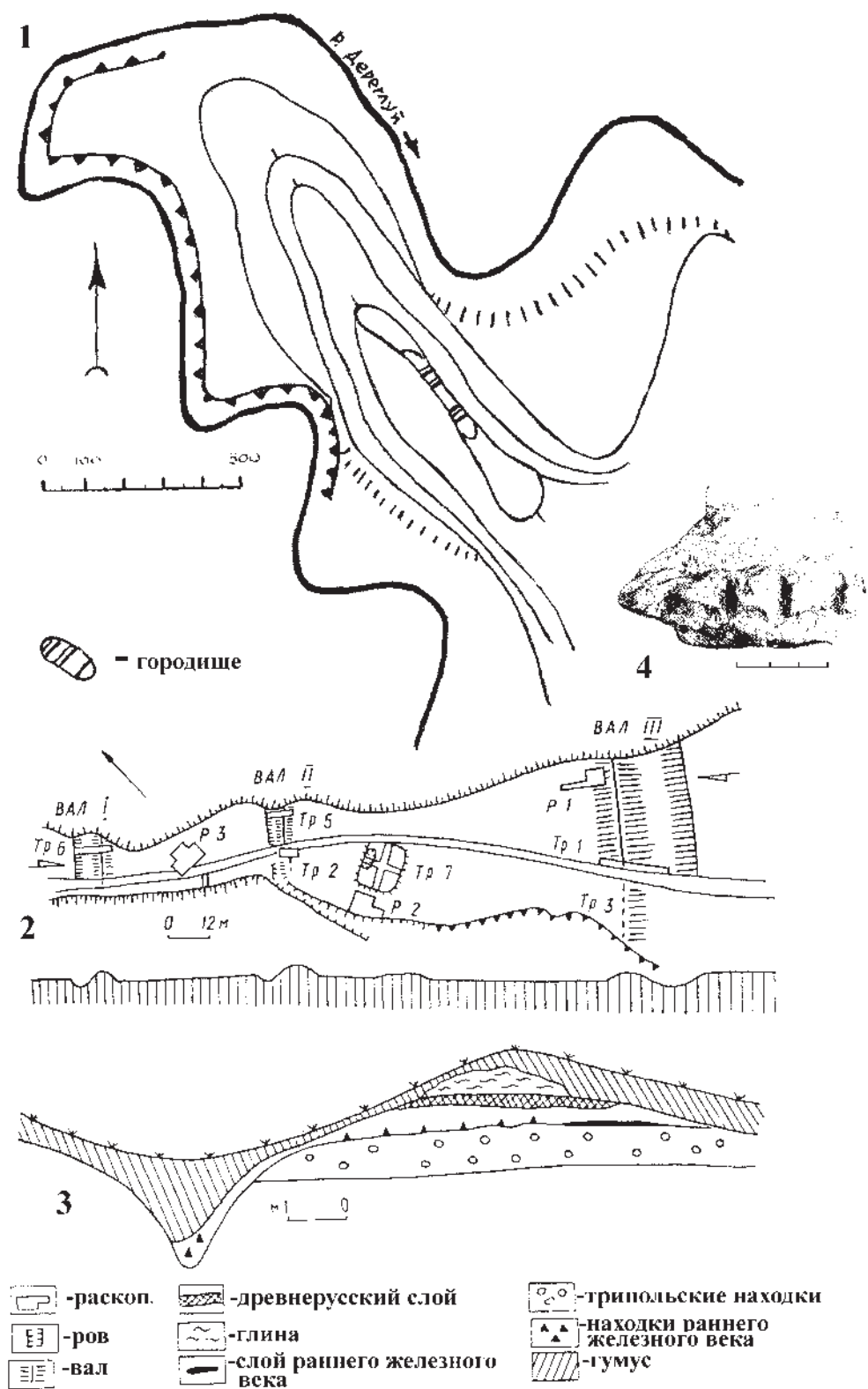

Рис. 7. Городище возле с. Молодия (по Тимошук 1976). 1, 2 – план; 3 – разрез вала и рва; 4 – керамика.

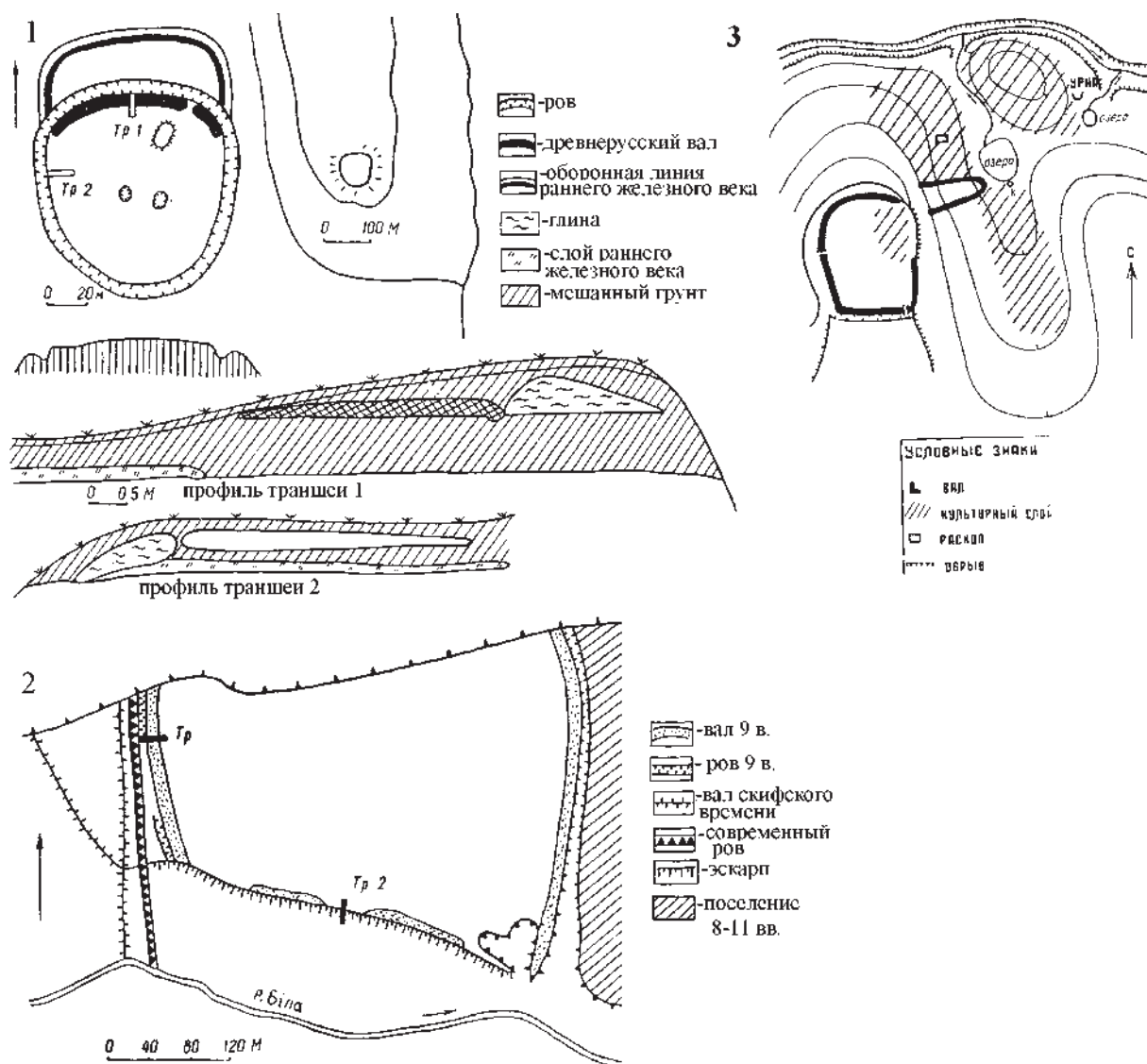

Рис. 8. Планы городищ. 1 – Беля; 2 – Недобоевцы (1, 2 – по Тимошук 1982); 3 – Рухотин–Корнешты (по Русанова, Тимошук 1981).

но, на основании ее наличия, отнесенного Б.А. Тимошуком к IV–III вв. до н.э. (Тимошук 1974, 26.27; 1982, 148–150). В местности *Хринова* расположены укрепления скифского периода у с. Ржавинцы на Заставнянщине (рис. 14,6), окружающие площадь 400 на 400 м (Винокур та ін. 1984, 131; Тимошук 1990, рис. 21).

Крайне фрагментарными являются данные о двух *городищах* скифского времени у Рухотина на Хотинщине, где в 1967 и 1971 гг. проводились столь же мало освещенные исследования (Тимошук

1949а, 73; 1970, 19.20; 1972а, 64.65; 1974, 23.24)⁵. Значительными размерами отличаются оборонительные сооружения одного из них, находящегося в урочище *Турецкие валы* к востоку от села. Укрепления овальной в плане формы, диаметром около 500 м и площадью более 20 га, обнесены валами высотой 6–8 м и шириной 22–35 м со рвами шириной 12–20 м, которые в юго-западной части наполнены водой из источников. Здесь, с юго-западной стороны, существует и въезд шириной 6 м. Городище, внутренняя площадь которого не имела сплошной застройки,

⁵ Исследования не отражены в отчетах соответствующих лет из НА ИА НАНУ, материалы раскопок в фондах ЧКМ не выявлены.

но зато была обеспечена ключевой водой, представляло собой довольно удобное убежище для окрестного населения и их стад. При раскопках, в западной части городища обнаружены остатки полуземлянок с углубленной нижней частью и глиняными стенами каркасной конструкции. Жилища с подобными стенами выявлены и на поселениях Иванэ-Пустэ и Залесье (Ганіна 1965, 106, 110; 1984, 69). Из находок упоминаются горшки с налепными валиками и чернолощенные миски.

Второе, мысовое городище (рис. 8,3) значительно меньше. Расположенное в урочище *Замчище* на юг от Рухотина недалеко от с. Корнешты, оно занимает площадку 230x170 м. Кроме этого, с напольной стороны мыса проходит три дополнительных вала. Установлено, что при сооружении валов, имеющих прожженную сердцевину, широко использовался камень, которым выкладывали поверхность земли до насыпания вала и склоны самой насыпи.

Городище *Поливанов Яр* (рис. 9) открыто при работах экспедиции Т.С. Пассек на одноименном трипольском селище возле села Комарово на Кельменеччине. Мысовое поселение (150x450 м) в урочище *Воловий Язык* или *Ступник* возле балки Поливанового Яра, возвышающееся над старым руслом Днестра на высоту более 100 м, с напольной стороны было укреплено двумя оборонными линиями, состоящими из вала со рвом. Ров более массивной внутренней линии был выкопан еще в трипольское время, его перекрывала трипольская землянка № 13. В скифское время он был усилен валом, сохранившимся на высоту до 1 м. Его насыпь состояла из пережженной глины и известняка, внешняя поверхность облицована той же прожженной глиной и камнем. Ширина и глубина рва – 2,5–3 м. С напольной стороны этих укреплений обнаружены второй меньший земляной вал и ров (на планах отчета не обозначены). Незначительность культурного слоя на городище дала основание относить его к непосредственно обитаемым убежищам, где пряталось население окрестных селищ во время опасности (Пассек 1948, 38,39; 1949, 16, табл. 8;9;39; 1950, 4,24,25; 1951,19,28,29; Мелюкова 1958,32).

Значительно чаще на Буковине встречаются селища скифского времени с разнообразными постройками. Одна из построек, представляющая собой разрушенное жилище, обнаружена в 1981 г. Славянской экспедицией АН СССР (Русанова, Тимошук 1981, 15, рис. 51) в урочище *Злодиев Яр* возле Пригородка Хотинского района (рис. 10,1). От постройки квадратной или прямоугольной формы (длина

сохранившейся стенки – около 3 м) глубиной 20 см уцелела восточная часть с завалом камней и углем от печки. Найден черепок с налепным валиком. На Среднем Днестре прямоугольные жилища с коридором и остатками очагов в углах (правда, более углубленные в землю) выявлены на раннескифском поселении Сухостав (Свешников 1957, рис. 1;3).

Прямоугольная полуземлянка, углубленная на 0,8 м (0,5 м от древней поверхности), открыта Б.А. Тимошук при исследовании древнерусского *Перебыковского городища* (Тимошук 1969а, 6)⁶. Размещенная в восточной части мыса, она имела длину 2 м. В северо-восточном углу располагались остатки очага в виде вымостки плоских обожженных камней диаметром 1 м. На земляном полу жилища зафиксированы угли, кремневые отщепы, обломки керамики. Исходя из ее особенностей, автор раскопок отнес объект к раннескифскому периоду. Одновременно, он предположил что к этому же времени принадлежал дугоподобный земляной вал, расположенный в 300 м от древнерусских укреплений. Судя по всему, прямоугольная форма жилищ имеет на Среднем Днестре еще предскифские корни. Сооружения такой формы известны, например, на Рудковецком городище (Гуцал 2005, 41, рис. 1,2,3)

Древнерусский слой перекрывал скифские наслоения в Мыткове (рис. 10,2) (Тимошук 1954, рис. 2). Фрагменты характерных горшков с налепными валиками из сборов 1960 г. (фонды ЧКМ) свидетельствуют о наличии синхронного поселения в Погореловке (*Мартыновке*) Заставновского района (рис. 10,3–5). Подобный обломок (рис. 10,6) известен из с. Берново, Кельменецкого района. В то же время, находки фрагментов со сплошными валиками (иногда с ногтевыми вдавлениями (рис. 10,8–10)), свидетельствуют о наличии здесь селища эпохи бронзы. К этому же времени относятся изделия отсюда с рифлением на суставах костей животных (рис. 10,11–13), интерпретируемые обычно как средства обработки кож, керамики либо растительных волокон при изготовлении ткани (Кривцова-Гракова 1955, 131; Погребова 1960, 87, рис. 7,5; Мелюкова 1961; 22–24, рис. 8,5; Шарафутдинова 1968, 30; Лесков 1970, 39, рис. 23; Отрощенко 1973, 77–79, рис. 1,1–3; Черняков 1985, 86, рис. 40,1–5). В Правобережном Среднем Поднестровье аналогичные предметы, отнесенные А.И. Мелюковой к белогрудовскому времени, происходят из Кельменцев и Оселивки (Мелюкова 1958, рис. 1,15.16), с поселений культуры ноа Магала (Смирнова 1969а, рис. 7,20) и Стецивка (Крушельницька 2006, рис.

⁶ Чертежи объекта не сохранились.

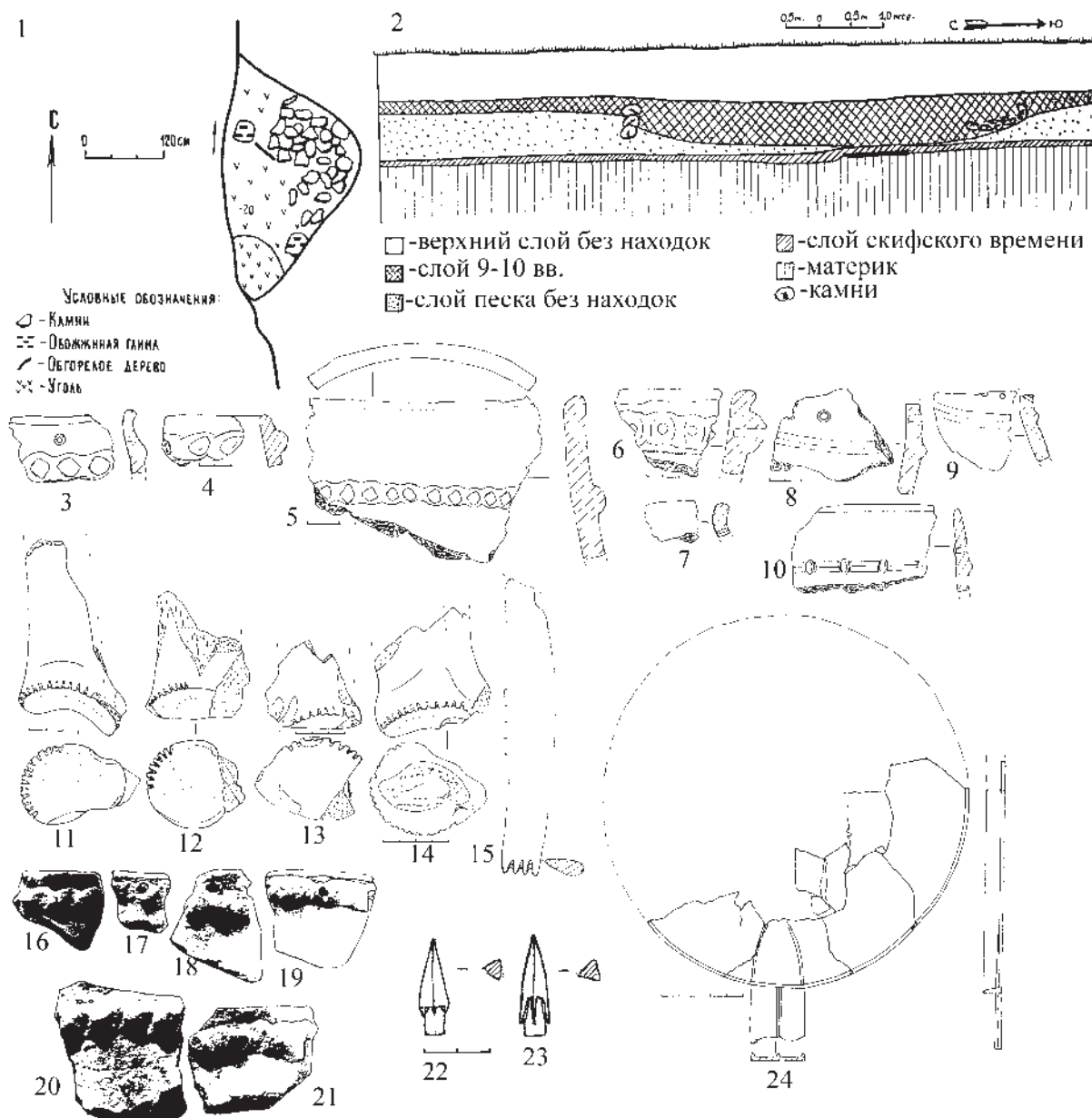

Рис. 10. Находки эпох бронзы и раннего железного века. 1 – Пригородок (по Русанова, Тимошук 1981); 2 – Мытков (по Тимошук 1954); 3–5 – Мартыновка; 6–13 – Берново; 14, 15 – Круглик; 16–21 – Стецева (по Клапчук 1971); 22–24 – Верхние Пановцы, курган; 3–10, 16–21 – керамика; 11–15 – кость; 22–24 – бронза.

25.5–8), а также из урочища *Виноградник* под Кругликом (рис. 10,14), где тоже зафиксированно поселение эпохи бронзы (Тимошук 1957, 1,2). Отсюда известен и четырехзубчатый артефакт из ребра животного (рис. 10,15), использовавшийся видимо в ткачестве (Лесков 1970, 39, рис. 36,23.24). Следы поселений скифского времени упоминаются также в урочищах *Щовб* у с. Ожево (Черныш 1959, 2), *Скалки* вблизи Ивановцев, *Возле церкви* в Непоротово (Тимошук 1963, 2,3).

Западная граница распространения памятников Западноподольской группы не заканчивается в Черновицкой области, а уходит дальше – на Ивано-Франковское Прикарпатье. Тут, на соседней с Буковиной Снятинщине, в с. Стецева местным археологом М. Клапчуком (Клапчук 1971, 5, табл. 3) открыто поселение с характерной керамикой (рис. 10,16–21). Раннескифские же погребения в Братышеве и Городнице выдвинуты еще дальше на запад (Sulimirski 1936, fig. 2).

В раннескифское время характерной чертой погребального обряда в Среднем Поднестровье были захоронения в курганах с каменной крепидой. Ряд таких могил, раскопанных Б.А. Тимощуком в Новоселке Кицманского, Ивановцах и Оселивке Кельменецкого, Викне Заставновского, Белоусовке Сокирянского районов, описаны в литературе также довольно поверхностно.

В Оселивке могильник из шести насыпей размещался компактной группой на высоком плато правого берега Днестра, в урочище «Над стеной» в 1 км на северо-запад от села. Восточные насыпи высотой до 1 м и диаметром до 8–10 м не распаивались. После предварительной шурфовки, были исследованы два кургана в разрушаемой западной части некрополя (Тимошук 1950, 5–7, мал. 4; 1950а, 90–92.95; 1956, 207.208).

Курган № 1 – крайний с запада, имевший высоту 0,25 м и выделявшийся на поверхности россыпью мелких камней диаметром до 8 м, был исследован со вскрытием насыпи по 4 секторам. Верхняя ее часть на глубину 0,15–0,20 м состояла из чернозема с камнями. После снятия этого слоя обнаружена крепида диаметром до 7 м (рис. 11). Под ее центром выявлена погребальная площадка размерами 2 x 1,1 м, выложенная из плоских плит. Камни над ней носили следы сильного воздействия огня, между ними попадался мелкий уголь. В центре вымостки обнаружены остатки трупосожжения в виде скопления кальцинированных костей. На восток от нее зафиксированы три ямы (вероятно – столбовые) диаметром 15 и глубиной 20 см с мелким камнем в середине (возможно – от забутовки). Основу могильной конструкции составляло углубленное в древний горизонт кольцо из крупных камней диаметром 7 и толщиной 0,5 м. Судя по рисунку, еще одна подобная выкладка, диаметром до 3 м, окружала погребальную площадку. Указанные *каменные круги* составляют *характерную особенность* могильных конструкций Западноподольской группы. Интересно наличие в насыпи кургана костей и обломков керамики культуры эпохи «полей погребений», что, очевидно, говорит о том, что это место было культовым в более позднее время.

Курган № 2, расположенный в 10 м на восток от первого и едва выступавший над поверхностью, тоже выделялся россыпью мелких камней. Камни насыпи активно вынимались населением для хозяйственных нужд. В центре, на глубине 0,30 м, обнаружена углубленная в землю обожженная площадка овальной формы размерами 2x1,4 м⁷. Тут сосредотачивались пережженные камни, угли, зола. В южной части могильной конструкции сохранился фрагмент каменного кромлеха из больших камней. Вещей в кургане не найдено.

Как видим, в Оселивке погребение совершалось последствием сожжения покойного на площадке, ограниченной каменным кромлехом. Курган 1 при этом имел еще и какие-то деревянные конструкции. Они могут широко датироваться всем раннескифским временем.

Курган в Викне (Окне) также располагался на высоком плато в 0,5 км на восток от ж/д станции Викно Буковины⁸. Распаханная насыпь, структура которой не описана, имела высоту 0,7 м при диаметре 25–30 м и снималась по секторам (Тимошук 1960, 4.6, рис. 5,6). В ней встречены фрагменты лепной скифской керамики, угольки, кусочки глиняной обмазки. На уровне древней поверхности в южной части кургана найдены «побитые глиняные горшки с черной лощеной поверхностью и лощеные миски с загнутым в середину венчиком» а также бронзовые два наконечника стрел и обломки зеркала. Курган разрушен впущенным черняховским крематорием (Тимошук, Винокур 1964) в виде печки с предпочной ямой и дополнительными углублениями по бокам (рис. 11,2).

О погребальной камере нет никакой определенной информации⁹. Не исключено, что какие-то ее элементы могли быть использованы при сооружении упомянутого крематория. Во всяком случае, предпочная яма с четырьмя углублениями с камнями по углам сильно напоминает раннескифские могильные площадки с четырьмя боковыми ямами (иногда – с каменной забутовкой), известные, например, в курганах в Шидловцах (Ossowski 1891, 76, fig. 78), 1 близ Ладычина (Sulimirski 1936, 85–87, fig. 22), 3 у Шутновцев (Гуцал 2006, рис. 1), 1 и

⁷ План кургана не сохранился.

⁸ Описание памятника дается по отчету из НА ИА НАНУ. План кургана не сохранился. Материалы из него в фондах ЧКМ найти не удалось. Рисунки сосудов оттуда приведены в работе Г.И. Смирновой (Смирнова 2006, рис. 6,6.7).

⁹ В монографии 1974 г. (Тимошук 1974, 72) Б.А. Тимошук, врез с данными отчета, неожиданно сообщает о наличие в центре кургана овальной погребальной ямы диаметром 1,3 и глубиной 0,8 м, на дне которой были пережженные человеческие кости и угли. Рядом, на древней поверхности, якобы размещался жертвенник в виде прямоугольной плиты размерами 60 на 40 см, на котором лежали пережженные кости животных и угли. Тут же были побитые чернолощенные глиняные посуды и двулопастные бронзовые наконечники стрел.

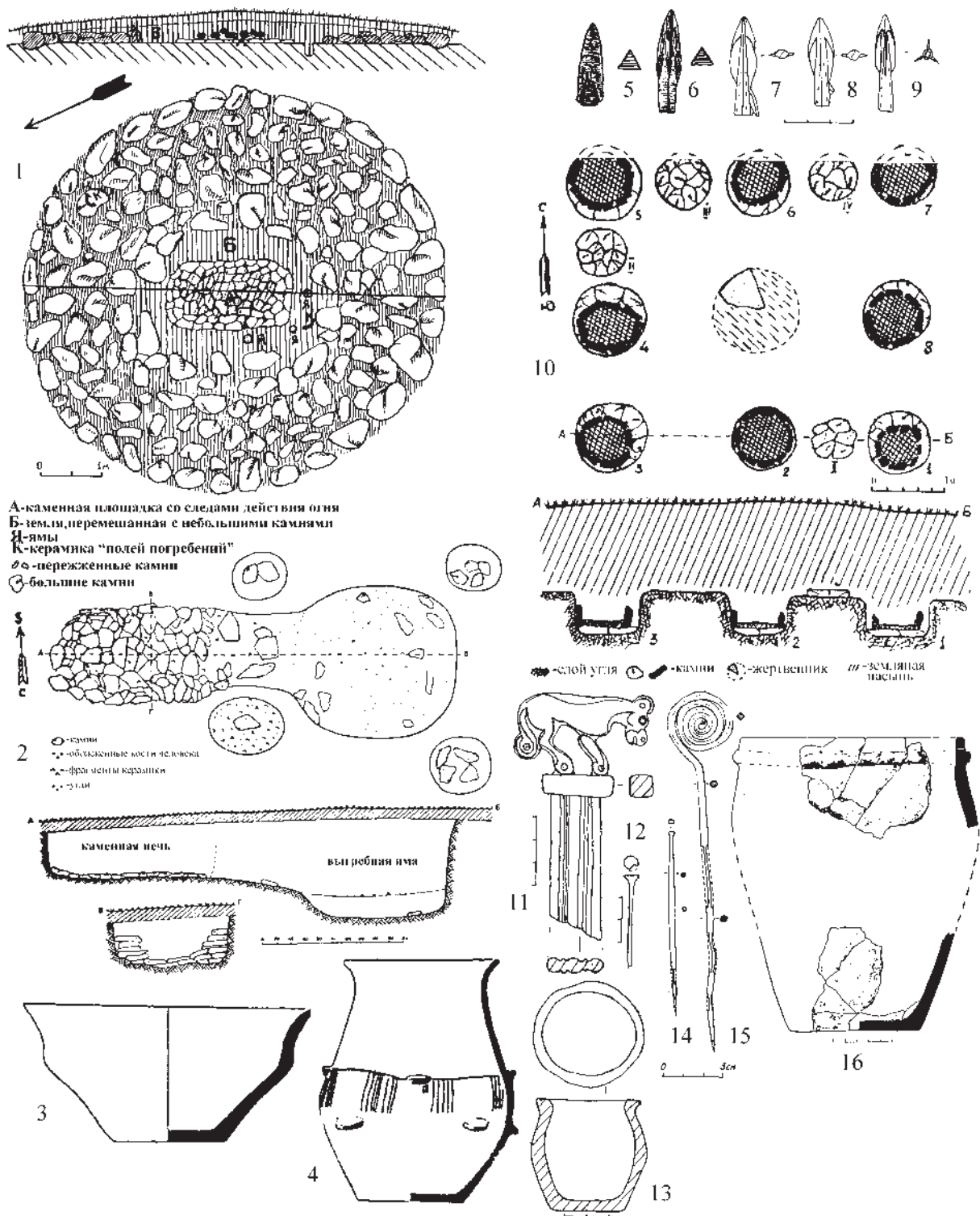

Рис. 11. Погребения скифского времени и находки из них. 1 – Оселивка, курган 1 (по Тимошук 1950); 2 – черняховский крематорий из кургана в Викнах; 3, 4 – Викна, курган (2–4 – по Тимошук 1963); 7–9 – Лоевцы; 10, 11 – Новоселка, курган 2 (10 – по Ключевий 1965); 12, 13 – Ивановцы, курган 2; 14, 15 – Ивановцы, курган 4; 16 – Ивановцы, курган 3 (14–16 – по Щукин 1989). 5–9, 11, 12, 14, 15 – бронза; 3, 4, 13, 16 – керамика.

2 около Колодиевки (Гуцал и др. 2005, 118), 3 возле Сокольца (Бандрівський, Захар'єв 2002, рис. 4).

Наконечники стрел из комплекса (рис. 11,5,6) относятся к типичным келермесским образцам. Наборы этого времени часто встречаются в могилах Западноподольской группы: курганы у Ленковцев (Мелюкова 1953, рис. 28,1), 8 в Колодиевке (Гуцал и др. 2006, рис. 2.1–4), 3 возле Шутновцев (Гуцал 2006, рис. 4,1–8), 2 около Долинян, 1 рядом с Кругликом (Смирнова 1968, рис. 3; 1977, рис. 4.1–6,9–11), близ Городницы и Сапогова (Sulimirski 1936, tab. VIII–IX) и много других. Похожий облик имеют и предметы из окрестностей Лоевцев (рис. 11,7–9; фонды НМИУ¹⁰) (Сецинский 1901, 300). Известны такие комплексы и со Среднего Приднепровья: Репяховатая Могила (Ильинская и др. 1980, рис. 6,1–31), курганы 38 у Гуляй-Города и 406 возле Журовки в бассейне Тясмина (Ильинская 1975, табл. II,2–20; VIII,8–14); Старшая Могила, курганы 14, 15, 17 в урочище Стайкин Верх под Аксютинцами в Посулье (Ильинская 1968, табл. II,2–39). Найдены они и на Нижнем Дону: курганы 8 группы Высочино 8, 24 у Новоалександровки, 2 могильника Бушуйка (Беспалый, Парусимов 1991, рис. 3,3,4; 4,9.16; 6,12–19) и на Северном Кавказе: Келермесский (Галанина 1997, рис. 27, 1–44), Нарганский (Батчаев 1985, табл. 27,30–33), Краснознаменский (Петренко 2006, табл. 54), Новозавединский (Петренко и др. 2006, рис. 3) могильники.

Из *керамической посуды* в кургане были корчага с выступами, миска с отогнутыми краями (Смирнова 2006, рис. 6,6.7), и миска с загнутым венчиком. Ничего определенного нельзя сказать о *бронзовом зеркале*, *представленном в облаках*. Комплекс может быть датирован серединой VII – серединой VI в. до н.э.

На север от села, на высоком пригорке, невдалеке от урочища *Викнына*, располагались насыпи возле с. Новоселка, исследованные в 1963 г. (Ключевой 1965, 38.39; Тимошук 1969, 23.24; 1969, 34.35; 1970, 21; 1974, 89–91)¹¹.

Курган 1 (западный) имел высоту 1 м при диаметре 40 м. Насыпь состояла из чернозема с пережженными камнями. На уровне древней поверхности обнаружена яма глубиной 0,5 и диаметром 1 м, со стенами и дном обложенными каменными

плитами. Она была заполнена обожженными камнями, золой, углем. Встречены здесь и фрагменты керамики эпохи раннего железа. Пережженный слой лежал и вокруг ямы, образуя пятно диаметром до 9 м. Б.А. Тимошук интерпретировал памятник, как «чашу для ритуального «вечного» огня».

Курган 2 удален на 30 м на восток от первого. Под его насыпью выявлены остатки сожженного деревянного склепа (рис. 11,10), названного автором раскопок «жертвенником». Судить о его размерах можно по девяти столбовым ямам (по Б.А. Тимошуку – ямы для ритуальных огней), ограждавших подквадратную площадь размерами 5,3x4,7 м. Их диаметр 0,6–0,9, а глубина – 0,6–0,7 м, дно и стены обставлены соответственно опорными и забутовочными камнями. От столбов сохранился слой угля и золы толщиной 3–5 см. Иногда в заполнении указанных объектов попадались кальцинированные кости. В яме 6 лежала ручка бронзового зеркала с изображением пантеры (рис. 11,11), в яме 2 – кремневый треугольный наконечник стрелы; в яме 4 – обломок чернолощеного сосуда. Между упомянутыми ямами распложены 4 округлые каменные вымостки. В центре погребальной камеры лежала разбитая каменная плита диаметром 1,2 и толщиной 11 см. По реалистичности изображения фигурки пантеры, ручка зеркала из погребения¹² близка к зеркалам из раннескифского кургана IV в Братышеве, роменских курганов, Крым-Гиреевской степи (Sulimirski 1936, tab. V,2a; Кузнецова 2002, табл. 77; 78). В то же время, предмет из Новоселки имеет гладкую, а не рифленную подставку фигуры. Другие изделия с такой подставкой отличаются уже значительной схематизацией фигуры хищника (Кузнецова 2002, 155). Видимо, наиболее верным будет отнесение описанного кургана к раннескифскому (а в его пределах – к келермесскому) времени.

Могильник в Ивановцах, включающий 128 курганов (Щукин 1989, 107), является, как кажется, самым большим на Среднем Днестре. В 1963 г. две насыпи были раскопаны в группе на восточной окраине села возле дороги идущей в Селище. Здесь, на площади 500 на 300 м Б.А. Тимошуком было насчитано тогда до 60 возвышений высотой до 1 м и диаметром до 10–12 м (Тимошук 1963, 1.2).

¹⁰ Пользуясь случаем, выражаю признательность сотрудникам музея С.В. Диденко, О.А. Пуклиной, М.А. Хомчик за содействие в работе с материалами.

¹¹ Раскопки не получили отражения в отчетной документации, план одного из сооружений известен из статьи Б. Ключевой (Ключевой 1965, 38.39).

¹² Интересно, что на ней не видно следов воздействия огня. В недавно раскопанном кургане 1 у Иванковцев в Позбручье (Гуцал и др. 2008), также содержавшего мощный прожженный слой, бронзовые наконечники стрел оплавившись, а чернолощеноя посуда приобрела красноватый цвет. Остается предположить, что либо указанная вещь была закрыта от огня завалом, либо она положена в яму позже.

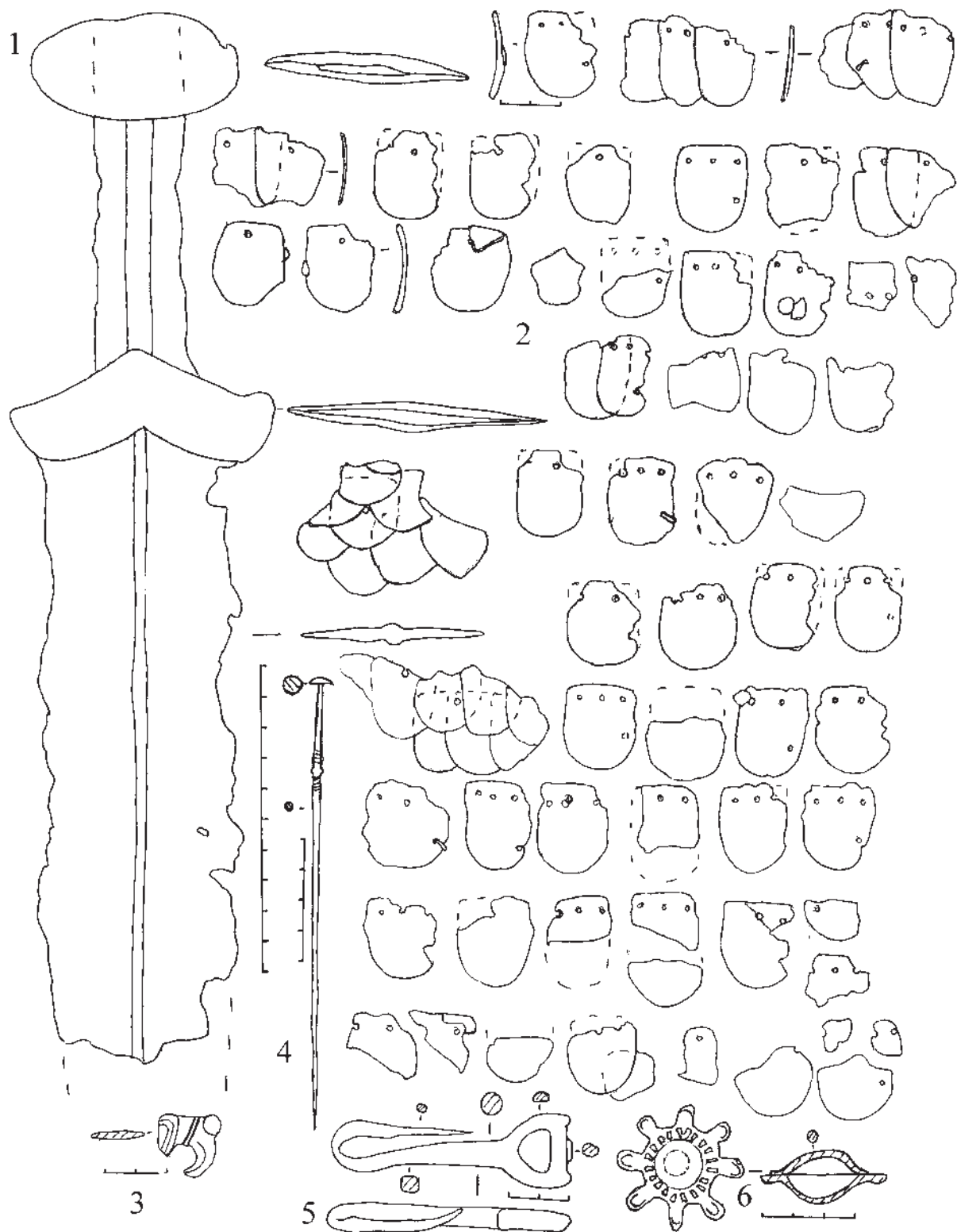

Рис. 12. Случайные находки со Среднего Приднестровья. 1 – Нелипивцы; 2, 4 – Среднее Поднестровье; 3 – Вилы Яружские; 5 – ЧКМ; 6 – Круглик. 1, 2 – железо; 3–6 – бронза.

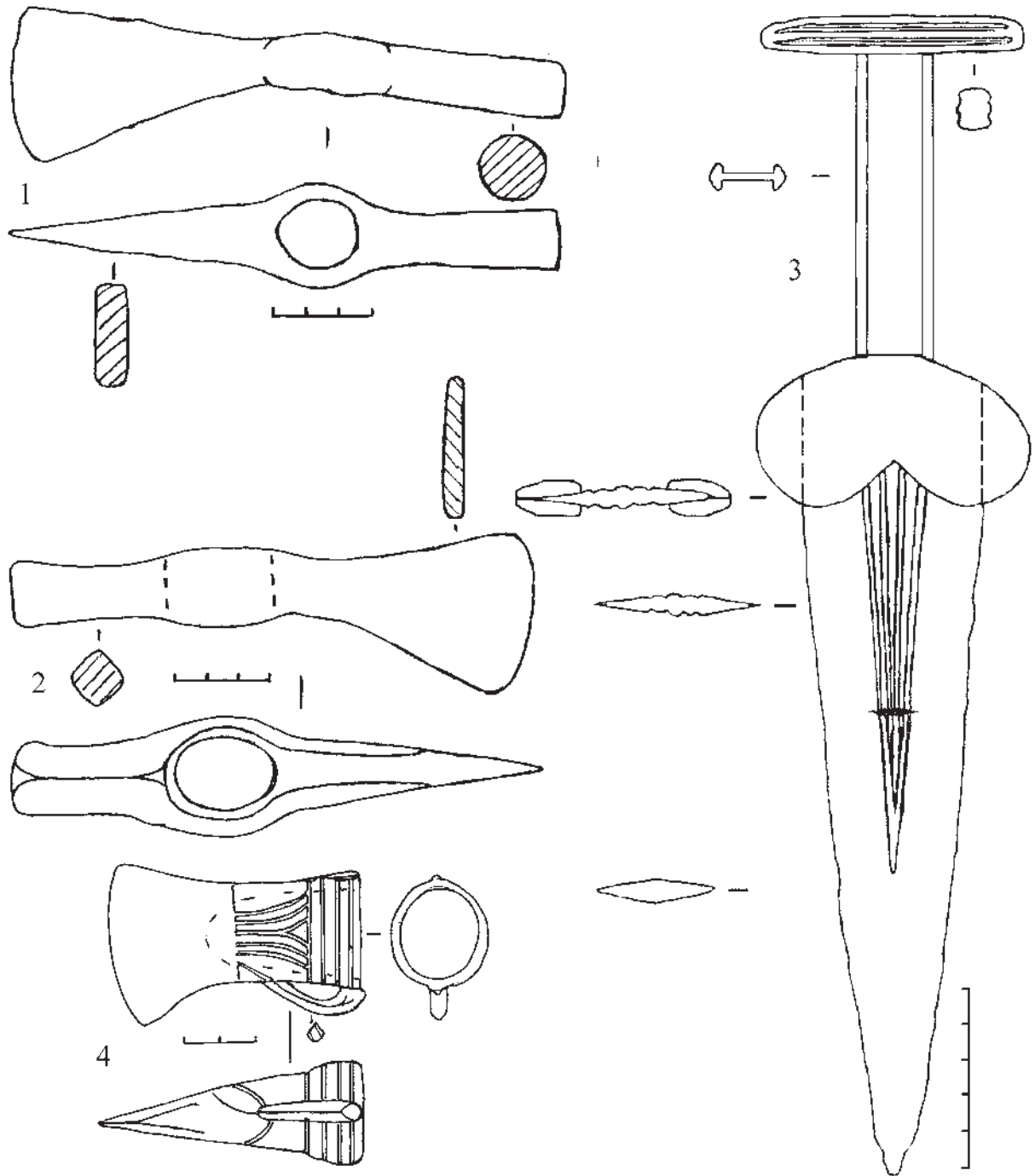

Рис. 13. Оружие со Среднего Поднестровья. 1 – Сатанов; 2 – Ленковцы, курган; 3 – Сокиринцы.

Курган 1, отдаленный на 100 м вправо от дороги Ивановцы–Сокиряны и имевший высоту 0,5 м при диаметре 8 м, исследовался по секторам. Насыпь имела серый цвет с золистыми включениями¹³. С

глубины 10 см начали попадаться угли. В ее северо-западном секторе найдены три обломка кремневых отщепов. С глубины 50 см начался желтый глиняный материковый грунт. Никаких объектов здесь не выявлено. Точно датировать комплекс сложно.

¹³ Чертежи ивановских комплексов отсутствуют.

Курган 2 также располагался справа от упомянутой дороги, в северной части могильника. Его высота и диаметр были аналогичными с первым. Половина насыпи уничтожена придорожной канавой. В насыпи, имеющей золистый цвет, часто попадались угли. Под северной полкой кургана обнаружена прямоугольная яма размерами 2 на 1 м и глубиной от уровня древней поверхности 0,5 м. Ее углы скруглены, стены суживаются книзу. Дно ямы, ориентированной длинной осью по линии запад–восток, покрыто слоем древесного угля; в центре обнаружены миниатюрная бронзовая булавка с звездчатой головкой, глиняный сосудик и обломки лепной посуды (рис. 11,12.13). Заполнение ямы составлял чернозем, поверх него лежали камни, расположенные в форме площадки размером 2 на 1 м. Автор раскопок интерпретировал памятник как зольник-святилище (Тимошук 1974). По форме булавки, близкой к экземплярам первого варианта пятого типа, по классификации В.Г. Петренко, наиболее характерным для Западноподольской группы (Петренко 1978, 12, табл. 4,1–3), комплекс может быть отнесен к раннескифскому времени.

В 1981 г. еще один курган на могильнике был раскопан Г.И. Смирновой (Щукин 1989, 107). В 1983 г. исследования некрополя продолжила Славяно-сарматская экспедиция М.Б. Щукина (Щукин 1989, 107). Раскопав пять насыпей, ученый попытался ввести их сплошную нумерацию. Однако, располагая данными только об одном кургане Б.А. Тимошука, он присвоил № 2 могиле, вскрытой Г.И. Смирновой, а свои комплексы пронумеровал как 3–7. В кургане 3 зафиксировано трупосожжение на горизонте сопровождавшееся горшком с налипшим валиком (рис. 11,16); две булавки выявлены в комплексе 4 (рис. 11,14.15), под насыпями 5 и 6 найдены фрагменты керамики скифского времени, а в шестом кургане еще и «сгорченный» скелет. Не было находок под возвышением № 7.

Как «жертвенник» интерпретировал Б.А. Тимошук и курган в Белоусовке (раскопки экспедиции ЧКМ и ЧГУ 1968 г.), расположенный в могильнике недалеко от городища в урочище *Баранье* (Тимошук 1969, 36; 1974, 87.88; Винокур та ін. 1984, 153)¹⁴. Под земляной насыпью обнаружен каменный кромлех высотой до 1 и диаметром до 10 м. Он перекрывал погребальную камеру от которой сохранились семь ям глубиной 1 и диаметром 0,7–1 м, обрамлявших прямоугольную площадь размерами 6,7 на 4,5 м. В четырех из них дно было посыпано охрой. Не исключено, что соединявшие

их ровики остались от горизонтально положенных плах от обшивки стен. В центре камеры находилась вымощенная камнем площадка диаметром 2 м (по Б.А. Тимошуку – алтарь со следами жертвоприношения). На ней и возле нее выявлены кости человека, коня и быка, а также фрагмент чернолощеной миски. В действительности это, скорей всего, остатки погребения на часто встречаемых в Среднем Поднестровье каменных «подстилках» с сопровождающим инвентарем и пищей.

А сейчас вернемся к «культурной» интерпретации Б.А. Тимошуком комплексов из Новоселки, Белоусовки и Ивановцев, охарактеризованным как «жертвенники», «зольники-святилища», «чаши для вечного огня». Г.И. Смирновой уже приходилось, как кажется, вполне резонно, писать о погребальном характере некоторых из них, содержащих остатки деревянных гробниц (Смирнова 1977). Представляется, что и ямы с каменной облицовкой или закладом из Ивановцев и Новоселки, тоже вполне могут быть могильными сооружениями.

Вместе с этим отметим, что у древних племен захоронения и связанные с ними культовые действия составляли неразрывное целое. Могилы еще при построении уже были сакральными местами. Продолжали они оставаться такими, очевидно, и долго после погребения. Мощные, толщиной до 1 м, пережженные слои в Ивановцах вряд ли можно объяснить одноразовым сожжением деревянной гробницы. Такие наслоения могли образоваться только вследствие длительного горения. Подобные объемные перегоревшие напластования были и в новоисследованных курганах возле сс. Спасовка и Иванковцы в Днестровском Левобережье (Гуцал та ін. 2009). Наличие здесь в нижних слоях красного пережженного грунта, а в верхних такого же образования, перемешанного с камнями, наличие сильно пережженного инвентаря позволяет предположить что огонь горел тут длительное время уже после совершения погребения, а, возможно, и после сооружения каменного кромлеха.

С территории Северной Буковины происходят и некоторые внекомплексные находки скифского времени. К их числу относится *железный кинжал* с овальным навершием, бабочковидным перекрестием и обломанным клинком с параллельными лезвиями, найденный в с. Нелипивцах Кельменецкого района (рис. 12,1; фонды ЧКМ). По своим морфологическим особенностям предмет представляет несомненный интерес. С одной стороны, он имеет овальное навершие. Е.В. Черненко, в работе, спе-

¹⁴ В отчетах из НА ИА НАНУ исследования не освещены, чертежи объекта не сохранились.

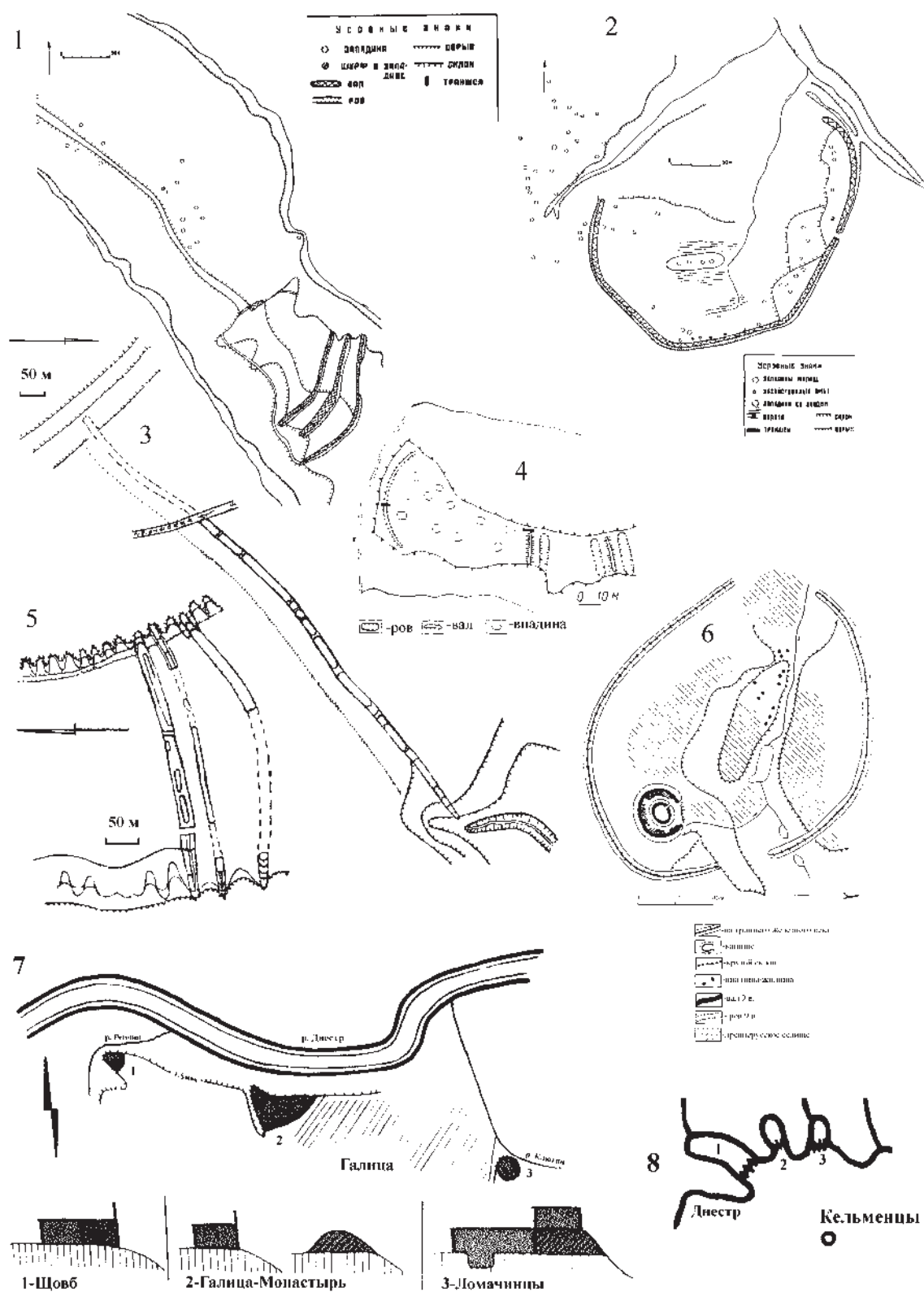

Рис. 14. Городища раннего железного века. 1 – Горошевцы; 2 – Рухотин, «Старые скалы» (1, 2 – по Русанова, Тимошук 1981); 3 – Грушевцы; 4 – Васлововцы (по Тимошук 1982); 5 – Макаровка (3, 5, 8 – по Кучера 1990); 6 – Ржавинцы (по Тимошук 1990); 7 – Галица-Монастырь (по Тимошук 1978); 8 – Схема размещения городищ у Вороновицы (1), Макаровки (2), Грушевцов (3) (по Кучера 1992).

циально посвященной скифским мечам и кинжалам, к сожалению пока неопубликованной (Черненко 1985, 78), датировал изделия с подобными деталями IV в. до н.э. К этому же времени отнесла их появление и А.И. Мелюкова. С другой стороны, другие элементы предмета являются значительно более архаичными. Это и форма клинка с параллельными лезвиями, бытующая в ранне- и среднескифскую эпохи и пропадая в IV в. до н.э. (Мелюкова 1964, 60; Черненко 1985, 91), и наличие продольного валика на нем. Судя по своду Е.В. Черненко, подобный элемент встречается на мечах с брусковидными навершиями, относимых им к VII – началу V вв. до н.э., а также на кинжалах с антенным навершием, некоторые из которых, впрочем, тоже могут относиться к раннескифскому времени (Черненко 1985, рис. 19,1.7; 20,1.4; 21,1–3.5.10; 30,3.10.12; 31,5; Махортых 1995, 111.112). Ранним признаком являются и утолщения по сторонам рукояти. Бабочковидные перекрестия подобных пропорций сочетаются обычно с брусковидными или антенными навершиями, а мечи с подобными комбинациями, по мнению А.И. Мелюковой, доживают лишь до первой половины V в. до н.э. (Мелюкова 1964, 50.55). Таким образом, принимая во внимание архаичный вид вещи и учитывая форму навершия, позволяющего несколько омолаживать изделие, наиболее вероятным кажется отнесение меча к концу раннескифского (а может быть и к началу среднескифского) времени. Видимо, прототипы для овальных наверший, широко распространенных в IV в. до н.э., существовали еще в эпоху скифской архаики.

Находки мечей и кинжалов не являются слишком уж частыми в Западноподольской группе. Следует упомянуть сохранившийся лишь во фрагментах предмет из Мышковцев (Малеев 1991, рис. 3,1), изделие из кургана в Ленковцах (Мелюкова 1953, рис. 29,1), а также экземпляр из Сокиринцев (Гуцал 2004, рис. 1), хранящийся ныне в Каменец-Подольском музее (рис. 13,3)¹⁵. Интересен и находящийся здесь топорик-молоток из Сатанова в Позбручье (рис. 13,1), находящий аналогии в местных курганах у Ленковцев (рис. 13,2) (Мелюкова 1953, рис. 28,2), С у Новоселки Грмайловской (Sulimirski 1936, tab. XI,1r), 1 у Круглика (Смирнова 1968, рис. 2,3; 1993, рис. 4,7), 2 в Перебыковцах (Смирнова 1979, рис. 9,2) и отличающийся от них только деталями. Примечателен и кельт из указанного музея, происходящий из с. *Лудловцы* Каменец-Подоль-

ского района Хмельницкой области (рис. 13,4), который, судя по некоторым аналогиям в форме и орнаментации (Gallus, Horváth 1939, pl. X,1.3; Пеняк, Шабалин 1964, рис. 2,1–4; Bukowski 1976, tabl. VIII; Nevizánsky 1985, obr. 1; Chochorowski 1993, abb. 21,1–3; Махортых 2003, рис. 26,12), вероятно, относится к предскифскому времени.

Говоря о находках с ареала юго-восточной части Западноподольской группы, нельзя не упомянуть фрагментированный предмет с односторонним изображением головы хищной птицы из с. Вила-Яружские Могилев-Подольского района Винницкой области (рис. 12,3; фонды НМИУ), вероятно являющийся фрагментом бляхи или концом псаляя.

Со Средним Поднестровьем связываются *железные панцирные пластины*, хранящиеся в Черновицком музее (рис. 12,2). Они имеют прямоугольную форму с нижним закругленным краем и четырьмя отверстиями для крепления. Для последнего использовалась сохранившаяся местами круглая проволока диаметром до 2 мм. Сберегшиеся группы соединенных пластин свидетельствуют о стандартном их размещении, с перекрыванием соседних на 1/3–2/3 размера. Это создавало в конкретном месте трех–четырёхслойную защиту и одновременно обеспечивало эластичность доспеха (Черненко 1968, 32,54,55). Наряду с другими находками (курганы 3 у Шутновцев (Гуцал 2006, рис. 4.9–10), 2 в Сырватинцах (Sulimirski 1936, tab. XI.10a), 2 возле Долинян (Смирнова 1977a, рис. 8,6,7)), наши вещи свидетельствуют о распространении в раннескифское время на Среднем Днестре металлического защитного доспеха. Здесь же, в ЧКМ, хранится и *бронзовая булавка с грибовидной головкой и рифлением на стержне* (рис. 12.4), аналогии которой относятся в основном к раннескифскому времени (Петренко 1978, 14). К сожалению, не сбереглись в указанном музее *булавки с грибовидной головкой и горизонтальным рифлением стержня и с закрученной расплющенной головкой* длиной 10,5 и 8 см соответственно, а также *бронзовые наконечники стрел*. Все эти вещи, приписываемые к Среднему Приднестровью, были переданы сюда из КГИМ. Оригинальностью отличается хранящееся в упомянутом музее *звено бронзовых раннескифских стреловидных удил* (рис. 12,5). Место находки предмета неизвестно, но, судя по составу вещей фондов ЧКМ, наиболее вероятной территорией следует считать Северную Буковину. В отличие от синхронных удил, имеющих цельнолитые внутренние

¹⁵ Искренне благодарен сотрудникам Каменец-Подольского государственного исторического музея-заповедника Л.П. Станиславской, Л.С. Кравчук, П.А. Болтанюку, А.А. Столяру, С. Семенчуку за содействие в работе с материалом.

кольца, стержень нашего экземпляра, образовав петлю выгибается наружу, одновременно отклоняясь вбок и формируя шип для уколов челюсти коня. Это уникальное проявление так-называемой «строгости», для лучшего управления норовистыми лошадьми. Обычно, в эпоху скифской архаики встречается рифление в виде рядов выпуклостей, имеющее предскифские корни.

Оригинальной является *восьмипалая бронзовая петельчатая бляха* (рис. 12,6) из урочища *За горой* возле Круглика (Тимошук 1957, 2). Б.А. Тимошук отнес ее к II–I вв. до н.э. (Тимошук 1969, 40). Однако, вещи с похожими розетковидными мотивами известны в раннем железном веке в Средней Европе и на Балканах¹⁶. Так, похожий предмет с шестью выступами найден в гробнице 112 у Дольного Кубина (Čarlovic 1961, obr. 139). З. Буковски датировал это погребение второй половиной V – началом IV вв. до н.э. (Bukowski 1977, 42). Более убедительными кажутся рассуждения Т. Кеменцеи (Kemenczei 2001-2002, 65), по которым это захоронение может быть синхронным раннескифским памятникам. В пользу этого говорит и серьга-заушница из могилы, находящая аналогию в кургане 447 возле Журовки (Петренко 1978, 27, рис. 17,17). Интересны предметы с шестью выступами, но без петли, функционально которую, возможно, заменяло центральное отверстие, из могил раннескифского времени 6 в Budești-Finațe и 4 в Mărișelu в Трансильвании (Marinescu 1984, abb. 5,7; 9,5). Подобная вещь из Aiud сопровождалась крестовидной бляхой предскифского облика и петельчатой круглой пряжкой, имеющей аналогии в раннескифских комплексах. В этом же погребении найдена еще и ажурная восьмипалая бляха с крестовидной фигурой в центре (Vasiliev 1980, pl. 16,16–19). Оригинальны многопалые вещи из Bogács (Kemenczei 2005, taf. 16,B). Предмет со щитком с боковыми выступами, наряду с другим раннескифским материалом, известен из могильника Ártánd в Венгрии (Párducz 1973, taf. IX,9-14; X,15; XI,2; Археология Венгрии 1986, рис. 60,16). Шестилепесковые изделия происходят из могилы Сафрониево в Болгарии (Николов 1965, обр. 6; 7). Их сопровождала фибула с приемником в виде беотийского щита, относимая к VII–VI вв. до н.э. (Зверев 2000, 179). Здесь же был наконечник с орнаментом в виде креста в круге, характерный

для доскифского времени. Конечно, учитывая случайный характер кругликовской находки и не полную тождественность приведенных ей аналогий, окончательные выводы делать рано. Но уже сейчас, как представляется, не следует отбрасывать предположение о возможности ее интерпретации как импортного средневропейского изделия конца предскифского – раннескифского времени¹⁷.

Памятники Западноподольской группы имеют своеобразную специфику в своем хронологическом распределении. Все из известных пока более-менее узко датированных комплексов относятся к раннескифскому времени. В то время, как период V–IV вв. до н.э. остается еще во многом загадочным для исследователей. Это вряд ли может объясняться слабой изученностью территории. Количество одних раскопанных погребений отсюда уже превышает полторы сотни. Нижняя хронологическая граница древностей помещается на рубеже VI–V вв. до н.э. В основном, она привязывается к импортной античной керамике и дате могилы в Верхних Пановцах (Смирнова 2006, 78,79). Однако, из скифских вещей, дающих относительно узкую дату (главным образом, детали вооружения и узды), здесь известны только предметы келермесских типов. Характерные среднескифские стрелковые наборы с преобладанием базисных экземпляров, двудырчатые псалии, зооморфные и фитоморфные бляхи здесь пока неизвестны. Как и не встречены переходные могилы подобные захоронениям в курганах Шумейковском, 1, 7, 8, 9 (1886 г.), 477 у Волковцев, 482 около Басовки (Ильинская 1968, рис. 23,24, табл. XXXII,5–15; XXXV; Галанина 1977, табл. 22; 25,1–23), 24 Нартанского могильника (Батчаев 1985, табл. 53,21–26), погребениям 76 (1910 г.), 52 и 100 (1911 г.), 1 (1912 г.), 15 (1914 г.) некрополя Ольвии (Скуднава 1960, рис. 6,4; 8,1; 1988, с. 69.70.78.101.158.159; кат. 139,243; Полін 1987, рис. 8,12–18), где сосуществуют келермесские и среднескифские элементы¹⁸. Нижняя дата келермесских древностей сегодня может быть определена в рамках первой половины – середины VI в. до н.э., исходя из античной керамики ряда комплексов. Речь идет о могиле 3 кургана 3 могильника Аксай 1 (не позже первой половины VI в. до н.э.), погребениях 8 кургана 7 у Новоалександровки и 10 кургана 2 возле Бушуйки (соответственно середина

¹⁶ Искренне благодарен С.В. Махортых, С.П. Пачковой, Г.И. Смирновой за консультации при атрибуции предмета.

¹⁷ Другие подобные находки на юге Восточной Европы в указанное время пока вроде бы неизвестны.

¹⁸ Дату указанных порубежных комплексов, вероятнее всего, следует размещать во второй половине VI в. до н.э. Появление среднескифских элементов приходится, судя по ножке амфоры из кургана 12 группы Частых, на третью четверть VI в. до н.э. (Пузикова 2001, 14.15, рис. 9). Упомянутые ольвийские погребения, на основании импортной керамики, отнесены ко второй половине VI в. до н.э. (Скуднава 1988, 69.70.78.101.158.159).

и первая половина VI в. до н.э.) (Кореняко, Лукьяшко 1982, рис. 8–10; Беспальый, Парусимов 1991, рис. 6,12–15,20; Дьяченко и др. 1999, 108, рис. 5; Копылов 2003, 135.136; Монахов, 2003, 32). К середине – третьей четверти VI в. до н.э. относится и слой пожарища с раскопа «О» на Березани, где найдены келермесские наконечники стрел (Чистов 2007, 132.133, илл. 18,6.7).

Все сказанное как будто бы сигнализирует о возможности «подтягивания» к первой половине – середине VI в. до н.э. наиболее поздних келермесских комплексов Западноподольской группы. Не ставя, впрочем, в данной работе задачи разрешения указанной проблемы, хотелось бы только отметить необходимость уточнения в соответствии с новыми разработками дат некоторой античной посуды из старых раскопок; а также остановиться на хронологии верхнепановецкого погребения.

Напомним, что в 1961 г. возле Верхних Пановцов Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. был разрушен курган с каменной крепидой. Из вещей, сопровождавших погребение, удалось собрать два бронзовых наконечника стрел, фрагментированные золотую булавку или серьгу и бронзовое зеркало, а также уникальный амулет из челюсти леопарда в серебряной оправе. На основании наконечников стрел (изображения которых в публикации не совсем четки) и зеркала комплекс был отнесен к концу VI–V вв. до н.э. (Винокур, Хотюн 1965). Непосредственная работа с указанными материалами дает возможность уточнить хронологию комплекса. Наиболее значимы для нее наконечники. Один из них трехгранный с остролистой головкой и выделенными концами лопастей (рис. 10,22). Другой (рис. 10,23) – трехлопастный с утяжеленной головкой и заостренными концами лопастей. Из-за дополнительной заточки, острия ребра граней выпуклые, подобно наконечникам из кургана 2 у Перебыковцев (Смирнова 1979, рис. 8,20,21). В общем, набор может быть атрибутирован, как обычный келермесский. К сожалению, сильно фрагментировано зеркало из комплекса, имеющее бортик и ручку с тремя продольными выступами (рис. 10,24). Трехчастное рифление имеет ручка зеркала из культурного слоя, перекрывающего жилище с античной керамикой рубежа VII–VI вв. до н.э. на Немировском городище (Смирнова 2002, 224–226). Таким образом, есть все основания удревнить дату верхнепановецкого

кургана, и относить его ко времени не позже первой половины – середины VI в. до н.э.

Ряд городищ Черновицкой области, исходя из общих конструктивных особенностей, отнесен специалистами к **раннему железному веку** в целом. В будущем ученым ещё предстоит уточнить их датировку.

Большинство укреплений расположено на мысах. Именно такое городище, отгороженное с напольной стороны тремя валами и занимавшее площадь 150 на 130 м, зафиксировано в урочище *Червоный горб* у с. Горошевцы Заставновского р-на (рис. 14,1). Два внутренних вала оказались древнерусскими, внешний, насыпанный из красной, обожженной сверху глины, отнесен к эпохе раннего железа (Русанова, Тимошук 1981, рис. 6). Вал со рвом с внешней стороны огораживают территорию диаметром около 280 м в местности *Старые скалы* около уже упомянутого с. Рухотин (рис. 14,2). Разрез насыпи высотой 1,4 м показал, что она состоит из пережженной глины (Русанова, Тимошук 1981, рис. 42). Днестровские мысы отгорожены с напольной стороны валами и рвами возле сел Грушевцы, Макровка, Вороновица на Кельменечине (рис. 14,3.5.8). Три ряда валов в Макаровке шириной 15–18, 10–15 и 20–22 м (высота последнего – 3 м), располагались на расстоянии 80–40 и 15–20 м друг от друга. Во внутренней насыпи зафиксированы деревянные конструкции из вертикальных опорных и горизонтальных продольных плах. Вал в Грушевцах имел длину около 800 м, при ширине 15–20 м и высоте 6 м – со стороны рва и 3–3,5 м – с внутренней (Кучера 1990, 2.4, рис. 1; 2; 1992, 53, рис.1; 11)¹⁹. На месте поселения раннего железного века, от которого сохранился внешний вал со рвами по обе стороны (рис. 14,4), построены древнерусские укрепления возле с. Васлововцы Заставновского р-на (Тимошук 1982, 161.162, рис. 95). Подобная ситуация зафиксирована и на городищах возле Ленковцев Кельменецкого (Тимошук 1982) и Галицы Сокирянского районов (Тимошук 1976а, 14.15), а также в Глыбокой (Тимошук 1976, 49). В первом случае зафиксировано два массивных вала. Мысовое городище *Галица-Монастырь* также ограждено двумя укрепленными линиями (рис. 14,7). Внешний вал со рвом, очевидно, относится к древнерусскому времени, внутренний, высотой 0,5 м, ограждавший площадь 40 на 50 м и пере-

¹⁹ Напомним и о точке зрения, высказанной М.П. Кучерой, согласно которой группа «Траяновых» валов Среднего Приднестровья была выстроена местными племенами для защиты от скифов. Отметим, что в конце первой половины I тыс. до н.э. здесь проходил стык ареалов племен голиградской группы и скифского населения (в действительности, достоверно речь может идти только о соседстве голиградского и чернолесско-жаботинского этнических субстратов), он приписывал строительство валов «племенам фракийского галыштата» (Кучера 1992, 51.52).

крывавший трипольский слой, – к периоду раннего железа. При его исследовании установлено, что под полуметровым наслоением чернозема залегал обожженный грунт шириной до 3,5 и толщиной 0,5 м. Под ним, на расстоянии 3,5 м друг от друга, выявлены следы столбовых ям диаметром 0,2–0,35 и глубиной 0,5 м, а во внешней части – еще и следы от горизонтально положенных плах.

Завершая этот очерк, хотелось бы отметить необходимость продолжения дальнейшего планомерного и систематического изучения древностей эпохи раннего железа Северной Буковины. Накопление все новых материалов, со временем, вне всякого сомнения, даст возможность на новом качественном уровне взглянуть на различные стороны жизни древнего населения этой территории.

Библиография

- Археология Венгрии 1986: Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. (Москва 1986).
- Бандрівський, Захар'єв 2002: М. Бандрівський, В. Захар'єв, Про один тип поховальних споруд періоду раннього заліза на Середньому Придністров'ї (За матеріалами розкопок кургану III в селі Сокилець у 1999 р.). Записки НТШ ССХLIV, 2002, 545–562.
- Батчаев 1985: В.М. Батчаев, Древности предскифского и скифского периодов. В сб.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии (Нальчик 1985), 7–115.
- Беспалый, Парусимов 1991: Е.И. Беспалый, И.Н. Парусимов, Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону. СА 3, 1991, 179–195.
- Борисковський 1950: П.Й. Борисковський, Деякі доповнення до археологічної карти Середньої Наддністрянщини. Археологія IV, 1950, 117–131.
- Винокур и др. 1984: І.С. Винокур, А.Ф. Гуцал, С.І. Пеняк, Б.О. Тимошук, В.І. Якубовський, Довідник з археології України. Хмельницька, Чернівецька, Закарпатська області (Київ 1984).
- Винокур, Хотюн 1965: Винокур І.С., Хотюн Г.М. Скіфський амулет. Археологія XIX, 1965, 118–121.
- Войнаровский, Смирнова 1993: В.Н. Войнаровский, Г.И. Смирнова, Новые находки древних бронз в окрестностях с. Волока на Буковине. РА 4, 1993, 183–190.
- Галанина 1997: Л.К. Галанина, Келермесские курганы (Москва 1997).
- Ганіна 65 О.Д. Ганіна, Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте. Археологія XIX, 1965, 106–117.
- Ганіна 1984: О.Д. Ганіна, Поселення ранньоскіфської доби поблизу Залісся. Археологія 47, 1984, 68–79.
- Гребеняк 1913: В. Гребеняк, Сліди скитської культури в Галичині. Записки НТШ СХVІІ–СХVІІІ, 1913, 9–25.
- Гульдман 1901: В.К. Гульдман, Памятники старины в Подолии (Каменец-Подольский 1901).
- Гуцал 1979: А.Ф. Гуцал, Нові пам'ятки раннього залізного віку в Середньому Подністров'ї (розвідки 1968–1969 рр.). Археологія 31, 1979, 65–75.
- Гуцал 1993: А.Ф. Гуцал, Дослідження Бернашівського могильника в 1991–1992 рр. В сб.: АДУ (Київ 1993), 53–54.
- Гуцал 1996: А.Ф. Гуцал, Старожитності початку раннього залізного віку на Могилів-Подільщині. В сб: Перша Могилів-Подільська краєзнавча конференція (Могилів-Подільський 1996), 20–24.
- Гуцал 1998: А.Ф. Гуцал, Бернашевський могильник из Среднего Поднестровья в системе памятников раннего железного века. В сб: Скифы, Хазары, Славяне, Древняя Русь (СПб. 1998), 34–35.
- Гуцал 2000: А.Ф. Гуцал, Рудковецьке городище і перший похід скіфів у Придністровський Лісостеп. В сб.: Давня і середньовічна історія України (Кам'янець-Подільський 2000), 69–79.
- Гуцал 2004: А.Ф. Гуцал, Скіфські кинжалы з Поділля. Наукові праці Кам'янець-Подільського державного університету 12, 2004, 43–47.
- Гуцал 2005: А.Ф. Гуцал, Житло на Поділлі X–VI ст. до н.е. Наукові праці Кам'янець-Подільського державного університету 14, 2005, 36–46.
- Гуцал А.Ф. 2006: А.Ф. Гуцал, Третій шутнівецький курган. В сб: Хмельничина: Дивокрай 1–2, 2006, 9–12.
- Гуцал та ін. 2005: А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, В.П. Мегей, О.Д. Могилов, Кургани ранньоскіфської доби біля села Колодівка на Середньому Дністрі. АДУ 2003–2004 рр. 7, 2005, 118–119.
- Гуцал та ін. 2006: А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, В.П. Мегей, О.Д. Могилов, Розкопки курганів ранньоскіфської доби біля села Колодівка у Середньому Подністров'ї. АДУ 2004–2005 рр. 8, 2006, 157–159.
- Гуцал та ін. 2008: А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, В.П. Мегей, О.Д. Могилов, О.Л. Баженов, П.А. Болтанюк, Дослідження курганів ранньоскіфського часу в районі середньої течії р. Збруч. АДУ 2006–2007 рр. 10, 2009, 91–93.
- Гуцал В.А. 2006: В.А. Гуцал, Поховальний обряд передскіфського часу на Могилівщині В сб.: Друга Могилів-Подільська краєзнавча конференція (Могилів-Подільський – Кам'янець-Подільський 2006), 47–55.
- Гуцал, Мегей 2005: В.А. Гуцал, В.П. Мегей, Поховання ранньоскіфського часу на багатощаровому поселенні Велика Слобідка. Наукові записки Кам'янець-Подільського державного університету 14, 2005, 67–74.
- Дьяченко и др. 1999: А.Н. Дьяченко, Э. Мэйб., А.С. Скрипкин, В.М. Клепиков, Археологические исследования в

- Волго-Донском междуречье. Нижневолжский археологический вестник 2, 1999, 93–126.
- Збенович 1970: В.Г. Збенович, Нові пам'ятки скіфського часу на Середньому Дністрі. В сб.: Матеріали третьої Подільської історико-красознавчої конференції (Львів 1970), 110–111.
- Зверев 2000: Е.Ю. Зверев, Относительная хронология некоторых опорных памятников среднего и позднего Гальштата в Юго-Западной Румынии. *Stratum plus* № 3, 2000, 171–192.
- Ильинская 1968: В.А. Ильинская, Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья) (Киев 1968).
- Ильинская 1975: В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (Киев 1975).
- Ильинская и др. 1980: В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский; А.И. Тереножкин Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов. В сб.: Скифия и Кавказ (Киев 1980), 31–63.
- Клапчук 1971: М.М. Клапчук, Звіт про польові археологічні роботи на теренах Снятинщини Івано-Франківської області. НА ІА НАНУ. 1971/37.
- Ключевий 1965: Б. Ключевий, Під покровом стародавніх курганів. Людина і світ 6, 1965, 38–39.
- Ковпаненко 1998: Г.Т. Ковпаненко, Поселение предскифского времени у с. Комаров на Днестре. В сб.: Скифы, Хазары, Славяне, Древняя Русь (СПб. 1998), 33–34.
- Копылов 2003: В.П. Копылов, Скифы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья (Вопросы хронологии и военно-политической истории). ВДИ 1, 2003, 131–140.
- Кореняко, Лукьяшко 1982: В.А. Кореняко, С.И. Лукьяшко, Новые материалы раннескифского времени на Левобережье Нижнего Дона. СА 3, 1982, 149–164.
- Кривцова-Гракова 1955: О.А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА 46, 1955.
- Крушельницька 1998: Л.І. Крушельницька, Чорноліська культура Середнього Подністров'я (за матеріалами неперотівської групи пам'яток) (Львів 1998).
- Крушельницька 2006: Л.І. Крушельницька, Культура ноа на землях України (Львів 2006).
- Кузнецова 2002 Т.М. Кузнецова, Зеркала Скифии VI–III века до н.э. (Москва 2002).
- Кучера 1990: М.П. Кучера, Звіт про роботу експедиції по дослідженню Траянових валів у 1990 р. НА ІА НАНУ. 1990/30.
- Кучера 1990а: М.П. Кучера, Инвентарная опись материалов экспедиции по исследованию траяновых валов в 1990 г. НА ІА НАНУ. 1990/30.
- Кучера 1994: М.П. Кучера, «Траянові» вали Середнього Подністров'я. Археологія 4, 1992, 43–55.
- Лесков 1970: А.М. Лесков, Кировское поселение. В сб.: Древности Восточного Крыма (Киев 1970), 7–59.
- Махортих 1995: С.В. Махортих, про кинжали скіфського типу з простим антенним навершям. Археологія 4, 1995, 111–116.
- Махортих 2003: С.В. Махортих, Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху (Киев 2003).
- Малеев 1992: Ю.Н. Малеев, Курган скифского времени у с. Мышковцы в бассейне р. Збруч. В сб.: Курганы Степной Скифии (Киев 1991), 122–130.
- Малеев и др. 1979: Ю.Н. Малеев, Б.А. Прищепа, В.А. Бондарчук, Раскопки в Хмельницкой и Черновицкой области. АО 1978 г. (Москва 1979), 363–364.
- Малеев, 1992: Ю.Н. Малеев, Гальштатские элементы вооружения в междуречье Днестра и Прута. В сб.: *Ziemię polskie we wczesnej uroce zelaza i ich powiazania z innymi terenami* (Rzeszow 1992), 191–198.
- Мелюкова 1950: А.И. Мелюкова, Отчет о раскопках в 1950 г. скифского поселения у с. Ленковцы. НА ІА НАНУ. 1950/18.
- Мелюкова 1958: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени Лесостепного Среднего Поднестровья. МИА 64, 1958, 5–102.
- Мелюкова 1961: А.И. Мелюкова, Культура предскифского периода в Лесостепной Молдавии. МИА 96, 1961, 5–52.
- Мелюкова 1964: А.И. Мелюкова, Вооружение скифов. САИ Д 1–4 (Москва 1964).
- Мовша 1979: Т.Г. Мовша, Отчет о работе Позднетрипольского отряда Днестровско-Трипольской новостроечной экспедиции в 1979 году. НА ІА НАНУ. 1979/27в.
- Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье (Москва–Саратов, 2003).
- Никитина 1979: Г.Ф. Никитина, Землянка скифского времени у с. Оселивка Черновицкой области. СА 3, 1979, 241–249.
- Николов 1965: Б. Николов, Тракийски паметници във Врачанско. Известия на Археологическия институт XXVIII, 1965, 163–202.
- Отрошенко 1973: В.В. Отрошенко, Про деякі кістяні знаряддя праці доби пізньої бронзи. Археологія 11, 1973, 77–81.
- Пассек 1948: Т.С. Пассек, Отчет о работе Трипольской экспедиции в 1948 г. НА ІА НАНУ. 1948/13.
- Пассек 1949: Т.С. Пассек, Отчет о работе Трипольской (Днестровской) археологической экспедиции в 1949 году. НА ІА НАНУ. 1949/24.
- Пассек 1950: Т.С. Пассек, Отчет о работе Трипольской (Днестровской) археологической экспедиции в 1950 году. НА ІА НАНУ. 1950/18.

- Пассек 1951: Т.С. Пассек, Отчет о работе Трипольской (Днестровской) археологической экспедиции в 1951 г. НА ИА НАНУ. 1951/18а.
- Пассек 1961: Т.С. Пассек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА 84, 1984, 3–203.
- Пеняк, Шабалин 1964: С.И. Пеняк, А.Ф. Шабалин, Олешковские клады бронзовых изделий. СА 4, 1964, 193–201.
- Петренко 1978: В.Г. Петренко, Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. САИ Д 4-5 (Москва 1978).
- Петренко 2006: В.Г. Петренко, Краснознаменский могильник (Москва-Берлин-Бордо 2006).
- Петренко и др. 2006: В.Г. Петренко, В.Е. Маслов, А.Р. Канторович, Погребения подростков в могильнике Новоазведенное-II. В сб.: Древности скифской эпохи (Москва 2006), 388–423.
- Погребова 1960: Н.Н. Погребова, Присадовское поселение на Ингуле. СА 4, 1960, 76–90.
- Полін 1987: С.В. Полін, Хронологія ранньоскіфських пам'яток. Археологія 59, 1987, 17–36.
- Пузикова 2001: А.И. Пузикова, Курганы скифского времени Среднего Подонья (Москва 2001).
- Русанова, Тимошук 1981: И.П. Русанова, Б.А. Тимошук, Отчет о работе Славянской экспедиции Института археологии АН СССР за 1981 г. НА ИА НАНУ. 1981/130.
- Свешніков 1957: І.К. Свешніков, Поселення ранньоскіфського часу біля с. Сухостав, Тернопільської області. Археологія XI, 1957, 106–114.
- Сецинский 1901: Е.И. Сецинский, Археологическая карта Подольской губернии. Труды XI Археологического съезда в Киеве (Москва 1901, Т.1).
- Скуднова 1960: В.М. Скуднова Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии. ЗОАО Т. 1(34), 1960, 60–74.
- Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии (Ленинград 1988).
- Смирнова 1969: Г.И. Смирнова, Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине. АСГЭ 10, 1968, 14–27.
- Смирнова 1969а: Г.И. Смирнова, Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII – середина VII в. до н.э.). МИА 150, 1969, 7–34.
- Смирнова 1976: Г.И. Смирнова, Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна. АСГЭ 17, 1981, 18–34.
- Смирнова 1977: Г.И. Смирнова, Щодо поховального характеру ранньоскіфських пам'яток поблизу сіл Долиняни, Новосілки, Білоусівки. Археологія 23, 1977, 3–10.
- Смирнова 1977а: Г.И. Смирнова, Курганный могильник раннескифского времени у села Долиняны. АСГЭ 18, 1977, 29–40.
- Смирнова 1979: Г.И. Смирнова, Курганы у села Перебыковцы – новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре. ТГЭ XX, 1979, 37–67.
- Смирнова 1981: Г.И. Смирнова, Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977–1978 гг.). АСГЭ 22, 1981, 40–61.
- Смирнова 1982: Г.И. Смирнова, Закрытые предскифские комплексы у села Днестровка-Лука. В сб.: Древние памятники культуры на территории СССР (Ленинград 1989), 30–53.
- Смирнова 1983: Г.И. Смирнова, Материальная культура Григоровского городища (К вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников). АСГЭ 23, 1983, 60–72.
- Смирнова 1984: Г.И. Смирнова, О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре по материалам поселения Днестровка-Лука. АСГЭ 25, 1984, 43–60.
- Смирнова 1989: Г.И. Смирнова, Культурно-исторические процессы в Прикарпатье в конце II – первой половине I тысячелетия до н.э. по материалам Западно-Украинской экспедиции. В сб.: Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа (Ленинград 1989), 19–32.
- Смирнова 1993: Г.И. Смирнова, Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры. РА 2, 1993, 101–118.
- Смирнова 2000: Г.И. Смирнова, Грунтовые постройки округлой формы в лесостепном междуречье Южного Буга и Днестра в раннескифское время: местные строительные традиции или инновации. В сб.: Давня і середньовічна історія України (Кам'янець-Подільський 2000), 80–93.
- Смирнова 2000а: Г.И. Смирнова, Первые поселенцы у с. Долиняны (эпоха средней бронзы). Stratum plus 2, 2000, 554–562.
- Смирнова 2001: Г.И. Смирнова, Заключительный сезон работ на раннескифском поселении у с. Долиняны. АСГЭ 35, 2001, 59–73.
- Смирнова 2002: Г.И. Смирнова, Немировское городище в хронологической схеме скифской архаики Северного Причерноморья. В сб.: Северное Причерноморье от энеолита до античности (Тирасполь 2002), 217–233.
- Смирнова 2006: Г.И. Смирнова, Западно-Подольская группа раннескифских памятников в свете исследований к концу XX столетия. В сб.: Древности скифской эпохи (Москва 2006), 66–92.
- Смирнова, Войнаровский 1994: Г.И. Смирнова, В.М. Войнаровский, Мошанецкий скарб бронз кімерійського

- типу з Середнього Подністров'я. *Археологія* 1, 1994, 137–141.
- Тимошук 1947: Б.О. Тимошук, Щоденник учасника Середньо-Дністровської археологічної експедиції Інститута археології АН УРСР в 1947 р. ФБ ЧКМ, 1947.
- Тимошук 1949: Б.О. Тимошук, Археологічні розвідки Чернівецького музею на Дністрі. НА ІА НАНУ. 1949/37.
- Тимошук 1949а: Б.О. Тимошук, Археологічна розвідка по правому березі Дністра на ділянці Хотин – Онут (травень – червень 1949 р.). ФБ ЧКМ, 1949.
- Тимошук 1950: Б.О. Тимошук, Археологічні розвідки Чернівецького краєзнавчого музею в 1950 році. НА ІА НАНУ. 1950/14.
- Тимошук 1950а: Б.О. Тимошук, Щоденник Хотинської експедиції 1950 р. ФБ ЧКМ, 1950.
- Тимошук 1952: Б.О. Тимошук, Розвідка в басейні р. Пруту. АП УРСР III, 1952, 409–416.
- Тимошук 1954: Б.О. Тимошук, Розвідки слов'янських пам'яток на Дністрі. НА ІА НАНУ. 1954/17.
- Тимошук 1956: Б.О. Тимошук, Археологічні дослідження Чернівецького музею в 1949–1951 рр. АП УРСР VI, 1956, 205–208.
- Тимошук 1957: Б.О. Тимошук, Звіт про археологічні дослідження Чернівецького краєзнавчого музею в 1957 році. НА ІА НАНУ. 1957/21.
- Тимошук 1960: Б.О. Тимошук, Звіт про археологічні дослідження Чернівецького краєзнавчого музею в 1960 році. НА ІА НАНУ. 1960/23.
- Тимошук 1963: Б.О. Тимошук, Звіт про роботу археологічної експедиції Чернівецького краєзнавчого музею в 1963 році. НА ІА НАНУ. 1963/57.
- Тимошук 1968: Б.О. Тимошук, Дорогами предків (Ужгород 1968).
- Тимошук 1969: Б.О. Тимошук, Північна Буковина – земля слов'янська (Ужгород 1969).
- Тимошук 1969а: Б.О. Тимошук, Звіт про розкопки давньоруського городища в с. Перебиківці Хотинського району Чернівецької області. НА ІА НАНУ. 1969/40.
- Тимошук 1972: Б.О. Тимошук, Звіт про археологічні дослідження на слов'янському поселенні в с. Ревна Кіцманського району Чернівецької області. ФБ ЧКМ, 1972.
- Тимошук 1972а: Б.О. Тимошук, Хотин. Путівник (Ужгород 1972).
- Тимошук 1974: Б.О. Тимошук, Зустріч з легендою (Ужгород 1974).
- Тимошук 1975: Б.О. Тимошук, Слов'янські гради Північної Буковини (Ужгород 1975).
- Тимошук 1976: Б.О. Тимошук, Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. до н.е. (Київ 1976).
- Тимошук 1976а: Б.О. Тимошук, Звіт про розкопки давньоруського городища Окопи в с. Молодія Глибоцького району Чернівецької області в 1976 р. НА ІА НАНУ. 1976/135.
- Тимошук 1978: Б.О. Тимошук, Звіт про розкопки давньоруського городища Замчище в с. Василів Заставнівського району Чернівецької області. ФБ ЧКМ, 1978.
- Тимошук 1981: Б.О. Тимошук, Звіт про роботу експедиції відділу охорони пам'яток археології на території затоплення Дністорівською ГЕС та іншими водними спорудами Сокирянщини з 3 по 17 серпня 1981 р. ФБ ЧКМ, 1981.
- Тимошук 1982: Б.О. Тимошук, Давньоруська Буковина (Київ 1982).
- Тимошук 1990: Б.А. Тимошук, Восточнославянская община VI–X вв. н.э. (Москва 1990).
- Тимошук, Винокур 1964: Б.А. Тимошук, И.С. Винокур, Памятники черняховской культуры на Буковине. МИА 116, 1964, 186–195.
- Черненко 1968: Е.В. Черненко, Скифский доспех (Киев 1968).
- Черненко 1985: Е.В. Черненко, Скифские мечи и кинжалы (свод источников). НА ІА НАНУ. 1985/ПТ 107.
- Черныш 1959: Е.К. Черныш, Отчет о работе Отряда первобытной археологии Молдавской экспедиции в Черно-вицкой и Тернопольской областях УССР в 1959 году. НА ІА НАНУ. 1959/26.
- Черныш, Савич 1955: Е.К. Черныш, В.П. Савич, Отчет о раскопках в с. Перебыковцы, Черновицкой области в 1955 г. НА ІА НАНУ. 1955/12а.
- Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).
- Чистов 2007: Д.Е. Чистов, Новый комплекс с пожарищем второй половины VI в. до н. э. из раскопок на участке «О» античного поселения на о. Березань. В сб.: Древности Северного Причерноморья в античное время (Симферополь 2007), 127–151.
- Шарафутдинова 1968: И.Н. Шарафутдинова, К вопросу о сабатиновской культуре. СА 3, 1968, 16–34.
- Шовкопляс 1956: І.Г. Шовкопляс, Середньодністровська експедиція 1949–1951 рр. АП УРСР VI, 1956, 29–37.
- Шовкопляс 1962: І.Г. Шовкопляс, Курганний могильник передскіфського часу на Середньому Дністрі АП УРСР IV, 1952, 5–11.
- Шовкопляс, Максимов 1956: І.Г. Шовкопляс, С.В. Максимов, Дослідження курганного могильника передскіфського часу на Середньому Дністрі. *Археологія* VII, 1952, 89–109.
- Щукин 1989: М.Б. Щукин, Семь сезонов Славяно-сарматской экспедиции. В сб.: Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа (Ленинград 1989), 103–114.

- Ambrojevici 1933: C. Ambrojevici, L'epoque néolithique de la Bessarabie du Nord-Ouest. *Dacia* III–IV, 1933, 24–45.
- Bukowski 1976: Z. Bukowski, Elementy wschodnie w kulturze lużyckiej u schyłku epoki brązu (Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1976).
- Bukowski 1977: Z. Bukowski, The scythian influence in the area of lusatian culture (Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1977).
- Čaplovič 1961: P. Čaplovič, Mladohalštatske žiarové pohrebisko Kubin II – Medzihradné. *Arheologicke rozhledy* XIII, 1961, 334–366.
- Chochorowski 1993: J. Chochorowski, Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej (Krakow 1993).
- Gallus, Horvát 1939: S. Gallus, T. Horvát, Un peuple cavalier prescythique en Hongrie (Budapest 1939).
- Kemenczei 2001-2002: T. Kemenczei, Beiträge zur Schmuckmode der Alföld-Gruppe skythescher Prägung. *Folia archaeologia* XLIX-L, 2001-2002, 29–74.
- Kemenczei 2005: T. Kemenczei, Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken. *Prähistorische Bronzefunde* XX, 2005.
- Marinescu 1984: G. Marinescu, Die jüngere Hallstattzeit in Nordostsiebenbürgen. *Dacia* XVIII, 1984, 47–83.
- Nevizánsky 1985: G. Nevizánsky, Bronzový depot tzv. trácko-kimmerského horizontu zo Santovky. *Archeologické rozhledy* XXXVII, 1985, 601–606.
- Ossowski 1891: G. Ossowski, Sprawozdanie drugie z wycieczki paleoetnologicznej po Galicyi (w roku 1890). *ZWAK* XV, 1891, 1–88.
- Párducz 1973: M. Párducz, Probleme der skythenzeit im Karpatenbecken. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 25, 1973, 27–63.
- Sulimirski 1936: T. Sulimirski, Scytowie na Zahodniem Podolu (Lwów 1936).
- Vasiliev 1980: V. Vasiliev, Scițiii agatírsi pe teritoriul României (Cluj-Napoca 1980).

Могилев Александр Дмитриевич. Кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины. Адрес: Украина, Киев, ул. Доброхотова, 24, к. 77; 03142. Тел.: 38 095 743 07 94. Электронный адрес: mogilov@mail.ru

VESTIGII ALE CULTURII ȘOLDĂNEȘTI-BASARABI DESCOPERITE ÎN AȘEZAREA MAȘCĂUȚI-LIVADA BOIERULUI, RAIONUL CRIULENI, REPUBLICA MOLDOVA

Sergiu MUSTEAȚĂ, Ghenadie SÎRBU, Chișinău

În lucrare sunt analizate vestigiile arheologice identificate în complexul nr. 17 (locuință adâncită), descoperit în 2000 în așezarea pluristratigrafică Mașcăuți-Livada Boierului, amplasată în apropierea localității cu același nume din raionul Criuleni, Republica Moldova. Conform aspectelor tehnologice, morfologice și stilistice, materialul ceramic din această locuință a fost atribuit culturii Șoldănești-Basarabi. În același complex au fost descoperite și șase piese de inventar (cinci din lut ars și una din fier). În siturile hallstattiene din spațiul est-carpatic, cu excepția fusaiolei și, posibil, a figurinei ornitomorfe, astfel de piese nu sunt cunoscute. Totodată, analogiile stabilite în complexe din spațiile limitrofe – complexe scitice timpurii din zona de silvostepă de la est de Nipru și complexe hallstattiene, faza Babadag II, din Dobrogea, nu împiedică atribuirea pieselor de la Mașcăuți primei epoci a fierului. Prezența în complex a ceramicii de tip Șoldănești-Basarabi ne permite să atribuim întregul inventar arheologic acestei culturi. Articolul prezintă interes, deoarece sunt puse în circuit științific noi vestigii ale culturii Șoldănești-Basarabi, care în spațiul cuprins între Prut și Nistru sunt prezente într-un număr neînsemnat de situri.

Материалы культуры Шолдэнешти-Басарабь на поселении Маишкэуць-Ливада Боерулуй, Криуленский район, Республика Молдова. В данной работе анализируются материалы из комплекса № 17 (углубленное жилище), открытые на поселении Маишкэуць-Ливада Боерулуй (район Криулень, Республика Молдова). По всем аспектам: технологическим, морфологическим и стилистическим, керамика из этого комплекса была определена авторами как характерная для культуры Шолдэнешти-Басарабь. Также в комплексе были найдены шесть индивидуальных находок (пять предметов из обожженной глины и один – из железа). Последующий анализ показал, что находки такого рода в гальштатских комплексах из Восточно-Карпатского региона, кроме пряслица и, возможно, орнитоморфной фигурки, не известны. В то же время, наблюдаются аналоги среди инвентаря из раннекифских комплексов лесостепных регионов к востоку от Днепра, а также на гальштатском поселении Бабадаг II в Добрудже, которые не препятствуют отнесению находок из Маишкэуць к ранней эпохе железа. Их сочетание с керамикой шолдэнештского типа позволило авторам определить этот материал как характерный для культуры Шолдэнешти-Басарабь. Проанализированные материалы вводят в научный оборот новые данные по культуре Шолдэнешти-Басарабь, которая представлена незначительным количеством памятников в Прутно-Днестровском междуречье.

Vestiges of the Șoldănești-Basarabi culture discovered in the settlement Mașcăuți-Livada Boierului, Criuleni district, Republic of Moldova. In the present article the authors analyzed the cultural vestiges from the archaeological complex no. 17 (a dwelling) discovered in the settlement Mașcăuți-Livada Boierului, Criuleni rayon. Technological, morphological, and stylistic aspects of the ceramics discovered in the settlement are characteristic of the Șoldănești-Basarabi Culture. The archaeological complex includes also 6 occasional finds (5 pieces made of burnt clay and one piece made of iron). According to our analysis, this type of artifacts is not known from the Hallstatt Complex of Eastern Carpathian Area, with exception of a spindle, which probably represents a bird-shaped figurine. The apparent similarity of the studied material with early Scythian complexes from forest-steppe East from Dnieper and Hallstatt stage II from Dobrogea does not preclude the belonging of the findings from Mașcăuți to the Early Iron Epoch. The association of material under study with pottery of Șoldănești type indicates its belonging to the Șoldănești-Basarabi Culture. The described in this communication material brings into scientific use the new data on pottery of the culture Șoldănești-Basarabi, which is represented by a significant number of monuments in the Prut-Dniester area.

Key words: settlement, Middle Hallstatt, Șoldănești-Basarabi Culture, fluted and incised ceramic.

Generalități

Așezarea Mașcăuți-Livada Boierului se află la 2,5 km SSE de satul cu același nume din raionul Criuleni, Republica Moldova și la circa 1,0 km E de pădurea

numită de localnici *Din Dealul cel Mare*. Așezarea este situată pe versanții de sud și nord ai văii *Livada Boierului* (fig. 1,1-2).

În anii 1995-1996, în așezare au fost întreprinse săpături arheologice sub egida Universității de Stat din Moldova, realizate de către T. Arnăuț și S. Matveev (Арнаут, Матвеев 2001). Din 1996 săpăturile au fost preluate de Gh. Postică și S. Musteață (Musteață 1998a, 1998b; 1999; 2001; 2005a, 2005b; Postică 1998; Postică, Musteață 1997). În total, în cadrul celor cinci campanii arheologice, a fost cercetată o suprafață de 1509 m.p., dintre care 1449 m.p. în anii 1997, 1998 și 2000¹. Șantierul arheologic în anii 1996-1998 și 2000 a fost amplasat pe versantul de sud al văii numite de localnici *Livada Boierului*, unde au fost descoperite materiale arheologice aparținând culturii Șoldănești-Basarabi, vestigii getice, precum și materiale arheologice medievale timpurii din sec. V-XI.

În urma investigațiilor din anul 2000 au fost descoperite 20 de complexe arheologice, dintre care unul aparține culturii Șoldănești-Basarabi (complexul nr. 17), trei datează din perioada getică (sec. IV-III a.Chr.) și 16 din Evul Mediu timpuriu (sec. VI-VII și VIII-IX).

Complexul nr. 17 a fost descoperit la adâncimea de circa 0,30 m de la nivelul actual de călcare și reprezintă o construcție adâncită în sol, de formă ovală în plan (cu dimensiunile de 3,62x3,08 m), orientată pe axa E-V. Adâncimea locuinței de la nivelul de depistare este de 1 m. În profil, pereții locuinței se îngustează ușor spre fundul orizontal. Podeaua este amenajată din lut bătătorit, iar pe suprafața ei s-au descoperit aglomerații de cenușă și fragmente de lut ars (fig. 1,3). Umplutura construcției constă din sol cenușiu, în care au fost descoperite: 421 de fragmente ceramice, 187 bucăți de lut ars, 27 oase de animale, 59 pietre de calcar, trei silexuri, cărbune de lemn din abundență, precum și câteva piese de inventar din lut (fig. 6,1.3.4.6.7) și un ac de fier (fig. 6,2).

Ceramica

Ceramica, cea mai importantă și numeroasă categorie de vestigii arheologice, însumează 421 de fragmente de la vase modelate cu mâna. Din punct de vedere tehnologic, ceramica poate fi divizată în două categorii convenționale: de uz comun și fină. Raportul procentual dintre categorii constituie 58,66% (247 de fragmente) și, respectiv, 41,33% (174 de fragmente). În prima categorie a fost inclusă ceramica lucrată din pastă grosieră, unde în calitate de degresant au fost folosite cioburi pisate de granulație diferită (128 de fragmente), în unele cazuri, de rând cu șamota, în compoziția pastei este prezent nisipul (44 de fragmente) și granule de calcar (două fragmente). Pereții vaselor sunt relativ groși, având partea interioară prelucrată mai minuțios.

Culoarea suprafeței exterioare a recipientelor de uz comun este cu precădere maronie (104 fragmente) sau maroniu-cenușie (42 fragmente), cea interioară – cenușiu-închis. Pe partea exterioară a unor vase sunt prezente goluri de o formă incertă, datorate topirii/descompunerii în procesul arderii a unor particule/granule de degresanți de origine vegetală (pleavă) sau minerală (calcar). Ceramica fină, mai bine reprezentată din punct de vedere morfologic, a fost modelată dintr-o pastă preparată mai minuțios. Ca degresant, s-a utilizat șamota de granulație mică în amestec cu nisip. Suprafața vaselor este bine netezită pe ambele părți, uneori chiar lustruită, culorile predominante sunt neagră-cenușie (74 fragmente) sau maronie cu pete cenușii (56 fragmente) la exterior și cenușie cu o tonalitate diferită în interior.

Caracteristicile tehnologice ale ceramicii modelate cu mâna din complexul de la Mașcăuți-Livada Boierului sunt asemănătoare cu cele proprii ceramicii modelate cu mâna specifice culturilor arheologice din mileniul I a.Chr. din spațiul est-carpatic.

Din punct de vedere al tipului morfologic, în cadrul ceramicii de uz comun se identifică un singur tip de vase – recipiente cu corpul zvelt, gâtul cilindric și buza ușor evazată (fig. 2,1.3). Unul dintre acestea, pe partea exterioară a buzei, este ornamentat cu un brâu alveolat. Vasele de acest tip, în repertoriul morfologic al ceramicii de uz comun din mileniul I a.Chr. (prima epocă a fierului), în spațiul pruto-nistrean, se întâlnesc rar (Лапушнян 1979, 63, таблица IIa). Recipiente ornamentate asemănător celui de la Mașcăuți, cu brâu alveolat pe partea exterioară a buzei, sunt cunoscute în complexele ceramice din siturile culturii Șoldănești-Basarabi: așezarea de la Șoldănești (Мельюкова 1958, рис. 15, 11-12), nivelul de locuire Șoldănești din așezarea de la Lucașeuca (Levițki 1994b, fig. 17/3, 10) și necropola de la Seliște (Лапушнян 1973, рис. 4).

Restul recipientelor din categoria ceramicii de uz comun, luând în considerație fragmentele cu decor, au fost ornamentate în exclusivitate cu brăie alveolate, cu secțiune conică sau triunghiulară, dispuse orizontal pe corp (fig. 2,4-7) – elementul principal de decor al ceramicii grosiere din cadrul culturilor hallstattiene din spațiul carpato-nistrean.

Ceramica fină de la Mașcăuți-Livada Boierului se caracterizează printr-o complexitate mai mare de forme: străchini, castroane, chiupuri, cești și pahare.

Străchinile aparțin tipului de vase de formă tronconică larg deschisă. În dependență de modelarea buzei, se evidențiază străchini cu buza trasă brusc sau lent, în interior, simplă, îngroșată sau subțiată, având

¹ Din păcate, nu cunoaștem suprafața totală a investigațiilor realizate de către T. Arnăuț și S. Matveev în 1996, deoarece nu s-a realizat un raport de săpătură. Din vizita întreprinsă de către Gh. Postică și S. Musteață în timpul săpăturilor din 1996, putem afirma că a fost o suprafață redusă, de cca 10 m.p.

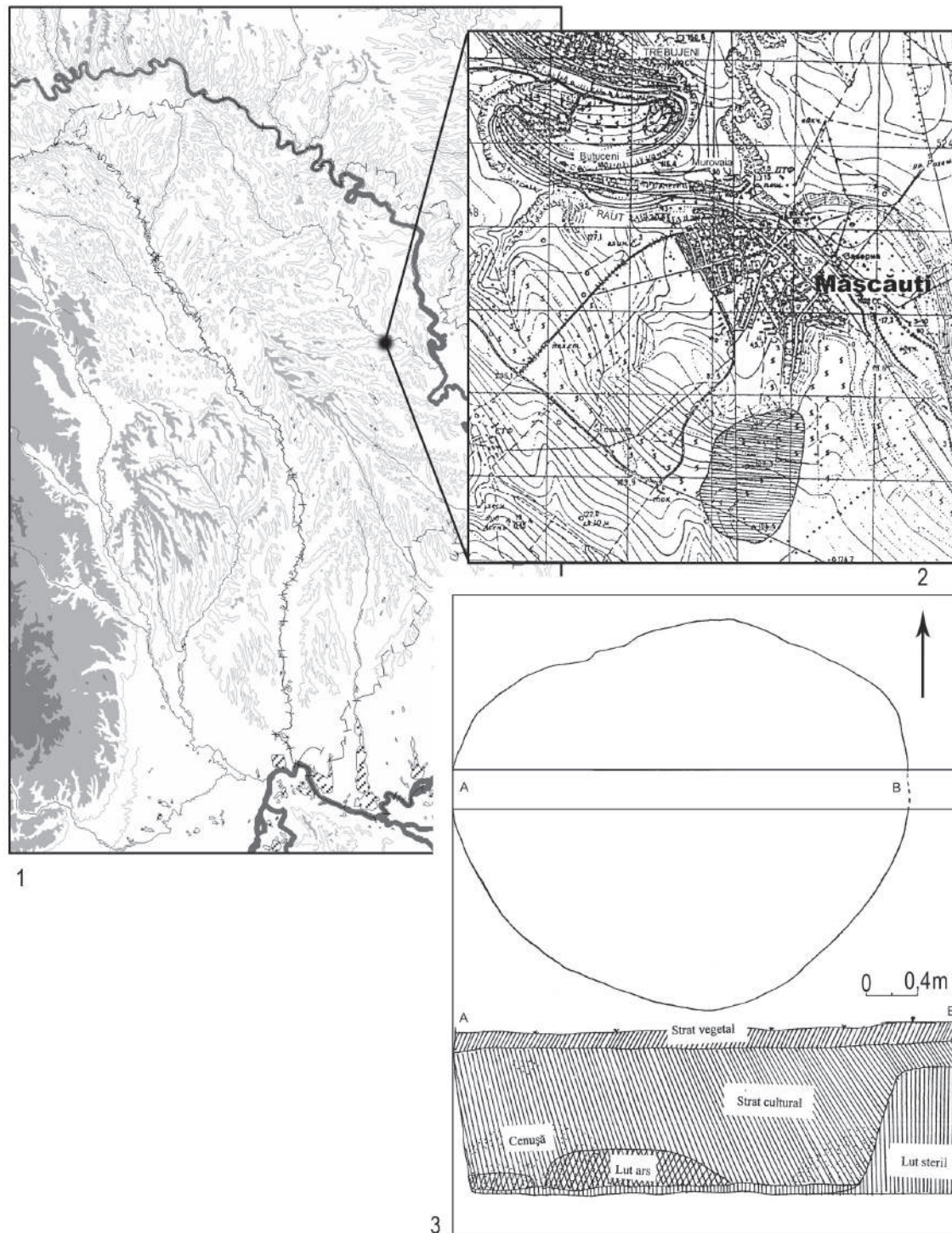

Fig. 1. 1 – Amplasarea așezării Mașcăuți–Livada Boierului pe harta Republicii Moldova. 2 – Condițiile topografice de amplasare a așezării Mașcăuți–Livada Boierului. 3 – Planul și secțiunea complexului 17 (locuință adâncită).

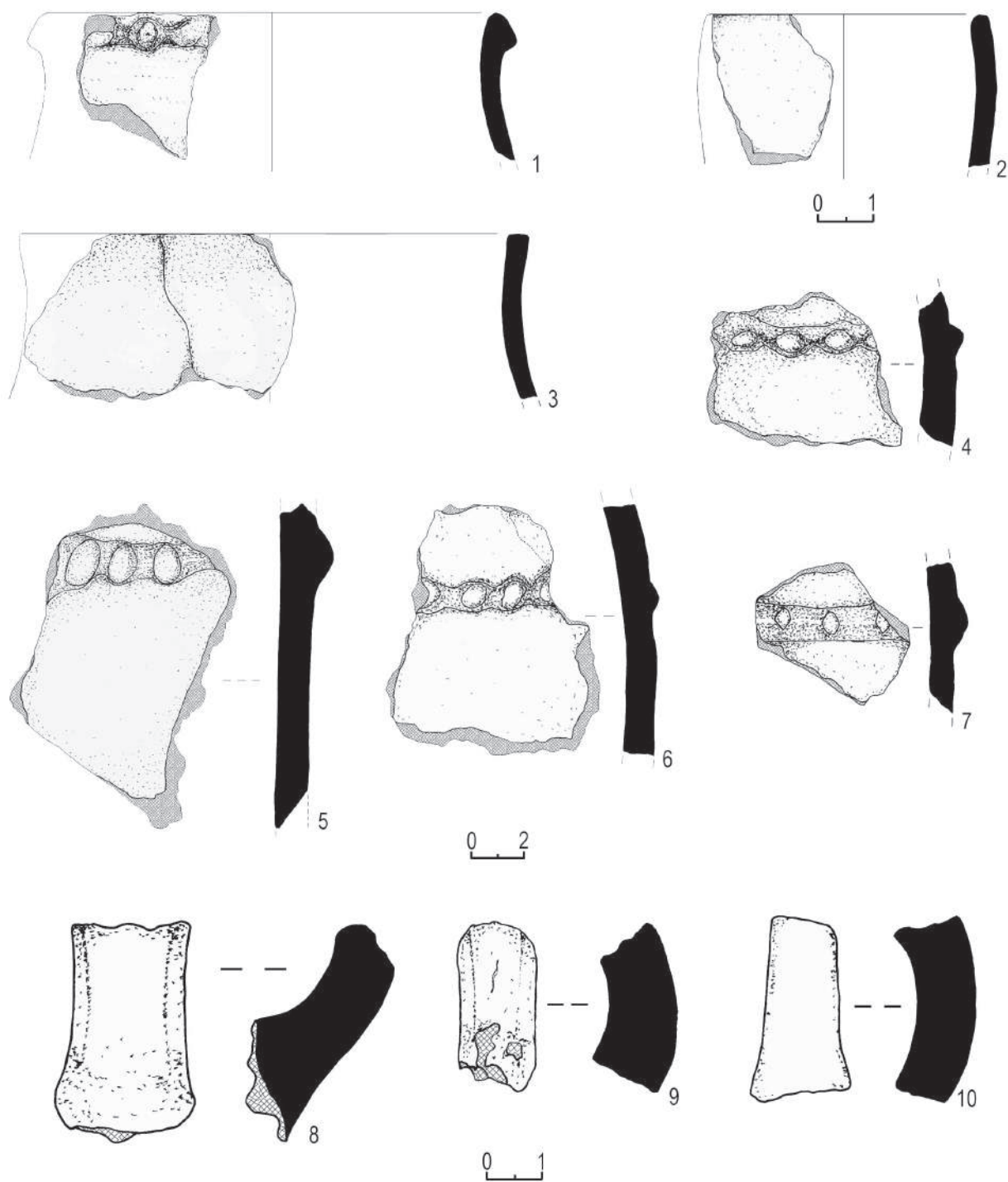

Fig. 2. Ceramică grosieră (1, 3-7) și fină (2, 8-10) din complexul 17 de la Mașcăuți-Livada Boierului.

marginea rotunjită (fig. 4,1-5.7-9) și străchini cu buza tăiată oblic, având pe partea interioară o mică adâncitură (fig. 4,6). Unele exemplare, pe partea exterioară a buzei, sunt prevăzute cu caneluri scurte dispuse oblic (fig. 4,1.9) sau vertical (fig. 4,3). Diametrul străchinilor variază între 20 și 28 cm.

Forma dată de străchini, cu unele modificări de ordin stilistic, cunoaște o largă răspândire începând cu Hallstattul timpuriu până în perioada getică timpurie (Лапушнян 1979, 65, таблица Пв). Dacă, morfologic, acest tip de străchini are analogii în culturile din intervalul temporal menționat, atunci decorul prezent pe unele recipiente și anume canelurile scurte dispuse vertical pe buză, sunt specifice, îndeosebi, pentru cultura Șoldănești (Зверев 2003, 251). În mediul cultural Șoldănești străchinile tronconice, cu buza ornamentată cu caneluri dispuse vertical, sunt cunoscute în necropola de la Seliște (Лапушнян 1972, рис. 4/2; Рафалович, Лапушнян 1974, рис. 3,3) și în așezările de la Șoldănești (Мелюкова 1958, рис. 15/4), Kremenciuk I (Демченко, Левицкий 1990, рис. 2/4).

Castroanele sunt reprezentate prin fragmente de la un recipient de formă bitronconică cu buza lată evazată (fig. 3,1-3). Pe partea interioară vasul a fost ornamentat cu caneluri verticale în combinație cu registre de triunghiuri hașurate amplasate vârf la vârf și triunghiuri hașurate dispuse în formă de zig-zag, la fel pe verticală. La exterior, este decorată numai partea bombată, cu un șir de alveole de mici dimensiuni. Ca tip morfologic, vasul castron de tipul celui de la Mașcăuți reprezintă un fenomen caracteristic culturii Basarabi, cunoscut în întregul ei areal, iar în calitate de importuri – și în mediile culturale prescitică și scitică timpurii din teritoriile de la est de Nistru. În arealul pruto-nistrean al culturii Șoldănești-Basarabi recipientele examinate sunt atestate în necropolele de la Șoldănești (Мелюкова 1958, рис. 23,1-2) și Seliște (Мелюкова 1958, рис. 1; 3/10; 4/1,4,7), așezările de la Ivancea II (Власенко 2008, 260, рис. 5/22) și Kremenciuk I (Демченко, Левицкий 1990, рис. 2,1-2), precum și în nivelele de locuire Șoldănești identificate în așezările de la Lucașeuca (Мелюкова 1972, рис. 3/4; Levițki 1994, fig. 17/15-17) și Petruha (Levițki 1994b, fig. 40,8). În acest context, semnalăm atestarea unui vas de acest tip în așezarea culturii Saharna-Cozia de la Solonceni, ornamentat similar celui de la Mașcăuți – caneluri verticale pe partea interioară a marginii evazate și un șir de alveole pe partea cea mai proeminentă a exteriorului (Мелюкова 1958, рис. 24,16).

Chiupurile (urnele de tip Villanova) din așezarea de la Mașcăuți sunt încadrate în categoria vaselor cu gâtul înalt de formă cilindrică și corpul, probabil, bombat. Gâtul acestor recipiente, de regulă, este decorat cu caneluri dispuse orizontal (fig. 5,7.8). Corpul

lor, în unele cazuri, este prevăzut cu o proeminență conică, realizată prin împingerea peretelui din interiorul vasului (fig. 9,6) sau cu un buton cilindric, de la care este aliniat un prag ce evidențiază trecerea spre umărul vasului (fig. 5,4).

În spațiul est-carpatic, vasele de tip chiup sunt cunoscute începând cu Hallstattul timpuriu. În același timp, recipientele cu gâtul înalt cilindric și corpul bombat reprezintă o formă definitorie numai pentru repertoriul ceramic al complexului cultural Șoldănești-Basarabi (Лапушнян 1979, 64, таблица Пб), unde marea majoritate a acestora, atestate atât în așezări, cât și în necropole, sunt ornamentate pe gât cu caneluri orizontale, iar pe umeri cu proeminențe conice (Мелюкова 1958, рис. 14/1; 20/1-2; Лапушнян 1972, рис. 2/3; 3/1.6).

Ceștile sunt reprezentate de recipiente cu profilul în formă de S și toarta ușor supraînălțată, ornamentate cu caneluri orizontale pe gât și caneluri verticale pe partea proeminentă a corpului (fig. 5,2.3). Toarta unui exemplar, în partea exterioară, este fațetată, iar pe curbura are decor din caneluri dispuse perpendicular (fig. 6,8). Un alt exemplar are pe toartă un buton (fig. 6,5). Restul fragmentelor de torți au formă rectangulară cu marginile rotunjite sau elipsoidală în secțiune (fig. 2,8-10).

Ceștile cu corpul profilat, ornamentate similar celor de la Mașcăuți, reprezintă unul din tipurile definitorii ale complexului ceramic al culturii Basarabi. În mediul cultural Șoldănești din interfluviul Prut-Nistru acestea sunt atestate în necropolele de la Șoldănești (Мелюкова 1958, рис. 21, 1-4) și Seliște (Лапушнян 1972, рис. 3/5,7; Рафалович, Лапушнян 1974, рис. 3/6), precum și în așezarea de la Șoldănești (Мелюкова 1958, рис. 16, 1).

Referitor la ceașca cu toarta ornamentată, menționăm că un recipient a cărui toartă avea caneluri dispuse perpendicular, este atestat în mormântul colectiv nr. 3 din necropola de la Șoldănești (Мелюкова 1958, рис. 21/3; vezi și Kașuba 2008, fig. 5), altul, cu toarta ornamentată întocmai ca la Mașcăuți, provine din cetățuia de la Grigorovka din stânga Nistrului (Смирнова 1983, рис. 2/3), fiind identificat de către M. Kașuba ca import Basarabi în mediul cultural Černyj Les târziu din bazinul Nistrului de Mijloc (Kașuba 2008, 45, fig. 7/5). Semnalăm de asemenea că decorul cu caneluri perpendiculare pe curbura se executa și pe torțile unor ulcioare de tradiție Șoldănești-Basarabi atestate în complexe funerare cimeriene, de exemplu mormântul din tumulul 3 de lângă s. Roșcani (Борзиак, Дубовская 1986, 71-73).

Ceștile a căror toartă supraînălțată este prevăzută cu buton, în spațiul est-carpatic, din punct de vedere cultural-cronologic cunosc o răspândire largă începând din perioada mijlocie a epocii bronzului până în peri-

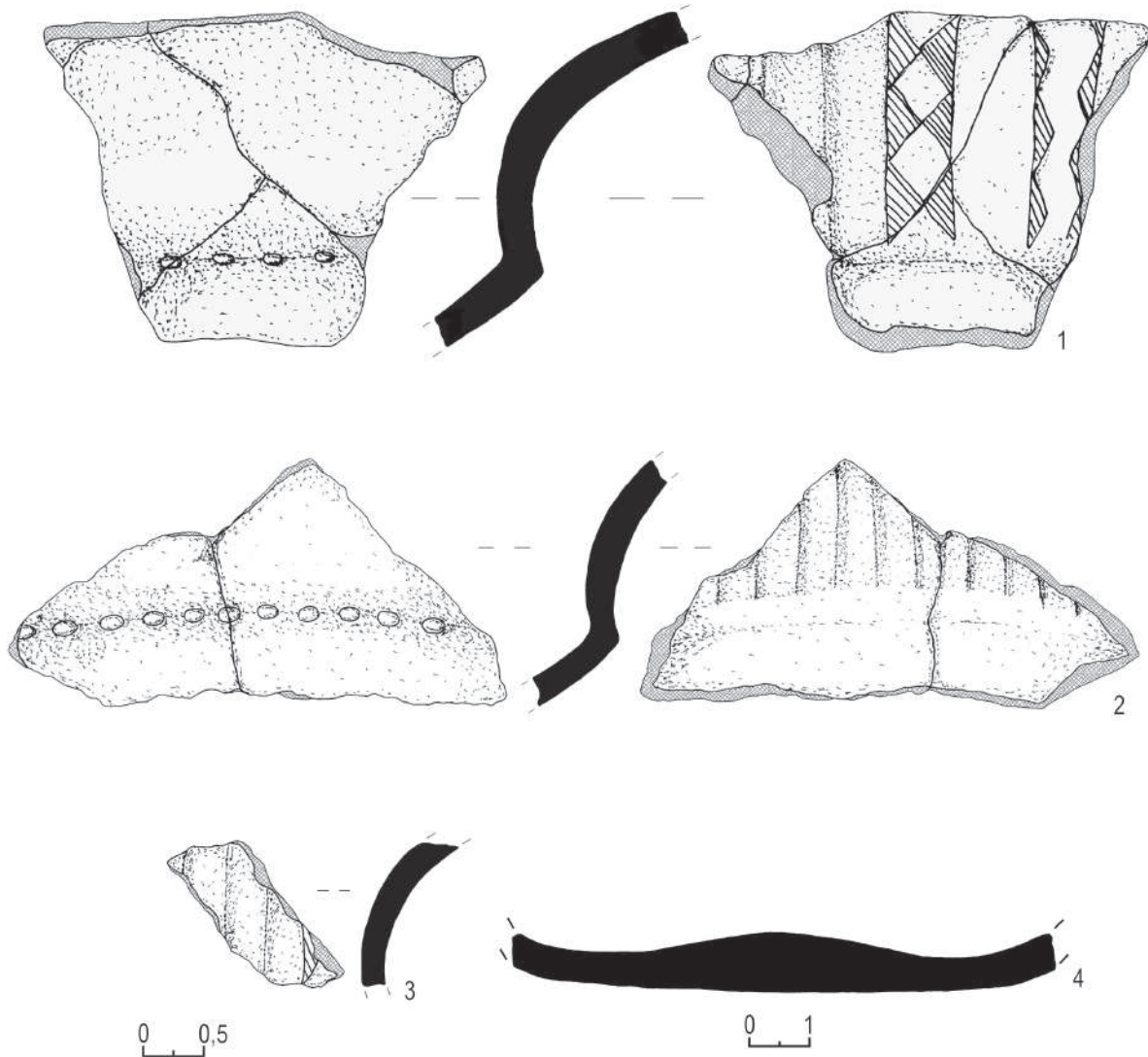

Fig. 3. Ceramică fină din complexul 17 de la Mașcăuți-Livada Boierului.

oada hallstattiană târzie (Sava 1994; Idem 2002; Levițki 1994a; Idem 1994b; Vulpe 1967, 46-47). În spațiul carpato-nistrean cel mai frecvent, prezența butonului pe curbura torții este atestată în complexele ceramice ale culturii Cozia-Saharna (Kașuba 2000a, рис. 5/4, 6; 9/10 13), iar în cele de la est de Nistru – în culturile Černuj Les (Крушельницька 1998, 162-165, рис. 99/1; 100; 101/7), Jabotin (Дараган 2003, 312, 314, рис. 1, 4) și scitice timpurii (Ковпаненко и др. 1989, рис. 7,25, 27-30; 9,1-15), complexe în care recipientele ornate prezintă exclusiv motive incizate sau imprimate. În acest context, este de reținut faptul că, într-o proporție relativ mai limitată, cămile cu torți supraînălțate prevăzute cu buton sunt cunoscute și în asortimentul

ceramicii culturii Șoldănești-Basarabi, unde acestea sunt decorate cu caneluri pe gât și pe partea proeminentă a vasului (Гольцева, Kașуба 1995, 34-35, Табл. LXXIII, 1-2), similar celor de la Mașcăuți.

Cât privește torțile prevăzute cu buton, considerăm că nu este exclus că acestea ar putea aparține și unor vase/cești cu două torți, care nu sunt străine spectrului ceramic al culturii Șoldănești-Basarabi (Kașuba 2008, 41, fig. 6), fiind identificate în așezarea de la Șoldănești (Мелюкова 1958, рис. 16/5,6) și în necropola de la Seliște (Лапушнян 1973, рис. 6/4). În favoarea acestei supoziții, amintim și fragmentul unui fund lat de vas, cu partea exterioară dreaptă, iar cea interioară având o ridicătură în partea centrală (fig. 3,4).

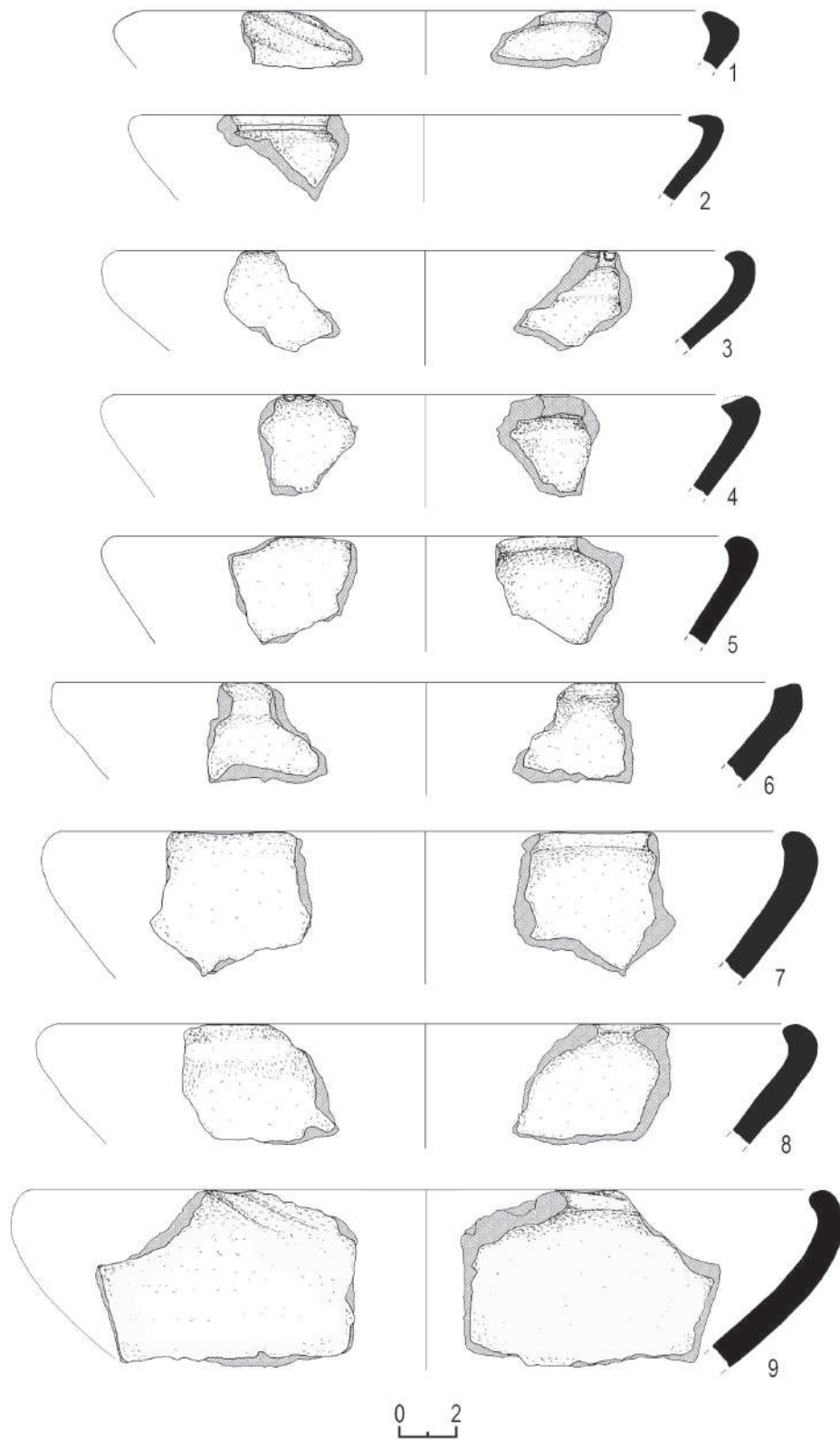

Fig. 4. Ceramică fină din complexul 17 de la Mașcăuți–Livada Boierului.

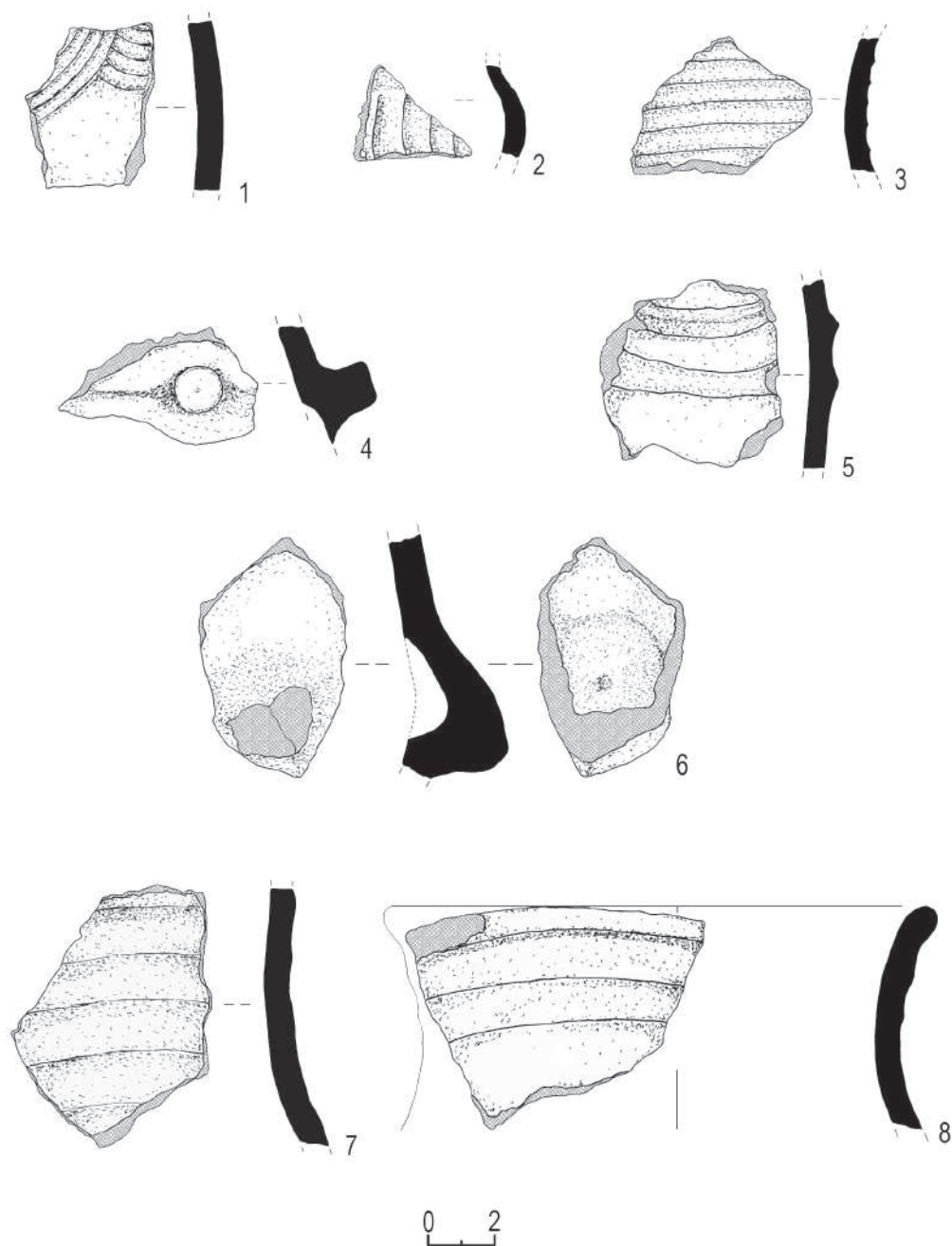

Fig. 5. Ceramică fină din complexul 17 de la Mașcăuți-Livada Boierului.

În locuința adâncită de la Mașcăuți a fost descoperit un fragment de buză cu marginea rotunjită (fig. 2,2), care, probabil, a aparținut unui vas de tip pahar.

Categoriei ceramicii fine îi sunt atribuite și două fragmente cu decor, unul cu motiv în formă de ghirlandă formată din caneluri înguste (fig. 5,1) și altul cu două brăie în relief dispuse orizontal (fig. 5,5), tipul de vas de la care provin nefiind identificat.

Recapitulând cele relatate referitor la ceramica descoperită în locuința adâncită din așezarea de la Mașcăuți, se poate afirma că aceasta, conform caracteristicilor ei tehnologice, tipurilor morfologice și motivelor ornamentale, corespunde totalmente complexului ceramic specific culturii Șoldănești-Basarabi din interfluviumul Prut-Nistru, în particular și complexului cultural Basarabi din sud-estul Europei, în general.

Piese de inventar

În umplutura construcției, în afară de ceramică, au mai fost descoperite și câteva obiecte de lut ars și unul de fier.

Piesele de lut sunt reprezentate de o figurină ornitomorfă, un pandantiv, o piesă în formă de „T”, o fusaiolă și un fragment de fund cu proeminențe în interior.

Figurina ornitomorfă (fragment) (fig. 6,3) este modelată din pastă fină cu degresanți abia vizibili. Suprafața piesei îngrijit netezită are culoare maronie-cenușie. Reprezintă o pasăre, de la care s-a păstrat doar partea superioară, având modelat ciocul, mai jos de el sunt profilați umerii. Partea inferioară (picioarele) a fost ruptă din vechime. Înălțimea fragmentului constituie 3 cm. Specia pe care o reprezintă nu poate fi identificată. După V. Sîrbu, statuetele de acest gen cunosc o largă răspândire în siturile din a doua epocă a fierului din spațiul est-carpatic (Sîrbu 1987, 91-157).

Pandantiv (?). Este lucrat din pastă fină fără degresanți, de culoare cenușie. Are suprafața netezită, cu unele denivelări. În plan, piesa are formă de cruce prevăzută în mijloc cu o gaură pentru fixare (fig. 6,1). Piese asemănătoare cu cea găsită la Mașcăuți-*Livada Boierului* se cunosc printre descoperirile din cetățuia scitică timpurie Bel'sk de la est de Nipru (Шрамко 1987, рис. 65,13; Idem 1996, рис. X,3.4), în bazinul Nistrului de Mijloc la Dolineni (Смирнова 1998, рис. 5: 12) și în trusa cu reprezentări plastice din faza Babadag II din așezarea hallstattană de la Babadag (Sîrbu, Jugănar 1999, 92, Figura 2, 1, 2; Jugănar 2005, Fig. 10/10, 11). În primul caz, acestea sunt considerate pânișoare (Шрамко 1987, 137), în al doilea – steluțe cu patru colțuri (Jugănar 2005, 43, Fig. 10,10.11), fiindu-le atribuit unanim un caracter votiv.

Piesă în formă de „T” (fig. 6,4). Este modelată dintr-o pastă de bună calitate, cu degresanți de granulație mică. Suprafața cu denivelări și goluri, de culoare cenușie închis. Piciorul de sprijin are capătul/talpa concavă, bara transversală, marginile subțiate, rotunjite și îndreptate în jos. Partea superioară a barei prezintă un șir de adâncituri bine ordonate. Analogii pentru piesa dată n-am reușit să găsim. Nedeterminată rămâne și destinația acesteia.

Fusaiolă (fig. 6,6). Este modelată din pastă fină cu degresanți abia vizibili. Suprafața îngrijit netezită are culoare cenușie. În plan, piesa este rotundă, în secțiune – bitronconică, aplatizată. Înălțimea piesei constituie 1,3 cm, diametrul 4,8 cm, diametrul orificiului 1,3 cm.

Fragmentul de fund cu proeminențe în interior realizate prin presare din exterior (fig. 6,7). Provine de la un recipient modelat conform parametrilor tehnologici specifici ceramicii din epoca fierului. Pentru moment, nu cunoaștem vreo analogie.

Ac de fier (fig. 6,2). Este confecționat dintr-o tijă de metal, care are un orificiu fragmentat la un capăt, iar

la celălalt capăt este îndoită sub un unghi de 36°. Lungimea totală a piesei este de 14,5 cm și diametrul de 0,7 cm. Piesa este puternic corodată. O unealtă asemănătoare ca formă a fost descoperită în cetățuia scitică timpurie de la Bel'sk, la est de Nipru (Шрамко 1996, рис. II, 18). După B. Šramko, piesele de acest gen se întrebuițau la coaserea textilelor sau la împletirea plaselor (Шрамко 1996, 69).

Piesele de inventar, cum reiese din cele prezentate, cu excepția fusaiolei și, posibil, a figurinei ornitomorfe, nu sunt cunoscute în siturile hallstatiene din spațiul est-carpatic. În același timp, analogiile acestora prezente în complexe din spațiile limitrofe – scitice timpurii din zona de silvostepă de la est de Nipru și hallstatiene, faza Babadag II, din Dobrogea – nu împiedică atribuirea pieselor de la Mașcăuți primei epoci a fierului, iar depistarea lor în asociere cu ceramica de tip Șoldănești-Basarabi, acestei culturi.

Analiza materialului arheologic provenit din complexul nr. 17 demonstrează că atât ceramica, cât și piesele de inventar aparțin culturii Șoldănești-Basarabi. E de notat că, până în prezent, complexe de locuire ale acestei culturi, în interfluviul Prut-Nistru, erau reprezentate doar prin locuințe de suprafață (Kașuba 2008, 40-41, fig. 4). Atestarea la Mașcăuți a unui complex adâncit în sol vine să completeze cunoștințele despre tipurile de locuințe din comunitățile de tip Șoldănești, demonstrând că și în zona pruto-nistreană a arealului complexului Basarabi se foloseau atât locuințe de suprafață, cât și locuințe adâncite în sol.

Concluzii

Construcția adâncită de la Mașcăuți (în funcție de adâncime: 1 m de la nivelul depistării, poate fi calificată ca bordei) (fig. 1,3), după caracteristicile constructive: formă ovală în plan, orientată E-V; pereții verticali ușor înclinați spre fund; podeaua orizontală amenajată din lut bătătorit; dimensiunile relativ mici – suprafața locuibilă restrânsă, de numai circa 11 m.p. În general, ea este asemănătoare construcțiilor adâncite cunoscute în siturile culturii Basarabi de la Piscu din sud-estul spațiului carpato-prutean (Brudiu 1991, 233-234) și Valea Timișului - „Rovina”, Remetea Mare - „Gomila lui Gabor”, Gornea - „Țărmuri-Pod Păzăriște” (nivelul superior II) din Banat (Gumă 1993, 217-218). În același timp, în perimetrul construcțiilor adâncite de la Piscu și Remetea Mare - „Gomila lui Gabor” sunt prezente gropi de stâlpi pentru susținerea acoperișului, iar în cele de la Valea Timișului - „Rovina” podeaua este amenajată cu pietriș mărunț sau piatră de râu de dimensiuni mai mari. În acest context, observăm că în bazinul Dunării de Mijloc, îndeosebi în Banat și Oltenia, în aria primară de formare a culturii Basarabi, locuințele de tip adâncit, de formă circulară în plan

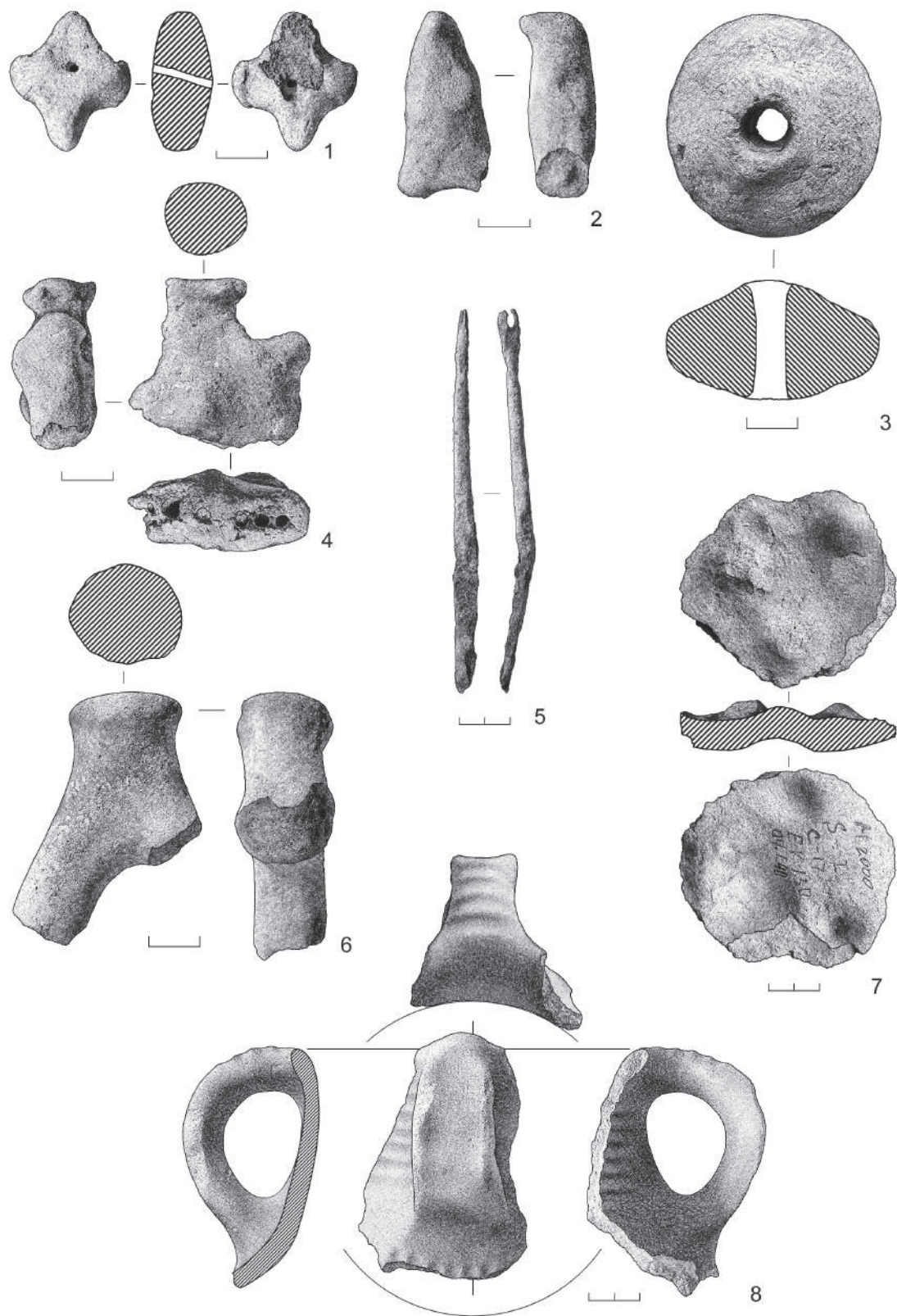

Fig. 6. Piese de inventar (1,3, 4, 6, 7 - lut; 2 - fier) și fragmente ceramice (5,8) din complexul 17 de la Mașcăuți-Livada Boierului.

(diametrele – între 3 și 3,8 m, adâncimea de 0,6-0,7 m), sunt atestate deja în orizontul hallstattian premergător – Insula Banului, unde acestea, în raport cu forma dreptunghiulară, constituie o etapă mai nouă în evoluția locuințelor din așezarea eponimă (Morintz, Roman 1969, 398). Tot aici, precizăm că locuințele adâncite, circulare în plan, nu reprezintă o caracteristică doar a culturii Basarabi. În perioada hallstattiană timpurie ambele tipuri de locuințe sunt atestate în siturile culturilor Chișinău-Corlăteni (Levițki 1994b; 58-61), Gava-Goligrady-Grănicești (Vasiliev ș.a. 1991, 37-38; László 1994, 53-54), Cozia-Saharna (Каушба 2000b, 10), iar în perioada hallstattiană târzie o construcție adâncită, circulară în plan, în spațiul carpato-prutean este cunoscută la Curteni (Iconomu 1978-1979, 179). În mediul cultural din bazinul Nistrului de Mijloc și din zona de silvostepă din dreapta Niprului, complexe de locuit similare celui

descoperit la Mașcăuți, în opinia lui G. Smirnova, apar în perioada scitică timpurie (Смирнова 2000, 89), acestea fiind cercetate la Seliște (Мелюкова 1953, рис. 31), Dolinjanu (Смирнова 1978, рис. 3; idem: 1998, рис. 3:1, 2; idem: 2001, рис. 7), Severinovka (Смирнова 1961, рис. 3), Nemirovo (Смирнова 1997, рис. 3; 8; 16), Motronino (Бессонова, Скорый 2001, рис. 17,4; 19,2) etc.

Dat fiind numărul mic de situri aparținând culturii Șoldănești-Basarabi (sec. VIII – începutul sec. VII a.Chr.) în regiunea cuprinsă între Prut și Nistru, complexul de locuire de tip adâncit și materialele arheologice, în primul rând cele ceramice, descoperite în așezarea de la Mașcăuți-Livada Boierului, își aduc aportul atât la completarea cunoștințelor despre tipurile de locuințe răspândite în acest mediu cultural, cât și la nuanțarea imaginii asupra ceramicii utilizate de purtătorii culturii Șoldănești-Basarabi în bazinul Răutului de Jos.

Bibliografie:

- Brudiu 1991: M. Brudiu, Cercetări privind hallstattul din sud-estul Moldovei. SCIVA t. 42, nr. 3-4, 1991, 221-239.
- Gumă 1993: M. Gumă, Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României (București 1993).
- Iconomu 1978-1979: C. Iconomu, Cercetările arheologice din locuirea hallstattiană târzie de la Curteni-Vaslui. Cercetări Istorice IX-X, 1978-1979, 178-236.
- Jugănar 2005: G. Jugănar, Cultura Babadag I. Biblioteca Istro-Pontică, seria arheologie 7 (Constanța 2005).
- Kașuba 2008: M. Kașuba, Materiale ale culturii Șoldănești în bazinul Nistrului Mijlociu – observații preliminare. Tyragetia, s.n., vol.II [XVII], nr.1, 2008, 37-50.
- László 1994: A. László, Începuturile epocii fierului la est de Carpați. BThr VI (București 1994).
- Levițki 1994a: O. Levițki, Culturile din epoca Hallstattiană timpurie și mijlocie. TD XV, 1-2, 1994, 159-214.
- Levițki 1994b: O. Levițki, Cultura hallstattului canelat la răsărit de Carpați. BThr VII (București 1994).
- Morintz, Roman 1969: S. Morintz, P. Roman, Un nou grup hallstattian timpuriu în sud-vestul României – Insula Banului. SCIV (A) t. 20, nr. 2, 1969, 393-423.
- Musteață 1998a: S. Musteață, Așezarea medievală timpurie Mașcăuți-Livada Boierului, Conferința științifico-didactică Științele umaniste în serviciul integrării europene, secția Istorie și Filosofie, Universitatea Liberă Internațională din Moldova, Chișinău, Mai, 1998, 11-12, (rezumat).
- Musteață 1998b: S. Musteață, Cercetarea arheologică a așezării Mașcăuți-Livada Boierului în anii 1997-1998. Orheiul Vechi. Buletin istorico-arheologic (Chișinău 1998), 40-41.
- Musteață 1999: S. Musteață, Noi realități arheologice atestate în cadrul așezării Mașcăuți-Livada Boierului. In: Probleme ale științelor socio-umaniste și ale modernizării învățământului. Conferința anuală a profesorilor U.P.S. "Ion Creangă", 25-26 martie (Chișinău 1999).
- Musteață 2001: S. Musteață, Rezultatele investigațiilor arheologice din cadrul așezării Mașcăuți – Livada Boierului în anul 2000. Raport științific (Chișinău 2001). Arhiva MNAIM, inv. nr. 474.
- Musteață 2005a: S. Musteață, Populația spațiului pruto-nistrean în secolele VIII-IX (Chișinău 2005).
- Musteață 2005b: S. Musteață, Prelucrarea osului în așezările medievale timpurii de la Mașcăuți-Livada Boierului și Mașcăuți-Cetate (Republica Moldova). Argeșis, vol.14. Studii și comunicări, 2005, 203-224.
- Postică 1998: Gh. Postică, Repertoriul monumentelor arheologice medievale timpurii din raionul Orhei. Precizări științifice pe marginea publicațiilor arheologice din anii 50-80. Orheiul Vechi. Buletin istorico-arheologic (Chișinău 1998), 54-63.
- Postică, Musteață 1997: Gh. Postică, S. Musteață, Rezultatele investigațiilor arheologice din cadrul așezării medievale timpurii Mașcăuți-Livada Boierului în anul 1997, Raport științific (Chișinău 1997). Arhiva MNAIM, inv. nr. 364.
- Sava 1994: E. Sava, Epoca bronzului - perioada mijlocie și târzie (sec. XVII-XII î.e.n.). TD XV, 1994, 144-158.
- Sava 2002: E. Sava, Die bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Band 19 (Varlag Oetker/Voges·Kiel 2002).
- Sîrbu 1987: V. Sîrbu, Figurinele antropomorfe și zoomorfe traco-geto-dacice din prima și a doua epocă a fierului. Istros V, 1987, 91-157.
- Sîrbu, Jugănar 1999: V. Sîrbu, G. Jugănar, Practici magice la tracia culturii Babadag. In: Studia in honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 92-104.
- Vasiliev ș.a. 1991: V. Vasiliev, Ioan Al. Aldea, Horia Ciugudean, Civilizația dacică timpurie în aria intracarpatică a României.

- Contribuții arheologice: așezarea fortificată de la Teleac (Cluj-Napoca 1991).
- Vulpe 1967: A. Vulpe, Necropola hallstattiană de la Ferigile. Monografie arheologică. (București 1967).
- Арнаут, Матвеев 2001: Т. Арнаут, С. Матвеев, Предварительные археологические исследования близ с. Машкауць в центральной Молдове, Карпатика 13 (Ужгород 2001), 116-123.
- Бессонова, Скорый 2001: С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Мотронинское городище скифской эпохи (Киев-Краков 2001).
- Борзиак, Дубовская 1986: И.А. Борзиак, О.Р. Дубовская, Новое погребение предскифского времени в Молдавии. В сб.: Известия АН МССР 2 (Кишинев 1986), 71-73.
- Власенко 2008: И.Г. Власенко, Гальштатские культурно-хронологические горизонты многослойного поселения Иванча II. *Tyragetia*, s.n., vol. II [XVII], nr. 1, 2008, 257-268.
- Гольцева, Кашуба 1995: Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (Тирасполь 1995).
- Дараган 2003: М.Н. Дараган, Периодизация Жаботинского поселения. В сб.: Археологічні відкриття в Україні 2001-2002 рр. Збірка науков. праці, вип. 5 (Київ 2003), 310-317.
- Демченко, Левицкий 1990: Демченко Т.И., Левицкий О.Г., К вопросу о шолданештских памятниках на территории Молдавии. В сб.: Археологические исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 111-120.
- Зверев 2003: Е.Ю. Зверев, Хронология культуры Басарабь по данным орнаментации на керамической посуде. *Stratum plus* 3 (2001-2002), 2003, 224-254.
- Кашуба 2000а: М.Т. Кашуба, Заметки о формировании среднегальштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть в днестро-прутском междуречье. *Stratum plus* 3, 2000, 140-156.
- Кашуба 2000b: М.Т. Кашуба, Культурно-историческое развитие лесостепного Днестро-Сиретского междуречья в начале I тыс. до н.э. (культура Козия-Сахарна), Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Санкт-Петербург 2000).
- Ковпаненко и др. 1989: Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного правобережья (Киев 1986).
- Крушельницька 1998: Л. Крушельницька, Чорноліська культура Середнього Придністров'я (Львів 1998).
- Лапушнян 1972: В.Л. Лапушнян, Раскопки памятников культуры фракийского гальштата в Молдавии. В сб.: АИМ в 1968-1969 гг. (Кишинев 1972), 88-104.
- Лапушнян 1973: В.Л. Лапушнян, Исследование могильника у с. Селиште. В сб.: АИМ в 1970-1971 гг. (Кишинев 1973), 100-113.
- Лапушнян 1979: В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X – начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии. (Кишинев 1979).
- Мелюкова 1953: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК вып. 51, 1953, 60-73.
- Мелюкова 1958: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА 64, 1958, 5-52.
- Мелюкова 1972: А.И. Мелюкова, О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. СА 1, 1972, 57-72.
- Рафалович, Лапушнян 1974: И.А. Рафалович, В.Л. Лапушнян, Могильники и раннеславянское городище у с. Селиште. В сб.: АИМ в 1973 г. (Кишинев 1974), 104-139.
- Смирнова 1961: Г.И. Смирнова, Севериновское городище (по материалам юго-подольской экспедиции 1947-1948, 1953 гг.). АСГЭ 2, 1961, 88-103.
- Смирнова 1978: Г.И. Смирнова, Поселение скифского времени у села Долиняны в Днестровском Правобережье (по материалом раскопок 1972-1973 гг.). АСГЭ 19, 1978, 29-36.
- Смирнова 1983: Г.И. Смирнова, Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников). АСГЭ 23, 1983, 60-71.
- Смирнова 1997: Г.И. Смирнова, Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике. В сб.: Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, вып. VI (Симферополь 1997), 77-121.
- Смирнова 1998: Г.И. Смирнова, О работах на раннескифском поселении у с. Долиняны в 1985 и 1987 гг. АСГЭ 33, 1998, 33-48.
- Смирнова 2000: Г.И. Смирнова, Грунтовые постройки округлой формы в лесостепном междуречье Южного Буга и Днестра в раннескифское время: местные строительные традиции или новации. В сб.: Давня і середньовічна історія України (Кам'янець-Подільський 2000), 80-93.
- Смирнова 2001: Г.И. Смирнова, Заключительный сезон на раннескифском поселении у с. Долиняны. АСГЭ 35, 2001, 59-73.
- Шрамко 1987: Б.А. Шрамко, Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) (Киев 1987).
- Шрамко 1996: Б.А. Шрамко, Комплекс глиняных скульптур Бельского городища. В сб.: Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи (Полтава 1996), 67-87.

Sergiu Musteață, doctor în istorie, conf. univ., Universitatea de Stat "Ion Creangă" din Chișinău, str. Ion Creangă 1, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: sergiu.musteata@yahoo.com

Ghenadie Sîrbu, cercetător științific stagiar, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei, bd. Ștefan cel Mare 1, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ghena_ipc@yahoo.com

LIPCANI „LA RABII” – UN NOU SIT ARHEOLOGIC CU NIVEL DE LOCUIRE HALLSTATTIAN TÂRZIU ÎN ZONA PODIȘULUI MOLDOVEI DE NORD

Oleg LEVIȚKI, Ghenadie SÎRBU, Andrei BABII, Chișinău

Articolul introduce în circuitul științific materialele colectate la suprafața așezării pluristratigrafice Lipcani „La Rabii”, recent descoperite, unde se identifică și un nivel de locuire din perioada hallstattiană târzie. Acesta, în baza ceramicii relevante privitor la tipurile morfologice și motivele ornamentale, se încadrează în repertoriul siturilor grupului podolian de vest/podolo-moldav, cunoscut în zona Podișului Moldovei de Nord doar prin materialele necropolei tumulare Trinca „Drumul Feteștilor” și a orizontului hallstattian târziu din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”.

Липкань «Ла Рабий» – позднегалльитаттский горизонт нового многослойного памятника в зоне Северо-Молдавского Плато. Статья вводит в научный оборот подъемный материал из нового археологического многослойного памятника Липкань «Ла Рабий», на котором идентифицируется и горизонт периода позднего галльитатта. Он был выделен по выразительным морфологическим типам и орнаментальным мотивам лепной керамики, относящейся к западно-подольской и подольско-молдавской группе памятников. Это третий памятник с подобными материалами, известными до этого в зоне Северо-Молдавского плато только по находкам из курганного могильника Тринка «Друмул Фетештильор» и позднегалльитаттского горизонта поселения Тринка «Изворуллуй Лука».

Lipcani “la Rabii” – the new archaeological site with Late Hallstatt level from the North Moldavian Plateau. The article presents the description of the artifacts collected from the surface of the multilayered archaeological monument Lipcani “La Rabii”, which among others includes also the Late Hallstatt level. The morphological type and ornamental pattern of ceramic vestiges permit to refer the described material to the West Podolian and Podolian-Moldavian group of monuments that was known in the area of North Moldavian Plateau only from the archaeological implements of the tumulus necropolis Trinca “Drumul Fetestilor” and the Late Hallstattian level of the Trinca “Izvorul lui Luca” settlement.

Key words: settlement, Late Hallstatt, Lipcani, North Moldavian Plateau, Podolian-Moldavian group .

Podișul Moldovei de Nord reprezintă una dintre cele mai cercetate, din punct de vedere arheologic, zone ale spațiului est-carpatic. Cercetările arheologice efectuate recent în micro-zona Trinca, au permis de a se constata că în epoca hallstattiană, acest spațiu a fost populat de comunități tracice, cultura materială și spirituală a căror atestă prezența unor clare influențe răsăritene din silvostepa din dreapta Niprului, de origine Belogrudovka-Černyj Les, și că în perioada hallstattiană târzie, partea de vest a acestuia constituie periferia de sud a arealului grupului podolian de vest (Levițki 1992, 121). Prezența comunităților vest-podoliene în acest spațiu, în prezent, este cert stabilită prin cercetarea completă a necropolei tumulare Trinca „Drumul Feteștilor” (Levițchi 2006) și de investigațiile sistematice din așezarea

Trinca „Izvorul lui Luca” (Levițki 2009).

Descoperirea așezării pluristratigrafice Lipcani „La Rabii”, unde se identifică și un nivel de locuire din perioada hallstattiană târzie, prin faptul că ceramica colectată este relevantă în ceea ce privește tipurile morfologice și motivele ornamentale care incontestabil încadrează așezarea în categoria siturilor acestui grup din Podișul Moldovei de Nord, prezintă un interes deosebit, iar materialul recuperat merită să fie introdus în circuitul științific.

Așezarea Lipcani „La Rabii” a fost descoperită în anul 2008 de către A. Babii. Ea este amplasată la circa 1,6 km spre vest de periferia de nord-vest a orașului Lipcani și la 0,3 km spre nord de calea ferată Lipcani-Cernăuți, pe un promontoriu format de valea unui pâ-

râu ce se scurge din stânga în r. Zelenaja, în punctul „La Rabii” (fig. 1). Teritoriul așezării este prelucrat sub culturi agricole anuale. Suprafața sitului, reieșind din răspândirea resturilor de cultură materială, este de circa 200x400 m. Vestigiile colectate permit identificarea următoarelor orizonturi cultural-cronologice: așezare din epoca eneoliticului – cultura Cucuteni-Tripolie; așezare din perioada târzie a epocii hallstattiene – grupul podolian de vest; așezare din epoca antică târzie – cultura Sântana de Mureș-Černjachov. Majoritatea materialelor arheologice depistate, îndeosebi ceramica, se atribuie cu precădere nivelului de locuire din perioada hallstattiană târzie, care și formează subiectul acestui articol. Vestigiile altor orizonturi cultural-cronologice sunt mai sporadice. Cele eneolitice sunt reprezentate prin fragmente de ceramică atipică și câteva piese de piatră șlefuită și de silex, care în linii generale pot fi încadrate în etapa Tripolie CI/Cucuteni B, cele antice târzii – fragmente de ceramică lucrată la roată și un fragment de toartă de amforă romană.

Ceramica din perioada hallstattiană târzie adunată la suprafața așezării, din punct de vedere al tehnicii de modelare, este reprezentată prin ceramică modelată cu mâna și câteva fragmente de ceramică lucrată la roata olarului.

În cadrul ceramicii modelate cu mâna se deosebesc două categorii convenționale: fină și de uz comun. În cadrul primei categorii se include ceramica modelată din pastă compactă, bine frământată, având în calitate de degresant cioburi mărunț pisate. În unele cazuri, de rând cu șamota, în compoziția pastei sunt prezente granule de calcar și microprundișuri. Suprafețele interioare ale vaselor, care au culoare cenușie sau neagră, sunt lustruite, iar cele exterioare, de culoare maronie sau maronie-cenușie, netezite îngrijit. Unele fragmente au ambele suprafețe lustruite de culoare neagră sau maronie. A doua categorie include ceramica modelată dintr-o pastă mai grosieră, cu amestec de cioburi pisate cu granulație mare, în cazuri izolate în asocieri cu granule de calcar, silex pisat, microprundișuri sau mică. Suprafețele exterioare ale vaselor în general sunt netezite, unele cu anumite denivelări, cele interioare în majoritatea cazurilor sunt lustruite. Unele vase de dimensiuni mai mici sunt lustruite pe ambele părți. Culoarea recipientelor este cu preponderență cenușie, cu nuanțe diferite, sau maronie, cu pete cenușii. În cazuri izolate, acestea au partea interioară de culoare neagră, iar cea exterioară acoperită cu angobă maronie-deschisă, altele sunt cenușii în interior și negre la exterior.

Din punct de vedere al tipului morfologic, ceramica fină este reprezentată prin fragmente care în marea majoritate provin de la străchini larg deschise, de formă tronconică, cu marginea invazată tăiată oblic (fig. 2,1) sau subțiată, (fig. 2,2) cu fundul simplu sau ușor evidențiat (fig. 3,11.12). Exemplarul cu marginea tăiată

oblic, în partea interioară, sub buză este prevăzut cu un șir de împunsături, cărora în exterior le corespund mici umflături. Diametrele acestor străchini variază de la 20 până la 22 cm.

Ceramica de uz comun, reieșind din fragmentele părților superioare ale recipientelor, este reprezentată cu precădere de vasele-borcan de mai multe tipuri.

I. Vase de tip borcan cu pereții verticali în partea superioară care treptat se îngustează spre fund. Marginea acestor vase poate fi subțiată dinspre interior, ușor îngroșată și rotunjită, verticală tăiată orizontal. În cadrul acestor vase se deosebesc vase mari diametrul cărora este de circa 22 cm. și de proporții mijlocii, cu diametrul de 12-16 cm. Sunt ornamentate cu: brâu alveolat amplasat orizontal nemijlocit sub margine, suprapus de un șir de perforații (fig. 2,3); brâu alveolat suprapus de un șir de împunsături la 0,6-1,0 cm mai jos de margine (fig. 2,6; 3,5.7); brâu alveolat la circa 1,0-1,5 cm mai jos de margine (fig. 3,1.3).

II. Vase cu corpul ușor rotunjit către gură și marginea tăiată oblic, ornamentate la 0,6 cm mai jos de margine cu un șir orizontal de perforații sub care a fost plasat un brâu care nu s-a păstrat, diametrul de circa 17 cm (fig. 2,5);

III. Vase cu gâtul vertical cu buza îngroșată dinspre exterior, ornamentate puțin mai jos de margine cu brâu alveolat dispus orizontal, iar în partea interioară - prevăzut cu un șir orizontal de împunsături, diametrul de circa 16 cm (fig. 2,4).

Ceramica lucrată la roata olarului a fost modelată dintr-o pastă fină de culoare cenușie deschisă, având în compoziție paiete de mică și granule de calcar. Fragmentele de vase, cu grosimea de circa 0,7-1,0 cm, au suprafețele lustruite, alocuri cu mici goluri formate în urma topirii granulelor de calcar. Partea interioară a unui fragment de perete atestă urme de modelare la roată – șanțuri orizontale lăsate de degetele olarului, cea exterioară – pete de vopsea/angobă de culoare neagră ? (fig. 3,9), iar partea exterioară a unui alt fragment – ușoare șanțuri (caneluri) orizontale (fig. 3,2).

Caracteristicile tehnologice ale categoriilor ceramicii lucrate cu mâna din așezarea de la Lipcani „La Rabii”, în linii generale, sunt proprii celor similare depistate în nivelul hallstattian târziu din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca” (Levițki 2009), precum și în necropola tumulară din aceeași perioadă Trinca „Drumul Feteștilor” (Levițchi 2006), amplasate în aceeași zonă geografică - Podișul Moldovei de Nord, la circa 20 km spre la sud-est, atribuite la grupul podolian de vest/podolo-moldav. Particularitatea ceramicii modelate cu mâna din așezarea examinată constă în ponderea relativ mare a recipientelor de uz comun cu suprafețele lustruite, parametru prin care aceasta se deosebește și de ceramica de uz comun descoperită în așezările vest-podoliene din zona Nistrului Mijlociu (Мелюкова

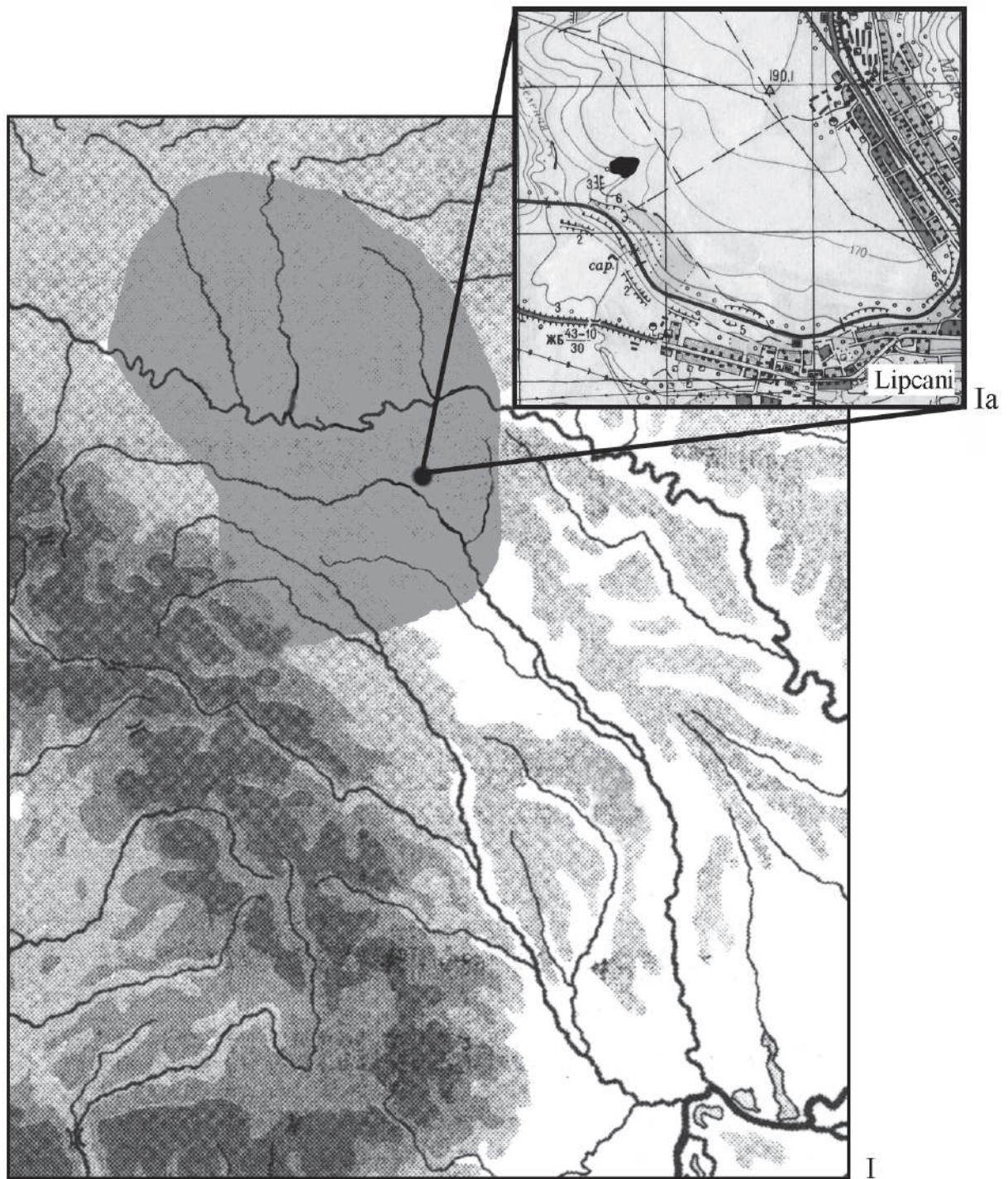

Fig. 1. 1 - Amplasarea așezării Lipceni „La Rabii” în arealul grupului podolian de vest/podolo-moldav; 1a – condițiile topografice de amplasare a așezării Lipceni „La Rabii”.

1958, 36-37; Ганина 1965, 107; 1984, 70; Смирнова 1978, 31; 1981, 50; 2001, 66) și din Depresiunea Rădăuți (Ignat 2006, 55).

Străchinile tronconice cu marginea invazată, prin care în așezarea de la Lipcani este reprezentată ceramica fină, constituie un fenomen caracteristic pentru prima și a doua epocă a fierului și au avut un vast areal de răspândire în diferite medii culturale din Europa Centrală și de Sud-Est. Această formă este cea mai reprezentativă și în cadrul ceramicii obiectivelor de tip podolian de vest/podolo-moldav din Podișul Moldovei de Nord - necropola Trinca „Drumul Feteștilor” (Levițchi 2006, fig. 13,8; 17,6; 23,3; 27,8; 31,14,16; 39,3.6; 43,8.9), orizontul hallstattian târziu a așezării Trinca „Izvorul lui Luca” (Levițki 2009), precum și din zonele limitrofe - zona Nistrului de Mijloc și Depresiunea Rădăuți din Bucovina de Sud, unde majoritatea lor sunt neornamentate.

Ornamentul de tipul celui prezent pe una din străchinile din așezarea de la Lipcani, în obiectivele vest podoliene din Podișul Moldovei de Nord nu este atestat. Sporadic, ornamentul format dintr-un șir de împunsături sub buză, în partea interioară a vasului, cărora în exterior le corespund mici umflături, se întâlnește și în așezările acestui grup din zona Nistrului Mijlociu – Selișce (Мелюкова 1953, рис. 32,19), Janaucy (Мелюкова 1958, 37), Suchostav (Свешников 1957, Табл. 1,17.18), Oselivka (Никитина 1979, рис. 6,6; Крушельницька, 1985, рис. 40,4.7) și Dolinjany (Смирнова 1978, рис. 6,9; 1981, рис. 13,3; 1998, рис. 7,2; 2001, рис.5,1,9) și doar în Depresiunea Rădăuți din Bucovina de Sud, cu așa motiv sunt prevăzute 56% de străchini din necropola Cajvana-Codru - tumulii 1, 2, 4, 7, 9 (Ignat 2006, 56, Pl. VIII,2; IX,1; XII, 5c,7a; XV,7b; XVII,2) și unele exemplare din necropola de la Volovăț–Dealul Burlei - tumulul 7 (Ibidem, Pl. V,1).

Deseori, cu un șir de împunsături sub buză, cărora le corespund în exterior mici umflături, precum și cu un șir de găuri complete sunt ornamentate și străchinile de tipul examinat în cadrul culturii scitice timpurii din zona de silvostepă din Dreapta Niprului (Ильинская 1975, рис. 19, 7.8.10.15; Ковпаненко и др. 1989, 52, рис. 7,14.16.18; 56, рис. 9, 19-20; Смирнова 1961, 94, рис. 8,1.3; 1997, 110, рис. 4,1; 7,10; 17,1; 18,1; Смирнова 2001a, 37, рис. 2, 11.13; Бессонова, Скорый 2001, 67, рис. 36,2; 37,13.16).

În cadrul ceramicii de uz comun din așezarea de la Lipcani, din punct de vedere morfologic, în baza fragmentelor din partea superioară a recipientelor a fost posibil de reconstituit doar câteva tipuri de vase–borcan. În zona Podișului Moldovei de Nord predominarea vaselor de tip borcan, în raport cu alte tipuri, este atestată și în necropola Trinca „Drumul Feteștilor” (Levițchi 2006, 81), atunci când, în nivelul sincron din așezarea

Trinca „Izvorul lui Luca”, acestea, cantitativ, sunt mult mai limitate (Levițki 2009). Ponderea mare a vaselor de tip borcan, în comparație cu cele de tip lelea, reprezintă una dintre caracteristicile distinctive a complexelor ceramice din așezările grupului podolian de vest din bazinul Nistrului de Mijloc (Мелюкова 1953, 69; Ганина 1965, 112; 1984, 71; Смирнова 1978, 33; 1981, 50; 1986, 40; 1998, 42; 2001, 66-68).

Recipientele din categoria ceramicii de uz comun, de tipurile reconstituite după fragmentele din așezarea de la Lipcani, au cele mai apropiate analogii în obiectivele grupului podolian de vest din Podișul Moldovei de Nord și bazinul Nistrului de Mijloc, constituind în același timp un fenomen caracteristic pentru ceramica de uz comun a tuturor culturilor și grupurilor culturale hallstattiene târzii localizate în spațiul cuprins între Nistru (la est) și Dunăre (la vest) și scitice timpurii din zona de silvostepă a Ucrainei, peste tot fiind reprezentate printr-o mare varietate de tipuri morfologice, motive ornamentale și accesorii, inclusiv zonele de amplasare a acestora pe corpul vasului.

Vasele de tip borcan cu pereții verticali în partea superioară ornamentate cu brâu alveolat dispus orizontal și suprapus de un șir de perforații amplasat nemijlocit sub margine; brâu similar suprapus de un șir de împunsături la 0,6-1,0 cm mai jos de margine; cu brâu alveolat la circa 1,0 - 1,5 cm mai jos de margine din așezarea de la Lipcani au paralele directe în necropola Trinca „Drumul Feteștilor” (Levițchi 2006, 81-84), unde de asemenea sunt ornamentate cu: brâu alveolat amplasat orizontal și suprapus de un șir de perforații (Ibidem, fig. 44,1.2) sau numai cu brâu similar, care spre deosebire de vasele de la Lipcani sunt amplasate la o distanță relativ mai mare de marginea vasului (Ibidem, fig. 23,4; 39,12).

Brâu alveolat suprapus de un șir de perforații amplasat nemijlocit sub marginea vasului reprezintă una din particularitățile specifice ale ornamentației ceramicii de uz comun a grupului podolian de vest, inclusiv și a vaselor de tip borcan depistate în așezările Nagorjany-Pidmet (Шовкопляс 1954, Таб. I,6); Janaucy (Мелюкова 1958, рис. 7,6.7); Selișce, punctul Skripka (Мелюкова 1953, рис. 32,20.22); Ivane-Puste (Ганина 1965, рис. 3,2.4); Zalissea (Ганина 1984, рис. 1,7); Dolinjany (Смирнова 1978, 33, рис. 6,15); Oselivka (Никитина 1979, рис. 6,3) și necropola tumulară de la Perebykovcy (Смирнова 1979, 58, рис. 15,5). Acest tip de ornament este caracteristic și pentru vasele de tip borcan din perioada scitică timpurie (secolele VII-VI î.e.n.) din zona de silvostepă din dreapta Niprului de Mijloc, bazinul râurilor Vorskla și Bugul de Sud (Ильинская 1975, 144; Ковпаненко 1981, 96).

Ornamentarea recipientelor de tipul examinat, nemijlocit sub margine, cu brâu alveolat suprapus de un șir de

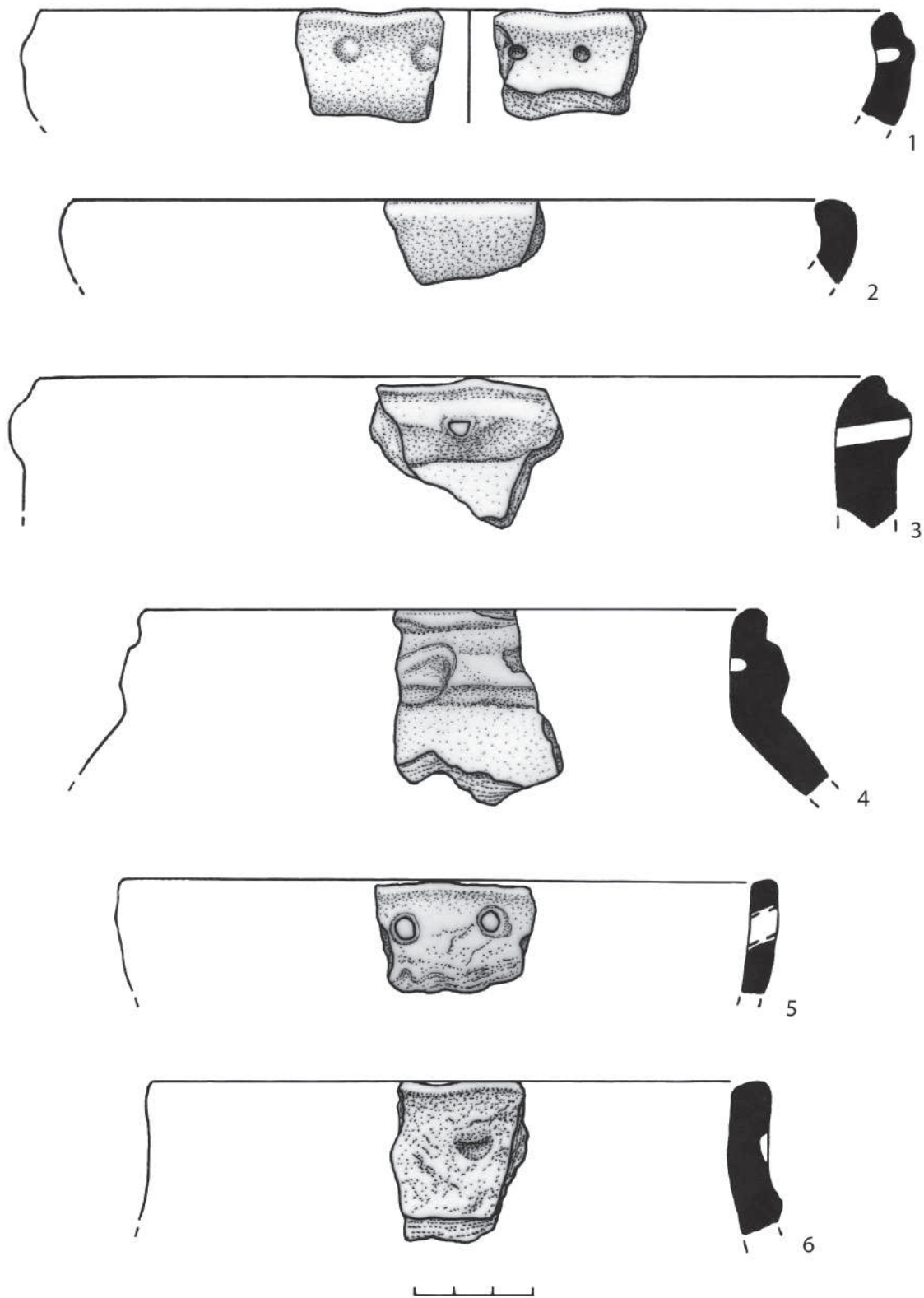

Fig. 2. Lipceni „La Rabii”. Ceramică modelată cu mâna.

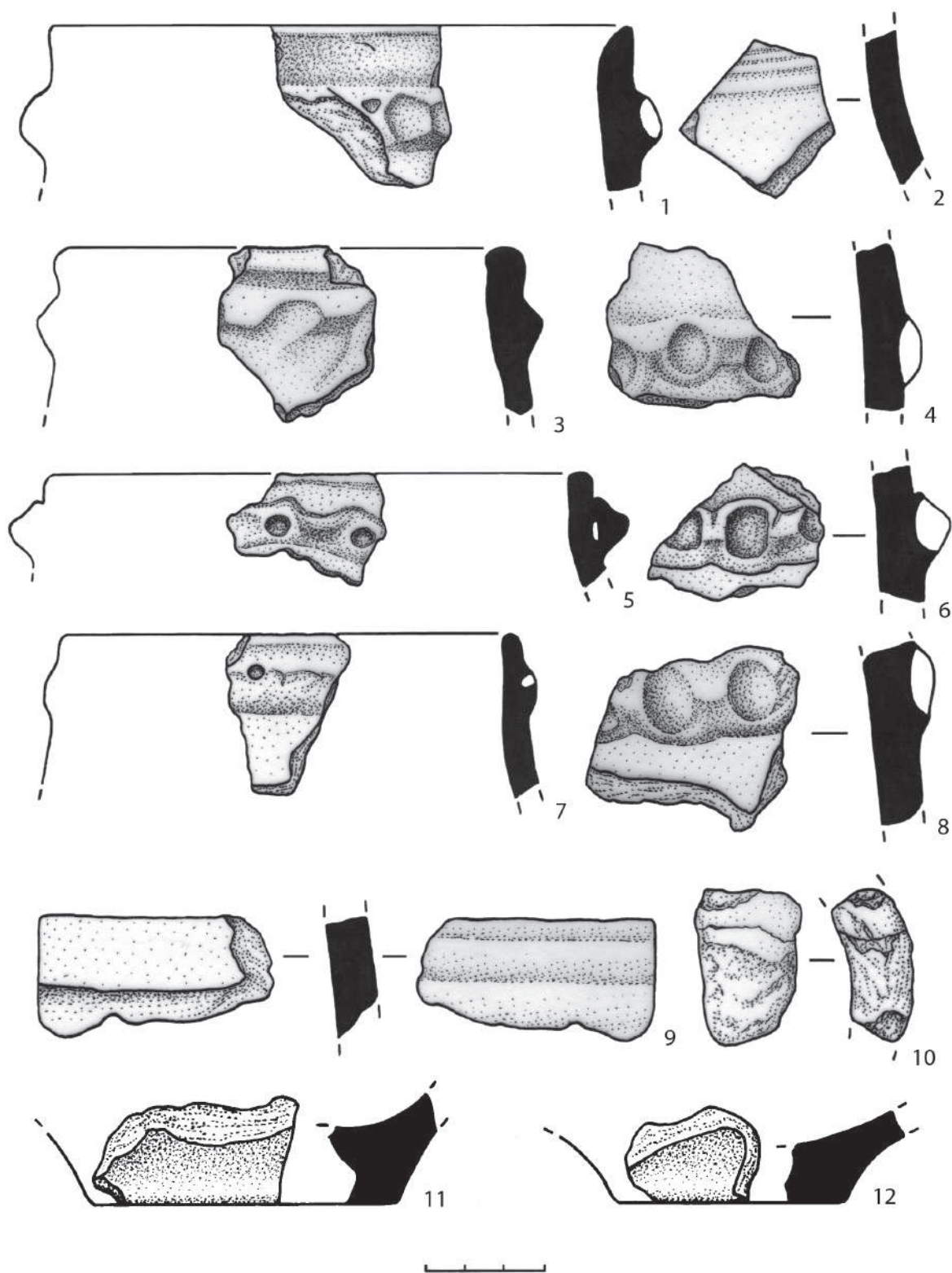

Fig. 3. Lipcani „La Rabii”. Ceramică modelată cu mâna (1,3-8,10-12) și lucrată la roată (2,9).

împunsături efectuate din exterior este atestată cu precădere în cadrul ceramicii vest podoliene din bazinul Nistrului de Mijloc în așezările de la Ivane-Puste (Ганіна 1965, рис. 3,5); Zalissea (Ганіна 1984, рис. 1,3); Dolinjany (Смирнова 1986, 40, рис. 4,2.5.9; 1998, рис. 42,8,1), necropola tumulară de la Perebykovcy (Смирнова 1979, 53, рис. 12,8) și, sporadic, în obiectivele grupului scitic timpuriu de tip Čerepin din bazinul Nistrului Superior (Крушельницька, 1993, рис. 88,21).

Amplasarea brăului alveolat sub marginea gurii vasului, la distanța de circa 1,0-1,5 cm, reprezintă una dintre caracteristicile distinctive ale ornamentației ceramicii de uz comun din perioada hallstattiană târzie – scitică timpurie. Recipiente ornamentate în așa mod sunt prezente în complexele ceramice ale obiectivelor grupului podolian de vest – așezările de la Janaucy (Мелюкова 1958, 37, рис. 7,1.2); Ivane-Puste (Ганіна 1965, рис. 1,3); Zalissea (Ганіна 1984, рис. 1,5); Dolinjany (Смирнова 1986, 40, рис. 5,7; 2001, рис. 3,5.9.10), precum și tumulul 5 din necropola tumulară de la Perebykovcy (Смирнова 1979, 58, рис. 15,4).

Vasele cu corpul ușor rotunjit către gură din așezarea de la Lipcani, din punct de vedere morfologic sunt mult apropiate de recipientele - borcan de tipul II din necropola Trinca „Drumul Feteștilor” (Levițchi 2006, 84-85, fig. 39,11.14; 44,5.7), precum și de cele cu profilul ușor rotunjit către gură din nivelul de locuire din perioada hallstattiană târzie din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca” (Levițki 2009). Exemplarul din tumulul VIII al necropolei de la Trinca, similar vasului de la Lipcani, este prevăzut la 1 cm mai jos de margine cu un șir de perforații, sub care este dispus orizontal un brâu alveolat (Levițchi 2006, fig. 39,14).

Recipiente similare din punct de vedere morfologic, prevăzute cu un astfel de decor puțin mai jos de margine, în perioada hallstattiană târzie – scitică timpurie sunt larg răspândite în bazinul Nistrului de Mijloc – așezările grupului podolian de vest de la Janaucy (Мелюкова 1958, рис. 7,3.4); Selišče, punctul Skripka (Мелюкова 1953, рис. 32,21.23); Dolinjany (Смирнова 1978, рис. 5,2.9; 1986, 40, рис. 4,6; 2001, рис. 2,1.2); Oselivka (Никитина 1979, рис. 6,2) și movila 2 din necropola tumulară de la Dolinjany (Смирнова 1977, 33, рис. 3,4); tumulul 3 de la Perebykovcy (Смирнова 1979, рис. 12,8), tumulul 1 de la Ivanovcy (Шукин 1989, рис. 1,3); bazinul Nistrului Superior - așezările grupului scitic timpuriu Čerepin-Lagodov de la Čerepin (Крушельницька, 1974, рис. 74,10; Eadem 1976, рис. 35,5; Eadem 1993, рис.88,1,24); Lagodov (Крушельницька 1993, рис. 105,10.11; 106,5), Vovšiv (Крушельницька 1976, рис. 38,1), precum și în obiectivele de tip Leznica (Крушельницька 1974, рис. 69) și în zona de silvostepă din bazinul Niprului de Mijloc - cetățuia Motronino

(Ковпаненко и др. 1989, рис. 7,5) și așezarea de la Sarancivka (Кулатова 1996, рис. 9,1).

Vasele cu corpul ușor bitronconic, gâtul vertical cu buza îngroșată dinspre exterior, ornamentate puțin mai jos de margine cu brâu alveolat dispus orizontal, iar în partea interioară prevăzut cu un șir orizontal de împunsături, identificate în așezarea de la Lipcani, de asemenea au paralele în necropola Trinca „Drumul Feteștilor”, unde printre diversele motive ornamentale utilizate pentru decorul lor (Levițchi 2006, 85-87, fig. 9,3; 13,10; 44,4.6) este prezent și brâu alveolat (Ibidem, fig. 44,8).

Recipientele de tipul discutat prevăzute sub margine cu brâu alveolat orizontal, în obiectivele grupului podolian de vest din bazinul Nistrului de Mijloc sunt atestate în așezările de la Janaucy (Мелюкова 1958, рис. 7,4); Ivane-Puste (Ганіна 1965, рис. 3,6); Zalissea (Ганіна 1984, рис. 1,8); Dolinjany (Смирнова 1986, рис. 4,1; 5,5; 2001, рис. 3,10), Oselivka (Никитина 1979, рис. 6,1), unde, cu excepția vaselor din așezările de la Janaucy și Oselivka, erau prevăzute pe partea interioară cu un șir de împunsături.

Vase cu așa parametri morfologici, în perioada hallstattiană târzie - scitică timpurie mai sunt cunoscute și în zona Nistrului Superior în cadrul grupurilor scitice timpurii Čerepin-Lagodiv (Крушельницька 1976, рис. 35,7; Крушельницька 1993, рис. 88,3; 105,10), cursul superior al Bugului de Sud - cetățuia scitică timpurie de la Severinovka (Смирнова 1961, рис. 10,4) și în bazinul Niprului de Mijloc - cetățuia scitice timpurii Motronino (Скорый, Бессонова 1996, рис. 5,6- 8) și Bel'sk (Шрамко 1996, Таб. XX,1).

Referitor la fragmentele de ceramică lucrată la roata olarului descoperite în așezarea Lipcani „La Rabii”, putem doar constata că ea a fost confecționată conform unei tehnologii similare celei utilizate de către comunitățile grupului podolian de vest din așezările de la Trinca „Izvorul lui Luca” (Levițki 2009), Dolinjany, Ivane-Puste, Zalissea, Neporotovo – stratul superior (Смирнова 1998; Смирнова 1999) și din așezarea hallstattiană târzie de la Curteni (Iconomu 1978-1979, 204, 211, 215).

Analiza ceramicii colectate la suprafața așezării Lipcani „La Rabii” demonstrează apartenența acestei așezări la grupul podolian de vest din Podișul Moldovei de Nord și bazinul Nistrului de Mijloc, perioada de evoluție a căruia corespunde mijlocului sec. VII – începutul sec. V î.e.n. (Смирнова 2004, 422).

Concretizarea limitelor cronologice de funcționare a așezării, la momentul dat, numai în baza materialelor de suprafață nu este posibilă. Faptul că ceramica modelată cu mâna nu conține elemente morfologice și ornamentale considerate arhaice, care persistă din perioada precedentă, pledează în favoarea atribuirii așezării la etapa evoluată a grupului podolian de vest/podolo-moldav.

Bibliografie

- Iconomu 1978-1979: C. Iconomu, Cercetările arheologice din locuirea hallstattiană târzie de la Curteni-Vaslui. CI, IX-X (Iași 1978-1979), 178-235.
- Ignat 2006: M. Ignat, Necropolele tumulare din zona Rădăuți în cadrul lumii traco-getice (sec. VII-V A.Ch.) (Târgoviște 2006).
- Levițki 1992: O. Levițki, La situation culturelle et historique dans l'espace Carpato-Dniestrien a l'époque du Hallstat. Sym Thrac 9, 1992, 119-121.
- Levițchi 2006: O. Levițchi, Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca „Drumul Feteștilor”. Bibliotheca Arhaeologica Moldaviae III, (Iași 2006).
- Levițki 2009: O. Levițki, Considerații asupra ceramicii lucrate la roata olarului din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. In: Studia archeologicae et historiae antiquae (Chișinău 2009), 95-116.
- Levițki 2009a: O. Levițki, Complexe hallstattiene târzii cu ceramică lucrată la roată din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”, (în curs de apariție).
- Smirnova 1998: G. Smirnova, Din nou despre ceramica cenușie lucrată la roată descoperită în siturile scitice timpurii din zona Nistrului Mijlociu. SCIVA, 49, nr. 1, 1998, 23-37.
- Бессонова, Скорый 2001: С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Мотронинское городище скифской эпохи (Киев-Краков - 2001).
- Ганіна 1965: О.Д. Ганіна, Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте. Археологія XIX, 1965, 106-117.
- Ганіна 1984: О.Д. Ганіна, Поселення ранньоскіфської доби поблизу с. Залісся. Археологія 47, 1984, 68-79.
- Ильинская 1975: В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н. э.) (Киев 1975).
- Ковпаненко 1981: Г.Т. Ковпаненко, Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось (Киев 1981).
- Ковпаненко и др. 1989: Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Памятники скифской эпохи Днепровского-лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион) (Киев 1989).
- Крушельницька 1974: Л.І. Крушельницька, Стародавнє населення Прикарпаття і Волині за доби раннього заліза. В сб.: Стародавнє населення Прикарпаття і Волині (доба первіснообщинного ладу) (Київ 1974), 228-268.
- Крушельницька 1976: Л.І. Крушельницька, Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза (Київ 1976).
- Крушельницька 1985: Л.І. Крушельницька, Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза) (Київ 1985).
- Крушельницька 1993: Л.І. Крушельницька, Пам'ятки ранньоскіфського часу (НаС-НаD). В сб.: Пам'ятки гальштатського періоду межиріччя Вісли, Дністра і Прип'яті (Київ 1993), 143-239.
- Кулатова 1996: І.М. Кулатова, Археолгічні пам'ятки території та найближчої округи Більського городища (за розвідками 1994 р.). В сб.: Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи (Полтава 1996), 121-137.
- Мелюкова 1953: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК 51, 1953, 60-73.
- Мелюкова 1958: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА 64, 1958, 5-102.
- Никитина 1979: Г.Ф. Никитина, Землянка скифского времени у с. Оселивка Черновицкой области, СА 3, 1979, 241-249.
- Свешніков 1957: І.К. Свешніков, Поселення ранньоскіфського часу біля с. Сухостав, Тернопільської області. Археологія XI, 1957, 106-114.
- Скорый, Бессонова 1996: С.А. Скорый, С.С. Бессонова, Житлово-господарський комплекс Мотронинського городища. В сб.: Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи (Полтава 1996), 222-232.
- Смирнова 1961: Г.И. Смирнова, Севериновское городище (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1947-1948, 1953 гг.). АСГЭ 2, 1961, 88-103.
- Смирнова Г.И. 1977: Г.И. Смирнова, Курганный могильник раннескифского времени у села Долиняны. АСГЭ 18, 1977, 29-40.
- Смирнова 1978: Г.И. Смирнова, Поселение скифского времени у села Долиняны в Днестровском Правобережье (по материалам раскопок 1972-1973 гг.). АСГЭ 19, 1978, 29-36.
- Смирнова 1979: Г.И. Смирнова, Курганы у села Перебыковцы–новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре. Труды ГЭ XX, 1979, 37-67.
- Смирнова 1981: Г.И. Смирнова, Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977-1978 гг.). АСГЭ 22, 1981, 40-61.
- Смирнова 1986: Г.И. Смирнова, Скифское поселение у с. Долиняны (раскоп «у тока»). В сб.: Древние памятники культуры на территории СССР (Ленинград 1986), 37-42.
- Смирнова Г.И. 1997: Г.И. Смирнова, Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике. В сб.: МАИЭ Таврии. Вып. VI (Симферополь 1997), 77-121.
- Смирнова Г.И. 1998: Г.И. Смирнова, О работах на раннескифском поселении у с. Долиняны в 1985 и 1987 гг. АСГЭ 33, 1998, 33-48.
- Смирнова 1999: Г.И. Смирнова, Еще раз о серой кружалной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья. АСГЭ 34, 1999, 44-57.
- Смирнова 2001: Г.И. Смирнова, Заключительный сезон работ на раннескифском поселении у с. Долиняны. АСГЭ 35, 2001, 59-73.
- Смирнова Г.И. 2001a, Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища). РА 4, 2001, 33-44.

Смирнова 2004: Г.И. Смирнова, Состояние изучения Западно-Подольской группы памятников раннескифского времени в Лесостепной Скифии в конце XX века. В сб.: Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego. (Krakow 2004), 405-429

Шовкопляс 1954: І.Г. Шовкопляс, Поселення ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі. Археологія IX, 1954, 98-105.

Шрамко 1996: Б.А. Шрамко, Раскопки В.А. Городцова на Бельском городище в 1906 г. В сб.: Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи (Полтава 1996), 29-54.

Щукин 1989: М.Б.Щукин, Семь сезонов славяно-сарматской экспедиции. В сб.: Итоги археологических экспедиций (Ленинград 1989), 103-114.

Oleg Levițki, doctor habilitat în științe istorice, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei, bd. Ștefan cel Mare 1, Chișinău, Republica Moldova.

Ghenadie Sîrbu, cercetător științific stagiar, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei, bd. Ștefan cel Mare 1, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ghena_ipc@yahoo.com

Andrei Babii, cercetător științific stagiar, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei, bd. Ștefan cel Mare 1, Chișinău, Republica Moldova.

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЙ ГОРИЗОНТ МОГИЛЬНИКА ШОЛДЭНЕСТЬ

Сергей КУРЧАТОВ, Кишинэу

Orizontul sarmatic târziu al necropolei de la Șoldănești. În lucrare, în baza materialului dintr-o nu prea mare necropolă sarmatică din preajma orașului Șoldănești, este analizată situația cultural-istorică din stepa Bălților în prima jumătate a sec. III e.n.

В работе, на материалах небольшого сарматского могильника, исследованного у пос. Шолдэнесть, рассматривается культурно-историческая ситуация, сложившаяся в Бельцкой степи в первой половине III в. н.э.

The late sarmatian horizon from the Soldanesti cemetery. In the area of Hallstadian necropolis Soldanesti was discovered small sarmatian cemetery, who have the secondary position after Hallstadian horizon. This cemetery has a date of the first part of the III century A.C. In this article is analyzed historico-culture situation in Balti steep region in sarmatian period.

Key words: *sarmatian horizon, necropolis, Soldanesti, Balti steep*

Маркоманские войны (167-180) явились переломным моментом в истории Европы первой половины I тысячелетия н.э. Случившиеся за эти неполные 15 лет события создали на северных границах Римской империи новую, отличную от всего предшествующего периода, этнокультурную реальность. Не остались в стороне от катаклизмов прошедшей войны сарматские племена Днестровско-Карпатского региона, принявшие самое деятельное участие во всех кампаниях, особенно ее первого этапа. Результатом явилась постигшая их демографическая катастрофа, после которой сарматы Днестровско-Прутского междуречья так и не смогли восстановить свое былое могущество. Значительное сокращение населения в северной зоне региона (Бельцкая степь) способствовало существенным этнокультурным подвижкам на рубеже - первой половине III в. н.э. Археологические материалы этого времени демонстрируют активные разнонаправленные взаимопроникновения с заметным преобладанием северного и северо-западного импульсов.

Оставшееся в Бельцкой степи сарматское население претерпевает значительные трансформации. Исчезают курганы кочевой элиты. Затухает погребальная и культовая практика на родоплеменных кладбищах-святилищах в Петрештах (Petrești), Старых Куконештах (Cuconești Vechi) и прочих подобных памятниках, в то время как в низовьях

Дуная аналогичные, несколько видоизменившиеся могильники продолжали функционировать, по-видимому, вплоть до середины III в. н.э. Сарматское население региона продолжало подпитываться периодическими импульсами с востока, в том числе и этнически неоднородными. В ходе продвижения на запад мигранты вступали в соприкосновение с постзарубинецким населением Среднего Поднепровья. Результатом этих контактов, судя по всему, явилось появление в сопровождающем покойных инвентаре вещей круга варварских эмалей - подковообразная фибула из погребения 5 могильника "La stîncă" ("Скала") (Kurciatov, Bubulici 1997, 224, fig. 3), исследованного на подошве полуразрушенного рифа у с. Бадражий Векь (Badragii Vechi) и не характерные для предшествующего периода лепные керамические формы. Прослеживаются существенные изменения в погребальной практике. Появляются сарматские грунтовые могильники и могильники смешанного, земледельческо-кочевнического типа - Котюжаны (Cotiuțeni) и Алчедары (Alcedar) (Курчатов 1984). Наблюдается общее затухание культуры.

Выйдя из тени сарматской гегемонии, регион активно начинают осваивать племена карпов. На левом берегу Прута (Прутень) исследован крупный керамический центр, способный обеспечить своей продукцией близлежащую округу (Vornicș.a. 2007). Прослеживаются какие-то слабые следы карпского присутствия и во внутренних районах

Днестровско-Прутского междуречья - Одая (Vornic ş.a. 2006). Несмотря на то, что датировка памятников расплывчатая, основывается исключительно на небольшом количестве амфорного боя, есть все основания отнести их появление к началу III в., времени наиболее активной деятельности карпов к востоку от Прута, кульминацией которой стал неудачный поход 214 г. на Тиру. Впрочем, аморфность сооружения связанного с горизонтом первых веков нашей эры в Одае не исключает вероятности, что здесь могли быть зафиксированы остатки сарматского стойбища.

На рубеже II-III веков в регион проникают передовые отряды гото-гепидских племен - Мокра, Козия-Яссы (Курчатov 2002). Закладываются могильники в Ханска-Лутэрия, совершаются первые захоронения в Данченах. В степи появляются странные курганы с кострищами в основании (Агульников, Курчатov 2005). Отсутствие аналогичных памятников на сопредельных сарматских территориях не позволяет однозначно отнести их к кочевническим культовым сооружениям. В то же время, отдельные северо-западные реплики позволили нам предположительно определить их как памятники культуры карпатских курганов.

Одновременно "освободившиеся" земли Бельцкой степи начинают осваивать носители постзарубинецких и пшеворских культурных традиций оставившие памятники типа Этулия (Курчатov 1984). Следует отметить, что крайне малое количество гончарной керамики "неопределенного происхождения" встречающейся на этулийских памятниках (Щербакова, Кашуба 1990, 118-119) явно не свидетельствует о том, что в степи они столкнулись с карпским присутствием. Трудно представить в универсуме общего жизненного пространства, где борьба за выживание и самоутверждение в период освоения территории велась максимально жестоко, мирное, чересполосное проживание двух сообществ земледельцев, чьи производительные силы были ориентированы на единый культурно-хозяйственный тип развития. Несмотря на довольно значительное количество этулийских поселений, открытых в последней четверти прошлого века в северной зоне Днестровско-Прутского междуречья, раскопки проводились лишь на двух - Алчедар и Черница II. Не исключено, что дальнейшие исследования позволят определить этнокультурные приоритеты оставившего их населения. На данный момент остается несомненной его тесные связи с кочевавшими в регионе сарматскими племенами. Свидетельством чего являются сарматские захоронения на этулийском могильнике Алчедар (Курчатov 1984) и этулийские элементы на сарматском

(?) могильнике, исследованном у с. Котюжаны. Отсутствие отчетных данных о погребальном обряде не позволяют конкретизировать его детали, в то время как материалы свидетельствуют о миксированном характере памятника.

Отражением сложных этнокультурных трансформаций происходивших в Бельцкой степи в первой половине III в. н.э. является горизонт сарматских погребений могильника Шолдэнешть. Захоронения первых веков нашей эры были открыты при исследовании А.И. Мелюковой могильника культуры Басарабь-Шолдэнешть в 1954-1955 гг. (Пассек 1955; Пассек, Мелюкова, Мовша 1956; Мелюкова 1956). Всего на площади около 900 кв. м исследовано 4 позднесарматских захоронения (рис. 1,2). Погребение 1 было открыто случайно, при рытье водопроводной траншеи и не отмечено на общем плане.

Изначально А.И. Мелюкова определила рассматриваемые комплексы как относящиеся к "эпохе полей погребений" или сарматские захоронения III-IV вв., не видя между этими понятиями принципиального различия (Мелюкова 1956). Однако впоследствии отказалась от их культурной атрибуции (Мелюкова 1958, 64), чем окончательно ввела в смущение своих последователей. Уже в дополнении к археологической карте Днестровско-Прутского междуречья интересующий нас горизонт под № 17 отмечен как памятник первых веков н.э., без отнесения к какой либо культуре (Кетрару, Рикман 1960, 8), а впоследствии, под шифром Шолданешты VI, и вовсе причислен к памятникам черняховской культуры (Рикман 1975, 76, № 262).

Могильник находился к северо-западу от поселка Шолдэнешть на покато́м юго-восточном склоне плато, между дорогой на с. Кобыльня (Cobilnea) и обрывистым левым коренным берегом р. Чёрна (Ciorna), к юго-западу от впадающего в нее р. Шестач (Şestaci), на территории подсобного хозяйства табакофермзавода (Пассек, 1955; Мелюкова 1956; Мелюкова 1958, 64) (рис. 1,1). Внешние признаки могильника отсутствовали. До начала раскопок культурный слой оказался разрушен при строительстве корпусов завода, прокладке коммуникаций и посадке многолетних насаждений. Захоронения фиксировались на глубине 0,55-0,65 м, на фоне светло-желтого материкового суглинка. Заполнение погребальных камер состояло из перемешанного с суглинком чернозема. Древесный тлен, угольки и остатки подстилки в заполнении и на дне ям не отмечены. Нумерация захоронений сохранена авторская. Все глубины даются от уровня современного горизонта.

Погребение 1 - совершено в прямоугольной формы яме с сильно закругленными углами ори-

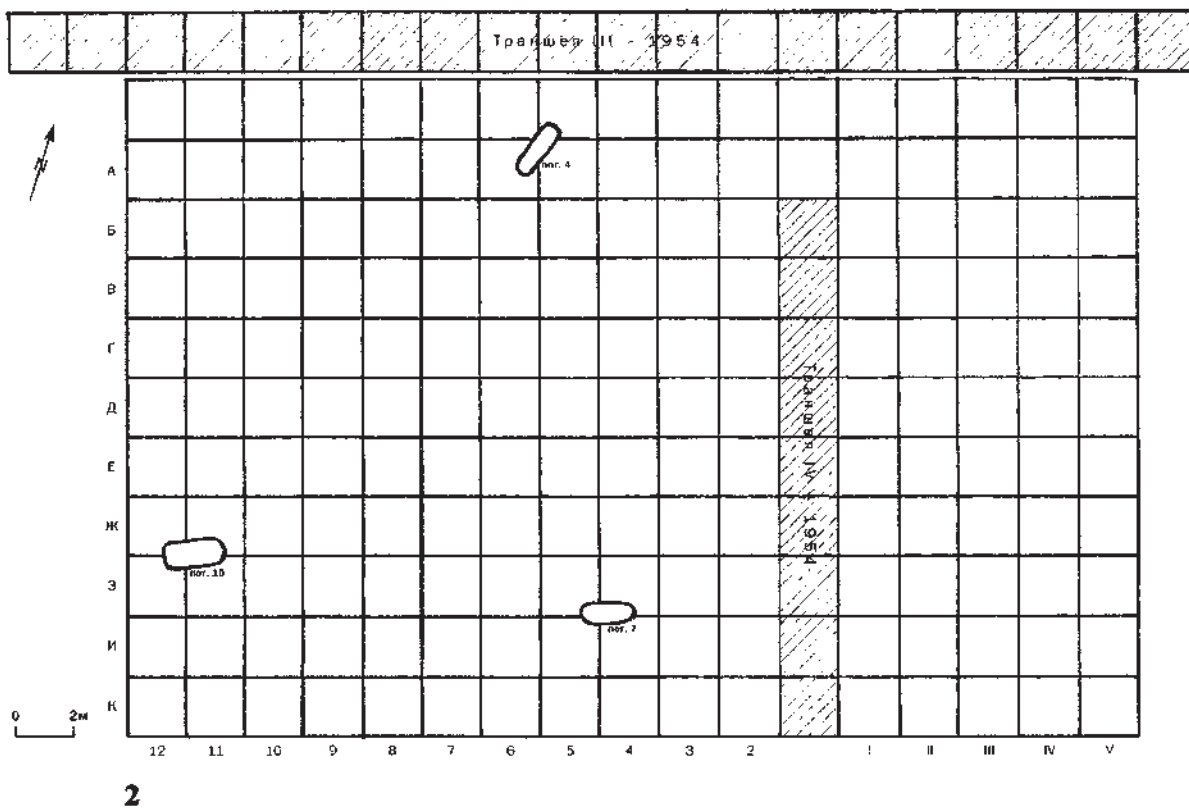
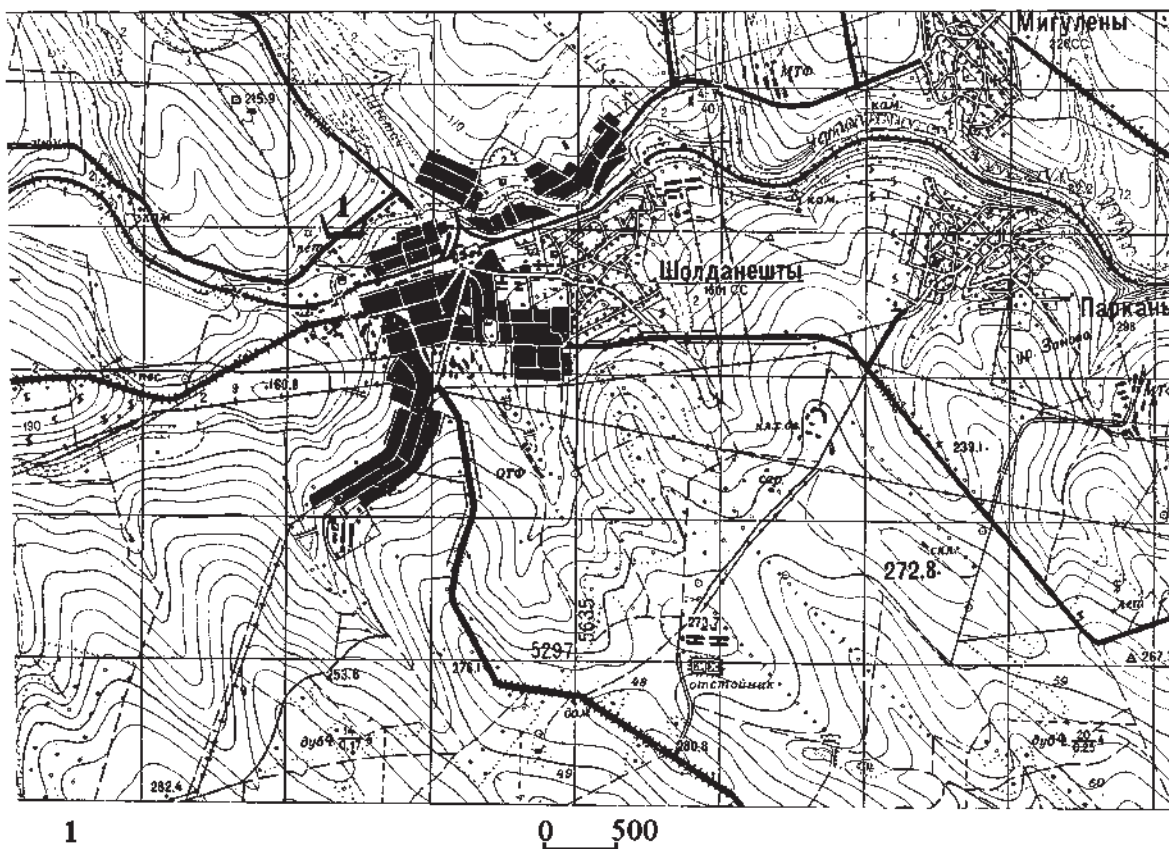

Рис. 1. 1 - Шолдэнештский могильник. Вероятное место нахождения могильника. 2 - общий план раскопа 1955 г.

ентированной по линии север-юг. Стены отвесные, дно ровное. Длина погребальной камеры 1 м, ширина 0,65-0,7 м, отмеченная глубина 1,3 м.

Истлевший скелет ребенка, сохранились только фрагменты черепа и часть грудной клетки, лежал на спине, головой на север (рис. 2,1). В головах на боку лежал гончарный серолощенный одноручный кувшинчик-кружка. Венчик сосуда выделен, слабо отогнут с внутренним подтаем. Горло высокое переходит в покатые плечики. Наибольшее расширение тулова приходится на нижнюю треть сосуда. Дно на низком кольцевом поддоне. Ручка лентовидная с вертикальным внешним желобком. Горло и плечики орнаментированы пролощенными вертикальными полосами. Изготовлен сосуд из хорошо промытого керамического теста с большой примесью органики. Высота кружки 8,4 см, диаметр венчика 6 см, тулова 8 см, дна 3,6 см. (рис. 2,2).

Погребение 4 - совершено в прямоугольной формы яме с закругленными углами, ориентированной по линии северо-восток - юго-запад. Стенки отвесные, дно ровное. Длина ямы 2,1 м, ширина 0,75-0,8 м, глубина 1,35 м.

Скелет взрослого человека разрушен в древности. В заполнении ямы, на глубине 1 м. в северном углу лежали две большие и две малые берцовые кости, часть лопатки с суставом и фаланга пальца руки. В юго-западной части погребальной камеры находились ключица и несколько осколков невыразительных костей, на одной из которых сохранился фрагмент истлевшей ткани (рис. 2,6). Среди берцовых костей собраны две плитчатые бусины из глухого стекла синего цвета диаметром 0,7-0,9 см, толщиной 0,3 см (рис. 2,4) и одна округлая бусинка диаметром 0,5 см из глухого белого стекла (рис. 2,3). В непосредственной близости от остатков ткани, компактным слоем залегал бисер, служивший для обшивки гетр или обуви, изготовленный из глухого белого (31), лимонного (5), сиреневого (5), зеленого (2) стекла округлой формы, диаметром 0,3-0,5 см (рис. 2,3) и мелкий цилиндрический из глухого белого, желтоватого и красноватого с разводами стекла (12) диаметром 0,4 см и длиной 0,2-0,3 см (рис. 2,5). В южном углу погребальной камеры на дне сохранились остатки раздавленного землей лепного сосуда очень плохой сохранности, изготовленного из керамического теста с большой примесью крупного шамота. Не сохранился.

Концентрация бисера в юго-западной части погребальной камеры и наличие здесь же фрагмента ткани, на которую он, вероятно, был нашит, указывают на то, что погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток.

Погребение 7 - совершено в прямоугольной формы яме с закругленными углами ориентированной по линии запад-юго-запад - восток-северо-восток. Продольные и торцевая западная стены ровные, отвесные. Восточная - скруглена. Дно ровное. Длина погребальной камеры 1,7 м, ширина 0,8 м, глубина 1,25 м.

Скелет взрослого человека разрушен в древности. В центре погребальной камеры, на дне, в беспорядке лежали фрагмент нижней челюсти, часть лопатки, одна плечевая, две локтевых и одна лучевая кости (рис. 3,1). Характер расположения сохранившихся костей позволяет предположить западно-юго-западную ориентировку погребенного.

Из заполнения и со дна ямы происходят накопник ремня, изготовленный из двух скованных вместе железных пластин прямоугольной формы. Между пластинами и на внешней поверхности верхней сохранились остатки кожи с отпечатком тонковолокнистой ткани хорошего качества. Длина накопника 3,5 см, ширина пластин 1 см, толщина 0,2-0,3 см (рис. 3,2). Фрагмент железной полуовальной в сечении пластины неизвестного назначения. Края обломаны. Длина пластины 3,4 см, ширина 1 см, толщина 0,5 см (рис. 3,3). В заполнении и на дне погребальной камеры были собраны 16 астрагалов, по определению В.И. Цалкина, от 8 взрослых особей козы-овцы. Не сохранились.

Погребение 10 - совершено в прямоугольной формы яме, ориентированной по линии запад-юго-запад - восток-северо-восток. Стенки отвесные, углы незначительно скруглены. Дно ровное. Длина погребальной камеры 2,1 м, ширина 0,9 м, глубина 1,25 м. Скелет взрослого человека разрушен в древности. В заполнении и на дне ямы были обнаружены отдельные части костяка, разбросанные в беспорядке по всей площади погребения. В юго-западной части ямы, ближе к центру, на дне находились две лучевые кости, одна из которых, правая, оказалась не потревоженной. Несколько ниже компактной группой лежали: лопатка, плечевая кость, часть таза, три позвонка и несколько ребер. Ближе к северной стенке погребальной камеры находились вторая часть таза и большая берцовая кость. Под северо-восточной стенкой лежали бедренная и под ней локтевая кости (рис. 3,9). Судя по положению правой лучевой кости, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад-юго-запад.

Настоящее захоронение отличалось наибольшим количеством сопровождающего инвентаря. Из заполнения юго-западной части ямы происходит бронзовая овальнорамчатая пряжка с прямоугольным щитком. Передняя часть круглой в сечении рамки утолщена. Фасетированный язычок прогнут

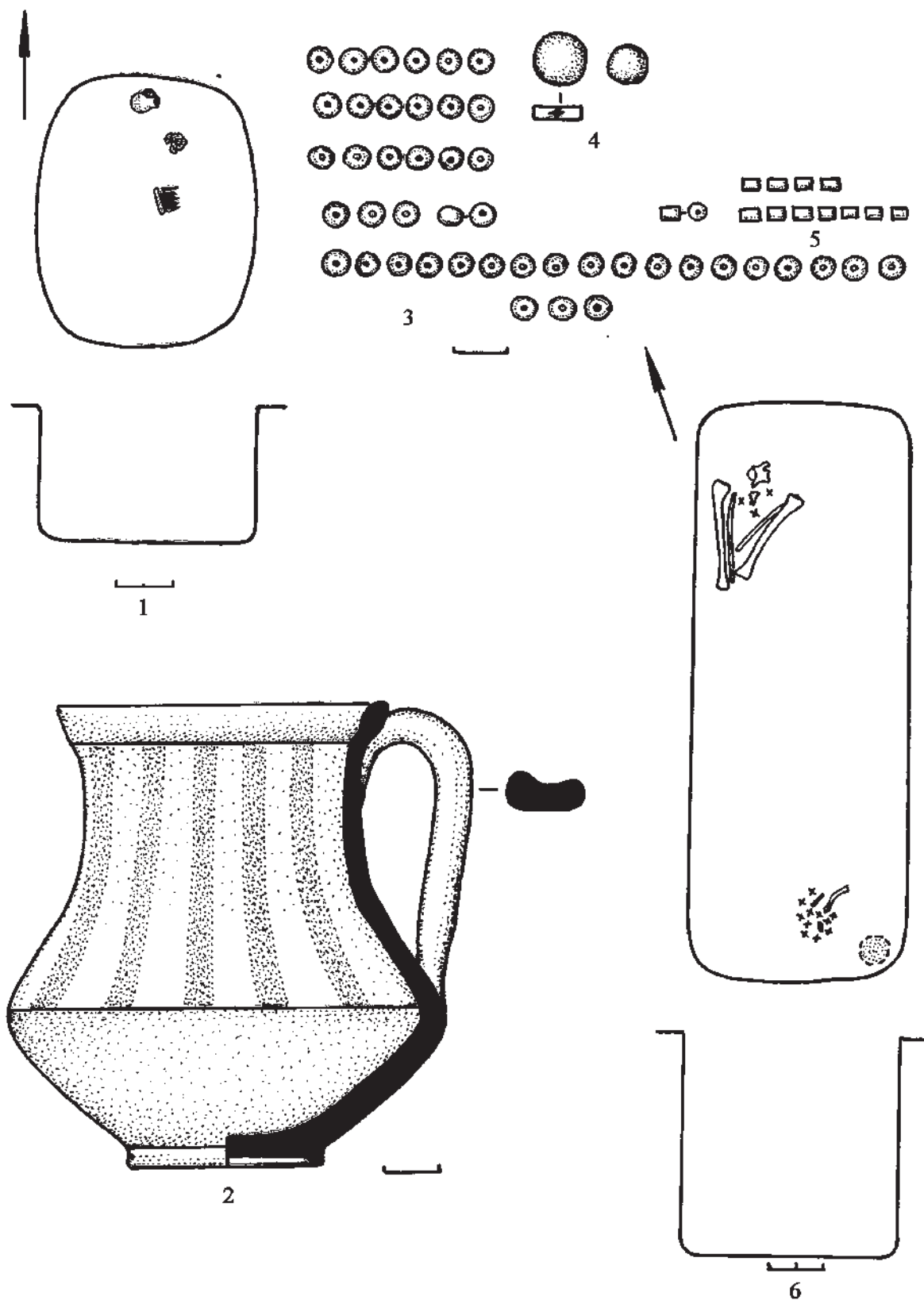

Рис. 2. Шолдэнештский могильник. Планы погребений и материалы из них. 1-2 - погребение 1; 3-6 - погребение 2.

и до половины охватывает переднюю часть рамки. Щиток изготовлен из согнутой вдвое пластины толщиной 0,1 см. Крепился к рамке шарнирно. Лицевая часть щитка орнаментирована двумя боковыми вырезами овальной формы. Крайняя треть фасетирована. К ремню пряжка крепилась при помощи одного круглого в сечении штифта. Размеры рамки 1,7×1,8 см, диаметр дрота 0,2-0,4 см. Щитка 1,7×1,3 см. Диаметр штифта 0,15 см. Общая длина пряжки 3 см (рис. 3,4). Между лучевыми костями лежала вторая бронзовая пряжка, аналогичная первой (рис. 3,5) и небольшой фрагмент железного ножа. Не сохранился.

В северо-восточном углу ямы найдены три полусферические бронзовые бляшки с прямоугольными в сечении (0,2×0,1 см) штифтами-креплениями с согнутыми под прямым углом нижними частями. Диаметр бляшек 1,7-1,8 см, высота 0,5-0,6 см. Длина штифтов 1,1-1,2 см (рис. 3,6). Здесь же лежала крупная округлая поперечно сжатая бусина из египетского фаянса светло-зеленого цвета. Поверхность бусины покрыта частыми небрежно обозначенными насечками-дольками, не достигающими до краев отверстия и расположенных наклонно по отношению к нему. Ширина бусины 1-1,3 см, диаметр 1,5 см, отверстия 0,6 см (рис. 3,7). Рядом с бусиной найден обломок железного обоюдоострого кинжала или меча с остатками деревянных ножен. Длина фрагмента 2,9 см, ширина 1,8 см, толщина 0,4 см. Толщина стенки ножен 0,2 см (рис. 3,8).

Обращает внимание большой территориальный разброс погребений. Расстояние между ними колеблется от 12,2 м (погребения 7-10) до 14,5 м (погребения 4-7) – 15,8 м (погребения 4-10). А.И. Мелюкова считала возможным видеть в этом признак того, что над погребениями были насыпаны небольшие курганные насыпи (Мелюкова 1956). В пользу такого предположения может свидетельствовать также то, что на топографических картах конца 70-х годов вблизи предполагаемого местонахождения могильника отмечен курган высотой до 1 м.

Принадлежность захоронений исследованных у поселка Шолдэнешть сарматам не вызывает сомнений. Подтверждением их культурной атрибуции служит небольшая, но достаточно выразительная коллекция сопровождающего инвентаря. При работе в фондах Института археологии АН РМ удалось собрать большинство предметов из рассматриваемых погребальных комплексов. В настоящее время материалы могильника хранятся в фондах Национального музея археологии и истории Молдовы.

Гончарный серолощенный кувшинчик-кружка из погребения 1 как по форме так и по орнаментальной схеме находит прямое соответствие в ряде

вариантов карпской керамики. Преимущественно с начала II в. н.э. подобные сосуды различной величины и формы в значительных количествах поступали к сарматам Днестровско-Прутского междуречья. Следует отметить, что рассматриваемый кувшинчик-кружка вместе с находками из Бокан явился в свое время одним из первых свидетельств подтверждающих тесные сарматско-карпские связи (Bichir 1973, 81-83, pl. CXXXII). Фрагменты лепного сосуда из погребения 4 не сохранились.

Различного типа бусы, служившие наиболее популярными деталями личного убранства и украшением, элементов одежды, традиционно составляют наиболее многочисленную категорию находок в сарматских женских захоронениях. Плитчатые бусины, входившие в состав ожерелья из погребения 4, принадлежат к типам наиболее часто встречаемым в позднесарматских комплексах междуречья II-III вв. (Алексеева 1978, 68, тип 75). Округлые поперечносжатые бусины разнообразных цветов, собранные в этом же захоронении (типы 2, 4, 5, 9), как и рубленный бисер (тип 166), относятся к различным временным отрезкам, но использовались преимущественно в первые века н.э. (Алексеева 1978, 63-64, 72). Использование многочисленных разноцветных бусин и бисера для обшивания платья и обуви является специфической деталью сарматского женского костюма. Настоящий признак наиболее часто встречается в Днестровско-Прутском междуречье в погребениях второй половины II - начале III в. н.э. Аналогичное применение бус отмечено также в восточных областях распространения сарматской культуры, изредка встречается у поздних скифов Крыма (Дашевская 1991, 38) и широко распространено в сарматских погребениях Альфельда (Генинг 1996, 31-32.40). В последнем регионе бусы и бисер, использовавшиеся для обшивания обуви, зафиксированы почти в половине всех женских захоронений.

Хронологически наиболее представительны абсолютно идентичные, вплоть до размеров, указывающее на их изготовление в одной мастерской и одним мастером, парные фасетированные бронзовые пряжки из погребения 10. Тожественные изделия известны в позднесарматских захоронениях Поволжья, Нижнего Подонья, Крыма и Северного Причерноморья (Малашев 2000, 199). Практически аналогичные рассматриваемым экземплярам серебряные пряжки происходят из кургана 6, исследованного у Ростова-на-Дону (Volkov, Guguev 1986, pl. 57, 1-2) II - начала III в. н.э. Типологически и стилистически они однородны фасетированной поясной гарнитуре, изготовлявшейся после Маркоманских войн, в конце II - первой трети III в., в провинциально-

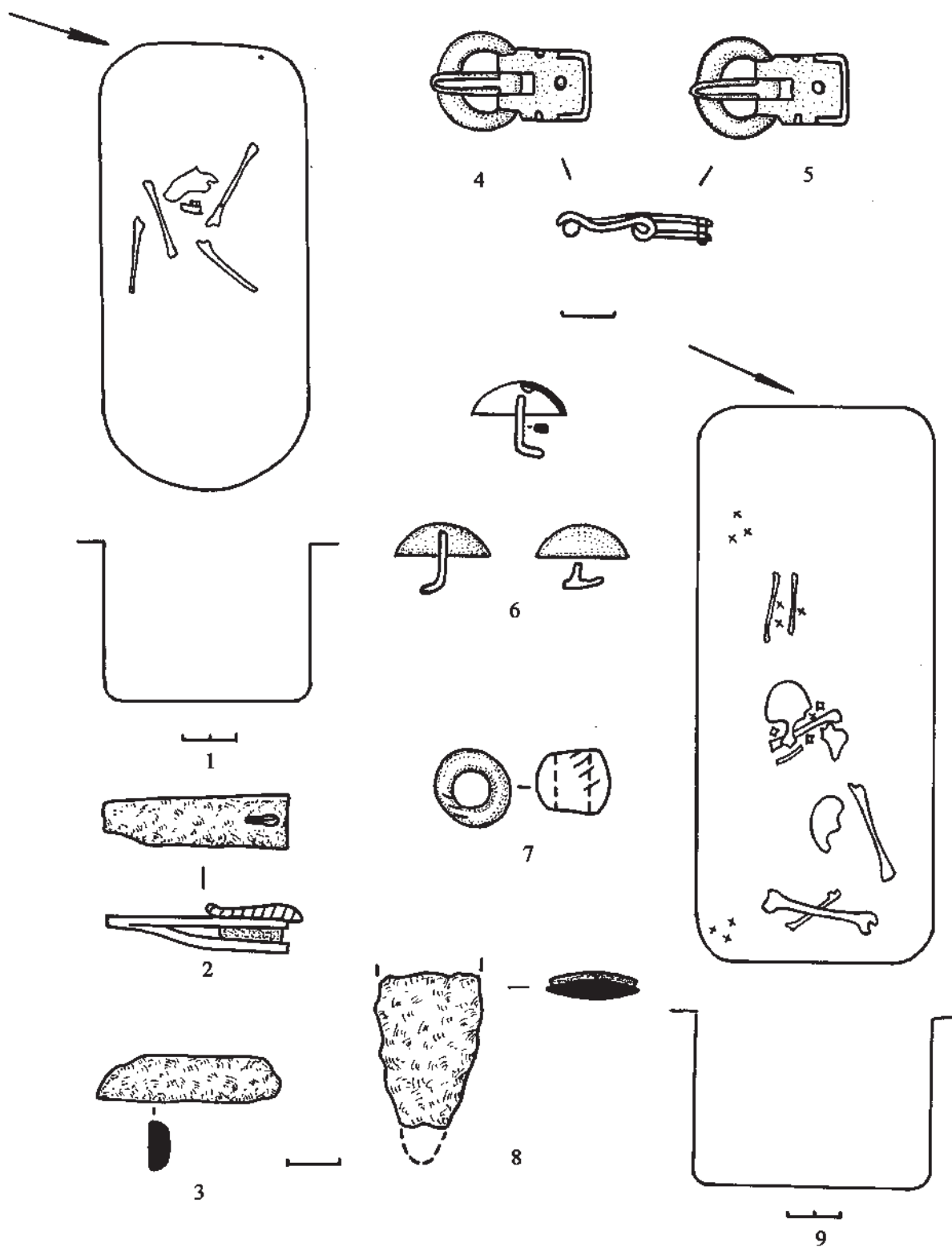

Рис. 3. Шолдэнештский могильник. Планы погребений и материалы из них. 1-3 погребение 7; 4-9 погребение 10.

римских мастерских (Вадаи, Кульчар 1984, 252, 256.258) специально для варваров. Несмотря на то, что в пограничных областях Римской империи мы не всегда находим полных аналогий рассматриваемым изделиям, иным по исполнению, но схожими по сути, настоящие экземпляры являются по сути репликами дальнейшего развития стиля во времени. Морфологические особенности шолдэнештских пряжек (утолщение в передней части рамки и слабая спрямленность задней), указывают на их изготовление в начале, или более широко, первой половине III в. (Малашев 2000, 208-209).

Фасетированная поясная гарнитура не часто встречается в сарматских погребениях северной зоны Днестровско-Прутского междуречья. Из пяти известных мне комплексов, за исключением погребения 5 могильника "Скала" ("La stîncă") у с. Бадражий Векь (Kurciatov, Bubulici 1997, 224, fig. 3,1-4), четыре приходится на так называемые могильники с ровиками - Старые Куконешты II (Cuconești Vechi), пятна 21 и 33, Петрешты (Petrești), погребение 27 и разрушенные погребения могильника у с. Чоропканы (Cioșorcani). В этой связи вновь встает вопрос о финальной стадии функционирования этих могильников. Две бронзовые пряжки с прогнутыми язычками и спрямленными задними частями рамки, в одном случае с выемкой под щиток, из погребения 27 могильника Петрешты найдены вместе с реалистично изготовленным медным обувным топориком-амулетом, более характерным для второй половины II в. н.э. Другие две бронзовые щитковые пряжки с несколько утолщенной передней частью рамки (был ли фасетирован прогнутый язычок из рисунка не ясно) и обжатые (?) краями круглых щитков из погребения 1 пятна 21 найдены без уточняющих время сложения комплекса вещей (Дергачев 1982, 110, рис. 37,8-10). Дату пластинчатого наконечника ремня с закругленным нижним краем из погребения пятна 33 определяет краснолаковый кувшинчик (Дергачев 1982, 116, рис. 41,1-3), встречающийся преимущественно в I-II вв. н.э. (Каменецкий 1993, 111). Следует также отметить, что на территорию Днестровско-Прутского междуречья, находящегося в непосредственной близости от римского лимеса, продукция провинциальных мастерских могла поступать и поступала значительно ранее восточных областей культуры. Где они располагались - вопрос остается в значительной степени открытым.

Несколько диссонируют с рассмотренными выше материалами находки из разрушенных погребений могильника Чоропканы. Найденные на его территории прямоугольной формы пряжка с трапециевидной в сечении рамкой, прогнутым язычком и полуovalным щитком, слабо расширяющийся к

нижнему концу пластинчатый наконечник ремня, дополнительно орнаментированный насечками и три обувных распределителя ремней, находка для междуречья уникальная (Гросу, Савва 1987, 71, рис. 4-7), по основным морфологическим признакам характерны для первой половины - середины III в. н.э. (Малашев 2000, 209-210). Сложно определить их позиции в системе сарматских древностей Северо-Западного Причерноморья, носителей идеи культовых площадок - святилищ, оставивших наиболее крупные могильники в Днестровско-Прутском регионе. Являлись содержавшие их погребения или одно захоронение составной частью могильника или были более поздними подзахоронениями, что в условиях многослойности большинства исследованных некрополей рассматриваемого типа не редкость, с уверенностью решить невозможно. До тех пор пока не будет открыто хоть несколько погребальных комплексов, убедительно датируемых первой половиной III в. н.э., завершением активной фазы функционирования могильников с ровиками в Бельцкой степи следует считать конец II в. н.э., не исключая, что некоторые, наиболее поздние захоронения могли совершаться на рубеже III в. н.э., о чем косвенно свидетельствует их расположение на периферии могильного поля (Петрешты). Аналогии наконечнику ремня из погребения 7 мне не известны.

К предметам вооружения в рассматриваемом могильнике относится фрагмент нижней части клинка кинжала или меча и составлявших с ним единый комплекс трех полусферических бляшек и крупной фаянсовой бусины. Аналогичные бляшки были обнаружены у правого бедра индивида, захороненного в погребении 5 "Воинского могильника" у с. Бадражий Ной, где они служили украшением портупейных ремней крепивших ножны меча к бедру (Курчатов и др. 1995, 117). Не редки подобные бляшки и в других захоронениях с оружием II - первой половины III в. н.э. (Kurciatov, Bubulici 1997, 224, fig. 2,9-11 и др.). Крупные фаянсовые бусы встречаются на протяжении I-III вв. н.э., преобладая преимущественно в комплексах второй половины I-II вв. н.э. (Алексеева 1975, 34, тип 16д). Со II в. н.э. бусины-привески часто находятся в сарматских погребениях вблизи рукоятей мечей-кинжалов, где они служили амулетами-оберегами.

Как уже отмечалось выше, 16 астрагалов из погребения 7 не сохранились. Ранее мы уже касались поливалентности астрагалов в сарматских погребальных комплексах (Курчатов, Левинский 2007, 319). Автор раскопок не уточняет, были ли на шолдэнештских альчиках какие-либо метки. В любом случае их количество свидетельствует, что они являлись игральными принадлежностями.

Соотношение погребального инвентаря позволяет без большой натяжки предположить, что настоящий могильник рядового сарматского населения сложился не ранее рубежа - первой половины III в. н.э. Привлекает внимание своеобразие памятника, обусловленное относительно большим количеством комплексов с ориентировкой погребенных в западном секторе. Признак в погребальной практике сарматов Днестровско-Прутского междуречья встречаемый не часто. Из 324 захоронений с уверенно устанавливаемой ориентировкой погребенных на конец 80-х годов прошлого века приходилось только 22 (4%) ориентированных на запад с незначительными отклонениями (Гросу 1990, 33). К настоящему времени их количество значительно не изменилось. Помимо рассматриваемого, заметная доля подобных захоронений отмечена на многослойном могильнике Селиште (Рафалович, Лапушнян 1974, 116-124) и, пожалуй, "Скала" ("La stîncă") у с. Бадражий Векь (Kurciatov, Bubulici 1997, 221-224, fig. 2,3-4). Судя по публикациям, количество аналогичных комплексов для сарматских памятников исследованных на территории Румынии существенно не отличается от Днестровско-Прутского междуречья (Bichir 1972, 139.141).

Настоящий признак погребального обряда, в различной степени известен во всем ареале сарматской культуры, не образуя нигде заметного в количественном отношении массива захоронений. В большинстве регионов его удельный вес не превышает устойчивые 4-9%, исключая варианты случайности. Наиболее малочисленны захоронения с западной ориентировкой в Азиатской Сарматии, где их количество в I – начале II в. не превышало относительной погрешности - 0,8%. Не исключено, что это связано с традиционной для региона взаимозависимостью ориентировки погребенных с их положением в кургане. Следует отметить, что из настоящей выборки исключены диагональные захоронения, для которых южная и юго-западная ориентировка наиболее характерны (Скрипкин 1990, 184).

Ситуация заметно меняется в Низовьях Дона. Здесь количество погребений ориентированных на запад возрастает до 12,1%. Примечательно, что все они концентрируются на левобережье (Максименко 1998, 143-145), на территории распространения донской группы меотских памятников и вблизи кочевий сираков в Восточном Приазовье, для которых ориентировка погребенных в западно-юго-западном секторе преобладает (Каменецкий 1989, 246.,250).

Близкая картина прослеживается для различных регионов Украины. Ученные А. Симоненко

широко ориентированные захоронения даны суммарно, без подразделения на западные и восточные. Не исключено, что исследователь прав, объединяя их в одну графу как антитезу единого культурно-исторического феномена. Учитывая, что количество погребенных ориентированных на восток всегда крайне мало, число комплексов совершенных в западном секторе не превышает 10% (Симоненко 2004, 141). К концу II в. рассматриваемый признак погребального обряда на сарматских памятниках к востоку от Днестра исчезает.

Другим регионом, где ориентировка покойных в западном секторе составляет заметный процент, является территория Среднедунайской низменности – Альфельд. Несмотря на крайне неудовлетворительную фиксацию элементов погребального обряда (Вадаи 1996, 50), их количество достигало 14,8% (Генинг 1996, табл. 1,2) от общего числа погребений с установленной ориентировкой погребенных. На качественно исследованных могильниках, в частности в Среднем Потисье, их удельный вес составлял 18,8% (Вадаи 1996, 50-51). Значительное увеличение погребений этой обрядовой группы приходится на комплексы конца II в. н.э., времени после Маркоманских войн, когда на Венгерской низменности отмечаются какие-то перегруппировки сарматского населения, связанные с его притоком из восточноевропейских степей. Пришедшее в регион население принесло с собой не только новые элементы погребального инвентаря, но и новые традиции ориентировки погребенных в западном секторе (Генинг 1996, 30).

Поиск истоков обряда широтной ориентировки погребенных в синкретической культуре сарматов (зачастую с унифицированным набором погребального инвентаря и легкостью восприятия этносом инокультурных инноваций) осложняется общесарматским ареалом распространения признака. Дискуссионно также определение места и роли погребений с западной ориентировкой в сарматском обществе. Рассматриваемая обрядовая норма, судя по сопровождающему погребенных инвентарю, отражает не кастовый статус, а скорее имеет какой-то внешний характер. Ее возникновение может быть результатом длительного генезиса погребального обряда, что пока не находит отражения в фактологическом материале, либо включения инокультурной уже сложившейся традиции. В этой связи обращает на себя внимание отмечавшаяся выше концентрация погребений с широтной ориентировкой в конце I-II вв. н.э. на левобережье Нижнего Дона, территории расселения меотов. Для определения исходного импульса в формировании этой традиции следует обратиться к синхронным материалам

Северного Кавказа и Нижнего Дона. Регионам, где широтная (Абрамова 1989, 272.279), а для последних западная ориентировка погребенных практиковались с III в. до н.э. по III в. н.э. (Каменецкий 1989, 246.250). Из них наиболее перспективной выглядит, в связи со специфическими признаками погребальной обрядности северокавказских алан, территория Восточного Приазовья и левобережья Нижнего Дона, места расселения сираков и меотов. Вероятно часть меотского населения, проживавшего в непосредственной близости от нижнедонской группы сармат, была инкорпорирована в сарматский союз племен. Отзвуками этих процессов стало распространение в западных регионах сарматской культуры изучаемого явления. Не подлежит сомнению культурное единство популяции оставившей Шолдэнештский могильник, в состав которой мог входить и меотский компонент. Не исключено, что оставившие его кочевники были тем новым населением, продвинувшимся после Маркоманских войн в Среднедунайскую низменность. В таком случае, выделенная группа специфических сарматских памятников конца II – первой половины III в. н.э. Днестровско-Карпатского региона является посредствующим звеном в их движении на запад.

Ранее нами была предпринята попытка вычлнить горизонт сарматских комплексов рубежа - первой половины III в. н.э. Бельцкой степи из общей массы памятников второй половины II в. н.э. (Kurciatov, Bubulici 1997, fig. 1), между которыми не прослеживается непрерывная линия развития.

Из отнесенных к этому периоду памятников хронологически выпадает могильник в Боканах (Vosani), где найдены вещи имевшие преимущественное распространение во II в. Наличие ряда одиночных (?), открытых как правило случайно погребений без признаков курганных насыпей - Трушень и др. (Vornic, Tabuncic 2008), небольших грунтовых могильников с элементами планировки – Брынзень, Котюжень, Алчедар, “Скала” и, пожалуй частично, Селиште с новыми категориями не характерного для предшествующего периода сопроводительного инвентаря (варварские эмали и др.), свидетельствует об этническом изменении состава населения, хоронившего на них своих умерших. Между тем, на большинстве рассматриваемых памятниках не найдено вещей, позволяющих уверенно отнести их к первой половине III в. Следует признать, что на настоящем уровне знаний о финальной стадии развития сарматской культуры микрорегиона Бельцкой степи эта проблема не имеет положительного решения. Пока можно говорить только о каких-то переходных памятниках, в нашем контексте конца II - первой половины III в. н.э, реализовавшихся в совершенно новых этнокультурных реалиях, различных для неоднородных в плане исторического и этнокультурного развития регионов огромной в территориальном охвате сарматской культуры. Сарматология давно уже восприняла то положение вещей, что как нет единого сарматского народа, так нет и единой сарматской истории, однако все еще не сделала из этого выводов должных масштабов.

Библиография

- Абрамова 1989: М.П. Абрамова, Центральный Кавказ в сарматскую эпоху. В кн.: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР (Москва 1989), 268-281.
- Агульников, Курчатов 2005: С.М. Агульников, С.И. Курчатов, Погребально-поминальные комплексы сарматского времени Буджакской степи. RA, vol. I, nr. 1-2, 2005, 285-294.
- Алексеева 1975: Е.М. Алексеева, Античные бусы Северного Причерноморья. САИ, вып. Г1-12 (Москва 1975).
- Алексеева 1978: Е.М. Алексеева, Античные бусы Северного Причерноморья. САИ, вып. Г1-12 (Москва 1978).
- Вадаи, Кульчар 1984: А.Х. Вадаи, В. Кульчар, К вопросу о так называемых сарматских пряжках. Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 36 (Budapest 1984), 239-261.
- Вадаи 1996: А. Вадаи, Погребальный обряд у сарматов карпатского бассейна. В сб.: Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии (Киев 1996), 43-54.
- Генинг 1996: В.Ф. Генинг, Сарматская эпоха в Алфелде (Среднее Подунавье в I-IV вв.) В сб.: Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии (Киев 1996), 4-43.
- Гросу, Савва 1987: В.И. Гросу, Е.Н. Савва, Археологические исследования у с Чоропканы. Известия АН Молдавской ССР. Серия общественных наук № 2 (Кишинев 1987), 71-74.
- Гросу 1990: В.И. Гросу, Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1990).
- Дашевская 1991: О.Д. Дашевская, Поздние скифы в Крыму. САИ, вып. Д1-7 (Москва 1991).
- Дергачев 1982: В.А. Дергачев, Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.) (Кишинев 1982).
- Каменецкий 1989: И.С. Каменецкий, Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э.-III в. н.э. В кн.: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР (Москва 1989), 224-251.
- Каменецкий 1993: И.С. Каменецкий, Городища донских меотов: Вопросы датировки (Москва 1993).

- Кетрару, Рикман 1960: Н.А. Кетрару, Э.А. Рикман, Новые данные о памятниках первых веков нашей эры на территории Молдавии (Дополнение к археологической карте Днестровско-Прутского междуречья). Изв. МФ АН СССР, № 4 (70), 1960, 3-21.
- Курчатов 1984: С.И. Курчатов, Могильник II-III вв. н.э. у с. Алчедар. АИМ в 1982 (Кишинев 1984), 163-179.
- Курчатов и др. 1995: С.И. Курчатов, О.В. Симоненко, А.Ю. Чирков, Сарматський воїнський могильник на Середньому Пруті. Археологія, № 1. 1995, 112-123.
- Курчатов 2002: С.И. Курчатов, К вопросу о первом проникновении гото-гепидских племен в Днестровско-Прутский регион. В сб.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.-V век н.э.). Материалы III международной конференции. Тирасполь, 5-8 ноября 2002 г. (Тирасполь 2002), 346-349.
- Курчатов, Левинский 2007: С. Курчатов, А. Левинский, Новые материалы сарматского времени из Попрутья. RA, vol. III, nr. 1-2, 2007, 311-320.
- Максименко 1998: В.Е. Максименко, Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) (Азов 1998).
- Малашев 2000: В.Ю. Малашев, Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. В сб.: Сарматы и их соседи на Дону. МИА Дона, вып. 1, 2000, 194-232.
- Мелюкова 1956: А.И. Мелюкова, Отчет о работе отряда скифской археологии Молдавской археологической экспедиции ИИМК и Молдавского филиала АН СССР в 1955 г. Архив НМАИМ. Инв. № 376 (Кишинев 1956).
- Мелюкова 1958: А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. В сб.: Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. МИА 64 (Москва 1958), 5-102.
- Пассек 1955: Пассек Т.С. Предварительный отчет о работе Молдавской экспедиции в 1954 г. Архив НМАИМ. Инв. № 374 (Кишинев 1955).
- Пассек и др. 1956: Т.С. Пассек, А.И. Мелюкова, Е.Г. Мовша, Предварительный отчет о работе Молдавской археологической экспедиции за 1955 г. Архив НМАИМ. Инв. № 378 (Кишинев 1956).
- Рафалович, Лапушнян 1974: И.А. Рафалович, В.Л. Лапушнян, Могильники и раннеславянское городище у с. Селиште. АИМ в 1973 (Кишинев 1974), 104-139.
- Рикман 1975: Э.А. Рикман, Памятники сарматов и племен черняховской культуры. АКМ, вып. 5 (Кишинев 1975).
- Симоненко 2004: А.В. Симоненко, Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья. В сб.: Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады 5 международной конференции "Проблемы сарматской археологии и истории" (Краснодар 2004), 134-173.
- Скрипкин 1990: А.С. Скрипкин, Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект (Саратов 1990).
- Щербакова, Кашуба 1990: Т.А. Щербакова, М.Т. Кашуба, Два новых культурно-хронологических горизонта на посаде древнерусского городища Алчедар (МССР). В сб.: Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тезисы докладов и сообщений научно-практической историко-краеведческой конференции. Часть II. Археология (Белгород-Днестровский 1990), 117-119.
- Bichir 1972: Gh. Bichir, Sarmatiile la Dunărea de Jos in lumina ultimelor cercetări. Pontica 5, 1972, 137-234.
- Bichir 1973: Gh. Bichir, Cultura carpică (București 1973).
- Kurciatov, Bubulici 1997: S. Kurciatov, V. Bubulici, Necropola de la Bădragii Veche și problema fazei finale a culturii sarmatice. In: Vestigii Arheologice din Moldova (Chișinău 1997), 220-234.
- Volcov, Guguev 1986: I.V. Volcov, I.K. Guguev, A late sarmatian burial in Rostov-on-Don. In: Raev B. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR, ser. 278 (Oxford 1986).
- Vornic ș.a. 2006: V. Vornic, V. Bubulici, L. Ciobanu, O așezare dacică din epoca romană descoperită la Odaia (comuna Micușrin, raionul Drochia, Moldova). RA, vol. II, nr. 1-2, 2006, 348-363.
- Vornic ș.a. 2007: V. Vornic, N. Telnov, V. Bubulici, L. Ciobanu, Pruteni. Un centru de olărie dacic din epoca romană (Chișinău 2007).
- Vornic, Tabuncic 2008: V. Vornic, S. Tabuncic, Un mormînt sarmatic descoperit la Trușeni (mun. Chișinău). RA, vol. IV, nr. 2, 2008, 179-185.

Сергей Курчатов, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия Наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

DOUĂ AMFORE ROMANE INEDITE DIN COLECȚIILE MUZEULUI NAȚIONAL DE ARHEOLOGIE ȘI ISTORIE A MOLDOVEI

Larisa CIOBANU, Chișinău

Autorul introduce în circuit științific două amfore romane provenind din complexe ale culturii Sântana de Mureș-Černjachov (o necropolă și o așezare) amplasate în interfluviul Pruto-Nistru. Vasele aparțin tipului Robinson M 273 și sunt, probabil, de origine est-mediteraneană. Se datează în sec. IV – începutul sec. V p. Chr.

Две неопубликованные амфоры из коллекций Национального Музея Археологии и Истории Молдовы. Автор вводит в научный оборот две римские амфоры, обнаруженные на двух памятниках культуры Сынтана де Муреш-Черняхов (в могильнике и на поселении) Днестровско-Прутского междуречья. Сосуды относятся к типу Robinson M 273 и, наверное, средиземноморско-восточного производства. Датируются IV – началом V в. н.э.

Deux amphores romaines inédites des collections du Musée National d'Archéologie et d'Istoire de Moldova. L'auteur publie deux amphores romaines provenant des complexes archéologiques attribué à la culture Sântana de Mureș-Černjachov (une necropole et une établissement), emplacements dans la zone Pruto-Nistraine. Les récipients appartiennent au type Robinson M 273 et sont, probablement, d'origine est-méditerranéenne. Ils peuvent être datées en IV-e – commencement du V-e s. ap. J.-C.

Mots clés: amphores romaines, culture Sântana de Mureș-Černjachov, complexes archéologiques

Printre piesele din colecțiile arheologice depozitate în fondurile Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei (în continuare MNAIM) se află și câteva amfore romane de import inedite. Deoarece două dintre ele după aspectul lor general aparțin aceluiași tip, ne-am propus să le prezentăm împreună în rândurile ce urmează.

Primul recipient (fig. 1,1), păstrat întreg, are marcajul „necropola Pașcani” pe corp și a fost doar semnalat foarte laconic de cunoscutul cercetător al antichităților epocii antice târzii din spațiul pruto-nistrin E.A. Rikman în monografia publicată în 1975 (Рикман 1975, 222 și nota 107). Din notă aflăm că descoperirea a fost făcută de I.A. Rafalovič în anul 1975, iar din text – că vasul provine dintr-un mormânt. De alte informații referitoare la această amforă (găsită probabil fortuit) nu dispunem, din păcate, până la momentul de față. Nu

cunoaștem cu exactitate nici împrejurările în care a fost descoperită, nici măcar microzona din care provine, în republica noastră fiind atestate trei sate cu acest nume, din trei raioane diferite: Cahul, Criuleni și Hîncești¹.

Amfora de la Pașcani² are gâtul scund și larg în formă de pânză, torțile mici cu secțiune circulară, corpul ovoidal-neregulat, asimetric, lărgindu-se ușor în jumătatea inferioară, și fundul marcat printr-un mic picioruș tronconic. A fost lucrată dintr-o pastă de lut relativ fină, compactă, conținând mică și particule mici de culoare albă (calcar? scoici pisate?) în textură. Se observă o oarecare neglijență a olarului la prinderea torților și la netezirea suprafeței exterioare, pe lângă asimetria corpului. Vasul are pereții relativ subțiri (de până la 0,5 cm) și este de culoare roșiatică-cărămizie. Pe alocuri, suprafața lui exterioară mai păstrează urme de angobă(?) roșie, de o nuanță ceva mai închisă decât culoarea

¹ Conform informației recente primite la prezentarea comunicării de față, în octombrie 2009, la sesiunea științifică a MNAIM de la dl dr. Nicolae Chetaru, căruia-i aducem sincere mulțumiri și pe această cale, ar fi vorba despre satul Pașcani din raionul Hîncești.

² După redactarea textului acestui articol a fost scos de sub tipar volumul *Antichitatea târzie în bazinul Prutului. Catalog*, în care este inclusă și amfora de la Pașcani (Ioniță ș.a. 2009, 50, nr. 239).

propriu-zisă a recipientului. Pe gât este decorat cu câteva caneluri, iar în zona diametrului maxim și cea de trecere spre fund – cu striuri dispuse în două benzi.

Dimensiuni: înălțimea – 43,6 cm; diametrul buzei – 8,7 cm; diametrul maxim – 24,2 cm; înălțimea piciorușului – cca 1 cm. Capacitatea vasului de la Pașcani a fost măsurată experimental, constatându-se că are un volum de cca 11 litri.

Cea de-a doua amforă (fig. 1,2) este fragmentară (din cioburi a putut fi reconstituit numai corpul ei de la umăr până la curbura fundului) și provine dintr-un sondaj efectuat în anul 1981 de E.A. Rikman în așezarea atribuită culturii Sântana de Mureș-Černjachov de la marginea de sud-vest a orașului Briceni. Reieșind din marcajul de pe fragmente, ele au fost descoperite în cuprinsul a două carouri, nr. 7 și nr. 12, a Secțiunii I, la o adâncime apreciabilă (stratul IV, respectiv cca 0,6-0,8 m) de la suprafața actuală a solului.

Spre regret, în arhiva MNAIM nu există nici un raport științific despre aceste investigații, autorul reușind să publice doar un foarte sumar rezumat cu referire la ele (Рикман 1982, 401). Din acea succintă notă aflăm că la Briceni a fost săpată o suprafață de 136 m.p., în perimetrul căreia au fost identificate două locuințe (una adâncită și alta de suprafață), trei gropi menajere și un mormânt de inhumație. E.A. Rikman mai menționează, pe de o parte, lipsa în acest sit a ceramicii modelate cu mână (toată ceramica găsită fiind lucrată la roată), iar pe de alta – prezența cioburilor de amfore romane de culoare roșiatică, roz și alburie datate în sec. III-IV p.Chr., precum și a unui fragment de vas de sticlă decorat cu ove șlefuite.

Recipientul descoperit în așezarea de la Briceni a fost lucrat din pastă fină, cu mică și pietricele de cuarțit în compoziție, era cu pereții ceva mai groși (0,6-0,7 cm) în comparație cu ai amforei de la Pașcani, prezentând și urme de ardere secundară (cioburile recuperate sunt de culoare cărămiziu-cenușie, cu pete cenușii). Corpul avea formă ovoidal-cilindrică, suprafața exterioară era canelată, pe umăr semnalându-se un ornament striat (păstrat doar în foarte mică măsură, pe un singur ciob).

Dimensiuni: înălțimea porțiunii reconstituite a vasului – 38 cm; diametrul maxim – 29 cm.

Tipul de amfore romane cu gât scund și larg, cilindric sau ușor tronconic, torți scurte neprofilate, corp cilindro-ovoidal și picioruș conic ori tronconic, este cunoscut în literatura de specialitate drept tip *Robinson M 273* (Robinson 1959, pl. 29, M 273; Rădulescu 1976, 107, pl. VII,3), numit uneori și tip *Jagnjatin* (Махно 1949, табл. II,7; Магомедов 2001, 62) sau, mai recent,

amfore-*burduf* (Bucovală 1970, 201.203; Paraschiv 2006, 103, pl. 29,91-95; Croitoru 2009, 29).

Exemplarele acestui tip aparțin câtorva variante care se deosebesc prin dimensiuni, formă și decor, prin textura pastei și nuanța de culoare, după cum au menționat mai mulți specialiști (Kurceatov, Vornic 2005, 92; Vornic, Ciobanu 2005, 300; Paraschiv 2006, 103-104). Cercetătorul A. Opaïț le clasifică chiar în patru tipuri distincte: *Opaïț C-I (=Torone VII)*, *C II-2*, *C III-I (=Robinson M 273)* și *F X* (Opaïț 1996, 59-63). Se consideră că amforele analizate au în medie o înălțime de 50-60 cm, diametrul gurii de 10-12 cm și diametrul maxim de 40-45 cm, iar capacitatea cuprinsă între 17 și 50 l (Paraschiv 2006, 103.104). Pasta poate conține ingrediente mai fine sau mai grosiere (Opaïț 1996, 63), dar arderea întotdeauna este calitativă. Culoarea lor variază de la roz-alburie și roz-gălbui până la cărămizie sau brun-roșiatică.

Și în cazul amforelor de la Pașcani și Briceni constatăm că avem două variante diferite ale tipului în discuție, deși celei din urmă îi lipsesc elemente edificatoare atât în partea superioară (o porțiune din umăr, torțile, gâtul și gura), cât și cea inferioară (fundul și piciorușul). În primul rând remarcăm diferența dintre forma corpului recipientelor: ovoidal-cilindrică la amfora de la Briceni și ovoidală neregulată, cu diametrul maxim spre fund, la cea de la Pașcani. Apoi, structura pastei de modelare nu este identică; culoarea recipientelor diferă. Deosebiri se constată și în grosimea pereților acestor două vase. Reieșind însă din considerentul că ambele variante se încadrează în același tip, având o succesiune cronologică apropiată³, le vom analiza totuși împreună, și nu separat.

Cele mai apropiate analogii pentru amforele din mormântul de la Pașcani și așezarea de la Briceni au fost descoperite în complexe arheologice aparținând culturii Sântana de Mureș-Černjachov: în așezările de la Jagnjatin (Махно 1949, табл. II, 7; Кропоткин 1970, рис. 33, 5), Ripnev (Баран 1964, 244.248, рис. 10,15), Comrat (История РСМ 1967, 53, fig. 2; Рикман 1972, 90-91, рис. 1,7), Sobari (Рикман 1970, 187, рис. 6,1), Iași-Nicolina (Ioniță 1986, 78, fig. 25,1), Aleksandrovka (Магомедов 1987, 78.79, рис. 34,7) și Podeni (Andronic 1993, 55, fig. 9,1), precum și necropolele de la Aldeni (Ștefan 1941, 220, fig. 6; Mitrea, Preda 1966, 91, fig. 226,6), Izvoare (Vulpe 1957, 295.296), Iacobeni (Ioniță 1966, 210, fig. 16,4), Frunzovka (Кравченко 1964, 163, рис. 1,3), Erbiceni (Zaharia, Zaharia 1961, 214.215, fig. 5,2); Bârlad-Valea Seacă (Palade 2004, fig. 44,7; 166,7), Petrești (Kur-

³ Arheologul român A. Opaïț consideră, în baza descoperirilor din provincia Scythia Minor, că varianta de amforă cu corp ovoidal-cilindric este mai timpurie, datându-se în cursul sec. IV, iar din sec. V diametrul recipientelor se mărește spre partea inferioară și capătă o formă de burduf (Opaïț 1996, 62.211). Această opinie este reluată de B. Magomedov (Магомедов 2001, 62).

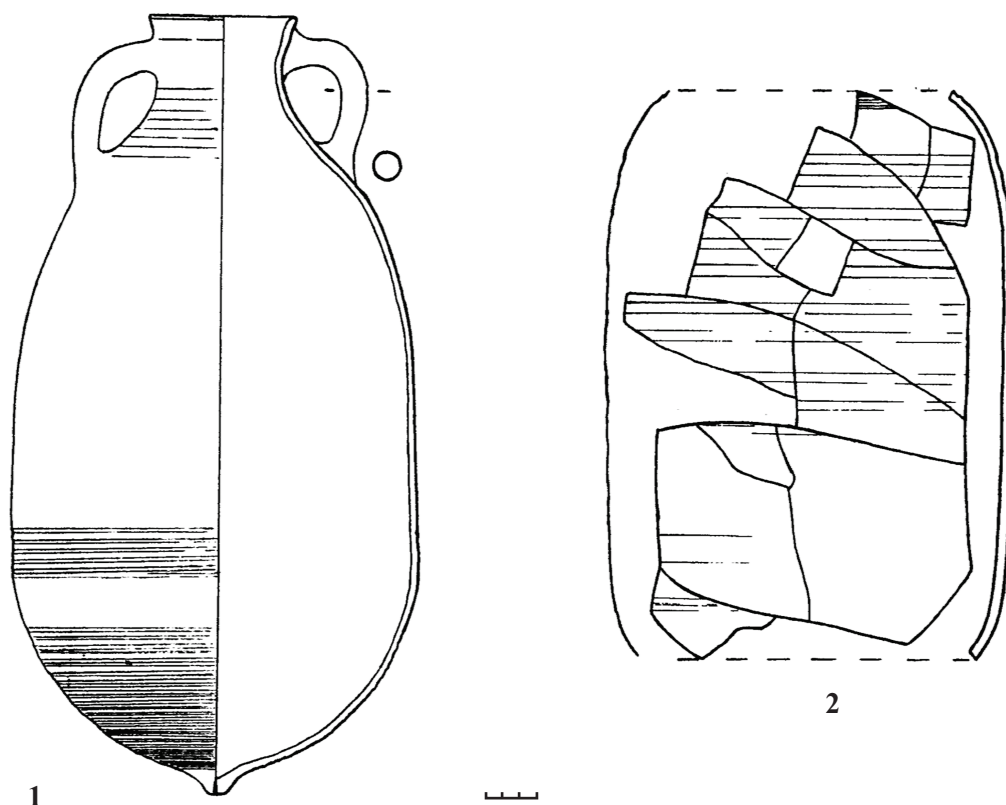

Fig. 1. Amfora de la Pașcani (1) și corpul reconstituit din fragmente al amforei de la Briceni (2).

ceatov, Vornic 2005, 92-93, fig. 1,5), Lunca (Dragomir 2001, 90, fig. 34,2; 36,1.2; 42,3; 43,1) și Mihălășeni (Șovan 2005, 46.47.115.116.131. 143.144.178.179, fig. 65,4; 210,8; 245A,11; 275,47).

Recent, prin publicarea unor materiale din epoca romană târzie, prezența fragmentelor de amfore aparținând tipului *Robinson M 273* a fost semnalată în așezarea și necropola de la Budești (Vornic, Ciobanu 2005, 300.306.308.309, fig. 2,6.7; 3,2; 5,1.2; 6,2.3; Vornic 2006, 233) și în stațiunea din sec. IV p.Chr. de la Giurgulești-*Stâna lui Ion* și *Stâna lui Mocanu* (Levițki ș.a. 2005, 330, fig. 19,1.2; 20,4.16).

Un anumit număr de exemplare ale acestei categorii de amfore provin din zona orașelor nord-vest-pontice: Tomis (Bucovală 1970, 201.203 fig. 13; Rădulescu 1976, 107, pl. VII,2.3; Opaïț 1996, 62.63, pl. 14,2.4), Callatis (Preda 1980, 28, pl. LXXIII, M.208, 2; Opaïț 1996, 62, pl. 14,5), Sacidava (Scorpan 1975, 269.270, pl. II,1), Tyras (Кравченко, Корпусова 1975, 25-30, рис. 5,4; Самойлова 1978, 261-263, рис. 3,6-9), Olbia (Крапивина 1993, 98, рис. 30,8-10), Kozyrka (Бураков 1976, 71.72, табл. III,1-4), Inkerman/Sovho-

zul nr.10 (Стржелецкий и др. 2003-2004, 71, табл. VI,4), Chersones (Белов 1969, 83, fig. 24) și Tanais (Арсеньева, Науменко 1992, рис. 23). Corespondente mai îndepărtate geografic se găsesc la Atena (Robinson 1959, pl. 29, M 273), Thasos, Chios, Creta, Yasi Ada și Marsilia (Opaïț 1996, 60-63).

Amfore similare sunt semnalate și în două situri daco-romane din jud. Prahova (România) cu datare în sec. IV-V p.Chr.: în așezarea de la Cireșanu (Teodorescu ș.a. 1993a, 411-412, fig. 19,3) și necropola de la Boldești-Grădiștea (Teodorescu ș.a. 1993b, 430, fig. 6,5).

Aria de răspândire a amforelor-*burduf* include partea orientală a Imperiului (îndeosebi Grecia) în perioada sec. IV-VI p.Chr. (Paraschiv 2006, 104). În cuprinsul arealului culturii Sântana de Mureș-Černjachov, se constată o densitate mai mare a descoperirii unor astfel de recipiente în zona vestică, în cea de est ele fiind semnalate mult mai rar: amfora fragmentară din așezarea de la Jaņjatin (Махно 1949, табл. II,7; Кропоткин 1970, рис. 33,5) este cea mai estică (Магомедов 2001, 62; Vornic, Ciobanu 2005, 300).

Cronologia acestei categorii de amfore, în viziunea unor specialiști, coincidea cu limitele de datare a culturii Sântana de Mureș-Černjachov – a doua jumătate a sec. III – sec. IV p.Chr. (Кравченко 1964, 163.164; Щукин 1968, 43-45; Кропоткин 1970, 9.10). În subsolul EK din Tanais amfore de tip *Robinson M 273* au fost găsite împreună cu amfore de tip D după Šelov, de aceea au fost datate în prima jumătate a sec. III (Арсеньева, Науменко 1992, 143). La fel sunt plasate în plan cronologic amforele similare de la Inkerman (Стржелецкий и др. 2003-2004, 71). Majoritatea cercetătorilor optează însă pentru o încadrare în timp mai târzie: în cursul sec. IV (ori numai din a doua lui parte) și în prima jumătate a sec. V p.Chr. (Robinson 1959, 109; Рикман 1972, 90-91; Магомедов 2001, 62; Магомедов 2006, 3; Opaïț 1996, 60-63; Kurceatov, Vornic 2005, 93). În susținerea acestei datări, pe lângă multe altele, vine și descoperirea în atelierul de sticlărie de la Chersones, împreună cu o astfel de amforă, a 23 de monede din epoca constantiniană (de la Constantin cel Mare până la Constantius II) (Белов 1969, 84). La Iatrus ele au fost datate între a doua jumătate a sec. IV și anul 408 (Böttger 1982, 42.43, Pl. 11, c *apud* Šovan 2005, 178).

Centrele de producție ale acestei categorii de amfore încă n-au fost localizate cu certitudine, dar, după cum se

consideră, ele erau lucrate în ateliere din bazinul de est al Mării Egee, aflate eventual pe insula Samos, de unde și pătrundeau în zonele barbare din est (Opaïț 1996, 61; Abadie-Reynal 1999, 263; Туровский и др. 2001, 67; Магомедов 2006, 3). Originea est-mediteraneană a amforelor de tip *Robinson M 273* este sugerată și de faptul, că majoritatea absolută a inscripțiilor de pe umerii lor, fie incizate în pasta crudă (*graffiti*), fie scrise cu vopsea (*dipinti*), mai rar ștampilate, reprezintă litere grecești (Opaïț 1996, 61; Teodorescu ș.a. 1993a, fig. 20, 6).

Aspectul vizând produsele importate din provinciile orientale ale imperiului în astfel de ambalaje ceramice constituie un subiect destul de interesant. De cele mai multe ori în ele se transporta vin de calitate (Opaïț 1996, 60.61; Paraschiv 2006, 104; Магомедов 2006, 3), dar și ulei de măsline (Opaïț 1996, 62). Dacă pentru amforele cu gâtul îngust sortimentul se limitează la vin și ulei de măsline, atunci cele cu gâtul larg puteau conține pește sărat sau sosuri de pește, cereale, măsline în vin, carne, făină, diverse rășini (Opaïț 1996, 50.51.54).

În încheiere ne exprimăm încrederea că investigațiile arheologice viitoare, efectuate în complexe aparținând culturii Sântana de Mureș-Černjachov din R. Moldova, vor imbogăți fondurile muzeelor noastre cu noi vestigii, printre care, eventual, vor fi și amfore de tip *Robinson M 273*.

Bibliografie

- Abadie-Reynal 1999: C. Abadie-Reynal, Les amphores romaines en mer Noire. Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire (Aix-en-Provence 1999), 255-265.
- Andronic 1993: M. Andronic, Cercetări arheologice în așezarea de secol IV d.C. de la Podeni (com, Bunești, jud. Suceava). Suceava XX, 1993, 45-69.
- Böttger 1982: B. Böttger, Die Gefäßkeramik aus dem Kastell Iatrus. In: Iatrus-Krivina II (Berlin 1982), 33-148.
- Bucovală 1970: M. Bucovală, Descoperiri în zona suburbană a Tomisului. Pontica III, 1970.
- Croitoru 2009: C. Croitoru, Amfore cu corpul în formă de „burduf” descoperite în mediul Sântana dintre Carpați și Prut. AMT IV, 2009, 29-43.
- Dragomir 2001: I.T. Dragomir, Necropola birituală Sântana de Mureș-Cerneahov de la Lunca, regiunea de sud a Moldovei. Danubius XIX (Galați 2001).
- Ioniță 1986: I. Ioniță, Mărturii milenare în vatra Iașilor. In: Fortus. Un deceniu în universul muncii și creației tehnice românești (Iași 1986), 63-84.
- Ioniță ș.a. 2009: I. Ioniță, M. Mamalauca, V. Vornic (coord.), Antichitatea târzie în bazinul Prutului. Catalog (Bârlad 2009).
- Kurceatov, Vornic 2005: S. Kurceatov, V. Vornic, Un mormânt cu amforă romană din necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Petrești (r. Ungheni). Tyragetia XIV, 2005, 87-95.
- Levițki ș.a. 2005: O. Levițki, V. Haheu, V. Vornic, L. Ciobanu, Așezarea de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Giurgiu-lești–Stâna lui Ion și Stâna lui Mocanu. RA, vol. 1, nr. 2, 2005, 312-350.
- Mitrea, Preda 1966: B. Mitrea, C. Preda, Necropole din secolul al IV-lea în Muntenia (București 1966).
- Opaïț 1996: A. Opaïț, Aspecte ale vieții economice din Provincia Scythia (sec. IV – VI p. Ch.) (București 1996).
- Palade 2004: V. Palade, Așezarea și necropola de la Bârlad-Valea Seacă (sfârșitul sec. al III-lea – a doua jumătate a sec. al V-lea) (București 2004).
- Paraschiv 2006: D. Paraschiv, Amfore romane și romano-bizantine în zona Dunării de Jos (sec. I-VII p.Chr.) (Iași 2006).
- Preda 1980: C. Preda, Callatis. Necropola romano-bizantină (București 1980).
- Rădulescu 1976: A. Rădulescu, Amfore romane și romano-bizantine din Scythia Minor. Pontica IX, 1976, 99-114.
- Robinson 1959: H. Robinson, The Athenian Agora. Pottery of the Roman period (Princeton 1959).
- Scorpan 1975: C. Scorpan, Ceramica romano-bizantină de la Sacidava. Pontica VIII, 1975, 263-313.

- Șovan 2005: O.L. Șovan, Necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Mihălășeni (județul Botoșani) (Târgoviște 2005).
- Ștefan 1941: Gh. Ștefan, Une tombe de l'époque des migrations á Aldeni (dép. de Buzău), Dacia VII-VIII, 1941, 217-221.
- Teodorescu ș.a. 1993a: V. Teodorescu, D. Lichiardopol, M. Peneș, V. Sandu, Așezarea daco-romană de la Cireșanu, jud. Prahova. MCA, a XVII sesiune anuală de rapoarte, Ploiești 1983 (Partea a II) (București 1993), 389-416.
- Teodorescu ș.a. 1993b: V. Teodorescu, D. Lichiardopol, M. Peneș, Necropola daco-romană de la Boldești-Grădiștea, jud. Prahova. MCA, a XVII sesiune anuală de rapoarte, Ploiești 1983 (Partea a II) (București 1993), 419-434.
- Vornic, Ciobanu 2005: V. Vornic, L. Ciobanu, Ceramica romană de import din așezarea și necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Budești. RA, vol. I, nr. 2, 2005, 295-311.
- Vulpe 1957: R. Vulpe, Izvoare (București 1957).
- Zaharia, Zaharia 1961: Em. Zaharia, N. Zaharia, Un momânt din epoca migrațiilor la Erbiceni (r. Iași, reg. Iași). AM I, 1961, 211-223.
- Арсеньева, Науменко 1992: Т.М. Арсенъева, С.А. Науменко, Усадьбы Танаиса (Москва 1992).
- Баран 1964: В.Д. Баран, Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. МИА 116, 1964, 213-252.
- Белов 1969: Г.Д. Белов, Стеклоделательная мастерская в Херсонесе. КСИА 116, 1969, 80-84.
- История РССМ 1967: История РСС Молдовенешть, вол. 1 (Кишинэу 1967).
- Бураков 1976: А.В. Бураков, Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры (Киев 1976).
- Кравченко 1964: А.А. Кравченко, Могильник Черняховской культуры в селе Фрунзовка. МИА № 167, 1964, 160-164.
- Кравченко, Корпусова 1975: Н. М. Кравченко, В.Н Корпусова, Деякі риси матеріальної культури Пізньюримської Тіри. Археологія 18 (Киев 1975), 20-42.
- Кропоткин 1970: В.В. Кропоткин, Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). САИ вып. Д 1-27 (Москва 1970).
- Махно 1949: Е.М. Махно, Поселення культури «полів поховань» на Північно-Західному Правобережжі. АП УССР. Т.1, 153-175.
- Магомедов 1987: Б.В. Магомедов, Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья (Киев 1987).
- Магомедов 2001: Б.В. Магомедов, Черняховская культура. Проблема этноса (Люблин 2001).
- Магомедов 2006: Б.В. Магомедов, Римские амфоры в контексте черняховской культуры. Production and Trade of amphorae in the Black Sea. International Round-Table Conference. Batumi-Trabzon, 27-29 April, 2006.
- Рикман 1970: Э.А. Рикман, Поселение первых столетий нашей эры Собарь в Молдавии. СА 2, 1970, 180-197.
- Рикман 1972: Э.А. Рикман, Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. СА 4, 1972, 84-101.
- Рикман 1975: Э.А. Рикман, Этническая история Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры (Москва 1975).
- Рикман 1982: Э.А. Рикман, Раскопки селища Бричаны. В сб.: Археологические открытия 1981 г. (Москва 1982), 401.
- Самойлова 1978: Т.Л. Самойлова, Основные типы амфор I-IV вв. н.э. из Тиры. В сб.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья (Киев 1978), 254-266.
- Стржелецкий и др. 2003-2004: С.Ф. Стржелецкий, Т.Н. Высотская, Л.А. Рыжова, Г.И. Жесткова, Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры. Stratum plus 4, 2003-2004, 27-277.
- Туровский и др. 2001: Е.Я. Туровский, М.Ю. Николаенко, В.Н. Горячук, И.В. Ладюков, Древние амфоры в Северном Причерноморье. Справочник-определитель (Киев 2001).
- Щукин 1968: М.Б. Щукин, Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. СА 2, 1968, 41-51.

Larisa Ciobanu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei, bd. Ștefan cel Mare 1, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: ciobanu.lora@yahoo.com.

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМОЧКА ИЗ ГОРОДИЩА ПОТЫРКА

Николай ТЕЛЬНОВ, Кишинэу

O formă de turnat din cetatea Potîrca. În articol se publică tiparul de piatră care provine din cetatea aparținând epocii fierului timpuriu Potîrca și care, pe baza analogiilor cunoscute, este sigur atribuit Evului Mediu timpuriu.

В заметке рассматривается каменная литейная формочка, происходящая с городища раннего железного века, которая на основании имеющихся аналогий может быть уверенно отнесена к раннесредневековому времени.

A stone foundry form from Potyrka settlement. A stone foundry form found in the Early Iron Age settlement Potyrka is examined in the article. Available analogies suggest a confident belonging of the piece under study to Early Middle Age.

Key words: *stone foundry, settlement, Potyrka, Early Middle Age.*

Городище Потырка расположено в Оргеевском районе Республики Молдова, между селами Требужены и Фурчены на высоком, скалистом, господствующем над местностью мысу, образованном правыми берегами реки Реут и впадающей в нее небольшой речки Фурчены, в лесном массиве под местным названием «Потырка». Мыс окружен с трех сторон обрывистыми берегами, высота которых достигает 120-130 м, и лишь с южной стороны укреплен искусственно сооруженными двумя линиями обороны, состоящими из рвов и валов, расположенными на расстоянии около 65 м одна от другой. Таким образом, городище состоит из двух укрепленных площадок. Первая находится непосредственно на окраине мыса, вторая площадка примыкает к первой с напольной стороны. Общая площадь укрепленной части городища достигает 3,5 га.

Городище было открыто в конце 40-х годов XX столетия Г.Д. Смирновым, который датировал его по находкам греческих амфор IV-III вв. до н.э. (Смирнов 1964, 250). Ввиду того, что памятник расположен в лесном массиве, где очень сложно проводить археологические раскопки, он долгое время не привлекал внимание исследователей.

Наиболее значительные работы на памятнике были проведены в 1997 и 2000 гг. кафедрой археологии и истории древнего мира Молдавского государственного университета и Института фракологии Румынии. Так как вся площадь городища покрыта лесом, и раскопки могли быть проведены

лишь на свободных от деревьев местах, то основные исследования были сосредоточены на изучении фортификационных сооружений. Анализ выявленного материала позволил исследователям установить, что обе линии обороны функционировали одновременно. Материалы из валов и заполнения рвов идентичны тем, что найдены на городище. Это, по мнению исследователей, подтверждает то, что время строительства фортификаций и функционирования поселения совпадает и приходится на период от середины VI в. до н.э. до конца III – начала II в. до н.э. (Никулицэ, Заноч 2004, 109-112).

В ходе археологических раскопок на городище выявлен довольно разнообразный материал, позволивший исследователям заключить что мыс, на котором расположен памятник, был заселен еще в бронзовом веке, только, видимо, на очень короткое время, поскольку насыщенность культурного слоя очень незначительна. Несколько богаче представлен материал времени раннефракийского гальштата типа Кишинэу- Корлэтеу. Позднегальштатский слой VI-V вв. до н.э., а особенно слой IV-II вв. до н.э., по мнению исследователей, и являются основными культурными слоями городища. Судя по находкам, слабо представлены материалы Поянештско-Лукашовской культуры. Так, если для VI-III вв. до н.э. характерно наличие разнообразных металлических предметов и многочисленных категорий и типов сосудов, характерных для фрако-гетского керамического ассортимента посуды, то так назы-

ваемая бастарнская посуда представлена незначительным числом фрагментов, не превышая 3-4 % от общего количества керамического материала (Никулицэ, Заноч 2004, 111-112).

Из всех категорий находок, выявленных на городище, для нас особый интерес представляет каменная литейная формочка (рис. 1,1), отнесенная исследователями ко времени фрако-гетской культуры VI-III вв. до н.э. (Nicolici, Matveev, Potângă 1999, 334, fig. 16,2; Никулицэ, Заноч 2004, 112).

Во время раскопок 1997 года в культурном слое была найдена створка односторонней литейной формочки, которая служила для отливки двойных шаровидных нашивок, которые могли применяться и как бусины и пронизки, то есть могли являться заготовками составных ювелирных украшений.¹

Формочка удовлетворительной сохранности (отбит лишь один уголок), имеет вид брусочка квадратной в плане формы размерами 40 x 40 x 14 мм. Изготовлена из мелкозернистого мергелистого известняка. На одной стороне бруска сделаны семь двойных полусферических углублений для отливки нашивок или пронизок, состоящих из двух соединенных между собой шариков. К каждому такому углублению для отливки нашивок от торца бруска проведены воронкообразные углубления-литники. Обе плоскости и боковые грани формочки тщательно обработаны.

По своему облику и по типам вещей, для отливки которых она предназначалась, формочка из городища Потырка может быть поставлена в один ряд с подобными литейными формочками из раннесредневековых поселений V-VII вв. как из Молдавии, так и сопредельных территорий.

Так, на поселении Селиште найдена сланцевая литейная формочка (рис. 1,2), предназначенная для отливки также семи украшений, состоящих из трех соединенных между собой шариков (Рафалович, Лапушнян 1974, 132-133, рис. 10,4). Там же, на поселении Селиште, была найдена еще одна керамическая литейная формочка (рис. 1,3), предназначенная для отливки одиночных шарообразных бусинок (Рафалович 1973, 140-141, рис. 3).

На раннесредневековом поселении у села Данчаны найдена сланцевая формочка для отливки украшений (рис. 1,4), представляющих собой одиночные шарики-бусинки (Дергачев, Ларина, Постикэ 1983, 128-129, рис. VIII,9).

Близкой к данченской литейной формочке является керамическая формочка из раннесредневекового поселения у села Самчинцы, расположенного в Украине, в среднем течении Южного Буга, пред-

назначенная также для отливки одиночных шариков-бус (Хавлюк 1963, 335.346, рис. 14,7).

Литейные формочки для изготовления подобных шарикообразных украшений выявлены также на раннесредневековых поселениях в Румынии, таких как Ботошаны (рис. 1,5), Додешты (рис. 1,6,7), и др. (Teodor 1978, 164, fig. 5,5; 191, fig. 32,3; Teodor 1984, 30, fig. 7, 2,3).

Круг раннесредневековых памятников V-VII вв., где были найдены подобные литейные формочки, можно расширить, но особый интерес вызывает один из них, на котором хотелось бы остановиться поподробнее. Речь идет о ювелирном комплексе середины I тысячелетия н.э., исследованном во время раскопок раннесредневекового селища вблизи села Бернашевка Могилев-Подольского района Винницкой области, в Среднем Поднестровье (Винокур 1997).

Уникальность комплекса состоит в том, что впервые на славянском памятнике середины I тысячелетия н.э. в одном помещении – полуземлянке со столбовой конструкцией стен и с печкой-каменкой – обнаружены 64 каменные литейные формы для изготовления ювелирных украшений, а также керамический тигель-лячка. По керамическому материалу мастерская датируется второй половиной V – первой половиной VI в. н.э.

Ассортимент ювелирных изделий, судя по наличию литейных форм, довольно значительный: разнообразные подвески, нашивки, наконечники для пояса и портупей, бляшки для конской уздечки и т.п. Среди литейных форм из Бернашевского комплекса встречена первая на территории Европы каменная форма для изготовления пальчатых фибул. Обращаем внимание на то, что среди литейных форм из Бернашевского комплекса восемь предназначались для изготовления одиночных, двойных, тройных шаровидных нашивок или подвесок-пронизок (бусин) (рис. 2), (Винокур 1997, 121, рис. 22,27,33,36,37).

И.С. Винокур, рассматривая технологию изготовления и типы украшений по каменным литейным формам из Бернашевки, подчеркивает, что мастер-ювелир владел техникой литья по восковой модели. В каменных формах он производил пробное литье и делал восковые модели, а затем, в глиняных, осуществлял непосредственное производство металлических украшений. Он обращает внимание на местный характер изготовления литейных форм из днестровского известняка и мергеля, а также пальчатых фибул и других ювелирных изделий V-VII в. Находки глиняных форм на поселениях Селиште и

¹ Автор выражает благодарность руководителю раскопок профессору И.Т. Никулицэ за предоставленную возможность публикации находки.

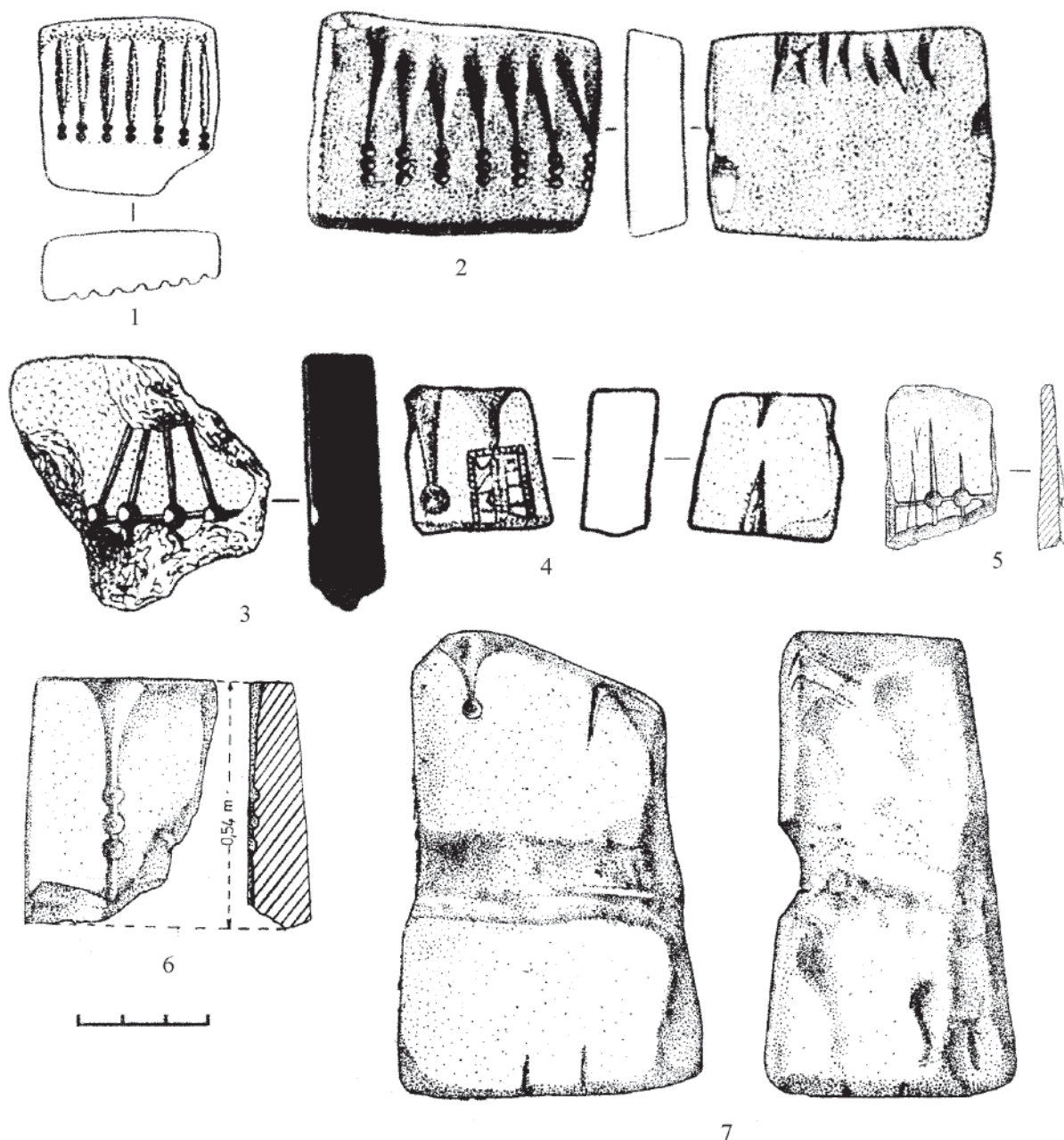

Рис. 1. Литейные формы: 1 – из городища Потырка (по И.Т. Никулицэ); 2,3 – из поселения Селиште (по И.А. Рафаловичу, В.Л. Лапушняну); 4 – из поселения Данчены (по В.А. Дергачеву, О.В. Лариной, Г.И. Постикэ); 5 – из поселения Ботошань, 6,7 – из поселения Додешть-Васлуй (по Дан Г. Теодор).

Самчинцы в определенной степени подтверждают мнение И.С. Винокура.

Он полагал также, что технология изготовления каменных литейных форм и литье при помощи восковой модели по материалам Бернашевской мастерской свидетельствуют о наличии специализированного ремесла восточных славян середины и третьей четверти I тысячелетия н.э.

Вместе с тем, по мнению И.С. Винокура, материалы Бернашевской ювелирной мастерской сви-

детельствуют и о знакомстве славянских ювелиров с тенденциями общеевропейской моды середины и третьей четверти I тысячелетия н.э. Прослеживаются связи Поднестровья с Южным Побужьем, Поднепровьем, Подунавьем, Закарпатьем и Центральной Европой. Со всем этим в принципе можно согласиться.

Для нас в данном случае важно то, что находки литейных форм на раннесредневековых поселениях V-VII вв. в Молдавии являются бесспорным

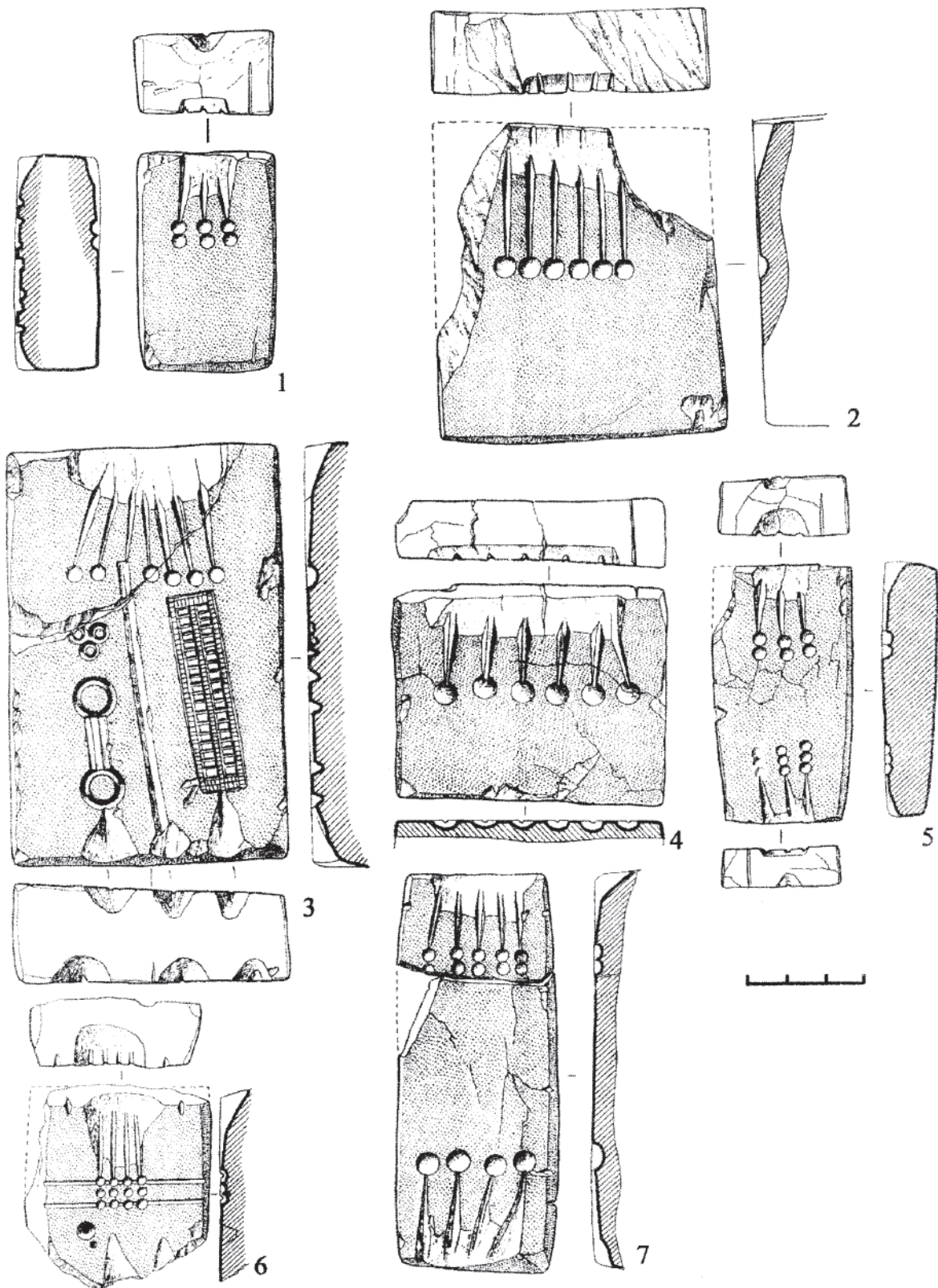

Рис. 2. Литейные формы из Бернашевского ювелирного комплекса (по И.С. Винокуру).

свидетельством того, что население региона на месте занималось обработкой цветных металлов, в частности, изготовлением нашивок, подвесок и других изделий.

Литейная формочка из городища Потырка по всем параметрам, т.е. по своей форме и предметам, которые в ней изготавливались, не выходит из круга подобных изделий, обнаруженных на раннесредневековых поселениях V-VII вв. как в Молдавии, так и за ее пределами. Правда, культур-

ного слоя раннесредневекового времени, по мнению авторов раскопок, на городище как будто не обнаружено. Можно, конечно, допустить случайное появление литейной формочки на указанном памятнике, но учитывая то, что там были исследованы в основном фортификационные сооружения, не исключено, что на остальной площади, в какой-то части городища может находиться и раннесредневековое поселение V-VII вв., откуда и происходит литейная формочка.

Библиография

- Винокур 1997: I.C. Винокур, Слов'янські ювеліри Подністров'я. За матеріалами досліджень Бернашівського комплексу середини I тис. н.е. (Кам'янець-Подільський 1997).
- Дергачёв, Ларина, Постикэ 1983: В.А. Дергачёв, О.В. Ларина, Г.И. Постикэ, Раскопки 1980 г. на многослойном поселении Данчаны I. АИМ в 1979-1980 гг. (Кишинёв 1983) 112-136.
- Никулицэ, Заноч 2004: И. Никулицэ, А. Заноч, Фрако-гетские поселения I тыс. до н.э. в центральных Кодрах Молдовы. В сб.: Давня історія Карпато-Дунайського ареалу та суміжних регіонів. Carpatica – Карпатика. Выпуск 31 (Ужгород 2004), 107-115.
- Рафалович 1973: И.А. Рафалович, Исследования раннеславянских поселений в Молдавии. АИМ в 1970-1971 гг. (Кишинёв 1973), 134-154.
- Рафалович, Лапушнян 1974: И.А. Рафалович, В.Л. Лапушнян, Работы Реутской археологической экспедиции. АИМ в 1972 г. (Кишинёв 1974), 110-147.
- Смирнов 1964: Г.Д. Смирнов, Археологические разведки в нижнем течении Реута. В сб.: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР (Кишинёв 1964), 248-254.
- Хавлюк 1963: П.И. Хавлюк, Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА №108, 320-350.
- Niculiță, Matveev, Potângă 1999: I.T. Niculiță, S. Matveev, E.D. Potângă, Cetatea traco-getică Potârca. CAANT, 1999, 279-344.
- Teodor 1978: Dan Gh. Teodor, Teritoriul Est-Carpatic în veacurile V-XI e.n. Contribuții arheologice și istorice la problema formării poporului român (Iași 1978).
- Teodor 1984: Dan Gh. Teodor, Continuitatea populației autohtone la Est de Carpați în secolele VI-XI e.n. Așezările din secolele VI-XI e.n. de la Dodești-Vaslui (Iași 1984).

Николай Тельнов, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы. бул. Штефан чел Маре 1, МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова.

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEY

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О БИЗОНАХ (*BISON*, *BOVIDAE*, *MAMMALIA*) ИЗ ПЛЕЙСТОЦЕНА МОЛДОВЫ

Роман КРОЙТОР, Кишинэу

Observații critice despre genul Bison (Bovidae, Mammalia) din pleistocenul Moldovei. În articol se examinează problemele taxonomice și sistematice legate de genul Bison pe baza materialelor fosile din Moldova și teritoriile învecinate. Bison suchovi din pleistocenul timpuriu este considerat un sinonim junior al speciei Bison (Eobison) tamanensis, iar diferențele morfologice între cele două specii se explică prin fenomenul dimorfizmului sexual. Bison schoetensacki lagenocornis stabilit în componența faunei din prundișul tiraspolian poate fi de fapt o variantă morfologică a coarnelor de tip B. Subspecia nouă Bison priscus tiraspolensis bazată pe materialul din prundișul tiraspolian de fapt e nomen nudum, deoarece n-a fost indicat holotipul și n-a fost propusă diagnoza subspeciei. Atribuirea bizonului din Tiraspol la specia Bison priscus de asemenea crează dubii. Bison priscus din Pleistocenul tîrziu al Moldovei se caracterizează prin dimensiunile comparative mici, cu premolari inferiori relativ mari, prin care se apropie de formele fosile mai mari din Europa de Est.

В работе рассматриваются таксономические и систематические вопросы, касающиеся рода бизонов по материалам Молдовы и близлежащих регионов. Раннеплейстоценовый Bison suchovi рассматривается как младший синоним Bison (Eobison) tamanensis, морфологические различия между этими видами обусловлены половым диморфизмом. Bison schoetensacki lagenocornis, присутствие которого указывалось в тираспольской фауне, может представлять собой индивидуальный вариант формы роговых стержней самцов типичного B. schoetensacki. Описанный на основе тираспольского материала Bison priscus tiraspolensis является nomen nudum, принадлежность тираспольского бизона к виду Bison priscus так же вызывает сомнения. Позднеплейстоценовый Bison priscus из Молдовы представлен некрупной формой с относительно крупными нижними премолярами, которые сближают его с ископаемыми формами восточноевропейской равнины.

Critical remarks on genus Bison (Bovidae, Mammalia) from Pleistocene of Moldova. Early Pleistocene remains of bison from Moldova belong to two different forms: a some-what smaller and more archaic form with short metapodials similar to Bison (Eobison) sp. from Apollonia (Greece), and a larger bison from Cișmichioi similar to Bison menneri from Unternassfeld (Germany). It is noteworthy that large-sized ruminants from Cișmichioi (cervids and bovids) show a certain affinity to large-sized ruminant species from the post-Villafranchian fauna of Untermassfeld. Some isolated findings of metacarpal bones from Slobozia Mare and Minjir described by David and Rusu (2006) as Bison tamanensis, actually belong to Late Pleistocene Bison priscus. Bison schoetensacki lagenocornis with "bottle-shaped" horn-cores described by Flerov and David (1971) from Tiraspolian gravel along B. schoetensacki schoetensacki, actually represents an individual variant of male horn-core shape. The fact that female horn-cores are unknown supports this point of view. Recent attempt of David and Rusu (2006) to define the systematical position of Tiraspolian fossil bison is quite unsuccessful since the proposed new subspecies name Bison priscus tiraspolensis (= Bison priscus tiraspolensis lapsus calami David et Rusu 2006) is not accompanied by a type specimen designation, type specimen figure or reference to such a figure, the species definition and description. According to the International Zoological Code, Bison priscus tiraspolensis is a nomen nudum. The belonging of Tiraspolian bison to Bison priscus as it was assumed by David and Rusu (2006) is not doubtless. The bison from Tiraspolian gravel is the largest among B. schoetensacki samples from various sites of Western Europe. Apparently, its quite massive limb bones might be correlated with body mass and represent a graviportal adaptation. Proportions of long limb bones computed from the mean values of male long limb bones lengths are fairly similar to those of Bison menneri. Like B. menneri, Tiraspolian bison is characterized by relatively long metapodials, especially metacarpal bones, although metapodials of the Tiraspolian form are rather robust. According to the pattern of limb proportions, Middle and late Pleistocene fossil Bison species could be divided into two ecomorphological groups: large but lightly build forms with small head and long limbs that represent an open-landscape running ecomorphological type (B. menneri and B. cf. schoetensacki from Tiraspol), and large heavily build with large heavy head, shortened metapodials, and evolved graviportal adaptations. The second ecomorphological type includes the largest species of the genus B. priscus and its modern diminished descents B. bison and B. bonasus. The revealed affinity of forest species B. bonasus in postcranial proportions with open landscape B. priscus and B. bison suggest that the adaptation of the former species to forest

habitat has a secondary character. Late Pleistocene B. priscus from Moldova is rather small-sized reminding fossil bison from Western Europe, however its larger relative size of lower premolars distinguishes Moldavian Paleolithic bison from Western European forms and approaches to larger Late Pleistocene bisons of Russia. However, the small size of Late Pleistocene bison from Moldova could be a result of selective hunting of Late Paleolithic people. Apparently, Flerov's (1979) placement of all smaller Late Pleistocene bison forms of Europe and Western Siberia in one subspecies B. priscus mediator is a simplified systematical solution.

Key words: *Pleistocene, Bison, Moldova, Taxonomy, Systematics, Morphology*

Введение

Ископаемые бизоны плейстоцена Молдовы в прошлом неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. Тем не менее, вопрос о систематическом положении находок ископаемых бизонов и по сей день остаётся наиболее дискуссионным. Главной целью данной работы является уточнение спорных и нерешённых вопросов в таксономии, систематике и эволюции ископаемых бизонов Молдовы и всего восточноевропейского региона. К сожалению, состояние изученности ископаемых бизонов на данный момент не позволяет разрешить все спорные моменты в систематике и эволюции этой группы животных. Согласно установившейся традиции, систематика ископаемых бизонов основывается на довольно ограниченном количестве морфологических признаков черепа и роговых стержней (Громова 1935; Skinner, Kaisen 1947; Флёров 1979). Удачность выбора только в пользу этих признаков некоторыми исследователями оспаривается (Gutrie 1966; Sher 1997), и обоснованность этих сомнений подтверждается противоречивыми взглядами на систематику ископаемых бизонов. В данной работе предпринята так же попытка привлечь внимание исследователей к признакам (пропорции посткраниального скелета, щёчных зубов), которые могут служить дополнительным источником информации в изучении систематики и эволюции ископаемых бизонов.

Метод и исследуемый материал

В работе предлагается описание ископаемого материала бизонов, хранящегося в коллекциях Института Зоологии (ИЗ) и Национального Музея этнографии и истории природы (МЭИП) в Кишинёве. В качестве сравнительного материала использовались скелеты современного американского бизона *Bison bison* и зубра *Bison bonasus* из остеологической коллекции Лондонского музея истории природы (Natural History Museum of London). Промеры костей брались в соответствии с общепринятой методикой von den Driesch (1976), а так же материал по ископаемым бизонам из раннеплейстоценовых местонахождений Аполлония (Греция) (Салоникий университет), Пирро Норд и Капена (Италия) (Флорентийский университет).

Используемые в работе сокращения: RD – лучевая кость (*radius*); MC – пястная кость (*metacarpus*); МС – метакарпальная кость (*metacarpus*); МТ – метатарсальная кость (*metatarsus*); ТВ – большая берцовая кость (*tibia*); DLM – латерально-медиальный промер; DAP – передне-задний промер; L – длина; D – ширина.

Описание и обсуждение

Раннеплейстоценовые бизоны.

Систематика раннеплейстоценовых бизонов на данный момент разработана неудовлетворительно, частично по причине неполноты палеонтологического материала, частично по причине спорности и крайне фрагментарного характера типовых экземпляров уже описанных видов, поэтому дать точное видовое определение остаткам бизонов, найденных на территории Молдовы не представляется возможным. Флёров (1972), очевидно, следуя критериям и таксономической модели рода *Bison*, предложенным Skinner, Kaisen (1947), описывает в составе рода бизонов подрод *Eobison*, который, по замыслу цитируемого автора, объединяет наиболее примитивных раннеплейстоценовых представителей рода. Первоначально подрод *Eobison* включал азиатские виды *B. (Eobison) sivalensis* из Пинджора (Сиваликские холмы, поздний плиоцен), *B. (Eobison) palaeosinensis* из Нихован (долина реки Санганхо, близ Пекина, поздний плиоцен – начало плейстоцена), и *B. (Eobison) tamanensis* из Таманского полуострова (Предкавказье, ранний плейстоцен). В основу диагнозов подрода и видов положены детали морфологии черепа и роговых стержней (Флёров, 1972, 82; 1979, 49). De Giuli и др. (1986) повысили статус *Eobison* до уровня рода, поскольку, по их мнению, он, возможно, является промежуточным звеном между родами *Leptobos* и *Bison*. Голотип *B. (Eobison) tamanensis* представлен небольшим фрагментом мозгового черепа с основанием рогового стержня и первоначально описывался Верещагиным (1957, 64) как *Bison sp.* Тот же автор допускает, что такой необычный признак, как широкие и глубокие височные ямки, сближающие таманского бизона с азиатскими древними формами, может послужить основанием для описания

нового вида. Длина роговых стержней по хорде варьирует в пределах 210-260 мм, переднее-задний диаметр основания рогового стержня составляет у двух экземпляров 80 и 90 мм (Верещагин 1957, 450). Несколько позже, Верещагин (1959, 448) опубликовал видовое название “*Bison sp. (tamanensis N. Ver.)*” [sic!], однако, эта таксономическая процедура не могла рассматриваться приемлемой с точки зрения международного зоологического кодекса в том виде, в котором она была предложена Верещагиным, поскольку новое видовое название не сопровождалось диагнозом, описанием, обозначением и изображением голотипа или ссылкой на такое изображение. Валидность этому виду была придана последующим переописанием, опубликованным в работе Флёрова (1972, 84), в котором был указаны типовой экземпляр, ссылки на иллюстрации в работе Верещагина (1957, 63-66), распространение, геологический возраст и описание.

Bison suchovi Aleksejeva 1967, описанный из восьмой террасы Дуная близ села Долинское (Одесская область, Украина), так же был описан по очень неполному материалу. Валидность этого вида вызвала сомнение у многих исследователей. Голотип представлен сравнительно коротким роговым стержнем, длина которого составляет 178 мм (длина по дуге – 192 мм), переднезадний диаметр у основания составляет одну третью длины, форма поперечного сечения приближается к треугольной (Алексеева 1967). По мнению Алексеевой (1977), этот вид несколько более примитивен, чем *Bison (Eobison) tamanensis* Verestchagin. Тот же автор считает, что к *Bison suchovi* могут быть отнесены остатки зубров из местонахождения Псекупс-Саратовская (Предкавказье). Флёров (1979) не упоминает бизона Сухова в своём обзоре ископаемых видов рода *Bison*. Давид и Свистун (1981) признают валидность *B. suchovi* и придают ему стратиграфическое значение. Кальке (1999, 58) рассматривает *B. suchovi* как младший синоним *B. (Eobison) tamanensis*. Последнюю точку зрения разделяют и Croitor, Brugal (2007, 53), которые отмечают, что укороченность рогового стержня, его более выраженная изогнутость и сравнительно более округлое сечение указывают на принадлежность рогового стержня, по которому был описан *B. suchovi*, самке, а значит диагностические отличия между бизоном Сухова и *B. (Eobison) tamanensis* могут быть ничем иным, как половым диморфизмом.

Очевидно, к предыдущей форме бизона так же близок *Bison (Eobison) n. sp.* из местонахождения Аполлония (Греция), датируемого заключительным этапом Виллафранка (Kostopoulos 1997). Это богатый в остеологическом отношении материал,

который включает остатки костей конечностей, нижние челюсти и верхнекоренные зубы более чем десяти особей. Прямое сравнение бизона из Аполлонии с таманской формой не возможно, поскольку в греческом материале отсутствуют черепа и роговые стержни, в то время как в таманском материале отсутствуют кости конечностей. По размерам и пропорциям костей конечностей Kostopoulos (1997) заключил, что эта форма бизона очень близка к примитивным азиатским представителям подрода *Eobison*, по многим признакам располагаясь между не крупной итальянской формой *Eobison degiulii* и среднеплейстоценовым *Bison schoetensacki*. Судя по имеющимся у меня данным, промеры костей посткраниального скелета греческого раннеплейстоценового бизона очень близки к таковым итальянской формы *Eobison degiulii* из Капены. Бизон из Пирро Норд (заключительный этап Виллафранка, Италия) представляет собой несколько отклоняющуюся мелкую форму (De Giuli и др. 1986; Masini 1989), развившуюся в частичной изоляции на Апеннинском полуострове, и в эко-морфологическом плане приблизившуюся к вытесненным ею лептобосам. Очевидно, помещение итальянской формы в отдельную таксономическую единицу является обоснованным.

Ещё одна необычная ископаемая форма бизона была описана в относительно недавней работе Шера (Sher, 1997) из пост-виллафранкского местонахождения Унтермассфельд (Германия). Это очень крупный представитель рода бизонов с очень длинными конечностями и сравнительно не крупной головой. Так же как и в случае с греческим материалом, бизон из Унтермассфельда известен только по посткраниальному скелету, нижним челюстям и зубам, тогда как роговые стержни и черепа взрослых особей отсутствуют. Это обстоятельство делает невозможным сравнение с уже описанными видами примитивных бизонов и применение разработанных на основе морфологии черепа и роговых стержней таксономических критериев рода бизонов. Тем не менее, на основании материала из Унтермассфельда Шер (1997, 105) выделил новый вид *Bison menneri*, диагноз и описание которого в основном основывается на морфологических особенностях посткраниального скелета. В частности, важным диагностическим признаком этого вида являются исключительно длинные метаподии и другие кости конечностей. Необычной особенностью бизона из Унтермассфельда являются относительно длинные метатарсальные кости по отношению к метатарсам, что сближает *Bison menneri* с примитивными формами подрода *Eobison* (Croitor, Brugal 2007, 52). Таким образом, таксономические и сис-

тематические трудности, связанные с раннеплейстоценовыми бизонами Европы на данный момент неразрешимы.

Обращаясь к находкам раннеплейстоценовых бизонов с территории Молдовы, следует отметить их немногочисленность. Таранная кость из Салчии (номер неизвестен) по размерам проявляет сходство с материалом из Аполлонии. Три проксимальных фрагмента лучевой кости (№№ 52-332, 52-1162, 52-341) так же очень близки по размерам с не крупным экземпляром (очевидно, принадлежит самке) из Аполлонии (таб. 2, рис. 1А, В, D). David и Rusu (2006) упомянули о находке метакарпальной кости из Салчии (длина 254 мм), сближая её с *Bison tamanensis*. Метакарп бизона из Салчии относительно удлинённый и тонкий, по размерам близок к метакарпальным костям из Аполлонии и лишь ненамного длиннее их, проявляя так же сходство с метакарпами бизона из раннеплейстоценовых местонахождений Украины Черевичное и Чёртков, описанными ранее в работах Давида и Свистуна (1981, 4) и Логвиненко (2001).

Интересная находка второй передней пальцевой фаланги бизона из Урсоаи (рис. 2) так же, по-видимому, принадлежит форме, близкой к бизону из Аполлонии. Этот экземпляр хранится в коллекции Государственного предприятия «Молдавская гидрогеологическая экспедиция» и был любезно мне предоставлен для изучения В. П. Покагиловым. Длина фаланги составляет 43 мм, ширина проксимального эпифиза – 38.0 мм, передне-задний промер проксимального эпифиза – 47.7 мм, ширина дистального эпифиза – 31.0 мм, передне-задний промер дистального эпифиза – 38.0 мм, наименьшая ширина диафиза – 32.2 мм. Фаланга относительно короткая и массивная, явно отличается от удлинённых фаланг *Bison menneri* из Унтермассфельда (Германия). По своей относительной длине фаланга из Урсоаи близка к греческому материалу (длина – 39.2 и 40.0 мм, ширина проксимального эпифиза соответственно – 33.4 и 32.8 мм, ширина дистального эпифиза – 29.0 и 27.2 мм), однако она сравнительно более массивна (рис. 3).

Остатки бизонов из Чишмицькой принадлежат другой, более крупной форме, которая по размерам посткраниальных элементов (таранная кость, дистальный фрагмент метакарпа, проксимальный фрагмент лучевой кости) очень близка к *B. menneri* из Унтермассфельда (таб. 1, рис. 1А, В, С). В этом контексте следует упомянуть, что остатки крупного оленя из Чишмицькой проявляют сходство с *Arvernoceros giulii* (Kahlke), который так же был описан из фауны Унтермассфельда (Croitor, Kostopoulos 2004, 150). К *B. menneri* ближе всего

стоит пястная кость из Чёрткова (Украина), описанная Давидом, Свистуном (1981, 4) и Логвиненко (2001), которая характеризуется исключительной длиной и по своим основным промерам лежит в пределах изменчивости самцов этого вида. В то же время экземпляр из Чёрткова несколько массивнее бизона из Унтермассфельда, что может свидетельствовать о некотором своеобразии чёртковского бизона (рис. 1D). Если сравнивать чёртковский экземпляр с *Bison schoetensacki*, то бросается в глаза исключительная длина и стройность этой пястной кости. Следует отметить, что ссылка на изображение пястной кости из Чёрткова в работе Давида и Свистуна (1981, 4, рис. 1в), очевидно, не точна, поскольку она указывает на наиболее короткую пястную кость, что противоречит метрическим данным, опубликованным в таблице на странице 6-7 в той же работе.

***Bison cf. schoetensacki* из тираспольского гравия.** Рассматривая ископаемого бизона из тираспольского гравия (начало среднего плейстоцена), многие авторы отмечают своеобразие этой ископаемой формы. Громова (1935) указывает на более длинные и менее массивные роговые стержни, а так же более массивные кости конечностей, которые не позволяют полностью отождествлять тираспольскую форму с западноевропейским *Bison schoetensacki*. По мнению упомянутого автора, уместнее обозначить бизона из тираспольского гравия как *Bison aff. schoetensacki*. Флёров и Давид (1971) на основе анализа нового ископаемого материала распознают два сменяющих друг друга подвида: более древний *B. schoetensacki lagenocornis* Flerov 1969 и более поздний типичный *B. schoetensacki schoetensacki* Freudenberg 1910. Второй подвид, как указывают авторы, по размерам и строению черепа, роговых стержней и коренных зубов идентичен с ископаемым бизоном из Зюссенборна. Различия между указанными подвидами основаны на деталях строения рогов и коренных зубов, таксономическая значимость которых вызывает сомнение. В частности, характерным для подвида *lagenocornis* является сильное расширение и дорсо-вентральное уплощение рогового стержня в его проксимальной части (Флёров, Давид 1971, 158). По сути, этот признак является крайним вариантом в ряду изменчивости формы рогового стержня у самцов тираспольского бизона, а отсутствие известных роговых стержней самок (*ibidem*) лишь усиливают сомнения в валидности этого подвида. Как известно, многие морфологические признаки, как роговых стержней, так и сопряженных с ними признаков черепа (размеры височных впадин, положение роговых стержней на черепе, их форма, скрученность, изогнутость, дли-

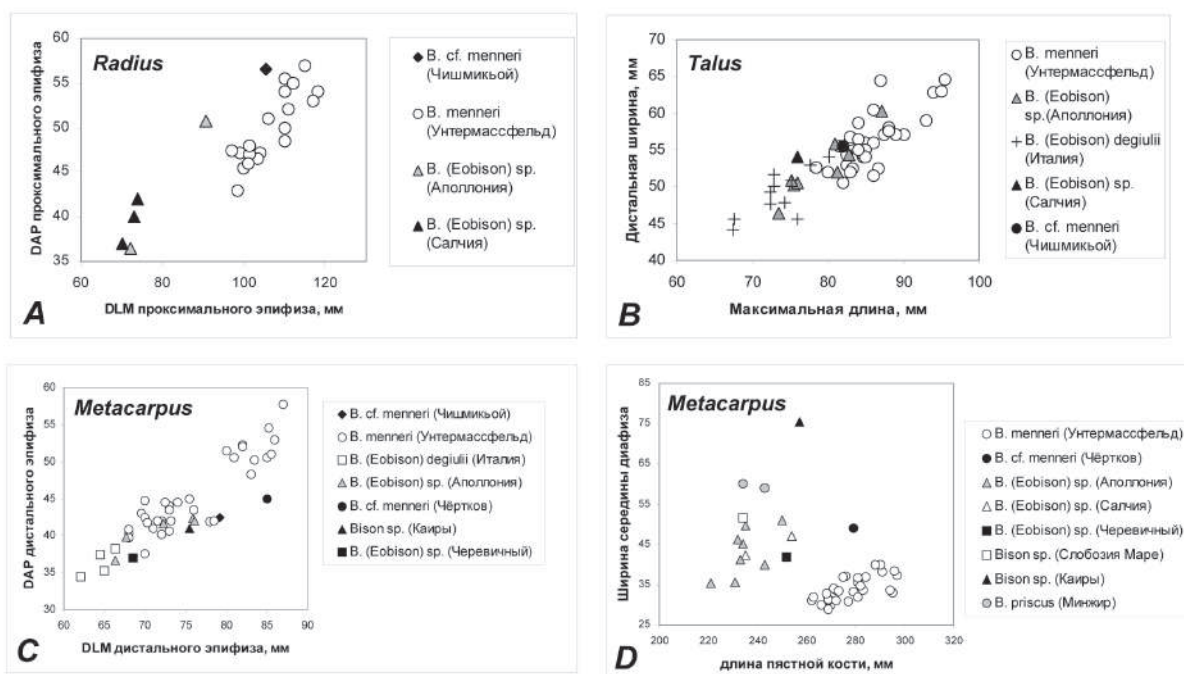

Рис. 1. Графическое отображение промеров костей конечностей раннеплейстоценовых бизонов: А – проксимальный эпифиз лучевой кости; В – таранная кость; С – дистальный эпифиз пястной кости; D – пястная кость. Данные по *B. menneri* из Унтермассфельда (Германия) приведены из работы Sher (1997).

на) являются весьма изменчивыми (Gutrie 1966; Ермолова 1978; Sher 1997), поэтому описание новой таксономической единицы, основанное на ограниченном наборе признаков, характер изменчивости которых в серийном материале не изучен, неизбежно ведёт к удлинению списка синонимов. Касаясь посткраниального скелета тираспольского бизона, Флёрв и Давид (1971, 163) отмечают его сходство с *Bison priscus*. Давид и Свистун (1981, 11) рассматривают тираспольских бизонов как два отдельных вида *Bison lagenocornis* и *Bison schoetensacki*. Sher (1997, 173) обозначает тираспольского бизона как *Bison sp.* и обращает внимание на относительную массивность его посткраниального скелета. По мнению цитируемого автора, тираспольская форма, возможно, более близка к бизонам «прискоидного» типа. Несколько позже, David и Rusu (2003) предложили выделить на основании материала из тираспольского гравия новый подвид *Bison priscus tirapolensis* [sic!] (в последующих публикациях этих авторов используется исправленное название *B. priscus tirapolensis*: David, Rusu 2006). Основанием для установления нового таксона послужили так называемые «прискоидные» признаки в морфологии роговых стержней и костей конечностей,

которые, однако, не были указаны. Эти неуточнённые особенности бизона из тираспольского гравия, а так же его сравнительно более крупные размеры, были расценены как достаточный аргумент для отнесения его к виду *Bison priscus* и выделения в новый подвид (David, Rusu 2003; 2006). Прежде всего, следует указать, что предложенное подвидовое название является *nomen nudum*, т.е. действительным, поскольку оно не сопровождается обозначением голотипа, его описанием и изображением или ссылкой на изображение, формальным диагнозом вида и ясным указанием типового местонахождения и геологического горизонта. Перечисленные пункты являются обязательными для описания нового таксона видового ранга согласно Международному зоологическому кодексу.

Включение тираспольского бизона в вид *Bison priscus* так же вызывает сомнение. Бизон из Тирасполя действительно несколько крупнее, чем *Bison schoetensacki* из Мауэра и Мосбаха (Германия), и заметно крупнее, чем *B. schoetensacki* из Дюфор (Франция) (таб. 2, 3, 4, 5, 6; рис. 4), и действительно складывается впечатление, судя по промерам эпифизов костей конечностей, что тираспольский бизон очень близок к *B. priscus*. Однако, пропор-

Таблица 1. Промеры остатков посткраниального скелета *Bison cf. menneri* из раннего плейстоцена Молдовы.

Плечевая кость - Humerus	Хаджимус-71, без номера
Ширина дистального суставного блока	110.2
Максимальный диаметр блока	61.4
Диаметр блока с латеральной стороны	43.7
Переднезадний промер дист. эпифиза	108.3
Лучевая кость - Radius	Чишмикьой-III, 19/2461
Ширина проксимального эпифиза	105.3
Ширина прокс. суставной поверхности	94.9
Переднезадний промер прокс. эпифиза	56.6
Локтевая кость - Ulna	Чишмикьой-III, 19/2461
Максимальная ширина	58.3
Ширина суставной поверхности	33.2
Переднезадний промер у полулунной вырезки	64.3
Длина локтевого отростка	133.8
Переднезадний промер локтевого отростка в середине	74.6

ции посткраниального скелета, вычисленные по средним величинам длин трубчатых костей конечностей, раскрывают очень любопытную особенность тираспольского бизона – его исключительную длинноногость, отличающую от типичных *B. priscus* и сближающую с *B. menneri* (таб. 7; рис. 6). В частности, тираспольский бизон характеризуется длинными метаподиями по отношению к проксимальным звеньям конечностей и длинной пястной костью по отношению к плюсне. Такие же пропорции конечностей обнаружены и у *B. menneri* из Унтермассфельда, в то время как у *B. priscus* метаподии относительно короче, и особенно укорочена пястная кость. По пропорциям посткраниального скелета *B. priscus* проявляет сходство с современными видами *B. bison* и *B. bonasus* (рис. 6). Пропорции посткраниального скелета указывают на экологическую специализацию вида и в данном случае могут считаться значимым морфологическим признаком в определении систематического положения тираспольского бизона на уровне вида. Очевидно, более массивные метаподии у тираспольского бизона являются лишь гравипортальной чертой, развившейся в связи с увеличением массы тела. Увеличение массы тела и развитие гравипортальных адаптаций в посткраниальном скелете является магистральным направлением эволюции бизонов, которые достигали максимально возможных для жвачных грассифагов размеров (Clauss и др. 2003, 23; Brugal, Croitor 2007, 141). Отмеченные Логвиненко (2001, 150) изменения в строении запястного сустава бизонов на протяжении плейстоцена, сопровождающиеся увеличением площади *facies*

articularis ossis trapezoideocapitati, на самом деле является не приспособлением к выносливо-скоростному типу локомоции, как указывает в своей работе Логвиненко (для бизонов характерен полутяжёлый бег согласно Гамбаряну и Суханову 1979, 292), а адаптацией к гравипортальности, поскольку медиальная фасетка пястной кости у парнопалых копытных несёт опорную функцию (Вислобокова 1990, 68), и соответственно увеличение функцио-

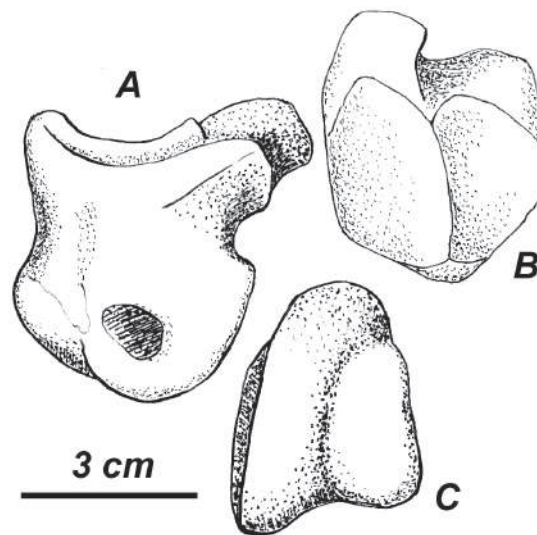

Рис. 2. Вторая передняя пальцевая фаланга бизона из Урсоаи (без номера): А – вид с латеральной внутренней стороны; В – вид со стороны проксимальной суставной поверхности; С – вид со стороны дистальной суставной поверхности (коллекция Молдавской гидрогеологической экспедиции).

Таблица 2. Промеры лучевых костей (*radius*) плейстоценовых бизонов Молдовы.

Вид	Местонахождение	Номер	L	DLMprox	DLMart	DAPprox
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Салчия	52-332		74.0		42.0
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Салчия	52-1162		70.0		37.0
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Салчия	52-341		73.0		40.0
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-288, ♀		72.1		57.5
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-83, ♂		105.3		36.5
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-148, ♀	386.2	112.2		60.0
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-389, ♂	380.0	122.0	110.2	61.2
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-279, ♂		116.6	113.3	65.3
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-280, ♂	371.2	120.0	107.3	61.0
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	Тирасполь73♂		116.5	106.4	63.4
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-086, ♂	397.0	121.3	112.0	62.3
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-283, ♂	383.0	119.0	111.7	62.5
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2390, ♂	350.0	112.2	99.8	56.0
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2304, ♀		98.7	92.6	52.0
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-681, ♂		115.3	114.6	58.6
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-686, ♀		93.9	80.3	59.4
<i>B. priscus</i>	Бутешть	11469-3, ♂	361.0	121.0	111.5	58.0
<i>B. priscus</i>	Кишинэу	8033-5, ♂	373.0	123.3	110.4	65.5

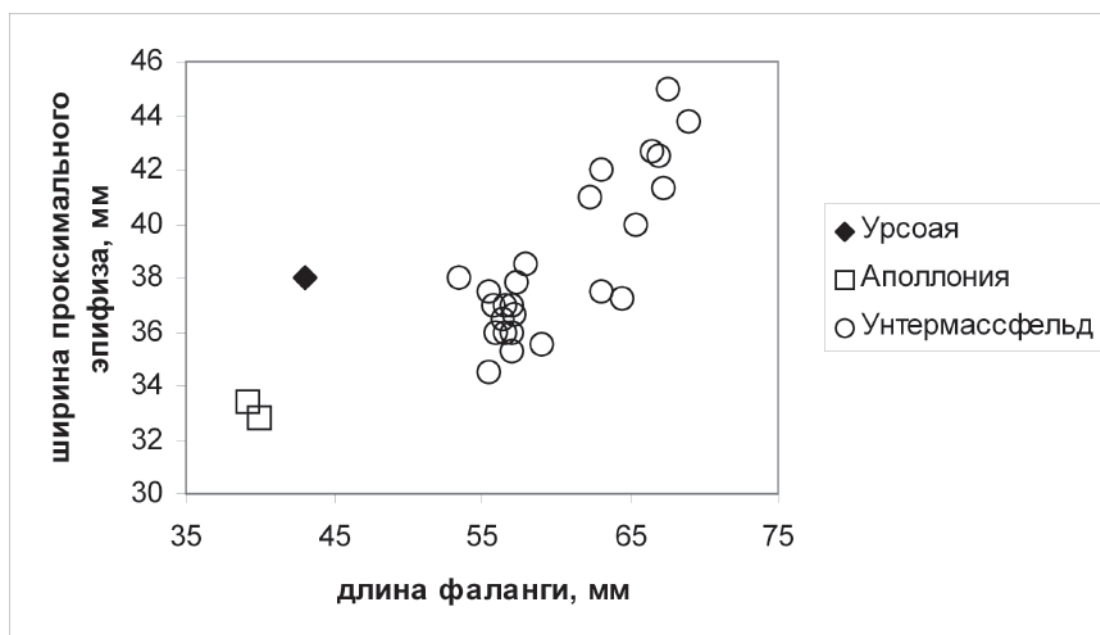

Рис. 3. Графическое отображение длины и ширины верхнего эпифиза вторых пальцевых фаланг раннеплейстоценовых бизонов из Урсоаи, Аполлонии (Греция) и Унтермассфельда (Германия). Данные по бизону из Унтермассфельда приведены из работы Sher (1997).

Таблица 3. Промеры пястных костей (*metacarpus*) плейстоценовых бизонов. Звёздочкой помечены местонахождения из Украины, данные по которым привлечены из публикации Логвиненко (2001).

Вид	Местонахож.	Номер	L	DLMpr	DAPpr	DLMds	DAPds	D ½ L
<i>B. cf. menneri</i>	Чишмикьой	без номера, ♀				79.2	42.4	
<i>B. cf. menneri</i>	Чёртков*	♂	279.0	79.0		85.0	45.0	49.0
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-578, ♂	250.0	72.0	42.1	75.9	42.3	51.0
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-446, ♂	235.0	74.8	43.9	72.3	41.6	49.6
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-414, ♂	234.0	72.7	42.5	76.1	42.0	45.1
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-95, ♂	243.0	70.2	42.2		40.0	40.0
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-nn, ♂	232.0	71.8	41.2			46.3
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-520, ♂		77.3	43.6			48.0
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-196, ♀	231.0	62.1			35.0	35.7
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-96, ♀	221.0	65.9	39.5	66.3	36.6	35.3
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-262, ♀	233.0	66.6	39.7	67.7	39.8	41.3
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-230, ♀		65.3	39.3			40.1
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-276, ♀		66.8	40.3			36.8
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-258, ♀		57.7	33.0			31.6
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Черевичный*	♀	252.0	72.0	44.0	68.5	37.0	42.0
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Салчия	без номера, ♀	235.0	70.5				42.3
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Салчия	без номера, ♂	254.0	75.6		77.8		47.2
<i>Bison sp.</i>	Каиры*	♂	257.0	79.0	47.0	75.5	41.0	47.0
<i>B. degiulii</i>	Капена	31	229.0	69.0	41.6	66.3	38.2	
<i>B. degiulii</i>	Капена	без номера	230.0	68.2	44.8	64.5	37.4	
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PA32	210.0	62.4	41.5	62.1	34.5	
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PN13		61.0				
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PP174				65.0	35.3	
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-090, ♂	267.0	96.3	55.9	97.7	50.0	
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	Т.гр.1966, ♀		86.1	50.7			
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-445, ♀				78.4	46.0	
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-376, ♀				98.3		
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-483, ♀				79.3	49.0	
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-061, ♀	248.0	77.8	48.5	77.0	46.2	
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-452, ♀	250.5	83.2	50.0	88.2		
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	Тир.гр.69г., ♀	253.5	88.2	51.7	84.0		
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	Тирасп.73г., ♂	267.4	94.4	55.4	95.0		
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2378, ♂	240.0	82.2	52.4	88.0	44.4	
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2374, ♀	230.0	76.3	42.2	77.8	43.0	
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2371, ♀				80.0	44.6	
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2365, ♂				92.2	49.2	
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2370, ♀				80.5		
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2366, ♀				76.0	40.8	
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2369, ♂				88.3	41.5	
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2372, ♀				73.4	42.4	
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-746, ♀		81.0	41.5			
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-720, ♂		96.1	53.6			
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-698, ♀				76.2	40.0	
<i>B. priscus</i>	Бутешть	без номера, ♀	238.0	80.0	41.1	82.0	46.8	
<i>B. priscus</i>	Кишинэу	ГКМ8033/10, ♂	242.0	90.0	53.0	91.3	43.7	

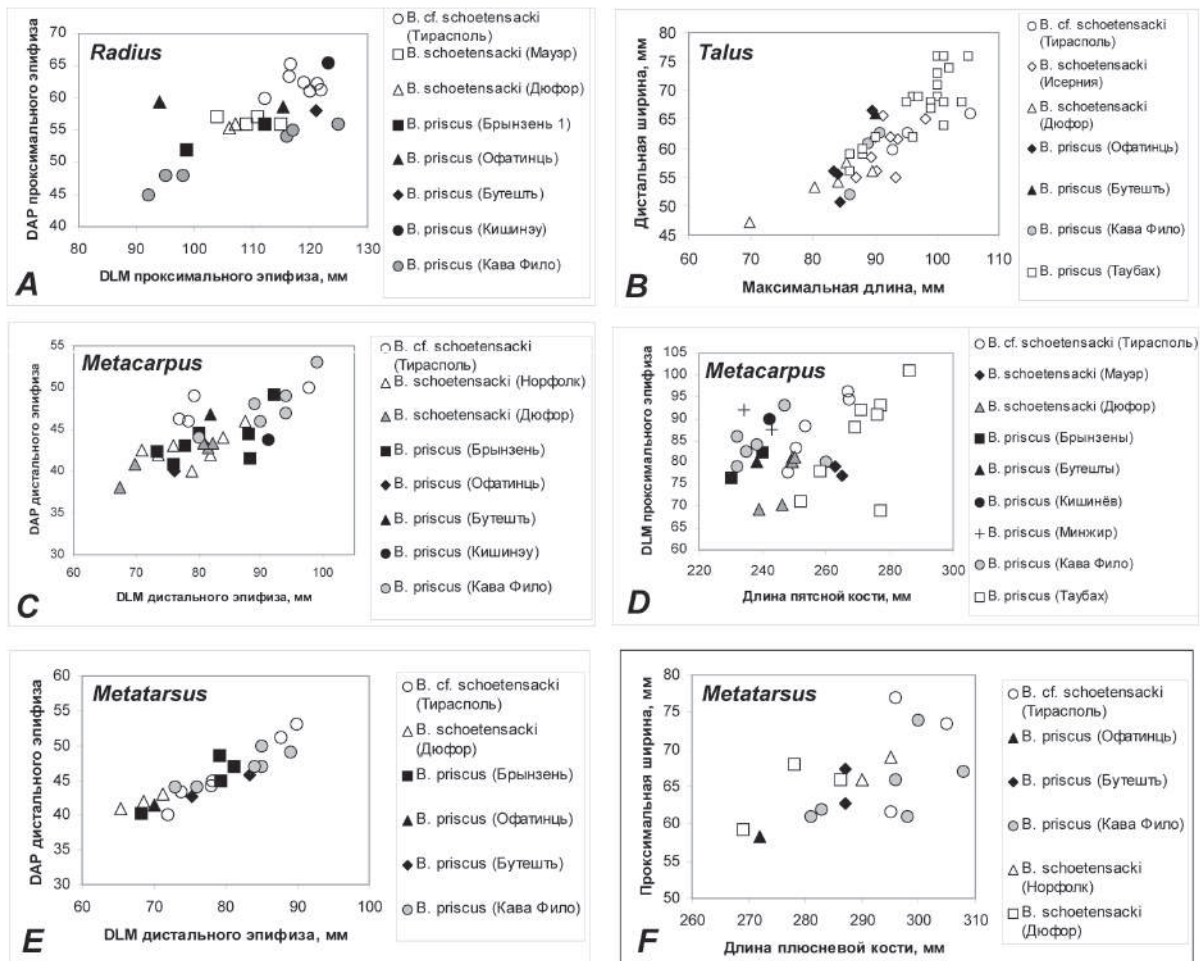

Рис. 4. Графическое отображение промеров костей конечностей средне- и позднелепистоценовых бизонов: А – проксимальный эпифиз лучевой кости; В – таранная кость; С – дистальный эпифиз пястной кости; D – пястная кость; E – дистальный эпифиз плюсневой кости; F – плюсневая кость. Данные по бизонам из Кава Фило, Исерния (Италия), Норфолка (Англия) и Мауэра (Германия) приведены из Sala (1986), Дюфор (Франция) – из Brugal (1995), Таубах (Германия) – из Flerow (1976).

нальной нагрузки ведет к увеличению её площади. Крайне выраженные адаптации к гравипортальности в посткраниальном скелете характерны для *Bison priscus*, который отличается от более древних бизонов (*B. menneri*, *B. schoetensacki*) сильно укороченными и массивными метаподиями. Отличительной особенностью *B. priscus* так же является очень укороченная пястная кость по отношению к плюсне. Эволюционными факторами в данном случае могли быть большая тяжелая голова на короткой шее, характерная для поздних форм бизонов, и питание невысокой травянистой растительностью, расположенной на уровне грунта, что и обусловило укорочение передних конечностей у продвинутых бизонов, и, в частности, сильное укорочение пяс-

тных костей. Характерные «прискоидные» (если прибегнуть к такой условной терминологии) пропорции посткраниального скелета сохранились у современного *B. bison*, который обнаруживает типичные адаптации к открытым пространствам. Неожиданным кажется выявление таких же «прискоидных» пропорций посткраниального скелета у современного лесного зубра *B. bonasus*. Этот факт может пролить свет на происхождение и эволюцию зубра, который сохранил в своём посткраниальном скелете черты предковых форм, адаптированных к условиям открытого ландшафта. Исходя из пропорций посткраниального скелета, приспособление зубра к лесным местообитаниям является вторичным. Этот вывод опровергает утверждение

Таблица 4. Промеры таранной кости (*talus*) плейстоценовых бизонов.

Вид	Местонахождение	Номер	L max	DLMds
<i>B. cf. menneri</i>	Чишмицькой	без номера, ♀?	82.0	55.5
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-454, ♂	82.8	54.3
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-425, ♂	87.1	60.3
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-46, ♂	81.0	55.8
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-59, ♂	81.3	52.0
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-300с, ♀	75.5	50.2
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-43, ♀	76.0	50.5
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-453, ♀	75.2	50.9
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Аполлония	APL-300b, ♀	73.5	46.4
<i>B. (Eobison) sp.</i>	Салчия	без номера, ♀?	76.0	54.0
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PA-37	72.4	47.7
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PN-653	80.2	54.0
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PB-36	74.2	47.8
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PB-38	75.2	50.9
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PN-44	72.8	50.0
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PN-46	77.7	53.0
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PA-35	76.0	45.6
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PN-2IV	67.4	44.1
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PN-45	67.6	45.6
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PN-47	72.4	49.2
<i>B. degiulii</i>	Пирро Норд	PN-42	72.8	51.7
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-378, ♀?	92.8	59.8
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	Кол.балка79, ♀?	95.3	62.7
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	без номера, ♂	105.3	66.0
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-646, ♀	83.3	56.1
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-642, ♀	84.0	55.5
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-643, ♂	89.5	66.5
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-645, ♀	84.4	50.8
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-653, ♀		57.0
<i>B. priscus</i>	Бутешть	11462-2, ♂	90.0	66.0

Таблица 5. Промеры большой берцовой кости (*tibia*) плейстоценовых бизонов Молдовы.

Вид	Местонахождение	Номер	L	DLMdist	DAPdist
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-144, ♂?	498.1	94.0	69.0
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-511, ♂?	479.0	89.4	68.5
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-150, ♂?		90.8	70.7
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-19, ♂?		96.4	68.0
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-479, ♂?	479.2	90.5	
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-94, ♂?	497.8	92.8	71.7
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-489, ♂?	500.0	92.4	69.0
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-678, ♂		84.6	63.0
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-677, ♂		93.5	70.8
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-179, ♂		90.0	61.2
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-675, ♂		84.4	62.6
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-678, ♂		93.8	68.0
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-674, ♀		76.2	60.1
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-701, ♀		78.6	55.8

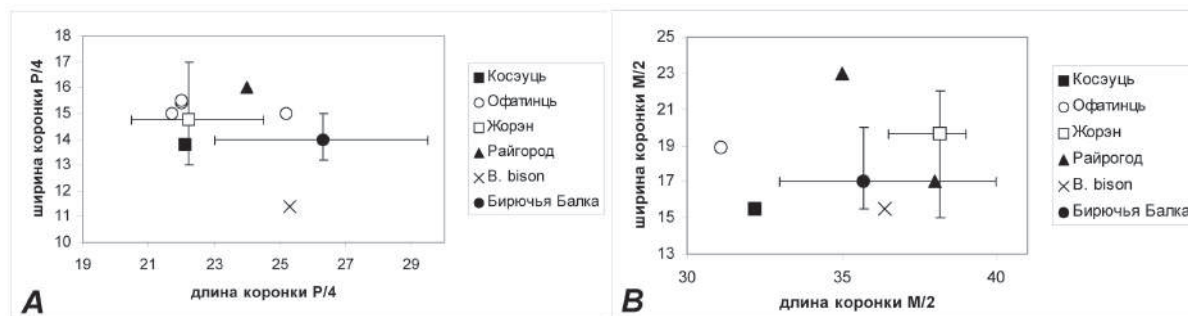

Рис. 5. Размеры нижних щёчных зубов позднеплейстоценовых бизонов *Bison priscus* из различных местонахождений Молдовы и Европы: А – нижний четвёртый премоляр (P₄); В – нижний второй моляр (M₂). Данные по бизонам из Жорэн (Франция) приведены из работы Guerin и Valli (2000), Райгород – из Алексеевой (1990), Бирючьа Балка – из Титова и Кияшко (2006).

Флёрова (Flerow, 1984) о том, что современные лесные зубры являются прямыми потомками древнего лесного бизона *Bison schoetensacki schoetensacki*, предполагая изолированное развитие линии лесных бизонов в Европе.

Возвращаясь к тираспольскому бизону, следует отметить, что он в целом сохраняет морфологические особенности примитивных бизонов, характеризующихся сравнительно небольшой и легкой головой и длинными конечностями. Исходя из того, что массивность костей конечностей у бизонов находится в прямой корреляции с массой тела, придавать этому признаку важное систематическое значение не следует. Роговые стержни тираспольского бизона очень длинные, слабо изогнутые и почти не проявляют характерной скрученности, что может быть расценено как отличительный признак от типичного *B. schoetensacki*, однако подобная форма рогового стержня так же описана у *B. schoetensacki* из Солейака (Франция), и вполне вписывается во внутривидовую изменчивость (Brugal, Lacombe 2004-2005, 114, рис. 103). Различия в размерах между *B. schoetensacki* из типового местонахождения и бизона из Тирасполя не являются достаточным аргументом для отделения этих двух форм на видовом уровне.

***Bison priscus* из позднего плейстоцена.** Остатки бизонов в палеолитических стоянках Молдовы обычны, однако недостаточно многочисленны для полноценного статистического анализа, поэтому определённых выводов о морфологической изменчивости бизонов в Молдове на протяжении позднего плейстоцена сделать нет возможности. Геологически наиболее молодая форма бизона, включенная в данное исследование, представлена материалом из Косэуць, третий слой (16 000 – 18 000 лет, вто-

рая половина последнего оледенения: Борзияк 1985; Борзияк, Коваленко 1992). Размеры обоих сохранившихся премоляров хорошо сохранившейся нижней челюсти из Косэуць лишь незначительно уступают средним показателям аналогичных промеров западноевропейского *Bison priscus mediator* из позднеплейстоценового местонахождения Жорэн (Guerin, Valli, 2000), вписываясь в пределы изменчивости французского материала (рис. 4, 5). В то же время, моляры из Косэуць значительно уступают в размерах коренным зубам ископаемого бизона Франции (рис. 5). Это наблюдение свидетельствует об относительно более крупных предкоренных зубах бизона из Косэуць, отличающих его от *B. priscus mediator* из Франции (Кройтор 2008). Partas (2001), следуя указанию в работе Флёрова (1979) на широкое распространение *B. priscus mediator* от Западной Европы до Западной Сибири, отнесла к этому подвиду и бизона из Косэуць, однако обнаруженные различия в пропорциях зубной системы между ископаемыми формами Франции и Молдовы свидетельствуют о необходимости более детального и глубокого изучения морфологии и систематики палеолитических бизонов. Форма и пропорции нижней челюсти бизона из Косэуць проявляют сходство с современным *B. bison*, исходя из чего относительно крупные премоляры следует расценить как приспособление, усиливающее зубную систему для питания жёсткой абразивной травянистой растительностью.

С косэуцкой формой бизона проявляет сходство и более древний ископаемый материал из Офатинць (поздний ашель / раннее мустье). Сохранность материала из этого местонахождения, в общем, типична для остатков охотничьих трофеев первобытных людей. Однако таранная кость би-

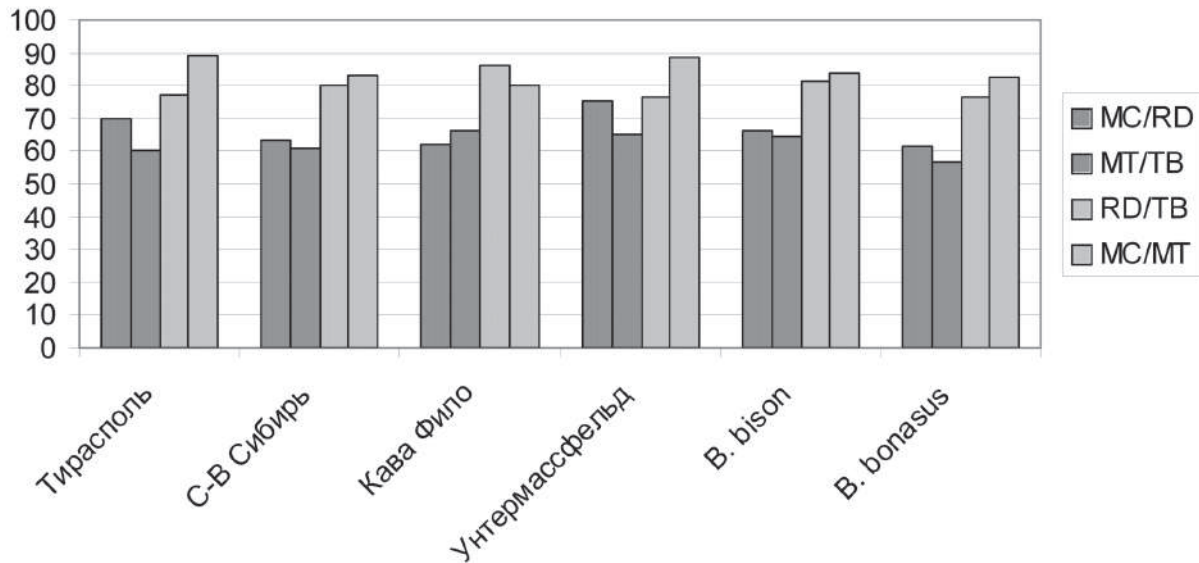

Рис. 6. Пропорции костей конечностей самцов ископаемых и современных бизонов. Данные по *Bison menneri* из Унтермассфельда и *Bison priscus* из северо-восточной Сибири приведены из работы Sher (1997), *Bison priscus* из Кава Фило (Италия) – по работе Sala (1986)

зона № 5-642 несёт явные следы зубов крупного хищника, возможно, гиены, из чего следует, что хотя бы часть материала из Офатинц имеет неантропогенное происхождение. Бизон из Офатинц по размерам предкоренных зубов (длина серии зубов P_2 - P_4 экземпляра 5-922 составляет 51.6 мм, аналогичный промер у экземпляра 5-981 – 57.7 мм) лишь незначительно уступают косоуцкому бизону (58.8 мм). В то же время уцелевший зубной ряд 5-922 по соотношению размеров нижних премоляров и нижнего второго моляра близок к экземпляру из Косоуц (рис. 5; таб. 8). Позднеплейстоценовые бизоны Молдовы в пропорциях нижнего зубного ряда проявляют сходство с палеолитической формой *B. priscus* из Бирючьей Балки 2 и более ранней и крупной формы бизона из лихвинского межледникового Райгорода (Волгоградская область, Россия).

Немногочисленные остатки посткраниального скелета бизона из Бутешть (ранний палеолит: Кетрару 1969) и Офатинц (120 000 – 130 000 лет, вторая половина микулинского межледникового: Анисюткин 2001, 114) по размерам практически не отличаются от материала из Брынзень 1, третий слой (абсолютный возраст 26 000 – 18 000 лет, вюрмский интерстадиал / вюрмское оледенение: Рогачёв, Аникович 1984) (таб. 2, 3, 4, 5; рис. 4). Роговой стержень из Бутешть (передне-задний диаметр основания составляет 65 мм, дорсо-вентральный диаметр составляет 59.3 мм, обхват – 205 мм) принадлежит самке и примыкает к экземплярам ро-

говых стержней первобытного бизона с минимальными значениями промеров, описанных Ермоловой (1978) из Северо-Восточной Сибири.

Интересная находка из окрестностей Кишинёва нескольких костей посткраниального скелета (пястная кость ГKM 8033/10 с серией сочленённых запястных костей, локтевая и лучевая кость ГKM 8033/5, атлас ГKM 8033/1) и фрагмента черепа ГKM 8033, вероятно принадлежащих одной особи *Bison priscus* заслуживает особого внимания (рис. 7, таб. 2, 3). Точный возраст находки не известен, однако морфологически и метрически этот бизон ничем не отличается от позднеплейстоценовых бизонов Молдовы. Фрагмент черепа представлен мозговой частью с основной частью правого рогового стержня и разрушенной левой частью, поэтому некоторые промеры могут быть указаны лишь приблизительно: высота затылочной плоскости составляет 163.8 мм, ширина затылочной плоскости приблизительно составляет 314 мм; ширина мышцелков – 143.9 мм, передне-задний диаметр рогового стержня у основания – 122 мм, дорсо-вентральный диаметр рогового стержня там же – 106 мм, обхват рогового стержня у основания – 366 мм, передне-задний диаметр рогового пенька – 108.5 мм, дорсо-вентральный диаметр рогового пенька – 98.0 мм. Промеры основания рогового стержня и промеры затылочной области черепа молдавского бизона близки к средним значениям самцов первобытного бизона из иркутского региона, согласно данным

Таблица 6. Промеры плюсневых костей плейстоценовых бизонов Молдовы.

Вид	Местонахождение	Номер	L	DLMprox	DAPprox	DLMdist	DAPdist
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-148, ♀	295.0	61.7	61.3	73.8	43.4
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-409, ♀		62.9	59.4		
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	Тирасп.73г. ♀				72.0	40.0
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-051, ♀				78.0	44.3
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	1-445, ♀				78.2	45.0
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	nn, ♂	296.0	76.9	72.0	89.9	53.1
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	nn, ♂	305.0	73.4	69.3	87.7	51.1
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2350, ♂				81.2	47.0
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2358, ♀				68.3	40.3
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2352, ♂				79.3	45.0
<i>B. priscus</i>	Брынзень 1	30-2357, ♂				79.2	48.5
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-747, ♀	272.0	58.3		70.0	41.5
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-695, ♀		62.2	61.3		
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-688, ♂		71.4	71.0		
<i>B. priscus</i>	Офатинць	5-639, ♂		73.6	63.0		
<i>B. priscus</i>	Офатинць	nn, ♂?	287.0	62.7	58.8	75.3	42.7
<i>B. priscus</i>	Офатинць	11462-II/I, ♂	287.0	67.4		83.3	45.8

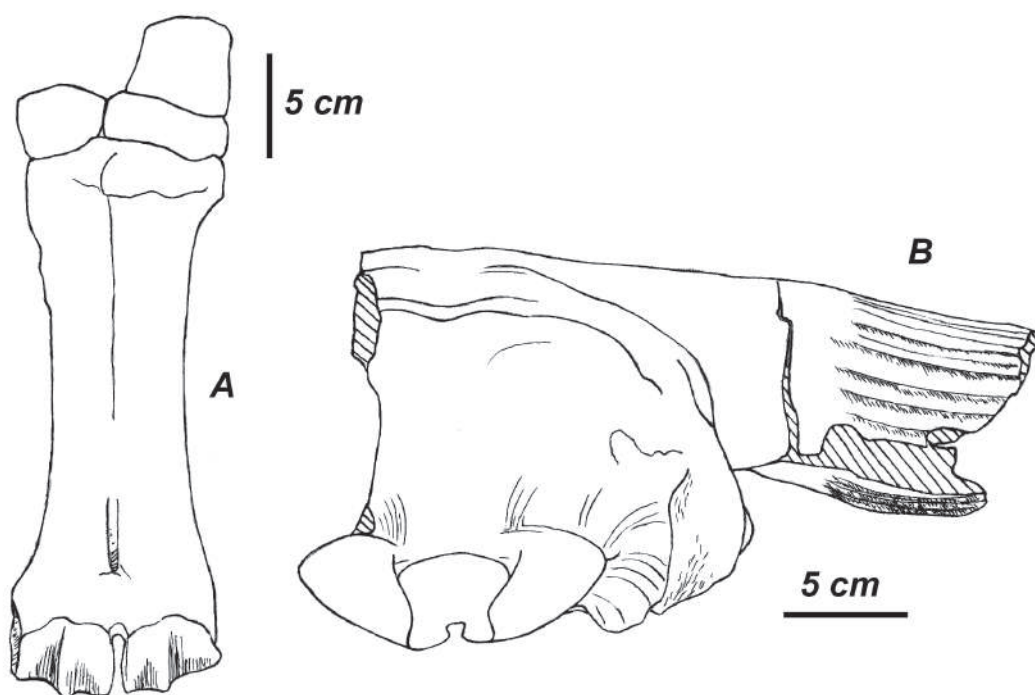

Рис. 7. Пястная кость ГKM 8033/10, сочленённая с неполной серией запястных костей (А) и затылочный фрагмент черепа ГKM 8033 (В) молодого самца *Bison priscus*, найденные в окрестностях Кишинёва (коллекция Музея этнографии и истории природы, Кишинёв).

Таблица 7. Индексы длин костей конечностей современных и ископаемых представителей рода *Bison* (♂). Данные по ископаемым бизонам из Северо-Восточной Сибири и Унтермассфельда (Untermassfeld, Германия) приведены из Sher (1997); данные по ископаемому бизону из Кава Фило (Cava Filo, Италия) приведены из Sala (1986)

Вид	Местонахождение	L RD	L MC	L TB	L MT	MC/RD	MT/TB	RD/TB	MC/MT
<i>B. cf. schoetensacki</i>	Тирасполь	383.5	267.2	498.7	299.0	69.7	59.9	76.9	89.4
<i>B. priscus</i>	С-В Сибирь	351.9	222.1	438.8	266.4	63.1	60.7	80.2	83.4
<i>B. priscus</i>	Кава Фило	389.0	241.0	452.0	300.5	61.9	66.5	86.1	80.2
<i>B. menneri</i>	Унтермассфельд	381.4	286.9	497.5	324.8	75.2	65.3	76.7	88.3
<i>B. bison</i>	Северная Америка	325.0	215.0	400.0	257.0	66.2	64.3	81.3	83.7
<i>B. bonasus</i>	Европа	343.0	210.0	450.0	255.0	61.2	56.7	76.2	82.4

Таблица 8. Промеры коронок нижних щёчных зубов *Bison priscus* из позднего плейстоцена Молдовы.

Местонахождение	Номер	P ₃ L	P ₃ D	P ₄ L	P ₄ D	M ₁ L	M ₁ D	M ₂ L	M ₂ D
Косэуць	cos.1999-niv.3	22.0	11.8	22.1	13.8	26.1	16.3	32.2	15.5
Офатинць	5-922	17.7	9.0	22.0	15.4			31.1	18.9
Офатинць	5-925	20.5	10.3	25.2	15.0				
Офатинць	5-851	19.3	9.0	22.0	15.5				
Офатинць	5-858			21.7	15.0				

по ископаемым бизонам Сибири Ермоловой (1978). Ширина атласа составляет 223.0 мм. Промеры лучевой и пястной кости указаны в таблицах 2 и 3. Судя по массивности пястной кости, скелет принадлежит самцу, дистальные эпифизы лучевой и пястной костей которого находятся на завершающей фазе окостенения, что свидетельствует о молодом возрасте животного.

Исходя из доступных данных, бизоны из различных палеолитических стоянок, вовлеченных в данное исследование, не обнаруживают существенных отличий друг от друга в размерах и пропорциях посткраниального скелета. Молдавские палеолитические бизоны по размерам сходны с ископаемыми формами *Bison priscus* из Кава Фило, Италия (по данным Sala 1986) и Жорэн, Франция (по данным Guerin, Valli 2000), и в то же время несколько уступают по размерам палеолитическому бизону из Бирючьей Балки 2, Ростовская область России (по данным Титова и Кияшко 2006), и значительно уступают по размерам *B. priscus priscus* из Таубаха (по данным Flerov 1976). Однако, судя по пропорциям нижнего зубного ряда, говорить о близости позднеплейстоценовых молдавских и западноевропейских бизонов оснований нет. Касаясь не крупных размеров бизонов из позднепалеолитических памятников Молдовы, следует сделать одну немаловажную оговорку. Возможно, молдавские позднеплейстоценовые бизоны были не так мел-

ки, как это может показаться исходя из материала палеолитических стоянок. Молодой самец бизона из окрестностей Кишинёва, захоронение которого не связано с деятельностью древних охотников, весьма близок к средним значениям первобытных бизонов Сибири, как это уже отмечалось выше. В то же время немногочисленные остатки бизонов из палеолитических стоянок могут представлять собой результат преднамеренной или непреднамеренной охотничьей селекции первобытных людей, которые могли предпочтительно добывать не самых крупных особей, добыча которых сопровождалась меньшими затратами силы и меньшим риском.

Несколько изолированных находок пястных костей из окрестностей сёл Слобозия Маре и Минжир, отнесенных к таманскому бизону (David, Rusu 2006), являются очень короткими и массивными, проявляя очевидное сходство с позднеплейстоценовым *Bison priscus* и резко отличаясь от всех раннеплейстоценовых форм.

Выводы

Раннеплейстоценовые остатки бизонов, найденные на территории Молдовы, можно отнести к двум формам: сравнительно более мелкий и более древний бизон из Салчии и Урсоаи, сходный с формой *Bison (Eobison) sp.*, описанной из Аполлонии (Греция), и более крупный бизон из Чишмикья, сход-

ный по размерам с *B. menneri* из Унтермассфельда (Германия). Следует отметить, что крупные копытные из Чишмикья, как олени, так и полорогие, проявляют сходство с видами из поствиллафранкской фауны Унтермассфельда. Несколько изолированных находок пястных костей из Слобозии Маре и Минжир, описанных в работе David и Rusu (2006) как *Bison tamanensis*, на самом деле принадлежат позднеплейстоценовому *Bison priscus*.

Описанный из Тираспольского гравия Флёрвым и Давидом (1971) предположительно более древний подвид *B. schoetensacki lagenocornis* (наряду с типичным подвидом *B. schoetensacki schoetensacki*) представляет собой всего лишь индивидуальный крайний вариант формы рогов самцов, который никак не соответствует примитивному типу рогов бизонов. Недавнюю попытку David и Rusu (2006) определить систематическое положение тираспольского ископаемого бизона следует рассматривать как неудачную. Предложенный ими новый подвид *B. priscus tiraspolensis* является *nomen nudum*, поскольку его описание не сопровождается диагнозом, обозначением голотипа, изображением или ссылкой на изображение голотипа, что согласно Международному зоологическому кодексу является обязательным условием при описании нового таксона. Отнесение ископаемого бизона из тираспольского гравия к *Bison priscus*, основанное на сравнительно более массивных костях конечностей, не может быть расценено как бесспорное. Тираспольский бизон имеет наиболее крупные размеры среди различных ископаемых форм *B. schoetensacki*, и, очевидно, его сравнительно массивные кости конечностей могут быть гравипортальной адаптацией, связанной со сравнительно крупными размерами тела. Пропорции посткраниального скелета тираспольского бизона, вычисленные по средним величинам длин костей конечностей

самцов, сходны с таковыми *B. menneri*, с которым его сближают относительно длинные метаподии и в частности относительно длинные пястные кости. Исходя из пропорций посткраниального скелета, можно выделить два эко-морфологических типа *Bison*: крупные формы более легкого сложения с относительно некрупной головой и длинными конечностями, характеризующиеся как скоростной тип (*B. menneri* и *B. cf. schoetensacki* из Тирасполя), и крупные тяжелые формы с большой тяжелой головой, укороченными метаподиями и выраженными гравипортальными адаптациями. Ко второй группе относится крупнейший вид рода *B. priscus*, а так же его измельчавшие голоценовые потомки *B. bison* и *B. bonasus*. Обнаруженное сходство в пропорциях посткраниального скелета современного зубра *B. bonasus* с видами, адаптированными к открытым пространствам *B. bison* и *B. priscus*, наводит на мысль, что приспособление зубра к лесным местообитаниям является вторичным.

Позднеплейстоценовые формы *B. priscus* из Молдовы своими некрупным размером тела проявляют сходство с западноевропейскими формами, однако судить о размерах позднеплейстоценового бизона по остаткам из палеолитических стоянок следует с осторожностью, поскольку мог иметь место селективный характер охоты первобытных людей. Относительные размеры нижних щёчных зубов и связанные с этим пропорции зубного ряда, характеризующегося относительно крупными премолярами, сближают молдавских позднеплейстоценовых бизонов с крупными восточноевропейскими формами. Обнаруженные различия в строении зубной системы ставят под сомнение точку зрения Флёрва (1979), согласно которой все позднеплейстоценовые бизоны Европы и Западной Сибири принадлежат одному подвиду *B. priscus mediator*. Этот вопрос требует дальнейшей детальной разработки.

Библиография

- Алексеева 1967: Л.И. Алексеева, К истории подсемейства Bovinae в европейской части СССР. Палеонтология, геология и полезные ископаемые Молдавии, 2, Кишинёв, 125-142.
- Алексеева 1990: Л.И. Алексеева, Териофауна верхнего плейстоцена Восточной Европе. Труды Геологического института, 455 (Москва: «Наука», 1990), 3-109.
- Анисюткин 2001: Н. К. Анисюткин, Мустьерская эпоха на юго-западе русской равнины (Санкт-Петербург: «Европейский дом», 2001), 308 с.
- Борзияк 1985: И.А. Борзияк, Открытие новой многослойной палеолитической стоянки Косоуцы на Среднем Днестре. В сб.: В. С. Бейлекчи, В. Я. Сорокин (гл. ред.), Археологические исследования в Молдавии в 1981 г. (Кишинёв: «Штиинца», 1985), 3-14.
- Борзияк, Коваленко 1992: И.А. Борзияк, С. И. Коваленко, Поселение слоя 3 стоянки Косэуць на Среднем Днестре. В сб.: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы (Кишинёв: «Штиинца», 1992), 48-69.
- Верещагин 1957: Н.К. Верещагин, Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова. Труды Зоологического института АН СССР, 22 (Ленинград, 1957), 9-74.

- Верещагин 1959: Н. К. Верещагин, Млекопитающие Кавказа (Ленинград, 1959), 704 с.
- Вислобокова 1990: И. А. Вислобокова, Ископаемые олени Евразии (Москва, 1990), 208 с.
- Гамбарян, Суханов 1979: П. П. Гамбарян, В. Б. Суханов, К биомеханике двигательного аппарата зубра. В кн.: Зубр (Москва, 1979), 292-327.
- Громова 1935: В.И. Громова, Первобытный зубр (*Bison priscus* Vojanus) в СССР. Труды зоологического института АН СССР, 2 (2-3) (Ленинград, 1935), 77-202.
- Давид, Свистун 1981: А.И. Давид, В.И. Свистун, Остатки бизонов из верхнеплиоценовых и нижнеплейстоценовых отложений Молдавии и юга Украины. В сб.: К. Н. Негадаев-Никонов (отв. ред.), Биостратиграфия антропогена и неогена юго-запада СССР (Кишинёв, 1981), 3-15.
- Ермолова 1978: Н.М. Ермолова, Териофауна долины Ангары в позднем антропогене (Новосибирск: «Наука», 1978), 222 с.
- Кетрару 1969: Н.А. Кетрару, О палеолитической стоянке в пещере у с. Бутешты. Труды Государственного историко-краеведческого музея, 2, 1969, 73-83.
- Кройтор 2008: Р. Кройтор, О находке нижней челюсти бизона из третьего слоя поздне-палеолитической стоянки Косэуць. *Revista Arheologica*, 4 (1), 2008, 209-215.
- Логвиненко 2001: В. Н. Логвиненко, Зубры (*Bison*, *Artiodactyla*) эоплейстоцена северного Причерноморья Украины. *Reports of the National Academy of Sciences of Ukraine*, 11 (Киев, 2001), 150-155.
- Рогачёв, Аникович 1984: А.Н. Рогачёв, М.В. Аникович, Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. *Археология СССР. Палеолит СССР* (Москва, 1984), 162-271.
- Титов, Кияшко 2006: В.В. Титов, П. В. Кияшко, Материалы по фауне из многослойной стоянки Бирючья Балка 2. Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 году (Азов, 2006), 326-341.
- Флёров 1972: К.К. Флёров, Древнейшие представители и история рода *Bison*. *Териология*, 1 (Москва, 1971), 81-86.
- Флёров 1979: К.К. Флёров, Систематическое положение *Bison* в семействе *Bovidae*. В кн.: Зубр (Москва, 1979), 9-40.
- Флёров, Давид 1971: К. К. Флёров, А. И. Давид, Род *Bison* H. Smith, 1827. В кн.: К. В. Никифорова (гл. ред.), Плейстоцен Тирасполя (Кишинёв, 1971), 156-165.
- Borziyak 1993: I.A. Borziyak, Orientation of social activity of the population of last Palaeolithic in the area along Dniester River. *Revista Arheologică*, 1 (Chişinău, 1993), 120-123.
- Brugal 1995: J.-Ph. Brugal, Le bison (*Bovidae*, *Artiodactyla*) du Pléistocène moyen ancien de Dufort (Gard, France). *Bull. Mus. national de Histoire naturelle*, 4e série, 16, section C, n° 2-4 (Paris, 1995), 349-381.
- Brugal, Croitor 2007: J.-Ph. Brugal, R. Croitor, Evolution, Ecology, and Biochronology of Herbivore Associations in Europe during the Last 3 Million Years. *Quaternaire*, 18 (2), 2007, 129-152.
- Brugal, Lacombe 2004-2005: Brugal, J.-Ph., Lacombe, F., *Bison schoetensacki* (Froedenberg, 1910). Les grands Mammifères fossiles du Velay (les collections paléontologiques du Plio-Pléistocène du musée Crozatier, le Puy-en-Velay). F. Lacombe (ed.), *Annales des Amis du musée Crozatier*, 13-14 (Le Puy-en-Velay, 2004-2005), 113-115.
- Clauss и др. 2003: M. Clauss, R. Frey, B. Kiefer, M. Lechner-Doll, W. Loehlein, C. Polster, G. E. Rössner, W. J. Storch, The maximum attainable body size of herbivorous mammals: morphophysiological constraints on foregut, and adaptations of hindgut fermenters. *Oecologia*, 136, 2003, 14-27.
- Croitor, Brugal 2007: R. Croitor, J.-Ph. Brugal, New insights concerning Early Pleistocene cervids and bovids in Europe: dispersal and correlation. In: R. D. Kahlke, L. C. Maul, P. P. A. Mazza (eds.): Late Neogene and Quaternary biodiversity and evolution: Regional developments and interregional correlations. Volume II. *Courier Forsch.-Institut Senckenberg*, 259, Frankfurt a. Main, 47-59.
- Croitor, Kostopoulos 2004: R. Croitor, D. S. Kostopoulos, On the systematic position of the large-sized deer from Apollonia, Early Pleistocene, Greece. *Paläontologische Zeitschrift*, 78 (1), 2004, 137-159.
- David, Rusu 2003: A. David, V. Rusu, Răspândirea bizonului *Bison priscus* Bojanus pe teritoriul Republicii Moldova în pleistocen. *Oltenia – studii și comunicări – științele naturii*, 19 (Craiova, 2003), 28-29.
- David, Rusu 2006: A. David, V. Rusu, Noi materiale osteologice privitor la răspândirea bizonilor (*Bison* H. Smith, 1827) în Republica Moldova în Pliocen și Antropogen. In: I. Toderaș et al. (ed.): *Diversitatea, valorificarea rațională și protecția lumii animale* (Chişinău, 2006), 316-322.
- De Giuli и др. 1986: C. De Giuli, F. Masini, D. Torre, The Latest Villafranchian Faunas in Italy: the Pirro Nord Fauna (Apricena, Gargano). *Palaeontographia Italica*, LXXIV, Pisa, 51-62.
- Driesch 1976: A. von den Driesch, A guide to the measurements to animal bones from archaeological sites. *Peabody Museum Bulletin* (Harvard University, 1976), 1-137.
- Flerow, 1976: C.C. Flerow, Die fossilen Bisonreste von Taubach und ihre Stellung in der Entwicklungsgeschichte der Gattung *Bison* in Europa. *Quartärpaläontologie*, 2 (Berlin, 1976), 179-208.
- Flerow, 1984: C.C. Flerow, Die Bison-Reste aus den Travertinen von Weimar. *Quartärpaläontologie*, 5 (Berlin, 1984), 355-360.
- Guerin, Valli 2000: C. Guerin, A. M. F. Valli, Le gisement pléistocène supérieur de la grotte de Jaurens à Nespoules, Corrèze, France: les *Bovidae* (*Mammalia*, *Artiodactyla*). *Cahiers scientifiques – Muséum de Lyon*, 1 (Lyon, 2000), 7-39.
- Gutrie 1966: R.D. Gutrie, Bison horn cores – character choice and systematics. *Journal of Paleontology*, 40 (3), 1966, 738-762.
- Janis 1990: C.M. Janis, Correlation of cranial and dental variables with body size in ungulates and macropodoids. In: J. Damuth, B. J. MacFadden (eds.): *Body Size in Mammalian Paleobiology: Estimation and Biological Implications* (Cambridge, 1990), 255-299.

- Kahlke 1999: R.D. Kahlke, The History of the Origin, Evolution and Dispersal of the Late Pleistocene Mammuthus-Coelodonta Faunal Complex in Eurasia (Large Mammals), (Rapid City, 1999), 219 c.
- Kostopoulos 1997: D.S. Kostopoulos, The Plio-Pleistocene artiodatyls (Vertebrata, mammalian) of Macedonia 1. The fossiliferous site "Apollonia-1", Mygdonia basin of Greece. Geodiversits, 19 (4), 845-875.
- Masini 1989: F. Masini, I bovini Villafranchiani dell'Italia. Doctoral Thesis, University of Florence, Vol. I and II (Florence, 1989), 1-152
- Partas 2001: V. Partas, Rămășițele scheletice de *Bison priscus* Bojanus de la așezarea paleolitică târzie Cosăuți. În: I. Toderaș (ed.), Diversitatea, valorificarea rațională și protecția lumii animale (materialele conferinței a IV-a a Zoologilor din republica Moldova) (Chișinău, 2001), 286-287.
- Sala 1986: B. Sala, *Bison schoetensacki* Freud. from Isernia la Pineta (early Mid-Pleistocene – Italy) and revision of the European species of bison. Palaeontographia Italica, 74 (Pisa, 1986), 113-170.
- Sher 1997: A.V. Sher, An early quaternary Bison population from Untermassfeld: *Bison menneri* sp. nov. In: R.-D. Kahlke (ed.): Das Pleistozän Von Untermassfeld bei Meningen (Thüringen), Teil 1. Monographien des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz, 40 (1), 1997, 101-180.
- Skinner, Kaisen 1947: M.F. Skinner, O.C. Kaisen, The fossil *Bison* of Alaska and preliminary revision of the genus. Bulletin of the American Museum of Natural History, 89 (3) (New York, 1947), 123-256.

Роман Кройтор, доктор биологических наук, старший научный сотрудник, Институт культурного наследия, Академия наук Молдавии, Бульвар Штефан чел Маре 1, Кишинэу 2001, Республика Молдова, e-mail: romancroitor@europe.com

**RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CĂRȚI –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

**Vance T. Holliday, *Soils in Archaeological Research*,
Oxford University Press, New York, 2004, 464 p., ISBN 0-19-514965-3.**

Aplicațiile științei solului contribuie la reconstituirea condițiilor naturale în care s-a desfășurat viața omului din cele mai vechi timpuri până în prezent, iar pe de altă parte, studiul pedologic, corelat cu date arheologice, poate furniza informații utile în aprecierea vârstei și evoluției solurilor. Cu toate acestea, cercetările pedologice și hărțile de sol elaborate în studiile regionale nu constituie decât foarte rar o sursă de informații pentru arheologi. O cauză ar putea fi orientarea acestor studii preponderent spre agricultură și utilizarea terenului. Pe de altă parte, scara de reprezentare utilizată în elaborarea hărților de soluri este de obicei prea mică, astfel că solurile întâlnite într-un sit arheologic nu corespund întotdeauna cu cele indicate pe harta solurilor întocmită pentru regiunea respectivă.

Lucrarea lui Vance Holliday reprezintă o abordare interesantă privind studiul solurilor ca o componentă a aplicațiilor științelor pământului în arheologie, un domeniu cunoscut sub denumirea de *geoarheologie*. Profesor la Universitatea din Arizona, autorul a elaborat acest volum în urma vastei experiențe acumulate și a rezultatelor obținute în cercetarea relațiilor dintre soluri, stratigrafia cuaternarului și arheologie.

Cartea cuprinde unsprezece capitole urmate de trei anexe și de un bogat glosar de termeni mai mult sau mai puțin familiari cercetătorilor din acest domeniu interdisciplinar.

În primele trei capitole sunt introduse unele concepte privind posibilele aplicații ale științei solului în geoarheologie, terminologia de bază, aspecte metodologice privind elaborarea studiilor pedologice, precum și aspecte teoretice și conceptuale privind geneza solurilor. Autorul remarcă faptul că integrarea științei solului în arheologie a fost împiedicată mult timp de ambiguități în utilizarea termenului “sol” și confuzia făcută asupra a ceea ce este sau nu este solul. Aceasta se datorează în mare parte faptului că studiul solurilor este în mod obișnuit localizat în domeniul științelor agricole și mai puțin în domeniul științelor pământului. Autorul remarcă, de asemenea, confuzia făcută frecvent între orizonturile de sol și straturile geologice și subliniază faptul că orizonturile de sol se formează în cadrul straturilor geologice. De asemenea, discută pe larg termenul „paleosol”, termen cu o largă utilizare în arheologie și tipurile specifice de paleosoluri: „soluri

îngropate”, „soluri relict”, „soluri exhumate”. Sunt definiți și termeni ca „antrosol”, „sol antropic” sau „sol antropomorfic”, menționând asemănările și deosebiri-le dintre acestea, precum și ambiguitățile care apar în utilizarea acestor termeni. Autorul arată că știința solului, în general, și pedologia, în particular, au metode standardizate și detaliate pentru investigațiile de teren și analizele de laborator ale solului și faptul că geoarheologia are propria gamă de metode, inclusiv o vastă literatură privind studiile de laborator ale solurilor în context arheologic.

Următoarele trei capitole tratează două aplicații fundamentale ale solurilor în cercetarea geoarheologică: *soil survey* (examinarea sistematică, descrierea, clasificarea și cartarea solului) și stratigrafia solului. Este demonstrat potențialul cartării solului în arheologie cu numeroase exemple (în principal din America de Nord și Europa). Autorul menționează însă și limitările acestor aplicații, limitări datorate complexității învelișului de sol care implică un anumit grad de generalizare cauzat de scara de reprezentare a acestora pe hartă. De asemenea, în realitate, limitele unităților de sol nu sunt întotdeauna atât de tranșante ca limitele utilizate pe hartă pentru delimitarea tipurilor și subtipurilor de sol.

Capitolele 5 și 6 cuprind noțiuni generale privind stratigrafia solului în general, precum și aspecte privind stratigrafia solului în contextul cercetărilor arheologice. Autorul discută pe larg problema solurilor îngropate, despre procesele pedogenetice caracteristice și despre modalitățile de recunoaștere ale acestor soluri în teren. Este analizată evoluția solurilor îngropate în cadrul diferitelor tipuri de depozite, în special în cadrul depozitelor aluviale și eoliene, în corelație cu conținutul lor arheologic, prezentând în acest sens numeroase studii de caz.

În următoarele două capitole (7 și 8) este abordat conceptul timpului în arheologie prin intermediul analizei solurilor, respectiv a timpului ca factor pedogenetic și utilizarea caracteristicilor solurilor ca indicatori ai vârstei, ai climei și vegetației din trecut, precum și posibile corelații între acestea și tipul de relief. De asemenea, autorul argumentează faptul că morfologia și clasificarea solurilor pot fi utilizate pentru reconstrucția condițiilor de mediu din trecut și tratează pe larg problema „cronosecvențelor de soluri”, acele grupuri

de soluri ale căror proprietăți variază în primul rând în funcție de variația vârstei depozitelor.

Capitolul 9 integrează unele principii și discuții din capitolele anterioare fiind subliniată importanța solurilor în reconstrucția condițiilor în care a evoluat mediul înconjurător și, în consecință, a condițiilor în care a evoluat situl arheologic.

Ultimele două capitole (10 și 11) sunt dedicate analizei solurilor în contextul investigațiilor caracteristice îndeosebi cercetării arheologice: procese de formare a sitului și impactul omului asupra mediului. Autorul evidențiază efectele pedogenezei asupra artefactelor, depozitelor și siturilor, respectiv, cum aceste procese de formare a solului afectează materialele arheologice și interpretările arheologice. De asemenea, prezintă eventualele procese care pot ascunde anumite caracteristici ale solului după ce acestea au fost îngropate și care pot, de asemenea, influența interpretarea arheologică. Este subliniat impactul (fizic și chimic) asupra solului prin locuirea îndelungată a sitului, importanța interpretării conținutului de fosfor din sol în acest context, originea și natura solurilor modificate de om și interpretarea acestui impact al omului în cadrul unui sit arheologic.

Cele trei anexe care completează această lucrare, aduc unele precizări suplimentare, în special de ordin metodologic.

În prima anexă sunt prezentate nomenclatura orienturilor, suborienturilor solului și alte atribute caracteristice acestora determinate îndeosebi în teren și unele modificări aduse de autor terminologiei specifice pedologiei, cu scopul facilitării utilizării acesteia de către comunitatea geoarheologică. În cea de a doua anexă a lucrării, autorul realizează o sinteză privind metodele analitice pentru determinarea fosforului din sol, precum și implicațiile în cercetarea arheologică pe care le are acest element chimic. În a treia anexă sunt prezentate mai multe metode de laborator utilizate pentru analiza solurilor în studiile geoarheologice, sunt făcute comparații între aceste metode și sunt prezentați factorii care trebuie avuți în vedere în alegerea unei tehnici de analiză corespunzătoare.

În concluzie, volumul este destinat, în principal, arheologilor și geoarheologilor care doresc să cunoască cum pot fi utilizate studiile privind solurile pentru a răspunde întrebărilor caracteristice propriilor cercetări. Valorificând rezultatele propriilor investigații precum și numeroase studii elaborate de alți cercetători, autorul evidențiază aplicațiile geomorfologiei, stratigrafiei și chimiei solului în cercetarea arheologică, într-o lucrare de referință pentru acest domeniu complex, la fel de utilă și pedologilor interesați de investigarea trecutului omului, prin prisma urmelor lăsate de acesta în sol.

Radu PÎRNĂU (*Iași*)

**Николай Оленковский. Эпиграветт Восточной Европы.
Культурно-исторический аспект. Херсон, 2008, 430 стр.**

В последнее время в палеолите Восточной Европы наблюдается неожиданное и, доселе, не наблюдаемое поразительное явление: появление большого количества объемных книг, причем прямо монументального свойства. Достаточно назвать ряд изданий Костенковских экспедиций: Костенки в контексте палеолита Евразии. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы (С. Петербург 2002); Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (С. Петербург 2006); Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий (С. Петербург 2005); (Анисюткин 2005) и др., некоторые издания украинских коллег: (Горелик 2001; Сапожников 2003; Колесник 2003; Чабай 2004; Степанчук 2006; Европейський середній палеоліт, [Київ 2006]) и др. В целом, упомянутые издания также как и многие другие, чрезвычайно ценные и полезные и их появление иногда перечисляются к научным событиям (Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007), как считают некоторые исследователи (Астахов 2007), с чем мы не совсем согласны. Однако здесь речь не об этом. Вместе с тем, наряду с хорошими и полезными книгами издается, к сожалению, немало книг, либо компиляторского свойства (благо, современная техника и огромное легкодоступное информационное поле позволяет лепить их молниеносно), либо такого содержания и научного уровня, которые не выдерживают никакой критики. Здесь буду касаться одного из таких (объемистых, скажем так, чтобы не обидеть книгу), изданий, вышедшего в Херсоне из-под пера местного исследователя, точнее эпиграветтоведа, Николая Петровича Оленковского.

Эта книга, судя по признанию автора, является трудом долгих трех десятилетий упорного труда на ниве палеолитоведения и ее основы начали плодотворно складываться еще в 80-ые годы (с. 5), когда автор выявил и с тех пор неуклонно и следовал путь постижения «эпиграветта» Европы¹.

Н.П. Оленковский начал свой путь в археологии после участия в полевых работах Молдавской

Палеолитической экспедиции (рук. Н.А. Кетрару) в 1972 и 1974. В начале он участвовал в раскопках стоянок Рашков VII и Старые Куконешты IV. Автор этих строк также участвовал в этих экспедициях и с тех пор знаком с Н. Оленковским и всегда живо интересовался его публикациями. С того момента, как автор монографии вступил на путь познания культурно-исторического характера позднего палеолита Восточной Европы, он прошел «удивительный, уникальный и самобытный» путь постижения палеолита. Однако об этом не догадываются украинские, российские и другие сопредельные исследователи (кроме западных и центрально-европейских) даже не догадывались, так как были не только „неосведомлены с иноземными достижения в области эпиграветта (как автор книги) но и чересчур политизированы” (с. 5). Сам автор, прощупывая свой путь в науке, со своей неповторимой правотой, еще во введении «однозначно» поражается долгим персональным одиночеством на нем и непроходимой отсталостью своих (безнадёжно) консервативных собратьев с обширных Русских (читай Восточно-европейских) равнин, отличающихся незнанием литературы по специальности. Видимо из политических соображений (с. 5). Надеемся, что не из подобных побуждений автор определяет в качестве «действительного» или «классического» эпиграветта только те памятники которые ближе к «классическому» центрально-европейскому граветту, а именно, к «венгерским и румынским стоянкам».

Для начала представим общую характеристику книги. Насчитывает она более 430 страниц, включая 18 схематичных карт и 170 таблиц рисунков кремней. В структурном отношении книга подразделена на Введение, трех частей и Выводов. Каждая из частей состоит из отдельных глав. Первая-из трех, вторая-из пяти, третья – из трех глав, которые в свою очередь распадаются на параграфы, кроме первой части. В конце имеется список использованной литературы, список сокращений и резюме на английском языке (имеется только в Содержании но отсутствует реально)

¹ Правда тогда понятия «эпиграветт» в восточноевропейской литературе по палеолиту еще не было, но это неважно. Главное что автор этим занимался.

Заранее отметим, что автор считает, что «только комплексы каменных изделий найденных на местах древних стоянок и поселений людей позднего палеолита могут служить в качестве основы для определения возраста и культурного определения стоянок». Другие критерии - такие как стратиграфия, радиометрические даты, изделия из кости, рога, бивня, пространственные сооружения (жилища) и др., автор считает второстепенными. Изделия из кости, рога, бивня, предметы украшения и мобильного искусства, жилища и т.д. в книге не рассматриваются, иногда только упоминаются и среди иллюстраций подобные не представлены, т. к. эти категории находок в материальной культуре многих памятников, по мнению автора, либо отсутствуют, либо они мало-информативны. Также нет иллюстраций, отражающие планиграфию и стратиграфию, а в тексте книги о таких вещах лишь редко и вскользь упоминается.

Автор, как следует из Введения, является «убежденным приверженцем понимания **<археологической культуры>**, как фундаментального понятия археологической науки или фундаментальной категории археологии». (Кто из профессиональных археологов в настоящее время в этом сомневается?) Также автор является приверженцем *этно-комплексной версии трактовки <археологической культуры>* которую определяет следующим образом: **«позднепалеолитическая археологическая культура - это категория, выраженная суммой отдельных этапов (исторических мгновений) в развитии этностабильного конкретного социально-исторического организма, выраженного конкретными археологическими памятниками, зафиксированными на определенной территории»** (с. 6). Вдумайтесь в этом наборе **глубоких и содержательных** слов и поймете (или не поймете?) что, как следует из основного наполнения книги, **«конкретный социально-исторический организм»** состоит из обыкновенных, зачастую немногочисленных и зачастую нестратифицированных коллекций кремней, которые по признанию автора «не всегда удается датировать». Не будем разбирать

термин **«этностабильный»**, по - тому что вся культурологическая концепция автора базируется, главным образом, на шаткой статистике, где преобладание резцов или скребков в индустриях возводится в культуурообразующий фактор. Автор не учитывает величину раскопанной площади на стоянках. Также, автор не обращает внимание на то, раскопана ли периферийная, или центральная часть стоянок?

Н. Оленковский не обращает внимание на производственную фаціальность отдельных участков мест обитания древних людей, на характер стоянки (мастерская по расщеплению камня и первичной обработки сырья, места по разделке туш животных, жилище и т. д.), на сезонный состав орудий труда и многие другие факторы, которые, на наш взгляд, существенно влияют на набор и структуру инвентаря отдельно взятых индустрий.

Первая глава первой части (Восточный граветт, эпиграветт и граветтский (?) путь развития) посвящена разбору, в целом, использованной исследователями терминологии, но не конкретного содержания понятий. Автор в своих взглядах на развитие граветта и «эпиграветта» Центральной и Восточной Европы (от Венгерской межгорной впадины до бассейна Дона), то примыкает к теоретическим взглядам М.В. Аниковича, то к взглядам Д. Ю. Нужного (с. 10-12). Суть его собственных взглядов на проблематику эпиграветта сводится к тому, что примерно в интервале между 20-19 и 12 тыс. лет назад в указанном пространстве существовал *«настоящий эпиграветт»* (в западной зоне ареала) и «восточные эпиграветтские культуры» Восточной Европы, которые, в целом, имеют корни в «Центрально-Европейском граветте». Автор монографии в понятие «восточный эпиграветт», предложенное М.В. Аниковичем, предлагает включить лишь «культуры деснянско-донского, кавказско-приазовского и производного от них происхождения» (с. 11)². В главе присутствуют многие рассуждения о различиях между взглядами М.В. Аниковича, Д.Ю. Нужного, автора этих строк и самого автора монографии. Однако отсутствует цельная концепция Н. Оленковского о происхождении, этапах развития

² Автор этих строк придерживается концепции что граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы могут быть подразделены на Ранний граветт (раннеграветтский технокомплекс - от появления-до 20-19 тыс. лет ВР) и Поздний граветт (позднеграветтский технокомплекс - от 20-19 - до 12-11 тыс. лет ВР). Ранний граветт подразделяется на локальные культуры, варианты культур или, в целом - на «эволюционные ритмы» [Otte et all. 1996], а поздний граветт представляет собой «мегакультуру» (= позднеграветтский технокомплекс), которая распадается на ряд крупных позднеграветтских культур, включенных в ИКО, но существенно различающихся по происхождению, территориально и по структуре и типологии индустрий от тех, которые выделены Н.П. Оленковским. Автор этих строк не считает нужным использовать такие термины в палеолите Центральной и Восточной Европы как «восточный микок», «восточный селет», «молдавский селет [см. Анисюткин 2005]», «крымский селет», «эпиграветт», «восточный эпиграветт» и т.д.. Также автор считает, что «эпиграветт» непосредственно происходит от Раннего граветта и является его поздней фазой развития. На различных территориях Центральной и Восточной Европы поздний граветт

и процессах исчезновения позднеэпиграветтских культур.

Вторая глава посвящена общему обзору позднего граветта Центральной Европы. В позитивной форме перечисляются стоянки, индустрии и историографические аспекты проблематики. Автором учтен и проанализирован большой список литературы, однако, судя по обзору, отсутствуют много важных литературных источников, учет которых значительно менял бы концептуальный облик главы. В этой части практически отсутствуют работы, касающиеся проблем граветта, опубликованные после 1986 года такими известными исследователями как Ян. Козловский, М. Отте, И. Свобода, П. Нуаре и др. Для территории Румынской Молдовы не учтены работы В. Кирика (после 1991) и 6 крупных монографических работ А. Пэунеску (Păunescu 1993; 1998; 1999; 2000; 2001; 2002). Таким образом, эта глава основана на многих устаревших взглядах и данных.

Третья глава (с. 28-30) очень короткая и носит компиляторский характер, без ссылок на источники. Цитируется неконкретно «Физико-географическое районирование Украинской ССР (Киев 1968), откуда автор заимствовал некоторые общие сведения, не утруждаясь проанализировать новые данные, опубликованные в последние 40 лет. С таким же успехом можно было пользоваться только работой Барбот де Марни. Не использованы в качестве источников работы, касающиеся стратиграфии позднечетвертичных отложений, опубликованные И.К. Ивановой (1982; 1987, а также ряд работ П. Езарца (Haesaerts et al. 1996, 2003, 2004; Otte; Chirica, Haesaerts 2007). Эти работы дают возможность по-новому интерпретировать стратиграфию отложений, вмещающих позднеграветтские культурные слои позднепалеолитических стоянок Карпато-Днестровского региона. Досадно. Создается впечатление что столь «высокопрофессиональный» (с. 190) исследователь практически не знает

литературу по специальности, в основном, которая издана за последние 20 лет, причем и литературу на русском языке (например: Сапожников 2004).

Вторая часть книги – «Классический Эпиграветт Восточной Европы» содержит пять глав: 1. Эпиграветт украинского Прикарпатья, (вместо Среднего Приднестровья: Черныш 1973)³; Эпиграветт Восточной Румынии; 3. Эпиграветт Молдовы; 4. Эпиграветт Южной Украины и, 5-Эпиграветт Правобережья Северной Украины и Южной Белоруссии. Будем касаться здесь глав первой-третьей и частично - четвертой, а также Выводов, т.е. той части монографии, в которой изложенные данные известны нам лучше.

Возникает вопрос, почему в этой зоне эпиграветт «классический» и в чем выражается эта «классичность»? Автор об этом умалчивает. Чем существенно отличается «классический» эпиграветт от «восточного эпигравета» тоже умалчивает. Указывая на высокую степень концентрации позднеграветтских, стоянок в зоне Среднего Днестра, «чудесную» их исследованность (с. 31) автор сетует на проблемы, существующие в плане отсутствия обобщающих работ по позднему палеолиту региона. Связывает автор эти проблемы с «огромной массой данных» для приведения в порядок и издания которой требуются годы и с отсутствием украинских специалистов, вследствие «кризисного состояния украинской археологии палеолита в последнее время» (с. 31). Заметим, что в то же время автор потратил 30 лет на изучение во впадинах Приазовья и Нижнего Дона нестратифицированных памятников финального палеолита и мезолита с бедными материалами. За это время он, как украинец (с правами изучения памятников палеолита на всей территории страны), мог вполне ликвидировать это упущение. Я глубоко сомневаюсь в том, что на Украине в настоящее время кризис в области изучения палеолита, а наоборот, заметен существенный подъем в этом отношении (о чем косвенно свидетельствуют упомянутые книги) и

имеет локальные типологические показатели и разные структуры индустрий. Имеются и локальные различия в костяных, роговых и изделий из бивня мамонта, предметов искусства и украшений. На наш взгляд, эти различия predeterminedены палеоэкологическими условиями жизни, сезонным профилем индустрий, зависящим от предметов преимущественной охоты на определенных видов животных и локальных внутриколлективных традиций. Поздний граветт, в зависимости от географической и экологической среды, может быть подразделен на ИКО (Аникович 1998, 35-60) или «хозяйственных зон» (разбор историографии, проблематики и определения см. Сапожников 2003). Мы согласны с Д.Ю. Нужным, что основные различия между культурами позднеграветтского массива являются те, которые считаются технологическими (Нужный 2000). Более пространное изложение наших взглядов на граветтскую проблематику (см. Borzias, Chirica; Văleanu 2006; Borzias 2008; Chirica; Borzias 2009).

³ Это один из приемов внедрения «новизны», применяемым автором, наряду с искажением названий стоянок, местонахождений, сел и даже областей (Ла Серетурь, Подгорив, Буда Дялул Вей, Чернивецкая обл. и еще более 100 таких нововведений), имен исследователей (И. Ботяз, А. Давыд, Карсимару), изменением нумерации слоев на многослойных памятниках (с. 55) и внедрения оригинальной типологической терминологии (например. бюскевидные резцы, толкачи, тип бесформенных скребков (с. 128) и др.

считаю, что также думают и более 30 действительно высокопрофессиональных специалистов из Киева (НАНУ и Университеты), Львова, Донецка, Симферополя, Одессы.

Возвращаясь к выделяемым автором в монографии эпиграветтским культур, обратимся, прежде всего, к тем культурам, которые обозначены в пределах западного ареала эпиграветта, т. е. к тем, которые имеем честь иметь (благодаря автору), на территории между Карпатами и бассейном Днестра, причем в «классическом» проявлении, чему нам следует несказанно радоваться.

На территории между Карпатами и Днестровским бассейном Н.П. Оленковский выделяет раннеэпиграветтские, развитые эпиграветтские и позднеэпиграветтские культуры.

Позднемолодовская позднеграветтская культура (слои 6-5 Молодова V, слои 5,5а и 4 стоянки Кормань IV и др.), согласно автору, служат основой для «Днестровской эпиграветтской культуры», в которой включены слои 2 и 3 Молодова V, верхний слой стоянки Вороновица I, верхний слой стоянки Врублевцы, слой 3 стоянки Владимировка. Эта культура представлена полноценными культурными слоями и информативными коллекциями кремневых изделий. Но совершенно нет оснований для выделения их в отдельную культуру. В индустриях этих памятников техника расщепления камня, набор и структура инвентаря, костяные, роговые изделия и те которые изготовлены из бивня мамонта обычны для тех индустрий, которые включены нами в линии развития карпато-днестровского финального граветта или финальных этапов культуры Молодова-Косэуць-Коту Микулинць (Borziac, Chișica, Prepelîța 2006; Borziac et al. 2006). Отмеченные Н. Оленковским отличия в наборе орудий указанной позднемолодовской «культуры» и остальным массивом позднего и финального граветта Карпато-Днестровского региона не являются существенными или культуuroобразующими. Тем более что не представлены (автором не выделены) какие-либо специфические «руководящие ископаемые», которые бы позволили четко ее разграничить территориально от остального массива синхронных позднеграветтских памятников Карпато-Днестровского региона.

Вторая культура эпиграветта в зоне является Оселивская. Н. Оленковский возводит ее в ранг чуть ли не самой важной эпиграветтской культуры Европы (с. 67). В нее включены индустрии таких памятников как: Оселивка I, слой I, Баламутовка II и, Сокол а также бедные местонахождения Вороновица III, Баламутовка IV и Дарабань II. На самом деле только верхний слой стоянки Оселивка I стра-

тифицирован и содержит ископаемую фауну млекопитающих, характерную для переходного этапа от финального палеолита к мезолиту. Остальные материалы указанных местонахождений собраны на поверхности (факт, допускающий их смешанность с более ранними материалами), в целом немногочисленны и частично утеряны. Автор монографии указывает что для определения возраста этой культуры очень мало данных (с. 86), в то же время он «однозначно» определяет ее возраст в «пределах 15 - 13-12 тыс. лет до н. дней» (с. 86). При этом, он попутно «изобличает» А.П. Черныша в том, что тот «всю жизнь» относил бурые суглинки (видимо, автор имеет ввиду переходные от плейстоцена к голоцену отложения) к голоцену и по этому относил ряд «эпиграветтских» памятников, в том числе и слои I и Ia стоянки Молодова V, верхний слой Оселивки I и др. к мезолиту. Автор книги, будучи «сведущим» в стратиграфии, (в чем сомневаюсь не только я, но об этом писал и А.Ф. Горелик (Горелик 2001, 230), смело относил «согласно типологии» и «широким эпиграветтским аналогиям» (с. 86), упомянутые слои к эпиграветту, создавая, при этом, новую археологическую культуру. О сверхглубоких познаниях автора в области стратиграфии и палеогеографии говорит и следующий пассаж «а значит, и слой (речь о слое V стоянки Стынка Рипичень) этот относится к периоду между Вюрмом III и первым тардигляциальным климатическим показателем (Ложери или интервал между климатическими фазами Ложери и Ляско). Наглядно, не правда ли?»

Одновременно, он не признает рисунки «двух сегментов, двух трапеций, сегментовидного орудия и четырех наконечников на пластинках, напоминающих свидерские формы» (с.70), имеющиеся в пяти различных публикациях А.П. Черныша. Не находит их Н. Оленковский и в изученной им коллекции этой стоянки. По этому заключает «что они включены в приведенной им (в книге И.Б.) типологической раскладке» лишь на основе публикаций. Вот незадача, использовал, но не заметил. Возможно, не заметил, так как изучал коллекции А.П. Черныша так же, как изучал коллекции в Кишиневе, бегло и поверхностно? Одновременно, автор монографии игнорирует точки зрения таких известных специалистов, докторов наук, как Д.Я. Телегина (1982; 1989), В.Н. Станко (1982) Л.Г. Мацкевого (1992), Л.Л. Зализняка (1998; 1999), которые признали корректность отнесения А.П. Чернышом к раннему мезолиту вышеназванных слоев. Не знаю как другие исследователи, но я привык верить А.П. Чернышу в том, что касается археологических материалов, а геологию залегания культурных слоев, как известно, определяла И.К. Иванова, которая, на

мой взгляд, разбиралась в природе литологических слоев чуть больше, чем Н.П. Оленковский. Вместе с тем, отметим что, возможно, в Приазовье горизонт «Б» современной почвы, в которой залегают все материалы «восточного эпиграветта», исследованные автором монографии в течении более чем 30 лет может быть отнесен к плейстоцену. Однако, на территории между Карпатами и Днестром исследователи относят его ко времени начала формирования голоценовой черноземной почвы (9-8 тыс. лет до н. э.) (Иванова 1987, 118).

Во второй главе второй части книги автор, в разделе «Анализ источников», рассматривает позднеграветтские памятники, открытые и исследованные в разные годы на территории между Карпатами и Прутом. В целом, описание материалов и стоянок дано в позитивном плане и вполне качественно. Но отсутствуют полные данные о стоянках, так как автор не учитывал упомянутые монографии А. Пэунеску.

Во втором разделе «Историко-культурная интерпретация» Н. Оленковский выделяет три группы памятников, соответствующих трем археологическим культурам - прудо-сиретской, раннебистрицкой и позднебистрицкой эпиграветтским культурам.

В первую культуру включены памятники: Стынка Рипичень (слой 7), Дорохой Стракова II, Удешть-Пояна, Буда-Дялул Вией, (ниж.слой) Биказ-Изворул Алб, в междуречье Сирет-Прут и Костешть I, Старые Дуруиторы (видимо, верхний слой), Корпач (верхний слой), Ла Сэрэтурь (верхний слой), на Левобережье Прута, и Отачь II, на берегу Днестра. На наш взгляд, здесь искусственно объединены не только ранокультурные но и неравнозначные коллекции. По нашему мнению (Borziac 1994, 29-30; Borziac, Chirica, Văleanu 2006, 28), стратиграфия грота Стынка Рипичень создана искусственно и принимать во внимание слои, тем более что они полностью не были изданы, не следует. Верхнепалеолитический слой грота Старые Дуруиторы, по сумме данных, отнесен нами к началу позднего граветта (19-18 тыс. лет до н.э.) (Chetaru, Borziac 2006; Borziac, Chirica, Văleanu 2006). Верхний слой стоянки Корпач стратиграфически не выделяется и кремневые изделия, собранные в переходном слое смешаны с кремнями трипольского слоя (Борзияк, Григорьева, Кетрару 1981). Индустрия Костешть I по геологическому залеганию слоя может быть отнесена к позднеледниковью (Иванова 1975), а структура индустрии, ее параметры и типология орудий труда позволяет нам отнести к раннему этапу позднего граветта. К рубежу 20-19 тыс. лет

до н.э. Мы также предполагаем что эта индустрия является *раннемадленской* (Borziac, Chirica, Văleanu 2006). Материалы стоянки Отачь II тождественны с материалами слоев 6-5 стоянки Молодова V и нет необходимости оторвать их искусственно (даже для такой великой цели как создание новой культуры) от культурных реалии позднего граветта Поднестровья. Верхний слой грота Ла Сэрэтурь включает четыре орудия и здесь приведен «для мебели». Примерно так можно разобрать и остальные памятники этой «культуры». Количественные соотношения разных типов орудий между индустриями Пруто-Сиретской культуры и другими позднеграветтскими памятниками региона настолько эфемерны, что возведение их в ранг культурообразующих неправомерно.

Раннебистрицкая и позднебистрицкая культуры отличаются только размерами индустрий и некоторыми количественными показательными одних и тех же типов орудий. Отличаются они, по недостаточному аргументированному мнению Н. Оленковского, возрастом. А обе бистрицкие культуры «унаследовали» от прудо-сиретской «сырьевую традицию» (с. 133). В широком плане эти культуры повторяют под «оригинальными названиями» фазы V, VI и VII развития граветта в Румынской Молдове, выделенные М. Брудиу и А. Пэунеску. Как «довесок» к ним прибавлены некоторые стоянки междуречья Днестра и Прута. Соответствуют фазам развития упомянутого граветта и датировки этих культур, предлагаемых «однозначно» автором монографии: 18-15 тыс. лет до н.э. - Пруто-Сиретская (входящая и в бассейн Днестра?); 19/18-16/15 тыс. лет до н.э. (в широком плане, узкий план не показан) - раннебистрицкая и - 16/15-13/12 тыс. лет, позднебистрицкая. Ограниченный набор повторяемых одних и тех же типов, отсутствие каких либо специфических форм орудий или «руководящих ископаемых» не позволяют нам видеть здесь отдельные культуры. Автор жонглирует усредненными данными и преобладанием одних типов над другими при той же структуре инвентаря, общей и однородной для позднего граветта региона.

Глава 3 посвящена разбору позднеграветтских памятников междуречья Днестра и Прута. Как было сказано, до сих пор датировка стоянки Костешть не определена, материалы полностью не изданы⁴ и включение ее в число эпиграветтских памятников ошибочно. Материалы стоянки Отачь I, автор относит к эпиграветту на основе, «общих показателей индустрии» (с. 171). Памятник

⁴ В настоящее время для стоянки получена радиометрическая дата, которая будет вскоре опубликована в монографическом издании материалов памятника.

двуслойный, материалы смешаны и «однозначное» их отнесение к эпиграветту также ошибочно. Тем более, что нижний слой залегает частично в ископаемой почве (Кетрару 1973, 85), которая, судя по ее полному профилю, может быть сопоставима с Брянской почвой, а не с *Lascaux*, как предполагает из своего кабинета автор. Также нет оснований для датирования стоянки Отачь II возрастом в 17-15 тыс. лет ВР (с. 173). Точных дат нет, а по типологии индустрия Отачь II может быть с таким же успехом продатирована широким интервалом развития позднего граветта региона, т.е. возрастом в 20-12 тыс. лет ВР. Здесь нами учтены возможности смыва и обеднения отложений на месте стоянки, т.к. учитывая небольшой наклон площади имели место склоновые смывы. Некоторые слои стоянки Подгорь I, относятся нами к финальному палеолиту, но памятник еще не исследован посредством раскопок и о его индустриях и о датировках и культурных определениях судить очень преждевременно.

Стоянка Ваду Рашков III⁵ представлена подъемным материалом. Хоть материал и значительный, но существует опасность его смешения, так что нет оснований для его датирования. В широком плане он отнесен нами к начальному этапу позднего граветта. И зря сетует Н. Оленковский что материалы стоянки не изданы. Основная коллекция опубликована (Борзиак 1982, 3-12)⁶.

Наиболее значимым памятником позднего граветта Молдовы является стоянка Косэуць. К настоящему времени на стоянке известны не менее 25 культурных слоев. Изданы предварительно и неполно лишь слои 1, 2а и 2б, 3б,3 и 3а. Остальные материалы мною не опубликованы. С. Коваленко опубликовал без моего разрешения нижележащие исследованные слои (Коваленко 1993), таким образом, нарушив мои авторские права. Он никогда не являлся полноправным исследователем памятника, а лишь участвовал в работах в качестве лаборанта. Будучи «хранителем» коллекций палеолита в Институте Археологии АНМ он также самовольно предоставлял материалы другим исследователям, в том числе и Н. Оленковскому. Видимо, поэтому Н. Оленковский удостоил С. Коваленко титулом «основного исследователя палеолита Поднестровья», хотя последний кроме местонахождения Калфа

в долине Днестра не открыл и самостоятельно не изучил ни одного памятника⁷ палеолита, а лишь является соавтором публикаций материалов Н.А. Кетрару и автора этих строк. Я рад что Н. Оленковский вслед за нами выделяет культуру Косэуць, но до завершения раскопок на начатой площади и полного опубликования материалов стоянки об этой «культуре» преждевременно говорить.

Конечно, я грешен и извиняюсь что совершил ряд непростительных вещей относительно стоянки Косэуць. Во-первых, не издал полностью материалы стоянки до того как такой «высокопрофессиональный» (с. 190) исследователь как Н. Оленковский приступил к созданию своего труда. Во вторых, пронумеровал слои по мере их выявления и исследования, а не присвоил им сверху вниз заранее сплошную нумерацию⁸, чем серьезно запутал глубокого исследователя, и до того запутанного переводом нумерации с «русского на латинский» (с. 174). И это несмотря на то, что в обоих случаях используются арабские знаки. В третьих, что опубликовал ряд статей относительно стоянки на румынском, французском, английском, чем окончательно сконфузил исследователя, который или внимательно их не читал или не знает (а может специально игнорировал?) (Borziac 1993; 1994, 19-40; 2000, 3-8; 2004,36-40; Borziac, Chirica 1999; Borziac, Chirica, Prepelîța 2006; Otte, Borziac et al. 1996a,b etc.) Я не виноват в том, что Н. Оленковский использовал публикации С. Коваленко, который произвольно (что с точки зрения методики ведения полевых работ и научной этики неправомерно), изменил без моего согласия нумерацию слоев Косэуцьской стоянки. Используя «передовой опыт» С. Коваленко автор монографии также произвольно меняет нумерацию слоев некоторых стоянок, например, Молдово I (с. 55).

Я также не виноват в том, что автор книги не спросил у меня разрешения для того чтобы полностью изучить коллекции стоянки (что было бы естественно и без проблем, в чем убедился известный киевский исследователь Д. Нужный, который более месяца изучал коллекции стоянок Косэуць, Рашков VII, Костешть I и др.). Вместо этого, без моего согласия (с неправомерного разрешения С. Коваленко), бегло осмотрел некоторые материалы стоянки

⁵ Автор монографии пренебрегает изначальной нумерации памятников.

⁶ И здесь отмечаем «глубокую осведомленность» автора монографии с русскоязычной литературой по палеолиту.

⁷ В последнее время (2005-2008) С. Коваленко самостоятельно раскапывает многослойный памятник Рашков VIII, на левобережье Днестра, открытый нами в 1971 году [Borziac, Chirica, David 2007]

⁸ В 2005 на стоянке Косэуць в верхней пачке супеси, датированной методом TL интервалом времени между 16 и 13 тыс. лет ВР, помимо ранее известных слоев 1а, в и с, выявлены еще 4 культурных слоя. Но это не может служить основанием для изменения нумерации слоев.

Косэуць, которые еще не изданы. Таким же образом автор книги «изучил» и материалы стоянок Ваду-Рашков III (с. 181), Подгорь (Подгори, Подгорив по Н. Оленковскому, с. 172.173), в связи с чем он необоснованно меня поблагодарил. Не стоило трудов. При рассмотрении стоянки Косэуць автор не учитывает последние (до 2007 года) публикации по поводу геологии и культурной атрибуции памятника (Haesaerts et al. 2003; 2004; Borzias, Chirica, Văleanu 2006). Также отсутствуют (с.188) более 25-ти опубликованных нами радиоуглеродных дат. В конце главы автор описывает некоторые малоинформативные коллекции, например Вермитка и др.⁹

Поражает легкость с которой Н.П. Оленковский выделяет позднелепелитические культуры, причем на основе подъемных материалов (Нижедне-стровская, Позднебистрицкая, Пруто-Сиретская и др.). Автор упраздняет «Нижеднестровскую» археологическую культуру, выделенную И. В. Сапожниковым, на основе того предположения, что такая культура «не могла развиваться в течение 10 тыс. лет». Он тут же заменяет ее в этой же географической зоне своей «нижеднестровской эписграфеттской культурой», выделенной на основе трех подъемных незначительных коллекций-местонахождений Калфы, Усатово и Чобручиу (Чёбручи по Н. Оленковского) Это напоминает выделение «липской» культуры на основе нуклеусов торцового скалывания и тоже подъемных коллекций кремней) (Островский, Григорьев 1966).

Таким же образом Н. Оленковский выделяет в Центральной и Восточной Европы множество новых эписграфеттских культур (более 30 ?). Невольно складывается впечатление что, вероятно, у исследователя на хуторе в окрестностях Херсона имеется станок для изготовления эписграфеттских культур. Это заметно и по жгучему стремлению автора провозгласить себя ведущим эписграфеттоведом постсоветского и даже румынского, венгерского и прочих пространств, а при их выделении и обоснование признает «лишь типологический, комплексный» подход к изучению «конкретно-исторического подхода» к выделению эписграфеттских культур в пределах «центрально-европейского», «восточно-кавказского» и других зон развития эписграфетта. Вместе с тем, согласно ему, при этом приобретают важное значение параметры индустрий, количественное соотношение групп скребков

и резцов и что особенно важно для выделения археологической эписграфеттской культуры, по мнению исследователя, их усредненные показатели. Эти количественные показатели групп резцов и скребков занимают немалое место в рассуждениях автора о «специфике» разных культур. Причем, в одних случаях преобладание скребков над резцами представляет собой «экономический показатель», в других случаях – «культурный», в третьих - случайный или зависимый от раскопанной площади, т.е. где как бы, в зависимости от задач конкретно решаемых автором в том или ином случае. Может быть это и есть «конкретно-исторический» подход автора к решению «культурно-исторического аспекта» эписграфетта Восточной Европы?

Процедура выделения культур «эписграфеттского звания» по Н. Оленковскому следует определенной самобытной и оригинальной «методике» и «тактики», состоящие в априорном названии культуры, выделения памятников, которые «однозначно» по мнению автора книги входят в эту культуру, перечисления основных категорий продуктов первичного расщепления и выяснения преобладания одних групп орудий над другими, а в конце процедуры-критика взглядов других исследователей и «однозначное» или «неоднозначное» мнение самого исследователя о возрасте и культурном определении памятника. Возраст определяется им зачастую не по стратиграфии или существующими радиометрическими датами (хотя для каждой культуры они приведены в тексте), а по «глубокому убеждению автора», основанной на «всестороннем анализе коллекции кремней», которое, как правило, ограничивается перечислением основных групп находок и определением «сколькочного» (с. 88, 89) преобладания скребков над резцами и наоборот. Там где в двух или больше случаях наблюдается устойчивое преобладание скребков в индустриях - вырисовывается новая эписграфеттская культура. Здорово, правда?

Особо следет отметить, что Н. Оленковский не использовал (по незнанию или преднамеренно) многие библиографические источники по теме исследования, о чем говорили выше и повторяем опять. Не использованы и не упомянуты Н. Оленковским работы А.Н. Рогачева и М.В. Аниковича (1984), диссертационную работу П. Нуаре (Noiret 2002) а также нашу работу (Borzias, Chirica, Văleanu 2006), и обобщающую крупную статью П. Нуаре

⁹ При презентации иллюстративного материала Н.Оленковский также допускает неточности и, надеюсь что не преднамеренно. На стр.144 он дает иллюстративный материал 2-го слоя стоянки Корпач по Н. Кетрару и Г. Григорьевой, исключая меня из авторов публикации материалов. На стр. 138-143 Н.Оленковский публикует материалы стоянки Костешть I, ссылаясь на Н.А. Кетрару и Г.В. Григорьевой. Однако подобные таблицы указанные авторы не опубликовали никогда.

(Noiret 2004). Последние три работы к концу 2006 года были опубликованы в интернете. Не говоря уже о работе Ф. Джинджиана, Ян. Козловского и М. Отте (Djindjian, Kozłowski, Otte 1999), опубликованной сравнительно давно.

Если исследователь не читал работы, изданные на распространенных языках, тогда как он разбирался с изданиями на венгерском и румынском языках? Не использовал Н. Оленковский и статьи, в которых опубликованы, в целом материалы верхнего слоя стоянки в гроте Старые Дуруиторы (цитируются работы 1964, 1965 и 1973 Н.А. Кетрапу) и пересмотрены материалы грота Чунту (Borziak et. al. 1997).

Для «высокопрофессионального эпиграветтоведа», каким себя считает автор книги, который, в отличие от других украинских специалистов, сформировался после десятилетий профессиональных исследований (с. 225) совсем худо. Видимо исследователь очень зол на некоторых киевских специалистов, «перешедших в области изучения позднего палеолита из области изучения неолита и мезолита», и которые, поэтому, не только «посредственные эпиграветтоведы», но и «столичные выскочки» которые не пускают в свой круг талантливых и самобытных периферийных исследователей.

Подобными упущениями, недочетами и ошибками в представлении историографии, фактического материала и необоснованными выводами

отличается и нерассмотренная здесь часть книги, которая посвящена «восточному эпиграветту». Надеюсь, что другие исследователи обратят на нее внимание.

Книга написана очень «шаблонным» языком, изобилует «штампами», плохо, а местами совсем не переведена с украинского языка на русский. На каждой странице имеется по несколько грамматических ошибок. Ощущается, что текст не отредактирован и не выверен.

Однако, из сказанного, еще полностью не вытекает то, что книга совсем бесполезна. Рассмотрен огромный фактический материал и показана одна из возможных, но ошибочных процедур выделения палеолитических культур, а также то, как нельзя их выделять. Автор выявил ряд просчетов и больших трудностей в выделении археологических культур из огромной массы стандартизированного в типологическом отношении кремневого материала.

В таком аспекте книга полезна и поучительна для других исследователей, особенно для тех, которые только приступают к выделению своих культур. В то же время напрашивается вывод, что широкий территориальный и хронологический охват темы еще не может способствовать ее качественному и полноценному исследованию. Твердый переплет позволит книге устойчиво, долго и прочно стоять на книжных полках.

Библиография

- Аникович 1998: М.В. Аникович, Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту». В кн.: Восточный граветт (Москва 1998) с. 35-66.
- Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007: М.В. Аникович, Н.К. Анисюткин, Л. Б. Вишняцкий, Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии (С. Петербург 2007).
- Анисюткин 2005: Н.К. Анисюткин, Палеолитическая стоянка Стинка и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на юго-западе Восточной Европы (С. Петербург 2005).
- Астахов 2007: С.Н. Астахов, От редактора. (Вкн.: Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007), с. 5.]
- Барбот де Марни 1869: Н.И. Барбот де Марни, Геологический очерк Херсонской губернии (С. Петербург 1869).
- Борзьяк 1986: Верхнепалеолитическая стоянка Ваду-Рашков Ш в Поднестровье. АИМ в 1982 (Кишинев 1986), с. 3-18.
- Горелик 2001: А.Ф. Горелик, Памятники рогаликско-пердельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины (Киев-Луганск 2001).
- Европейський середній палеоліт (Ред. Л.В. Кулаковська), Київ 2006).
- Залізник 1998: Л.Л. Залізник, Предісторія України X-V тис. до н.е. (Київ 1998).
- Залізник 1999: Л.Л. Залізник, Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи (Київ 1999).
- Иванова 1982: И.К. Иванова, Геология и геоморфология мустьерского поселения Молодова I. В кн.: Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре (Москва 1982), с. 188-235.
- Иванова 1987: И.К. Иванова, Палеогеография и палеоэкология среды обитания людей каменного века на Среднем Днестре. Стоянка Молодова V. В кн.: Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда (Москва 1977), с. 94-124.
- Колесник 2003: А.В. Колесник, Средний палеолит Донбасса, АА, № 12 (Донецк 2003).
- Костенки в контексте палеолита Евразии. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы (ред. А.А. Сеницын, В.Я. Сергин, Дж. Ф. Хоффекер) (С. Петербург 2002).
- Мацкевой 1991: Л.Г. Мацкевой, Мезолит запада Украины (Киев 1991).
- Нужний 2000: Д.Ю. Нужний, Епіграветтські пам'ятки Овруцького кряжу. Археологія № 26 (Київ 2000), с.37-56.
- Нужний 2002: Д.Ю. Нужний, Верхньопалеолітичні пам'ятки типу Межиріч та їхнє місце серед епіграветтських

- комплексів Середнього Дніпра. В кн.: Кам'яна доба України (Київ 2002), с. 57-81.
- Островский, Григорьев 1966: М.И. Островский, Г.П. Григорьев, Липская палеолитическая культура. СА № 4, с.18-26.
- Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Боршевского района и сопредельных территорий (Ред. М.В. Аникович), (С. Петербург 2005).
- Ранняя пора верхнего палеолита Евразии. Общее и локальное, (Ред. М.В. Аникович), (С. Петербург 2006).
- Рогачев, Аникович 1984: А.Н. Рогачев, М.В. Аникович, Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. В кн.: Археология СССР. Палеолит СССР (Москва 1984), с. 162-271.
- Сапожников 2003: И.В. Сапожников, Большая Аккаража. Хозяйство и культура позднего палеолита степной Украины (Київ 2003).
- Сапожников 2003: И.В. Сапожников, Хронология и периодизация позднего палеолита Степной Украины. АА, 16, (Донецк 2004), 195-237).
- Станко 1982: В.Н. Станко, Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья (Київ 1992).
- Телегін 1982: Д.Я. Телегін, Мезолітичні пам'ятки України: XI-VI тисячоліття до н.е. (Київ 1982).
- Физико-географическое районирование Украинской ССР (Київ 1968).
- Чабай 2004: Средний палеолит Крыма: стратиграфия, хронология, типологическая вариабельность, восточно-европейский контекст (Симферополь 2004).
- Черныш 1973: А.П. Черныш, Палеолит и мезолит Приднестровья. Карты и каталог местонахождений (Москва 1973).
- Черныш 1975: О.П. Черныш, Стародавнее население Подністровья в добу мезоліту (Київ 1975).
- Черныш 1987: А.П. Черныш, Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология. В кн.: Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда (Москва 1977), с. 7-93.
- Borziac, Chirica, Prepelita 2007: I. Borziac, V. Chirica, A. Prepelita, Ecologia și sinergetica colectivelor umane din spațiul carpato-nistrean în Paleoliticul superior. AM, XXIX, p. 7-34.
- Borziac, Chirica, Văleanu 2006: I. Borziac, V. Chirica, C-M. Văleanu, Culture et sociétés pendant le Paléolithique supérieur à travers l'espace Carpato- Dniestréen. Bibliotheca Archaeologica Moldaviae (BAM), 7, (Iași 2006).
- Borziac, Chirica 2008: I. Borziac, V. Chirica, Periodization culturelle, chronologie relative et radiometrique des facies du Paléolithique supérieur de l'espace Carpato-Dniestréen. In: Etablissements et habitations préhistoriques. Structure, Organization, Symbole. BAM, IX, Actes du Colloque de Iași 10-12 decembre 2007 (Iași 2008), p. 7-50.
- Borziac 1994: I. Borziac, Paleoliticul și mezoliticul dintre Nistru și Prut (Republica Moldova). TD XV, 1-2 (București 1994), p. 19-40.
- Chirica, Borziac 2009: V. Chirica, I. Borziac, Gisements du Paléolithique supérieur récent entre le Dniestr et la Tissa. BAI XXII, (Iași 2009).
- Djindjian, Kozlowski, Otte 1999: Fr. Djindjian, J. Kozlowski, M. Otte, Le Paléolithique supérieure en Europe. A. Colin (Paris 1999).
- Haesaerts 2007: P. Haesaerts, Mitoc Malu-Galben: cadre stratigraphique et chronologique. In: M. Otte, V. Chirica, P. Haesaerts (dirs.), L'Aurignacien et le Gravettien de Mitoc Malu-Galben, (Moldavie Roumaine), ERAUL, 72 (Liège 2007), p. 15-43.
- Haesaerts et al. 2003: P. Haesaerts, I. Borziac, V. Chirica, F. Damblon, L. Koulakovska, J. Van der Plicht, The East-Carpatian loess record: a reference for the middle and late Pleniglacial stratigraphy in Centrale Europe, Quaternaire, Paris, Nr. 14 (3) (Paris 2003), p. 163-188.
- Haesaerts et al. 2004: P. Haesaerts, I. Borziac, V. Chirica, F. Damblon, L. Koulakovska, Cadre stratigraphique et cronologique du Gravettien en Europe Centrale. In: J. A. Svoboda, L. Sedlakova, (eds.), The Gravettian along the Danube. Proceeding of the Miculov Conference. The Dolni Vestonice Stadies (Brno 2004), p. 33-56.
- Noiret 2004: P. Noiret, Le Paléolithique supérieur de la Moldavie. L'Antropologie (Paris), 108, p. 425-470.
- Otte, Lopez Bayon, Noiret, Borziac, Chirica 1996: M. Otte, I. Lopez Bayon, P. Noiret, I. Borziac, V. Chirica, Recherches sur le Paléolithique supérieur de la Moldavie. Bulletin de la Société royale belge. Anthropologie et Préhistoire, 107, p. 45-80.
- Otte, Noiret, Chirica, Borziac 1996: M. Otte, P. Noiret, V. Chirica, I. Borziac, Rythme évolutif du Gravettien oriental. In: A. Montet-White, A. Palma di Cesnola et K. Valoch (eds.), The Upper Palaeolithic. Colloquium XII: The Origin of the Gravettian, Actes du XIII-me Congres International de l'UISPP (Forli, 8-14 septembre 1996), (Forli 1996), p. 213-226.
- Otte, Noiret, Lopez Bayon 1998: M. Otte, P. Noiret, I. Lopez Bayon, Regards sur le Paléolithique supérieur de la Moldavie. Cercetări Istorice, Complexul muzeal „Moldova”, XII (1), (Iași 1998), p. 37-46.
- Păunescu 1993: Al. Păunescu, Ripiceni-Izvor. Paleolitic și mezolitic. Studiu monografic. (București 1993).
- Păunescu 1998: Al. Păunescu, Paleoliticul și epipaleoliticul de pe teritoriul Moldovei cuprins între Carpați și Siret. Studiu monografic. Vol., 1/1, (București 1998).
- Păunescu 1999: Paleoliticul și epipaleoliticul de pe teritoriul Moldovei cuprins între Siret și Prut. Studiu Monografic. Vol., 1/2, (București 1999).
- Păunescu 2000: Al. Păunescu, Paleoliticul și mezoliticul din spațiul cuprins între Carpați și Dunăre. Studiu monografic. (București 2000).
- Păunescu 2001: Al. Păunescu, Paleoliticul și mezoliticul din spațiul Dobrogei. (București 2001).
- Al. Păunescu, Paleoliticul și mezoliticul din spațiul: Al. Păunescu, Paleoliticul și mezoliticul din spațiul transilvan (București 2002).

Илья БОРЗИЯК (Кишинэу)

Vlad Vornic, Nicolai Telnov, Valeriu Bubulici, Larisa Ciobanu, Pruteni. Un centru de olărie dacic din epoca romană, Chișinău, 2008, 247 p., ISBN 978-9975-95-9-9

Semnalăm apariția unui volum, care, cu siguranță, va suscita interesul nu numai al specialiștilor în arheologia epocii romane. Este vorba de monografia *Pruteni. Un centru de olărie dacic din epoca romană*, semnată de un colectiv de autori de la Chișinău (Vlad Vornic, Nicolai Telnov, Valeriu Bubulici, Larisa Ciobanu), ce a văzut lumina tiparului în anul 2008 sub egida Academiei de Științe a Moldovei, avându-l ca redactor pe neobositul și inimosul cercetător prof. dr. Eugen Nicolae, iar în calitate de recenzenți – pe reputații arheologi prof. dr. Ion Ioniță și prof. dr. Mircea Babeș. Însuși faptul apariției acestor nume alături de cele ale autorilor, nume bine cunoscute și apreciate în mediul academic, atenționează privirile cititorului avizat, pregătindu-l pentru o lectură atentă și critică. Faptul se confirmă chiar din Prefață (autor prof. dr. Ion Ioniță), în care de neprețuit sunt „amintirile” din interior ale participantului la procesul incipient de studiere a culturii materiale dacice din perioada romană. Cine mai bine decât profesorul Ion Ioniță avea să cunoască soarta studiilor arheologice întreprinse de cercetătorii din fosta URSS privind contradictoria etapă de la răscrucea de milenii? În doar câteva pagini, dl Ioniță a reușit să pună accentele necesare pentru o perioadă întreagă din istoria spațiului carpato-nistrean, în care teritoriile dintre Prut și Nistru reprezintă o parte firească și indispensabilă. Cu aceeași mână ușoară, profesorul Ioniță a arătat cum monografia, pe care o prezentăm în aceste rânduri, a pus în evidență mai multe premiere din arheologia Republicii Moldova: primul sit al dacilor liberi din spațiul pruto-nistrean, care a fost recunoscut ca atare și supus cercetărilor metodice; prima dată când tema dacilor liberi a fost înscrisă în planul de lucru al IPC AȘM; prima dată când la Chișinău a fost scrisă și publicată o monografie dedicată dacilor liberi; inaugurarea, prin monografia Pruteni, a unei noi serii de volume a colecției *Biblioteca de arheologie*.

În partea introductivă, autorii au făcut o succintă, dar foarte exactă descriere a condițiilor în care a fost pus în circuitul științific situl de la Pruteni, inclusiv primele etape de cercetare arheologică propriu-zisă, care s-au realizat destul de târziu – începând cu anul 2000. Faptul s-a datorat (cum menționează și autorii că se întâmplă de cele mai multe ori) unei fericite întâmplări și unei atitudini civice demne de luat în seamă și pusă ca exemplu. Locuitorul satului Pruteni, Alexandru Marcu (colegii îl numesc moș Sandu), a descoperit în grădina sa mai mul-

te fragmente ceramice pe care le-a transmis directorului școlii Gheorghe Ianachevici, iar acesta, la rândul său, i-a anunțat pe colaboratorii Academiei de Științe a Moldovei. Reacția acestora a fost promptă și prin periegeza efectuată de cercetătorul Nicolai Telnov s-a pus începutul explorării științifice a acestui obiectiv arheologic de pe malul stâng la Prutului. Curios este faptul că, pînă în momentul apariției cărții, cercetării a fost supusă o suprafață de doar 235 m.p., însă rezultatele sunt de natură să surprindă și chiar să revadă anumite concepții încetățenite în istoriografie. Astfel, așa cum menționează și autorii, chiar după primele lovituri de cazma, stațiunea dacilor liberi de la Pruteni se profila a fi unul dintre cele mai interesante puncte arheologice din Republica Moldova.

Compartimentele II și III au fost dedicate descrierilor geografice, topografice, dar și săpăturilor propriu-zise, în care un loc aparte l-au avut observațiile stratigrafice. Autorii au utilizat un limbaj sobru și elegant, care, grație coerenței de exprimare, s-a conturat într-un text destul de accesibil.

Având în vedere importanța cuptoarelor descoperite, considerăm capitolul IV, în care acestora li s-a rezervat spațiul de bază, ca unul de fond, în care, într-adevăr, s-a acordat o atenție deosebită din partea autorilor în prezentarea acestor tipuri de complexe. Este absolut justificată o astfel de atitudine, luând în considerație caracterul inedit al acestora pentru spațiul pruto-nistrean, dar și locul lor în perceperea culturii dacilor liberi în general. Până la momentul de față, la Pruteni au fost descoperite patru cuptoare cu reverberație și o instalație insolită, pentru care nu se cunosc deocamdată analogii apropiate. Autorii s-au străduit să fie extrem de expliciți și obiectivi în descrierea complexelor identificate, făcând-o într-o manieră coerentă și elegantă. Este adevărat că multitudinea de date necesare pentru prezentarea unor astfel de obiective a lăsat loc și unor ambiguități. Astfel, descriindu-se cuptoarele 3 și 4, credem că era bine să fie mai nuanțat indicată care este lungimea galeriilor, forma lor în secțiune, respectiv, în ce mod se făcea joncțiunea lor cu camera de combustie. De luat în seamă că respectivele date pot fi parțial deduse din analiza planșelor (dar și din textul ulterior dedicat modului de construcție a cuptoarelor), iar o descriere mai detaliată la locul potrivit cred că ar fi sporit gradul de percepere a tabloului prezentat. Și la organizarea planșelor s-au strecurat unele carențe: nu peste

tot este indicată orientarea (ar fi fost bine să nu lipsească, chiar dacă se poate deduce din corelarea textului cu imaginea). Considerăm că, dacă s-ar fi prezentat și secțiunile gropilor de acces ale cuptoarelor, receptarea informației nu ar fi avut decât să câștige.

După descrierea complexelor a urmat o analiză minuțioasă a construcției cuptoarelor, delimitându-se generalul de particular prin racordarea fiecărui cuptor la tipurile deja cunoscute. De fapt, s-a făcut o sinteză a celor descrise prin nuanțarea particularităților de construcție a fiecărei părți componente a cuptorului: groapa de acces, camera de foc, camera de ardere a vaselor, respectiv, grătarul ce le despărțea. În acest context, sunt de menționat unele raționamente privind anumite probleme confuze din istoria cercetării cuptoarelor. Astfel, pare foarte logică și confirmată, prin observațiile de la Pruteni, dar și din alte situri specifice dacilor liberi și populațiilor din medii culturale învecinate, ideea existenței doar a grătarelor modelate din lut pe un cofraj de nuiele, fără să existe și cazuri de crușare a acestora în rocă, așa cum considerau odată prof. M. Petrescu-Dîmbovița și F. Florescu pentru cuptoarele din situl Sântana de Mureș de la Trușești-*Cuha*. La fel de pertinentă e și readucerea în prim-plan a discuției privind rosturile pe care le aveau gropile de acces ale cuptoarelor, inclusiv cu privire la funcțiile de atelier propriu-zis a acestora. Autorii și-au exprimat rezerva pentru o astfel de funcționalitate a camerei olarilor, în pofida faptului că au identificat în groapa de acces un vas care ar fi putut fi utilizat de către olar pentru a înmuia mâinile în procesul de confecționare a recipientelor din lut. Argumentele s-au axat pe poziția vasului care nu se afla pe fundul complexului, dar în umplutura lui, la aceasta adăugându-se și dimensiunile mici (în viziunea autorilor) ale acestor „încăperi”. Consider că spațiile cu dimensiunea de peste 9 m. p. nu sunt chiar atât de mici pentru a juca un astfel de rol, iar argumentul privind descoperirea respectivului vas în umplutură ar fi trebuit fortificat cu amplasarea lui exactă (în special a adâncimii), având în vedere existența unei polițe în camera de acces care se ridica cu 0,3 m de la nivelul de călcare.

O deosebită atenție autorii au acordat-o analizei modului de funcționare a cuptoarelor de la Pruteni. În acest sens, foarte utilă a fost o trecere în revistă a observațiilor generale privind și tehnologiile utilizate de către olari în procesul de fabricare și ardere a recipientelor din lut. Pentru a pricepe mai exact modul de funcționare a cuptoarelor descoperite, autorii au recurs la analogiile etnografice pe care le-au corelat cu informațiile cunoscute deja din cercetarea instalațiilor similare din alte situri. De remarcat este caracterul aproape cromatic al acestui compartiment, care sporește simțitor valoarea lucrării. În mod special, atenționăm asupra analogiilor semnalate pentru cuptoarele descoperite la

Pruteni, care sunt cu perete median. Autorii n-au ezitat să consemneze, ori de câte ori a fost nevoie, locurile în care s-au făcut descoperiri similare. Efortul lor nu s-a rezumat doar la situările din imediata apropiere, ci au vizat în mod detaliat descoperirile din toate faciesurile culturii dacilor liberi, mergând și dincolo de limitele acestora – în mediul populațiilor germanice, dar și în situările din provincia romană Dacia. Pe bună dreptate, ei au remarcat că cele mai apropiate analogii s-au constatat în situările aspectului cultural Poieniști-Vârteșcoi – unul dintre acele faciesuri cunoscute la moment, cu care se identifică o anumită semnificație a dacilor liberi, în cazul de față fiind vorba de carpii menționați în izvoarele scrise antice. Tipul de cuptor cu perete median a fost bine documentat și în arealul culturii Sântana de Mureș, pentru care autorii au adus analogiile cunoscute din Rep. Moldova și România, atenționând că ele, totuși, nu sunt predominante, cedând numeric tipului de cuptor cu stâlp central.

Atât ca volum, dar ca și importanță, capitolul dedicat ceramicii este comparabil cu cel în care s-au prezentat cuptoarele. Faptul se explică prin numărul mare al acestor artefacte descoperite, dar și prin importanța pe care materialul respectiv îl poate avea la etapa analitică (chiar dacă fragmentarea ceramicii este foarte pronunțată). La baza tipologiei ceramicii au fost puse principiile deja invocate în articolele publicate în rezultatul primei campanii de cercetare, delimitându-se trei categorii: A – ceramica lucrată cu mâna; B – ceramica lucrată la roată din pastă fină; C – ceramica romană de import. Ținând cont că săpăturile de la Pruteni s-au realizat într-un spațiu meșteșugăresc, nu este surprinzător numărul foarte redus de ceramică lucrată manual (mai puțin de 1%). Totuși, este o situație cu totul deosebită în raport cu procentajul de ceramică lucrată cu mâna descoperită în situările dacilor liberi (circa 40%), dar și în situările din primele secole din sudul spațiului pruto-nistean (uneori până la 80%). De remarcat sunt afinitățile tipologice ale ceramicii lucrate cu mâna, descoperite în situl de la Pruteni, cu ceramica din așezările dacilor liberi. În același timp, se observă și analogii în cuprinsul situțiilor din zona Bugeacului datate în primele secole ale erei creștine.

Majoritatea absolută a fragmentelor descoperite au fost lucrate la roata olarului din pastă fină (99%), fiind arse uniform, preponderent prin metoda inoxidantă, dar există și multe fragmente de vase arse la roșu. Vasele lucrate la roată se atribuie unei game destul de largi de forme, pe care autorii le-au caracterizat într-o manieră ce deja îi caracterizează – meticolos și exact –, descrise pasta din care au fost confecționate, decorul, arderea, pentru fiecare categorie fiind desprinse tipurile morfologice și variantele, iar pentru fiecare dintre ele fiind indicate cele mai importante analogii. Cas-

troanele reprezintă una din cele mai răspândite forme, având un spectru larg de tipuri și variante, de altfel ca și amforele. Amforelor li s-a acordat o atenție sporită și un spațiu suficient pentru a fi prezentate chiar și nuanțele. Astfel, o categorie absolut distinctă o reprezintă așa-zisele amfore carpice. Prezentându-le în detalii și oferind o largă baza analogică, autorii au încercat să ofere răspuns la mai multe întrebări principale pe care le ridică acest tip de recipient. Plauzibilă, din punctul meu de vedere, este încadrarea cronologică pe care au oferit-o autorii. Având în vedere contextul diverselor situații în care a fost atestat acest tip de recipient, dar mai ales prezența lui la Barboși și la Cartal, s-a înclinat mai mult spre părerea expusă de M. Babeș, conform căreia amfora carpică și alte exemplare de ceramică dacică ar fi aparținut unor populații dacice libere de după retragerea romană, datându-le spre mijlocul și a doua jumătate a secolului III p.Chr. Respectiv și originea acestui tip de vas a fost legată mai mult de influența provincial-romană, invocându-se raționamente suficiente de logice, dar care ar necesita materiale suplimentare pentru a fortifica această supoziție. Nu mai puțin discutabile și chiar surprinzătoare au fost descoperirile imitațiilor de amfore romane lucrate din pastă fină și arse oxidant, inițial considerate a fi de producție romană. Doar descoperirea lor în cuptoare (fiind vorba de vase fragmentare arse incomplet), precum și faptul că erau confecționate din aceeași pastă ca și celelalte recipiente produse la Pruteni au permis atribuirea acestor amfore producătorilor locali. Descrierea și analiza detaliată a exemplarelor respective au dus la constatarea că nu se cunosc până la acest moment astfel de amfore nici în spațiul pruto-nistrean, nici în teritoriile limitrofe, în care au locuit dacii liberi, autorii ajungând la concluzia că este oportun să se introducă în circuitul științific termenul de *amfore de tip Pruteni*. Cele mai multe asemănări au fost găsite la tipurile Zeest 72 și 73, considerate de autori ca prototipuri pentru olarii locali. Celelalte tipuri de vase produse de meșterii de la Pruteni reprezintă analogii mai mult sau mai puțin bine definite pentru siturile dacilor liberi – căni, oale, capace – fiind prezentate la fel de riguros ca și restul materialului ceramic, inclusiv recipientele de certă origine romană, care au fost descoperite în cantități extrem de reduse și aparținând doar unui singur centru de producție – așa-numitul tip de amforă *Neapolis*.

În pofida volumului redus, capitolul dedicat problemei cronologiei, este prezentat foarte limpede și fără echivoc. Autorii au antrenat toți indicii disponibili la acest moment pentru a stabili, preventiv evident, posibilele repere cronologice pentru microzona meșteșugărească în care s-au făcut investigații. Cred că nu au să apară dubii în privința celor două faze pe care auto-

rii le-au delimitat în evoluția spațiului meșteșugăresc. Observațiile stratigrafice au fost exacte și pertinente, iar deducțiile – judicioase și argumentate. Astfel, încadrând cuptoarele nr. 3 și nr. 4 în aceeași serie tipologică, care diferă de cea în care se includ cuptoarele nr. 1 și nr. 2, autorii au știut să argumenteze funcționarea lor ne sincronă. Ei au atenționat asupra suprapunerii cuptorului nr. 3 de complexul nr. 1 în care, spre deosebire de cuptoarele 3 și 4, nu s-au găsit amfore romane de tip *Neapolis* (dateabile cu precădere în a doua jumătate a sec. II), de altfel ca și în instalațiile 1 și 2. Mai mult, observația că amplasarea cuptorului 1 în imediata apropiere de cuptorul 3 făcea imposibilă funcționarea lor concomitentă, venea să confirme observațiile stratigrafice: cuptoarele 3 și 4 erau anterioare celorlalte instalații. În ceea ce privește fixarea cronologiei absolute pentru complexele cercetate (sf. sec. II - deceniul patru a sec. III – pentru prima fază și, respectiv, deceniul patru al sec. III - ultimul sfert al sec. III – pentru faza a doua), considerăm că nu este lipsită de logică, dar este vitregită de insuficiența de materiale. Având în vedere că instalațiile 3 și 4 au servit în principal la arderea oxidantă a ceramicii, iar în cuptoarele 1 și 2 s-a practicat cu preponderență arderea inoxidantă, a fost readus în discuție subiectul cu privire la opinia exprimată de Gh. Bichir în privința predominării ceramicii roșii în fazele mai târzii ale culturii carpice, autorii constatând la Pruteni o situație diametral opusă.

Făcând bilanțul rândurilor de mai sus, constatăm că lucrarea prezentată reflectă atestarea certă a primului sit dacic de epocă romană de pe teritoriul Republicii Moldova, în care au fost descoperite și cercetate cuptoare performante de ars ceramică. Dincolo de constatarea acestui fapt, autorii au realizat o primă prezentare integrală a vestigiilor de acest gen descoperite la Pruteni. Prin analogiile acestor antichități care se regăsesc în mod cert în siturile dacilor liberi din dreapta Prutului, se semnalează și apariția primei monografii care a pus în circuitul științific valoroase vestigii arheologice ce atestă, fără nici un dubiu, existența unui orizont de locuire a dacilor liberi în spațiul pruto-nistrean. Prezentarea aproape impecabilă a materialului descoperit și interpretările realizate în paginile lucrării cu argumente greu de combătut, pun capăt acelei sumbre perioade de cercetare în care a prevalat postulatul de absolută sorginte ideologică emis în perioada sovietică, conform căruia popularea teritoriilor de dacii liberi se oprea pe Prut, iar în stânga acestuia dominau și locuiau în exclusivitate triburile migratoare. Consider că, de aici încolo, se deschide calea unor explicații mai clare a fenomenelor și proceselor istorice ce s-au derulat în interfluviul Prut-Nistru atât în perioada ulterioară, cât și în cea anterioară intervalului de timp care definește evoluția culturii arheologice atribuite dacilor liberi.

Octavian MUNTEANU (*Chișinău*)

N.M. Kravčenko, O.V. Petrauskas, R.G. Šiškin, A.V. Petrauskas, *Pamjatniki archeologii pozdnerimskogo vremeni Pravoberežnoj Kievščiny* [Monumente arheologice de epocă romană târzie din regiunea Kiev de pe malul drept al Niprului], Kiev, 2007, 456 p., ISBN 978-966-373-223-7

Realitățile istorico-arheologice din epoca romană târzie de pe întinsul teritoriu al Ucrainei actuale, la fel ca și din alte regiuni sud-est europene afectate de migrația goților, sunt inegal studiate și cunoscute de specialiști. O zonă geografică deosebit de interesantă din punct de vedere arheologic, ce a intrat în atenția istoricilor și a iubitorilor de antichități încă din sec. XIX, dar mai ales odată cu descoperirea și săparea parțială a necropolelor de la Romaški și Černjachov de către V.V. Chvojko în anii 1899-1901, o constituie bazinul Niprului Mijlociu. După cum se știe, într-o anumită etapă a cercetării, pe la mijlocul deceniului șase al secolului trecut, când fuseseră definite în linii mari arealul și caracteristicile de bază ale marelui complex cultural Sântana de Mureș-Černjachov, reputatul arheolog rus M.I. Tichanova a evidențiat chiar regiunea Niprului Mijlociu ca reprezentând una din cele cinci variante locale principale ale culturii respective. Investigațiile sistematice de teren ulterioare au arătat însă limpede că realitățile arheologice corespunzătoare perioadei romane târzii din regiunea nipreană sunt mult mai complexe, în bazinul superior și mijlociu al acestui fluviu semnalându-se și vestigii de alt tip, aparținând la o cultură arheologică deosebită, denumită „cultura Kiev” și care va fi pusă de cei mai mulți specialiști pe seama protoslavilor. Deși, din punct de vedere geografic, complexul cultural Černjachov și cultura Kiev ocupă în general regiuni distincte, totuși ele parțial se interferează, determinarea limitelor lor și a modului de conviețuire a diferitor comunități umane în zona de contact fiind probleme de un interes aparte pentru arheologi.

O contribuție importantă la descoperirea și prospecția monumentelor și antichităților de epocă romană din regiunea Kiev pe parcursul a circa trei decenii de la sfârșitul secolului trecut a adus echipa expediției arheologice a Universității Naționale Pedagogice „M.P. Dragomanov” din capitala Ucrainei, condusă de regretata cercetătoare N.M. Kravčenko. O parte din datele arheologice obținute prin aceste investigații autoarea a reușit să le publice și să le valorifice din punct de vedere științific, unele din aceste studii suscitând în mod deosebit interesul specialiștilor. Dar, înmănușcherea într-o monografie arheologică a tuturor descoperirilor

de epocă romană târzie făcute de expediția amintită și scoaterea acestei lucrări de sub tipar a constituit o obligație morală și o sarcină realizată cu succes de discipolii lui N.M. Kravčenko, în prezent cunoscuții profesioniști de la Institutul de Arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei și Universitatea Națională Pedagogică „M.P. Dragomanov” din Kiev, O.V. Petrauskas, R.G. Šiškin și A.V. Petrauskas.

În rândurile ce urmează ne propunem să prezentăm această monografie, referindu-ne în principal la conținut, fără a intra însă în miezul diferitelor probleme pe care le ridică antichitățile publicate de arheologii kievieni.

Așa cum reiese din sumar, lucrarea este alcătuită din *Introducere* (p. 4-6), trei capitole (denumite *Materiale din perieghize* [p. 7-126]; *Materiale din așezările cercetate prin săpături* [p. 127-325] și *Materiale din necropolele cercetate prin săpături* [p. 326-419]) și *Înceiere* (p. 420-423), la care se adaugă *Literatura și materialele de arhivă* (p. 421-430), *Lista abrevierelor* (p. 431) și *Anexe* (p. 432-452). La rândul lor, capitolele constau din text (cuprinzând în principal descrierea siturilor și a descoperirilor arheologice), liste ale ilustrațiilor și numeroase ilustrații.

În partea introductivă se prezintă foarte pe scurt scopul și sarcinile de bază ale cercetării, cadrul geografic și metodologia utilizată, precum și istoricul elaborării lucrării, fiind relevantă și importanța pe care o are studierea aprofundată a realităților arheologice din epoca romană pentru reconstituirea complicatului proces de etnogeneză a slavilor, desăvârșit în primele secole ale Evului Mediu. Autorii precizează că scopul principal al lucrării este introducerea cât mai completă în circuitul științific a vestigiilor arheologice datând din epocă romană târzie obținute prin cercetările sistematice efectuate în bazinele râurilor Stugna, Krasnaja și Irpen’ timp de circa 30 de ani sub conducerea lui N.M. Kravčenko. De asemenea, se consemnează că volumul mare de materiale incluse în lucrare nu a îngăduit să se facă și o analiză detaliată a diverselor chestiuni puse de antichitățile respective, exprimându-se însă speranța că acest lucru se va putea realiza în viitor într-o altă monografie.

Primul capitol înglobează catalogul siturilor arheologice datând din epoca romană târzie ale regiunii din partea dreaptă a Niprului Mijlociu, identificate și prospectate pe parcursul anilor 1969-2003. În total, sunt descrise 128 de puncte arheologice, dintre care 109 se atribuie complexului cultural Černjachov, iar restul - culturii Kiev. După părerea noastră, repertoriul este destul de bine întocmit, incluzând datele științifice esențiale despre fiecare obiectiv arheologic în parte, precum: cifrul monumentului, apartenența lui cultural-cronologică, toponimul punctului unde este amplasat situl, localizarea administrativă, poziția sitului în raport cu rețeaua hidrografică, topografia și dimensiunile sitului, densitatea și localizarea vestigiilor în cadrul sitului, complexe cercetate, caracterul descoperirilor, locul de păstrare a materialelor recuperate. În conformitate cu cele propuse de autori, pentru monumentele cu mai multe orizonturi cultural-cronologice se prezintă detaliat doar materialele datând din epoca romană târzie.

Catalogul propriu-zis este însoțit de 63 de ilustrații, cuprinzând diferite hărți geo- și topografice, pe care sunt cartate siturile arheologice, și desene cu piesele de inventar și materialele ceramice reprezentative descoperite în rezultatul periegezelor. În legătură cu harta răspândirii monumentelor de epocă romană târzie în regiunea Kievului de la fig. 1, constatăm că, din păcate, siturile sunt marcate cu puncte identice, indiferent de apartenența lor cultural-cronologică. Desigur că pentru a ne forma o imagine mai clară despre răspândirea diferitelor tipuri de monumente din epoca romană în această zonă, așezările și necropolele aparținând culturii Černjachov și cele de tip Kiev ar fi trebuit să fie notate cu semne convenționale deosebite.

Capitolul 2 este dedicat descoperirilor arheologice din trei așezări de epocă romană din regiunea de pe malul drept al Niprului Mijlociu cercetate prin săpături: Malopoloveckoe-2, Motolovilovskaja Slobodka-4 și Obuchov-1. Este important de subliniat că una din aceste stațiuni, și anume cea de la Motolovilovskaja Slobodka, se încadrează în cultura Kiev, iar celelalte două aparțin cercului cultural Černjachov. De asemenea, este de consemnat și faptul că stațiunile respective au fost investigate inegal, din care cauză volumul și valoarea informațiilor științifice furnizate de ele sunt diferite.

În așezarea de tip Černjachov de la Malopoloveckoe, prin săpăturile restrânse efectuate de R.G. Šiškin în anii 90 ai secolului trecut, au fost scoase la lumină două complexe arheologice datând din epoca romană, și anume o construcție adâncită în sol și un cuptor cu reverberație de ars ceramică, prevăzut cu groapă de acces. Materialul arheologic descoperit constă în principal din ceramică lucrată la roată și cu mâna (în speță de tradiție Wielbark), la care se adaugă o monedă de bronz din vremea lui Trebonianus Gallus (250-253),

câteva fibule (dintre care se remarcă un fragment de la o piesă de argint cu elemente de aur de tipul *monströse Fibeln*), o cataramă și o cheie de fier, fragmente de vase și jetoane de sticlă, fusaiole, greutăți de lut ars de la războiul de țesut, pietre de ascuțit ș.a. Toate aceste vestigii sunt descrise amănunțit, pentru cuptorul de olărie (care este de tipul cu stâlp central) și anumite piese oferindu-se chiar și unele analogii, dar fără să se facă totuși o analiză corespunzătoare a datelor arheologice obținute. Nu se discută deloc în paginile acestui capitol problema apartenenței etno-culturale și cronologia așezării de la Malopoloveckoe, așa cum se prezintă pentru celelalte situri. Câteva considerații privind aceste importante chestiuni găsim însă în *Înceiere* (p. 421). După părerea autorilor lucrării, totalitatea descoperirilor făcute până în prezent ar permite datarea așezării în sec. III – prima jumătate a sec. IV e.n. În opinia noastră însă, datarea sitului începând cu primele decenii ale sec. III este discutabilă, întrucât lipsesc deocamdată elementele certe pentru o asemenea încadrare cronologică timpurie. Cât privește apartenența etno-culturală, reieșind din caracterul ceramicii lucrate cu mâna, autorii consideră că baza cultural-genetică a sitului a fost una omogenă, fiind reprezentată de o „populație nord-vestică”, legată de purtătorii culturii Wielbark.

O altă stațiune arheologică prezentată în acest capitol este cea de la Motolovilovskaja Slobodka, care a fost semnalată și prospectată de către R.G. Šiškin în anul 1987. Singurul complex arheologic descoperit în această așezare este o locuință adâncită, prevăzută cu un stâlp în centru și un cuptor de lut. Din umplutura locuinței a fost recuperată o cantitate mare de ceramică lucrată cu mâna de tip Kiev (oale, tipsii și căldări?), precum și câteva piese de inventar (două amulete din dinți de animal, două cute de gresie, o greutate de lut ars, frecătoare). Complexul este atribuit etapei finale a culturii Kiev, fiind datat la sfârșitul sec. IV – prima jumătate a sec. V e.n., deși indicii sigure pentru o asemenea datare târzie pentru moment lipsesc.

Așezarea de epocă romană Obuchov-1 a fost cercetată prin săpături de anvergură, coordonate de către N.M. Kravčenko pe parcursul a circa a două decenii, începând cu anul 1969. Drept rezultat a fost dezvelită o suprafață de aproape 4600 m.p., fiind scoase la lumină 35 de complexe cu destinație diferită (locuințe de suprafață și adâncite, ateliere meșteșugărești, anexe gospodărești, vetre portative, gropi de cult etc.) și un bogat material arheologic, cuprinzând ceramică, diferite unelte și ustensile de uz gospodăresc, o monedă de argint, fibule, cataramă, piepteni, mărgelile, fragmente de vase de sticlă ș.a. La fel ca și pentru celelalte așezări, toate complexe cercetate și artefactele recuperate sunt descrise detaliat, în marea lor majoritate fiind reproduse și grafic în cuprinsul a peste 100 de planșe

de bună calitate. Una dintre problemele deosebit de importante privind stațiunea de la Obuchov, examinată în paginile acestui capitol, este cea a periodizării și cronologiei. Potrivit cercetătorilor kievei, complexe de locuire din această așezare antică aparțin la două orizonturi cronologice distincte, primul databil în secolul III, iar al doilea în secolul IV – începutul veacului V e.n. Perioadei timpurii i se atribuie două construcții de suprafață (nr. 9 și 12) și un complex adâncit (nr. 2), ce conțin ceramică lucrată cu mâna de factură *post Zarubinec* sau Kiev. Deși este numit „černjachovian timpuriu”, acest orizont nu prezintă totuși elemente sigure de legătură cu vestigiile černjachoviene tipice. De altfel, acest fapt este remarcat și de autorii lucrării, care nu exclud totalmente posibilitatea existenței în acest loc a două așezări suprapuse, locuite de comunități etno-culturale diferite. Spre deosebire de așa-numita „perioadă černjachoviană timpurie”, orizontul Černjachov propriu-zis este reprezentat în situl Obuchov-1 prin vestigiile numeroase și variate, printre care și diferite piese cu valoare cronologică (fibule, piepteni, cataramă, pahare de sticlă ș.a.), grație cărui fapt el poate fi datat cu mai multă precizie. Potrivit autorilor, în evoluția așezării černjachoviene se disting două etape sau faze cronologice, cea timpurie fiind datată în prima jumătate a secolului IV e.n., iar a doua – de la mijlocul acestui veac și până la începutul celui următor. Cât privește apartenența etno-culturală, așezarea din epocă romană Obuchov-1 este atribuită unei populații purtătoare de tradiții *post Zarubinec* și Kiev.

În cel de al treilea capitol al lucrării sunt prezentate vestigiile arheologice scoase la lumină în două necropole de tip Černjachov din regiunea Kiev, și anume cele de la Derevjana și Obuchov. La fel ca și în cazul așezărilor, *corpus*-urile descoperirilor (ce cuprind descrierea mormintelor și a obiectelor găsite *passim*) sunt precedate de câte un mic paragraf în care se prezintă succint poziția geografică și topografia sitului, istoricul cercetărilor și datele esențiale privind riturile și ritualurile de înmormântare, inventarul funerar și cronologia complexelor.

Descoperit întâmplător în anul 1940, cimitirul din epoca romană târzie de la Derevjana a fost cercetat prin săpături metodice de către E.A. Symonovič (în anii 1959 și 1969) și N.M. Kravčenko (în perioada 1969-1989), dar nu exhaustiv, fiind identificate în total 42 de morminte, dintre care zece de incinerare, 31 de înhumație și un cenotaf. Autorii mai consemnează și descoperirea unor gropi de cult (p. 328), care însă nu sunt descrise în catalog și nici rediate pe planul general al săpăturilor. Din cele zece morminte de incinerare identificate, unul este cu urnă, iar celelalte fără urnă, având resturile cinerare împrăștiate în tot cuprinsul gropii. Cât privește mormintele de înhumație, după

forma gropilor, adâncime, orientarea și poziția defuncțiilor, inventar, gradul de distrugere a scheletelor și alte criterii, ele se împart în mai multe grupe, asupra cărora însă nu putem insista aici. Consemnăm doar constatarea că la Derevjana proporția mormintelor orientate N-S și a celor dispuse V-E este aproximativ aceeași. De asemenea, notăm prezența în acest cimitir a unui mormânt colectiv, cu trei schelete (nr. 4), tip de complex funerar extrem de rar atestat în mediul culturii Sântana de Mureș-Černjachov. Din inventarul mormintelor fac parte recipiente de lut lucrate cu mâna (de factură Wielbark și Przeworsk) sau la roată, fibule, cataramă, piepteni, mărgelă ș.a., descoperite cu precădere în mormintele de înhumație orientate N-S. Referitor la încadrarea cronologică, pe baza diferitor piese de inventar, în principal a unor tipuri de piepteni, fibule, cataramă și pahare de sticlă, specialiștii ucraineni datează necropola de tip Černjachov de la Derevjana în secolul IV e.n. și la începutul veacului următor. Facem totuși precizarea că momentan în cimitirul respectiv nu se găsesc suficiente elemente cronologice ce ar permite extinderea datării și în epoca hunică. Cât privește atribuirea etno-culturală, bazându-se în special pe caracteristicile ceramicii lucrate cu mâna, autorii lucrării consideră că grupul uman de la care au rămas aceste vestigii a fost unul omogen, constituit din foști purtători ai culturii Wielbark, eventual și Przeworsk.

A doua necropolă publicată în lucrarea pe care o recenzăm este cea de la Obuchov (1a). Situată în preajma așezării sincrone Obuchov-1 prezentată mai sus, cimitirul la care ne referim a fost investigat de către N.M. Kravčenko în perioada 1977-1992, fiind dezvelită o suprafață de peste 1170 m.p. și scoase la lumină 43 de morminte, dintre care 19 de incinerare și 24 de înhumație. Potrivit estimărilor autorilor, necropola, care a fost distrusă în parte de lucrările de amenajare a unei căi ferate și a unei șosele, ar fi avut inițial o arie totală de circa 3000 m.p., cuprinzând aproximativ 150 de morminte. Față de situația din cimitirul de la Derevjana, la Obuchov mormintele de incinerare prezintă o mai mare varietate, șase complexe fiind de tipul cu urnă (fără sau cu capac), șapte – în groapă simplă, având oasele arse depuse „pachet”, și opt – de tipul cu oasele calcinate împrăștiate în cuprinsul gropii. Variate sunt și mormintele de înhumație, care, în funcție de diferite criterii, pot fi împărțite în mai multe grupe. În ceea ce privește orientarea, este de remarcat că cei mai mulți înhumați erau depuși cu capul spre N, numai doi defuncți fiind orientați V-E, iar unul E-V. O altă caracteristică a celor mai multe morminte de înhumație din cimitirul Obuchov-1a este distrugerea din vechime a scheletelor, în special a părții lor superioare, potrivit unui anumit ritual, mai greu de reconstituit astăzi. Inventarul mormintelor este relativ bogat, cuprinzând

vase ceramice, accesorii vestimentare, piese de podobă, piepteni, fusaiole ș.a. Trebuie subliniat că un număr relativ mare de obiecte de inventar (mai ales ceramici, sticlărie și mărgel), cu urme de trecere prin foc, s-au găsit și în stratul arheologic al cimitirului, numit de autori „strat de cult”. Pe baza inventarului funerar, în special a unor tipuri de piese cu putere de datare, este stabilită și cronologia cimitirului Černjachov de la Obuchov, care, potrivit cercetătorilor kievei, ar corespunde intervalului de timp de la sfârșitul secolului III până la începutul V e.n. Ținem însă să precizăm că, la fel ca și pentru situația de la Derevjana, în necropola de la Obuchov nu se găsesc elemente de inventar caracteristice pentru finele secolului IV e.n. și începutul celui următor, din care cauză datarea complexului și în etapa timpurie a epocii hunice rămâne incertă.

O componentă deosebit de importantă și a acestui ultim capitol o constituie ilustrația, care este compusă din peste 50 de planșe cu hărți, planuri, desene și fotografii ale necropolelor, mormintelor și diverselor elemente de inventar. Consemnăm însă că, din păcate, o bună parte a ceramicii fragmentare descoperite în complexe, dar mai ales în stratul de cultură, nu este reprodusă în ilustrații, așa cum ar fi fost indicat pentru o lucrare monografică de acest gen.

În *Încheiere* sunt sintetizate ideile de bază ale celor trei capitole și principalele concluzii la care au ajuns autorii în urma cercetărilor de suprafață și a săpăturilor

metodice întreprinse pe parcursul a circa trei decenii în siturile arheologice de epocă romană târzie din zona Niprului Mijlociu.

Volumul se încheie cu o bibliografie generală, ce cuprinde lucrările și rapoartele de săpătură utilizate de autori, o listă a abrevierilor și câteva anexe în care sunt prezentate rezultatele unor cercetări interdisciplinare, precum: analiza resturilor paleobotanice din așezarea și necropola de tip Černjachov de la Obuchov (1 și 1a) (G.A. Paškevič), analiza materialului osteologic din așezarea černjachoviană Obuchov-1 (O.P. Žuravlev), analiza pieselor de sticlă descoperite în așezarea și necropolele černjachoviene de la Obuchov (1 și 1a) și Derevjana (J.A. Lichter) și analiza metalografică a pieselor de fier găsite în situl Obuchov-1 (D.P. Nedopako); o ultimă anexă prezintă lista monumentelor arheologice de epocă romană târzie din regiunea Kiev de pe malul drept al Niprului.

Dincolo de observațiile noastre critice, care ar putea fi mai multe, apreciem importanța științifică a lucrării de față, în care se publică numeroase vestigii arheologice provenind dintr-un șir de așezări și necropole de epocă romană târzie din regiunea Kiev. Fără îndoială că acest bogat și valoros material arheologic, introdus acum în circuitul științific, va contribui la realizarea unei reconstituiri mai detaliate și mai documentate a proceselor cultural-istorice derulate în vremea migrației goților în bazinul Niprului Mijlociu.

Vlad VORNIC (*Chișinău*)

Русский православный крест в собрании Российского Этнографического музея
[Crucea ortodoxă rusă în colecțiile Muzeului Rus de Etnografie], volum coordonat de
A.B. Ostrovskij, Sankt-Petersburg: „Art Palas”, 2007, 348 p. (CCLXI pl. col. și
CLXXXV pl. alb-negru), ISBN 5-89468-038-7.

Catalogul de față a fost elaborat în cadrul Muzeului Rus de Etnografie din Sankt-Petersburg prin efortul considerabil al unui grup de muzeografi și cercetători ai simbolismului și plasticii obiectelor de cult din spațiul ortodox, coordonat cu multă pricepere și dăruire de către Alexandr Borisovič Ostrovskij. Potrivit acestuia, autorii și-au propus drept scop decriptarea unor aspecte esențiale ale vieții spirituale prin studierea evoluției simbolurilor creștine și, mai ales, a circulației crucii ortodoxe în spațiul rus începând cu primele secole ale celui de-al doilea mileniu creștin și până în contemporaneitate. Prin elaborarea și tipărirea acestui catalog se urmărește și continuarea tradiției cercetării comparativ-tipologice a crucii ortodoxe rusești, tradiție întemeiată pe colecțiile de muzeu la sfârșitul secolului XIX - începutul secolului XX prin contribuția unor mari colecționari și cercetători ai vestigiilor creștine, precum B.I. și B.N. Khanenko, N.V. Pokrovskij, A.K. Žiznevskij ș.a.

Din primele rânduri menționăm faptul că titlul de pe copertă ne induce ideea că filele catalogului cuprind doar cruci produse în atelierele rusești, lucru care nu se adeverește la parcurgerea acestuia, întrucât descoperim și unele cruciulițe de altă proveniență decât cea anunțată în titlu. Astfel, în aceste pagini, alături de encolpioanele vechi-rusești, au fost incluse și unele provenite fie din spațiul bizantin, cum ar fi cel din secolele XI-XII (a se vedea nr. 3 din catalog), fie, mai târziu (secolele XVIII-XIX), de la Muntele Athos (a se vedea nr. 153 din catalog).

Acest catalog este structurat în trei compartimente: partea introductivă, partea I-a și partea a II-a a catalogului propriu-zis. Partea introductivă cuprinde prefața, semnată de S.B. Gnutova, cunoscuta cercetătoare de la Muzeul Central al Culturii vechi rusești „A. Rublev” din Moscova, urmată de o amplă introducere în care A.B. Ostrovskij tratează problema continuării unei tradiții privind producerea cruciulițelor în spațiul rus, etapele formării colecției muzeale, importanța clasificării și tipologiei obiectelor din această colecție.

A.B. Ostrovskij delimitează câteva etape în evoluția crucii rusești: I – secolele XII-XIII, perioadă în

care predomină cruciulițele-duble relicviar, purtate de călugări și reprezentanții păturilor sociale privilegiate ale societății rusești; II – secolele XIV-XVI – perioadă în care predomină crucile monolite, aceleași modele, forme, iconografie și inscripții, care indicau identitatea figurilor redade, fiind în uzul atât al clericilor, cât și în cel al laicilor. Apar și cruci cu o iconografie complexă. Astfel, pe crucea Golgotei este reprezentată tema Răstignirii, uneori fiind redade și instrumentele patimilor, flancate de figurile Înaintemergătorilor; în partea superioară a crucii era gravată adesea o scenă importantă care ilustra unul dintre subiectele biblice cheie. Scena Răstignirii era însoțită de inscripția *NIKA*, adică „învinge”, biruind moartea, reprezentare ce servește la glorificarea faptei lui Hristos.

Perioada secolelor XVI-XVIII se caracterizează prin dezvoltarea iconografiei crucii rusești. De aceea, autorul textului introductiv face referire la elementele principale ale cruciulițelor produse în spațiul rus în această perioadă, la unitatea compoziției acestora, precum și la simbolismul crucii ca Arbore al Vieții. Totodată, el scoate în evidență credințele și obiceiurile locuitorilor legate de cruciulițele pectorale, începând cu primele secole creștine ale Rusiei și până în a doua jumătate a secolului XIX, referindu-se în aceeași măsură și la funcțiile și evoluția crucilor de chivot.

În același capitol introductiv al catalogului, A.B. Ostrovskij enumeră funcțiile crucii, evidențiind funcția de simbol de apartenență la religia creștină, de transmitere a informației despre Răstignirea lui Iisus Hristos ca cel mai important eveniment religios care-i leagă pe creștini de Dumnezeu, de glorificare a sacrificiului lui Iisus și Învierea Lui, de preamărire a învățaturii lui Iisus și a Bisericii apostolice, precum și cea de protecție a credinciosului de spiritele rele. În continuare, autorul abordează problema crucilor provenite din mediul credincioșilor de rit vechi, arătând diferențele de formă și iconografie.

Istoria formării colecției muzeului este tratată sub un titlu separat. Potrivit autorului textului introductiv, colecția de bază a muzeului se formează drept urmare a unor donații importante în anii 1902-1915. Astfel,

este scoasă în evidență contribuția negustorului F.M. Pljuškin din orașul Pskov, care donează muzeului 127 de cruci, între care 100 de argint din perioada secolelor XVII-XVIII, majoritatea aparținând unor purtători din regiunea Pskov. De asemenea, în anul 1909 ieromonahul Antonie Kirilovskij din regiunea Novgorod donează muzeului 20 de cruci de aramă și bronz din secolele XVII-XIX. Apoi au urmat donațiile familiei cneziale Obolenskij, donația lui M.M. Teben'kov, S.M. Petrov și alte achiziții importante. În prezent, colecția muzeului cuprinde circa 400 de cruci din argint, bronz și plumb, predominantă fiind crucea pectorală, adică a celei folosite în afara liturghiei, purtată deasupra vestimentației. Astfel, în colecție se păstrează encolpioane din secolele XIII-XV, de la care au evoluat în secolele XIV-XVI cruciulițele cu o iconografie dezvoltată, apoi cruciulițele pectorale specifice rusești din secolele XVII-XVIII, variate ca formă și mijloace artistice și semiotice și, de asemenea, crucile din secolul XIX, laconice ca mod de exprimare. Din această colecție fac parte și crucile cu imagini iconografice complexe, create de meșteri ruși contemporani, precum Jurii A. Fedorov (născut la 1953) din Sankt-Petersburg.

Autorii catalogului ne prezintă 399 de piese, dintre care 395 de cruci și patru tipare. Acestea au fost ordonate în funcție de formă, numărul brațelor și forma extremităților brațelor, decor ș.a. Descrierea pieselor respectă următoarea schemă: datare, atelier, material, manieră de executare, dimensiuni, număr de identifi-

care a obiectului, mod de achiziție și locul unde a fost folosit ultima dată. Un aspect important asupra căruia se atrage atenția este forma crucii, îndeosebi, trăsăturile tipului de cruce, iconografia, de la reprezentarea centrală spre partea superioară, inscripțiile, iconografia secundară ș.a. De asemenea, în cuprinsul catalogului și-au găsit locul și cruciulițele, turnate în argint în atelierul lui Ju.A. Fedorov, cumpărate de către Muzeul Rus de Etnografie în anii 2005-2006, acestea fiind încadrate în paginile catalogului sub un titlu separat (*Crucile ortodoxe ale lui Jurij Fedorov*).

Lui A.B. Ostrovskij îi aparține meritul de a identifica, prin decriptarea inscripțiilor și textelor rugăciunilor gravate pe suprafața pieselor, și a descrie în paginile catalogului 56 de obiecte de cult, provenite din comunitățile lipovenești amplasate în zona de nord a Rusiei (guberniile Novgorod, Vologda, Olonețk ș.a.).

În prezentarea colecției de cruci păstrate la Muzeul Rus de Etnografie, autorii catalogului au folosit metoda propusă la sfârșitul secolului XIX de către contele A.S. Uvarov, căruia i se datorează și descrierea obiectelor de cult din colecția lui A.K. Žiznevskij din orașul Tver.

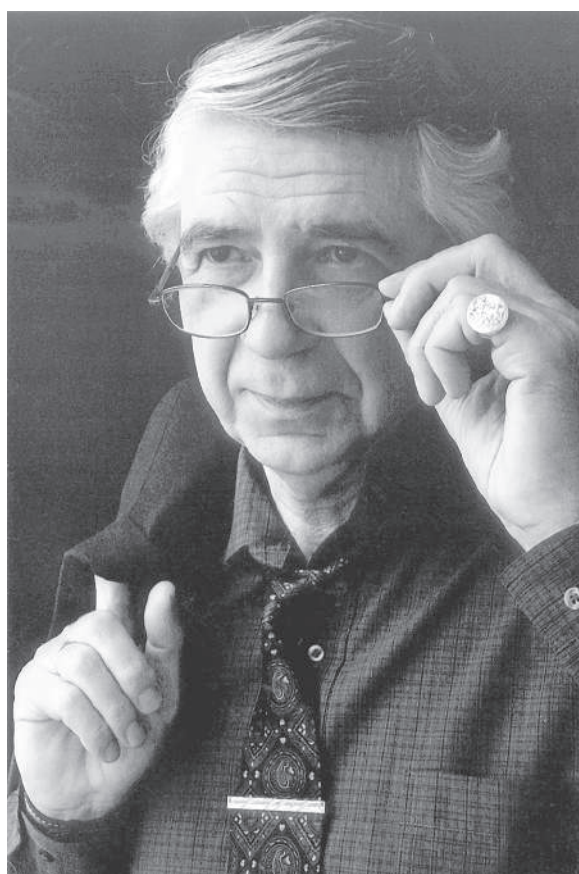
În concluzie, acest catalog, apărut în excelențe condiții poligrafice, reprezintă un util instrument de lucru pentru cei interesați de problema centrelor de producere și a circulației obiectelor de cult în spațiul rus în perioada secolelor XII-XX, de varietatea tipologică a cruciulițelor pectorale, precum și de evoluția relațiilor comerciale din teritoriile cu populație de rit ortodox.

Ludmila BACUMENCO-PÎRNĂU (Chișinău)

IN HONOREM

К 60-летию юбилею С.А. Скорого

Сергей Анатольевич Скоро́й, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии раннего железного Института археологии НАН Украины празднует в этом году свой юбилей. Он родился 14 декабря 1949 г. в городе Старый Крым (ровно на 50 лет позже Бориса Николаевича Гракова и 28 лет – Анны Ивановны Мелюковой, также родившихся в этот день). Видно, ему суждено было стать археологом, однако путь к профессии археолога был хотя не особо тернист, но и не прост. После окончания 8 классов средней школы Сергей учился в Феодосийском политехническом техникуме, затем работал по специальности «техник-электрик» в г. Большой Токмак Запорожской области, служил в железнодорожных войсках. После мобилизации работал дежурным электриком в одной из частей строительных войск в г. Судак, где судьба свела его в 1973 г. с первым наставником – археологом Михаилом Антоновичем Фронджуло. Под его руководством Сергей участвовал в раскопках Генуэзской крепости и в Судаке. Летом 1974 г. познакомился с известным крымским археологом Аскольдом Александровичем Щепинским. Работа на раскопках курганов руководимой им Северо-Крымской экспедиции на Керченском полуострове, а также знакомство с крупным специалистом в области позднескифской археологии Татьяной Николаевной Высотской помогли определить направление научных интересов – археология скифской эпохи. Потом была учеба на историческом факультете Симферопольского (ныне – Таврического) университета, участие в раскопках на позднескифских городищах, первые самостоятельные археологические открытия. В течение всего обучения он – председатель студенческого научного общества факультета, один из организаторов (совместно с В.А. Кутайсовым и В.Л. Мыщом) археологического клуба «Эос». В 1978 г. доклад Сергея Скорого «Скифские длинные мечи» вошел в число 20 лучших студенческих археологических докладов Советского Союза. По окончании учебы он имел уже 6 опубликованных работ, из них две в журнале «Советская археология». Не удивительно, что ему одному из всех студентов его специализации «археология и музееведение» дали в 1979 г. направление в аспирантуру Института археологии АН УССР. С темой

кандидатской диссертации аспирант профессора А.И. Тереножкина определился довольно быстро – «Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы)». После работ А.И. Мелюковой, изданных в 50-х гг. XX в., это была, по сути, первая работа в советской археологии, посвященная памятникам скифского типа на территории Средней Европы.

Закончив университет в 30 лет, Сергей понимал, что ему понадобится максимальная целеустремленность и собранность, чтобы добиться поставленной цели. Отдав дань степным новостроечным экспедициям, он после успешной защиты кандидатской диссертации в 1983 г. входит в состав созданной при Отделе археологии раннего железного века ИА АН УССР группы по изучению памятников скифского времени в украинской Лесостепи, которую возглавила Г.Т. Ковпаненко. В этом году

с раскопок скифских курганов у с. Ивановка в Поросье, в составе экспедиции Ковпаненко, началась его работа, переросшая позднее в тему докторской диссертации. В дальнейшем Сергей Анатольевич работал на различных курганных и поселенческих памятниках в Киевской, Черкасской (Мотронинское городище и могильник, Рыжановские курганы, курганные могильники у сс. Яснозорье, Домантов и другие объекты), Винницкой (поселения у с. Козлов в Поднестровье) и Полтавской (Бельское городище и могильник) областях Украины.

Работавшие вместе с Сергеем Анатольевичем не раз отмечали его «везучесть»: на курганах и квадратах, где он работал, попадались самые редкие находки. То же и в выборе объекта раскопок. Чего стоит один Большой Рыжановский курган, к раскопкам которого он шел много лет в уверенности, что в нем должна быть еще не тронутая боковая катакомба. Он убедил профессора Института археологии Ягеллонского университета Яна Хохоровски организовать совместную Украинско-Польскую экспедицию. И предвидение сбылось. В 1995-1996 гг. были проведены блестящие как по методике, так и по научным результатам раскопки, приведшие к открытию нетронутой могилы скифского вождя начала III в. до н.э. Продолжением этого сотрудничества были работы на Мотронинском городище в 2001-2003 гг. Получены чрезвычайно информативные результаты исследования оборонительных сооружений, а также Скифской Могилы – 8-метрового кургана в составе могильника на подступах к городищу. Курган оказался разграбленным, но трудно переоценить значение для скифологии сделанных здесь открытий. Это прослеженная во всех деталях деревянная гробница V в. до н.э. под обложенной деревом и обнесенной оградой насыпью, оригинальные детали конского снаряжения. Все вместе позволяет говорить о собственно скифском, даже восточноскифском обряде захоронения. Наглядная иллюстрация к тем положениям, что отстаивал С.А. Скорый в своей докторской диссертации и ряде других работ: за валами лесостепных городищ возводили свои курганы именно степные номады, по крайней мере они были здесь господствующим слоем.

Основные положения докторской диссертации «Кочевники предскифского и скифского времени в Днепропровской Правобережной Лесостепи (вопросы этнокультурной истории)», защита которой состоялась в январе 1997 г., были приняты единогласно. С годами эти положения получают все большее признание и поддержку специалистов, в том числе поэтапное воссоздание им процессов этнической истории в Днепропровском Лесостепном Право-

бережье и разработка археологических критериев присутствия здесь степных номадов. Тематика его исследований: вопросы этнокультурной истории Восточноевропейской Лесостепи предскифского и скифского периодов, древности скифского типа в Средней Европе, – близка и интересна коллегам, работающим в сфере археологии раннего железного века в иных странах. Ряд работ опубликованы в зарубежных изданиях, в том числе Болгарии, Румынии, Польше, Великобритании, Германии, Голландии, Италии, США, Франции. Всего с начала научной карьеры им опубликовано около 220 научных работ, в том числе 10 индивидуальных и коллективных монографий. Среди них «Памятники Днепропровского Лесостепного Правобережья» (1989, в соавторстве), «Курган Переп'ятиха» (1990), «Стеблев: скифский могильник в Поросье» (1997), «Киммерийцы в украинской Лесостепи» (1999), «Мотронинское городище скифской эпохи» (2001, в соавторстве), «Скифы в Днепропровской Правобережной Лесостепи» (2003) и другие.

С осени 2002 г. С.А. Скорый заведует Отделом археологии раннего железного века в Институте археологии Национальной Академии Наук Украины (г. Киев, Украина). Сергей Анатольевич прилагает много усилий к созданию Отдела, научный потенциал которого соответствовал бы названию, не ограничиваясь скифской и сарматской проблематикой. Много внимания он уделяет расширению и «омоложению» отдела, сейчас третья часть сотрудников – это кандидаты наук в возрасте до 30 лет и чуть выше, из них трое его бывшие аспиранты. Много усилий приложил С.А. Скорый для увековечения памяти отошедших в вечность коллег, подготовив к печати издание диссертационной работы Б.Н. Мозолевого «Етнічна географія Скіфії» (2005), а также эпистолярного наследия А.И. Тереножкина «Из жизни Алексея Тереножкина», собранного сыном последнего, Андреем (2006). По его инициативе и при активном участии были проведены две юбилейные конференции, посвященные 60-летнему юбилею Отдела скифо-сарматской археологии ИА НАНУ (2004) и к 100-летию со дня рождения Алексея Ивановича Тереножкина (2007).

Сергей Анатольевич Скорый является также членом Ученого совета Института археологии НАН Украины, членом Специализированных советов по защите докторских диссертаций при Институте археологии и Институте востоковедения им. А. Крымского НАН Украины, членом редколлегий журналов «Археологія» (Киев, Украина), *Revista Arheologică* (Кишинэу, Республика Молдова), «Археологічний літопис Лівобережної України» (Полтава, Украина) и ряда серийных научных изданий,

Международного консультативного совета „Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum». С.А. Скорый принимал участие во многих научных международных конференциях в Республике Молдова (Кишинэу), Румынии (Тульча, Оргам, Добруджа), Болгарии (Казанлык), Польше и Франции. Значительная их часть проводилась по линии Ассоциации изучения погребальной археологии, членом которой он являлся. В течение многих лет его связывают дружеские и научные контакты с молдавскими и румынскими коллегами Олегом Левицким, Евгением Сава, Майей Кашуба, Валерием Сырбу, Василикой Лунгу и другими.

Далеко не все знакомые знают, что Сергей Скорый не только известный археолог, но и поэт. Первые стихи были написаны им еще в школьные годы, а сейчас у него за плечами уже три изданных сборника. В последнем сборнике «Ностальгия» есть цикл «Этюды букового леса», посвященный его отцу Анатолию Кирилловичу Скорому. Еще

подростком прошел он все круги военного ада, был участником подполья и восстания в апреле 1945 г. в Бухенвальде. От верной гибели его спасли другие заключенные – немецкие коммунисты. Отец всегда был и остается для Сергея Скорого примером мужества и высокой ответственности. Своей матери, Евгении Васильевне Гордеевой, много лет отдавшей библиотечному делу, он обязан уважением к печатному слову и умением системно работать с литературой, быть в курсе всего нового, и не только в археологии. С.А. Скорый является членом феодосийского литературного объединения «Киммерия», членом Союза Писателей Крыма. В 2007 г. за литературные и научные заслуги он был избран почетным гражданином его родного города Старый Крым.

На пороге своего юбилея Сергей Скорый полон научных и творческих планов. Пожелаем ему крепкого здоровья и свершения всех замыслов и мечтаний.

От имени коллег и друзей,

С.С. Бессонова (Киев)

IN MEMORIAM

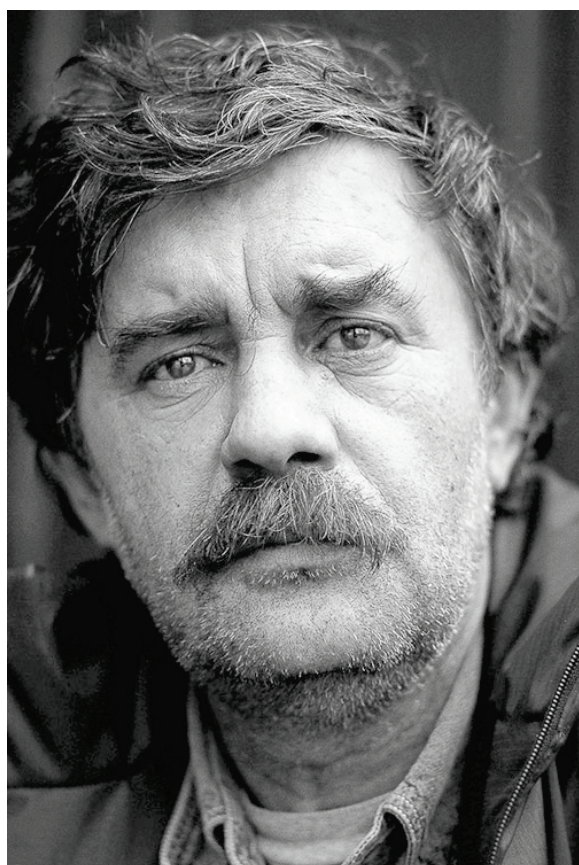
Светлой памяти Анатолия Городенко

Пятница 12 декабря 2008 года черной зарубкой навсегда врежется в мою память. 12 декабря 2008 года произошло то, что поначалу в голове просто не хотело укладываться - ушел из жизни Анатолий Петрович Городенко. Это чудовищно не только потому, что он ушел в разгар жизни, в 49 лет, в возрасте, когда творческие силы и зрелость ученого только достигают своего пика. Это чудовищно и противоестественно особенно потому, что ушел из жизни человек, который и у меня и у других, хорошо знавших его, ассоциировался с яркостью, с полнотой, со вкусом к жизни, с ее энергией, с ее радостями и соблазнами, с какой-то юношеской категоричностью – или всё, или ничего. Да таким был Толя Городенко. Таким он был до конца своих дней. Таким он был и в свой самый последний день. Трагически парадоксально: если бы он не был таким, он остался бы жить...

Анатолий Петрович Городенко родился 19 августа 1959 года в селе Вишоара Глодянского района Молдовы в семье скромных сельских интеллигентов - школьных учителей математики. Анатолий, несмотря на гуманитарное образование и профессию археолога, никогда не скрывал своей тяги к точным наукам. С нескрываемым удовольствием при каждом подходящем случае складывал и умножал в уме большие числа, а телефонная книжка у него появилась, когда ему было далеко за сорок и это при фантастической коммуникабельности и обширнейшем круге знакомых.

Однако способности к математике победила любовь к истории и археологии. Первая научная публикация Городенко была посвящена итогам разведки археологических памятников вокруг родного села. Анатолий окончил исторический факультет Кишиневского госуниверситета. Затем последовал путь от лаборанта до старшего научного сотрудника в Институте археологии Академии наук РМ и старшего преподавателя Кафедры европейской цивилизации и проректора по учебной работе в университете Высшая Антропологическая школа.

Поначалу, еще будучи студентом, Анатолий специализировался в тематике раннего железного века. С упорством, вызывавшим у нас, его товарищей, восхищение, Городенко выполнял данное себе и нам обещание – каждый день, включая воскре-

сье, прорабатывать не меньше одной научной статьи по любимейшему ему Гальштату. Толик успел издать только одну, но наделавшую много шума статью, посвященную сахарно-солонченской археологической культуре, после чего его научная судьба сделала крутой поворот. Когда А.П. Городенко окончил университет, ему сразу же предложили должность младшего научного сотрудника, но не в секторе преистории, а в ... средневековом секторе. В те годы уже достаточно хорошо была изучена молдавская материальная культура XV-XVII вв., но остро актуальными были поиски и исследование памятников более раннего времени – так называемой раннемолдавской археологической культуры. На это новое научное направление требовался энтузиаст - молодой честолюбивый исследователь со специфическими навыками средневековщика – археолога, способного продуктивно работать и с

письменными источниками. Так Анатолий Петрович Городенко перешел на исследование проблем молдавского средневековья.

Уже в качестве медиевиста он принимает участие в раскопках таких известных в Молдове археологических памятников как Старый Орхей, Лукашевка, Мерешевка, исследует наиболее ранние памятники молдавской культуры Стынкауцы и Старые Малаешты. Перейдя на новую тематику, Анатолий при своем импульсивном темпераменте опять удивляет своих коллег: основное внимание он обращает на исследование керамической коллекции Старого Орхея. Он месяцами сидит в хранилищах музейного комплекса «Старый Орхей», разбирая скопившиеся за десятилетия раскопок материалы. В итоге этой работы Анатолий Городенко в 1999 году защитил диссертацию в Институте археологии в Яссах (Румыния), на основе которой позже в 2000 году издал книгу «Ceramica locală de la Orheiul Vechi în secolele XIV-XVI» - одну из лучших в молдавской средневековой археологии вообще и в исследованиях по керамике в частности. А кроме этого его перу принадлежат десятки других научных работ. Он автор спецкурсов по истории создания Молдавского средневекового государства, которые читал в Высшей антропологической школе (ВАШ), в последние годы разрабатывал интереснейший спецкурс, посвященный развитию международной причерноморской торговли в XIV—XV вв.

Анатолий Городенко много сил отдавал научно-популяризаторской и редакторской работе – редактировал журналы Общества коллекционеров и Музея армии РМ «Лабиринт» и «Когорта», был активным работником редколлегии издаваемого в ВАШе археологического журнала «Stratum Plus».

Анатолий Городенко был не просто сотрудником ВАШ. Он стоял у истоков создания университета, вместе с его основателем прошел путь от одного из первых тогда в СССР неформального научного объединения «Археологический клуб» в конце 80-х гг. и общественно-научного фонда «Рудь-Метониум» в 90-х гг. к реализации идеи университета, где наука и образование будут идти рука об руку. Талантливый человек талантлив во многом. Анатолий был чрезвычайно разносторонне талантливым человеком. Его глубоко художественная натура проявлялась и в его занятиях режиссурой драматического театра и поэзией. «Последний месяц последней осени». Именно так назывался его последний поэтический сборник, увидевший свет весной 2008 года. Что это? Гениальное предвидение Поэта или предрешение собственной судьбы... Анатолия Городенко отличали чрезвычайная доброта и удивительная доверчивость, его по-настоящему бескорыстно любили друзья, коллеги по работе, студенты.

Толика больше с нами нет. Но остались его прекрасные сыновья, его научные работы и самая светлая память о нем в наших сердцах.

Роман РАБИНОВИЧ (*Кишинэу*)

Activitatea arheologului G.D. Smirnov în RSSM

G.D. Smirnov, alături de T.S. Passek, a fost unul dintre primii arheologi din URSS care au pus bazele arheologiei moldovenești, contribuind efectiv la crearea unei echipe de arheologi în fosta RSSM. Către sfârșitul anilor '40 – începutul anilor '70 ai sec. XX, el va efectua și va conduce cele mai importante săpături arheologice în RSSM. În acest modest studiu vom încerca de a scoate în evidență fapte care sunt mai puțin cunoscute din viața și activitatea acestui arheolog.

S-a născut la 5 aprilie 1903 în satul Bukrino, regiunea Rjazan` în Rusia, într-o familie de țărani (Marchevici 1993, 153). Începe activitatea de muncă în anul 1913 ca ucenic la un atelier de cizmărie în Peterburg, unde lucrează până în anul 1919. În anii 1919 și 1920 a lucrat la o prăvălie de cizmărie în orașul Pronsk din aceeași regiune Rjazan`. Din 1921 până în anul 1925 a lucrat în calitate de ucenic al unui electrician, iar mai apoi electrician-instalator la o fabrică din Moscova. În 1924 intră în organizația comsomolistă de tineret. În timp ce lucrează la fabrică frecventează și cursurile sețale de la facultatea muncitorească. Din 1925 până în anul 1927 G.D. Smirnov este înrolat în Armata Roșie, în regimentul nr. 33 de pușcași ai diviziei nr. IX din Leningrad (actualul Sankt-Peterburg). În 1928 a fost acceptat în calitate de membru deplin al PCUS de către organizația primară de partid de la Muzeul Revoluției din URSS din orașul Moscova. Între anii 1928 și 1930 el va lucra ca electrician în muzeul sus-menționat. În perioada 1930-1931 a fost administrator al expoziției istorico-revoluționare. În 1931 și 1932 va lucra ca șef al cinematecii istorico-revoluționare a Muzeului Revoluției din URSS (ANRM, F.P. 3330, dosar nr. 248, 2).

Am putea afirma că G.D. Smirnov a devenit arheolog într-un mod cu totul accidental. Lucrând la muzeu ca electrician, practic îl implora pe directorul acestei instituții să-i permită să urmeze o școală specială în domeniul electro-comunicațiilor. Acest lucru însă nu a fost acceptat de director, fiindcă instituția ducea o lipsă acută de specialiști muzeografi și arheologi. Va fi, astfel, impus să studieze un domeniu care îi era cu totul străin de ceea ce dorea să obțină, tânărul pe atunci, G.D. Smirnov (Левин 1972, 3). Ulterior însă acest domeniu, de care se va atașa foarte mult, îi va marca toată viața.

În anii 1932-1934 a studiat în secția de pregătire în aspirantură a Muzeului Revoluției din URSS (ANRM, F.P. 3330, dosar nr. 248, 1). În 1934 a fost transferat

G.D. Smirnov (1903 -1978)

la aspirantura Muzeului de Istorie în cadrul Secției *Studierii istoriei coloniilor nord-pontice*. În 1936, în legătură cu lichidarea aspiranturii de la Muzeul de Istorie, a fost transferat la aspirantura Institutului Pedagogic *Karl Libknecht*, la Secția Istorie antică, pe care a finisat-o în 1939 (ANRM, F.P. 3330, dosar 248, 2). În perioada aspiranturii, G.D. Smirnov va participa la diferite expediții arheologice sub conducerea unor renumiți savanți sovietici, precum A.P. Smirnova, V.D. Blavatskij, B.N. Grakov, I.V. Fabricius (Бырня 1991, 6). În acest răstimp el scrie un șir de articole dedicate dezvoltării economice și politice a triburilor scitice în sec. IV-I î.e.n., de asemenea pregătește disertația cu tema: *Așezarea fortificată scitică de la Cucuigur de pe r. Nipru*. Toate aceste lucrări, însă, au fost pierdute în timpul războiului (Бырня 1991, 6).

După finisarea aspiranturii, G.D. Smirnov este reparatizat la lucru la Institutul de Arheologie al RSS Ucrainene, unde în scurt timp devine secretar științific. Aici va activa din 1939 până în anul 1941. În perioada 1941-1946 se află în rândurile armatei sovietice. Din 1941 până în anul 1944 a lucrat ca lector, apoi ca lector superior la ciclul social-economic al Colegiului Militar de Chimie al Armatei Roșii. În 1944 este avansat în gradul de maior și numit șef al Catedrei ciclului social-economic a Colegiului de Infanterie din orașul Frunze. În acest colegiu, G.D. Smirnov a lucrat ca lector și a susținut multe prelegeri atât în oraș, cât și în raioanele rurale.

După demobilizare, el se va întoarce la Institutul de Arheologie al Academiei de Științe a RSS Ucrainene,

unde din 1946 până în ianuarie 1947 va lucra ca cercetător științific superior, iar din 1947 va fi repartizat la lucru la Filiala Moldovenească din Chișinău a Academiei de Științe a URSS.

În 1955–1958, G.D. Smirnov va lucra în calitate de secretar științific al Institutului de Istorie, Limbă și Literatură al Filialei Moldovenești a Academiei de Științe a URSS. Fiind în această funcție, el va depune toate eforturile pentru a crea în cadrul Institutului o Secție de Arheologie. Este numit șef al secției respective în 1956, lucrând aici până în 1970, când se va pensiona (Marchevici 1993, 153).

Preocupându-se cu predilecție de cercetarea monumentelor din epoca timpurie a fierului (MCЭ 1979, 316), G.D. Smirnov va organiza și va conduce una dintre primele expediții arheologice din RSSM, imediat după cel de-al doilea război mondial.

Expediția începe la 30 iunie 1946, după planul și sub conducerea academicianului P.P. Efimenko pe traseul: Chișinău-Criuleni-Dubăsari-Ofatinți-Rîbnița-Rezina-Saharna-Horodiște-Orhei-Trebujeni-Chișinău (Смирнов 1953, 1). În componența expediției au fost incluși următorii participanți: 1) G.D. Smirnov, șef adjunct al echipei pentru efectuarea cercetărilor arheologice din Moldova, de la Institutul de Arheologie al Academiei de Științe a RSS Ucrainene; 2) cercetătorul științific superior I.I. Mișeriuk, de la Institutul de Arheologie al Academiei de Științe a RSS Ucrainene; 3) cercetătorul științific inferior V.M. Adiasevič, de la Filiala Moldovenească; 4) aspirantele Institutului de Istorie a Culturii Materiale al Academiei de Științe a URSS, A.V. Gusarkina și O.D. Dașevskaja, precum și aspiranta Universității de Stat din Moscova, A.I. Meljukova (Смирнов 1953, 1).

Scopul acestor cercetări de teren consta în: 1. a prospecta tumulii și așezările fortificate, cunoscute după materialele din literatura de specialitate; 2. a studia cultura materială reprezentată de aceste monumente și a alege locurile pentru viitoarele săpături (Смирнов 1953, 1-2). În rezultatul investigațiilor au fost descoperite și cercetate un șir de monumente arheologice valoroase din punct de vedere științific, care astăzi dețin un loc de frunte în patrimoniul istoric din Republica Moldova (Arnaut 1996, 276).

Cea mai mare realizare a lui G.D. Smirnov în RSSM au fost săpăturile de la Saharna și Butuceni. Această activitate l-a determinat să se specializeze mai minuțios în cercetarea primei epoci a fierului. Prin periegezele și prospecțiunile arheologice întreprinse la Saharna, echipa lui Smirnov va depista 12 obiective arheologice, dintre care patru așezări fortificate, precum și cimitirele din punctele *Țiglău* și *Hulboaca* (Arnaut 1996, 276). Va evidenția un facies cultural inedit, care ulterior va fi numit de savanta moscovită A.I. Meljukova „aspectul

Conducătorul săpăturilor arheologice G.D. Smirnov, examinând un hogoac din veacul XV (Titlul unui articol în ziarul *Ucraina Sovietică* din anul 1953, consacrat săpăturilor arheologice de la Orheiul Vechi, foto de G. Gorelov)

Saharna–Solonceni?”. În ceea ce privește interpretarea etnică a monumentelor respective de la Butuceni și Saharna, cultura materială a cărora prezintă similitudini evidente între ele, arheologul G.D. Smirnov, la etapa inițială (până în anul 1953), le va considera de proveniență scitică. M.A. Tihanova, folosind materialele lui G.D. Smirnov, în primul volum al *Istoriei Moldovei*, din anul 1951, le va interpreta în același mod (История Молдавии 1951, 24). Deja în 1953, G.D. Smirnov, studiind literatura de specialitate din România, va pune sub semnul întrebării apartenența acestor monumente lumii scitice. Cercetând monumentele de tip *Saharna*, după cum le denumea, el ajunge la următoarea concluzie: „*Datele preliminare ale cercetării triburilor de agricultori din zona Nistrului mijlociu arată că aceste triburi se deosebesc net după cultura lor materială de triburile scitice din zona transnistreană (dintre râurile Nistru și Bug, n.n.) și indeosebi de sciții din silvostepă. Dezvoltarea economică și politică a triburilor din zona Nistrului Mijlociu, probabil, a avut loc într-un cu totul alt context cultural, și aceștia au avut o evoluție in-*

dependentă de uniunile de triburi scitice care în acele timpuri ocupau zona stepelor Pontului Euxin și o parte din cursul de mijloc al Niprului” (Смирнов 1953, 1-2). În altă parte G.D. Smirnov, arată că: „(...) cercetările arheologice din interfluviul pruto-nistrean au adus la lumină complexe arheologice puțin cunoscute din perioada scitică, care - după cultura materială - se deosebesc mult de cele de tip scitic din sec. VII-V î.e.n. (din interfluviul Nistru-Bug, n.n.). Aceste monumente, judecând după datele din literatura de specialitate, au multe tangențe cu siturile sincrone din Transilvania. Monumentele din perioada scitică din bazinul Nistrului Mijlociu, sunt mai aproape de cultura tracică și este posibil ca ele să fie cele mai îndepărtate din arealul tracic” (Смирнов 1953, 3-4).

În anul 1958 relațiile dintre arheologii din România și RSSM se mențin la un nivel destul de amical, datorită „dezghețului hrușciovist”. Potrivit acordului încheiat între Academia de Științe a URSS și Academia Română, precum și a înțelegerii dintre cele două instituții: Institutul de Arheologie din București și Institutul de Istorie a Culturii Materiale din Leningrad, vor fi organizate „două seminare mixte consacrate problemelor de arheologie și etnografie” (AAȘM Fond 18, inv 1, dosar nr.13, f.1). Acest acord mai prevede și participarea la investigații arheologice de teren atât pe teritoriul RPR, cât și pe teritoriul RSSM (AAȘM, Fond 18, inv 1, dosar nr.13, f.1). Primul seminar mixt „mol-do-român”, care va avea loc în luna octombrie 1958, la București, avea menirea de a aborda probleme de arheologie antică, prefeudală și de etnografie. Din partea Filialei Moldovenești a Academiei de Științe a URSS au fost invitați următorii arheologi: G.D. Smirnov, E.A. Rikman, P.P. Bârnea, L.L. Polevoi, G.F. Cebotarenco și I.G. Hâncu (AAȘM, Fond 18, inv 1, dosar nr.13, f.1).

Lui G.D. Smirnov îi datorăm și depistarea cetăților de la Potîrca, Mașcăuți și Stolniceni, monumente ce au același conținut cultural. Astfel, prin cercetările lui se va pune temelia investigării obiectivelor traco-gețice în spațiul dintre Prut și Nistru (Arnaut 1996, 276).

Mai apoi va fi preocupat îndeosebi de cercetarea arheologică a orașului medieval Orhei (*Orheiul Vechi*). Grație eforturilor sale de a conserva microzona *Orheiul Vechi*, autoritățile moldovenești vor declara această zonă rezervație arheologică și muzeistică de valoare națională.

G.D. Smirnov a fost înzestrat cu înalte capacități organizatorice, aducând o contribuție esențială la constituirea arheologiei în RSSM. Cu regret, savantul a reușit să publice doar o parte din studiile sale. Cunoaștem peste 20 de articole privind rezultatele cercetărilor efectuate.

A fost menționat cu o scrisoare oficială din partea Prezidiului Sovietului Suprem din RSS Uzbekistan, decorat cu medaliile „Pentru victorie în Războiul pentru Apărarea Patriei”, „20 de ani de victorie în Războiul pentru Apărarea Patriei”, „Pentru meritul muncitoresc” etc.

Se stinge din viață în mai 1978, fiind înmormântat la cimitirul Doina din Chișinău. Unul dintre colaboratorii mai apropiați ai lui G.D. Smirnov, Gh.F. Cebotarenco, îl descrie astfel: „Era un om de o cumsecădenie rar întâlnită, fire flegmatică, nu iubea să povestească despre viața lui personală, în comparație cu G.B. Fiodorov, care era mult mai deschis și mai harismatic în acest sens. Disprețuia oportunismul și pe oportuniști. Ura intriga și nu accepta niciodată ca cineva să încerce să se ridice pe spatele altcuiva, refuzând din start să lucreze cu asemenea tip de oameni. A dat dovadă de multă obiectivitate în activitatea sa științifică, educând și prețuind această calitate și la subalternii săi. Era devotat muncii sale, iubea să lucreze mult.”

Bibliografie

- ANRM, F.P. 3330, dosar nr. 248: Arhiva Națională a Republicii Moldova, F.P. 3330, dosar nr. 248.
 AAȘRM, Fond 18, inv 1, dosar nr.13: Arhiva Academiei de Științe a Republicii Moldova, Fond 18, inv 1, dosar nr.13.
 Arnaut 1996: T. Arnaut, Arheologul G.D. Smirnov și unele probleme de concepție privind istoria mil. I î.e.n.. Tyragetia III, 1996, 275-281.
 Marcheveci 1993: V. Marcheveci, Gheorghe D. Smirnov (90 ani de la naștere). Revista arheologică, nr. 1, 1993, 153.
 Бырня 1991: П.П. Бырня, Из истории исследования Старого Орхья. В сб.: Археологические исследования в Старом Орхее (Кишинёв 1991), 5-43.
 История Молдавии 1951: История Молдавии, т. I (Кишинёв 1951).
 Левин 1972: В. Левин, Путь к Орхью. Вокруг Света, Ноябрь (Москва 1972).
 МСЭ 1979: Молдавская Советская Энциклопедия (Кишинёв 1979).
 Смирнов 1953: Г.Д. Смирнов, Отчётные материалы по археологическим исследованиям Молдавии за 1946-1953 годы (Кишинёв 1953). In: Arhiva MNAIM, nr. inv. 385 ”A”.

Adrian PELIVAN (Chișinău)

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION

AB	Analele Banatului, Muzeului Banatului, Timișoara
AM	Arheologia Moldovei. Institutul de Arheologie Iași
AMM	Acta Moldaviae Meridionalis, Muzeul Județean de Istorie, Vaslui
AMN	Acta Musei Napocensis, Muzeul de Istorie a Transilvaniei, Cluj- Napoca
AMP	Acta Musei Porolissensis, Muzeul Județean Sălaj, Zalău
AMT	Acta Musei Tutovenss, Muzeul „Vasile Pârvan”, Bârlad
Apulum	Apulum. Acta Musei Apulensis, Muzeul Unirii Alba Iulia
ATS	Acta Terrae Septemcastrensis, Sibiu
AVSL NF	Archiv des Verains für Siebenbürgische Landeskunde – Neue Folge, Kronstadt-Brașov (nr. 3)/Hermannstadt – Sibiu (nr. 10)
Arhiva IAE AȘM	Arhiva Institutului de Arheologie și Etnografie al Academiei de Științe a Moldovei
Arhiva MNAIM	Arhiva Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, Chișinău
BAI	Bibliotheca Archaeologica Iassensis, Institutul de Arheologie, Iași
BAM	Bibliotheca Archaeologica Moldaviae, Iași
BAR	British Archaeological Reports, Oxford
Banatica	Banatica, Muzeul Banatului Montan, Reșița
Ber. RGK	Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, Frankfurt am Main
BCH	Bulletin de correspondance hellenique
BCMI	Buletinul Comisiunii Monumentelor Istorice, București
BTHR	Bibliotheca Thracologica, București
CAANT	Cercetări Arheologice în Aria Nord Tracă, București
CAB	Cercetări Arheologice în București, Muzeul de Istorie a municipiului București, București
CAIV	Cercetări Arheologice privind Istoria Veche a Republicii Populare Române, București
CNRS	Congress National de Recherches Scientufique
Corviniana	Acta Musei Corvinensis, Muzeul Castelul Corvineștilor Hunedoara.
Cumidava	Cumidava, Anuarul Muzeului Județean Brașov, (I-1967), Brașov
Dacia N.S.	Dacia. Recherches et découvertes archéologiques en Roumanie, București, I (1924) – XII (1948). Nouvelle Série: Revue d'archéologie et d'histoire ancienne, București
DolgCluj	Dolgozatok az Erdélyi Nemzeti Múzeum Érem – és Régiségtárából (Travaux de la Section Numismatique et Archéologique du Musée National de Transilvanie), Cluj, I-IX (1909-1919)
EAIVR	Enciclopedia arheologiei și istoriei vechi a <i>României</i> , București
ERAUL	Etudes et Recherches Archéologique de Université de Liège
Hierasus	Anuarul Muzeului Județean Botoșani, Botoșani
INQUA	International Union for Quaternary Research
KözlCluj	Közlemények az Erdélyi Nemzeti Múzeum. Érem- és Régiségtárából, Cluj.
MA	Memoria Antiquitatis, Acta Musei Petrodavensis, Revista Muzeului de Istorie Piatra-Neamț
Marisia	Marisia, Anuarul Muzeului Județean Mureș, Târgu Mureș

MBBM	Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft im Wien, Viena
MCA	Materiale și cercetări arheologice, București
Mitt. AGW	Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien
PAS	Prähistorische Archäologie in Südosteuropa
PBF	Prähistorische Bronzefunde; München/Stuttgart
PZ	Prahistorische Zeitschrift, Berlin-New York
RA	Revista Arheologică, Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, Chișinău
RevMuz	Revista Muzeelor, București
Sargeția	Sargeția. Acta Musei Devensis, Deva
SCIV(A)	Studii și Cercetări de Istorie Veche (din 1974 Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie), București
StComCaransebeș	Studii și Comunicări de Istorie, Caransebeș
SympThrac	Symposia Thracologica, București
Suceava	Suceava. Anuarul Muzeului Județean; Anuarul Complexului Muzeal Bucovina, Suceava
TD	Thraco-Dacica, București
Tibiscus	Tibiscus, Timișoara
Tyragetia	Tyragetia, Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, Chișinău
UISPP	Union Internationale de Sciences Pre et Protohistorique
UPA	Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie, Bonn
AA	Археологический Альманах, Донецк
АДУ	Археологічні дослідження в Україні, Киев
АИМ	Археологические исследования в Молдавии, Кишинэу
АКМ	Археологическая карта Молдавии, Кишинэу
АМА	Античный мир и археология, Саратов
АО	Археологические открытия, Москва
АП	Археологічні пам'ятки УРСР, Киев
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург
ВГМГ	Вестник Государственного музея Грузии, Тбилиси
ВДИ	Вестник древней истории, Москва
ДСПК	Древности степей Северного Причерноморья и Крыма, Запорожье
ЗИИМК	Записки Института истории материальной культуры, Санкт-Петербург
ЗОАО	Записки Одесского археологического общества, Одесса
ЗООИД	Записки Одесского Императорского общества истории и древностей, Одесса
ЗРАО	Записки императорского Русского археологического общества, Санкт-Петербург
ИАК	Известия императорской археологической комиссии, Санкт-Петербург
Изв. АБЯЛИ	Известия Абхазского института языка, литературы и истории, Тбилиси
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры, Москва-Ленинград
Изв. МФ АН СССР	Известия Молдавского Филиала Академии наук СССР, Кишинэу
ИРОМК	Известия Ростовского областного музея краеведения, Ростов-на-Дону
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР, Москва
КСИИМК	Краткие сообщения института истории материальной культуры, Москва-Ленинград
МАИЭТ	Материалы по археологии и этнографии Таврии, Симферополь
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград

МИА Дона	Материалы и исследования по археологии Дона, Ростов-на-Дону
МИАР	Материалы и исследования по археологии России, Москва
МДАПВ	Материалы і дослідження по археології Прикарпаття і Волині, Киев
НАВ	Нижеволжский археологический вестник, Волгоград
НА ІА НАНУ	Науковий архів Інституту археології НАН України, Київ
ПАВ	Петербургский археологический вестник, Санкт-Петербург
РА	Российская археология, Москва
СА	Советская археология, Москва
САИ	Свод археологических источников, Москва
СППК	Старожитності північного Причорномор'я і Криму, Запорожжє
ТАБИЯЛИ	Труды Абхазского Института языка, литературы и истории, Сузуми
ТАС	Труды Археологического съезда, Москва
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград
ТКИЧП	Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, Москва
ФБ ЧКМ	Фонды библиотеки Черновицкого краеведческого музея
ЧГУ	Черновицкий государственный университет
ЧКМ	Черновицкий краеведческий музей
ЦНАИ	Центр новостворених археологических экспедиций, Кишинэу

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE

Stimați colegi

Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei vă invită să prezentați materiale pentru *Revista Arheologică* – volumul VI, nr. 1-2

Considerații generale

Revista prevede publicarea lucrărilor arheologice și rezultatele cercetărilor științelor interdisciplinare în domeniu, care reflectă investigațiile din spațiul carpato-balcanic și teritoriile limitrofe, în formă de:

- lucrări de sinteză;
- discuții;
- materiale și rezultate ale cercetărilor de teren;
- lucrări muzeografice;
- studii și materiale ale științelor interdisciplinare;
- recenzii și prezentări de cărți;
- personalia;
- antologii;
- cronică cercetărilor științifice;
- sistemul de ocrotire a siturilor arheologice conform normelor internaționale.

Toate genurile de lucrări pot fi prezentate în limba română, rusă, engleză, germană sau franceză.

Lucrările de sinteză, discuțiile, materialele și rezultatele cercetărilor de teren, lucrările muzeografice, studiile și materialele științelor interdisciplinare prevăd unele cerințe speciale.

Structura acestor lucrări este următoarea:

I. Adnotare:

La începutul textului principal se va face o adnotare în limba română, și rusă, engleză, germană sau franceză. Adnotările se vor prezenta în format: *Times New Roman*; *Font size 10*; *Space 1,0*. Volumul fiecărei adnotări nu va depăși 1500 caractere, inclusiv spațiu.

II. Textul lucrării:

Volumul maxim nu va depăși 1,5 c.a., inclusiv bibliografia și ilustrațiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în manuscris și în format electronic: *Times New Roman*; *Font size 12*; *Space 1,5*.

III. Planșele cu materialul ilustrativ

Planșele, în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziției fiecărui obiect. Planșele trebuie să fie numerotate. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoțit de o listă a planșelor cu o legendă exhaustivă. În cazul lucrărilor în limba rusă și română legendele planșelor trebuie să fie asociate de o traducere în engleză, franceză sau germană. Planșele și lista planșelor se va prezenta și în format electronic (TIF – nu mai puțin de 600 dpi).

IV. Bibliografie

Notele bibliografice din text se prezintă în original.

Exemple de note bibliografice în text (Petrahe 1999, 15, fig. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6; Петров 1999, 15, рис. 3,4-6)

Lista bibliografică se prezintă în ordine alfabetică la sfârșitul textului, conform condițiilor următoare:

Modul de citare a monografiilor:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări științifice:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? – Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб: (Отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediții periodice (reviste, jurnale etc.):

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement à la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Modul de citare a rezumatelor publicate în volumele de simpozioane, conferințe și seminare științifice:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tatărăuca Noua-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Савва 1993: Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н. э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Modul de citare a rapoartelor științifice și actelor de arhivă:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Perieghze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MAE IAE AȘM. Nr. inv. 358 (Chișinău 1996).

Агульников 1987: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив МАЭ ИАЭ АН РМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. Lista abrevierilor

VI. Date despre autor:

numele, prenumele, gradul științifico-didactic, funcția, instituția, adresa, telefon, fax, e-mail.

Recenzii, prezentări de cărți, personalii, antologii etc.

Materialele se prezintă în redacția autorului, dar trebuie să corespundă normelor stabilite (*Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*). Volumul maxim – 0,5 c.a. (20000 caractere, inclusiv spațiu)

Termenul limită de prezentare a lucrărilor pentru volumul VI, nr. 1-2 este 31 august 2010

Manuscrisele și varianta electronică pot fi prezentate direct la redacție sau trimise prin poștă pe adresa: Colegiul de redacție *Revista Arheologică*, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare, 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova.

Informații suplimentare pot fi solicitate: tel: (037322) 27 06 02; 26 09 56(57)

E-mail: ipatrimoniu@asm.md; dergaciov@mdl.net

ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ *АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА*

Уважаемые коллеги,

Институт культурного наследия Академии наук Молдовы приглашает Вас принять участие в издании *Археологического Журнала* – том VI, № 1-2

Основные положения:

В журнале будут опубликованы работы по археологии и междисциплинарным наукам, которые освещают результаты исследований в Карпато-Балканском регионе и соседних территорий.

Основные рубрики журнала:

- аналитические работы
- материалы и результаты полевых исследований
- музеография
- междисциплинарные исследования
- рецензии
- антологии
- персоналии
- хроника научных исследований

Все виды работ могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком или французском языке.

Основные требования к работам аналитического характера, материалам полевых исследований, статьям по музеографии и междисциплинарным исследованиям

Структура этих работ должна быть следующей:

I. Аннотация

Перед основным текстом должна быть аннотация на трех языках: румынском*; русском; английском, немецком или французском. Объем каждой аннотации не должен превышать 1500 символов. Аннотации представляются в формате: *Times New Roman; Font size 10; Space 1,0*.

II. Рукопись основного текста:

Текст представляется в виде рукописи и в электронном варианте в формате: *Times New Roman; Font size 12 pt; Space 1,5*. Максимальный объем рукописи 1,5 а.л., включительно иллюстрации и список литературы

III. Иллюстрации

Представляются на формате А4 в четком графическом изображении. Каждый рисунок должен быть пронумерован и сопровожден легендой. В случае работ на русском или румынском языке легенды рисунков должны быть переведены на английский, немецкий или французский язык.

Желательно представить иллюстрированный материал и в электронном виде (*TIF*, не менее 600 dpi)

IV. Библиография

Сноски на библиографию в основном тексте даются в оригинале согласно следующей форме: (Петров 1999, 15, рис.3,4-6); (Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6).

Список использованной литературы представляется в алфавитном порядке в конце основного текста, с учетом следующих требований.

* Редколлегия может обеспечить перевод аннотации на румынский язык.

Примеры для монографий:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? – Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: B. Hänsel und J. Machnik (Hrsg.), Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement à la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tatărăuca Noua-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Савва 1993: Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н. э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Примеры для научных отчетов и архивных материалов:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Perieghize arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MAE IAE AȘM. Inv. nr. 358 (Chișinău 1996).

Агульников 1987: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив МАЭ ИАЭ АН РМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. Список сокращений**VI. Сведения об авторе:**

ФИО, научное звание, должность, место работы, почтовый адрес, телефон, факс, e-mail

Рецензии, персоналии, антологии и пр.

Такие работы могут быть представлены в произвольной форме, однако с учетом технических требований, предусмотренных для издания журнала (*Times New Roman; Font size 12 cm; Space 1,5*). Максимальный объем рукописи 0,5 а.л. (не более 20000 символов)

Последний срок сдачи материалов в том VI, № 1-2, 31 августа 2010

Рукописи и электронный вариант на дискете могут быть высланы обычной почтой или непосредственно представлены в редакцию журнала по адресу: Редакция *Археологического Журнала*, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова.

Дополнительная информация может быть получена по тел. (037322) 27 06 02; 26 09 56(57)

E-mail: ipatrimoniu@asm.md; dergaciov@mdl.net

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE

Dear colleagues,

The Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova invites you to take part in the issue of the *Archaeological Magazine* – Vol. V, Nr. 1-2

The Main Provisions

Papers on Archaeology and applied sciences, which unveil the results of the surveys in the Carpathian-Balkan region and the adjacent territories, will be published in this review.

The main rubrics of the review are as follows:

- analytical works,
- materials and results of the field surveys,
- museum articles,
- applied researches,
- reviews,
- anthologies,
- personalities,
- chronicles of researches.

All these types of papers will be presented in Romanian; Russian; English, German or French.

The editorial board of the review reserves the right to send the manuscripts for additional reading.

The main requirements for analytical papers, materials of field surveys, articles on museum matters and applied researches

Analytical papers, materials and results of field surveys, articles on museum matters and applied researches must meet the special requirements.

The structure of these papers must be as follows:

I. Annotation (summary)

An annotation in three languages: Romanian, Russian, English, German or French must precede the main text*. The volume of each annotation must not exceed 1500 symbols. The annotations must be presented in the following format: *Times New Roman; Font size 10; Space1,0*.

II. The main text

The main text must be presented in the form of a manuscript in an electronic version: *Times New Roman; Font size 10; Space1,5*. The maximal volume of a manuscript must be 1.5 author's list, including the illustrations and the list of literature (bibliography).

III. Illustrations

The illustrations must be presented in an A4 format in a graphic representation. Each illustration (figure) must bear a numeric sign and a legend. If a paper is in Russian or Romanian, the legends of the illustrations must be translated in English, German or French. It is desirable to present illustration in an electronic format (TIF).

IV. Bibliography

The references must be given in the original language in accordance with the following form (Петров 1999, 15, рис.3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6).

* The editorial board is ready to provide for the translation of the annotation in Romanian and Russian

The list of the used literature must be given in an alphabetic order at the end of the main text, but with observing the following requirements.

Samples for Monographs:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).
Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Samples for Papers, published in the reviews:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? – Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: B.Hänsel und J. Machnik (Hrsg.), Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998) 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969) 110-122.

Samples for Papers, published in the periodicals:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement à la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Samples for Papers, published in the papers of conferences and seminars:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tatărăuca Noua-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Савва 1993: Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н. э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Samples for Scientific reports and archives:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Perieghze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MAE IAE AȘM. Inv. nr. 358 (Chișinău 1996).

Агульников 1987: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив МАЭ ИАЭ АН РМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. The List of the Abbreviations

VI. The Data on the Author

Surname, first name, position, place of work, postal address, telephone, fax, e-mail

The main requirements for reviews, anthologies, reviews and other papers

Such papers can be presented in a free form, but with taking into consideration the technical requirements, accepted for the Review: *Times New Roman; Font size 10; Space 1,5*. The maximal volume must be 0,5 author's list or not more than 2000 symbols

The deadline for submitting papers vol. V, nr. 1-2 is August 31, 2010

The manuscripts and the electronic version on a diskette can be sent by post or directly to the editorship of the Review to the following address: The editorship of the *Archaeological Magazine*, Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova, bul. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

The additional information can be obtained on telephone: (037322) 27 06 02; 26 09 56(57)

E-mail: ipatrimoniu@asm.md; dergaciov@mdl.net

LISTA

Instituțiile de profil de peste hotare cu care Centrul de Arheologie al IPC AȘM întreține relații de colaborare științifică și efectuează schimb de publicații

1. *Eurasien Abteilung des Deutsches Archäologisches Instituts*, Im Dol 2-6, D-14195, Berlin
2. *Institut für Prähistorische Archäologie Freien Universität Berlin*, Altensteinstraße 15, D-14195, Berlin, Deutschland
3. *Bibliothèque de Préhistoire LAMPEA–MMSH 5*, rue du Château de L'Horologe, B.P.647 13094 Aix-en-Provence Cedex 2 (France)
4. MTA Rêgészeti Intèzete Budapest, Uri u. 49, 10145
5. Археологически институт с музей, Българска та Академия на Науките (БАН), Съборна, 2 1000, София, България
6. *Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan”*, Academia Română, Henri Coandă nr.11, București, România, 71119
7. *Institutul de Arheologie*, Academia Română – Filiala Iași, Lascăr Catargiu nr. 18, Iași, România, 700107
8. *Institutul de Arheologie și Istorie a Artelor*, Academia Română – Filiala Cluj, Constatin Daicovicu nr. 2, Cluj Napoca, România, 400020
9. *Centrul Internațional de cercetare a culturii Cucuteni* – Muzeul de Istorie și Arheologie Piatra Neamț, Mihai Eminescu nr. 10, Piatra Neamț, România, 610029
10. *Asociația de studii pentru arheologie funerară* - Institutul de cercetări eco-muzeale, 14 noiembrie nr. 3, Tulcea, România, 38800
11. *Институт Археологии*, Российская Академия Наук, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, Россия, 117036
12. *Институт Истории Материальной Культуры*, Российская Академия Наук, Дворцовая Набережная 18, Санкт-Петербург, Россия, 191065
13. *Институт Археології*, Національна Академія Наук України, вул. Героїв Сталинграду 12, Київ, Україна, 04210
14. *Государственный Эрмитаж*, Дворцовая Набережная 34, Санкт-Петербург, Россия, 191065
15. *Одеський Археологічний Музей*, Національна Академія Наук України, вул. Ланжеронівська 4, Одеса, Україна, 65026
16. *Кафедра археологии исторического факультета*, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Россия, 119990
17. *Кафедра археологии исторического факультета*, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Менделеевская Линия, 5, Санкт-Петербург, Россия, 191065
18. *Кафедра археології та музеєзнавства. Історичний факультет*, Київський Національний Університет ім. Тараса Шевченка, вул. Владимирська, 64, 01 033 Київ – 33, Україна
19. *Археологічна лабораторія*. Запорізький Національний Університет, вул. Жуковського 66, м. Запоріжжя, Україна, МСП-41, 69600
20. Археологічний науково-дослідний центр «Спадщина», Східноукраїнський Національний Університет ім. Володимира Даля, Квартал Молодіжний 20-а, Луганськ, Україна, 91034

REVISTA ARHEOLOGICĂ serie nouă, vol. V, nr. 1

Redactare: Vlad Vornic, Oleg Levițki, Nicolai Telnov, Larisa Ciobanu, Maia Kașuba

Machetare computerizată: Viorel Popa

Bun de tipar: 18.01.2010

Formatul 60x84 1/8

Coli de tipar: 14,25. Comanda 973, Tiraj 200 ex.

Întreprinderea de Stat, Firma Editorial-Poligrafică “Tipografia Centrală”,

MD-2068, Chișinău, str. Florilor, 1

tel. 43-03-60, 49-31-46